ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЙ.

МОСКВА.

1878.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II[й].

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.

1878.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

(Конецъ 1768-го и 1769-й годъ).

Привитіе оспы императрицѣ и наслѣднику престола; торжество по этому случаю. — Извѣстіе о разрывѣ мира Турками; письма Екатерины по этому случаю къ Солтыкову и И. Г. Чернышеву. — Учрежденіе Совѣта. — Приготовленія къ войнѣ. — Назначеніе кн. А. М. Голицына и гр. Румянцева главнокомандующими двухъ дѣйствующихъ армій. — Предложеніе Орлова объ экспедиціи въ Средиземное море. — Эмиссары къ христіанскому народонаселенію Балканскаго полуострова. — Усиленный наборъ. — Учрежденіе ассигнаціоннаго банка. — Учрежденіе ордена св. Георгія. — Нападеніе крымскихъ татаръ. — Дѣйствія первой арміи. — Отозваніе кн. Голицына и назначеніе на его мѣсто Румянцева, а главнокомандующимъ второю арміею гр. П. И. Панина. — Занятіе Хотина и Дунайскихъ Княжествъ. — Утвержденіе на берегахъ Азовскаго моря. — Строеніе кораблей тамъ. — Помощь грузинскимъ владѣльцамъ. — Дѣйствія на Кубани. — Вѣсть о движеніи магометанскаго народонаселенія въ Россіи и мѣры для его предупрежденія. — Порта старается склонить Запорожцевъ къ измѣнѣ. — Планъ отвлеченія татаръ отъ Порты, составленный въ Петербургѣ. — Морская экспедиція къ берегамъ Греціи. — Гр. Алексѣю Орлову поручено руководить возстаніемъ турецкихъ христіанъ.— Воззваніе къ нимъ. — Отношенія къ Черной Горѣ. — Степанъ Малый. — Сношенія съ Венеціею.—Пребываніе кн. Юрія Долгорукаго на Черной Горѣ.—Сношенія съ Паоли. — Переписка Екатерины съ Бельке и Вольтеромъ по поводу войны. — Отношенія къ Польшѣ; смѣна Репнина Волконскимъ. — Продленіе союза между Россіею и Пруссіею. — Намѣреніе Австріи сблизиться съ Пруссіею, чтобъ сдержать Россію. — Свиданіе императора Іосифа съ Фридрихомъ II въ Нейссе. — Отношенія къ Франціи, Даніи, Швеціи и Англіи.

Въ началѣ октября 1768 года дворъ и высшее общество въ С.-Петербургѣ были чѣмъ-то озабочены; съ иностранцами не говорили о важномъ предметѣ, который всѣхъ занималъ; но провѣдать о немъ было не трудно: императрица была намѣрена при-

вить себѣ и наслѣднику престола оспу. Страшный бичъ давно уже опустошалъ Европу, не щадя никого; средствъ противъ него не было у науки. Наконецъ придумано предохранительное средство, прививаніе оспеннаго яда. Но легко понять, какое впечатлѣніе было произведено этимъ средствомъ на большинство: брать ядъ отъ больного, вносить его въ здоровый организмъ! Медики вопили противъ безумной новизны, вопили противъ нея проповѣдники съ каѳедръ церковныхъ. Но средство своею дѣйствительностію пріобрѣтало все болѣе и болѣе довѣрія, и Екатерина рѣшилась собственнымъ примѣромъ уничтожить колебаніе русской публики и предохранить свой народъ отъ страшнаго бѣдствія. Побужденія свои она всего лучше объясняетъ въ письмѣ къ Фридриху II-му, который былъ противъ привитія оспы: «Съ дѣтства, пишетъ императрица, меня пріучили къ ужасу предъ оспою, въ возрастѣ болѣе зрѣломъ мнѣ стоило большихъ усилій уменьшить этотъ ужасъ, въ каждомъ ничтожномъ болѣзненномъ припадкѣ я уже видѣла оспу. Весной прошлаго года, когда эта болѣзнь свирѣпствовала здѣсь, я бѣгала изъ дома въ домъ, цѣлые пять мѣсяцевъ была изгнана изъ города, не желая подвергать опасности ни сына, ни себя. Я была такъ поражена гнусностію подобнаго положенія, что считала слабостію не выйти изъ него. Мнѣ совѣтовали привить оспу сыну. Я отвѣчала, что было бы позорно не начать съ самой себя, и какъ ввести оспопрививаніе, не подавши примѣра? Я стала изучать предметъ, рѣшившись избрать сторону, наименѣе опасную. Оставаться всю жизнь въ дѣйствительной опасности съ тысячами людей, или предпочесть меньшую опасность, очень непродолжительную и спасти множество народа? Я думала, что избирая послѣднее, я избрала самое вѣрное». Выписанъ былъ изъ Англіи искусный докторъ Димсдаль, у котораго изъ 6000 подвергшихся оспопрививанію умеръ только одинъ трехлѣтній ребенокъ. 12 октября 1768 года императрица привила себѣ оспу, и ея примѣру немедленно послѣдовало множество знати. «Весь Петербургъ, писала Екатерина, хочетъ прививать себѣ оспу, и тѣ, которые привили, чувствуютъ себя хорошо. Я была очень удивлена, увидавши послѣ операціи, что гора родила мышь; я говорила: стоило же кричать противъ этого и мѣшать людямъ спасать свою жизнь такими пустяками! Я не ложилась въ постель ни на минуту и

принимала людей каждый день. Генералъ фельдцейгмейстеръ графъ Орловъ, этотъ герой, подобный древнимъ римлянамъ лучшихъ временъ республики по храбрости и великодушію, привилъ себѣ оспу, и на другой день послѣ операціи отправился на охоту въ страшный снѣгъ [1].»—Черезъ недѣлю привита была оспа великому князю.

22 ноября сенатъ, депутаты коммиссіи новаго Уложенія и члены всѣхъ присутственныхъ мѣстъ собрались въ соборную церковь Рождества Богородицы (Казанскій соборъ), гдѣ послѣ обѣдни читанъ былъ сенатскій указъ, которымъ на будущіе годы 21 ноября устанавливалось по всей Россіи торжество въ память привитія себѣ оспы императрицею и великимъ княземъ, въ память «великодушнаго, знаменитаго и безпримѣрнаго подвига». По прочтеніи указа и по выслушаніи молебна сенаторы, депутаты коммиссіи и члены коллегій и канцелярій отправились во дворецъ благодарить государыню и поздравить съ выздоровленіемъ, причемъ старшій сенаторъ, графъ Кириллъ Разумовскій говорилъ рѣчь: «Прими всемилостивѣйшая императрица изъ устъ нашихъ усерднѣйше приносимое тебѣ отъ всего народа поздравленіе о исцѣленіи твоей собственной особы и твоего вселюбезнѣйшаго сына и наслѣдника. Прими и благодареніе чистосердечное за спасеніе на будущія времена безчисленныхъ твоихъ рабовъ. Всякой возрастъ и обоего пола родъ человѣческій объемлетъ твои нынѣ стопы, почитая въ тебѣ Божію ко спасенію своему посредницу, и твоимъ примѣромъ научася, призоветъ Бога въ помощь, да исцѣлѣетъ онъ и домъ его отъ неминуемой язвы посредствомъ врачеванія, тобой нынѣ оживотвореннаго». Екатерина отвѣчала: «Мой предметъ былъ своимъ примѣромъ спасти отъ смерти многочисленныхъ моихъ вѣрноподданныхъ, кои не знавъ пользы сего способа, онаго страшася, оставалися въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія моего, ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы. Вы можете увѣрены быть, что нынѣ и паче усугублять буду мои старанія и попеченія о благополучіи всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ вообще и каждаго особо».

Отъ коммиссіи Уложенія говорилъ рѣчь депутатъ, Гавріилъ епископъ Тверской: «Ваше намѣреніе чтобы законодательствомъ привесть Россію къ такому совершенству, дабы россійскій на-

родъ, сколько возможно по человѣчеству, въ свѣтѣ благополучнѣйшимъ и паче всѣхъ справедливостію процвѣтающимъ былъ. Ваши премудрыя предписанія руководящія насъ къ тому, наполняютъ насъ отмѣннымъ къ в. и. в—ству усердіемъ, любовію и благоговѣніемъ. Ваше умножающееся благополучіе жизнь вашу дѣлаетъ намъ драгоцѣнною; но при всемъ томъ едино еще оставалось что насъ смущало, опасность той язвы, которую климатъ сей дѣлаетъ всѣмъ общею: в. и. в—ство, желая совершить и утвердить наше блаженство, наше смущеніе своимъ великодушіемъ утишили, и, принявъ на себя опытъ опасный, опасность нашу отвратили.» Еактерина отвѣчала, что съ удовольствіемъ принимаетъ поздравленіе депутатовъ и не сомнѣвается въ ихъ искренности, ибо ежедневно видитъ, съ какою ревностію и усердіемъ трудятся они въ порученномъ имъ дѣлѣ; они могутъ ожидать всегдашнихъ знаковъ ея благоволенія, ибо она смотритъ на ихъ труды, какъ на полезнѣйшіе для всѣхъ и каждаго [2].—Семилѣтнему младенцу Александру Маркоку, отъ котораго взята была оспенная матерія для императрицы, пожаловано было дворянское достоинство, причемъ онъ изъ Маркока переименованъ былъ Оспеннымъ. Димсдаль пожалованъ барономъ, лейбъ-медикомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и ежегодною пенсіею въ 500 фунтовъ стерлинговъ, за то, что какъ самой императрицѣ и великому князю, такъ и множеству жителей столицы «весьма попечительно, искусно и счастливо прививалъ оспу и разрушилъ, для пользы всенародной, гидру предубѣжденія относительно къ сей понынѣ толь бѣдственной болѣзни.» [3].

Но среди этихъ торжествъ, поздравленій, императрица была сильно озабочена турецкою войною, совершенно неожиданною, къ которой Россія вовсе не была готова. Екатерина писала въ Москву графу Петру Семенов. Солтыкову: «Возвратясь перваго числа ноября изъ Царскаго Села, гдѣ я имѣла оспу, во время которой запрещено было производить дѣла, нашла я здѣсь полученное извѣстіе о заарестованіи моего резидента Обрѣзкова въ Цареградѣ, каковой поступокъ не инако могъ принятъ быть какъ объявленіе войны: и такъ нашла я за необходимое приказать нашему войску собираться въ назначенныя мѣста, команды же я поручила двумъ старшимъ генераламъ, т.-е. главной арміи

князю Голицыну, а другой графу Румянцеву: дай Боже первому счастіе отцовское, [4] а другому также всякое благополучіе. Еслибъ я турокъ боялась, такъ мой выборъ палъ неизмѣнно на лаврами покрытаго фельдмаршала Солтыкова; но въ разсужденіи великихъ безпокойствій сей войны, я разсудила отъ обремененія поберечь лѣта сего именитаго воина, безъ того довольно имѣющаго славы. Я совершенно увѣрена, что на кого изъ моихъ генераловъ ни палъ бы мой выборъ, всякій бы лучше былъ соперника визиря, котораго непріятель нарядилъ. На начинающаго Богъ! Богъ же видитъ, что не я зачала, не первый разъ Россіи побѣждать враговъ; опасныхъ побѣждала и не въ такихъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ находится: такъ и нынѣ отъ Божескаго милосердія и храбрости Его народа сего добра ожидать.» Въ письмахъ Екатерины за границу къ графу И. Григ. Чернышеву выражается тоже одушевленіе и надежда на успѣхъ: «Туркамъ съ французами заблагоразсудилось разбудить кота, который спалъ; я сей котъ, который имъ обѣщаетъ дать себя знать, дабы память не скоро исчезла. Я нахожу, что мы освободились отъ большой тяжести, давящей воображеніе, когда развязались съ мирнымъ договоромъ; надобно было тысячи задабриваній, сдѣлокъ и пустыхъ глупостей, чтобы не давать туркамъ кричать. Теперь я развязана, могу дѣлать все, что мнѣ позволяютъ средства, а у Россіи, вы знаете, средства не маленькія, и Екатерина II иногда строитъ всякаго рода испанскіе за́мки, и вотъ ничто ея не стѣсняетъ, и вотъ разбудили спавшаго кота, и вотъ онъ бросится за мышами, и вотъ вы кой-что увидите, и вотъ объ насъ будутъ говорить, и вотъ мы зададимъ звонъ, какого не ожидали, и вотъ турки будутъ побиты.» [5].

Первою мыслію Екатерины послѣ полученія извѣстія о разрывѣ, было возстановленіе елисаветинской конференціи, о чемъ она объявила Панину. Мы знаемъ, какъ относился онъ къ елисаветинской конференціи, въ возстановленіи которой видѣлъ конецъ своей власти и вліянія. Но Екатерина не любила медлить въ подобныхъ обстоятельствахъ; она пишетъ ему: «Прошу васъ мнѣ сказать по совѣсти, кого вы думаете лучше посадить въ совѣтъ, о которомъ мы говорили. Напишите хотя теперь на цидулкѣ.» [6]. Какъ быть? Отъ совѣта не отдѣлаться! по крайней мѣрѣ пусть онъ не будетъ такъ похожъ на елисаветинскую

конференцію, не будетъ постояннымъ. Кого посадить? не назвать Григорья Орлова—явно показать свою враждебность и возбудить противъ себя непріятное чувство въ государынѣ; да хотя бы и не назвать, все же назначать; надобно назвать и обставить его другими такъ, чтобъ не былъ опасенъ. Панинъ отвѣчаетъ: «Я обязанъ в. в—ству прямодушно сказать, что отъ сегодня до завтра никакъ невозможно вдругъ учредить непремѣнный совѣтъ или конференцію для теченія дѣлъ и ихъ отправленія, да и сіе на первый годъ истинно не нужно, а можетъ быть затруднительно въ разсужденіи скорости времени, ибо на такое основаніе много дней пройти можетъ въ единомъ распоряженіи обряда, по которому вести дѣла и ихъ отправленія. И такъ на единый завтрашній день не изволитель в. и. в—ство назначить въ своихъ покояхъ чрезвычайное собраніе, каковы въ царствованіе ваше уже бывали и каковы и прежде при предкахъ вашихъ бывали по всякимъ чрезвычайнымъ происшествіямъ, да и въ самое время непремѣннаго кабинета импер. Анны I. А на сихъ основаніяхъ и по сущей непорочности души моей во всѣхъ ея мысляхъ предъ вами, пріемлю смѣлость представить нужду настоящаго совѣта въ слѣдующихъ персонахъ, чтобъ онѣ, разсуждая между собою, согласили разные предметы дѣлъ и постановили предъ очами в. в—ства планъ первому на то движенію, а именно: графъ Григорій Григорьевичъ (Орловъ) по особливой довѣренности къ нему и его такойже должной привязанности къ славѣ, пользѣ и спокойствію в. величества, какъ и по его главному управленію артиллерійскимъ корпусомъ.» Потомъ Панинъ называетъ графа Захара Чернышева по его мѣсту въ военной коллегіи, генераловъ, которые могутъ быть назначены главнокомандующими, генералъ-прокурора князя Вяземскаго для финансовъ, себя, Панина и вице-канцлера, князя Голицына; въ заключеніе говоритъ: «И наконецъ не соизволитель указать тутъ же призвать фельдмаршала графа Разумовскаго, хотя бы сіе только было въ разсужденіи знатности перваго вашего класса, чѣмъ импрессія особливо у другихъ дворовъ еще важнѣе и рѣшительнѣе будетъ, ибо по обращенію его при дворѣ его считаютъ въ довѣренности у в. в—ства, а тѣмъ самымъ тѣмъ болѣе удостовѣрятся о согласіи и единодушіи предпринятыхъ мѣръ вслѣдствіе держащагося совѣта.» [7].

4 ноября, въ 10 часовъ по утру, по особливому ея и. в—ства повелѣнію, собрались ко двору назначенныя наканунѣ лица: графъ Разумовскій, князь Александръ Мих. Голицынъ (генералъ-аншефъ), графъ Никита Ив. Панинъ, графъ Захаръ Григ. Чернышевъ, графъ Петръ Ив. Панинъ, князь Михаилъ Никит. Волконскій, князь Александръ Мих. Голицынъ (вице-канцлеръ), графъ Григорій Григ. Орловъ, князь Вяземскій. Ихъ ввели въ особо назначенную для совѣта комнату, куда явилась сама императрица, и начала засѣданіе словами: «По причинѣ поведенія турокъ, о чемъ графъ Н. И. Панинъ изъяснитъ, я принуждена имѣть войну съ Портой; но нынѣ васъ собрала для требованія отъ васъ разсужденія къ формированію плана: 1) Какой образъ войны вести; 2) гдѣ быть сборному мѣсту; 3) какія взять предосторожности въ разсужденіи прочихъ границъ имперіи. Въ подробности время не дозволяетъ входить; оныя оставить исполнительнымъ мѣстамъ, какъ-то: военной коллегіи по ея дѣламъ, иностранной по ея дѣламъ. Графъ З. Г. Чернышевъ объявитъ вамъ, въ какомъ распредѣленіи теперь войска наши находятся и краткое извѣстіе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ прежнюю войну. Денежные способы если кто примыслитъ съ меньшимъ народнымъ отягощеніемъ, то имѣетъ оные объявить, ибо они впередъ годятся, а на теперешніе случаи исправиться можно».

Когда императрица кончила, графъ Н. И. Панинъ сталъ читать изложеніе событій, поведшихъ къ войнѣ: выходило, что Россія не упустила ни одного случая уничтожить всѣ недоразумѣнія мирнымъ образомъ, что Порта зачинщица войны. Послѣ Панина графъ Чернышевъ прочелъ изложеніе войны Россіи съ Турціей при императрицѣ Аннѣ; въ заключеніе объявилъ въ какомъ состояніи находится теперь войско и въ какихъ мѣстахъ расположено.

По вопросу о предосторожностяхъ относительно другихъ границъ имперіи, Панинъ утверждалъ, что по отношеніямъ къ Швеціи, нѣтъ никакой опасности съ финляндской стороны; можно оставить одни гарнизоны въ крѣпостяхъ. Но Чернышевъ утверждалъ, что надо бы оставить на сѣверѣ нѣсколько полковъ по причинѣ близости къ границѣ столичнаго города. Съ эстляндской стороны положили оставить полка два; съ лифлянд-

ской два полка кирасиръ и три полка пѣхоты; съ смоленской два полка пѣхотныхъ и три конныхъ; для защиты астраханскихъ границъ перевесть изъ Оренбурга два полка. Но Чернышевъ вспомнилъ о частыхъ тревожныхъ вѣстяхъ съ востока, съ поволжья, и предложилъ, что для внутренняго спокойствія нужно оставить одинъ драгунскій полкъ въ Симбирскѣ; Екатерина прибавила, что нельзя ли употребить для этой же цѣли отрядъ изъ казанскихъ татаръ. Въ Москвѣ бывали всегда три полка: положили оставить только два полка и сдѣлать разсмотрѣніе о убавкѣ карауловъ.

На вопросъ: какую вести войну? собраніе единогласно объявило, что надобно вести войну наступательную; говорили, что надо бы предупредить непріятеля. Тутъ Орловъ сдѣлалъ неожиданное предложеніе: «Когда начинать войну, то надлежитъ имѣть цѣль, на какой конецъ оная приведена быть можетъ, а ежели инако, то не лучше ли изыскивать другой способъ къ избѣжанію». Панинъ былъ видимо смущенъ этимъ предложеніемъ своего противника, тѣмъ болѣе, что Орловъ, какъ хорошо знали, заявлялъ мнѣнія императрицы, а если и свои, то съ ея согласія. Панинъ отвѣчалъ не на вопросъ: «Желательно, сказалъ онъ, чтобъ война могла кончиться скоро: къ этому способъ—собравши всѣ силы, наступать на непріятеля и тѣмъ привести его въ порабощеніе». Орловъ замѣтилъ на это, что вдругъ рѣшительнаго дѣла сдѣлать нельзя.—«Надобно стараться, отвѣчалъ Панинъ, войско непріятельское изнурять и тѣмъ принудить, дабы оно такое же произвело дѣйствіе въ столицѣ къ миру, какъ оно требовало войны».

Положили раздѣлить армію на три части: на корпусъ наступательный до 80,000 человѣкъ; оборонительный или украинскій до 40,000, и обсерваціонный отъ 12 до 15,000. Въ концѣ засѣданія Орловъ предложилъ послать, въ видѣ вояжа, въ Средиземное море нѣсколько судовъ и оттуда сдѣлать диверсію непріятелю; но чтобъ это было сдѣлано съ согласія англійскаго двора. Это предложеніе было оставлено до будущаго разсужденія.

Черезъ день, 6 ноября другое засѣданіе совѣта. При чтеніи журнала прошедшаго засѣданія перемѣнили: съ лифляндской стороны вмѣсто трехъ пѣхотныхъ полковъ оставили только

два. Относительно операціоннаго плана положили: если турки вмѣстѣ съ польскими конфедератами пойдутъ въ Польшу въ лѣвую сторону, то командующему русскимъ наступательнымъ корпусомъ довольствоваться удаленіемъ отъ генеральнаго сраженія и распорядиться такъ, чтобъ привести въ безопасность свои границы, также прикрывать часть Польши и особенно Литву, чтобъ этимъ не только сохранить свои силы, но доставить безопасность и находящимся въ Польшѣ друзьямъ, а непріятеля, проводя маршами до осени, привести въ изнуреніе, не обращая вниманія на то, что онъ разоритъ часть Польши; стараться выставлять ему всевозможныя препятствія въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ при возвращеніи его къ своимъ границамъ и при удобномъ случаѣ воспользоваться его изнеможеніемъ. Если же турки замедлятъ вступленіемъ въ Польшу, то поскорѣе взять Каменецъ и, устроя магазины, стать около этой крѣпости, если же окажется, что турецкаго войска не много и можно взять надъ нимъ верхъ, то овладѣть Хотиномъ.

Въ это засѣданіе Екатерина уже сама предложила на обсужденіе вопросъ Орлова о цѣли войны въ такой формѣ: «къ какому концу вести войну и въ случаѣ нашихъ авантажей какія выгоды за полезнѣе положить?» Отвѣчали, что при заключеніи мира надобно выговорить свободу мореплаванія на Черномъ морѣ и для этого еще во время войны стараться объ учрежденіи порта и крѣпости; а со стороны Польши установить такія границы, которыя бы никогда не нарушали спокойствіе. Въ этомъ же засѣданіи назначены были старшіе генералы: для наступательнаго войска князь Александръ Мих. Голицынъ, для оборонительнаго графъ Румянцевъ. Голицынъ, находившійся тутъ, на колѣняхъ благодарилъ за оказываемую ему довѣренность. Въ этомъ назначеніи Голицына видѣли торжество Чернышева, которому такимъ образомъ удалось удалить нелюбимыхъ генераловъ—Петра Ив. Панина вовсе, а Румянцева на второй планъ.

Мы видѣли, что въ первомъ же засѣданіи своемъ совѣтъ обратился къ исторіи для уясненія дѣла, къ послѣдней войнѣ турецкой. Въ третьемъ засѣданіи, 12 ноября, генералъ-прокуроръ опять обратился къ мѣрамъ, какія были приняты въ 1737 году относительно продовольствія арміи; а графъ Петръ Ив. Панинъ предложилъ, что надобно составить историческое описаніе послѣд-

ней турецкой войны. Послѣ этого императрица спросила: «Если кто что придумалъ для пользы настоящихъ дѣлъ, то можетъ оное предложить». Тутъ объяснилось, зачѣмъ въ первое засѣданіе Орловъ спрашивалъ о цѣли войны, зачѣмъ во второе сама Екатерина повторила вопросъ: Орловъ сталъ читать свое мнѣніе «объ экспедиціи въ Средиземное море». Послѣ разныхъ разсужденій объ этомъ мнѣніи положили: отправить въ Морею, къ Далматамъ, въ Грузію и ко всѣмъ народамъ нашего закона живущимъ въ турецкихъ областяхъ для разглашенія, что Россія принуждена вести войну съ турками за законъ; а къ Черногорцамъ для того послать, что если экспедиція состоится, то по положенію земли ихъ можно имѣть въ ней безопасное пристанище. Вице-канцлеръ представилъ списокъ народовъ желающихъ по единовѣрію быть подъ властію Россіи. Планъ былъ составленъ на основаніи извѣстій, привезенныхъ съ мѣста разными эмиссарами. Еще въ 1763 году, когда со стороны Турціи начала грозить опасность вслѣдствіе вмѣшательства ея въ польскія дѣла, графъ Григорій Орловъ отправилъ къ *спартанскому народу* двоихъ грековъ, Мануила Саро и артиллерійскаго офицера Папазули. Саро возвратился изъ своей поѣздки въ маѣ 1765 года и привезъ извѣстіе, что спартанскій народъ христіанскаго закона и греческаго исповѣданія, и хотя живетъ въ турецкихъ владѣніяхъ, но туркамъ не подчиненъ и ихъ не боится, даже воюетъ съ ними; живетъ между горами и въ такихъ мѣстахъ крѣпкихъ, что туркамъ и подступиться къ нему едва возможно. Какъ скоро греки услыхали отъ Саро предложеніе, чтобъ въ случаѣ войны Россіи съ турками, возстали противъ послѣднихъ, то старшины или капитаны: Трупаки, Дмитряки, Кумудуро, Мавромихали, Фока и другіе созвали большое собраніе и объявили, что противъ турокъ, какъ непріятелей православной христіанской вѣры, рады стоять съ немалою силою, причемъ одинъ грекъ, Бинаки, богатый и почтенный *дворянинъ*, говорилъ въ собраніи, что онъ подниметъ и лакедемоновъ, турецкихъ подданныхъ, только бъ быть имъ подъ покровительствомъ русской государыни. Есть еще народъ вольный греческій, область большая, называемая Кароміро; капитаны ея—Стафа, Букувало, Макрипули, Жудро и другіе, по своему православію, въ турецкомъ подданствѣ быть не хотятъ, поднимутся противъ турокъ съ великою радо-

стію и могутъ къ себѣ пригласить множество другихъ грековъ. Есть также провинція Химара, народъ въ ней вольный, называемый Малой Эльбаніи (говоритъ и погречески), турку никогда не покорялся, закона православнаго греческаго, въ состояніи воевать противъ турка съ немалою силою, изъ этого народа король неополитанскій содержитъ цѣлый полкъ. Въ этихъ областяхъ Саро и Папазули были сами и обнадежены ихъ жителями, что если у Россіи съ турками будетъ война, то они всѣ единодушно встанутъ противъ Порты и могутъ соединиться всѣ въ одномъ мѣстѣ, потому что разстояніе между этими областями не болѣе 150 верстъ. «По моему усердію, писалъ Саро, смѣю представить о томъ, чтобъ отправить въ Средиземное море противъ турокъ 10 россійскихъ военныхъ кораблей и на нихъ нагрузить пушекъ довольное число: завидѣвши ихъ, греки бросились бы на соединеніе съ русскими; у грековъ есть свои немалыя суда, но ихъ надобно снабдить пушками; сами же греки народъ смѣлый и храбрый». Орловъ далъ Саро свидѣтельство за собственноручною подписью: «Симъ свидѣтельствую, что Мануилъ Саро былъ отъ меня посыланъ съ коммиссіею въ турецкую область 1763 года и исправлялъ тамъ ему порученное дѣло добропорядочно». Для исправленія того же дѣла въ Дунайскія области ѣздилъ болгаринъ Каразинъ.

Англійскій посланникъ Каткартъ въ донесеніяхъ своему двору оставилъ описаніе разговора своего съ однимъ изъ этихъ эмиссаровъ, который разсказывалъ, что сначала императрица и министры нашли проектъ сопряженнымъ съ большими затрудненіями, но потомъ принялись за него съ большимъ жаромъ. Въ Мореѣ, по словамъ эмиссара, много гаваней, много мореплавателей, мало турокъ и предосторожности. Греки жаждутъ свободы и небольшая помощь дастъ имъ возможность добыть ее, а укрѣпленіемъ Коринѳскаго перешейка сохранить ее. Албанія, Эпиръ, Занте, Кефалонія и сосѣдніе острова послѣдуютъ примѣру Мореи. Кандіи возстать трудно: на ней много турецкихъ крѣпостей; но можно укрѣпить одинъ или два острова на Архипелагѣ и тѣмъ воспрепятствовать снабженію Константинополя съѣстными припасами чрезъ Дарданеллы. У грековъ большія основанія ненавидѣть турецкое правительство, но они предпочитали его державамъ римско-католическаго исповѣданія, ибо турки отли-

чаются большею терпимостію; греки никогда не захотѣли бы принадлежать Австріи и ненавидятъ Францію. Съ обычною страстностію Екатерина занялась блестящимъ предпріятіемъ и начала близкимъ людямъ высказывать свои надежды. Черезъ четыре дня послѣ рѣшенія совѣта объ экспедиціи въ Средиземное море, Екатерина писала Ив. Григ. Чернышеву: «Я такъ разщекотала нашихъ морскихъ по ихъ ремеслу, что они огневые стали, а для чего, завтра скажу; если хочешь, самъ догадайся. Я на сей часъ сама за нихъ взялася, и если Богъ велитъ, увидишь чудеса». Чрезъ нѣсколько времени писала: «У меня въ отмѣнномъ попеченіи нынѣ флотъ, и я истинно его такъ употреблю, если Богъ велитъ, какъ онъ еще не былъ; а я уже нарядила не скажу куда, а матросы пьяные по улицѣ сказываютъ: въ Азоветъ идемъ» [8].

Борьбѣ дано было широкое основаніе, широкія размѣры. Надобно было подумать о средствахъ. Полки стягивались на югъ, обнажались другія границы, обнажались внутреннія области, опасное Поволжье. 16 ноября фельдмаршалъ Солтыковъ писалъ императрицѣ: «Въ Москвѣ и около оной воровство, разбоевъ весьма умножается; нынѣ полки выступили, особливо конной команды никакой не осталось и разъѣздовъ быть не изъ чего» [9]. Екатерина отвѣчала: «Призовите къ себѣ знатнѣйшихъ изъ разныхъ въ Москвѣ частей жителей, и съ ними поставя на мѣрѣ, какимъ образомъ для спокойствія ихъ самихъ учредить какъ конную, такъ и пѣшую команду для полиціи на собственномъ всѣхъ содержаніи и ко мнѣ немедленно пришлите. А какъ извѣстно, что многіе изъ московскихъ жителей имѣютъ при себѣ множество людей, въ томъ числѣ и гусаръ, то не можно ли изъ оныхъ составя команду, учредить въ городѣ патрули и, вооруживъ оныхъ, отдать въ вѣдомство полиціи» [10].

Но надобно было подумать объ усиленіи, въ случаѣ нужды, дѣйствующей арміи, о пополненіи убыли въ ней: 8 октября 1768 года велѣно было произвести со всего государства рекрутскій наборъ съ 300 душъ по одному; 14 ноября состоялъ указъ произвести еще такой же наборъ [11]. Положено было также взять въ солдаты незанятыхъ сыновей священнослужительскихъ и причетническихъ. Сдѣлано было вычисленіе: церквей въ Россіи въ наличности 17518, при нихъ священно и церковно-служителей

должно быть 78651 человѣкъ; а теперь на лицо 66025, слѣдовательно недостаетъ 12627; напротивъ того, при священно и церковно-служителяхъ находится дѣтей, къ церквамъ неопредѣленныхъ, отъ 20 лѣтъ и выше—5916, отъ 15 до 20 лѣтъ—6501, отъ 15 лѣтъ и ниже 57870, а всего 70287 человѣкъ; безмѣстныхъ священниковъ и дьяконовъ 1472, дьячковъ, пономарей и сторожей 1565. На этомъ основаніи сенатъ доложилъ, не угодно ли будетъ взять отъ 15 до 40 лѣтъ четвертую часть, а три части остаются для церквей, да изъ безмѣстныхъ, наказанныхъ и запрещенныхъ церковнослужителей половину; семинаристовъ, которыхъ считается 4905, не брать. Императрица согласилась [12].

Наконецъ въ виду финансовыхъ затрудненій, вызванныхъ турецкою войною, рѣшились на мѣру, которой никакъ не хотѣли принять въ царствованіе Елисаветы, приняли было при Петрѣ III-мъ и отмѣнили въ началѣ царствованія Екатерины. Въ засѣданіи совѣта 17 ноября генералъ-прокуроръ читалъ объ учрежденіи, вмѣсто денегъ, ассигнацій. 29 декабря изданъ былъ манифестъ: «Въ толь обширной имперіи, какова есть Россія, не можно кажется довольно подать способовъ къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависятъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли. Правда, что одно пространство земель имперіи нашей есть уже нѣкое препятствіе совершенству того обращенія: однако каждое благоразумное правленіе въ таковомъ случаѣ обязано преодолѣвать, ежели возможно, естественныя затрудненія. Удостовѣрились мы, что тягость мѣдной монеты, одобряющая ея собственную цѣну, отягощаетъ ея жъ и обращеніе; вовторыхъ, что дальній перевозъ всякой монеты многимъ неудобностямъ подверженъ, и, наконецъ, третіе, увидѣли мы, что великій есть недостатокъ въ томъ, что нѣтъ еще въ Россіи, по примѣру разныхъ европейскихъ областей, такихъ учрежденныхъ мѣстъ, которыя бъ чинили надлежащіе денегъ обороты и переводили бы всюду частныхъ людей капиталы безъ малѣйшаго замедленія и согласно съ пользою каждаго. Ежедневный опытъ являетъ, какіе собрали плоды многія государства отъ таковыхъ установленій, по большей части банками именуемыхъ. Ибо сверхъ сказанныхъ уже выгодъ, приносятъ онѣ еще ту полезность, что выдаваемыя въ публику изъ тѣхъ мѣстъ на разныя суммы печатныя, съ подписаніемъ обязательства разныхъ именованій, средствомъ ихъ кредита, добро-

вольно между народа употребляются, такъ какъ наличная монета, не имѣя однакожь сопряженныхъ съ нею тягостей въ перевозахъ и трудностей въ сбереженіи ихъ, знатно облегчаютъ самымъ дѣломъ обращенія денегъ. И такъ съ 1 января будущаго 1769 года установляются здѣсь въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ подъ покровительствомъ нашимъ два банка для вымѣна государственныхъ ассигнацій, которыхъ выдаваемо будетъ изъ разныхъ правительствъ и казенныхъ мѣстъ, отъ насъ къ тому означенныхъ, столько, а не болѣе, какъ въ вышесказанныхъ банкахъ капитала наличнаго будетъ состоять. Симъ государственнымъ ассигнаціямъ имѣть обращеніе во всей имперіи нашей наравнѣ съ ходячею монетою, чего для всѣ правительства и казенныя мѣста должны принимать тѣ ассигнаціи во всѣ государственные сборы за наличныя деньги безъ малѣйшаго затрудненія. Сверхъ того повелѣваемъ, чтобъ всѣ частные люди, которые будутъ впредь чинить денежные платежи въ казенные сборы, взносили бы неотмѣнно въ число каждыхъ 500 рублей государственную ассигнацію по 25 рублей. Каждый изъ частныхъ людей можетъ всегда, когда похощетъ, обратить тѣ свои ассигнаціи въ наличныя деньги, представя изъ оныхъ московскую въ московскомъ банкѣ, а санктпетербургскую въ санктпетербургскомъ. Симъ банкамъ мы предписали такія правила, по которымъ они платежъ производить должны безъ малѣйшаго замедленія и потерянія времени. Мы, императорскимъ нашимъ словомъ, торжественно объявляемъ за насъ и преемниковъ престола нашего, что по тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ требующимъ оную изъ банковъ» [13].

На все время войны съ Турціею положено было брать ежегодно съ Лифляндіи и острова Эзеля по 100,000 талеровъ, а съ Эстляндіи по 50,000 [14]. Въ виду сокращенія расходовъ императрица написала въ сенатъ собственноручно: «Работу на Балтійскомъ портѣ остановить, а о каторжныхъ сдѣлать разсмотрѣніе, дабы они праздны не были.» Сенатъ велѣлъ распредѣлить ихъ въ другія мѣста [15]. Въ 1768 году военныя издержки простирались до 1,250,000 [16].

Но Екатерина не хотѣла ограничиться одними матеріальными средствами. Воспитанница Монтескьё должна была приписывать важное значеніе чувству чести при русской правительственной

формѣ, должна была считать своею обязанностью возбуждать и поддерживать это чувство, какъ источникъ доблестей, и потому установила орденъ св. Георгія за военные подвиги.

Съ 1769 года Совѣтъ получилъ характеръ постояннаго учрежденія. Этотъ годъ долженъ былъ представить повѣрку всѣхъ его распоряженій. Можно было думать, что до весны не будетъ никакого столкновенія съ непріятелемъ; но 15 января крымскій ханъ Крымъ-Гирей съ большимъ войскомъ (слишкомъ 70,000 человѣкъ) перешелъ русскую границу у мѣстечка Орла, намѣреваясь съ главными силами вторгнуться въ елисаветградскую провинцію, а оттуда въ Польшу, гдѣ ждали его конфедераты; они указывали ему и дорогу. Татары, встрѣченные пушечными выстрѣлами въ Елисаветградѣ, не рѣшились брать эту крѣпость, а разсѣялись для опустошенія и сожженія окрестныхъ селеній; та же участь постигла и польскія владѣнія, когда явились туда союзники конфедератовъ. Опустошивъ, по обычаю, земли и враговъ и друзей, крымскіе разбойники, довольные ясыремъ, ушли за Днѣстръ, и ханъ отправился въ Константинополь, повезъ султану въ подарокъ плѣнныхъ женщинъ. Изъ елисаветградской провинціи было уведено болѣе 1000 человѣкъ плѣнныхъ, много скота, сожжено въ ней было болѣе 1000 домовъ. Другой татарскій отрядъ пробрался къ Бахмуту и опустошилъ также окрестности: отсюда выведено было плѣнныхъ около 800 человѣкъ. Но это было послѣднее въ нашей исторіи татарское нашествіе!

Русская наступательная армія должна была не допускать турокъ войти въ Польшу. 15 апрѣля она перешла Днѣстръ по направленію къ Хотину. Ея дѣйствія начались удачно; но князь Голицынъ не рѣшился осаждать Хотина по недостатку артиллеріи и продовольствія, потому что вся Молдавія была страшно опустошена турками. 21 апрѣля русское войско отступило отъ Хотина, турки напали на обозъ, но были прогнаны съ большимъ урономъ. 24 апрѣля кн. Голицынъ перешелъ обратно Днѣстръ [17].

Извѣстіе о своихъ движеніяхъ онъ прислалъ въ Петербургъ съ корнетомъ графомъ Минихомъ, который позволилъ себѣ разсказывать, что дѣла идутъ не хорошо около Хотина. Екатерина позвала къ себѣ Миниха, разговаривала съ нимъ болѣе двухъ часовъ, и написала Панину (3 мая): «Какъ я болѣе двухъ часовъ разговаривала съ графомъ Минихомъ, то я примѣтила столько

étourderie (взбалмошности), какъ и лжей изъ его рѣчей. И такъ прошу ни о чемъ не судить прежде вашего сюда въ совѣтъ завтра пріѣзда; тогда усмотрите изъ реляціи кн. Голицына, что дѣло не такъ какъ Минихъ вралъ»[18]. Намъ неизвѣстно, что «вралъ» Минихъ; но обратный переходъ Голицына черезъ Днѣстръ говорилъ самъ по себѣ очень громко, и 6 мая написанъ былъ ему рескриптъ: «Чѣмъ меньше по первой вашей реляціи о столь успѣшномъ разбитіи непріятеля мы ожидать могли такъ скораго и непріятнаго тому оборота, толь съ большимъ удивленіемъ не находимъ мы въ вашей реляціи подробнаго описанія причинъ, кои несумнѣнно васъ въ такую крайность поставили, чтобъ назавтра выпустить изъ своихъ рукъ одержанную славу отверстія первой кампаніи и весь пріобрѣтенный авантажъ надъ непріятелемъ. Какъ наша совершенная довѣренность къ вамъ и ко всему нашему генералитету ни мало тутъ не претерпѣваетъ, то мы и восхотѣли вамъ только предписать, чтобъ вы собрали военный совѣтъ и изыскали какое-либо вторичное надъ непріятелемъ предпріятіе, замѣняющее вновь какою-либо пріобрѣтаемою славою оружія нашего и пользою въ послѣдованіи сей кампаніи настоящее непріятное приключеніе вашего такъ скораго назадъ возвращенія, подающаго въ публикѣ поводъ къ разнымъ истолкованіямъ.» Голицынъ оправдывался, что «не взялъ Хотина вслѣдствіе затрудненій, которыя надобно было преодолѣвать приступомъ и знатною потерею людей, на что онъ безъ высочайшаго соизволенія отважиться не смѣлъ. Принужденъ же былъ тотчасъ же обратно переправиться на сю сторону Днѣстра тѣмъ, что нельзя было оставаться на той сторонѣ, не подвергая малочисленной арміи очевидному изнуренію и опасности быть подавлену отъ непріятеля съ разныхъ сторонъ, а особливо не имѣя отъ гр. Румянцева никакого увѣдомленія и отвѣта на письма, что онъ въ семъ случаѣ съ своей стороны для облегченія мнѣ и для раздѣленія непріятельскихъ силъ предприметъ. Необходимость заставляетъ податься еще и отсюда (отъ рѣки Калуса) къ ближнимъ магазинамъ въ Польшу. О сожженіи дунайскаго моста и тамошняго магазина не упустилъ я старанія прилагать; но къ сему предпріятію никого и ни за какія деньги сыскать не могъ; не могъ для сего и легкаго корпуса войскъ отдѣлить, не отдавая оный совсѣмъ на жертву»[19]. Но когда въ совѣтѣ 18 мая прочтена

была реляція кн. Голицына отъ 3 мая, въ которой онъ извѣщалъ, что перевелъ всѣ войска на эту сторону Днѣстра, мосты снялъ, пѣхоту поставилъ въ лагерь, и конницу расположилъ по кантониръ-квартирамъ, то императрица объявила, что главнокомандующему надобно сдѣлать нѣкоторыя наставленія. Голицыну написанъ былъ рескриптъ: «Всемѣрно слава оружія нашего требуетъ отмѣны въ настоящей вашей позиціи, ибо дѣло не въ томъ состоитъ, чтобъ держаться только заготовленныхъ магазиновъ на первый случай, а надобно упреждать непріятеля и отнюдь не допускать его до пріобрѣтенія себѣ въ пользу тѣхъ выгодъ, кои мы сами предъ нимъ выиграть и удобно сохранить можемъ. Повторяемъ вамъ желаніе наше, и со славою оружія, и съ истинною пользою отечества согласное, чтобъ вы употребили сіе примѣчаніе въ пользу и къ концу кампаніи переходя со всею арміею на тамошній берегъ Днѣстра, пошли прямо на непріятеля и всячески его притѣсняя, принуждали не только къ поспѣшному за Дунай возвращенію, но и изыскивали случай окончить кампанію съ одержаніемъ побѣды, дабы тѣмъ еще вѣрнѣе Молдавію очистить и доставить себѣ свободу къ покоренію Хотина слѣдовательно и къ занятію зимнихъ квартиръ на самомъ Днѣстрѣ»[20].

Скопленіе турецкихъ войскъ у Хотина и попытка турокъ переправиться за Днѣстръ, заставили Голицына двинуться снова въ іюнѣ къ этой рѣкѣ. 200,000 переправившихся турокъ были прогнаны назадъ ген.-майоромъ кн. Прозоровскимъ. Самъ Голицынъ переправился во второй разъ за Днѣстръ въ первыхъ числахъ іюля, блистательно отбилъ нападеніе многочисленнаго непріятеля и обложилъ Хотинъ, гарнизонъ котораго находился въ отчаянномъ положеніи по недостатку продовольствія и тѣснотѣ, производившей повальныя болѣзни. Великій визирь Могаметъ Эминъ-паша, хотѣвшій прежде вторгнуться въ Новую Россію, узнавши объ опасномъ положеніи Хотина, рѣшился двинуться къ нему на помощь и отрядилъ напередъ крымскаго хана съ 40,000 татаръ. 22 іюля ханъ напалъ на русскія войска подъ Хотиномъ, но былъ отраженъ съ большимъ урономъ и поспѣшно отступилъ. Но 25 числа показалось турецкое войско, отправленное визиремъ подъ начальствомъ Али Молдаванджи-паши, который соединился съ ханомъ и шелъ къ Хотину въ числѣ болѣе 100,000 человѣкъ; за Молдаванджи-пашею ждали самого визиря.

На военномъ совѣтѣ 1-го августа рѣшено было опять отступить за Днѣстръ.

Это вторичное возвращеніе изъ-за Днѣстра произвело сильное раздраженіе въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи іюля получались отъ Голицына постоянныя донесенія объ успѣхахъ, и отъ 20 іюля Екатерина писала ему: «Изо всѣхъ вашихъ реляцій отъ самаго дня перехода вашего чрезъ Днѣстръ я съ удовольствіемъ усмотрѣла продолжающіеся успѣхи ваши и разбитіе разныхъ непріятельскихъ корпусовъ, съ чѣмъ васъ отъ всего сердца поздравляю, за что мы вчерашняго дня Всевышнему принесли должное благодареніе при пушечной пальбѣ.» Отъ 4 августа писала: «Изъ реляціи вашей отъ 23 я усмотрѣла, что прошедшій къ Хотину секурсъ нашими несравненными войсками разбитъ. Храбрымъ нашимъ гусарамъ, которыхъ вы столько хвалите, скажите мое удовольствіе и спасибо. Козакамъ напоминайте прежніе храбрые поступки сихъ легкихъ войскъ въ прошедшихъ войнахъ, должность и присягу ихъ и великія милости, кои они за то получили отъ предковъ нашихъ и тѣ, кои они отъ насъ ожидать имѣютъ. Я не скучаю вашимъ предъ Хотинымъ пребываніемъ и разсуждаю, что иного предпріятія вамъ сдѣлать не должно, какъ взять городъ съ меньшею и возможною потерею, а если визирь пожалуетъ къ вамъ, то, призвавъ Бога въ помощь, бить его» [21].

Но какое же было произведено впечатлѣніе извѣстіемъ, что отступили, не бившись не только съ визиремъ, но и съ передовою его ратью? Мы видѣли, что Голицынъ прямо жаловался на Румянцева; Румянцевъ, съ своей стороны, писалъ кн. Мих. Ник. Волконскому: «Вамъ уповательно не безъизвѣстно, что во всѣхъ операціяхъ я долженъ содѣйствовать съ кн. Александромъ Михайловичемъ; но онъ своими сокровенными движеніями совсѣмъ приводитъ меня въ недоумѣніе, или, лучше сказать, дѣлаетъ меня слѣпымъ, который ощупью достигать долженъ до прямаго его предмета, а паче предпріятая имъ Хотинская блокада, которая, въ разсужденіи положенія непріятельскаго, весьма опасна, и чтобъ ему во вредъ обратиться не могла; я жъ, будучи совсѣмъ неизвѣстенъ, къ чему клонится его предпріятіе, сколько бъ не желалъ въ пользу его сдѣлать какія-либо движенія, но по причинѣ сей неизвѣстности безо всякаго дѣйствія остаться принуж-

денъ» [22]. Неудача Голицына естественно доставляла выигрышъ дѣла Румянцеву. 13 августа въ совѣтѣ графъ Чернышевъ объявилъ, что императрица «соизволила разсудить для нѣкоторыхъ обстоятельствъ генерала князя Голицына отъ арміи сюда призвать; генералу графу Румянцеву принять отъ него команду, а генерала графа Панина (Петра Ив.) назначить командиромъ надъ второю арміей.» Близкіе къ Панинымъ люди были недовольны тѣмъ, что главнокомандующимъ первою арміею былъ назначенъ Румянцевъ, а не Петръ Панинъ; говорили, что послѣдній былъ бы гораздо способнѣе для наступательнаго движенія, для одушевленія арміи, тогда какъ Румянцевъ слишкомъ методиченъ и въ то же время такъ искусно владѣетъ перомъ, что будетъ очень трудно высылать ему приказанія: онъ всегда сумѣетъ отписаться. Назначеніе Румянцева приписывали интригамъ женщинъ: матери его, графини Румянцевой и сестры графини Брюсъ [23]. Въ рескриптѣ Голицыну было сказано: «Всемилостивѣйше разсудили мы за благо по теперешнимъ обстоятельствамъ отозвать васъ отъ арміи ко двору нашему для персональныхъ съ вами переговоровъ.» Побужденіе выяснилось въ рескриптѣ Румянцеву: «Обстоятельства, въ коихъ я поручаю вамъ команду надъ первою арміею, требуютъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Армія, перешедъ рѣку Днѣстръ 2 ч. августа, по недостатку въ фуражѣ, несумнѣнно подала поводъ непріятелю, хотя безъ причины возгордиться. Но я надѣюсь отъ вашего искусства и военной поворотливости, что вы не долго дозволите непріятелю пользоваться такимъ пустымъ тщеславіемъ тогда, когда вы имѣете подъ вашею командою армію, коя уже дѣйствительно въ пять мѣсяцевъ шесть разъ обратила въ бѣгъ безпорядочную толпу безчисленнаго непріятеля, но наипаче стараться будете всячески возвратить не токмо оставленнаго авантажа, но еще и не упустите намъ пріобрѣсти новые [24].»

Но Голицынъ прежде своего отъѣзда изъ арміи успѣлъ отнять у турокъ побужденіе къ «пустому тщеславію». 29 августа Али Молдаванджи-паша, перейдя Днѣстръ, напалъ на русское войско у Каменца, но былъ разбитъ, потерпѣвъ большой уронъ. Русскіе перешли въ наступленіе и 6 сентября нанесли туркамъ новое пораженіе на Днѣстрѣ, послѣ чего непріятель покинулъ Хотинъ и поспѣшно удалился къ Яссамъ; пустой Хотинъ

былъ занятъ русскими 10 сентября, 18 сентября Голицынъ оставилъ армію, надъ которою принялъ начальство Румянцевъ. 26-го генералъ-поручикъ Эльмптъ вступилъ въ Яссы и привелъ жителей къ присягѣ императрицѣ всероссійской. «Яссы взяты, писала Екатерина Бибикову: визирь ушелъ за Дунай и только съ нимъ тысячъ до пяти; партія наша пошла въ Бухарестъ; отъ Хотина до Яссъ считается до 20,000 турецкихъ мертвыхъ лошадей, кои лежатъ по дорогѣ. Новая молдаванская княгиня вамъ кланяется. Вся Молдавія учинила намъ присягу, и скота всѣмъ до сыта» [25].

Новая молдавская княгиня жаждала блистательныхъ успѣховъ, движенія наступательнаго. Получивши извѣстіе о нѣкоторомъ успѣхѣ новаго главнокомандующаго второю арміею, графа Петра Панина, она писала брату его, графу Никитѣ: «Я тѣмъ наипаче радуюсь, что все сіе сдѣлалось отъ храбраго наступленія; пора намъ менѣе уважать уничтоженія достойную толпу.»[26] Голицынъ былъ отозванъ за медленность, осторожность, излишнее, какъ казалось, уваженіе уничтоженія достойной толпы. Тѣмъ непріятнѣе было для Екатерины получать донесенія отъ новаго главнокомандующаго первою арміею съ жалобами на трудности. Она всѣми силами старалась подстрекать самолюбіе Румянцева, выставляя на видъ, что все теперь въ его рукахъ, ему не нужно болѣе сообразоваться съ чужими движеніями, война принимаетъ широкіе размѣры, Турціи грозитъ бѣда и съ востока и съ запада; Европа съ удивленіемъ и страхомъ смотритъ на потрясеніе оттоманскаго могущества; усиленіемъ требованій Екатерина хотѣла усилить дѣятельность полководца, ласкательно внушая ему, что онъ можетъ преодолѣть всѣ затрудненія, что она считаетъ его къ этому способнымъ. Екатерина писала Румянцеву: «Флотъ нашъ (отправленный въ Средиземное море) дошелъ благополучно до Копенгагена. Князь Долгоруковъ доѣхалъ до Черногоріи, гдѣ великія дѣлаются приготовленія къ нападенію на турокъ; графъ же Алексѣй Григорьевичъ Орловъ увѣряетъ, что онъ надежду имѣетъ поставить на ноги до 40,000 человѣкъ, и что онъ пишетъ нарочно меньше, нежели имѣть можетъ. Три порта намъ открыты. Я послала по Спиридова, чтобъ его скорѣе поставить въ состояніе начать чего ни на есть съ своею эскадрою. Грузинцы выступятъ, Гераклій съ 30-ю, Соломонъ съ 20,000.

Итакъ, если все сіе удастся и Богъ благословитъ васъ, то великія дѣла увидимъ въ нашемъ вѣку, и турецкая громада подвержена будетъ нѣкоторому потрясенію. Еще имѣю извѣстіе, что нѣкоторый бей египетскій прислалъ въ Венецію, дабы себѣ открыть сношенія съ нами; онъ отъ турокъ давно уже отложился и имѣетъ въ своихъ рукахъ порты и торгуетъ хлѣбомъ, и даетъ награжденія тѣмъ, кои ему привозятъ извѣстія, что мы побиваемъ турокъ. Сіе пишу вамъ для того, чтобъ вы усмотрѣть могли обстоятельства дѣлъ нашихъ и какъ объ насъ думаютъ, и потому лучше устроить могли на васъ положенную часть оныхъ. На васъ Европа смотритъ.—Что вы нашли людей утружденными, о томъ сожалѣю, и надѣюсь, что вашимъ попеченіемъ они придутъ въ скоромъ времени въ прежнее состояніе. Какъ все теперь въ вашихъ рукахъ, то не сомнѣваюсь, что вы и возьмете такія мѣры, кои отвратятъ неудобства и приведутъ всѣ ваши предпріятія въ желаемое положеніе. Я совершенно внимаю всѣ трудности, кои вы описываете; но я не сомнѣваюсь, что ваше усердіе и благоразуміе всякія препятствія преодолѣвать будетъ, въ чемъ совершенную надежду на васъ имѣю. За присланный ко мнѣ прекрасный кинжалъ благодарствую. Добыча двухъ господарей еще лучше. Прошу, при случаѣ, прислать самого визиря, или, если Богъ дастъ, и самого султанскаго величества» [27].

И Бухарестъ былъ занятъ русскими войсками: его занялъ извѣстный намъ Каразинъ при помощи валахскаго вельможи Кантакузина, съ которымъ у него уже давно былъ уговоръ дѣйствовать вмѣстѣ для освобожденія христіанъ отъ турокъ. Господари молдавскій и валашскій были въ плѣну; но надъ нижнимъ теченія Днѣстра, столь важнымъ теперь въ стратегическомъ и политическомъ отношеніяхъ, господствовала сильная крѣпость Бендеры. 21 сентября въ совѣтѣ Екатерина объявила: «Какъ, можетъ статься, во сто лѣтъ не случится подобной нынѣшней оказіи, то, кажется, оною воспользоваться и надлежитъ, и для того предвидится нужно, отдѣля корпусъ отъ первой арміи и отъ второй, велѣть оному прямо идти съ довольнымъ числомъ осадной артиллеріи къ Бендерамъ брать оную крѣпость, пока оборонить ее некому». Къ Румянцеву Екатерина писала въ октябрѣ: «Что касается до будущей кампаніи, предварительно скажу вамъ мысли,

кои бродятъ въ моей головѣ и коихъ я еще не утвердила вовсе. Будущая кампанія, кажется, должна производиться на Дунаѣ, такъ какъ нынѣшней положено было происходить на Днѣстрѣ. Еслибъ же нынѣшняя осень намъ доставила Бендеры, то половина, кажется, уже бы сдѣлана была» [28]. Бендеры не были взяты въ 1769 году; но другія части обширнаго плана выполнялись, несмотря на всѣ затрудненія.

Первымъ дѣломъ въ самомъ началѣ года было занятіе Азова и Таганрога, занятіе безпрепятственное, потому что турки при объявленіи войны не позаботились укрѣпиться въ этихъ мѣстахъ. Иначе распорядилась Екатерина; она предписала: «Сначала сдѣлать укрѣпленіе въ Азовѣ для обороны отъ нечаяннаго нападенія, а потомъ и настоящее и всю прочую работу безъ потерянія времени и съ поспѣшностію производить». Но укрѣпленій было мало; главною мыслію Екатерины было устройство флотиліи на Азовскомъ морѣ и она отдалась этой мысли со всею своею страстностію, что видно изъ переписки ея съ контръ-адмираломъ Синявинымъ, которому поручено было устройство флотиліи. Переписка эта очень напоминаетъ переписку Петра Великаго о любимомъ его дѣлѣ: «Алексѣй Наумовичъ! писала Екатерина Синявину въ маѣ: посылаю вамъ гостинцы три чертежа, которые до тамошнихъ мѣстъ принадлежатъ: 1) разные виды береговъ Чернаго моря, даже до Царяграда; 2) Азовское море; 3) корабль, на Воронежѣ дѣланный и на воду тамъ же спущенный. Оные, я думаю, будутъ вамъ пріятны, и можетъ быть еще сверхъ того и полезны. Пожалуй дайте мнѣ знать, ловко ли по рѣкѣ Міюсъ плыть лѣсу въ Троицкое, что на Таганрогѣ, и ваше о томъ разсужденіе, также есть ли по Міюсу годные лѣса къ корабельному строенію? Я чаще съ вами въ мысляхъ, нежели къ вамъ пишу. Пожалуй дайте мнѣ знать, какъ нововыдумленныя суда по вашему мнѣнію могутъ быть на водѣ, и сколько надобно напримѣръ времени, чтобъ на море выходить могли?» Еще сильнѣе забота Екатерины объ азовскомъ флотѣ выразилась въ запискѣ ея, читанной въ засѣданіи совѣта 5 ноября: «Мое мнѣніе есть, чтобъ таганрогскую гавань отдать въ вѣдомство Синявину съ тѣмъ, чтобъ ее поставилъ въ такое состояніе, чтобъ она могла служить какъ къ убѣжищу судамъ, такъ и для построенія судовъ, а наипаче галеръ и другихъ по тому мѣсту способныхъ судовъ.

Я ему дамъ на то и на другое на первый случай 200,000 рублевъ, а съ нимъ условиться надобно о заведеніи тамъ адмиралтейскаго департамента и служителей, по мѣрѣ тамошней морской силы. Въ рѣкѣ Донѣ же никакой способности нѣту по ея мелямъ къ построенію, или лучше сказать къ плаванію внизъ судовъ. Главный предметъ будущій годъ на Азовскомъ морѣ, кажется, быть долженъ для закрытія новозаведенныхъ крѣпостей, чтобъ сдѣлать нападенія на Керчь и Тамань и завладѣть сими крѣпостцами, дабы зундъ Чернаго моря чрезъ то получить въ свои руки, и тогда нашимъ судамъ способно будетъ крейсировать до самаго Цареградскаго канала и до устья Дуная. Если же грузинцы овладѣютъ краемъ того же Чернаго моря, то нашимъ судамъ въ случаѣ противной погоды одно важное прибѣжище прибавится. И такъ прошу, если совѣтъ съ вышеписаннымъ согласенъ, прилежно входить въ представленія Синявина и сего ревностнаго начальника снабдѣвать всѣмъ, въ чемъ только онъ можетъ имѣть нужду и надобность, чѣмъ и меня весьма одолжите, ибо донская экспедиція есть дитя, кое у матери своей крѣпко на сердцѣ лежитъ».

«Если грузинцы овладѣютъ краемъ Чернаго моря». Имеретинскій владѣлецъ или царь, какъ у насъ привыкли называть, Соломонъ еще съ 1755 года боролся съ турками за независимость и боролся довольно удачно, пока не нашелъ враговъ въ собственныхъ вельможахъ, которые, съ помощію Турокъ, выгнали Соломона и возвели на престолъ двоюроднаго брата его Теймураза. Въ исходѣ 1766 года Соломонъ прислалъ императрицѣ просьбу дать ему убѣжище въ Россіи вмѣстѣ съ нѣкоторыми князьями и дворянами или заступиться за него при Портѣ. И то и другое было тогда отклонено изъ опасенія повредить мирнымъ отношеніямъ къ Турціи. Несмотря на то, Соломонъ загнанный въ горы, отправилъ въ 1768 году кутаисскаго митрополита Максима въ Петербургъ съ просьбою о помощи; но еще до полученія отвѣта изъ Россіи, ему удалось взять верхъ надъ врагами и схватить соперника своего Теймураза. Такъ какъ теперь церемониться съ турками было не нужно болѣе, то императрица рѣшила отправить къ Соломону небольшой воинскій отрядъ, могшій показать имеретинцамъ всѣ преимущества порядочнаго войска, послать четыре пушки, два единорога и 50,000 денегъ. Отъ ноября 1768

года дошла до насъ любопытная записка, показывающая, какъ занимало Екатерину Закавказье: императрица переслала въ иностранную коллегію слѣдующіе вопросы: «1) По какой причинѣ выѣзжалъ сюда отецъ Ираклія (царя грузинскаго)? 2) Нѣтъ ли въ коллегіи карты исправнѣе печатной и вѣрнѣе, и какъ грузинскія владѣнія лежатъ и къ какимъ сосѣдные? 3) Имѣютъ ли грузинскіе владѣтели морскіе порты на Каспійскомъ или Черномъ морѣ? 4) Тефлисъ стоитъ на однихъ картахъ на Черномъ, а на другихъ на Каспійскомъ морѣ, а въ иныхъ и въ средѣ земли. О всемъ семъ въ коллегіи иностр. дѣлъ выправяся, прислать ко мнѣ. NB. Нѣсколько времени тому какъ былъ слухъ, что Ираклій принялъ католицкой законъ: имѣется ли о семъ подлинное извѣстіе»? Панинъ писалъ Соломону, чтобъ онъ постарался уговорить грузинскаго (карталинскаго и кахетинскаго) царя Ираклія дѣйствовать вмѣстѣ противъ турокъ. Соломонъ самъ отправился къ Ираклію въ Тифлисъ, и оба царя отправили въ Петербургъ знатныхъ пословъ съ объявленіемъ своей готовности вступить въ войну съ турками; а между тѣмъ осенью 1769 года Екатерина назначила дѣйствовать въ Грузіи противъ турокъ извѣстнаго намъ графа Тотлебена, который умолилъ императрицу принять его снова въ русскую службу; Тотлебенъ, двинувшись изъ Моздока, перешелъ кавказскія горы долинами Терека и Арагвы, и расположился на зимнихъ квартирахъ въ Грузіи [29].

Но гораздо ближе къ русскимъ границамъ, по Кубани, въ Кабардѣ надобно было имѣть дѣло съ народами магометанскими и подданными Порты. Противъ нихъ двинулся отрядъ подъ начальствомъ генералъ-майора Медема; главная сила, направленная къ Кубани, состояла изъ калмыковъ, выступившихъ подъ начальствомъ своего намѣстника ханства Убаши. Война началась нападеніемъ кубанцевъ на калмыковъ въ апрѣлѣ 1769 года, причемъ кубанцы потерпѣли сильное пораженіе. Послѣ этого кабардинцы начали покоряться. Медему отправленъ былъ указъ: «На реляцію вашу о склонившихся въ подданство кабардинцахъ слѣдующая вамъ резолюція: конечно нужно возможное имѣть стараніе къ утвержденію въ томъ сего народа. Настоящее время, въ которое они имѣютъ страхъ отъ здѣшнихъ войскъ, къ тому самое удобное, чтобъ ихъ, подобно какъ дикихъ звѣрей, начать къ рукамъ пріобучать и вмѣсто того, что понынѣ терзались они подозрѣ-

ніемъ, будто тщатся ихъ притѣснить, дать имъ понять, что здѣсь весьма будутъ удовольствованы, если они, оставаясь по прежнему совершенно въ собственной своей волѣ въ разсужденіи внутренняго своего обращенія, вообще потолику служить будутъ, поколику ихъ состояніе и обстоятельство дозволятъ. Испросили они нынѣ у васъ себѣ офицера сами, чтобъ былъ ихъ опекуномъ; безъ сомнѣнія приведены они къ тому настоящею только нуждою, имѣя можетъ быть намѣреніе по минованіи такой его отъ себя отпустить. Но чтобъ они и впредь всегда здѣшняго человѣка имѣть у себя изъ доброй воли согласились и тѣмъ самымъ въ лучшее повиновеніе приведены быть могли, безъ видимаго ихъ вольности умаленія, зависитъ отъ того, чтобъ при первомъ случаѣ опредѣленный къ нимъ всю пользу такого распоряженія восчувствовать имъ далъ ласковыми своими поступками и дѣйствительнымъ стараніемъ по ихъ дѣламъ на справедливости основаннымъ и внятнымъ излишнихъ ихъ требованій изъясненіемъ. Преграда между ними и нами понынѣ служитъ принимапіе въ нашихъ пограничныхъ мѣстахъ бѣглыхъ ихъ холопей. По заведеніи въ Моздокѣ селенія, видя они, что холопи ихъ возъимѣли большую удобность отъ нихъ бѣгать, удалились отъ сего мѣста, переселясь ближе къ турецкимъ подданнымъ, а симъ только сосѣдствомъ вкрался въ нихъ развратъ и дѣйствовать стали внушенія крымскія. У кабардинцевъ христіанскихъ невольниковъ, т.-е. грузинцевъ и армянъ очень мало, сами плѣнить ихъ не ходятъ, получаютъ отъ крымскихъ торговцевъ невольниками. Сравнивая потерю нѣсколькихъ христіанъ со спасеніемъ многихъ, нельзя предпочесть (принятіе невольниковъ) нужному теперь кабардинцамъ въ дѣлѣ ихъ холопей послабленію, и потому надобно удержаться принимать ихъ невольниковъ безъ изъятія, пока будущія обстоятельства случай подать могутъ къ новымъ полезнѣйшимъ положеніямъ». Въ іюлѣ Медемъ, соединившись съ калмыками, нанесъ новое сильное пораженіе непріязненнымъ народцамъ на Кубани: о результатахъ пораженія можно судить потому, что побѣдителямъ досталось 30,000 скота. Екатерина также внимательно слѣдила и за этими движеніями. Сохранилась собственноручная записка ея къ графу Никитѣ Панину: «Здѣсь находится покойнаго Бековича сынъ, тотъ, который женатъ на Тефкелева дочери; онъ хотя и оберъ-офицеромъ, но въ магоме-

танскомъ законѣ. Я знаю, что онъ не оченъ далекъ, но думаю, чтобы не худо было вамъ съ нимъ спознаться и усмотрѣть, не можно ли его употребить съ пользою въ разсужденіи кабардинскихъ дѣлъ: всѣ тѣ горскія князья ему родня и онъ намъ вѣренъ и человѣкъ смирный и зажиточный и всѣ его имѣнія въ Россіи». Часть калмыковъ пошли въ походъ на Кубань, другая часть находилась въ первой арміи, и Екатеринѣ представился вопросъ, не могутъ ли киргизы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и напасть на оставшихся калмыковъ. Она пишетъ Панину: «Вопросъ? Послѣ построенія на нынѣшнемъ урочищѣ Оренбурга, были ли примѣры, чтобъ киргизъ-касаки обижали калмыковъ? Когда и какъ? Прикажите выправиться о семъ. Если обиды были, то наши карты весьма неправильны, ибо по картамъ луговыя кочевья калмыкъ отъ киргизъ-касакъ покрыты яицкими и орскими крѣпостями. Все сіе одно съ моей стороны любопытство о ясности положенія тамошнихъ мѣстъ» [30].

Въ то время когда хотѣли воспользоваться вліяніемъ знатнаго и богатаго магометанина, русскаго подданнаго для привлеченія на свою сторону жителей Кабарды, въ то время, какъ намѣрены были организовать въ широкихъ размѣрахъ возстаніе христіанъ и въ Грузіи и въ Греціи противъ мусульманскихъ притѣснителей,—въ это время получили извѣстіе, что происходитъ движеніе среди магометанскаго народонаселенія, подвластнаго Россіи. Отсюда естественная мысль — отнять предлогъ къ подобнымъ движеніямъ уничтоженіемъ всѣхъ прежнихъ стѣснительныхъ мѣръ для магометанъ; выставляя печальное положеніе христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ, не желали чтобы что-нибудь подобное было указано въ положеніи магометанъ русскихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, кромѣ принципа вѣротерпимости, который проповѣдывался Екатериною вслѣдствіе сочувствія господствовавшему философскому направленію, и политическія причины, борьба съ Турціею должны были вести къ тѣмъ льготамъ относительно магометанъ, которыя мы видимъ въ царствованіе Екатерины. Оренбургскій и сибирскій губернаторы получили именной указъ, гдѣ говорилось, что коллегія иностранныхъ дѣлъ извѣщена о перепискѣ съ крымскимъ ханомъ магометанъ Оренбургской и Казанской губерній, имѣющихъ намѣреніе перейти къ нему вслѣдствіе притѣсненій ихъ вѣры. Сибирскій губернаторъ Чиче-

ринъ по этому случаю писалъ императрицѣ: «Невозможно, чтобъ жители сибирской губерніи магометанскаго закона по такой великой дальности могли бы предпринять когда-нибудь то, чего имъ никакими мѣрами исполнить не можно; къ тому же осмѣливаюсь увѣрить, что они всесовершенно в. и. в—ству вѣрные подданные, а особливо при нынѣшнемъ распоряженіи сбору вновь ясака вашего и. в—ства милостію безпримѣрно пожалованы и спокойною жизнію доставлены. Что же принадлежитъ до притѣсненія ихъ закону, въ томъ не могу донесть чтобы они не имѣли: 1) Проповѣдники слова Божія главные въ томъ участники, а особливо ихъ семейства, которыхъ тамъ размножилось. Я желалъ бы, чтобъ народы, приносящіе пользу обществу, такъ размножились, какъ сіи живущіе подъ покровительствомъ властей ихъ: разъѣзжая для проповѣди великія притѣсненія, обиды и разоренія народу дѣлаютъ. И хотя въ пресѣченіе того всѣ предосторожности съ моей стороны употреблены, но какъ съ духовными управленіями только на промеморіяхъ сражаться должно, никакого къ прекращенію успѣха не вижу, а чтобъ въ томъ польза была приведеніемъ въ христіанскій законъ, тому быть не можно, потомучто проповѣдники по-иновѣрчески, а иновѣрцы по-русски ни единаго слова не разумѣютъ». Чичеринъ требовалъ: 1) безполезныхъ сихъ проповѣдниковъ отмѣнить, а прежде указать учредить школы, чтобы сіи проповѣдники могли изъясняться языками тѣхъ народовъ кому они проповѣдуютъ, а чтобъ до совершенія того они не выѣзжали на проповѣдь. 2) Выѣзжающимъ бухарцамъ и ташкенцамъ дозволить жить по городамъ безпрепятственно. 3) По неотступнымъ ко мнѣ прошеніямъ отъ жителей о строеніи имъ мечетей, позволить имъ это: если мечетей мало, то онѣ не приносятъ никакой пользы, если много, то не приносятъ казнѣ убытку и обществу вреда, если по прежнему распредѣлить мечети по числу душъ, то вслѣдствіе разбросанности магометанъ на обширныхъ пространствахъ будетъ имъ великое отягощеніе [31]. Это донесеніе ставило императрицу въ затруднительное положеніе: съ одной стороны, по принципу и по обстоятельствамъ, желалось сдѣлать всевозможное облегченіе; съ другой стороны, остановка хотя временная христіанской проповѣди могла возбудить толки, какихъ Екатерина ни какъ не хотѣла допустить о своихъ отношеніяхъ къ церкви.

Она отвѣчала Чичерину: «Повелѣваемъ: 1) какимъ образомъ проповѣдникамъ поступать съ иновѣрцами, въ губерніи вашей находящимися, о томъ имѣете вы переговорить съ преосвященнымъ тобольскимъ, ибо ему при отправленіи его отсюда о томъ наставленіе отъ синода дано [32]. 2) Выѣзжающимъ бухарцамъ и ташкенцамъ быть на такомъ основаніи, какъ объ нихъ грамоты нашего дѣда Петра Перваго гласятъ. 3) Строеніе мечетей для сихъ иновѣрныхъ предаемъ мы въ совершенное ваше разсмотрѣніе, въ чемъ вы никому кромѣ насъ самихъ и отвѣта давать не будете. Мы надѣемся однакожь, что сіе дозволеніе вами чинено будетъ на основаніи резолюціи государей царей Іоанна и Петра Алексѣевичей» (чтобъ мечети не были близки къ православнымъ церквамъ и не строить ихъ посреди жилищъ христіанскихъ) [33].

Магометане русскіе подданные, по извѣстіямъ Иностранной Коллегіи, сносились съ Крымскимъ ханомъ. Но какъ видно, съ самаго начала тотчасъ по объявленіи Турціею войны, въ умѣ Екатерины уже была мысль отторгнуть Крымъ отъ Турціи не съ тѣмъ однако, чтобъ присоединить его къ Россіи, а сдѣлать независимымъ. Въ протоколахъ совѣта 6 ноября 1768 года мы уже находимъ слѣдующее: «Ея и. в—ство изволила повелѣть, чтобы выбравъ самыхъ надежныхъ и зажиточныхъ казанскихъ татаръ четыре человѣка послать въ Крымъ» [34]. Порта предупредила: она прислала къ Запорожцамъ склонять ихъ на свою сторону, грозя въ противномъ случаѣ истребленіемъ. Но Запорожцы дали знать въ Петербургъ и о предложеніяхъ и о томъ, что Порта получила отказъ съ ихъ стороны. По этому поводу Румянцевъ писалъ императрицѣ: «Многіе случаи довольно меня вразумляютъ разбирать свойство запорожскихъ козаковъ, которые настоящимъ воспослѣдованіемъ ищутъ превознестись въ томъ всегда ими воображаемомъ уваженіи, что одно ихъ войско толь важно для защиты границъ, сколь и прелестно другимъ державамъ. Не вмѣщается то въ моемъ понятіи, какъ бы могъ султанъ такого эмиссарія отправить прямо и явно къ сему войску, не имѣвши никакихъ предувѣреній или поводу, котораго народное право подвергаетъ участи самаго злѣйшаго преступника и коего, въ показаніе своей подданнической вѣрности, кошевому атаману подлежало бы самого средствами прикрытыми представить генералу-

губернатору въ Кіевъ и тѣмъ самымъ пресѣчь дальнія покушенія. Но сего злодѣя, кошевой репортуетъ къ Воейкову (кіевскому губернатору), что чрезъ нѣсколько дней съ письмомъ отвѣтнымъ къ султану отпуститъ. А я и не могу вообразить, какую можно бы переписку въ сей матеріи продолжать подданному съ непріятелемъ, которая при нынѣшнихъ обстоятельствахъ столько подозрительна, сколько и предосужденія сдѣлать можетъ высочайшимъ интересамъ в. в—ства, по разсужденію, что войско запорожское не одноземцы, но всякихъ націй составляютъ народы» [35]. — Но при «нынѣшнихъ обстоятельствахъ» именно не считали удобнымъ потребовать отъ запорожцевъ отвѣта относительно нарушенія подданническихъ отношеній. Ихъ похвалили за то, что они прислали въ Петербургъ прелестныя письма и велѣли, наоборотъ, склонять татаръ оставить турецкое подданство.

Были ли со стороны запорожцевъ подобныя попытки, мы не знаемъ; если и были, то дѣйствія не произвели. 16 октября 1769 года главнокомандующему второю арміею, графу Петру Панину, написанъ былъ рескриптъ: «Мы заблагоразсудили сдѣлать испытаніе, не можно ли будетъ Крымъ и всѣ татарскіе народы поколебать въ вѣрности къ Портѣ внушеніемъ имъ мыслей къ составленію у себя независимаго правительства. Сочинена здѣсь форма письма отъ вашего имени къ хану крымскому. Письмо въ Крымъ удобнѣе всего отправить чрезъ татарскихъ плѣнниковъ. Ежели крымскіе начальники къ вамъ не отзовутся, въ такомъ случаѣ остается возбудить сообща въ татарахъ вниманіе чрезъ разсѣяніе копій съ письма по разнымъ мѣстамъ, чѣмъ по малой мѣрѣ развратъ въ татарахъ отъ разномыслія произойти можетъ» [36].

Болѣе надежды на успѣхъ должны были имѣть въ поднятіи противъ Порты подвластнаго ей христіанскаго народонаселенія. Для этого рѣшено было отправить эскадру въ Средиземное море; но это необычное дѣло для русскаго флота, вовсе не находившагося въ удовлетворительномъ положеніи, какъ было недавно засвидѣтельствовано самою Екатериною, представило большія затрудненія: въ три года флотъ не могъ очень замѣтно поправиться, ибо въ 1765 году, по словамъ императрицы, не было ни флота, ни моряковъ [37]. Эскадра должна была состоять изъ

семи линейныхъ кораблей, одного фрегата, одного бомбардирскаго, четырехъ пинокъ, двухъ пакетботовъ; на корабляхъ должны были отправиться десять ротъ, по 25 человѣкъ въ каждой; но ружей положено отправить отъ трехъ до четырехъ тысячъ, тысячу карабиновъ и 500 драгунскихъ ружей, въ предположеніи, что оружіе понадобится для союзниковъ; пушекъ положено отправить до 30. Начальникомъ эскадры былъ назначенъ адмиралъ Григ. Андр. Спиридовъ, который получилъ такую инструкцію: «Отнюдь не останавливать и не осматривать никакихъ христіанскихъ торговыхъ судовъ, но оказывать имъ всякую помощь и пріязнь, особливо датскимъ, прусскимъ и аглинскимъ. На походѣ представится вамъ первою Данія: можете на нее совершенно надежны быть, ибо мы находимся съ датскимъ королемъ въ теснѣйшемъ союзѣ. За Даніею слѣдуетъ Голландія, съ которою находимся въ добромъ согласіи и гавани ея конечно будутъ для васъ отворены. Въ разсужденіи Англіи обстоятельства гораздо деликатнѣе. Съ одной стороны она находится съ нами въ тѣсной дружбѣ и согласныхъ интересахъ по общимъ европейскимъ дѣламъ на твердой землѣ; но съ другой стороны, по образу политическихъ началъ правленія ея и по превосходству морскихъ ея силъ, легко статься можетъ, что она изъ свойственной ей отъ того жалузіи ко всякимъ постороннимъ морскимъ предпріятіямъ, и на вашу экспедицію будетъ съ внутреннею завистію, по крайней мѣрѣ съ особливымъ вниманіемъ взирать будетъ. Но вы можете твердо надѣяться, что англичане вамъ въ гаваняхъ своихъ явныхъ препятствій дѣлать не будутъ, но иногда подъ рукою или другими казистыми предлогами препоны полагать устремятся. Съ бурбонскими домами, Франціею, Испаніею и Неаполемъ имѣемъ мы только наружное согласіе и можно безъ ошибки полагать, что они намъ и оружію нашему добра не желаютъ; но нельзя и того ожидать, чтобъ они плаванію вашему явно сопротивляться стали; гавани ихъ, кромѣ крайней нужды, обѣгать надобно. Отъ мальтійскаго ордена, по самой инструціи его, имѣете право ожидать всякой помощи; должны представить магистру, не разсудитъ ли онъ, соединя суда свои съ вашею эскадрою, воспользоваться случаемъ въ раздѣленіи съ нами столь великаго подвига и славы»[38].

Въ апрѣлѣ Екатерина еще держала въ тайнѣ цѣль предпріятія;

17 числа этого мѣсяца она писала Чернышеву: «Обѣщаете мнѣ пріискивать мною желаемаго литейщика чугунныхъ пушекъ, за что, баринъ, тебѣ спасибо, а хотя бы онъ нѣсколько и дорогъ былъ, что же дѣлать? Лишь бы онъ безошибочнѣе лилъ пушки, нежели наши, кои льютъ сто, а годятся много что десять. Баринъ, баринъ! много мнѣ пушекъ надобно: я турецкую имперію подпаливаю съ четырехъ угловъ; не знаю, загорится ли и сгоритъ ли: но то вѣдаю, что со времени начатія ихъ не было еще употреблено противу ихъ толькихъ хлопотъ и заботъ. Армія моя теперь подъ Хотинымъ, и я съ часу на часъ жду извѣстія, что Хотинъ взятъ, или же насъ прогнали. Много мы каши заварили, кому-то вкусно будетъ. У меня армія на Кубани, армія дѣйствующая противъ турокъ, армія противъ безмозглыхъ поляковъ, со Швеціею готова драться, да еще три суматохи in petto, коихъ показывать не смѣю. Пришли, если достать можешь, безъ огласки, морскую карту Средиземнаго моря и Архипелага, а впрочемъ молись Богу, все Богъ исправитъ. Прощай, будь здоровъ, да молчи про сіе письмо» [38].

Но чѣмъ больше возлагалось надежды на впечатлѣніе, какое должно было произвесть появленіе русской эскадры на турецкихъ водахъ, тѣмъ больше раздраженія и огорченія испытывали отъ ея неудовлетворительнаго состоянія и происходившей отсюда медленности плаванія. 26 іюля флотъ отплылъ отъ Кронштадта. Въ августѣ корабль новѣйшей постройки Святославъ возвратили въ Ревель отъ Готланда по неспособности къ дальнѣйшему плаванію вслѣдствіе плохой постройки. Въ совѣтѣ 7 сентября въ присутствіи императрицы, адмиралъ Мордвиновъ и контръ-адмиралъ Ельфинстонъ, который долженъ былъ слѣдовать за Спиридовымъ, разсматривали чертежъ корабля Святославъ для открытія причины его недостатковъ. Рѣшено исправить его какъ можно скорѣе. Долго плылъ Спиридовъ до Копенгагена, долго стояли на тамошнемъ рейдѣ. Онъ оправдывался собственными болѣзненными припадками. Екатерина въ отвѣтномъ рескриптѣ жалѣла о нихъ, но указывала на медленность плаванія до Копенгагена и долгую остановку тамъ, на умноженіе больныхъ во флотѣ, на то, что при отплытіи изъ Копенгагена осталось на берегу не мало русскихъ моряковъ; императрица требовала строжайшей дисциплины [39]. Русскій посланникъ

въ Копенгагенѣ генералъ Философовъ писалъ въ Петербургъ: «По несчастію наши мореплаватели въ такомъ невѣжествѣ и въ такомъ слабомъ порядкѣ, что контръ-адмиралъ весьма большія трудности въ негодованіяхъ, роптаніяхъ и въ безпрестанныхъ ссылкахъ отъ офицеровъ на регламентъ находитъ, а больше всего съ огорченіемъ видитъ, что желаніе большей части офицеровъ къ возврату, а не къ продолженію экспедиціи клонится, и что безпрестанно дѣлаемыя ему въ томъ представленія о неточности судовъ и тому подобномъ единственно изъ сего предмета происходятъ, и изъ того тотъ вредъ происходитъ, что нижніе служителя и весь экипажъ теряютъ бодрственную надежду, столь нужную при толь трудной экспедиціи». Философовъ собралъ капитановъ и объявилъ имъ, что они препоручены въ полную власть контръ-адмирала.

Эту же потерю «бодрственной надежды» нашелъ въ русскихъ морякахъ и графъ Иванъ Григ. Чернышевъ, когда эскадра прибыла въ Англію; но Чернышевъ въ своемъ донесеніи представилъ дѣло не въ такомъ уже печальномъ видѣ и, главное, объяснилъ причины неудовлетворительнаго состоянія эскадры, остановившейся въ устьѣ Гумбера, въ 20 миляхъ отъ Гулля: «Не такъ худо, писалъ Чернышевъ Панину, нашелъ я всѣ сдѣланные адмираломъ распорядки, какъ слышалъ, но опять и не такъ, чтобъ оные лучше быть не могли. Ну, да уже что же дѣлать быть такъ! Болѣе всего непріятно мнѣ было его видѣть самого нѣсколько въ унылости, отъ чего и подчиненные были также невеселы, что я ободреніемъ его и хвалою всего того, что уже сдѣлалъ, ибо поправить было не можно, разговоромъ съ матросами и солдатами, объѣздомъ на всѣ корабли сколько можно поправить старался. Унылость его произошла отъ встрѣтившихся препонъ въ плаваніи, которыя то ускорить не дозволили, чему главная причина великое множество больныхъ, ибо число оныхъ простирается до 700 человѣкъ, съ слабыми же и болѣе 800, однако умираетъ благостію Божіею мало, ибо со времени отправленія на всей эскадрѣ, состоящей болѣе 5000, умерло съ 40 человѣкъ. Всѣ, по большей части больны поносами и флюсъ-фиберами, чему и удивляться не должно, ибо 1) половина экипажа состоитъ изъ рекрутъ, которые жительство близь Москвы имѣли, въ числѣ коихъ конечно половина такихъ, которые нѣ-

сколько мѣсяцевъ какъ только соху покинули и не токмо къ морю и къ качкѣ судна, но и къ пищѣ ни мало привычки не сдѣлали. 2) Изнурены были при вооруженіи флота великими работами и употребленіемъ малой предосторожности въ мѣшаніи вышедшихъ больныхъ изъ госпиталя съ здоровыми рекрутами, отъ чего послѣдніе всѣ почти по очереди перехворали. 3) Отъ излишняго экипажа великая тѣснота на корабляхъ. Отъ стоянія на якорѣ и отъ употребленія зелени и свѣжаго мяса оправляться уже начинаютъ». Изъ Портсмута Чернышевъ писалъ: «Осмотрѣлъ какъ корабль № 2, такъ и пакетботъ Летучій. Нашелъ я ихъ въ очень хорошемъ состояніи, чистотою же и порядочнымъ содержаніемъ команды конечно заслужили они ту похвалу, которую имъ всѣ генералы дѣлаютъ. Смотрителей пріѣзжаетъ превеликое множество, въ томъ числѣ много и изъ Лондона нарочно за тѣмъ туда ѣздили, въ числѣ послѣднихъ былъ и дюкъ кумберландскій. Люди хороши, очень много старыхъ матрозъ, а которые и есть изъ рекрутъ, но всѣ города Архангельскаго, всѣ обмундированы, веселы и здоровы. Неужели сіе не окажетъ справедливость дѣланнаго представленія при сочиненіи инструкціи коммиссіи морскихъ флотовъ, съ чѣмъ и вы тогда согласились и которая высочайшей апробаціи удостоилась, и не утвердитъ сдѣланнаго тогда положенія, чтобъ флотъ комплектовать ежегодно, независимо отъ генеральнаго рекрутскаго набора, взявъ за неоспоримое основаніе, что рекрутъ за матроза сочтенъ быть не можетъ, пока нѣсколько кампаній на морѣ не сдѣлаетъ: одни архангелогородцы къ тому только способны. Съ 1700 года флотъ стоитъ Россіи болѣе 100,000,000 рублей, и что̀ за то имѣемъ? буде не ничего, то очень мало. Ежели бы все соотвѣтствовало мудрому и щедрому монархини нашей при отправленіи сей эскадры попеченію, что̀ бы оная сдѣлать не могла? Но съ прискорбностію, стыдомъ, горестью и досадою сказать должно, что въ исполнителяхъ не совсѣмъ то видно, а все, кажется, такъ должно было, какъ при отправленіи Степ. Ѳед. Апраксина въ армію въ 1756 году, чтобъ только съ рукъ сжить. Пріемомъ аглинскаго народа довольно нахвалиться не можно: столь много ласки, учтивости и угощенія имъ дѣлаютъ. Русскія мѣдныя деньги они по той цѣнѣ, по которой у насъ ходятъ, берутъ, не съ тѣмъ однакожь, чтобъ за

монету почитали, но за медали, служащія эпокомъ бытія въ здѣшнихъ портахъ россійскаго флота»[40].

Но какъ бы то ни было, Екатерина не могла выносить медленности Спиридова и написала ему: «Съ крайнѣйшимъ прискорбіемъ вижу я медленность, съ которою вы идете съ эскадрою, вамъ ввѣренною и что вы въ разныхъ мѣстахъ мѣшкаете, Богъ вѣсть для чего, хотя весь успѣхъ вамъ ввѣреннаго дѣла и зависитъ отъ проворства исполненія. Слышу я, хотя вы о томъ ко мнѣ и не пишете, что и больныхъ у васъ много; разсудите сами, не отъ мѣшканія ли вашего сіе происходитъ. Когда вы въ пути съѣдите всю провизію, да половина людей помретъ, тогда вся экспедиція ваша оборотится въ стыдъ и безславіе ваше и мое, хотя я ни иждивенія, ни труда, ни всего того, что я придумать могла, не жалѣла для снабдѣнія васъ всѣмъ, что только споспѣшествовать могло къ желаемому успѣху. Прошу васъ для самого Бога, соберите силы душевныя и не допустите до посрамленія предъ всѣмъ свѣтомъ. Вся Европа на васъ и вашу экспедицію смотритъ... Бога для не останавливайтесь и не вздумайте зимовать окромѣ вамъ опредѣленнаго мѣста»[41].

Это опредѣленное мѣсто была Морея. Мы видѣли[42], что послѣ опасной болѣзни графъ Алексѣй Орловъ долженъ былъ, для окончательнаго излѣченія, отправиться въ южныя страны; онъ поѣхалъ за границу вмѣстѣ съ братомъ Ѳедоромъ, подъ именемъ Острововыхъ и надолго остался въ Италіи. Въ то время какъ братъ его Григорій въ Петербургѣ предлагалъ поднимать христіанское народонаселеніе Турціи, Алексѣй Орловъ прислалъ императрицѣ представленіе, не соблаговолитъ ли она «употребить его къ службѣ отечества вмѣстѣ съ православными греческими и славянскими народами»; а брату Григорію писалъ изъ Венеціи: «Я здѣсь нашелъ много людей одновѣрныхъ, которые желаютъ быть подъ командою нашею и служить въ теперешнемъ случаѣ противъ турковъ. Да извѣстія есть многія, что вся Гора Черная, также и около лежащія мѣста, которыя принадлежатъ оттоманскому владѣнію, нашего закона, за оружіе принимаются, о чемъ я увѣдомляю, и если я что могу въ томъ случаѣ сдѣлать и это будетъ надобно. А по моему мнѣнію это другого сдѣлать бы не могло, чтобы внутри зажечь столь сильный огонь и помѣшательства дѣлать какъ въ привозѣ провіанта, такъ и армію (т.-е. турецкую)

раздѣлить. И если ѣхать, такъ ужь ѣхать до Константинополя, и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ-подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ какъ въ грамотѣ государь Петръ Первый сказалъ: а ихъ невѣрныхъ магометанъ согнать въ поле и степи пустыя и песчаныя на прежнія ихъ жилища. А тутъ опять заведется благочестіе, и скажемъ слава Богу нашему всемогущему. Труда же для меня повидимому, какъ мнѣ кажется, очень мало стоить будетъ привесть этотъ народъ противъ турчанъ и чтобъ они у меня въ послушаніи были. Они храбры, любятъ меня и товарищей моихъ много за единовѣріе; все повелѣнное мною хотятъ дѣлать. Выступайте съ одного конца, а я бы съ другого зачалъ. Такъ мое мнѣніе, ежели это только надобно будетъ къ чему-нибудь, то должно будетъ сдѣлать по примѣру государя Петра Перваго, послать къ нимъ грамоту отъ двора ласковую съ хорошимъ, надежнымъ и искуснымъ человѣкомъ. Беречься же какъ возможно цесарскаго двора: сколько мнѣ самому примѣтить удалось и по разговорамъ со мною во многихъ случаяхъ съ разными видѣть могъ, что они намъ величайшіе непріятели. Такожъ я посылалъ разговаривать и между людьми простыми и купцами, то всѣ, можно сказать, желаютъ побѣды надъ нашими войсками; а никто, я чаю, столь много не завидуетъ намъ, какъ они великости и славѣ нашего народа.» Екатерина отвѣчала ему 29 января: «Мы сами уже, по предложенію брата вашего, помышляли о учиненіи непріятелю чувствительной диверсіи со стороны Греціи какъ на твердой ея землѣ, такъ и на островахъ Архипелага, а теперь, получа отъ васъ ближайшія извѣстія о дѣйствительной тамошнихъ народовъ склонности къ возстанію противъ Порты, и паче еще утверждаемся въ семъ мнѣніи; а потому, будучи совершенно надежны въ вашей къ намъ вѣрности, въ способности вашей и въ горячемъ исканіи быть отечеству полезнымъ сыномъ и гражданиномъ, охотно соизволяемъ мы, по собственному вашему желанію, поручить и ввѣрить вамъ приготовленіе, распоряженіе и руководство всего сего подвига.» Тутъ же императрица увѣдомляла Орлова, какія лица отправлены для поднятія христіанъ Балканскаго полуострова: въ Черногорію полковникъ Эздемировичъ и поручикъ Бѣличъ: первый давно служилъ въ Россіи, выведши въ новую Сербію значительное число своихъ земляковъ съ семей-

ствами; второй пріѣхалъ недавно въ послахъ отъ черногорскаго преобразователя Степана Малаго съ просьбою о помощи противъ турокъ: «Мы, писала Екатерина, разсудили употребить въ пользу пріѣздъ Бѣлича и сдѣлать его орудіемъ дѣла нашего.» Въ Албанію къ тамошнему старшинѣ Буковалу и маинскому старшинѣ Мавромихали отправленъ былъ венеціанскій грекъ Петушинъ, который уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ привозилъ отъ нихъ въ Петербургъ письма съ выраженіями готовности служить Россіи. Извѣстный подполковникъ Назаръ Каразинъ отправился въ дунайскія княжества и другія внутреннія области турецкія. Относительно способа дѣйствія Екатерина писала Орлову: «Прежде всего надобно принять за неоспоримую истину и за непремѣнное начало всего дѣла, что возстаніе каждаго народа порознь и прежде нежели смежные оному приготовлены и подвигнуты будутъ къ равному въ одно время, или, по крайней мѣрѣ, весьма скоро послѣ, поднятію оружія, не можетъ для насъ быть полезно, ибо ни который изъ нихъ самъ по себѣ столько не силенъ, чтобъ иное что произвесть могъ кромѣ одного набѣга и, такъ сказать, мимоходнаго на ономъ опустошенія частицы ближней земли; слѣдовательно же всякій такой набѣгъ, не нанося непріятелю чувствительнаго ущерба, а еще менѣе причиняя ему какую-либо для насъ полезную диверсію, въ чемъ одномъ прямая наша цѣль быть долженствуетъ, послужилъ бы только къ открытію туркамъ глазъ и къ поспѣшному огражденію себя нужными и достаточными осторожностями противу дальнѣйшихъ покушеній, ибо имъ всемѣрно легче будетъ упредить распаленіе одной искры, нежели послѣ противиться и утушать цѣлое, въ силу пришедшее пламя. На семъ основаніи и да будетъ первымъ и верховнымъ вашимъ попеченіемъ приводить всѣ тамошніе народы или большую ихъ часть въ тѣсное между собою единомысліе и согласіе видовъ, а приведя ихъ къ онымъ яснымъ убѣжденіямъ собственно ихъ взаимной пользы и надеждою общаго всѣхъ освобожденія отъ несноснаго ига невѣрныхъ, особливо же равною всѣхъ православныхъ христіанъ обязанностію защищать св. церковь и самое благочестіе, распорядить всѣ ваши мѣры и приготовленія въ непроницаемой тайнѣ такимъ образомъ, чтобъ принятіе оружія, сколько возможно, вездѣ въ одно время или вскорѣ одного народа за другимъ, а съ онымъ и на непріятеля съ

разныхъ сторонъ большими и соединенными силами, а не малыми и разсыпанными каждаго народа кучами, вдругъ нечаянное нападеніе послѣдовать могло, съ положеннымъ напередъ намѣреніемъ, куда и какъ продолжать дальнѣйшія дѣйствія и гдѣ основать надежный себѣ пласъ-д'армъ, безъ чего, кажется, никакъ обойтиться не можно, какъ для запасенія воюющимъ нужнаго пропитанія, такъ и для надежнаго иногда убѣжища отъ нашествія превосходныхъ силъ.» Орловъ долженъ былъ распространить между христіанскимъ народонаселеніемъ Турціи слѣдующее воззваніе: «Божіею милостію мы, Екатерина II и проч. Объявляемъ всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ православнаго исповѣданія, какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ. Крайняго сожалѣнія достойно состояніе древностію и благочестіемъ знаменитыхъ сихъ народовъ, въ какомъ они нынѣ находятся подъ игомъ Порты Оттоманской. Свойственная туркамъ лютость и ненависть ихъ къ христіанству, закономъ магометанскимъ преданная, стремятся совокупно ввергать въ бездну злоключеній въ разсужденіи души и тѣла христіанъ, живущихъ не только въ подданствѣ и порабощеніи ихъ, но и въ сосѣдствѣ уже, ибо злочестіе агарянъ, не зная другого себѣ обузданія кромѣ страха, не находило по сю пору никакого.—Порта Оттоманская, по обыкновенной ей злобѣ къ православной церкви нашей, видя старанія, употребляемыя за вѣру и законъ нашъ, который мы тщились въ Польшѣ привести въ утвержденныя трактатами древнія его преимущества, кои по временамъ у него насильно похищены были, дыша мщеніемъ, презрѣвъ всѣ права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вѣроломству, разруша заключенный съ нашею имперіею вѣчный миръ, начала несправедливѣйшую и безъ всякой законной причины противу насъ войну и тѣмъ убѣдила и насъ нынѣ употребить дарованное намъ отъ Бога оружіе. И сіе есть то самое время, въ которое христіане, подъ игомъ ея стенящіе, еще большее почувствуютъ угнетеніе. Соображая горестное благочестивыхъ сихъ сыновъ церкви Божія состояніе, пріемлемъ мы нынѣ во всемилостивѣйшее разсужденіе и желаемъ сколько возможно избавленію ихъ и отрадѣ споспѣшествовать. Остается только, чтобъ при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствіяхъ и они сами содѣйствовать потщились. Увѣщеваемъ всѣхъ ихъ вообще и каж-

дый особенно полезными для нихъ обстоятельствами настоящей войны воспользоваться къ сверженію ига и къ приведенію себя по прежнему въ независимость, ополчаясь гдѣ и когда будетъ удобно противъ общаго всего христіанства врага и стараясь возможный вредъ ему причинять и чрезъ то общему благому дѣлу воспособствовать и собственному своему жребію, котораго прочность и на предбудущія времена свято и ненарушимо утвердится при заключеніи съ Портою Оттоманскою мира, когда высокомѣрный непріятель принужденъ будетъ искать оного отъ насъ. Наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ поноснаго порабощенія избавляемыя и народы руководствомъ нашимъ вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чему мы и впредь всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ наше покровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ одержатъ»[43].

Воззваніе было обращено къ грекамъ и славянамъ Балканскаго полуострова. Изъ послѣднихъ въ Россіи болѣе другихъ были извѣстны Черногорцы, съ которыми происходили частыя сношенія, особенно при Петрѣ Великомъ и его дочери Елисаветѣ; мы видѣли, что на нихъ преимущественно указывалъ Алек. Орловъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы отправленъ былъ въ Черногорію совѣтникъ Пучковъ и повезъ 15,000 рублей; онъ долженъ былъ объявить тамошнимъ начальнымъ людямъ, что если Черногорцы учредятъ между собою порядокъ и согласіе, снабдятъ себя воинскими орудіями, введутъ регулярное войско и добрую дисциплину, то и впредь ежегодно будетъ имъ посылаться по 15,000 рублей. Пучковъ долженъ былъ вручить деньги и грамоту митрополиту Саввѣ въ присутствіи нѣкоторыхъ свѣтскихъ начальниковъ, и развѣдать о настоящемъ состояніи тамошняго народа, о его усердіи къ Россіи, и можетъ ли онъ быть ей полезенъ; также узнать, доходило ли народу жалованье, отправляемое изъ Петербурга съ пріѣзжавшими туда черногорскими архіереями. Пучковъ возвратился въ 1760 году и донесъ иностранной коллегіи, что Черногорцы находятся въ крайнемъ безпорядкѣ, не имѣютъ никакихъ у себя добрыхъ учрежденій, законовъ и обычаевъ, живутъ въ междоусобіи и враждѣ, начальству своему непослушны; а начальство печется не объ ихъ поль-

зѣ, а только о собственной корысти: такъ архіерей Василій старался всякими хитростями и обманами выманить у него Пучкова привезенныя имъ деньги и, для показанія своего мнимаго кредита, приводилъ къ нему самыхъ простыхъ людей, называя одного княземъ, другого бояриномъ, третьяго боярскимъ сыномъ. Начальники черногорскіе мало или почти ничего не толковали о Россіи, а русскія деньги расходились по немногимъ рукамъ между начальническими родственниками. Правосудія на Черной Горѣ не знаютъ, ибо каждый дому и фамиліи своей высшій судья и властелинъ, въ ссорахъ управляются поединками, другъ друга рѣжутъ и застрѣливаютъ, а потомъ убѣгаютъ въ другія области; сильныя фамиліи притѣсняютъ слабыя; если убійца имѣетъ многочисленную фамилію, то и дома живетъ покойно, а потомъ съ помощію денегъ мирятся. Примирителями бываютъ архіереи съ прочими, которые и сами при такихъ случаяхъ не преминутъ попользоваться, а иногда между воюющими и огонь раздувать не откажутся. Черногорцы вообще очень непостоянны, склонны къ грабежамъ и наполнены самовольствомъ. Въ догматахъ вѣры народъ этотъ ни мало не свѣдущъ, ограничивается крестообразнымъ поклоненіемъ и содержаніемъ постовъ.— Пучковъ однако закончилъ свое донесеніе тѣмъ, что хотя Черногорцы народъ дикій, но «добрымъ предводительствомъ и нравоучительнымъ наставленіемъ можно изъ него современемъ (хотя и съ трудомъ) нѣчто доброе сдѣлать, къ чему никто болѣе способствовать не можетъ, какъ ихъ два архіерея, такъ называемые черногорскіе повелители, съ тою токмо кондиціею, чтобъ архіерей Василій, отъ естества человѣкъ неспокойный, невмѣстно честолюбивый, сребролюбивый и возмутительный клеветникъ, между ими не былъ.»

Въ 1762 году, уже при Екатеринѣ пріѣхали въ Петербургъ черногорцы, Николай и Иванъ Петровичи, и подали за руками архіереевъ своихъ Саввы и Василія Петровичей, грамоту, въ которой заключались просьбы—о позволеніи архіерею Василію пріѣхать въ Россію, объ освобожденіи Черной Горы отъ турецкаго ига, объ указѣ, какимъ образомъ поступать Черногорцамъ съ своими непріятелями Рагузинцами, которые клевещутъ на нихъ Портѣ. Иностранная коллегія, основываясь на донесеніи Пучкова, подала императрицѣ докладъ, что пока въ Черногоріи не будетъ установленъ порядокъ, а установить его трудно, то отъ

этого народа никакой пользы для Россіи ожидать нельзя, кромѣ лишнихъ хлопотъ и охлажденія съ турецкимъ дворомъ и венеціанскою республикою, и потому коллегія разсудила отправить присланныхъ обратно съ письмомъ отъ канцлера къ черногорскимъ архіереямъ: въ этомъ письмѣ говорилось, чтобъ черногорскій народъ пребывалъ въ тишинѣ и покоѣ, и не подавалъ ни туркамъ, ни другимъ сосѣдямъ своимъ повода къ враждѣ; архіерею Василію пріѣхать въ Россію нельзя, потому что его присутствіе нужно въ отечествѣ. Вмѣстѣ съ письмомъ Петровичи повезли двѣ золотыя медали на коронацію Екатерины и сто золотыхъ жетоновъ. Несмотря однако на письмо, въ 1765 году архіерей Василій Петровичъ явился въ третій разъ въ Петербургѣ—подъ предлогомъ поздравленія императрицы съ восшествіемъ на престолъ. По обычаю, онъ просилъ вспомоществованія на возобновленіе церквей, просилъ снабдить его ризницею и митрою; но ризница, митра и 500 рублей денегъ отправлены были митрополиту Саввѣ, потому что Василій умеръ въ Петербургѣ въ мартѣ 1766 года.

Отношенія видимо охладились; Екатерина прямо выражалась, что иностранная коллегія съ Черногорцами въ ссорѣ; а между тѣмъ явилась новая причина къ неудовольствію.

Въ 1768 году получены были странныя вѣсти, вслѣдствіе которыхъ пограничнымъ губернаторамъ разосланъ былъ циркуляръ, гдѣ говорилось, что въ Черногоріи явился обманщикъ Степанъ Малый, который выдаетъ себя за императора Петра III-го: «Сей обманщикъ, не довольствуясь тѣмъ, что нашелъ себѣ прибѣжище и шайку у Черногорцевъ, съ которою началъ уже грабить купеческіе караваны, вздумалъ распространить свой умыселъ разсылкою отъ себя въ разныя стороны эмиссаровъ». Изъ собранныхъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣній узнали, что въ концѣ 1766 года на Черную Гору изъ Босніи пришелъ человѣкъ, называвшійся Степаномъ Малымъ; онъ выдавалъ себя за лѣкаря и лѣчилъ раненыхъ; но между тѣмъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, говорилъ тономъ вдохновеннаго пророка о необходимости перемѣны нравовъ и обычаевъ въ Черногоріи, о необходимости большей чистоты семейной, о необходимости вывести изъ употребленія родовую кровавую месть. Въ это время на Черной Горѣ находился русскій офицеръ, пріѣхавшій туда съ вещами, оставши-

мися послѣ умершаго въ Петербургѣ черногорскаго митрополита Василія; съ этимъ офицеромъ Степанъ сблизился и часто разговаривалъ; вслѣдствіе этихъ разговоровъ у него родилась мысль, выдать себя за русскаго императора Петра III, чтобъ могущественнымъ обаяніемъ этого имени заставить Черногорцевъ ввести у себя преобразованія, необходимыя для успѣшнѣйшей борьбы съ турками. Въ 1767 году Степанъ отправился съ Черной Горы въ Бокка да Каттаро и работалъ тамъ въ каменьщикахъ; тутъ уговаривалъ онъ одного изъ товарищей, каменьщика, чтобъ шелъ въ Россію и отнесъ туда его письмо; потомъ перешелъ въ мѣстечко Майну, гдѣ сталъ жить въ работникахъ у тамошняго обывателя Марка Вуковича Бовара, у котораго вылѣчилъ раненаго брата. И здѣсь стали слышать отъ него таинственныя рѣчи: «Когда Господь Богъ восхощетъ, то я сдѣлаю, что никто изъ васъ не будетъ носить никакого оружія». Въ народѣ пошли толки, что Степанъ Малый не простой человѣкъ; разсказывали, какъ онъ посылалъ каменьщика въ Россію, плакалъ, увидя въ одномъ монастырѣ портретъ Петра III-го, хотя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, сначала онъ выдавалъ себя за Ивана Антоновича, спасшагося отъ смерти; вспоминали, что при своихъ увѣщаніяхъ произносилъ слова: «Недалеко до государя»; говорили, что когда однажды кто-то облокотился на него, то онъ сказалъ: «Еслибъ ты зналъ, на кого ты облокачиваешься, то бѣжалъ бы отъ него какъ отъ огня». Между тѣмъ разнесся слухъ, что русскій императоръ Петръ III живъ и странствуетъ въ азіатскихъ областяхъ; нашлись люди, которые указывали на сходство Степана Малаго съ портретомъ Петра III, и вдругъ почти всѣ начали признавать его дѣйствительно за Петра. Къ Малому отправились старики, и отъ имени митрополита Саввы и народнаго собранія, стали заклинать его, чтобъ сказалъ, кто онъ. Малый отвѣчалъ: «Когда вы истиннаго Бога познаете и сдѣлаете общее и вѣчное между собою примиреніе, такъ чтобъ никакого не было впредь между вами несогласія и кровопролитія, тогда узнаете вы, кто таковъ Степанъ Малый». Послѣ этого онъ потребовалъ къ себѣ митрополита и упрекалъ его за то, что позволяетъ народу жить по-звѣрски; потребовалъ, чтобъ митрополитъ собралъ всѣхъ черногорцевъ и установилъ между ними общее и вѣчное

примиренiе, чтобъ они взаимно простили другъ другу всѣ обиды и впредь обиженный искалъ бы судомъ себѣ удовлетворенiя, а не мстилъ бы самъ собою. 1 октября созвано было народное собранiе: начинаетъ говорить Марко Тамовичъ изъ Майны, сопровождавшiй покойнаго епископа Василiя въ Россiю, и увѣряетъ, что Степанъ Малый настоящiй Петръ III-й, котораго онъ зналъ въ Петербургѣ. Когда узнали о требованiяхъ мнимаго россiйскаго императора, то собранiе согласилось на общее примиренiе до весны 1768 года, именно до новаго собранiя, назначеннаго на Юрьевъ день. Малый разсердился, узнавъ, что народъ уклонился отъ вѣчнаго примиренiя, отложилъ рѣшенiе слишкомъ на полгода. Онъ говорилъ старикамъ, объявившимъ ему рѣшенiе собранiя: «Кто у кого отнялъ жену, долженъ ее возвратить; прогнавшаго отъ себя жену и женившiйся на другой, долженъ принять первую и отослать вторую. Если такимъ образомъ учредите вы поступки ваши, то не будете оставлены отъ Бога и отъ россiйскаго двора». 8 октября созвано было новое собранiе, гдѣ установили начала всеобщаго и вѣчнаго замиренiя; всѣ поклялись не возобновлять усобицъ, выбрали воеводу—Станишича, и старшины опять отправились въ Майну объявить объ этомъ Степану. На этотъ разъ Малый встрѣтилъ ихъ во главѣ вооруженнаго отряда, съ обнаженною саблею, и благодарилъ за послушанiе его совѣтамъ. Старшины пали на колѣна, величая его царемъ и умоляя открыться. Малый отвѣчалъ: «Услышите вы Черногорцы и другiе сосѣднiе народы гласъ Бога вышняго и славу св. Iерусалима. Я не самъ собою пришелъ сюда, но посланъ отъ Бога, котораго таковъ гласъ слышалъ я: возстань, иди и трудись, я тебѣ помогать буду». Въ заключенiе Малый обѣщалъ сдѣлать Черногорцевъ счастливыми навсегда. Съ тѣхъ поръ въ церквахъ поминали императора Петра Θедоровича, супругу его Екатерину и наслѣдника великаго князя Павла Петровича. Владыка Савва призналъ Малаго Петромъ III-мъ; потомъ, видя, что вся власть переходитъ отъ него къ послѣднему, началъ было противодѣйствовать ему; но скоро опять примирился. Наружность Малаго описывалась такъ: на видъ ему слишкомъ 30 лѣтъ, сухощавъ, росту средняго, лицо бѣлое, продолговатое, волосы свѣтлорусые, лобъ широко-выпуклый, глаза малые, впалые, сѣрые,

быстрые, носъ длинный тонковатый, ротъ большой, голосъ женскій; кромѣ сербскаго языка Малый говорилъ по-нѣмецки, по-французски и по-италіански.

Черногорскій монахъ Софроній Плевковичъ, пріѣхавшій въ Кіевъ, разсказывалъ, что Степанъ въ Майнѣ жилъ у Марка Вуковича сначала какъ юродивый, а потомъ открылся ему, что онъ Петръ III, но не хочетъ называться этимъ именемъ, а будетъ называться Степаномъ Малымъ. Марко, услыхавъ это, палъ предъ нимъ на колѣна и цѣловалъ ему ноги; послѣ этого Степанъ призвалъ митрополита и старшинъ и также объявивъ себя Петромъ III-мъ, прибавивъ, что если они не будутъ его слушаться, то прекращено будетъ имъ денежное пособіе, идущее изъ Россіи. Софроній разсказывалъ, что Малый началъ устраивать регулярное войско, обучалъ его военнымъ упражненіямъ. Онъ призвалъ къ себѣ его, Софронія и просилъ идти къ императору Іосифу въ Вѣну, и когда Софроній спросилъ, кто онъ таковъ, то Степанъ отвѣчалъ: «На что тебѣ испытывать такую великую тайну, будь доволенъ тѣмъ, что ты слышишь, что я Степанъ Малый; я посланъ не отъ цесаря, ни отъ царя, но отъ самого Господа Бога Саваоѳа для спасенія рода христіанскаго, потому что уже девять лѣтъ, какъ турки моимъ хлѣбомъ питаются». Софроній долженъ былъ просить въ Вѣнѣ военныхъ кораблей и войска. Въ Глацѣ Софронія задержали, допросили и объявили ему, чтобъ ѣхалъ назадъ, императоръ войска на помощь Малому послать не можетъ. Не смѣя пробираться по турецкимъ владѣніямъ, Софроній поѣхалъ въ Россію. Относительно наружности самозванца Софроній къ приведенному выше описанію прибавилъ: нижняя губа толстая и отвислая, усы черные небольшіе, волосы темнорусые, побитъ нѣсколько оспою, весь лобъ обвязанъ полотномъ, чтобъ закрыть двѣ большія жилы. По свидѣтельству Софронія, Малый зналъ много языковъ, кромѣ сербскаго, италіанскій, турецкій, нѣмецкій, французскій, англійскій, греческій и нѣсколько арабскій. Императрица по поводу Степана Малаго писала графу Алексѣю Орлову: «Ген.-майоръ Подгоричанинъ подозрѣваетъ не безъ основанія, что Степанъ Малый тотъ самый италіанецъ Вандини, который въ канцеляріи опекунства здѣсь дѣло имѣлъ и, обманувъ здѣсь, выманя алмазы у греческаго купца и заложа оные, денегъ взялъ и самъ ускакалъ. Под-

горичанинъ говоритъ, что описаніе фигуры и лица одного и другого совсѣмъ сходны, а только Вандини не былъ рябъ, а другой рябъ, и къ Подгоричанинымъ писано, что пріѣхавъ въ Черногорію Степанъ въ оспѣ лежалъ и такъ рябъ нынѣ, хотя въ Петербургѣ не былъ таковъ» [44].

Сначала Софроніемъ хотѣли воспользоваться, отправить его на Черную Гору, чтобъ онъ поднималъ тамошнихъ жителей вмѣстѣ съ Степаномъ Малымъ противъ турокъ, уговоривши Степана бросить самозванство. Уже написана была инструкція Софронію; но потомъ передумали, и на инструкціи находимъ надпись, что она не состоялась. Софроній отправился на флотѣ съ адмираломъ Спиридовымъ. Графъ Алексѣй Орловъ писалъ императрицѣ, что онъ не можетъ одобрить выбора лицъ, отправленныхъ для поднятія турецкихъ христіанъ; Екатерина отвѣчала ему: «Весьма надежна, что все сдѣлается по желаніямъ нашимъ и прославимся въ сей вѣкъ, спасая многія тысячи подъ варварскимъ игомъ страдающихъ единовѣрныхъ нашихъ. Что же все сіе не такъ скоро исполниться можетъ, какъ ваше и мое желаніе бы было, то сіе не диво, но въ естествѣ сего великаго затѣя, и весьма похваляю васъ, что вы начали такъ, какъ ко мнѣ пишете. Что же вы не хвалите тѣхъ, кои отселѣ разосланы были, то въ оправданіе сего нынѣ нѣкоторымъ образомъ неосторожнаго поступка я вамъ скажу, что почти съ самаго начала войны, когда графъ Григорій Григорьевичъ подалъ проектъ о посыланіи флота въ Средиземное море, думано было какъ бы тѣхъ народовъ, съ кѣмъ вы теперь порядкомъ дѣло имѣете, склонить и приготовить въ нашу сторону; съ Черногорцами же иностранная коллегія почиталась въ ссорѣ. Признаться же должно, что въ самое то время множество грековъ, сербинъ и прочіе единовѣрные авантурьеры начали соваться ко многимъ съ планами, съ проектами, съ переговорами, и между ними, такъ сказать, брошенный подполковникъ Эздемировичъ, по чину, по лѣтамъ, и потому, что онъ уже заслугу ту имѣлъ передъ собою, что въ прежнее время нѣсколько сотъ разныхъ народовъ вывезъ на поселеніе въ Новороссію, казался лучшимъ, и какъ вступили съ нимъ въ разговоры и переговоры и наскакалъ Ефимъ Бѣличъ, и сталъ съ нимъ на одной квартирѣ и, по сказкамъ Эздемировича, ему открылся, что онъ присланъ отъ Степана Малаго. Сей отъ насъ писаннымъ къ Черногорцамъ въ

прошлыхъ лѣтахъ публичнымъ манифестомъ объявленъ обманщикомъ; но какъ его описывали тамъ весьма сильнымъ, то вздумали его (Бѣлича) употребить, запретя ему обманъ, съ тѣмъ и Эздемировичъ и Бѣличъ, не имѣвъ кого лучше, и отправлены были; я думаю, что и грекъ Петушинъ въ подобномъ казусѣ, то-есть лучше его не нашли» [45].

Софронія не отправили въ Черногорію, боясь, какъ видно, увеличить имъ число «авантурьеровъ.» Но и выборъ иностранной коллегіи оказался неудачнымъ. Еще лѣтомъ 1768 года отправленъ былъ совѣтникъ русскаго посольства въ Вѣнѣ Меркъ на Черную Гору съ увѣщательною грамотою къ тамошнимъ жителямъ, чтобъ не вѣрили самозванцу. Отъ 9 августа Меркъ прислалъ донесеніе, что ѣхать на Черную Гору, не подвергая себя смерти, никакъ не могъ, ибо черногорцы необыкновенно привязаны къ Малому. Екатерина написала на его донесеніи: «Еслибъ капитанъ гвардіи былъ посланъ съ грамотою къ черногорцамъ, то бы письмо несумнѣнно отдано было; но сей претонкій политикъ возвратился съ ней не сдѣлавъ, окромѣ преострыя размышленія; я совѣтую его изъ Вѣны отозвать, ибо видно, что онъ способность великую имѣетъ здѣсь употребленну быть въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а тамъ на него изойдетъ лишь лишняя коллегіи издержка» [46]. На Черную Гору съ грамотою, возбуждавшею христіанъ противъ турокъ, съ порохомъ и свинцомъ отправился генералъ-майоръ кн. Юрій Владимір. Долгорукій, подъ именемъ купца Барышникова. Но для удобства сношеній съ Черною Горою нужно было соглашеніе съ Венеціанскою республикою. Съ перваго раза казалось, что Венецію, изстари враждебную къ Портѣ, не трудно привлечь на русскую сторону; но Венеція не была уже прежняя отважная владычица южныхъ морей; это былъ разлагавшійся трупъ. Венеціанское правительство боялось всякаго движенія, ибо всякое движеніе могло болѣзненно потрясти и даже разрушить дряхлое государственное тѣло. Венеція боялась всѣхъ и всего, боялась Турціи, Сардиніи, Австріи, теперь сильно боялась Россіи, боялась движенія, вносимаго послѣднею въ славяно-греческій міръ, боялась потому возстанія своихъ славянскихъ и греческихъ подданныхъ. Съ 1768 года русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при венеціанской республикѣ былъ маркизъ Маруцци. Онъ долженъ былъ внушать венеціанскому правительству, какъ ему выгодно вступить

въ союзъ съ Россiею противъ общаго врага, что всѣ завоеванiя достанутся Венецiи, потому что Россiя ихъ не хочетъ и не можетъ имѣть въ такой дали. Но Маруцци писалъ Панину, что венецiане страшно боятся турокъ: всѣ войны съ послѣдними были гибельны для республики; Россiя далеко, не можетъ подать помощи; Маруцци достигъ одного: сенатъ постановилъ открыть черногорцамъ сообщенiе съ моремъ. Относительно Черной Горы Маруцци писалъ, что владыка Савва главный виновникъ смуты и кредита Степана Малаго, который увѣряетъ, что настоящая война Россiи съ Портою начата единственно изъ-за него, что его хотятъ сдѣлать владѣтелемъ страны между Скутари и Рагузою. Въ сентябрѣ 1769 года Маруцци переслалъ въ Россiю извѣстiе, что кн. Долгорукiй успѣлъ проникнуть на Черную Гору, захватилъ Степана Малаго и потребовалъ отъ проведитора каттарскаго позволенiя провезти самозванца чрезъ венецiанскiя владѣнiя для отсылки въ Россiю; проведиторъ обратился къ сенату и тотъ велѣлъ пропустить; при этомъ Маруцци писалъ, что венецiанское правительство обрадовалось аресту Малаго.

Но оно не радовалось другимъ извѣстiямъ: оно узнало, что графъ Орловъ, во время бытности своей въ Венецiи, пригласилъ славянъ, венецiанскихъ подданныхъ, для вооруженiя корсарскихъ кораблей противъ турокъ, и что эти корабли снаряжаются для Ливорны. Венецiанское правительство очень разсердилось, боясь, что это поссоритъ его съ турками. Каттарскiй проведиторъ извѣщалъ сенатъ, что кн. Долгорукiй поднимаетъ грековъ и особенно подданныхъ Порты; проведиторъ подозрѣвалъ тайныя сношенiя Долгорукаго и съ греками, подданными республики, ибо каждый день дезертировали солдаты изъ венецiанскихъ полковъ; дезертиры шли на Черную Гору, гдѣ имъ давали по 15 солидовъ на день кромѣ пропитанiя; при этомъ не обращали никакого вниманiя на дезертировъ изъ италiанцевъ, а принимали только славянъ. Проведиторъ доносилъ, что Долгорукiй хвалится скорымъ прибытiемъ русской эскадры; совѣтуетъ подданнымъ Порты жить спокойно и платить дань, дожидаясь удобнаго времени для возстанiя; что на Черной Горѣ работаютъ постоянно надъ зарядами. Проведиторъ думалъ, что венецiанскiя области будутъ въ большой опасности, когда появится русская эскадра; онъ указывалъ на многiя селенiя, затронутыя русскимъ духомъ, на большое число людей, виновныхъ

въ тайныхъ волненіяхъ. По полученіи этихъ извѣстій въ сенатѣ одинъ изъ членовъ объявилъ, что надобно внимательно заняться дѣломъ, а не дожидаться того времени, когда уже не будетъ болѣе возможности избрать выгоднѣйшую сторону; русская эскадра скоро появится на венеціанскихъ водахъ, всѣ гавани республики открыты, не укрѣплены, русскимъ кораблямъ не трудно будетъ войти въ Каттарскій каналъ; черногорцы съ прибытіемъ эскадры станутъ еще смѣлѣе; надобно заранѣе подумать о войскѣ, о флотѣ, о финансахъ, ибо все это находится въ печальномъ положеніи. Надобно подождать, отвѣчали ему, что̀ напишетъ венеціанскій посланникъ, поѣхавшій въ Моравію для переговоровъ съ Кауницомъ; не дождавшись отвѣта Кауница, нельзя принять никакого рѣшенія; положеніе дѣйствительно критическое, но надобно знать мнѣніе вѣнскаго двора. Отвѣтъ вѣнскаго оракула пришелъ. Когда венеціанскій посланникъ объявилъ Кауницу о черногорскихъ событіяхъ и о рѣшеніи своего сената не пускать въ гавани республики иностранныхъ военныхъ кораблей, то Кауницъ отвѣчалъ, что Австрія и герцогъ тосканскій будутъ поступать точно также. Тогда сенатъ положилъ усилить флотъ.

Въ октябрѣ Орловъ вызвалъ Маруцци въ Пизу для переговоровъ о черногорскихъ дѣлахъ и поручилъ ему выхлопотать у венеціанскаго правительства позволеніе ѣздить русскимъ офицерамъ на Черную Гору чрезъ владѣнія республики. Но по возвращеніи изъ Пизы Маруцци нашелъ письмо кн. Долгорукаго изъ Анконы, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что непостоянный характеръ черногорцевъ и ихъ варварскіе нравы заставили его покинуть Черную Гору, передавши начальство—Степану Малому! [47].

Долгорукій увидалъ въ первый разъ Малаго 2 августа, когда находился въ монастырѣ Бурчелѣ. Малый пріѣхалъ къ нему верхомъ на лошади съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ черногорцевъ; но пусть Долгорукій самъ разскажетъ о впечатлѣніи, какое произвелъ на него самозванецъ: «Разговоры его, поступки и обращенія заставили заключать объ немъ, что онъ въ лицѣ вздорнаго комедіанта представлялъ вѣтренаго или совсѣмъ сумасброднаго бродягу. Росту онъ средняго, лицомъ бѣлъ и гладокъ, волоса свѣтло-черные, кудрявые, зачесаны назадъ, лѣтъ тридцати пяти, одѣтъ въ шелковое бѣлой тафты платье, длинное по примѣру греческаго, на головѣ скуфья краснаго сукна, съ лѣваго плеча лежитъ тон-

кая позолоченая цѣпь, а на ней подъ правою рукою виситъ икона въ шитомъ футлярѣ, величиною съ русскій рубль, въ рукахъ носитъ обыкновенный турецкій обушокъ, голосъ имѣетъ тонкій на подобіе женскаго, въ рѣчахъ скоръ и выговорка по большей части бошняцкая, разговоры имѣлъ темные и вѣтреные, изъ которыхъ кромѣ пустоши ничего заключать не можно, хотя черногорцы и почитаютъ за пророческое краснорѣчіе со страхомъ и покорностію. По большей части курилъ онъ трубку, запивая стаканомъ водки съ водою, безъ чего не можетъ онъ жить по затвердѣлой привычкѣ.»—Когда Долгорукій отправился въ Цетинье, то на дорогѣ получилъ отъ владыки письмо, что Степанъ Малый, проѣзжая нѣкоторыя села, возмущаетъ ихъ; тогда Долгорукій послалъ губернатору приказаніе взять самозванца подъ арестъ и привести въ цетинскій монастырь. По словамъ Долгорукаго, главное и наслѣдственное достоинство на Черной Горѣ имѣлъ губернаторъ, который однако, по безпорядочному самовольству, не значилъ ничего, и въ это время губернаторомъ былъ молодой человѣкъ 20 лѣтъ.

6 августа послѣ обѣдни сталъ собираться народъ на Цетинскомъ полѣ. Въ собраніи прочитана была грамота владыки, въ которой изобличалось слѣпое мнѣніе черногорцевъ о Степанѣ Маломъ; называя послѣдняго обманщикомъ, льстецомъ и бродягою, владыка увѣщевалъ черногорцевъ, чтобъ отстали отъ самозванца и старались исправить свою погрѣшность вѣрностію и усердіемъ къ россійскому императорскому двору. По выслушаніи грамоты, губернаторъ и прочіе начальные люди просили Долгорукаго дать письменное объявленіе о самозванцѣ за своею рукою и печатью, и Долгорукій далъ заявленіе, что Степанъ самозванецъ, неизвѣстный въ Россіи; это заявленіе было прочтено народу, который выслушалъ его спокойно; послѣ обѣда прочтена грамота императрицы и народъ приведенъ къ присягѣ, причемъ розданы были вино и деньги. Но на другой день, 7 числа, въ пятомъ часу утра Долгорукій разбуженъ былъ шумомъ и волненіемъ: явился Степанъ Малый, и народъ со всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ нему. Долгорукій вышелъ, велѣлъ народу разойтись, а Степана взять и отвести въ тюрьму, что и было исполнено; народъ, который сначала бѣжалъ къ Степану, теперь вдругъ сталъ кричать, чтобы его повѣсили, и Долгорукому стоило боль-

шого труда успокоить толпу. Въ допросѣ Малый объявилъ, что онъ турецкій подданный, боснійскій уроженецъ, вышелъ изъ Босніи въ малолѣтствѣ, скитался по многимъ государствамъ, наконецъ пришелъ на Черную Гору.

Заключеніемъ самозванца въ тюрьму не кончились затрудненія Долгорукаго. Нравы и обычаи черногорцевъ были до такой степени противоположны понятіямъ и привычкамъ Долгорукаго, что онъ не имѣлъ никакой возможности или умѣнья уладиться съ ними, и нѣтъ ничего удивительнаго, что по всей Черной Горѣ онъ нашелъ только одного человѣка, котораго могъ понимать и который могъ его понимать, и этотъ человѣкъ былъ Степанъ Малый, точно также не сочувствовавшій черногорскому быту и стремившійся преобразовать его по образцамъ, видѣннымъ въ чужихъ краяхъ; но Степанъ умѣлъ обращаться съ черногорцами, сталъ дѣйствовать на ихъ религіозное чувство, пріобрѣлъ вліяніе какъ пророкъ; онъ вздумалъ было тронуть другую сильную струну для пріобрѣтенія авторитета, возбудивши въ народѣ мысль, что таинственный преобразователь и пророкъ есть не иной кто, какъ русскій императоръ, возбудивши только мысль, ибо онъ имѣлъ осторожность не объявлять себя прямо отъ себя и торжественно, что онъ Петръ III; но эта игра въ самозванство довела его до тюрьмы, и чуть было не довела до висѣлицы. Въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ не долго. Долгорукій, отчаявшись сдѣлать что-нибудь на Черной Горѣ, проклиная дикіе нравы тамошняго народа, покинулъ его, но передъ отъѣздомъ освободилъ Малаго, взявши съ него клятву въ вѣрности и усердіи къ Россіи, надѣвши на него мундиръ русскаго офицера, и поручивши ему главное распоряженіе на Черной Горѣ [48]. Въ послѣдствіи Малый, ослѣпшій, погибъ отъ измѣны.

Маруцци было поручено также войти въ сношенія съ Паоли, который послѣ того какъ французы заняли Корсику, купивъ ее у генуезцевъ, поднялъ знамя возстанія на островѣ для сверженія французскаго господства. Екатерина хотѣла воспользоваться этою борьбою, поддержать ее, поддержать Паоли, пріобрѣсти въ немъ полезнаго союзника при открывшихся видахъ на Средиземное море и вмѣстѣ заплатить герцогу Шуазелю за услугу, оказанную имъ Россіи поднятіемъ противъ нея Турціи. «Я нынче всякое утро молюся: спаси, Господи, корсиканца изъ рукъ нечестивыхъ фран-

цузовъ», писала Екатерина къ Ив. Чернышеву. На письмо Маруцци Паоли отвѣчалъ (отъ 21 марта), чтобъ ему лучше объяснена была связь между русскими и корсиканскими интересами; въ разговорѣ съ посланнымъ отъ Маруцци Паоли объявилъ желаніе получить отъ Россіи помощь военными кораблями; «съ 12 кораблями и съ моимъ сухопутнымъ войскомъ, говорилъ онъ, я берусь прогнать французовъ съ Корсики». Но сношенія съ Паоли должны были скоро прекратиться: покинутый своими онъ долженъ былъ бѣжать изъ Корсики [49]. Эта маленькая неудача не могла уменьшить надеждъ, которыя возлагались на появленіе русской эскадры въ Средиземномъ морѣ; Маруцци писалъ Панину: «Флотъ въ Средиземномъ морѣ дастъ намъ возможность помочь всѣмъ грекамъ, которые поднимутъ оружіе, онъ ихъ ободритъ; онъ можетъ захватывать турецкіе корабли, идущіе съ хлѣбомъ изъ Египта въ Константинополь, и такъ какъ турецкій флотъ въ плохомъ состояніи, то русскому не трудно будетъ проникнуть до Константинополя; но это должно быть сдѣлано въ первую кампанію, прежде чѣмъ турки будутъ имѣть возможность поправить свой флотъ» [50]. Послѣ этого легко понять, почему медленность эскадры такъ раздражала Екатерину, почему она писала такія письма Спиридову. Точно такое же раздражающее дѣйствіе производила на нее и медленность сухопутной арміи, когда та была подъ начальствомъ кн. Голицына, ея возвращенія назадъ изъ-за Днѣстра. Не надобно забывать, что удача въ предпріятіяхъ, особенно когда еще не прошло и десяти лѣтъ царствованія, имѣла для Екатерины гораздо большее значеніе, чѣмъ для государей, занявшихъ престолъ обыкновеннымъ образомъ. Внутри блестящій законодательный трудъ и преодолѣненіе всѣхъ враждебныхъ движеній, извнѣ успѣхъ въ Польшѣ подняли славу русской императрицы, дали ей значеніе женщины необыкновенной. Но вотъ враги сумѣли возбудить сильное препятствіе, поднять противъ Россіи двѣ войны: какъ выйдетъ теперь изъ затрудненій Екатерина, которую уже начали называть великою? Неуспѣхъ покажетъ, что этимъ названіемъ поспѣшили, пріобрѣтенное значеніе исчезнетъ извнѣ и внутри: и здѣсь, и тамъ, особенно здѣсь это исчезновеніе можетъ повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Тяжелое время провела Екатерина до осени. Торжество враговъ было невыносимо;

французскія газеты преувеличивали русскія неудачи, торжествовали мнимыя побѣды турокъ и татаръ; имъ вторила Кельнская газета. «Пойдемъ бодро впередъ»! писала Екатерина съ дѣтства близкой къ ней госпожѣ Бельке: «Пойдемъ бодро впередъ!—поговорка, съ которою я провела одинаково и хорошіе и худые годы, и вотъ прожила цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, и что значитъ настоящая бѣда въ сравненіи съ прошлыми?» Описавши пораженія турокъ подъ Хотиномъ, Екатерина продолжаетъ: «Азовъ и Таганрогъ заняты; и тотъ и другой были срыты въ 1739 году при посредничествѣ Франціи; а я ихъ возстановила безъ посредничества. Съ тѣхъ поръ какъ начали работать надъ этими городами, не видали ни одного непріятеля; послѣ зимы господа татары потеряли аппетитъ къ набѣгамъ на насъ, ибо во время трехъ попытокъ не нашли нигдѣ доступа, благодаря распоряженіямъ генерала Румянцева; и хотя въ Константинополѣ палили изъ пушекъ по случаю успѣховъ хана и Кельнская газета, составляемая папскимъ нунціемъ и французскимъ министромъ убила у насъ 70,000 человѣкъ въ Новой Сербіи, которая, съ вашего позволенія, называется Новою Россіею, однако вѣрно то, что этотъ походъ стоилъ жизни хану, котораго Порта велѣла отравить вмѣстѣ съ пятью самыми знатными мурзами, приписывая злонамѣренности невозможность проникнуть въ наши предѣлы. Комедія пальбы изъ пушекъ въ Константинополѣ была сыграна для ободренія войска, неоказывавшаго большого желанія выступить въ походъ». Въ іюлѣ Екатерина писала Вольтеру: «Не всѣ ваши соотечественники думаютъ обо мнѣ одинаково съ вами. Я знаю, какъ они любятъ убѣждать себя, что мнѣ невозможно сдѣлать что-либо хорошее, какъ они ломаютъ себѣ голову, чтобъ убѣдить въ томъ другихъ, и горе ихъ прислужникамъ, которые осмѣлятся думать иначе. Такъ какъ моя слава не зависитъ отъ нихъ, но отъ моихъ принциповъ и дѣйствій, то я утѣшаюсь въ ихъ порицаніяхъ и прощаю имъ какъ добрая христіанка. Вы мнѣ говорите, что думаете одинаково со мною о разныхъ моихъ дѣлахъ и ими интересуетесь. Такъ да будетъ же вамъ извѣстно, что моя прекрасная саратовская колонія считаетъ уже 29,000 жителей, и, на зло Кельнской газетѣ, вовсе не боится татарскихъ, турецкихъ и другихъ набѣговъ; что въ каждомъ кантонѣ церкви его исповѣданія, что тамъ мирно обрабатываютъ поля и трид-

цать лѣтъ не будутъ платить никакихъ податей. Впрочемъ наши подати вообще такъ умѣренны, что въ Россіи нѣтъ крестьянина, который бы не ѣлъ курицы, когда захочетъ и что съ нѣкотораго времени онъ предпочитаетъ индѣекъ курамъ; что вывозъ хлѣба, позволенный съ нѣкоторыми ограниченіями во избѣжаніе злоупотребленій безъ стѣсненія торговли, поднявши цѣны на хлѣбъ, даетъ земледѣльцу такія средства, что земледѣліе усиливается годъ отъ году; народонаселеніе въ послѣдніе семь лѣтъ также увеличилось на 10 процентовъ. Правда, у насъ война; но уже давно Россія занимается этимъ ремесломъ и изъ каждой войны выходитъ болѣе цвѣтущею чѣмъ была при ея началѣ. Наши законы идутъ своимъ чередомъ: надъ ними работаютъ потихоньку. Правда, что они теперь на второмъ планѣ, но отъ этого ничего не потеряютъ. Съ начала войны я привела къ концу два предпріятія: построила Азовъ и Таганрогъ, гдѣ гавань, начатая и разрушенная Петромъ 1-мъ. По вашему желанію, турки разбиты 19 и 21 апрѣля. Мнѣ кажется, что начало игры порядочное. Можно сказать, что разумъ человѣческій все одинъ и тотъ же. Смѣшной смыслъ крестовыхъ походовъ не помѣшалъ подольскому духовенству подъ вліяніемъ папскаго нунція проповѣдывать крестовый походъ противъ меня, и эти безумные самозванные конфедераты для опустошенія собственныхъ провинцій, обѣщанныхъ ими Портѣ, одною рукою взяли крестъ, а другою подписали союзъ съ турками. Зачѣмъ? Затѣмъ чтобы помѣшать четверти польскаго народонаселенія пользоваться правами гражданина» [51].

Этотъ договоръ, о которомъ говоритъ императрица, содержитъ въ себѣ слѣдующія условія: союзъ заключается оборонительный и наступательный; Польша выставляетъ 100,000 войска, Порта 200,000. Границы остаются по Карловицкому миру; но Польша уступаетъ Портѣ Кіевскую область, а сама возьметъ за это отъ Россіи Смоленскъ, Стародубъ, Черниговъ и Ливонію. Польша, въ благодарность за настоящія услуги, охотно уступаетъ Портѣ всѣхъ крестьянъ русской вѣры, преимущественно въ мѣстахъ, гдѣ начались бунты, даже всѣхъ диссидентовъ, ихъ женъ, дѣтей и все имущество, исключая начальниковъ бунта, которыхъ республика предоставляетъ себѣ судить и наказать. Порта не будетъ запрещать своимъ подданнымъ селиться въ Украйнѣ

и Подоліи, не исключая и мусульманъ. — Екатерина могла бы также сообщить Вольтеру извѣстіе о пріемѣ великимъ визиремъ одного изъ конфедератскихъ вождей Іоахима Потоцкаго. Будучи приглашенъ на военный совѣтъ, Потоцкій объявилъ, что именемъ республики проситъ Порту дать ему нѣкоторое число войскъ подъ команду, съ которыми онъ выгонитъ изъ Польши русскихъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ и приведетъ республику въ прежнюю вольность, какою должна она пользоваться по договору Карловицкому. Услыхавъ слово: «Карловицкій», визирь вспылилъ и сказалъ переводчику: «Передай этой собакѣ, чтобъ онъ не называлъ больше Карловица; нѣтъ больше договоровъ карловицкихъ, которыя ими сломаны; по закону, кто соединяется съ нашими непріятелями, тотъ самъ становится нашимъ непріятелемъ. Всесильный мой самодержецъ, прибѣжище королей, раздаватель коронъ, не слуга этимъ собакамъ и не имѣетъ въ нихъ нужды для предводительствованія нашими войсками. А если онъ (Потоцкій) хочетъ, чтобъ я послалъ его съ сераскиромъ, то пусть третъ лобъ свой о землю и цѣлуетъ мои ноги, и ему, какъ прибѣгшему къ намъ, не будетъ обиды; а по вступленіи нашемъ въ Польшу, надъ всѣми тѣми, которые съ петлею на шеѣ поддадутся, будетъ милосердіе, а на прочихъ мечъ за то, что соединились съ русскими. Великій султанъ не хочетъ ничего знать о ихъ проклятой вольности, потерянной ими, и чтобъ они шли къ дьяволу вмѣстѣ съ русскими!» Потоцкій съ кротостію отвѣчалъ, что будетъ во всемъ служить сераскиру и соединитъ конфедератовъ подъ его властію. Визирь успокоился этимъ отвѣтомъ и сказалъ ему: «Такъ говори, а не обманывай насъ!» и, обратясь къ одному изъ пашей, сказалъ: «Если поляки примутъ вѣру магометанскую, то мы имъ поможемъ охотно» [52].

Турки не могли помочь полякамъ и послѣднимъ не было нужды принимать магометанскую вѣру. Но сначала объявленіе турками войны Россіи произвело магическое дѣйствіе въ Польшѣ: немедленно поднялись головы и фантазія разыгралась. Разслабленное тѣло, которое не могло ничего сдѣлать само для себя, ждало спасенія только отъ чужой помощи и наконецъ дождалось. Мечтали, что Турціею дѣло не ограничится, составится европейская коалиція: противъ Россіи вооружатся Франція,

Австрія, Пруссія, Саксонія, Швеція, Данія и даже Англія; Россія будетъ побѣждена, Россія должна будетъ отказаться отъ всего сдѣланнаго ею въ Польшѣ. Поднялъ голову и полный представитель тогдашней Польши, король Станиславъ Августъ. Блестящій поклонникъ идей вѣка, съ широкими и теоретически правильными политическими взглядами, съ стремленіемъ пересоздать Польшу, дать ей *активное* значеніе среди другихъ державъ, Станиславъ Августъ страдалъ крайнею слабостію воли, совершенною неспособностію къ почину движенія, къ принятію какого-нибудь твердаго рѣшенія. Человѣкъ, желавшій дать активное значеніе Польшѣ, самъ, подобно своимъ соотечественникамъ, отличался совершенною пассивностію: отсюда привычка ждать спасенія не отъ собственной воли и энергіи, а отъ обстоятельствъ, привычка отстраняться и складывать руки при затрудненіяхъ, вѣра, постоянно имъ выражаемая, что настанутъ сами собою счастливые дни, которыми онъ воспользуется, чтобъ совершить что-нибудь замѣчательное: судьба не даромъ подняла его такъ высоко, судьба все сдѣлаетъ—фатализмъ, отличающій слабыхъ людей, слабые народы.

И на первыхъ порахъ могло показаться, что Польша съ своимъ королемъ были правы: въ Петербургѣ не съ полною твердостію было выдержано искушеніе турецкой войны, обнаружилось колебаніе, и нѣкоторая перемѣна системы относительно Польши, сдѣлана была ошибка, заставившая поляковъ еще выше поднять головы и выставить сопротивленіе хотя и страдательное, но тѣмъ не менѣе затруднявшее и раздражавшее. Какъ обыкновенно бываетъ, при затруднительномъ положеніи въ виду двухъ войнъ, при неприготовленности къ нимъ, стали искать, кого бы обвинить въ этомъ затрудненіи, на комъ сорвать сердце; на комъ же больше, какъ не на человѣкѣ, управлявшемъ внѣшними дѣлами? Панинъ долженъ былъ готовиться къ бурѣ. Онъ раздражилъ поляковъ, раздражилъ Австрію и Францію, слѣдствіемъ чего было поднятіе Турціи; онъ перемѣнилъ старую, мудрую систему, по которой Россія была въ постоянномъ союзѣ съ Австріею, союзѣ самомъ естественномъ, доставлявшемъ постоянное обезпеченіе отъ турокъ; придумалъ какую-то сѣверную систему, которая ни какъ не ладилась; заключилъ тѣсный союзъ съ Пруссіей; но прусскій король можетъ ли оказать противъ турокъ такую по-

мощь, какую бы оказала Австрія по своему географическому положенію, а главное, при австрійскомъ союзѣ и турецкой войны никогда бы не было: Порта не осмѣлилась бы вооружиться противъ двухъ имперій. Разумѣется всѣ эти нареканія должны были немедленно же появиться въ устахъ враговъ Панина, враговъ сильныхъ, Орлова, Чернышова, къ которымъ примыкали люди и менѣе значительные, но составлявшіе громкій хоръ. Сольмсъ писалъ своему королю, что говорятъ объ удаленіи Панина, виноватаго въ настоящемъ затруднительномъ положеніи государства [53]. Англійскій посланникъ Каткартъ доносилъ своему двору, что Панинъ съ очень немногими друзьями долженъ выдерживать напоръ французской и австрійской партіи. По мнѣнію Каткарта, Панину нельзя было устоять противъ потока. Противъ Панина были: Орловъ, Чернышовъ, Разумовскій, оба Голицыны — вице-канцлеръ и генералъ, всѣ недовольные новою системою, покинутіемъ австрійскаго союза [54].

Движенія противъ Панина выразились въ Совѣтѣ. 14 ноября, князь Мих. Никит. Волконскій предложилъ свое мнѣніе, что «всѣ теперь дѣлаются приготовленія внутри государства, а о внѣшнихъ неизвѣстно, и тѣмъ осмѣливается спросить: есть ли при нынѣшнемъ случаѣ такіе союзники, на которыхъ бы можно во время нужды положиться, да и притомъ обстоятельства нынѣ въ Польшѣ онъ почитаетъ больше вредными, нежели полезными для Россіи. Къ чему графъ Г. Г. Орловъ спрашивалъ изъясненія причинъ, какія привели Польшу возстать противъ Россіи; на что графъ Н. И. Панинъ изъяснилъ всѣ тѣ причины и притомъ объявлялъ, какія изъ того вышли замѣшательства. Послѣ сего сдѣланъ былъ вопросъ, что не можно ли изыскать какихъ-нибудь средствъ для усмиренія и возстановленія покоя въ Польшѣ и для приведенія оной на свою сторону. На сіе графъ Н. И. Панинъ читалъ декларацію, посланную въ Польшу проектомъ для возстановленія тишины, на которую ожидаетъ отвѣта; и на все вышеписанное происходили разныя политическія разсужденія» [55].

Екатерина поддержала Панина. Не могла она уступить раздраженію, явившемуся вслѣдствіе малодушія, робости при первомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ, и выдать человѣка, который дѣйствовалъ съ полнаго ея согласія; не могла она признать, что политическая система ея царствованія оказалась несостоятель-

ною, признать превосходство системы предшествовавшей. Но, поддержавъ Панина, дѣйствовавшаго непосредственно по ея повелѣніямъ, она уступила относительно человѣка, дѣйствовавшаго въ Варшавѣ, она пожертвовала Рѣпнинымъ, на котораго приходили жалобы, что онъ поступалъ слишкомъ круто, раздражалъ поляковъ. Рѣшено было отозвать Рѣпнина, замѣнивъ его человѣкомъ болѣе мягкимъ; сдѣлана была уступка полякамъ.

Мы видѣли, что самъ Репнинъ просилъ Панина отозвать его изъ Польши, сравнивая свое положеніе съ положеніемъ каторжника [56]. Съ одной стороны онъ былъ недоволенъ военными распоряженіями въ Петербургѣ; съ другой—его сильно раздражало то, что поляки, вслѣдствіе турецкой войны, подняли головы и стали требовать, чтобъ онъ раздѣлалъ то дѣло, которое онъ устроилъ съ такими усиліями. А тутъ еще на него возлагается новое трудное порученіе. Для успѣшнаго веденія войны съ Портою, для недопущенія турокъ ворваться въ Польшу для соединенія съ конфедератами, для русскаго войска важно было занять двѣ польскія крѣпости, Замосць и Каменецъ-Подольскій, особенно послѣдній. Въ Совѣтѣ 8 декабря было сдѣлано предложеніе о Каменцѣ, что если эту крѣпость взять основаніемъ кампаніи, то надобно употребить средство къ ея занятію. Гр. Орловъ представилъ, что, сколько извѣстно, Каменецъ такъ укрѣпленъ природою, что силою взять его нельзя, 50,000 человѣкъ ничего не въ состояніи сдѣлать, еслибы даже въ крѣпости было только 1000 человѣкъ гарнизона. Графъ Петръ Панинъ говорилъ, что если эту крѣпость силою взять нельзя, то надобно стараться получить ее военною стратагемою, и наконецъ рѣшено было «всевозможныя имѣть старанія о занятіи оной крѣпости». Сохранилась по этому поводу собственноручная записка императрицы: «Мнѣ кажется послать надлежитъ курьера съ ордеромъ къ Прозоровскому и къ Солтыкову, чтобъ они старались занимать Каменца куплею или финтою, или инымъ образомъ, лишь бы не опрошами или формальною осадою, коей никакъ не можно и не должно дѣлать» [57]. Замосць находился въ частномъ владѣніи у Замойскаго, который былъ женатъ на сестрѣ королевской; поэтому Репнинъ частнымъ образомъ обратился къ брату короля, оберъ-камергеру Понятовскому, не можетъ ли король написать партикулярно своему родственнику, чтобы тотъ не препятствовалъ

русскимъ войскамъ въ занятіи Замосця. Но король, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать частнымъ же образомъ, собралъ министровъ и объявилъ имъ, что русскіе хотятъ занять Замосць. Вслѣдствіе этого Репнину была прислана нота, что министерство его величества и республики за долгъ поставляетъ просить не занимать Замосця. Репнинъ не принялъ ноты, отвѣтивъ, что онъ не требовалъ ничего относительно этой крѣпости, а великому канцлеру коронному Млодзѣевскому замѣтилъ, что русскія войска призваны польскимъ правительствомъ для успокоенія страны: на какомъ же основаніи не давать имъ выгодъ, одинакихъ съ выгодами польскихъ войскъ? Когда же Репнинъ сталъ пенять королю, зачѣмъ онъ не сдѣлалъ различія между поступкомъ *конфидентной откровенности* и *министеріальнымъ*, то Станиславъ Августъ прямо сказалъ: «Не сдѣлай я такъ, вѣдь вы бы заняли Замосць». Репнинъ отвѣчалъ также прямо, что занятіе Замосця необходимо для безопасности Варшавы въ случаѣ татарскаго набѣга, и что такимъ поступкомъ король не удержитъ его отъ занятія крѣпости: «Я ее займу, хотя бы и съ огнемъ». — «Это занятіе очень важно, продолжалъ король: стоитъ только начать». — «Не разумѣете ли вы Каменецъ»? спросилъ Репнинъ.—«Именно», отвѣчалъ король. Тутъ Репнинъ сказалъ ему: «Мы изъ Польши въ турецкія границы не выйдемъ, прежде нежели не будемъ имѣть въ рукахъ Каменецъ для учрежденія тамъ нашего магазина и пласдарма; и такъ, если вы хотите, чтобы война шла не у васъ, а въ турецкихъ границахъ, то отдайте намъ Каменецъ. Какъ ваше величество теперь съ дядюшками? Разсуждали ли о настоящихъ обстоятельствахъ»? Король нѣсколько смутился и отвѣчалъ: «Они со мною попрежнему холодны; что же касается настоящихъ обстоятельствъ, то они говорятъ, что нужно посредничество чужестранныхъ державъ, и что нація можетъ успокоиться только въ томъ случаѣ, когда Россія отступится отъ гарантіи и диссидентскаго дѣла, когда диссидентамъ уступлена будетъ только свобода вѣроисповѣданія и заградится доступъ въ судебныя мѣста и на сеймы». — «Это лѣкарство хуже болѣзни, и конечно мы его не употребимъ, отвѣчалъ Рѣпнинъ: вамъ, другу Россіи, обязанному ей престоломъ, не годится уничтожать общаго дѣла; вы должны продолжать свою преданность къ Россіи, особенно когда видите, что всѣ стараются свергнуть васъ съ престола, что и на Россію-

то всѣ сердятся за то, что мы поддерживаемъ васъ на престолѣ». «Я бы охотно свое мѣсто оставилъ, отвѣчалъ король, еслибы могъ скоро успокоить свое отечество и доставить націи то, чего она такъ желаетъ, т.-е. уничтоженія русской гарантіи и диссидентскаго дѣла».

Въ совѣтѣ королевскомъ громко раздавались враждебные Россіи голоса. Маршалъ коронный князь Любомирскій и графъ Замойскій отъ своего имени и отъ имени Чарторыйскихъ предложили, что войско правительства польскаго, назначенное подъ начальствомъ молодого Браницкаго дѣйствовать противъ конфедератовъ, должно немедленно распустить по непремѣннымъ квартирамъ: иначе русскіе подговорятъ его на свою сторону и употребятъ противъ Турокъ, а изъ этого султанъ можетъ заключить, что Польша заодно съ Россіею противъ Турціи. Любомирскій съ товарищами сильно возставали противъ послѣдняго сенатскаго рѣшенія просить у Россіи помощи противъ конфедератовъ. Браницкій противился распущенію войска, говорилъ, что это произведетъ неудовольствіе въ народѣ и возбудитъ подозрѣніе въ русскомъ правительствѣ; но Замойскій продолжалъ настаивать на распущеніи войска, и требовалъ, чтобъ на будущее время принята была такая система: не отказывать прямо Россіи въ ея требованіяхъ, но постоянно находить невозможности въ ихъ исполненіи, льстить, но ничего не дѣлать; королю нисколько не вмѣшиваться въ настоящія волненія, нейти противъ націи, не вооружаться и противъ турокъ, но выжидать, какой оборотъ примутъ дѣла. Король все время молчалъ; совѣтъ Замойскаго приходился какъ нельзя больше ему по душѣ въ главныхъ своихъ чертахъ, но онъ былъ на сторонѣ Браницкаго на счетъ нераспущенія войска. Наконецъ положили войско не распускать, но запретить ему приближаться къ русскимъ границамъ; позволено ему требовать русской помощи и соглашать съ русскими войсками свои движенія только противъ бунтующихъ крестьянъ; но вмѣстѣ съ русскими нигдѣ не быть, не показывать, что польское правительство заодно съ русскимъ.

Понятно, что при такихъ рѣшеніяхъ не было никакой надежды получить отъ поляковъ Каменецъ. Зная, что король снова сблизился съ Чарторыйскими, Репнинъ обратился къ нимъ, выставляя необходимость занятія Каменца русскимъ войскомъ. Чарто-

рыйскіе отвѣчали: «Лучше подвергнуть весь тотъ край совершенному опустошенію, чѣмъ подать туркамъ причину къ объявленію намъ войны, тѣмъ болѣе, что еще невѣрно, обратятся ли турки къ польскимъ границамъ; да хотя бы и этихъ причинъ не было, то отдать Каменецъ не патріотично». Репнинъ спросилъ ихъ: «Что по вашему мнѣнію для васъ выгоднѣе, чтобы Россія или Порта взяла верхъ въ настоящей войнѣ? Отъ рѣшенія этого вопроса должно зависѣть все ваше поведеніе».—«Ни то, ни другое, отвѣчали Чарторыйскіе: намъ всего выгоднѣе не путаться нисколько въ это дѣло».—«Достоинство вашей короны страдаетъ отъ презрительныхъ отзывовъ Порты на вашъ счетъ», сказалъ Репнинъ. — «Гдѣ нѣтъ бытія, тамъ нѣтъ и достоинства, мы все потеряли», отвѣчали Чарторыйскіе, и литовскій канцлеръ примолвилъ: «Il vaut mieux ne rien faire, que de faire des riens».

Репнинъ обратился къ королю: тѣ же отвѣты. Репнинъ представилъ ему, что онъ глядитъ не своими глазами, и что никогда еще не было ему такой нужды находиться въ самомъ полномъ согласіи съ Россіею, потому что она одна можетъ спасти его отъ паденія, которое ему готовятъ Порта, Франція и большая часть поляковъ. «Все это я очень хорошо вижу, отвѣчалъ король: но есть такой періодъ бѣдствій, въ который уже никакая опасность нечувствительна; я теперь именно въ этомъ періодѣ, и потому отдаю свой жребій во власть событіямъ». — «Умоляю ваше величество подумать, сказалъ на это Репнинъ: теперь у васъ еще есть хотя малая армія, а въ мартѣ мѣсяцѣ и той заплатить будетъ нечѣмъ: тогда еслибы вы и захотѣли на что-нибудь рѣшиться и къ намъ приступить, то уже будетъ не съ кѣмъ». «Я, кажется, доказалъ свое усердіе, отвѣчалъ король, потерявъ вслѣдствіе этого усердія весь кредитъ въ своей націи и дошедши до безсилія, котораго мнѣ въ вину поставить нельзя».—«Конечно, сказалъ Репнинъ, прошедшая ваша дружба забыта не будетъ; но надобно ее продолжать, а какъ скоро вы ее прекратите, то и все кончится». — «Если ея и. в—ство, отвѣчалъ король, дастъ мнѣ возможность быть ей полезнымъ, согласясь отступить совершенно отъ гарантіи и частію отъ диссидентскаго дѣла, дастъ мнѣ чрезъ это способы возвратить къ себѣ любовь и довѣренность моихъ подданныхъ, то я докажу дѣйствительнымъ образомъ, что нѣтъ человѣка преданнѣе меня ея и. в—ству; но если

она этого не сдѣлаетъ, то я хотя и останусь ея другомъ, но въ совершенномъ бездѣйствіи и не бытіи». Репнинъ замѣтилъ на это, что императрица не можетъ отступить отъ своихъ правъ безъ униженія своего достоинства. Когда король повторилъ также рѣшительный отказъ относительно сдачи Каменца, то Рѣпнинъ кончилъ разговоръ словами, чтобъ король пенялъ во всемъ на себя. Русскіе будутъ умѣть взять предосторожности, какія имъ нужны. Въ началѣ 1769 года, въ разговорѣ съ Репнинымъ, король повелъ рѣчь о возможности своего близкаго паденія. Репнинъ замѣтилъ ему, что всегда непріятно сходить съ престола; а быть согнану и стыдно.—«Меня конечно не сгонятъ, отвѣчалъ король: я умру, давши себя застрѣлить въ своемъ дворцѣ, а мѣста своего не покину, буду здѣсь защищаться».—«Лучше бы не дожидаться такой крайности, возразилъ Репнинъ: славнѣе было бы умереть въ полѣ, а не въ своей комнатѣ; я самъ пойду къ вамъ въ адъютанты, если только вы примете это мужественное намѣреніе и соедините свои силы съ нашими; слава и счастье сами не приходятъ, а надобно идти къ нимъ на встрѣчу, искать ихъ». «Въ моемъ положеніи нельзя думать о славѣ, отвѣчалъ король: выше славы поставляю свой долгъ, а долгъ запрещаетъ мнѣ перемѣнить свое поведеніе».

Въ Петербургѣ хотѣли, чтобъ король прямо соединился съ Россіею, примкнувши къ конфедераціи, которая бы составилась, при русской помощи, для поддержанія постановленій послѣдняго сейма. Но Бенуа писалъ своему двору въ началѣ 1769 года: «Въ Петербургѣ сильно ошибаются, воображая, что Россія имѣетъ еще партію въ Польшѣ; здѣсь всякій согласится со мною, что отъ самаго знатнаго вельможи до послѣдняго нищаго—всѣ смертельно ненавидятъ все московское» [58]. Станиславъ Августъ былъ согласенъ съ Бенуа, и потому въ разговорѣ съ Репнинымъ 9 декабря 1768 года спросилъ его: «Чего вы отъ насъ хотите»? *Репнинъ*: чтобъ вы подтянули пружины своего правленія для воспрепятствованія вашему полному уничтоженію. *Король*: то-есть вы хотите сейма или конфедераціи, которымъ вы потомъ скажете: если вы не успокоитесь, то мы будемъ смотрѣть на васъ какъ на нарушителей договора; и вы насъ принудите, какъ на послѣднемъ сеймѣ, принять вредныя для насъ рѣшенія. *Репнинъ*: у насъ нѣтъ этого намѣренія; но еслибы мы такъ поступили, то

вамъ бы слѣдовало сказать тогда: *нѣтъ*, сказать съ мужествомъ, истинно патріотическимъ; тогда бы открылось, что мы посягаемъ дѣйствительно на вашу независимость и національное главенство; тогда вы имѣли бы основаніе призвать на помощь Австрію и Францію; тогда бы наступилъ для васъ настоящій моментъ революціи. *Король:* зачѣмъ рѣшаться намъ на такой рискъ, когда мы его предвидимъ? *Репнинъ:* но зачѣмъ его предполагать? *Король:* прошедшее насъ научаетъ. Князь Репнинъ честный человѣкъ; но посолъ пользуется всѣмъ; онъ искушаетъ души продажныя и честолюбивыя; онъ стращаетъ патріотовъ. *Репнинъ:* и такъ вы не соберете ни сейма, ни конфедераціи въ продолжаніе 20 лѣтъ, если дѣла будутъ находиться въ настоящемъ положеніи; такъ зачѣмъ же мнѣ быть здѣсь, если никто не можетъ и не хочетъ ничего дѣлать? Лучше меня отозвать и прислать другого. *Король:* лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дурно дѣлать. Вы, кн. Репнинъ, лично заставили меня страдать больше, чѣмъ кто-либо въ мірѣ; но я увѣренъ, что вы не можете меня ненавидѣть и презирать; поэтому я не выиграю ничего отъ вашего отозванія. — Король кончилъ увѣреніемъ, что ни одинъ полякъ не вступитъ ни въ какія соглашенія безъ улучшенія условій [59].

По поводу этихъ условій Станиславъ Августъ писалъ императрицѣ (отъ 26 января н. с. 1769 г.): «Желая сдѣлать меня королемъ, в. в. конечно подразумѣвали при этомъ, что я долженъ исполнять обязанности королевскія: поэтому я обязанъ и въ отношеніи къ в. в. точно также какъ и въ отношеніи къ своему отечеству, представить вамъ вѣрную картину состоянія Польши. Я обязанъ это сдѣлать особенно послѣ требованія, сдѣланнаго мнѣ русскимъ посломъ отъ вашего имени—образовать конфедерацію. Въ то время, какъ моя прямота и мой патріотизмъ заставляли меня ежедневно и настойчиво указывать русскому послу во всемъ дѣлавшемся здѣсь то, что я находилъ противнымъ благу Польши, моему собственному и даже вашему, я никогда не старался поднимать противъ васъ враговъ, ни вступать ни въ какую политическую связь безъ вашего вѣдома, какъ другіе, въ пользу которыхъ требовали отъ меня уступчивости, самой вредной для меня и для моего государства [60]. Я не раскаиваюсь въ моемъ поведеніи, потому что оно сохранило мнѣ титулъ испытаннаго вашего друга; но оно причиною удаленія и даже от-

вращенія, питаемаго ко мнѣ большею частію моего народа, ибо, не зная всѣхъ возраженій моихъ противъ того, что кажется ему притѣсненіемъ, онъ считаетъ меня виновникомъ этого притѣсненія. Многіе магнаты, чтобъ оправдать себя предъ массою гражданъ въ предпринятомъ ими изъ личныхъ видовъ, нашли полезнымъ для себя увѣрять, что я желалъ гарантіи и равенства диссидентовъ съ католиками, тогда какъ в. в. вполнѣ извѣстно, какъ я сильно желалъ, чтобъ вы не хотѣли этихъ двухъ вещей и какъ я отказался взять на себя ихъ проведеніе. Всѣ конфедераціи, уничтоженныя силою оружія и всѣ конфдераціи, которыя раждаются каждый день, несмотря на постоянныя пораженія, доказываютъ всеобщность неудовольствія. Это неудовольствіе обнаружится заразъ повсюду, если я теперь составлю конфедерацію, основаніемъ которой не будетъ уничтоженіе гарантіи и ограниченіе статьи о диссидентахъ. Смѣю увѣрить в. в., что вмѣсто оказанія вамъ услуги я только увеличу этимъ существующія затрудненія. Въ самой Варшавѣ и тридцать человѣкъ не подпишутся добровольно на такую конфедерацію. Такое ничтожное число возбудитъ презрѣніе въ провинціяхъ и придастъ имъ духъ сопротивляться столь безсильной попыткѣ столицы и короля. Если я для увеличенія числа подписей употреблю силу, то это укрѣпитъ убѣжденіе народнаго большинства, что я дѣйствую противъ его желаній и интересовъ и что я объявляю себя его врагомъ. Когда два года тому назадъ я указывалъ на величайшую трудность, которую встрѣтитъ диссидентское дѣло, приписали другимъ побужденіямъ то, что было только слѣдствіемъ моего знакомства съ образомъ мыслей моихъ соотечественниковъ. Событія меня оправдали. Я не измѣнилъ правды съ самаго начала, какъ не измѣнилъ преданности в. в—ству до конца. Отъ васъ зависитъ и для васъ важно умирить Польшу, возвратить мнѣ любовь моего народа и чрезъ это сдѣлаться для васъ существенно полезнымъ».

— «Было бы неслыханнымъ дѣломъ, отвѣчала Екатерина, еслибы я добровольно согласилась покинуть то, что можно у меня отнять только силою оружія. Чѣмъ болѣе сознаю я обязанности моего положенія, чѣмъ болѣе я старалась выполнить ихъ въ диссидентскомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе я буду виновата, если покину его. Умиротвореніе Польши и собственная ваша безопас-

ность тѣсно связаны съ успѣхомъ моего оружія. Одинъ Богъ даетъ побѣду, но такъ какъ Онъ требуетъ отъ людей усилій, бодрствованія и твердости, которыя одни могутъ ее приготовить, то я не пренебрегу ни чѣмъ для этого приготовленія». Этотъ отвѣтъ былъ отъ 26 марта; а 31 марта Екатерина уже подписала инструкцію новому послу въ Варшаву, князю Михаилу Никит. Волконскому. Перемѣна посла необходимо предвѣщала новый способъ дѣйствія. Перемѣна посла, какимъ бы путемъ ни дошли до убѣжденія въ ея надобности, была ошибкою. Князь Репнинъ былъ именно человѣкъ необходимый въ Польшѣ въ описываемое время. Онъ отлично зналъ страну, зналъ людей и умѣлъ обходиться съ ними. Предъ началомъ каждаго дѣла онъ соображалъ его трудности, выпукло ставилъ на видъ всѣ могущія произойти неблагопріятныя послѣдствія; но какъ скоро убѣждался въ необходимости дѣйствовать или получалъ рѣшительное приказаніе отъ своего двора, то принимался за дѣло, и уже ни шага назадъ, ни малѣйшаго колебанія. Репнина могли ненавидѣть; но его не могли не уважать; притомъ характерѣ, которымъ отличалось большинство польскихъ дѣятелей, именно былъ нуженъ человѣкъ, котораго бы уважали, котораго бы боялись какъ Репнина. Перемѣна посла естественно и необходимо возбуждала въ полякахъ мысль, что русскій дворъ готовъ отказаться отъ сдѣланнаго Репнинымъ и для сохраненія приличія отзываетъ послѣдняго, желая сложить на него вину, показать, что онъ дѣйствовалъ не такъ какъ ему предписывалось.

«Польша, говорилось въ инструкціи Волконскому, Польша находится въ крайнемъ нестроеніи и съ тѣнью только бездушнаго правительства, которое однако надобно вамъ удерживать и ободрять, ибо оно какъ ни безплодно теперь для подкрѣпленія нашихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе нужно для одной репрезентаціи и для центра, изъ котораго бы, по крайней мѣрѣ современемъ, можно было подать нѣкоторое оживотвореніе всему корпусу республики, особливо когда войска наши одержатъ верхъ надъ неустроенными турецкими силами и не допустятъ ихъ въ эту первую кампанію утвердиться въ предѣлахъ польскихъ, ибо тогда съ лучшею надеждою можно будетъ опять приняться за польскія дѣла и поставить ихъ въ желаемое положеніе для поспѣшествованія войны нашей съ турками. Вслѣдствіе того поруча-

емъ мы вамъ употреблять всѣ силы и способы къ удержанію въ публикѣ сей тѣни польскаго правительства при королѣ и при министерствѣ республики, стараясь придавать ему если не внутренно, то хотя съ одной наружной стороны большую вѣрность и почтеніе въ націи, а ихъ самихъ укрѣплять и ободрять сильнѣйшимъ нашимъ покровительствомъ, дабы не унывали и не пренебрегали въ уныніи всѣми средствами къ спасенію отечества.

«Мы имѣемъ причину быть довольными нынѣшними поступками и мыслями короля, а потому и надобно уже вамъ будетъ обходиться съ нимъ откровенно и совѣтоваться объ общихъ вашихъ подвигахъ къ скорѣйшему успокоенію націи и возстановленія въ ней порядка, такъ какъ въ этомъ теперь до времени состоитъ главная и единственная цѣль всѣхъ вашихъ негоціацій. Король конечно для собственной пользы готовъ будетъ содѣйствовать трудамъ и успѣхамъ вашимъ и не отречется слѣдовать совѣтамъ вашимъ въ раздачѣ зависящихъ отъ него награжденій. Намъ самимъ нужно, чтобъ король могъ войти въ большую любовь у націи своей, къ чему онъ по ограниченной власти своей, не имѣетъ другихъ надежнѣйшихъ способовъ, кромѣ раздачи чиновъ и наградъ».

Волконскій долженъ былъ руководиться шестью *генеральными* правилами: 1) удерживать польское правительство хотя въ одной наружности; 2) изыскивать удобнѣйшія средства къ успокоенію Польши; 3) сохранять диссидентское дѣло въ полной его силѣ и во всемъ пространствѣ; 4) утверждать русскую гарантію относительно цѣлости владѣній республики, и неизмѣняемости постановленій послѣдняго сейма; 5) не допускать поляковъ до соединенія съ турками; 6) охранять безопасность короля на престолѣ. Относительно второго правила замѣчено, что для успокоенія Польши императрица не пожалѣетъ ни труда, ни денегъ, если цѣли можно достигнуть безъ уничтоженія гарантіи. Волконскій долженъ былъ стращать магнатовъ, что если умѣренность русскаго двора не произведетъ должнаго впечатлѣнія, то обратятся огонь и мечъ не на одних только явныхъ возмутителей, но и на тѣхъ, которые скрытно ихъ поджигаютъ. Относительно диссидентскаго дѣла Волконскій долженъ былъ грозить, что имъ интересуется не одна Россія, но и всѣ протестантскія державы, и если вмѣшаются въ него католическія

державы, то произойдетъ бѣдственная для всего христіанства война, во время которой католицизмъ можетъ быть совершенно уничтоженъ въ Польшѣ. Впрочемъ послу была указана возможность уступки по диссидентскому дѣлу: «не входя и не участвуя никакъ въ модификаціи постановленныхъ диссидентамъ преимуществъ, умалчивать о тѣхъ уступкахъ, которые иногда они сами между собою сдѣлать согласятся для скорѣйшаго успокоенія и примиренія съ своими соотчичами».

22 мая Волконскій пріѣхалъ въ Варшаву. Онъ началъ дѣло съ того, на чемъ остановился Репнинъ, т.-е. съ Каменца. Король объявилъ ему, что крѣпость не будетъ отдана въ руки турокъ, и въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны ей приказано будетъ защищаться. «Полагаясь на слова в. в., отвѣчалъ Волконскій, я буду требовать отъ польскаго правительства формальнаго обнадеживанія». — «Требуйте,» сказалъ король. Волконскій препроводилъ въ министерство проектъ ноты, въ которой требовалъ обнадеживанія, что гарнизону каменецкому приказано будетъ защищаться отъ турокъ, не сдаваться и принять необходимыя для обороны мѣры съ помощію и заодно съ русскими войсками. Министерство прислало проектъ отвѣта, что каменецкому комменданту приказано защищаться въ случаѣ нападенія и не впускать въ крѣпость никакого войска, независящаго отъ республики. Тщетно Волконскій настаивалъ, чтобъ въ отвѣтѣ было именно сказано: «защищаться противъ турокъ», хотя и съ выпускомъ словъ: «съ помощію русскихъ войскъ и заодно съ ними»: Поляки не согласились, и Волконскій рѣшился не посылать ноты.

Число конфедератовъ увеличивалось; сообщеніе Варшавы съ главною русскою арміею пресѣклось. Видя, что съ такимъ малочисленнымъ русскимъ войскомъ, какое находилось въ Польшѣ, нельзя ее успокоить, и зная, что повстанцы стягиваются къ Варшавѣ для нападенія на нее, Волконскій послалъ приказаніе идти къ этому городу графу Апраксину изъ Познани и генералъ-маіору Чарторыйскому изъ Торна; но посолъ не зналъ, дойдутъ ли его приказанія по назначенію вслѣдствіе перерыва сообщеній; по прибытіи Апраксина и Чарторыйскаго число русскаго войска въ Варшавѣ должно было простираться до 4000 человѣкъ. Король увѣрялъ Волконскаго въ неизмѣнной преданности своей къ

императрицѣ, но относительно успокоенія волненій повторялъ, что этого достигнуть нельзя безъ уступки въ гарантіи и диссидентскомъ дѣлѣ; впрочемъ и объ этомъ говорилъ нерѣшительно, ничего не обѣщая и ни въ чемъ не отказывая. Волконскій повторялъ, что уступки никакой не будетъ и нечего объ ней говорить, какъ о средствѣ къ успокоенію націи, которая видя, что правительство остается въ небытіи, приходитъ отъ этого все въ большую дерзость. Волконскій замѣтилъ, что король совершенно зависитъ отъ дядей своихъ и безъ нихъ ничего начать не смѣетъ. «Впрочемъ, прибавляетъ посолъ, правда и то, что онъ самъ собою ни малѣйшаго кредита не имѣетъ и предпринять ничего не въ состояніи.» Чарторыйскіе пѣли ту же пѣсню о гарантіи и диссидентахъ; а примасъ говорилъ, что Польша не можетъ быть счастлива подъ королемъ-пястомъ, что Станислава Августа нація ненавидитъ и безъ его сверженія нѣтъ средства ее успокоить. Волконскій отвѣчалъ ему, чтобъ позабылъ объ этомъ и думать, Россія не допуститъ ниспроверженія собственнаго своего дѣла. Но примасъ остался при своемъ мнѣніи и говорилъ: «Я чистосердечно открылъ какъ я думаю, а впрочемъ исполню все то, что мнѣ будетъ приказано императрицею.»—«Изо всѣхъ моихъ съ здѣшними магнатами разговоровъ, писалъ Волконскій, примѣтилъ я, что они не хотятъ ни зачто приниматься въ ожиданіи оборота дѣлъ нашихъ съ турками. Дворъ и министерство насъ чуждаются и показываютъ предъ народомъ, что никакого сообщенія и согласія съ нами не имѣютъ и въ самомъ дѣлѣ отнюдь мнѣ ничего не сообщаютъ и ни о чемъ не сносятся.»

Волконскій смутился; его пугала мысль, что при первой неудачѣ русскаго оружія въ войнѣ съ турками въ Польшѣ образуется генеральная конфедерація. Въ это время, въ концѣ іюня виленскій епископъ Мосальскій и воевода поморскій графъ Флеммингъ предложили ему проектъ конфедераціи. И эти доброжелатели необходимымъ условіемъ своей дѣятельности предположили уступку Россіи въ гарантіи и диссидентскомъ дѣлѣ, но представили способъ благовидный, именно чтобъ вся польская нація обратилась къ императрицѣ съ просьбою объ этой уступкѣ, причемъ Мосальскій и Флеммингъ требовали, чтобъ Россія не препятствовала умноженію польскаго войска. Скоро явилось двое другихъ доброжелателей — первый, молодой графъ Браницкій,

сынъ извѣстнаго гетмана, второй — кухмистръ коронный графъ Понинскій, издавна считавшійся преданнымъ Россіи. Они теперь составили проектъ конфедераціи, для успѣха которой требовали отъ Россіи обязательства уступить Польшѣ Бессарабію и Молдавію, если русское войско отниметъ эти страны у Турціи. Этотъ Браницкій, какъ извѣстно, назначенъ былъ начальникомъ коронныхъ войскъ, которыя должны были дѣйствовать противъ конфедератовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Биржинскаго; Браницкій долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ полковникомъ княземъ Голицынымъ, и такъ какъ въ польской казнѣ денегъ не было, то Волконскій далъ 3000 червонныхъ для отправленія этого войска. Но мы видѣли, что рѣшено было не позволять польскому правительственному войску дѣйствовать вмѣстѣ съ русскими, и странно, какъ Волконскій не зналъ объ этомъ рѣшеніи изъ донесеній своего предшественника. Не успѣлъ Браницкій дойти до Бреста Литовскаго, какъ получилъ приказаніе немедленно возвратиться съ своимъ корпусомъ въ Варшаву, послѣ чего король прислалъ за Волконскимъ и объявилъ ему, что къ сожалѣнію не могъ поступить иначе, не можетъ и объяснить о причинѣ своего поступка. Изъ 3000 червонныхъ Браницкій издержалъ 600, которые такимъ образомъ пропали даромъ. «Послѣ сего образца, писалъ Волконскій Панину, сами изволите заключить, сколь постоянно здѣшнее поведеніе и какую надежду можно полагать на всѣ клятвы и увѣренія, кои какъ вѣтеръ перемѣняются.» Разговаривая съ кн. Чарторыйскимъ, литовскимъ канцлеромъ, Волконскій сообщилъ ему, что повстанцы собираются въ Ловичѣ и около Варшавы. На это Чарторыйскій сухо отвѣчалъ, что можетъ быть составятъ они генеральную конфедерацію, и когда Волконскій спросилъ, что же они, Чарторыйскіе, станутъ дѣлать въ такомъ случаѣ, ибо генеральная конфедерація будетъ противъ короля, слѣдовательно и противъ нихъ самихъ и раззоритъ Польшу, то получилъ отвѣтъ: «Мы не знаемъ что съ нами будетъ, а Польша останется всегда Польшею.» Тутъ пришелъ воевода русскій; Волконскій спросилъ у него, какое онъ сдѣлалъ распоряженіе относительно польскихъ войскъ находящихся въ Варшавѣ; Чарторыйскій отвѣчалъ, что на эти войска надѣяться нельзя, ибо сами они говорятъ, что драться съ конфедератами не станутъ.

26 іюля король позвалъ Волконскаго обѣдать, и послѣ обѣда началъ разговоръ обычными увѣреніями въ преданности своей императрицѣ, а кончилъ вопросомъ: не лучше ли союзный трактатъ и всю послѣднюю конституцію уничтожить, а на мѣсто ихъ сочинить новый трактатъ. Волконскій отвѣчалъ, что такія мысли надобно выкинуть изъ головы, что Россія никогда отъ трактата не отступитъ, ибо гарантіи просила отъ императрицы республика чрезъ торжественное посольство и трактатъ постановленъ на основаніи этой просьбы. — «Все это было сдѣлано силою», сказалъ король.—«Неправда! отвѣчалъ Волконскій: такое торжественное посольство не могло быть принужденное.» И въ то же время король обратился къ Волконскому съ просьбою, не можетъ ли онъ помочь ему въ его крайней бѣдности, ссудить тысячъ до десяти червонныхъ ибо доходы его всѣ побраны конфедератами и ему почти ѣсть нечего. Волконскій далъ ему 5000, да прежде у Рѣпнина взялъ онъ 13000 червонныхъ. Станиславъ Августъ просилъ, чтобъ эту ссуду содержать втайнѣ, стыдясь и боясь, чтобъ не сказали, что онъ подкупленъ Россіею. Спустя немного времени король попросилъ еще 5000 червонныхъ, безъ чего былъ бы принужденъ распустить свою гвардію. Волконскій далъ деньги, зная что эта гвардія ждетъ перваго случая пристать къ мятежникамъ, и случай этотъ представится, когда король распуститъ ее по невозможности платить жалованье. Въ то же время король чрезъ резидента своего въ Петербургѣ Псарскаго обратился прямо къ императрицѣ съ просьбою помочь ему деньгами: Екатерина утвердила выдачу 10,000 червонныхъ, сдѣланную Волконскимъ, отзываясь, что при настоящихъ огромныхъ издержкахъ русскаго двора она не можетъ оказать большей помощи.

Относительно плана конфедераціи, предложеннаго виленскимъ епископомъ Мосальскимъ Панинъ увѣдомилъ Волконскаго, что «сей затѣйливый прелатъ то единое въ головѣ имѣетъ, чтобъ какимъ-нибудь образомъ допущену и приведену быть въ состояніе средствомъ и помощію нашею, не отваживая ни въ чемъ своей персоны, заиграть собственную свою ролю, которая бы ему оставляла свободу, по усматриваемымъ имъ самимъ перемѣннымъ обстоятельствамъ, обращаться во всѣ стороны, такъ какъ онъ, по особливой своей легкомысленности оказывался и при всѣхъ прошедшихъ дѣлахъ.» Панинъ увѣдомлялъ, что Мо-

сальскій присылалъ въ Петербургъ эмиссаровъ, аббата Бодо и полковника С. Лё, которые привозили предложеніе составить конфедерацію въ Литвѣ. С. Лё отправленъ былъ изъ Петербурга съ отвѣтомъ, чтобъ Мосальскій переговаривалъ обо всемъ съ Волконскимъ; а Бодо остался и сдѣлалъ новыя предложенія — сойтись съ Франціею и вмѣстѣ съ нею возстановить спокойствіе въ Польшѣ. Панинъ внушалъ Волконскому, что Мосальскаго нельзя ставить въ чело предпріятія, а надобно дѣйствовать такъ, чтобъ при движеніи другихъ благонамѣренныхъ и менѣе его суетно надменныхъ патріотовъ Мосальскій шелъ вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ. Гораздо болѣе нравилось въ Петербургѣ предложеніе Понинскаго и Браницкаго, потому что оба считались людьми испытанной вѣрности. При этомъ Панинъ обращалъ вниманіе Волконскаго на данную ему возможность уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ: «Надобно, чтобъ сами диссиденты добровольно вошли въ точное разсмотрѣніе, сохраненіе всѣхъ на послѣднемъ сеймѣ пріобрѣтенныхъ правъ стоитъ ли того, чтобъ покупать его междуусобной войной и своимъ совершеннымъ разореніемъ; не лучше ли пожертвовать частію выгодъ для возстановленія общей тишины и для обезпеченія другой части тѣхъ самыхъ выгодъ. Но слава и достоинство ея и. в. не дозволяютъ, чтобъ внушеніе о нуждѣ и пользѣ такого поступка шло отъ насъ; надобно, чтобъ диссиденты сами на то попали, или же, по крайней мѣрѣ вами чрезъ третье лицо, весьма нечувствительнымъ и искуснымъ образомъ доведены были». Въ Петербургѣ соглашались и на требованіе Понинскаго и Браницкаго относительно присоединенія Молдавіи къ Польшѣ: присоединеніе Молдавіи къ Россіи не считалось полезнымъ, потому что страна эта не въ состояніи сама защищаться, а отдаленность ея отъ русскихъ границъ обременитъ собственно русскую защиту; тогда какъ присоединеніе ея къ Польшѣ упрочитъ вліяніе Россіи въ послѣдней: молдаваны православнаго исповѣданія, дворянство ихъ составляетъ особый корпусъ, который, при соединеніи съ Польшей, долженъ выговорить себѣ, подъ русскимъ покровительствомъ, совершенно одинакія права съ польскимъ шляхетствомъ. Кромѣ того считалось выгоднымъ въ настоящую минуту, еслибы новая конфедерація, имѣя въ виду обладаніе Молдавіей, вступила съ Россіею въ явныя обязательства противъ турокъ и отдала ей Каменецъ въ полное распоряженіе на все время войны.

Но польскія дѣла зависѣли именно отъ хода этой войны. Когда въ августѣ пришло извѣстіе, что русскія дѣла идутъ плохо, то Чарторыйскій, воевода русскій объявилъ Волконскому: «Не какъ послу, но какъ моему старому другу откроюсь чистосердечно, что кто здѣсь будетъ сильнѣе, того сторону мы и примемъ; я отсюда изъ Варшавы не поѣду, а королю себя спасать надобно; вы здѣсь не такъ сильны, чтобъ могли насъ защитить.»

Въ сентябрѣ пришли въ Варшаву вѣсти о разбитіи турокъ русскими и занятіи Хотина; вѣсти эти были встрѣчены непріятно и разнесся слухъ, что хотятъ созвать сенатъ. Волконскій потребовалъ свиданія у короля и получилъ отказъ подъ предлогомъ недосуга; посолъ поѣхалъ во дворецъ въ обычный день, въ воскресенье и успѣлъ вступить въ разговоръ съ королемъ: Станиславъ, не объявляя ничего точнаго о совѣтѣ, началъ старую пѣсню о необходимости менажировать націю. Ничего не добившись здѣсь, Волконскій отправился къ воеводѣ русскому подъ видомъ посѣщенія, потому что тотъ былъ боленъ. Чарторыйскій сказалъ, что созваніе сената необходимое дѣло для нихъ, имъ надобно оправдаться предъ націей: конфедераты, считая ихъ русскими приверженцами, разоряютъ ихъ деревни. Волконскій на разставаньи сказалъ ему, что раскаются они, если слѣдствія совѣта будутъ противны Россіи, а при другомъ свиданіи сказалъ прямо, что Чарторыйскіе отвѣтятъ всѣмъ своимъ имѣніемъ. Отъ короля Волконскій услыхалъ старыя жалобы, что его ненавидятъ единственно изъ-за Россіи, что онъ открылъ противъ себя злодѣйскій замыселъ, котораго виновники ему извѣстны, но не хотѣлъ назвать ихъ по именамъ. На слова Волконскаго, что Россія можетъ избавить его отъ этихъ враговъ, король отвѣчалъ, что оставляетъ дѣло до удобнѣйшаго времени, но по всѣмъ этимъ причинамъ долженъ онъ показать націи, что все возможное сдѣлано имъ въ ея пользу. Волконскій внушалъ ему, что не только мнимая нація, каковымъ именемъ онъ называетъ конфедератовъ, но и никто на свѣтѣ не удержитъ его на престолѣ, если онъ своимъ поведеніемъ принудитъ Россію свергнуть его. Король отвѣчалъ, что не ожидаетъ этого отъ императрицы, а будучи полякомъ противъ отчизны ничего предпринять не можетъ. Примасъ, на томъ основаніи, что Чарторыйскіе навезли въ Варшаву сенаторовъ своей партіи и потому будутъ имѣть большинство

голосовъ на своей сторонѣ, почиталъ за лучшее совсѣмъ не ѣздить въ совѣтъ и пріятелей своихъ къ тому же уговорить, а потомъ, смотря по результату совѣта, выдать протестъ, что совѣтъ незаконный, ибо разсуждалъ о государственныхъ дѣлахъ, которыхъ рѣшеніе принадлежитъ всей республикѣ. Совѣтъ, который Волконскій называетъ диваномъ, кончился 25 сентября, и обнаружилъ послѣдствія отозванія Репнина. Сенаторы постановили: послать къ русскому двору съ жалобами на князя Репнина, что заключилъ договоръ насильственно; въ Англію послать съ просьбою, чтобъ ея министръ въ Константинополѣ извинилъ короля и республику польскую, что они мира съ Портою не разрывали и что все происшедшее было сдѣлано насильно Россіею; королю предоставлено право отправить пословъ ко всѣмъ дворамъ, къ которымъ заблагоразсудитъ, съ такими же жалобами. «Мнѣ кажется, писалъ Волконскій, пришло уже время усмирить Чарторыйскихъ: видя, что мы даже и въ критическихъ обстоятельствахъ ихъ щадили, они не только не отстаютъ отъ своего намѣренія сдѣлать изъ Польши активную державу и быть при этомъ орудіями, но и сильнѣе прежняго приготовляютъ къ тому способы, стараясь уничтожить послѣдній договоръ, какъ непреоборимую къ тому препону. Королемъ такъ овладѣли, что онъ безъ нихъ шагу ступить не можетъ. Слабость его непомѣрна, и при всей слабости замыслы быть сильнымъ и властнымъ въ государствѣ также непомѣрны; зная же, что мы до этого не допустимъ, идетъ противъ насъ, а Чарторыйскіе ему натолковали, что мы никогда не свергнемъ его съ престола. Я осмѣлюсь представить свое мнѣніе, не полезно ли было бы постращать короля отъ васъ, что мы рѣшились, если онъ не исправится, свергнуть его съ престола; а такъ какъ Чарторыйскіе увѣряютъ его, что прусскій король не допуститъ до этого низверженія, то не худо бы склонить и прусскаго короля сдѣлать подобный же отзывъ; а непремѣнно надобно принять скорыя мѣры противъ сумазбродства Чарторыйскихъ и французскихъ интригъ.» Но кромѣ необходимости постращать короля, Волконскій представлялъ еще необходимость конфедераціи, которая бы дѣйствовала въ русскихъ видахъ, и требовалъ для нея 300,000 рублей: «Если это начинать, писалъ онъ, то непремѣнно въ ноябрѣ, чтобъ до весны къ концу можно было привести.»

Если Волконскій въ петербургскомъ совѣтѣ поднималъ вопросъ о Польшѣ нарочно для того, чтобъ призвать къ отвѣту Панина и Репнина; если принялъ мѣсто послѣдняго въ Варшавѣ съ увѣренностію, что противоположнымъ поведеніемъ сумѣетъ поправить дѣло, испорченное Репнинымъ, то теперь онъ былъ сильно наказанъ за это, будучи принужденъ принять поведеніе и тонъ Репнина, принужденный оправдывать своего предшественника.

1 октября Волконскій сообщилъ Панину о своемъ разговорѣ съ королемъ. «Не стыдно ли вашему величеству, говорилъ посолъ, приписывать насиліямъ князя Репнина все сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, когда вы знаете, что все это одобрено императрицею, да зачѣмъ же вы сами съ сеймомъ ратификовали дѣло. Пусть частные люди боялись какого-нибудь насилія отъ князя Репнина, на которое, впрочемъ, онъ бы не могъ рѣшиться безъ позволенія своего двора; но ваше величество чего боялись? вѣдь васъ князь Репнинъ не взялъ бы. Притомъ, для чего вы молчали до сихъ поръ? а теперь, когда особенно должны быть благодарны Россіи за избавленіе отъ турокъ и отъ своихъ внутреннихъ злодѣевъ, вы вздумали заводить съ нею разрывъ, жалуясь на князя Репнина, требуя вывода русскихъ войскъ, которыя одни поддерживаютъ васъ на престолѣ и посылая министровъ къ такимъ дворамъ, которые стараются васъ погубить; до сихъ поръ вы называли конфедератовъ фанатиками, а теперь сами говорите ихъ языкомъ, будто вѣра и вольность потрясены въ Польшѣ нами. Оставляю на собственное разсужденіе вашего величества, что̀ нашъ дворъ долженъ заключить о вашемъ поведеніи, и какія могутъ изъ того произойти для васъ слѣдствія; я скажу только, что тѣ, которые ведутъ васъ въ эту бездну, не будутъ въ состояніи избавить васъ изъ нея, и вы раскаетесь, но можетъ быть поздно.» Король сначала остолбенѣлъ; но потомъ, оправившись, началъ увѣрять въ своей преданности къ императрицѣ, и закончилъ, по обыкновенію, заявленіемъ, что, какъ полякъ, долженъ былъ доказать націи попеченіе свое о ея благоденствіи. Волконскій замѣтилъ послѣ этого, что король не унываетъ, но веселѣе и довольнѣе прежняго, и когда посолъ повторилъ ему представленія свои о погибели, въ которую ведутъ его Чарторыйскіе и прибавилъ, что и прусскій король совѣтуетъ ему чрезъ Бенуа держаться Россіи и по этому не можетъ быть доволенъ настоящимъ его поведе-

ніемъ, то король на это ничего не отвѣчалъ, а только улыбнувшись пошелъ прочь. Чарторыйскіе же явно передъ всѣми отзывались, что они никогда на такой твердой ногѣ не были какъ теперь; когда же имъ говорили, что Россія не поблагодаритъ ихъ, то воевода русскій отвѣчалъ: «Правда, что первый ударъ можетъ быть для насъ очень чувствителенъ, но время все успокоитъ.» Они сами были увѣрены и сторонниковъ своихъ увѣряли, что прусскій король вовсе не истинный другъ Россіи. Король началъ громко говорить противъ Россіи, а главный крикунъ между королевскими совѣтниками, вице-канцлеръ Борхъ проповѣдовалъ вездѣ, что послѣднее сенатское совѣщаніе есть самое счастливое событіе для Польши и составляетъ эпоху въ національномъ благополучіи. Однажды епископъ куявскій замѣтилъ Борху, что они и себя губятъ и другихъ въ погибель влекутъ, дѣйствуя явно противъ Россіи, отъ которой одной Польша можетъ ожидать помощи; особенно безразсудно раздражать Россію теперь, когда она взяла верхъ надъ турками. Борхъ отвѣчалъ, что Россіи бояться нечего; хотя она и побѣдила турокъ въ эту кампанію, то, конечно, будетъ побѣждена въ будущую; да еслибы этого и не случилось, то вся Европа, чтобы воспрепятствовать усиленію Россіи, вступится за Польшу, особенно Австрія, которая вѣрно не будетъ смотрѣть сложа руки на побѣды русскихъ надъ турками и вступится за Польшу; Борхъ прибавилъ, что Россія, имѣя силу въ рукахъ, не посмѣетъ однако тронуть ни ихъ лично, ни имѣній ихъ, ибо до сихъ поръ ничего имъ не дѣлаетъ.

Въ это время Станиславъ Августъ писалъ Жоффрэнъ: «Есть люди, которые засвидѣтельствуютъ, что въ раннемъ дѣтствѣ у меня было предчувствіе великаго возвышенія. Ставши королемъ, я сказалъ: увидите, что скоро меня постигнутъ страшныя бѣды. Все что я ни предприму, будетъ испорчено и на половину разрушено: но я переживу бѣду, снова построю, выплыву наконецъ, и та же надежда оживляетъ мое сердце и теперь, хотя нахожусь въ величайшемъ затрудненіи. Мои дѣла идутъ страшно дурно, но я говорю: теперь Богъ долженъ меня вывесть изъ бѣды, въ ожиданіи чего будемъ исполнять свою обязанность. И я исполнилъ свою обязанность, подписавши сенатское рѣшеніе, по которому назначено торжественное посольство для принесенія русской императрицѣ жалобы на все то, что дѣлалось здѣсь въ продол-

женіи двухъ съ половиною лѣтъ, противъ моей воли, человѣкомъ, который дѣйствовалъ ея именемъ, но, какъ видно, давалъ ей ложныя свѣдѣнія. Я не долженъ предполагать, чтобъ императрица могла разсердиться на меня за это; но если она осердится, то я пострадаю за этихъ самыхъ конфедератовъ, которые разоряютъ мои владѣнія, похищаютъ мои доходы, и нѣкоторые стремятся отнять у меня корону и даже жизнь. Но нѣтъ нужды; мужество и терпѣніе, и все это кончится хорошо.» Примасъ разсказывалъ Волконскому, что король отправилъ француза С. Поля въ Версаль въ качествѣ своего агента; въ меморіалѣ, который повезъ С. Поль, говорилось, что король объявитъ себя противъ Россіи, если Франція возьметъ его подъ свое покровительство; меморіалъ этотъ былъ поданъ Шуазёлю, вслѣдствіе чего и началась настоящая суматоха. Волконскій не отвѣчалъ за правду этого извѣстія, тѣмъ болѣе, что примасъ не любилъ короля; но Подоскій увѣрялъ, что знаетъ о дѣлѣ чрезъ вѣрный каналъ и обѣщалъ доставить копію съ меморіала.

Панинъ писалъ Волконскому, что примаса надобно держать въ желѣзныхъ рукавицахъ. Разумѣется, что Россія составляетъ его единственную надежду, и потому онъ ей преданъ; но, съ другой стороны, онъ душею и сердцемъ преданъ саксонскому дому. Понятно, что въ Петербургѣ были очень недовольны сенатскимъ совѣщаніемъ: положено было не допускать князя Огинскаго, назначеннаго къ отправленію въ Петербургъ съ жалобами на князя Репнина, и Панинъ писалъ Станиславу Августу два письма—отъ имени императрицы и своего съ тѣми же представленіями, какія дѣлалъ ему изустно и Волконскій. Между тѣмъ деньги на благонамѣренную конфедерацію были приготовлены. Панинъ писалъ Волконскому, что императрица считаетъ необходимымъ привлеченіе короля къ этой конфедераціи и къ Россіи, но старики Чарторыйскіе должны быть исключены и все ихъ значеніе въ народѣ должно быть уничтожено, вмѣстѣ съ надеждою возстановленія этого значенія когда либо впредь. Надобно привлечь Мнишка и Потоцкихъ, но нельзя позволить имъ низвергнуть короля. Въ случаѣ же крайности, еслибъ Станиславъ Августъ легкомысліемъ, непостоянствомъ и безразсудностію дѣлался невозможнымъ на престолѣ, то необходимо, чтобъ низверженіе произведено было Россіею, чтобъ новый король былъ пястъ и возведенъ также Россіею, чтобъ Фран-

ція не могла показать свѣту, что русское дѣло возведенія Понятовскаго не могло быть прочно, не могло устоять противъ подкоповъ Франціи по недостатку внутреннихъ силъ самой Россіи. Такъ необходимо поступать и вслѣдствіе соглашеній съ Пруссіею, и вслѣдствіе того, что русское вліяніе въ Польшѣ подвергнется сильной опасности вслѣдствіе возведенія на престолъ саксонскаго курфирста, ибо Саксонія, по положенію своему между соперницами—Австріею и Пруссіею и по отношеніямъ къ Франціи, будетъ часто переходить изъ союза въ союзъ, увлекая за собою и Польшу то въ ту, то въ другую сторону, что̀ никакъ не согласно съ независимою сѣверною системою, однажды навсегда принятою ея и. величествомъ.

Письма Панина не подѣйствовали на короля; Волконскій не нашелъ въ немъ ни малѣйшей перемѣны послѣ ихъ прочтенія; Станиславъ Августъ твердилъ, что должность требовала отъ него показать націи свое попеченіе объ ней и что надобно ему также нажить и хорошее имя на свѣтѣ. Когда Волконскій спросилъ, надѣется ли онъ остаться на престолѣ хотя недолго, если императрица отниметъ отъ него свою руку, то онъ на это ничего не сказалъ, а только *пожался*. Каждый день король держалъ у себя совѣтъ, состоявшій изъ дядей Чарторыйскихъ и наперсниковъ, т.-е. маршала Любомирскаго, бывшаго канцлера Замойскаго и вице-канцлеровъ Пршездецкаго и Борха. Въ концѣ ноября Волконскій ѣздилъ къ королю съ требованіемъ, чтобъ отсталъ отъ своихъ совѣтниковъ, окружалъ бы себя добрыми патріотами и людьми безпристрастными, каковы, наприм., графъ Флеммингъ, Браницкій, которые отечество любятъ, ему, королю преданы и фамильныхъ интересовъ не имѣютъ, не похожи въ этомъ отношеніи на Чарторыйскихъ, которые имѣютъ причину усиливать замѣшательства, ибо еслибы они довели его до того, что императрица отняла бы отъ него руку помощи и онъ лишился короны, то они нисколько не замедлили бы пожертвовать имъ въ пользу князя Адама и маршала Любомирскаго. «Они мнѣ родня, отвѣчалъ король, отстать отъ нихъ не могу, а буду поступать по желанію вашему.» Волконскій сталъ выговаривать королю за недостатокъ откровенности, за скрытіе отъ него намѣренія созвать сенатъ и постановить извѣстное рѣшеніе. Король сказалъ на это: «Мы тогда на ниткѣ висѣли, и слава Богу, что война приняла такой

благопріятный оборотъ.»—«Но развѣ бы вы спаслись, возразилъ Волконскій, еслибы турки насъ побили и какую бы пользу принесло вамъ рѣшеніе вашего совѣта? вамъ извѣстно, что нація васъ ненавидитъ и держитесь вы на престолѣ одними нашими войсками.»—«Предпочитая всему обязанности патріота, отвѣчалъ король, я обязанъ былъ сдѣлать что-нибудь въ пользу націи.»—«Кого вы подъ націей разумѣете, спросилъ Волконскій: не тѣхъ ли, которые противъ васъ взбунтовались подъ предлогомъ вѣры и вольности, и отъ которыхъ императрица васъ защищаетъ? у нихъ вашъ поступокъ не возбудилъ ни малѣйшей благодарности; да еслибы и возбудилъ, еслибы возмутители къ вамъ пристали, то неужели бы вы взяли вмѣстѣ съ ними оружіе противъ своей благодѣтельницы?» — «Оружія не взялъ бы, отвѣчалъ король, а сталъ бы ихъ уговаривать и склонять къ успокоенію.» На другой день Волконскій отправился къ Понятовскому вмѣстѣ съ Бенуа, который именемъ своего государя совѣтовалъ не терять дружбы русской императрицы, ибо отъ нея одной зависитъ его королевское благополучіе. Станиславъ Августъ отвѣчалъ и Бенуа, что онъ ничего противнаго императрицѣ не дѣлаетъ, а поступаетъ какъ велитъ ему долгъ, который онъ всему предпочитаетъ.

Волконскій переслалъ въ Петербургъ на одобреніе планы новой конфедераціи; но Панинъ извѣстилъ его въ началѣ декабря, что надобно подождать, тѣмъ болѣе, что Молдавія завоевана безъ поляковъ. Относительно королевскаго поведенія надобно также подождать, посмотрѣть какое впечатлѣніе на *зыбкій духъ* Станислава Августа произведетъ непринятіе императрицею посольства Огинскаго. Еще до полученія этого отвѣта отъ Панина Волконскій, 13 декабря былъ приглашенъ королемъ, который началъ ему говорить: «Бенуа именемъ своего государя предлагаетъ дружескій совѣтъ, чтобы я искалъ прибѣжища только у одной императрицы. Я не желаю сдѣлать что-либо противное; но не зная о чемъ идетъ дѣло, не могу слѣпо вамъ въ руки отдаться.»—«Дѣло идетъ о томъ, отвѣчалъ Волконскій, чтобъ удержать васъ на престолѣ и успокоить Польшу. Ея и. в—ство, видя неожиданное ваше поведеніе и зная что вы принуждены такъ поступать своими хитрыми совѣтниками, по своему великодушію не отреклась еще отъ заботъ о вашемъ избавленіи, а исключила только совѣтниковъ вашихъ изъ своего покровительства.

Вашему величеству надобно этимъ воспользоваться и, не теряя времени, подумать о себѣ оставя злыхъ совѣтниковъ; я не могу съ вами изъясняться о мѣрахъ, которыя мы предпринимаемъ для вашего избавленія, пока не увижу, что вы отстали отъ этихъ совѣтниковъ и только въ покровительствѣ императрицы ищете себѣ спасенія, ибо иначе совѣтники ваши объ этихъ мѣрахъ знали бы и препятствовали имъ».—Чарторыйскіе, отвѣчалъ король, мнѣ родня и отстать отъ нихъ я не могу; я не могу также обѣщать исполнять во всемъ вашу волю: вы можетъ быть захотите уничтожить всѣ полезныя постановленія, сдѣланныя для Польши въ мое царствованіе?»—«Дядей своихъ вы можете почитать какъ родственниковъ и въ дѣлахъ совѣтовъ ихъ не слушать и не спрашиваться съ ними, отвѣчалъ Волконскій. Императрица отъ договора своего съ Польшей и диссидентскаго дѣла никогда не отступитъ, о гарантіи же сдѣлаетъ изъясненіе, что она вовсе не опасна для польской самостоятельности; дядей вашихъ она навсегда лишила своего покровительства».—«Да кто же будутъ нашими пріятелями? спросилъ король: развѣ Потоцкіе, которые оказались противъ васъ такими неблагодарными»? — «Не знаю, отвѣчалъ Волконскій, благодарны Потоцкіе или нѣтъ; знаю одно, что Чарторыйскіе неблагодарны, и что Потоцкими жертвовали мы нѣсколько разъ для возвышенія Чарторыйскихъ». — «Что жь вы сдѣлаете съ Чарторыйскими, спросилъ король съ жаромъ, неужели и ихъ возьмете какъ Солтыка?» — «И за это не ручаюсь, отвѣчалъ Волконскій, если они не перемѣнятъ поведенія».—«Въ такомъ случаѣ лучше ужь и меня самого взять», сказалъ король, и покончилъ словами: «Я надѣюсь, что императрица, по великодушію своему, не принудитъ меня отстать отъ своей родни». Тутъ же была рѣчь и о медіаціи: король предложилъ взять въ посредницы какую-нибудь католическую державу, Францію или Австрію, ибо дѣло идетъ о вѣрѣ. «О вѣрѣ, отвѣчалъ Волконскій, дѣло вовсе нейдетъ и въ медіаціи нужды нѣтъ; между императрицею и вашимъ величествомъ посредниковъ не нужно, потому что вы ею одною возведены на престолъ и поддерживаетесь на немъ; а между Россіею и бунтовщиками, которыхъ вы называете націею, медіація не возможна».

Между тѣмъ польскій резидентъ въ Петербургѣ, Псарскій далъ знать королю, что русскій дворъ намѣренъ совершенно отсту-

питься отъ гарантіи и согласиться на исключеніе диссидентовъ изъ законодательства, если они сами добровольно пришлютъ о томъ съ просьбою въ Петербургъ. Король показалъ Волконскому депешу Псарскаго. Посолъ отвѣчалъ, что объ отступленіи отъ гарантіи никакого повелѣнія не имѣетъ, гарантію можно только изъяснить чрезъ декларацію или новый дополнительный трактатъ; что же касается диссидентовъ, то думаетъ, что еслибы они сами добровольно пожелали отказаться отъ какихъ-нибудь правъ, то затрудненія въ этомъ со стороны русскаго двора не будетъ. Король, услыхавъ о дополнительномъ трактатѣ, пришелъ въ восторгъ: «Прекрасно! сказалъ онъ, надобно работать». Но Волконскій умѣрилъ его восторгъ, замѣтивъ, что прежде всего надобно получить удостовѣреніе, что Чарторыйскіе и прочіе совѣтники королевскіе будутъ отстранены отъ содѣйствія, и что впередъ король будетъ раздавать награды не по ихъ представленіямъ, а по совѣту съ нимъ, посломъ. «Лучше дамъ себя въ куски изорвать, чѣмъ на это соглашусь», отвѣчалъ король съ жаромъ. «Въ такомъ случаѣ, сказалъ Волконскій, если нужда дойдетъ до конфедераціи, то мы принуждены будемъ составить ее и безъ вашего величества».—«Не лишу я своихъ совѣтниковъ довѣренности, продолжалъ король: потому что еслибы я ихъ отъ себя отдалилъ, то нація увидѣла бы, что я ихъ бросилъ за ихъ враждебность къ Россіи».—«Изъ этого выходитъ, сказалъ Волконскій, что ваше величество и сами стараетесь показать себя врагомъ Россіи; а по моему вы крѣпче сидѣли бы на тронѣ, еслибы нація увѣрилась, что вы съ нами». — Король, увидѣвъ, что проговорился, не отвѣчалъ ни слова [61].

Вмѣстѣ съ Волконскимъ уговаривалъ Станислава Августа держаться Россіи и прусскій министръ Бенуа; Фридрихъ II продолжалъ играть роль вѣрнаго союзника Россіи. Но мы видѣли также, что онъ тяготился иногда этимъ союзомъ, смотрѣлъ съ досадою на дѣйствія Россіи въ Польшѣ въ пользу диссидентовъ, что могло слишкомъ усилить здѣсь русское вліяніе; Фридриха раздражала мысль, что между союзниками нѣтъ равенства, что онъ служитъ русскимъ цѣлямъ, не говоря уже о томъ, какъ раздражало его желаніе русскаго двора навязать ему свою сѣверную систему, въ которой онъ не видалъ никакого практическаго смысла, видѣлъ одно стѣсненіе для себя. Усиленіе поль-

скихъ волненій, война конфедератская, наконецъ война турецкая увеличивали затрудненія прусскаго короля: по союзному договору надобно было помогать Россіи по крайней мѣрѣ деньгами; надобно было хлопотать, чтобъ какъ можно скорѣе прекратились и польскія волненія и турецкая война; послѣдней Фридрихъ сначала очень боялся, предполагая важныя послѣдствія, европейскую войну, изъ которой выйти по добру по здорову считалъ онъ большимъ счастіемъ [62]. Но во всякомъ случаѣ онъ крѣпко держался русскаго союза, который одинъ давалъ ему обезпеченіе. Король въ письмѣ къ Екатеринѣ выразилъ желаніе воспользоваться статьею договора 1764 года и возобновить союзъ до истеченія осьмилѣтняго срока. Императрица отвѣчала, что очень охотно принимаетъ предложеніе о возобновленіи союза, который «при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ быть еще полезнѣе для обѣихъ державъ и еще важнѣе для цѣлой Европы» [63]. Въ томъ же письмѣ Екатерина открывалась своему «самому вѣрному союзнику», что оставляетъ на извѣстное время Польшу въ ея политическомъ усыпленіи, наблюдая только за тѣмъ, чтобъ постоянные разбои не превратились въ общее возстаніе.

Несмотря однако на то, что Екатерина въ своихъ письмахъ къ Фридриху продолжала выражать самое сильное желаніе на счетъ возобновленія и усиленія союза, дѣло затянулось отъ января до октября 1769 года. Въ Петербургѣ между нѣкоторыми значительными лицами существовало убѣжденіе, что настоящая система прусскаго союза вовсе не такъ выгодна, какъ прежняя система союза австрійскаго, основаннаго на отношеніяхъ обѣихъ имперій къ Турціи. Настоящая турецкая война доказывала это очевиднымъ образомъ: при австрійскомъ союзѣ ея или бы не было, или турецкія силы были бы отвлечены австрійскими войсками. Фридрихъ зналъ хорошо о существованіи въ Петербургѣ приверженцевъ австрійскаго союза, боялся сверженія Панина и перемѣны политики, по этому предложилъ возобновленіе или собственно продленіе союза, и въ то же время въ Берлинѣ приготовлена была записка, въ которой доказывалось, что для Россіи прусскій союзъ выгоднѣе австрійскаго: союзъ Россіи съ Австріею поведетъ къ союзу Пруссіи съ Франціею; но при этомъ Россія не можетъ получить дѣятельной помощи отъ Австріи, ко-

торая будетъ бояться нападенія Франціи въ Италіи и Нидерландахъ; напротивъ прусскій союзъ очень выгоденъ, ибо Пруссія и Данія будутъ сдерживать Швецію [64]. Существованіе сильныхъ возраженій противъ прусскаго союза естественно заставляло приверженцевъ его и саму императрицу быть требовательными, заставляло ихъ желать получить отъ Пруссіи какъ можно болѣе выгодъ и обезпеченій, чтобъ имѣть возможность выставить всю пользу союза съ нею; Панинъ поэтому требовалъ отъ Фридриха большихъ обязательствъ, особенно въ случаѣ общей войны. Эти требованія раздражали Фридриха: онъ опять увидалъ нарушеніе равенства, стремленіе русскаго двора получить отъ Пруссіи больше чѣмъ сколько онъ могъ ей дать. Наконецъ 12 октября возобновленъ былъ союзный договоръ на 8 лѣтъ, считая этотъ срокъ съ 31 марта 1772 года. Вторая секретная статья договора была дополнена условіемъ, что если саксонскій дворъ отправитъ войско въ Польшу для достиженія своихъ видовъ, русская императрица будетъ въ правѣ потребовать отъ прусскаго короля, чтобъ онъ противопоставилъ свое войско саксонскому, или вступилъ бы съ войскомъ въ Саксонію, смотря по обстоятельствамъ. Третья секретная статья была выражена такъ, что въ случаѣ нападенія шведовъ на Россію и въ случаѣ ниспроверженія конституціи 1720 года прусскій король обязывается сдѣлать диверсію въ шведскую Померанію. По поводу этой статьи сохранилась любопытная записка императрицы гр. Панину: «Не лучше ли бы было не называть шведской Помераніи, потому что пріобрѣтеніе послѣдней дастъ прусскому королю гавани столь же удобныя какъ и Данцигъ, слѣдовательно дастъ возможность завести флотъ на Балтійскомъ морѣ. Прошу васъ наставить меня, если я ошибаюсь. Но я не разъ отъ васъ слыхала, что Данцигъ или равный ему постъ, какъ напримѣръ Стральзундъ въ прусскихъ рукахъ намъ будетъ вреденъ. Можно было бы сказать о диверсіи, не называя шведскую Померанію» [65]. Разумѣется Екатерина не ошибалась; но Панину было легко доказать, что хотя бы и не упоминалась шведская Померанія—диверсія могла быть сдѣлана только въ эту область. Безпокоились относительно Помераніи, и перестали безпокоиться о Саксоніи, выговорили право требовать, чтобъ Фридрихъ вступилъ съ войскомъ въ Саксонію. Фрид-

рихъ торжествовалъ: его не будутъ больше раздражать заступничествомъ за Саксонію; сѣверная система исчезла при первомъ обнаруженіи реальныхъ отношеній, хотя въ Петербургѣ продолжали думать, что она существуетъ.

Только русскій союзъ могъ дать Фридриху твердую опору, обезпеченіе, и потому понятно, что всѣ старанія Франціи и Австріи отвлечь его отъ этого союза, остались тщетными. Съ Франціею, вслѣдствіе ея заискиваній, онъ возобновилъ дипломатическія сношенія, но постоянно относился къ ней съ холоднымъ презрѣніемъ, какъ относятся къ постарѣвшей красавицѣ, которая потеряла прелести и сохранила смѣшныя претензіи. Съ Австріей онъ сближался охотно, ибо прежде всего желалъ предупредить сближеніе ея съ Россіею: онъ хотѣлъ Австріею стращать Россію, сдерживать послѣднюю, становиться посредникомъ между двумя имперіями и употреблять обѣ орудіями для достиженія собственныхъ цѣлей, что ему вполнѣ и удалось.

Въ половинѣ 1768 года Франція завязала дипломатическія сношенія съ Пруссіею подъ предлогомъ заключенія торговаго договора. Чтобъ привлечь Фридриха на свою сторону, Шуазель далъ ему знать, что Франція не будетъ противъ присоединенія къ Пруссіи Данцига и Гамбурга. Въ началѣ 1769 года пріѣхалъ въ Берлинъ французскій посланникъ герцогъ де Гинь; прусскимъ посланникомъ въ Парижъ отправился полковникъ Гольцъ и далъ знать своему королю, что Шуазель предлагаетъ Пруссіи Вармію и Курляндію [66]. Но Фридрихъ смѣялся надъ этими предложеніями, зная, что онъ можетъ получить хорошую добычу изъ Польши, только не посредствомъ Франціи, и ея посланникъ въ то же время доносилъ своему двору, что прусскій король замышляетъ великое предпріятіе относительно польскихъ дѣлъ [67].

Еще прежде чѣмъ во Франціи, въ Австріи почувствовали потребность сблизиться съ Пруссіею въ видахъ сдержанія Россіи. Въ самомъ началѣ 1768 года Кауницъ подалъ Маріи Терезіи записку, въ которой говорилъ, что Австрія могла не вмѣшиваться въ польскія дѣла, пока они не затрогивали политической системы Европы вообще или сосѣднихъ съ республикою державъ въ особенности. Теперь этотъ случай настоитъ: Россія посредствомъ гарантіи будетъ располагать исключительно всѣми дѣлами Польши и сдѣлаетъ ее, подобно Курляндіи, русскою провинціею. Для

Австріи опасно возбудить войну, въ которой она должна будетъ принять участіе, или сдѣлать какой-нибудь шагъ могущій унизить ея достоинство; но опасности не было бы, еслибъ можно было получить увѣренность въ королѣ прусскомъ. Есть возможность думать, что прусскій король не только не воспротивится никакому предпріятію, имѣющему цѣлію сдержать Россію, но еще будетъ радъ если другіе сдѣлаютъ то, чего онъ самъ, по обстоятельствамъ, сдѣлать не можетъ. Кауницъ совѣтовалъ обратиться къ прусскому королю, не согласится ли онъ, вмѣстѣ съ Австріею, предложить польскому сейму также и свои гарантіи свободныхъ учрежденій Польши: это сдержитъ Россію, ибо не ей одной будетъ принадлежать ручательство, она должна будетъ подѣлиться своимъ вліяніемъ съ двумя другими сосѣдними державами [68].—Такимъ образомъ Россія одна не могла покончить своихъ вѣковыхъ распрей съ Польшею: въ Вѣнѣ составленъ былъ планъ раздѣла вліянія между тремя сосѣдними державами; планъ раздѣла территоріи не заставилъ себя дожидаться и приведенъ былъ въ исполненіе непосредственно, благодаря турецкой войнѣ. «Война между Россіею и Турціею, говоритъ Фридрихъ II, перемѣнила всю политическую систему Европы; открылось новое поле для дѣятельности; надобно было не имѣть вовсе никакой ловкости или находиться въ безсмысленномъ оцѣпенѣніи чтобъ не воспользоваться такимъ выгоднымъ случаемъ. Я читалъ прекрасную аллегорію Боярдо; я схватилъ за волосы представившійся случай, и съ помощію переговоровъ достигъ того, что вознаградилъ свою монархію за прошлыя потери, включивши польскую Пруссію въ число моихъ старинныхъ областей» [69].

Такимъ образомъ Фридрихъ, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него извѣстіемъ о войнѣ между Россіею и Турціею, увидалъ въ ней *выгодный случай* для распространенія своихъ владѣній. Кауницъ увидалъ въ ней также выгодный случай, который можетъ «перемѣнить политическую систему Европы», разумѣется къ выгодѣ Австріи. Австрійскому канцлеру разъ удалось уже перемѣнить эту политическую систему, удалось соединить два искони враждебныя государства, Австрію и Францію: отъ чего же теперь неудастся соединить Австрію и Пруссію и достигнуть того, къ чему не привела се-

милѣтняя война вслѣдствіе смерти Елисаветы русской, возвратить Силезію! Тройной союзъ между Австріею, Пруссіею и Турціею сдержитъ Россію, причемъ, для скрѣпленія этого союза, Фридрихъ уступитъ Силезію Австріи, а самъ за это возьметъ Курляндію и часть Польши, да можетъ еще получить деньги отъ Порты; Фридрихъ долженъ на это согласиться, ибо при своемъ умѣ не можетъ же онъ не видать, какъ вредно для него содѣйствовать усиленію Россіи [70]. И такъ въ концѣ концевъ должна поплатиться Польша, ничья вещь (res nullius), запасный магазинъ восточной Европы. Императоръ Іосифъ II не раздѣлялъ съ Кауницомъ надежды относительно успѣшнаго исполненія этого плана: онъ не думалъ, чтобъ Фридрихъ предпочелъ союзъ съ Австріею и Турціею русскому союзу; не думалъ, чтобъ прусскій король промѣнялъ Силезію на Курляндію и часть Польши; по мнѣнію Іосифа Фридрихъ могъ промѣнять Силезію только на Саксонію. Но императоръ также признавалъ необходимость попытки сблизиться съ Пруссіею, и эта попытка могла скорѣе всего произойти посредствомъ личнаго свиданія Іосифа съ Фридрихомъ. Послѣдній охотно соглашался на это свиданіе: «Пруссія, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, должна была бояться, чтобъ ея союзница (Россія), ставши слишкомъ могущественною, не захотѣла со временемъ предписать ей законы, какъ Польшѣ. Вѣнскій дворъ долженъ былъ опасаться почти того же самаго. Эта общая опасность заставила на время забыть прежнюю вражду». Свиданіе Іосифа съ Фридрихомъ послѣдовало въ силезскомъ городѣ Нейссе въ августѣ 1769 года. «Король, писалъ Іосифъ матери, осыпалъ насъ учтивостями и выраженіями дружбы; это геній, говоритъ онъ чудесно, но въ каждомъ словѣ проглядываетъ плутъ. Въ разговорахъ его высказывался страхъ предъ русскимъ могуществомъ, страхъ, который ему хотѣлось внушить и намъ. Онъ мнѣ говорилъ о нашихъ грекахъ въ Венгріи (православныхъ славянахъ), сказалъ, что наши купцы этой религіи въ Бреславлѣ задали публичный праздникъ въ честь русскихъ побѣдъ; говорилъ, что надобно съ ними хорошо обходиться, обнаруживать терпимость, чтобъ они не привязались еще больше къ Россіи и не завели смуты. Онъ мнѣ сказалъ: чтобъ сдержать Россію вся Европа принуждена будетъ вооружиться, ибо Россія овладѣетъ всѣмъ.—Государь, отвѣчалъ

я ему, въ случаѣ всеобщей войны вы въ авангардѣ и потому намъ можно спать спокойно. Будучи безопасны съ нашей стороны, вы сдѣлаете съ русскими все что вамъ угодно.—Онъ съ этимъ не согласился, признался, что боится русскихъ и союзъ съ ними ему необходимъ, хотя и тяжелъ» [71].

По словамъ Фридриха Іосифъ далъ ему ловко замѣтить, что онъ не имѣетъ столько вліянія надъ матерью, чтобъ могъ исполнять свои желанія; но не скроетъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ ни онъ, ни Марія Терезія никогда не позволятъ, чтобъ русскіе удержали за собою Молдавію и Валахію.—Въ Петербургъ Сольмсу Фридрихъ писалъ о свиданіи: «Императоръ очень любезенъ и необыкновенно учтивъ. Онъ меня увѣрялъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, что забылъ навсегда о Силезіи. Я принялъ увѣренія какъ они того заслуживаютъ. Я обратилъ его вниманіе на Россію; онъ мнѣ признался, что русская императрица великая женщина, gran cervello di regina, по его собственному выраженію. Это человѣкъ, пожираемый честолюбіемъ; онъ питаетъ какое-нибудь великое намѣреніе; теперь онъ сдерживается матерью и съ нетерпѣніемъ сноситъ иго; какъ скоро онъ отъ него освободится, то сдѣлаетъ какой-нибудь важный шагъ. Мнѣ было невозможно проникнуть, что онъ именно имѣетъ въ виду: Венецію, Баварію, Силезію или Лотарингію? Но можно безошибочно положить, что Европа будетъ въ огнѣ, какъ скоро онъ сдѣлается независимымъ государемъ». Фридрихъ велѣлъ Сольмсу сообщить свое письмо Екатеринѣ.

Австрію Фридрихъ стращалъ Россіею, Россію Австріею, писалъ Екатеринѣ, что вѣнскій дворъ не вмѣшается въ польскія дѣла, пока русскія войска будутъ дѣйствовать удачно противъ турокъ; но при первой неудачѣ Австрія будетъ стараться посадить на польскій престолъ одного изъ саксонскихъ принцевъ, именно герцога Алберта Тешенскаго. Легко понять, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ Фридрихъ за военными дѣйствіями. 30 августа (н. с.) онъ писалъ Сольмсу: «Хотя надобно было постоянно предполагать, что турки употребятъ усилія для спасенія Хотина, признаюсь однако, что я не ожидалъ такого скораго снятія осады. Какъ бы то ни было, теперь надобно смотрѣть на слѣдствія этого отступленія, будетъ ли рѣшительная битва между

русскими и турками. Я этого желаю для блага русскаго дѣла; мнѣ кажется даже, что этого надобно желать тѣмъ болѣе, что отъ дальнѣйшей отсрочки сраженія русскіе могутъ потерпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Не скрою отъ васъ, что, по моему мнѣнію, кн. Голицынъ слишкомъ медлилъ взятіемъ этой крѣпости, и если случится несчастіе съ его войсками, то онъ долженъ будетъ винить въ этомъ одного себя и недостатокъ живости въ преслѣдованіи выгодъ, которыя онъ получилъ надъ турками въ послѣднее время [72].

Австрія объявила петербургскому двору, что будетъ соблюдать нейтралитетъ въ войнѣ между Россіею и Турціею. Франція ни чего не объявляла и продолжала употреблять всѣ средства вредить Россіи, избѣгая впрочемъ огласки и явнаго разрыва. Она хотѣла пользоваться тѣмъ, что считала ошибкою Россіи: послѣдняя, видя сопротивленіе своимъ планамъ въ королѣ и Чарторыйскихъ, образовала радомскую конфедерацію; но конфедераты соглашались дѣйствовать въ видахъ Россіи только въ надеждѣ, что она позволитъ имъ свергнуть Станислава Августа; когда же увидали, что Россія непремѣнно хочетъ удержать на престолѣ Понятовскаго, то обратились противъ нея и во Франціи смотрѣли на барскую конфедерацію какъ на радомскую же, только обороченную въ противную сторону вслѣдствіе объявленія Россіи, что будетъ поддерживать Понятовскаго. Шуазель считалъ этотъ оборотъ дѣла благопріятнымъ для Франціи и полагалъ необходимымъ поддерживать барскую конфедерацію; но мало надѣясь на поляковъ, онъ поднялъ Турцію противъ Россіи и старался затянуть войну, помогая Портѣ разными средствами. Онъ отправилъ въ Константинополь драгунскаго полковника Валькруассана и написалъ ему въ инструкціи: «Нужда, какую имѣютъ турки въ совѣтахъ для направленія ихъ дѣятельности, внушило королю желаніе, чтобъ г. Валькруассанъ нашелъ какое-нибудь средство получить вліяніе на ихъ рѣшенія. Если предразсудки и гордость турокъ сдѣлаютъ этотъ планъ невозможнымъ, то пусть г. Валькруассанъ станетъ въ челѣ барскихъ конфедератовъ или одного изъ ихъ отрядовъ. Намѣреніе короля состоитъ въ томъ, чтобъ г. Валькруассанъ оказалъ всевозможныя услуги дѣлу турокъ противъ Россіи». Въ депешѣ Шуазеля къ Жерару, французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Дан-

цигѣ, говорилось (19 и 28 февраля): «Король истинно интересуется судьбою Польши, и вы въ этомъ отношеніи не можете ничего преувеличить въ разговорахъ своихъ съ патріотами, лишь бы вы ограничивались общими мѣстами, которыя не обязываютъ насъ ни къ чему, и лишь бы только вы всегда давали имъ чувствовать, что жалкія и безсвязныя дѣйствія польской націи, которая сама не умѣетъ помочь себѣ, не даютъ и друзьямъ ея средствъ помочь ей. Вы должны говорить, что полякамъ надобно согласиться между собою, уговориться съ татарами и турками, которые взялись за оружіе въ интересахъ республики. Патріоты должны чувствовать, что съ этихъ поръ только отъ оружія должны зависѣть спасеніе, независимость, самое существованіе республики. Въ настоящихъ обстоятельствахъ самый главный предметъ—это дѣлать всевозможное зло русскимъ, не стѣсняясь какимъ-нибудь временнымъ неудобствомъ, могущимъ отъ этого произойти. Эта политика составляетъ часть великихъ видовъ, входящихъ въ настоящую систему короля... Легкомысліе поляковъ, ихъ несогласіе между собою, ихъ народный характеръ не позволяютъ надѣяться съ ихъ стороны никакого усилія противъ Россіи, сколько-нибудь значительнаго; мы можемъ полагаться только на турокъ и татаръ, и всѣ наши совѣты и виды должны имѣть цѣлію облегченіе успѣха послѣднихъ».

И явныя отношенія петербургскаго и версальскаго дворовъ не отличались дружелюбіемъ. Русскій повѣренный въ дѣлахъ Хотинскій, по предписанію Панина, долженъ былъ сдѣлать любопытное объявленіе герцогу Шуазелю, что русскій дворъ чувствуетъ большую непріятность отъ постояннаго перехватыванія депешъ изъ Петербурга къ русскому повѣренному въ дѣлахъ при версальскомъ дворѣ и обратно; перехватываются даже частныя письма и заказы двора. Хотинскій долженъ былъ спросить Шуазеля, какая же польза послѣ того отъ пребыванія русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ во Франціи, и французскаго въ Россіи: Россія и Франція не въ такомъ положеніи, чтобъ нуждалась въ сохраненіи только внѣшняго приличія. Шуазель далъ честное слово, что депеши перехватывались не во Франціи: еслибы онѣ даже вскрывались во Франціи, то зачѣмъ же ихъ удерживать? Въ то же время пришло извѣстіе, что французскій посланникъ въ Лондонѣ Шателэ самымъ неприличнымъ образомъ перехватилъ мѣсто у русска-

го посланника, графа Чернышева. Когда Хотинскій жаловался на это Шуазелю, тотъ отвѣчалъ: «Не понимаю, съ чего Россія вздумала теперь оспаривать у Франціи первенство. Не по слухамъ, но по собственному опыту я знаю, что послы императрицы Елисаветы уступали мѣсто посламъ французскимъ, я самъ былъ посломъ въ Вѣнѣ, когда тамъ былъ покойный Кейзерлингъ, который никогда не спорилъ со мною за мѣсто и садился ниже меня. Франція уже занимала важное мѣсто въ Европѣ, когда Россія была вовсе неизвѣстна, и было бы несправедливо, еслибъ теперь Россія отняла у нея это мѣсто. Когда русскіе государи назывались только царями, то не имѣли притязаній на первенство, и только съ тѣхъ поръ, какъ имъ уступили императорскій титулъ, явились затрудненія вѣроятно потому, что подъ императоромъ разумѣютъ главу государей. Но Франція не имѣетъ обязанности уступать, потому что она не нуждается въ Россіи, и если послѣдняя будетъ упорствовать въ своихъ претензіяхъ, то мы разомъ покончимъ съ этими спорами, отнявши у русской государыни императорскій титулъ; король объявитъ объ этомъ манифестомъ, Испанія послѣдуетъ нашему примѣру. Мы сдѣлали глупость, уступивши титулъ; но мы поправимъ дѣло однажды навсегда». Хотинскій отвѣчалъ, что Россія не претендуетъ на первенство и въ то же время не уступаетъ его, требуетъ только равенства. «Такое равенство не возможно, возразилъ Шуазель: гдѣ есть первый, тамъ непремѣнно долженъ быть второй» [73].

Франція находилась въ тѣсномъ союзѣ съ Австріею, и Шуазель счелъ нужнымъ высказать свои взгляды въ мемуарѣ, который онъ передалъ австрійскому послу при французскомъ дворѣ, графу Мерси: «Франція не изъ фантазіи какой-нибудь находится во враждебномъ отношеніи къ Россіи. Государыня, царствующая въ Петербургѣ, съ первыхъ мѣсяцевъ своего правленія обнаружила свою честолюбивую систему; нельзя было не увидать ея намѣренія вооружить Сѣверъ противъ Юга. Одно изъ основаній нашего союза съ Австріею состоитъ въ избѣжаніи, по возможности, континентальной войны; но еслибъ состоялся Сѣверный союзъ, руководимый Россіею и Пруссіею и оплачиваемый Англіею, то Австрія и Франція необходимо были бы затруднены и должны были бы вести значительную сухопутную войну. Итакъ надобно

было стараться всѣми средствами остановить такой опасный союзъ, а для этого надобно было занять скорѣе Россію, чѣмъ Англію, которая жила смирно. Русская императрица услужила намъ, завлекшись въ предпріятія не по силамъ. Швеція не вступитъ въ союзъ противъ Франціи и Вѣнскаго двора, Швеція будетъ сдерживать Данію. Несчастная Польша терзаетъ сама себя; русскіе заняты Портою и Польшею и могутъ быть только въ тягость своимъ союзникамъ; король прусскій, который конечно хочетъ войны, чтобъ ловить рыбу въ мутной водѣ, не посмѣетъ тронуться, сдерживаемый Австріею. Итакъ лучше всего для нашего союза, чтобъ турецкая война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ съ ровнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ, пусть ослабляютъ другъ друга, и если мы выиграемъ время, то все будетъ въ нашу пользу».

Въ Вѣнѣ не раздѣляли этого взгляда. Кауницъ отвѣчалъ: «Турецкая война, къ несчастію, взяла такой дурной оборотъ и такъ мало надежды на лучшее будущее, что лѣкарство не уменьшило, а значительно увеличило болѣзнь и опасность, ибо по всему видно, что будущая кампанія не будетъ благопріятнѣе для Турокъ и они будутъ принуждены заключить поспѣшный миръ, поплатившись Азовомъ, Таганрогомъ, даже Очаковомъ и Крымомъ; если это случится, то могущество Турціи рушится, а Россія наоборотъ поднимется на степень державы самой страшной для всѣхъ другихъ континентальныхъ державъ. Слѣдовательно страшный рискъ заключается въ продолженіи войны между Россіею и Турціею. Честолюбивая душа русской императрицы можетъ быть сдержана только страхомъ опасности, которой она подвергается, если не положитъ предѣловъ своимъ обширнымъ планамъ: для этого мы собрали въ Венгріи и Трансильваніи войско, которое сначала не было значительно и представляло только мѣру чисто охранительную; но потомъ мы его достаточно пополнили, чтобъ заставить Россію подумать, а въ случаѣ нужды и употребить его болѣе серіознымъ образомъ» [74].

Въ концѣ августа въ Версали получено было извѣстіе, что русскіе корабли, назначенные въ Архипелагъ, прошли Ламаншъ. Когда послѣ этого Хотинскій пріѣхалъ къ Шуазелю, тотъ встрѣтилъ его съ обычною своею живостію, съ веселымъ лицомъ, и сказалъ съ улыбкою: «Ну, вы можете сѣсть на вашъ флотъ».

Хотинскій сказалъ, что въ случаѣ подлинности слуха о проходѣ эскадры чрезъ Ламаншъ, онъ надѣется, что въ опасныхъ и нужныхъ обстоятельствахъ русскимъ кораблямъ не будетъ отказано убѣжище во французскихъ гаваняхъ. «Я доложу объ этомъ королю, отвѣчалъ Шуазель, и надѣюсь, что въ помощи флоту въ здѣшнихъ гаваняхъ отказа не будетъ». По поводу этого разговора Хотинскій писалъ Панину: «Признаюсь, что такое скромное поведеніе и отзывы дюка Шуазеля меня удивили, да и во всемъ нашелъ я въ немъ новаго человѣка, видъ его былъ тихій, ласковый, смирный и больше обыкновеннаго учтивый. Онъ показался мнѣ какъ будто устрашеннымъ и чаятельно реченная новость такъ его ошибла, что онъ еще не опомнился когда со мною о ней говорилъ. Здѣшнее министерство постоянно думало, что снаряженіе нашихъ эскадръ останется столь же безплоднымъ, какъ и датскихъ кораблей: погулявши по Балтійскому морю и давши этимъ сильную острастку шведамъ, возвратятся домой». Шуазель былъ повидимому очень учтивъ и спокоенъ; но Хотинскій узналъ, что немедленно по полученіи извѣстія о проходѣ эскадръ отправился изъ Версали курьеръ въ Константинополь. Прусскій посланникъ баронъ Гольцъ пересказалъ свой разговоръ съ Шуазелемъ: «Слышали вы о новомъ феноменѣ, о русскомъ флотѣ? спросилъ его министръ: вотъ и новая морская держава появилась»! Между членами дипломатическаго корпуса только и было рѣчей, что о русской эскадрѣ; удивлялись, какъ въ такое короткое время Россія могла изготовить 20 кораблей, что и Франціи было бы трудно. Хотинскому пересказали слѣдующій отзывъ Шуазеля: «Это предпріятіе романично, но нельзя не признать, что оно имѣетъ основаніе и на него хорошо смотрятъ; дорого оно и не думаю, чтобъ много этимъ было сдѣлано, но все-таки это блестящая экспедиція».

Хотинскій сообщалъ также въ Петербургъ и о полякахъ, находившихся въ Парижѣ, ихъ надеждахъ, замыслахъ и разговорахъ. Въ Парижѣ въ это время находился эмиссаръ конфедератовъ Гамолинскій, который подносилъ отъ нихъ принцу Карлу Саксонскому польскую корону, но тотъ отказался отъ опаснаго подарка и только выразилъ желаніе получить обратно герцогство курляндское, почему конфедераты и рѣшились избрать себѣ въ короли герцога Тешенскаго. Въ Парижѣ говорили, что конфеде-

раты намѣрены провозгласить междуцарствіе и прислать во Францію посломъ отъ генеральной конфедераціи Велгорскаго, который былъ въ Россіи, и будто король французскій обѣщалъ принять его со всѣми почестями. Виды конфедератовъ не ограничивались одною Польшею: имъ хотѣлось возмутить Лифляндію; возможность этого они основывали на сильномъ неудовольствіи тамошняго дворянства по причинѣ потребованнаго русскимъ правительствомъ на время войны денежнаго вспоможенія.

Наконецъ Шуазель объявилъ Хотинскому рѣшеніе короля на счетъ русской эскадры: въ случаѣ нужныхъ и опасныхъ приключеній Франція не откажетъ въ должной по человѣчеству помощи и не запретитъ входа русскимъ кораблямъ въ свои гавани, такъ какъ находится съ Россіею въ согласіи; но корабли должны входить въ гавани по одному, а не цѣлою эскадрою, потому что Франція, имѣя значительную торговлю съ Турціею, должна ее щадить. Хотинскій представилъ, что этого недостаточно: если цѣлая эскадра, настигнутая бурею, будетъ искать спасенія въ гавани, то неужели примутъ только одинъ корабль, и дадутъ погибнуть другимъ? Герцогъ отвѣчалъ, что перемѣнить рѣшенія нельзя: таковы морскіе законы; можно позволить войти въ гавань цѣлой эскадрѣ только той державы, которая находится въ союзѣ съ Франціею. То же будетъ съ русскимъ флотомъ и въ Испаніи; впрочемъ онъ можетъ найти убѣжище отъ вѣтровъ въ рейдахъ, исключая Корсику.

Отъ 1 ноября Хотинскій сообщилъ любопытное извѣстіе: пріѣхалъ въ Парижъ италіанецъ графъ Томатисъ, служившій у польскаго короля распорядителемъ придворныхъ зрѣлищъ, и разсказывалъ, что русскіе, на основаніи успѣховъ своихъ въ Турціи, поговариваютъ уже о раздѣлѣ завоеваній, а именно: за собою оставляютъ Азовъ, Таганрогъ и право свободной торговли по Черному морю, король польскій получитъ Молдавію и Валахію; но такъ какъ вѣнскій и берлинскій дворы могли бы этому воспротивиться, то первый получитъ часть Валахіи, которую потерялъ въ прошедшую войну съ турками, а за вторымъ останется епископство Вармійское. Томатисъ увѣрялъ, что оба двора уже согласны на это, и между Россіею, Австріею и Пруссіею уже заключенъ дружественный договоръ [75].

Мы видѣли, что Шуазель считалъ Данію потерянною для французскаго вліянія и думалъ сдерживать ее Швеціею; но Данія хотѣла сдерживать Швецію, и этого Шуазель не могъ сносить равнодушно. Бернсторфъ далъ знать Философову, что Данія готова принять самыя крайнія мѣры для противодѣйствія французскимъ замысламъ въ Швеціи. Данія обязывалась переслать для этого въ Стокгольмъ отъ 100 до 150,000 талеровъ; но Философовъ хлопоталъ, чтобъ кромѣ денегъ Данія вооружила также флотъ свой для устрашенія Швеціи. Узнавши объ этомъ герцогъ Шуазель внушилъ датскому посланнику при французскомъ дворѣ, что хотя Франція не можетъ запретить датскому королю употреблять деньги и угрозы въ настоящихъ шведскихъ обстоятельствахъ, однако заблаговременно объявляетъ, что если съ датской стороны дойдетъ до прямыхъ дѣйствій съ Швеціею, то какъ французскій, такъ и испанскій король спокойно смотрѣть на это не будутъ, а примутъ это за полный разрывъ дружбы и прежде всего займутъ датскія колоніи въ Америкѣ. Въ отвѣтъ на это въ совѣтѣ датскаго короля было рѣшено немедленно же вооружить флотъ и приготовить къ походу сухопутное войско. Шуазель сдѣлалъ датскому посланнику формальный запросъ, по какимъ побужденіямъ Данія вооружается. «Король мой государь, писалъ Шуазель, смотритъ на шведское королевство какъ на государство независимое и никакое другое государство не имѣетъ права стѣснять силою шведскую націю; такъ напримѣръ король не думаетъ, чтобъ какое-нибудь государство могло дѣйствовать въ Швеціи какъ Россія дѣйствовала въ Польшѣ». Бернсторфъ поручилъ датскому посланнику отвѣчать на это, что датскій король далекъ отъ желанія стѣснять или безпокоить Швецію и надѣется, что чрезвычайный шведскій сеймъ не будетъ имѣть послѣдствіями предпріятій, которыя нарушатъ спокойствіе и самые дорогіе интересы Сѣвера и заставятъ датскаго короля исполнить старыя обязательства и позаботиться о безопасности собственныхъ государствъ. Король въ то же время не колеблется дать его христіаннѣйшему величеству самыя положительныя увѣренія, что скромное вооруженіе Даніи не грозитъ никакою опасностію ни одному государству въ мірѣ и всего менѣе Франціи.—Датскій дворъ, въ случаѣ войны съ Швеціею, боялся не столько враждебныхъ государствъ — Франціи и Испаніи, сколько союзной Пруссіи. Отъ

4 іюля Философовъ писалъ Панину: «Совершенное приступленіе къ равномѣрной нашимъ обѣимъ операціи въ Швеціи прусскаго двора въ настоящемъ времени подачею декларацiи здѣсь не почитается еще нужнымъ, и хотя притомъ здѣшній дворъ конечно почитаетъ, что на случай войны согласіе прусскаго короля съ нашимъ и здѣшнимъ дворами наисовершеннѣйшей важности есть, однако зная притомъ, что король прусскій безъ пріобрѣтенія выгодныхъ для себя акквизицій на сіе не поступитъ, считаетъ для безопасности и спокойствія своего и всего Сѣвера на будущія времена весьма важнымъ къ усиленію сего государя, а особливо размноженіемъ его поссессій на берегахъ Балтійскаго моря или размноженіемъ его властительства въ коммерціи Польши, осмотрительными быть и требующими уваженія, что не полезнѣе ли, когда бъ и необходимо нужно было къ такимъ договорамъ съ нимъ поступить, изыскивать ему удовлетвореніе хотя бы и отъ Польши, но во внутрь земли». Такимъ образомъ въ Версали, въ Вѣнѣ, въ Копенгагенѣ толковали, какъ о дѣлѣ естественномъ и необходимомъ, о вознагражденіи прусскаго короля на счетъ Польши — за что? Это опредѣлялось интересами каждаго изъ дворовъ.

Философовъ былъ доволенъ Бернсторфомъ, но извѣщалъ о неудовлетворительномъ положеніи дѣлъ при дворѣ: «Внутреннее состояніе здѣшняго двора, писалъ онъ, начинаетъ нѣсколько мятежнѣе становиться. Придворныя интриги часъ отъ часу размножаются. Главные интриганы—прежній фаворитъ графъ Голькъ, мальчикъ 19 лѣтъ; Варнстьетъ, котораго вліяніе все болѣе и болѣе усиливается; госпожи Габель и Билоу, двѣ живущія при дворѣ дамы, изъ которыхъ каждая стремится быть королевскою метрессою. Къ несчастію король, окруженный такими презрѣнными людьми, молодъ и доступенъ всякимъ внушеніямъ, а къ большему несчастію министерство робко: видя, что всѣ упомянутыя лица, стремящіяся овладѣть королевскою волею, не мѣшаются много въ государственныя дѣла, министры довольны, что правленіе въ ихъ рукахъ и оставляютъ придворныя каверзы безъ сопротивленія. Моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ не допускать французскаго и шведскаго министровъ въ придворныя интриги, ибо эти министры стараются привлечь на свою сторону графа Голька.» [76]

Но главная борьба у русскаго министра съ французскимъ по прежнему происходила въ Швеціи. 8-го января французская партія распустила въ Стокгольмѣ слухъ, что въ Россіи произошла революція. «Злая шайка, писалъ Остерманъ, этимъ своихъ сообщниковъ такъ сильно ободряетъ, что они все больше и больше выходятъ изъ всякой мѣры; изъ всего видно, что они начинаютъ играть въ самую отчаянную игру: полковникъ баронъ Горнъ, ѣздя къ сенаторамъ, съ великими угрозами и нахальствомъ попрекалъ имъ ихъ поведеніе и прославлялъ поведеніе королевское.» Сенатъ, опасаясь отчаянной игры противниковъ во время сейма въ Стокгольмѣ, опредѣлилъ созвать сеймъ въ Норкепингѣ; тогда изъ противной партіи раздались угрозы, что Норкепингъ, состоящій большею частію изъ деревянныхъ домовъ, будетъ сожженъ. Король объявилъ, что онъ не намѣренъ разлучаться съ своимъ семействомъ, и потому сенаторы должны уступить въ Норкепингѣ приличныя помѣщенія для двора и назначить необходимыя для того суммы. Остерманъ съ благодарностію отзывался о дружескомъ содѣйствіи ему министровъ англійскаго и датскаго; но прусскій министръ Кокцей на приглашеніе дѣйствовать вмѣстѣ холодно отвѣчалъ, что быть можетъ скоро заключенъ будетъ миръ между Россіею и Портою, и члены французской партіи въ Швеціи будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ.

21 февраля Остерманъ потребовалъ отъ Панина на сеймовые расходы 207,250 рублей, сумму, высчитанную вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ и благонамѣренными шефами. «Всѣ отзывы шефовъ французской партіи, писалъ Остерманъ, достовѣрно доказываютъ, что ихъ и любезнаго имъ двора покушеніе на этомъ сеймѣ есть послѣднее и самое отчаянное, и если имъ не удастся достигнуть своей цѣли, то благонамѣренные останутся на долго въ покоѣ, и потому, если ихъ игра отважна, то и съ нашей стороны нужна равная оборона. По извѣстному испорченному здѣшнему національному духу трудно заранѣе ручаться, что мы пріобрѣтемъ поверхность при началѣ сейма, но смѣю удостовѣрить въ одномъ, что соперники наши за свою поверхность очень дорого заплатятъ.» Въ концѣ марта король, присутствуя въ сенатѣ, требовалъ, чтобъ по случаю вооруженія датскаго флота отправлено было въ Карлскрону приказаніе оснастить извѣстное число кораблей и фрегатовъ; но сенаторы, кромѣ двоихъ, не согласились,

представляя, что датское правительство на запросъ шведскаго дало дружескій успокоительный отвѣтъ на счетъ своего вооруженія, и потому опасно вплетать Швецію во вражду съ Даніею, притомъ же скоро соберется сеймъ, и потому всякія мѣры со стороны сената излишни. Сенаторъ баронъ Фризендорфъ прямо сказалъ, что по его мнѣнію датскія вооруженія не имѣютъ въ виду ничего другого, какъ заступленіе, въ случаѣ опасности, за шведскія вольности или собственную защиту въ случаѣ нападенія со стороны Швеціи, и такъ какъ онъ не можетъ приписывать будущему сейму ни одного изъ этихъ намѣреній, то и не видитъ, чтобъ со стороны Даніи могла угрожать какая-нибудь опасность. Это разсужденіе такъ раздражило короля, что онъ всталъ и ушелъ, не поклонясь сенаторамъ.

Со стороны Франціи предложенъ былъ королю слѣдующій планъ: 1) король долженъ опираться на флотъ; 2) послать секретнаго емиссара въ Константинополь съ предложеніемъ Портѣ денежной ссуды; 3) окончить сеймъ въ три или четыре мѣсяца для предупрежденія мира Россіи съ Турціею; 4) Порта, въ своемъ мирномъ договорѣ съ Россіею должна поставить въ условія шведскую независимость и принять на себя гарантію новой формы шведскаго правленія.

Чрезвычайный сеймъ въ Норкепингѣ начался подъ самыми неблагопріятными предзнаменованіями для русской партіи: ораторы духовнаго и крестьянскаго чина избраны были изъ приверженцевъ Франціи, ландмаршаломъ или президентомъ сейма былъ избранъ генералъ графъ Ферзенъ большинствомъ 604 голосовъ противъ 372. Первымъ слѣдствіемъ торжества французской партіи было, разумѣется, стремленіе отнять у русскихъ приверженцевъ большинство въ сенатѣ. Остерманъ виновницею зла ставилъ Англію, которая не прислала въ Стокгольмъ денегъ, необходимыхъ для поддержанія русской стороны на сеймѣ. Получивъ извѣстія о норкепингскихъ происшествіяхъ, императрица написала Панину: «Прикажите Остерману объявлять всѣмъ и каждому, что если останется хотя одинъ шведъ для защиты свободы, то я его буду поддерживать. Кромѣ того велите сочинить небольшую статью, какъ бы идущую отъ посторонняго человѣка, велите ее напечатать и отослать туда поскорѣе для объявленія того же самаго.»

Въ маѣ мѣсяцѣ секретная коммиссія отрѣшила отъ должности всѣхъ сенаторовъ (за исключеніемъ одного), обвиняя ихъ въ томъ, что они стремились не совѣтовать, а царствовать, въ противность основнымъ законамъ. Главнымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ былъ наслѣдный принцъ Густавъ, который каждый день публично на площади толковалъ съ крестьянами, внушая имъ, кого они предпочитаютъ спасти, короля или сенатъ. Сеймъ изъ Норкепинга былъ переведенъ въ Стокгольмъ. Остерманъ долженъ былъ признаться, что его денежныя приманки остаются безплодными. Самый видный изъ русской партіи Пехлинъ объявилъ посланнику, что онъ ручается только за сохраненіе конституціи и тишины. Остерманъ, не вполнѣ довѣрявшій Пехлину за его двойную роль, писалъ однако, что по всѣмъ вѣроятностямъ Швеція не начнетъ войны съ Россіею, боясь тѣсной связи послѣдней съ Даніею и Пруссіею. Относительно перемѣнъ въ конституціи французская партія видѣла въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ большія затрудненія. Королева требовала, чтобъ королю дана была полная власть въ раздачѣ чиновъ; но король и наслѣдный принцъ довольствовались возстановленіемъ въ полной силѣ конституціи 1719 года съ исключеніемъ на вѣки статьи, дозволявшей государственнымъ чинамъ истолковывать основные законы. Положено было за дѣло конституціи приняться послѣ рѣшенія дѣла о финансахъ, и если нельзя будетъ его рѣшить, то дополнить сенату въ секретныхъ инструкціяхъ и окончить сеймъ въ концѣ октября, потому что французскій министръ объявилъ своимъ пріятелямъ, что его государь далѣе этого срока не намѣренъ поддерживать свою партію деньгами.

Остерману предписано было отъ своего двора по послѣдней мѣрѣ удерживать конституцію 1720 года. Въ сентябрѣ посланникъ доносилъ, что бургомистръ Кернингъ приводитъ къ королевѣ депутатовъ мѣщанскаго сословія и она сама склоняетъ ихъ къ своимъ видамъ; наслѣдный принцъ съ этоюже цѣлію приглашаетъ къ себѣ къ обѣду мелкое офицерство; всѣ отсутствующіе члены французской партіи созваны къ 30 сентября (с. с.) и всѣ извѣстія согласны въ томъ, что около этого времени положено рѣшить дѣло о конституціи по сильному настоянію королевы и требованію французскаго министра. Офицерство приманивалось обѣщаніемъ по тысячѣ плотовъ за каждый голосъ и выдачею

письменнаго за королевскою рукою увѣренія въ повышеніи каждаго однимъ чиномъ. Въ началѣ октября французская партія была смущена извѣстіями о побѣдѣ русскихъ надъ турками; но скоро оправилась и начала разглашать, что русскія побѣды выгодны для Швеціи, ибо отдаляютъ срокъ заключенія мира и тѣмъ даютъ шведамъ больше свободы покончить безпрепятственно свои внутреннія дѣла. Такъ говорила сама королева, прибавляя, что въ наступающее зимнее время Россія съ своими союзниками не будетъ въ состояніи воспрепятствовать этому вооруженною рукою, а между тѣмъ можно будетъ принять лучшія оборонительныя мѣры.

Но дѣло о перемѣнѣ конституціи встрѣтило сильное сопротивленіе, такъ что французская партія сочла нужнымъ войти въ сдѣлку съ членами русской, предложивъ послѣднимъ ввести нѣкоторое число изъ нихъ въ сенатъ и секретную коммиссію, лишь бы согласились на усиленіе королевской власти. Все стараніе Остермана, разумѣется, состояло въ томъ, чтобъ уничтожить эту сдѣлку. Ему это удалось, русская партія взяла верхъ въ дворянскомъ сословіи и привела дѣло къ тому, что запрещено было поднимать вопросъ о перемѣнѣ конституціи; то же рѣшеніе послѣдовало въ мѣщанскомъ и крестьянскомъ сословіи; *операція* стоила Остерману 450,000 талеровъ мѣдною монетою: благонамѣренные получали по 300 талеровъ въ мѣсяцъ, *операторы* же двойной окладъ; чтобъ воспользоваться благополучнымъ переломомъ и окончить сеймъ согласно съ желаніемъ русскаго двора, Остерманъ требовалъ еще 150000 рублей [77].

Мы видѣли, что благодаря статьѣ о шведскихъ субсидіяхъ не могъ состояться союзный договоръ между Россіею и Англіею. Россія хотѣла, чтобъ Англія, если не желаетъ помогать ей въ войнѣ турецкой, помогла, по крайней мѣрѣ, деньгами для предотвращенія войны шведской. Императрица писала Чернышеву: «Еслибы Англія, давая Швеціи субсидіи, могла освободить Россію отъ второй войны, поджигаемой Франціею, то сдѣлаетъ ли она это? Случай существуетъ, французская партія ведетъ къ созванію чрезвычайнаго сейма и къ отреченію королевскому; если Англія не дастъ Швеціи субсидій, то можно биться о закладъ, десять противъ одного, что Швеція будетъ имѣть глупость объявить войну Россіи, и Англія своею несвоевременною бережли-

востію подвергнетъ войнѣ имперію, которую по столькимъ причинамъ должна считать единственнымъ теперь своимъ другомъ и подпорою. Я думаю, что если мой аргументъ будетъ внесенъ въ парламентъ, то несмотря на сопротивленіе Нижней палаты, не найдется ни одного доброго англичанина, который бы не подалъ голоса за субсидіи, и если нація рѣшитъ не давать, то частные люди дадутъ, а если и они не дадутъ, то съ этой минуты я буду думать, что дружба и вражда Англіи слова безполезныя и лишенныя смысла, потому что отъ нихъ нѣтъ никакихъ послѣдствій». Но изъ Англіи былъ одинъ отвѣтъ, что парламентъ не согласится платить субсидій въ мирное время. Екатерина сердилась, и въ мартѣ 1769 года писала Чернышеву: «Послушай, баринъ! Когда ты узнаешь все, что̀ я сдѣлала и затѣяла противу россійской имперіи непріятеля, тогда ты скажешь, что послѣ Ивана Чернышева никто болѣе Катерины не любитъ шумъ, громъ и громаду; не изволь сіе принять за бредню; даромъ, что меня третью недѣлю мучитъ простудная лихорадка и всѣ на свѣтѣ флусы, однако я въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, и, если нужда потребуетъ, и съ шведами управлюсь, какъ съ клопами, кои кусаютъ съ опасностію быть раздавленными. Твои же англичане ужъ ужесть радость какъ не важны, и я чаю таковы будутъ до тѣхъ поръ, пока французы съ гишпанцами на нихъ нападутъ, чего дай Боже хотя на завтра полученія сего письма».

Оставалось склонить Англію къ выдачѣ хотя какой-нибудь суммы для противодѣйствія французской партіи въ Швеціи.

Когда графъ Иванъ Чернышевъ представилъ Рошфору, что для поправленія шведскихъ дѣлъ Англія не можетъ послать въ Швецію менѣе сорока или пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, тотъ отвѣчалъ въ секретнѣйшей конфиденціи: «Я еще не знаю, согласятся ли у насъ на выдачу такой или какой бы то ни было суммы, только долженъ вамъ открыть одному, что великое затрудненіе можетъ произойти въ королевскомъ совѣтѣ по вопросу, кому повѣрить деньги; Гудрику повѣрить не захотятъ, всѣмъ извѣстно, что онъ на руку нечистъ; онъ лучшій у насъ изъ всѣхъ министровъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ, ему все повѣрить можно, кромѣ денегъ». Чрезъ нѣсколько времени Рошфоръ объявилъ Чернышеву, что рѣшено послать приказаніе Гудрику израсходовать извѣстную сумму денегъ для подкрѣпленія

благонамѣренной партіи въ Швеціи, но какую именно сумму не сказалъ, изъ чего Чернышевъ догадался, что сумма невелика; Рошфоръ увѣрялъ при этомъ, что и Франція переслала въ Стокгольмъ къ своему посланнику Модэну только 100,000 ливровъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Чернышевъ сообщилъ Панину любопытное заявленіе Рошфора: «Я знаю подлинно, говорилъ Рошфоръ, что король прусскій хотя и принялъ прямое намѣреніе не допускать шведовъ до войны съ Россіею, но что касается перемѣны ихъ правленія, то не только не вмѣшивается въ это дѣло, но, можетъ быть, и жалѣть не будетъ, если въ томъ успѣютъ». Въ то же время Чернышевъ писалъ: «Зачинаю и я сумнѣваться, что есть какое-нибудь кокетство между здѣшнимъ дворомъ и вѣнскимъ, ибо читая Рошфору, чтобъ его испугать, окончаніе послѣдняго Остерманова письма, гдѣ упоминается о могущемъ сдѣлаться предложеніи относительно заключенія союза между французскимъ, гишпанскимъ и австрійскимъ дворами съ Швеціею, онъ мнѣ на то вдругъ индискретнымъ образомъ болтнулъ: такъ австрійцы бы насъ обмануть хотѣли? Сколь я потомъ ни старался, чтобъ его паки привесть о семъ что-нибудь болѣе сказать, но того сдѣлать не могъ».

Чернышевъ приписывалъ англійскому министерству неуспѣхъ въ заключеніи союзнаго договора между Россіею и Англіею; онъ писалъ Панину: «Примите за несомнѣнную правду, что какъ долго сіе министерство на своемъ мѣстѣ пробудетъ, не должно ожидать никакого твердаго предпріятія, которое бы хотя мало Францію раздражить могло, ибо если до того доходить будетъ, не удержитъ оно своихъ мѣстъ, для сохраненія которыхъ все сдѣлать готовы». А Рошфоръ прямо объявилъ Чернышеву, что онъ считаетъ прусскаго короля виновникомъ того, что союзный договоръ между Россіею и Англіею не былъ заключенъ: Фридрихъ II чрезъ своего министра старался всюду разглашать въ Лондонѣ, что было бы безразсудно съ англійской стороны давать какія-нибудь субсидіи Швеціи.

Въ концѣ августа Чернышевъ объявилъ Рошфору объ отправленіи русской эскадры въ Архипелагъ. Рошфоръ не могъ удержаться, чтобъ не сказать: «Какое смѣлое предпріятіе! Какъ бы я желалъ, чтобъ мы были теперь въ войнѣ съ Франціею: два соединенные флота надѣлали бы прекрасныхъ вещей»! Чернышевъ

также не удержался, чтобъ не поразгорячить англичанина: «Еслибы здѣшнее министерство было поспокойнѣе дома, сказалъ онъ, то англичанамъ можно было бы пріобрѣсти теперь какое-нибудь владѣніе въ Архипелагѣ, какъ французы овладѣли Корсикою; и утвердившись въ Архипелагѣ, англичанамъ можно было бы уничтожить выгодную французскую торговлю въ Левантѣ; Англія можетъ имѣть въ Россіи сильную помощницу не только на твердой землѣ, но и на морѣ, когда русскій флотъ попривыкнетъ быть и въ здѣшнихъ моряхъ».—«Какъ ошибаются тѣ, отвѣчалъ Рошфоръ, которые думаютъ, что русскій флотъ не можетъ оказать намъ помощи въ случаѣ нужды»! Но когда англійскій посолъ при русскомъ дворѣ, лордъ Каткартъ, сообщилъ своему министерству о существованіи въ Петербургѣ проекта образованія изъ Крыма, Молдавіи и Валахіи независимыхъ государствъ для огражденія отъ Турціи, равно какъ изъ Финляндіи независимаго великаго герцогства для огражденія отъ Швеціи, то Рошфоръ отвѣчалъ ему, что такой планъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ умѣренности петербургскаго двора, нежеланію расширять свои границы: легко усмотрѣть, что такія независимыя государства въ сущности будутъ въ полной зависимости отъ Россіи. Рошфоръ сдѣлалъ Каткарту замѣчаніе, чтобъ онъ не очень увлекался удивленіемъ къ высокому характеру русской императрицы и нѣкоторыхъ ея министровъ, а предполагалъ бы въ нихъ извѣстную долю честолюбія [78].

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1770 годъ.

Дѣйствія противъ турокъ въ дунайскихъ княжествахъ. — Движенія генерала Штофельна.—Жалоба Румянцева на недостатокъ войска; ободрительное письмо къ нему императрицы.—Негодованіе Екатерины на генерала Штофельна за сожженіе городовъ и деревень.—Объясненія Румянцева относительно Штофельна, состоянія Молдавіи и Валахіи и состоянія русскаго войска.—Движеніе Румянцева изъ Подоліи въ дунайскія княжества.—Чума.—Смерть Штофельна.—Записка гр. Григорія Орлова о движеніи къ Варнѣ и Константинополю.—Осторожность Румянцева и переписка его съ императрицею.—Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ.—Торжество въ Петербургѣ.—Осада и взятіе Бендеръ гр. П. И. Панинымъ.—Переговоры его съ татарами о возстановленіи ихъ независимости. — Ногайскія орды отказываются отъ турецкаго подданства.—Состояніе русскаго флота, прошедшаго въ Средиземное море. — Неудача морейской экспедиціи. — Истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ. — Восторгъ Екатерины. — Переписка Орлова съ европейскими консулами въ Смирнѣ. — Дальнѣйшія движенія русскаго флота. — Странности на Кавказѣ; Тотлебенъ и Чоглоковъ.—Желаніе мира въ Петербургѣ.—Политика Фридриха II.— Вопросъ о раздѣлѣ Польши. — Такъ-называемый проектъ Линара. — Исторія вопроса о раздѣлѣ Польши.—Іосифъ II, Кауницъ и Марія Терезія.— Второе свиданіе Фридриха II съ императоромъ Іосифомъ и Кауницемъ въ Нейштадтѣ. — Политическій катехизисъ. — Захватъ Австріею польскихъ земель.—Планъ Іосифа относительно Россіи и Турціи.—Письмо Фридриха Екатеринѣ съ предложеніемъ посредничества.—Отстраненіе Россіею посредничества и принятіе добрыхъ услугъ.— Русскія условія мира.—Пріѣздъ въ Петербургъ принца Генриха прусскаго; впечатлѣніе, произведенное имъ здѣсь.— Негодованіе Фридриха на отстраненіе Россіею посредничества.—Разговоры принца Генриха съ Екатериною, Панинымъ и Сальдерномъ; переписка его съ братомъ.—Письмо Екатерины къ Фридриху съ сообщеніемъ мирныхъ условій. — Притворный ужасъ прусскаго короля по прочтеніи этихъ условій. — Вѣсти изъ Польши о планахъ раздѣла. — Разговоръ принца Генриха съ императрицею и гр. Чернышевымъ объ австрійскомъ захватѣ.—Письмо Генриха

къ брату, что тотъ можетъ безопасно занять въ Польшѣ вармійское епископство.—Дѣла польскія; помощь Франціи конфедератамъ. — Мнѣніе Дюмурье о послѣднихъ.—Станиславъ Августъ поднимаетъ голову; его переписка съ Екатериною и разговоры съ кн. Волконскимъ.—Старанія Волконскаго о реконфедераціи; въ Петербургѣ не соглашаются на эту мѣру.—Отношенія Россіи къ Швеціи, Даніи и Англіи.

Въ Петербургѣ толковали объ условіяхъ мира, котораго сильно желали; но турки не были доведены до крайности прошлогоднею кампаніею, не просили мира, который слѣдовало купить новыми тяжкими усиліями, новыми побѣдами. «Побѣда врагъ войны и начало мира; побѣдою истребляется война и прокладывается путь къ миру», записала Екатерина [79].—«Повторяю, писала она Вольтеру, мудрая Европа одобритъ мои планы только въ случаѣ ихъ удачи. Вы сравниваете планъ экспедиціи въ Средиземное море, который несправедливо мнѣ приписываютъ (я предоставляю себѣ назвать автора плана *, когда послѣдній удастся) съ предпріятіемъ Аннибала: но карѳагеняне имѣли дѣло съ колоссомъ, бывшимъ во всей своей силѣ, тогда какъ мы имѣемъ предъ собою слабый призракъ, всѣ части котораго разваливаются при первомъ прикосновеніи» [80]. Видя, что Порта не намѣрена дѣлать мирныхъ предложеній, Екатерина надѣялась, что народъ можетъ побудить къ этому султана, и писала Румянцеву: «Въ Левантѣ, сказываютъ, все готово къ сверженію ига нечестиваго. Я чаю, поумножится еще у турокъ сумятица, если вы распустите непримѣтно слухъ до нихъ, что ихъ бѣшеный султанъ не хочетъ миру, котораго бы онъ получить могъ, еслибы хотѣлъ; ибо вамъ извѣстно, что Россія никогда не желала войны, но всѣми силами всегда обороняться будетъ, какъ самый опытъ доказываетъ, изъ чего послѣдовать можетъ легко и паденіе турецкой имперіи» [81].

Мы видѣли, что въ 1769 году русскія войска заняли оба дунайскія княжества съ ихъ главными городами; но невыгода положенія заключалась въ томъ, что русскія силы были разбросаны на большомъ пространствѣ, тогда какъ у турокъ оставались двѣ крѣпости—Журжа и Браиловъ. Еще въ концѣ 1769 года генералъ-поручикъ Штофельнъ началъ дѣлать приготовленія ко взятію Браилова, что очень занимало Екатерину, которая по

---

* Т.-е. Орлова.

картѣ видѣла важность мѣста и не могла скрыть отъ Румянцева своего безпокойства, почему Браиловъ такъ долго не въ русскихъ рукахъ, неужели главнокомандующій не считаетъ его необходимымъ для обезпеченія пребыванія русской арміи лѣтомъ въ Молдавіи [82]? Въ самомъ началѣ года турки предупредѣлили Штофельна: значительный отрядъ ихъ двинулся изъ Рущука на Фокшаны, чтобъ разрѣзать русскія силы между двумя главными городами княжествъ, Бухарестомъ и Яссами; генералъ-майоры Подгоричанинъ и Потемкинъ съ незначительными сравнительно силами разбили непріятеля послѣ чрезвычайно упорнаго сраженія. Но еще прежде донесенія о побѣдѣ при Фокшанахъ, имя этого мѣстечка было упомянуто въ другомъ печальномъ донесеніи: въ его окрестностяхъ появилась моровая язва, и враждебныя къ Россіи газеты уже толковали, что русское войско будетъ ею истреблено. «Весною, писала Екатерина Вольтеру, чумные воскреснутъ для битвъ» [83].

Нападеніе непріятеля на Бухарестъ было отбито; но Штофельнъ, послѣ удачной битвы съ турками, принужденъ былъ отступить отъ Браилова, найдя укрѣпленія его слишкомъ сильными; при отступленіи онъ выжегъ 260 селеній, съ цѣлію отнять у непріятеля возможность опять напасть на Фокшаны. По извѣстію, что снова опасность грозитъ Бухаресту отъ Журжи, Штофельнъ перешелъ сюда, поразилъ турокъ подъ Журжею, сжегъ этотъ городъ и 143 селенія; пространство по Дунаю на 250 верстъ, отъ Прута до Ольты, было совершенно опустошено, опять съ цѣлію предохранить Бухарестъ отъ новаго нападенія.

Въ этихъ движеніяхъ прошли два первые мѣсяца 1770 года. Румянцевъ все стоялъ въ Подоліи и писалъ императрицѣ, что давно перешелъ бы въ Молдавію, еслибъ тамъ не было недостатка въ провіантѣ и фуражѣ, которые надобно было отправлять туда изъ Подоліи и для небольшихъ отрядовъ тамъ дѣйствовавшихъ. Румянцевъ сильно жаловался, что Браиловъ остался въ турецкихъ рукахъ, что у турокъ много и войска и запасовъ, а у русскихъ мало и того, и другого. Екатерина ободряла главнокомандующаго: «Какъ теперь Журжа взята, писала она, то не сомнѣваюсь, что сіе вамъ подастъ средства обратить въ пользу новое истребленіе непріятельской толпы. Браильской же за́мокъ уже кажется не сталъваженъ, бывъ, такъ сказать, окруженъ

нашими войсками и постами. Болѣе всего меня безпокоятъ трудности въ заведеніи магазиновъ въ покоренныхъ земляхъ; Бога для употребите всевозможные способы, чтобы вамъ ни въ чемъ недостатка не было; кажется въ Валахіи нѣсколько хлѣба еще быть можетъ; у молдавцевъ же когда они изъ горъ и закрытыхъ мѣстъ возвратились и въ домахъ живутъ спокойно, а наши войска дисциплину содержатъ, то по крайней мѣрѣ у нихъ лошади и волы быть можетъ способны къ возкѣ провіанта, кои, съ нашимъ обыкновеннымъ хорошимъ распорядкомъ, къ тому не безполезны будутъ; они же то спасая себя дѣлать обязаны, ибо турки грозятъ ихъ истребить, и вы не оставите имъ о томъ растолковать. Безчисленныя силы турецкія въ будущей кампаніи весьма щотны будутъ, потому что разбѣжавшіяся прошлою кампаніею войска казаться не будутъ. Азіатцы остаются дома противъ грузинцевъ; съ визиремъ же теперь не болѣе было, по извѣстіямъ, какъ тысячъ до сорока, кои уже частію разбиты подъ Фокшанами, Браиломъ и Журжею. Магазейны же ихъ не подумайте, чтобъ также чрезвычайно знатны были; у нихъ безпорядокъ во всемъ дошелъ до высшей степени; прошлаго года они много хлѣба имѣли изъ Валахіи, котораго вы имъ нынѣ не дадите».

Донесеніе Румянцева о дѣйствіяхъ Штофельна сильно возмутило Екатерину. «Упражненія господина Штофельна въ выжиганіи города за городомъ и деревень сотнями, признаюсь, что мнѣ весьма непріятны, писала она Румянцеву.—Мнѣ кажется, что безъ крайности на такое варварство поступать не должно; когда же безъ нужды то дѣлается, то становится подобно тѣмъ дѣламъ, кои у насъ изстари бывали на Волгѣ и на Сурѣ. Я вѣдаю, что вы, такъ какъ и я, не находите удовольствія въ подобныхъ происшествіяхъ. Пожалуй уймите Штофельна: истребленія всѣхъ тамошнихъ мѣстъ ни ему лавры не нанесутъ, ни намъ барыша, наипаче если то суть христіанскія жилища. Я опасаюсь, чтобъ подобный же жребій не палъ на Букарестъ и пр.: предлогъ, что держаться нельзя, и тамъ быть можетъ. Вы видите изъ всего сего, что я вамъ чистосердечно отсылаю свои мысли, оставляя впрочемъ вамъ сдѣлать ни болѣе, ни меньше, какъ благоразумная осторожность и лучшее ваше военное искусство и знаніе вамъ на умъ положатъ, имѣя къ вамъ совершенную довѣренность, что вы все то сдѣлаете, что къ пользѣ службы

и дѣлъ вамъ ввѣренныхъ служить будетъ. Статься можетъ, что по моей природной склонности болѣе къ созиданію, нежели къ истребленію, я сіи непріятныя происшествія слишкомъ горячо принимаю; однако я почла за нужное, чтобъ вы совершенно знали образъ моихъ мыслей».

Румянцевъ дѣйствительно далъ знать императрицѣ, что «не находитъ удовольствія въ подобныхъ происшествіяхъ»; но старался оправдать Штофельна, которымъ очень дорожилъ. Съ этою цѣлію онъ еще прежде писалъ графу Григ. Григ. Орлову: «Благодарю наипризнательнѣе за совѣты, которые преподаете мнѣ въ своихъ примѣчаніяхъ. Отложите, милостивый графъ, и мысли, чтобъ ваши изъясненія были мнѣ не инако, какъ милостивымъ руководствомъ. Прошу дать мнѣ опытъ своего чистосердечія, т.-е., увѣдомить меня въ дружескую конфиденцію, какъ наши нынѣшнія побѣды пріемлются, не въ разсужденіи меча, но въ разсужденіи огня. Я по вашимъ словамъ заключаю, да и самъ, конечно, того мнѣнія, что пожигать селенія, а паче зданія великолѣпныя, есть обычай воюющихъ варваровъ, а не европейцевъ. Но, съ другой стороны, надобно представить ту особливость, что настоящая война въ себѣ имѣетъ, въ которой иныя мѣры, и иной образъ, какъ во брани въ другихъ частяхъ Европы. Тѣ ли обычаи свойственны нашему непріятелю, что европейцамъ? онъ дышетъ звѣрствомъ во всѣхъ дѣлахъ; селенія, что въ иной войнѣ пользовали бы, ради такихъ выгодъ здѣсь на тотъ конецъ нельзя никакъ обратить, потому что непріятель, ежели не успѣетъ со всѣми своими пожитками убраться, то самъ оныя истребляетъ, чтобъ намъ ничто не доставалось. А ежели оставлять въ цѣлости селенія хоть пустыя, то должно въ опасности быть, чтобъ оныя не заразилъ непріятель, не знающій человѣчества, лютою язвою, что онъ нерѣдко предпринималъ на гибель рода человѣческаго». Получивъ приведенное письмо Екатерины, Румянцевъ писалъ ей: «Поистинѣ настоящая война имѣетъ видъ того же варварства, каково обычайно было и нашимъ предкамъ, и всѣмъ дикимъ народамъ, почему и трудно соблюдать мѣры благости противъ такого непріятеля, котораго поступки есть одна лютость и безчеловѣчіе. Въ продолженіи прусской войны скоро мы узнали, сколь были вредны для насъ самихъ производимые пожоги и истощенія края, въ коемъ войну вели, и потому, под-

ражая противнымъ, перемѣнили мы свои старые обычаи на лучшее; а противъ турокъ воюя, примѣры ихъ варварства столь ожесточаютъ и наши войска, что выходятъ сіи изъ всякой противъ нихъ пощады. Ген.-поручикъ фонъ-Штофельнъ, сколько мнѣ самому свойства его извѣстны, конечно бы не предалъ огню непріятельскія обиталища, еслибъ былъ въ состояніи обратить оныя въ свою пользу, или же бы могъ инако обезсилить противъ себя непріятеля. Цѣлость сихъ селеній послужила бы утвердиться наилучше туркамъ на семъ берегу Дуная и производить съ помощію того на разореніе Валахіи и къ утомленію нашихъ войскъ непрестанныя предпріятія; но теперь отняты способы ихъ арміи перебраться на сію сторону Дуная, поелику въ опустошенныхъ мѣстахъ на семъ берегу ничего они не отыщутъ потребнаго для движенія, что самое и приноситъ доселѣ спокойство границамъ обоихъ покоренныхъ княженій и нашимъ въ оныхъ пребывающимъ войскамъ. Военный сей резонъ меньше отяготилъ жителей, которые, по объявленію, заврeменно всѣ свои перенесли съ собою пожитки въ Валахію и Молдавію, и при сожженіи утратили только одни стѣны своихъ жилищъ, нежели то тиранство, коими удручали ихъ турки; а притомъ жилища сожженныя по большей части населяли магометане, кои, въ приближеніи нашихъ войскъ, перебрались за Дунай. При всемъ томъ я ген.-поручику фонъ-Штофельну примѣчу высочайшее и человѣколюбивое соизволеніе в. в—ства, дабы впредь сообразоваться оному».

Въ совѣтѣ 11 марта были предложены два соизволенія императрицы: 1) Молдавія и невыжженная малая часть Валахіи уже нѣсколько мѣсяцевъ въ нашихъ рукахъ; но о ихъ правленіи, сборахъ и прочее еще ничего не положено, и всѣ люди, кои тамъ въ диванѣ (правительственномъ совѣтѣ) или инако губернаторами или и другія дѣла отправляютъ по турецкой аукторизаціи, а не по нашей. Если сіе не противно порядку, то, по крайней мѣрѣ, не сходно съ благопристойностью. И такъ надлежитъ разсуждать и самымъ дѣломъ положить, какъ быть тамъ отъ сего времени, чего я отъ совѣта требую. 2) Чтобъ предписано было главнокомандующему генералу, дабы молдавцы и волохи разоряемы не были; чтобъ чинено было имъ, какъ подданнымъ здѣшнимъ, правосудіе и вспоможеніе и чтобъ распре-

дѣлены были тамъ по провинціямъ генералы для управленія оныхъ. Совѣтъ разсудилъ, что разсмотрѣніе этихъ дѣлъ должно оставить до тѣхъ поръ, пока всѣ этихъ провинцій депутаты пріѣдутъ въ Петербургъ: тогда, выслушавши ихъ, сдѣлать распоряженія; кромѣ того, надобно прежде пріискать людей, способныхъ занять тамъ правительственныя должности.

Но Екатерина, требуя установленія русскаго управленія въ дунайскихъ княжествахъ, имѣла въ виду правильный сборъ податей, которыя, хотя сколько-нибудь, могли бы облегчить тягость военныхъ издержекъ для Россіи. Она писала Румянцеву: «Прошу мнѣ сказать, не можно ли молдавскіе или валахскіе доходы употребить въ число экстраординарныхъ расходовъ, ибо сказываютъ, что болѣе трехъ милліоновъ туркамъ было дохода съ сихъ княженій, и хотя я и вѣдаю, что нынѣ столько быть не можетъ, однако думаю, что хотя бъ и одинъ милліонъ бы былъ, то бы оный замѣнилъ нѣсколько заботъ князю Вяземскому.» Отвѣтомъ было любопытное письмо Румянцева отъ 25 марта (изъ Лятычова): «Радѣлъ я всегда о полученіи и умноженіи доходовъ въ облегченіе казнѣ в. и. в—ства съ княженій молдавскаго и валахскаго. Молдавія чрезъ долгое пребываніе великаго числа турокъ и татаръ, которые въ ней ничего не щадили, истощена или выжата со всѣхъ своихъ достатковъ. Народъ не только въ нищетѣ, но и питаться чѣмъ не имѣетъ. Когда войска наши туда вступили, коихъ необходимость заставила брать и послѣднее, то крайность сія заставила меня обнадежить молдаванъ, что подати денежныя, т.-е. поголовная съ земледѣльцевъ имъ оставляются, а только бы провіантъ и фуражъ, лошадей и воловъ давали. Постановленія этого отмѣнить нельзя; генералъ фонъ-Штофельнъ пишетъ: «Ежели на обывателей денежныя подати наложить, чрезъ то оные и пуще расходиться станутъ. Городъ Яссы и прочія мѣста пусты останутся. Валахія также истощила всѣ свои достатки на содержаніе турецкой арміи. Земли по Дунаю, гдѣ больше всего хлѣбопашество происходило, турками всѣ выжжены, жители забраны въ плѣнъ или скрылись въ горы. Въ молдавской и волошскій диваны посадилъ я членовъ по избранію отъ депутатовъ и по удостоенію отъ генерала ф. Штофельна; надзираніе за дѣлами въ первомъ генералъ-майору Черніевичу, а во второмъ ген.-майору Замятину ввѣрилъ, и послѣдній означаетъ по фев-

раль сборовъ въ приходѣ 62759 левовъ, изъ коихъ за расходомъ на наши войска и жалованье волонтерамъ остается 9269 левовъ. Для надзиранія за сборами приставлены офицеры, ибо казначеи земскіе, слѣдуя своему обыкновенію, а особливо пользуясь нынѣшними замѣшательствами, корысть какъ видно предпочитаютъ всякому будущему блаженству. Молдавія и Валахія снабдѣвать насъ провіантомъ отнюдь не въ состояніи и доселѣ все содержаніе войска получали чрезъ подвозъ изъ здѣшнихъ магазиновъ. Но и польскій сей край испражненъ до основанія: не расходами пропитаніе вычерпано, но непорядкомъ, что въ прошедшую кампанію трава и хлѣбъ истреблены наибольше на корнѣ, лошади и скотъ гибнутъ безъ корму. Вступя въ Молдавію, буду я навѣрно имѣть на три мѣсяца пропитанія, а въ теченіе того времени не перестанутъ подвозы слѣдовать изъ вновь наполняющихся магазиновъ. Эти неудобства еще станетъ у меня способовъ преодолѣвать, но слѣдующимъ недостаткамъ я помогать не въ силахъ. Армія поднесь не имѣетъ рекрутъ, требуемыхъ на укомплектованіе полковъ, поднесь не доставлены въ великомъ количествѣ потребныя ей вещи. Съ моей стороны въ подлежащія мѣста взнесены требованія, посланы офицеры къ принятію, но ничто не предуспѣло. Отъ вашей прозорливости не можетъ быть скрыто, что у насъ иной видъ и счетъ на бумагѣ, а иной на дѣлѣ и служивымъ людямъ и всему имъ подобному. Въ минувшую войну пѣхотные полки рѣдко болѣе 1000 людей подъ ружьемъ имѣли, а теперь едва половину противъ того. Иныя арміи, познавши сколь удобнѣе для службы вообще, и въ вооруженіи и содержаніи дешевле легкій всадникъ, пересадили часть большую своей кавалеріи на легкихъ лошадей. Мы, проводя войну противу нѣмецкой кавалеріи на самыхъ малыхъ русскихъ лошадкахъ и употребляя противу ихъ однихъ козаковъ, подражать взялись тому, что другіе оставили, и къ отягощенію службы и великому казнѣ убытку почти всю свою кавалерію на тяжелыхъ лошадей и съ тяжелою и дорогою аммуниціею посадили. И сколь мало имѣетъ оная способности дѣйствовать противъ настоящаго нашего непріятеля, въ прошедшую кампанію явными опытами доказалось. Гдѣ больше рекрутъ, тамъ конечно больше больныхъ. Въ чужихъ арміяхъ больнымъ служатъ особливаго званія люди, а не солдаты, а безъ всякаго на сіе счету и примѣчанія опре-

дѣляя людей военныхъ, остается половина оныхъ въ ружьѣ, а другой половинѣ ружья только въ тягость. Не могу молчать, но рѣшусь сказать слѣдующее: вамъ потребенъ коммиссаріатъ, который бы все, что только въ войскѣ вашемъ надобно, приготовлялъ съ выгодою, исподоволь, все бы дѣлалъ хорошо, прочно и въ свое время къ полкамъ доставлялъ. А полкамъ строить себѣ одѣяніе и всѣмъ снабдѣваться некогда, имъ во время военное должно быть одѣтымъ и снабженнымъ, лѣтомъ и зимою, ибо время не удерживаетъ военныхъ дѣйствій. Потребны въ войска инспекторы, чтобъ надзирали и надъ прочностію вещей, приготовляемыхъ отъ коммиссаріата, и на весь порядокъ. Вслѣдствіе новыхъ штатовъ для арміи войско в. и. в—ства знатнымъ числомъ умалено, а казны ни въ коммиссаріатѣ, ни въ полкахъ не сбережено, ниже служба ощущаетъ возвышеніе, какъ и полки, паче кавалерійскіе, при украшеніяхъ своихъ даже до излишества, не дѣлаются отъ того исправнѣе для прямой службы, поелику полковники больше стали пещися о прикрасахъ ихъ, чѣмъ о пользѣ оной.»[84]

Тяжелое впечатлѣніе производило письмо Румянцева: главнокомандующій мрачно смотритъ на свое положеніе, будетъ медлить, дожидаться подкрѣпленій, улучшеній; если и выступитъ, то не съ такимъ духомъ идутъ на побѣды; Фабіи нужны противъ аннибаловъ, а не противъ турецкаго визиря и крымскаго хана съ ихъ нестройными толпами; противъ варваровъ нужно смѣлое, стремительное движеніе, только оно одно дастъ побѣду, а побѣда необходима: она дастъ миръ, въ которомъ Россія очень нуждается. Несмотря однако на недостатки своей арміи, на необходимость оставить часть войска въ польскихъ владѣніяхъ для безопасности тыла и магазиновъ отъ конфедератовъ, Румянцевъ выступилъ съ зимнихъ квартиръ 23 апрѣля къ Хотину, гдѣ устроенъ былъ мостъ для переправы черезъ Днѣстръ. Вслѣдствіе сильныхъ дождей русское войско пришло къ Хотину только 12 мая и 15 перешло Днѣстръ въ числѣ около 39,000 человѣкъ, считая съ больными, тогда какъ турки выставляли 200,000 войска. «Иду съ арміею за Днѣстръ, писалъ Румянцевъ, и походомъ моимъ прямымъ по сей сторонѣ Прута стараюсь въ непріятеля вложить больше мыслей, чѣмъ суть прямыя мои силы, и прикрывать недостатокъ онымъ видомъ наступательныхъ дѣйствій.» Непрохо-

димыя отъ дождей дорога представили страшныя препятствія, такъ что Румянцевъ могъ двинуться изъ-подъ Хотина только 25 мая. Походъ былъ тяжелый: «Здѣшній климатъ, писалъ Румянцевъ, попеременно то дождями обильными, то зноемъ чрезмѣрнымъ насъ тяготитъ, ибо въ ясные дни, коихъ и немного было, при самомъ почти солнечномъ всходѣ уже жаръ величайшій настаетъ, котораго на походѣ солдаты, паче изъ новобранныхъ рекрутъ, снести не могутъ, а ночи, напротивъ, холодомъ не похожи на лѣтнія.» Походъ тяжкій, а впереди солдата ждала не славная смерть на полѣ битвы, а смерть въ госпиталѣ отъ чумы. Поэтому Румянцевъ рѣшился идти по сей сторонѣ Прута, мѣстами мало обитаемыми, гдѣ не было еще опасности отъ чумы. Въ Яссахъ отъ чумы умеръ въ концѣ мая генералъ Штофельнъ, и мѣсто его занялъ хорошо извѣстный намъ князь Ник. Васил. Репнинъ. Румянцевъ доносилъ о смерти Штофельна въ такихъ выраженіяхъ: «Сіе приключеніе смущаетъ меня несказанно, какъ потеря благоразумнаго полководца изъ рабовъ в. и. в., который изъ усердія наивеличайшаго къ службѣ вашей пожертвовалъ собою, держась тѣхъ мѣстъ, отъ коихъ я ему многократно и для собственной его безопасности приказывалъ удалиться, однакожь, считалъ я на нѣсколько нужнымъ его тамъ бытіе, по снисхожденію на просьбы жителей и для ободренія ихъ упованія на покровительство в. и. в.»

Отошедши 131 версту отъ Хотина, Румянцевъ встрѣтилъ новое препятствіе: мѣстность явилась несходною съ описаніемъ, сдѣланнымъ зимою генералъ-квартермистромъ Медеромъ: «Зимою клали ихъ (мѣстности) на планъ видно по наслышкѣ, а не по очевидному примѣчанію, писалъ Румянцевъ, и теперь во извиненіе тому представляютъ, что имъ нельзя было со всякою точностію сію страну осмотрѣть по нападкамъ, въ оной происходившимъ тогда отъ татаръ.» Главнокомандующій рѣшилъ дожидаться пока новый генералъ-квартермистръ Бауръ, на котораго онъ вполнѣ полагался, узнаетъ мѣстности обстоятельнѣе и укажетъ самыя удобныя дороги, «ибо натура столько необычайныхъ высотъ съ глубинами здѣсь помѣстила, что нѣтъ удобности къ изевороту, а способы отовсюду предстоятъ быть заперту.» Кромѣ того Румянцевъ отошелъ на слишкомъ большое разстояніе отъ второй арміи и тѣмъ открывалъ непріятелю свою лѣвую сто-

рону. Главнокомандующій второю арміею, гр. Панинъ остановился предъ чумою. Въ началѣ мая онъ прислалъ въ Петербургъ спросить, переходить ли ему съ арміею за Днѣстръ, если Румянцевъ не будетъ въ состояніи стать не только у Дуная, но и предъ Яссами для воспрепятствованія туркамъ подать помощь Бендерамъ, и даже, въ случаѣ желаемаго движенія первой арміи, переводить ли вторую за Днѣстръ и начинать ли осаду Бендеръ прежде минованія жаровъ, если чума усилится? Совѣтъ рѣшилъ предписать Панину идти къ Бендерамъ, потому что объ этомъ походѣ уже разнеслись слухи и отложить его будетъ безславно. Какъ въ Петербургѣ были смѣлѣе, чѣмъ на Днѣстрѣ, и требовали самыхъ энергическихъ мѣръ для скорѣйшаго достиженія мира, видно изъ записки графа Гр. Орлова, которую онъ читалъ въ Совѣтѣ 17 мая: по мнѣнію Орлова послѣ взятія Бендеръ, нужно было отправить корпусъ пѣхоты къ Варнѣ, чтобъ овладѣть этимъ городомъ и потомъ моремъ переѣхать къ самому Константинополю, чтобъ получить скорый и славный миръ. Менѣе пылкіе члены Совѣта отвѣчали, что съ этимъ надобно погодить, прежде надобно отобрать свѣдѣнія о судахъ, какія можно достать на Днѣстрѣ, о запорожскихъ лодкахъ, называемыхъ дубами, какъ далеко онѣ ходятъ въ Черное море и можно ли имъ пройти безопасно мимо Очакова; кромѣ того, прежде посылки пѣхотнаго корпуса къ Варнѣ, надобно, чтобъ Румянцевъ утвердился на Дунаѣ и заложилъ на немъ магазины.

А Румянцевъ находилъ страну, занятую въ прошломъ году русскимъ войскомъ слишкомъ обширною и рѣшилъ очистить Бухарестъ. Екатерина, увѣдомляя его о движеніи Панина писала: «Я уповаю, что и вы не только не замедлите своимъ походомъ и прибытіемъ къ тому мѣсту, которое вы предогражденіемъ быть почитаете произведенію предпріятія на Бендеры, но и въ случаѣ всякое вспомоществованіе въ томъ чинить не оставите. Ваше усердіе и ревность меня въ томъ удостовѣряетъ не меньше какъ и въ томъ, что вы, конечно, такія мѣры примете, чтобы оказавшееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣтріе со всевозможною предосторожностью пресѣчено было и войско бы никакого вреда отъ того не чувствовало. Вы сами довольно знаете, сколько нужно распространеніе оружія нашего надъ вѣроломнымъ непріятелемъ, чтобы пораженіемъ его съ вашей стороны всѣ въ разныхъ мѣ-

стахъ мною на него предпріятія съ пользою облегчить можно было и всѣми образы принудить его къ постановленію желаемаго мира. Сожалительно, что вы прежде времени оставляете Букарештъ; но я надѣюсь на помощь Божескую и искусство ваше въ военномъ дѣлѣ, что не оставите сего наилучшимъ образомъ удовлетворить и произвести такія дѣла, которыя пріобрѣтутъ вамъ славу и докажутъ, сколь великое усердіе ваше къ отечеству и ко мнѣ. Не спрашивали римляне, когда гдѣ было ихъ два или три легіона, въ коликомъ числѣ противъ ихъ непріятель, но гдѣ онъ; наступали на него и поражали, и не многочисліемъ своего войска побѣждали многособранныя противу ихъ толпы; а мы русскіе; милости Божескія за правость нашу въ сей войнѣ съ нами. Я васъ имѣю надъ войскомъ командиромъ; храбрость войска извѣстна: и такъ о благополучнѣйшихъ успѣхахъ моля Всевышняго, надѣюсь на его покровительство» [85].

—«Я осмѣливаюсь, отвѣчалъ Румянцевъ, и теперь и впредъ отвѣчать не словами, но дѣломъ, что я всегда поспѣю и ничего не упущу въ предположеніяхъ, что сопряжены съ возложенною на меня должностію. Труды настоящіе и дѣйствія, что производятъ войска в. и. в., мнѣ ввѣренныя, собою дали бы примѣры мужества самимъ римлянамъ, еслибы тѣхъ вѣки позже нашего наступили». Отвѣтъ былъ дѣйствительно данъ дѣломъ.

Въ первыхъ числахъ іюля Румянцевъ встрѣтилъ большое турецко-татарское войско при впаденіи рѣки Ларги въ Прутъ; непріятелей было тысячъ до 80; но главнокомандующій объявилъ, что «слава и достоинство наше не терпятъ, чтобъ сносить присутствіе непріятеля, стоящаго въ виду насъ, не наступая на него». Наступленіе произошло 7 іюля, и непріятель потерпѣлъ полное пораженіе, оставивши на мѣстѣ битвы болѣе 1000 тѣлъ, тогда какъ у русскихъ было убито только 29 человѣкъ и ранено 61. «Вы займете въ моемъ вѣкѣ несумнѣнно превосходное мѣсто предводителя разумнаго, искуснаго и усерднаго, писала Екатерина Румянцеву: за долгъ почитаю вамъ отдать сію справедливость и, дабы всѣмъ извѣстенъ сдѣлался мой образъ мысли объ васъ и мое удовольствіе объ успѣхахъ вашихъ, посылаю къ вамъ орденъ св. Георгія 1-го класса. При семъ прилагаю реестръ тѣхъ деревень, кои немедленно сенату указомъ повелѣно будетъ вамъ отдать вѣчно и потомственно» [86].

Уже два великихъ визиря было смѣнено; теперь начальствовалъ войскомъ третій, Халилъ-бей. Узнавши о малочисленности ларгинскихъ побѣдителей, Халилъ-бей переправился черезъ Дунай и шелъ къ нимъ на встрѣчу, въ полной надеждѣ, что своимъ стопятидесятитычячнымъ войскомъ задавитъ врага, у котораго было не больше 17,000. На берегахъ рѣки Кагула у Траянова вала 21 іюля произошла встрѣча и здѣсь повторилось явленіе, которое было извѣстно изъ древней исторіи, изъ разсказовъ о борьбѣ грековъ съ персами, о борбѣ европейскаго качества съ азіатскимъ количествомъ. Была минута, когда многочисленные янычары смяли русскихъ солдатъ; но тутъ раздался голосъ самого главнокомандующаго: «ребята стой!» и бѣгущіе остановились, окружили вождя, видя его въ страшной опасности. Артиллерія и гренадерскій штыкъ рѣшили дѣло. Турки побѣжали къ Дунаю, бросивъ пушки и весь лагерь въ добычу побѣдителямъ; потеря ихъ убитыми простиралась до 20,000; у русскихъ было убито 353 человѣка и ранено 550. Кагульская побѣда дала Румянцеву право припомнить Екатеринѣ ея внушенія на счетъ римлянъ: «Да позволено мнѣ будетъ, писалъ онъ ей, настоящее дѣло уподобить дѣламъ древнихъ римлянъ, коимъ ваше величество мнѣ велѣли подражать: не такъ ли армія в. и. в. теперь поступаетъ, когда не спрашиваетъ какъ великъ непріятель, а ищетъ только гдѣ онъ».

Восторгъ Екатерины выразился въ письмѣ къ новому римлянину: «За первый долгъ я почла принесть всемогущему Богу за безчисленныя Его къ намъ милости и щедроты колѣнопреклонное благодареніе, что сего утра (2 августа) со всѣмъ народомъ при пушечной пальбѣ въ церкви Казанской исполнено было, и весь городъ зѣло обрадованъ. Потомъ, возвратясь во дворецъ, сѣвъ за столъ и вспомня подающаго намъ причины радости и веселія своимъ искусствомъ, усердіемъ и разумомъ, при пушечной пальбѣ, пила я здоровье г. фельдмаршала графа Румянцева, съ которымъ вамъ новопожалованнымъ и весьма вамъ заслуженнымъ чиномъ васъ поздравляю и должна вамъ засвидѣтельствовать, что у меня за столомъ не было человѣка, который бы не былъ тронутъ до слезъ отъ удовольствія, видя, что я справедливость показала ихъ достойному согражданину. Несравненной арміи моей успѣхи и побѣды кто съ толикимъ

удовольствіемъ видѣть можетъ, какъ я? Но коль велика радость моя, сіе легче чувствовать можно, нежели описать. Благодарю я васъ и за то, что вы то самымъ дѣломъ исполняете, что про римлянъ говорятъ, и не спрашиваете, многочисленъ ли непріятель, но гдѣ онъ? Я увѣрена, что вы не оставите мнѣ тѣхъ назвать: кои себя отличили, дабы я могла имъ воздать справедливость» [87]. Отличившіеся были: генералъ-маіоръ Олицъ, генералъ-поручики: Племянниковъ, графъ Брюсъ, графъ Солтыковъ, кн. Репнинъ, генералъ-квартирмейстеръ Бауръ; генералъ-маіоры: кн. Долгорукій, гр. Солтыковъ, артиллеріи генералъ-маіоръ Мелиссино, Глѣбовъ, Подгоричанинъ, Потемкинъ, бригадиръ Гудовичъ; подполковники гр. Воронцовъ (Семенъ Романовичъ), Елчаниновъ.

Разбитый визирь бѣжалъ къ Дунаю, черезъ который переправился на судахъ при Исакчѣ; но часть его войска, прикрывавшая обозъ, не успѣла еще переправиться, какъ подоспѣлъ генералъ Бауръ и заставилъ ее положить оружіе, причемъ русскимъ досталось еще 127 пушекъ въ придачу къ 140, взятымъ при Кагулѣ. Измаилъ тогда еще слабо укрѣпленный, сдался ген. Потемкину; кн. Репнинъ взялъ Килію. Аккерманъ сдался бригадиру Игельстрому. Но Браиловъ упорно защищался и отбилъ приступъ. Объ этой неудачѣ Румянцевъ писалъ императрицѣ (3 ноября): «Я избралъ къ осадѣ сего города ген.-маіора Глѣбова, какъ способнѣйшаго, изъ резону, что онъ служилъ въ артиллеріи. Я его снабдѣвалъ ежедневно новыми наставленіями, которыя мнѣ казались быть нужны по его извѣстіямъ и планамъ, мнѣ сообщаемымъ. Но дѣла его при сей осадѣ не отвѣчали онымъ. Штурмъ кромѣ того, что рано начатъ, веденъ еще былъ необозрѣнными мѣстами и, такъ сказать, одинъ бокъ города только былъ осажденъ, ибо о лагерѣ непріятельскомъ, между Дуная, крѣпости и предмѣстья бывшемъ, познали токмо пришедши на него. Неоспоримо, что усердіе и ревность, кои ему по справедливости отдать должно, были побужденіемъ на сіе предпріятіе отважное, и какъ всѣ, хотя впрочемъ несогласные вѣстники, въ томъ однакожь единогласно увѣряютъ, что все дѣло имѣло бы наилучшій успѣхъ, ежели бы недостойные званія послѣдняго солдата 4-го гренадерскаго полка гренадеры, въ непослушаніи и малодушіи неоднократно примѣченные, сами пошли и другихъ идти не задержали.» Затѣмъ Румянцевъ повторяетъ свою обычную жало-

бу, что войска мало сравнительно съ пространствомъ занимаемыхъ областей: «Весьма трудно съ немногимъ числомъ войска, каково у меня есть нынѣ на лицо, обнять все пространство завоеванныхъ земель. Квартиры для арміи расположу я сколь можно будетъ тѣснѣе въ здѣшнемъ краю и къ пребыванію моему мѣста не возьму далѣе города Яссъ. Всѣ почти генералы по болѣзнямъ своимъ отъѣхали изъ арміи. Я Храповицкаго и Хераскова только уговорить могъ остаться, а и они подали просьбы объ увольненіи. Проникнуть нельзя каждаго въ сердце; примѣчаю однакожь, что иные считаютъ себя упослѣжденными въ награжденіи предъ своими сверстниками и потому удаляются; а другіе находя опасность въ сихъ мѣстахъ остаться, гдѣ армія располагается.» — Наконецъ въ ноябрѣ же турки очистили Браиловъ. Бухарестъ былъ занятъ въ другой разъ. Въ то время какъ многочисленные толпы турокъ въ чистомъ полѣ, при Ларгѣ и Кагулѣ, не могли выдерживать предъ сравнительно малочисленною первою русскою арміею, вторая армія въ числѣ 34,000 человѣкъ была задержана упорнымъ, отчаяннымъ сопротивленіемъ турокъ въ Бендерахъ. Осада этой крѣпости шла съ начала іюля; въ ночь съ 15 на 16 сентября гр. Панинъ рѣшился вести свои войска на приступъ, и послѣ бою, длившагося всю ночь, послѣ пожара, истребившаго крѣпость, гарнизонъ положилъ оружіе; побѣдители во время осады и приступа потеряли болѣе одной пятой всей арміи. Такая потеря произвела неблагопріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ и сильно уменьшила значеніе пріобрѣтенія, купленнаго такъ дорого. Тонъ донесенія Панина могъ быть найденъ несоотвѣтственнымъ и неумѣстнымъ: «L'ours est mort (медвѣдь издохъ), писалъ главнокомандующій второю арміею, — и сколь онъ бендерскую мерлогу ни крѣпку, а ногтей почти больше егерей имѣлъ, и сколь ни безпримѣрно свирѣпъ и отчаянъ былъ, но великой Екатерины отправленныхъ на него егерей стремленіе соблюсти достоинство славы оружія ея, со врожденными въ нихъ вѣрностію, съ усердіемъ къ своему государю, храбрость съ бодрствіемъ нашли способъ по лѣстницамъ перелѣзть чрезъ стѣны его мерлоги и совершенно сокрушить всѣ его челюсти, вслѣдствіе чего непростительно бы я согрѣшилъ предъ моею государынею, еслибъ этого не сказалъ, что предведенные мною на сію охоту ея егери справедливо достойны высочайшей милости великой Екатерины, въ которую дерзаю со-

вокупно съ ними и себя повергнуть.» Панину посланъ былъ военный орденъ первой степени; но рескриптъ былъ краткокъ и сухъ: «Сіе происшествіе (взятіе Бендеръ) тѣмъ важнѣе, что оно соотвѣтствуетъ славѣ оружія и дѣлъ нашихъ. Въ знакъ же моего удовольствія за оказанную вами въ семъ случаѣ мнѣ и государству услугу и усердіе и твердость, сходственно установленнымъ штатутамъ военнаго ордена.» и проч. Взятіемъ Бендеръ дѣйствія второй арміи, за позднимъ временемъ года, должны были ограничиться.

Но мы видѣли, что гр. Панину поручено было попытаться, нельзя ли отвлечь татаръ отъ турокъ. 4 марта Панинъ увѣдомилъ императрицу, что дѣло обѣщаетъ успѣхъ и приложилъ донесеніе секундъ-майора Бастевика, употребленнаго для первыхъ сношеній. 15 марта было объ этомъ разсужденіе въ совѣтѣ, и пришли къ тому заключенію, что крымскіе и другіе соединенные съ ними татары, по ихъ свойству и положенію, никогда не будутъ полезными подданными ея и. в—ства, никакія съ нихъ порядочныя подати собираемы быть не могутъ, и для защиты русскихъ границъ служить не будутъ, ибо безъ нихъ никто не нападетъ на эти границы; наконецъ принятіемъ ихъ подъ свое непосредственное подданство Россія возбудитъ противъ себя общую и основательную завистъ и подозрѣніе въ стремленіи безконечно увеличивать свои владѣнія; благоразуміе требуетъ остерегаться отъ возбужденія такихъ чувствъ, особенно когда нельзя себѣ обѣщать никакой важной и существенной пользы, ибо татарскіе народы подъ именемъ подданства разумѣютъ право требовать всего въ свою пользу, службу же свою и пользу для другихъ поставляютъ только въ томъ, что живутъ спокойно и не разбойничаютъ. Но если мало для Россіи пользы отъ подданства Крыма съ принадлежащими ему другими татарскими ордами, то, наоборотъ, велико можетъ быть приращеніе ея силъ, если татары отторгнутся отъ Турціи и составятъ независимое владѣніе, ибо однимъ этимъ Порта относительно Россіи и ея сосѣдства перестанетъ морально существовать, потому что ей некѣмъ будетъ безпокоить русскія границы, да и трудно ей будетъ переводить войска свои черезъ Дунай, имѣя на правой сторонѣ независимыхъ татаръ. Чтобъ можно было получить эту пользу при настоящей войнѣ, надобно обратить нашъ постоянный предметъ — свободное мореплаваніе по Черному морю къ ободренію и вспомоществованію татарамъ, и

потому прежде всего надобно принять непремѣнное рѣшеніе не полагать оружія, хотя бы это стоило лишней кампаніи, пока Порта не признаетъ торжественно независимость Крыма съ принадлежащими къ нему ордами; вслѣдствіе этого надобно вести переговоры съ татарами такимъ образомъ, чтобъ графъ Панинъ склонялъ ихъ не къ нашему подданству, но къ независимости отъ Турціи, чтобъ обѣщалъ наше ручательство, покровительство и защиту съ твердымъ обнадеживаніемъ, что если они теперь подпишутъ съ нами договоръ о своемъ отложеніи отъ Турціи, то мы не заключимъ съ послѣднею мира, не утвердивъ договоромъ независимости Крымской области. Наконецъ, чтобъ графъ Панинъ взаимно потребовалъ отъ татаръ, чтобы они, для доставленія намъ возможности защищать ихъ отъ турокъ, приняли нашъ гарнизонъ въ нѣкоторыя свои крѣпости и отдали бы намъ одну гавань на крымскомъ берегу, гдѣ бы нашъ флотъ могъ препятствовать турецкой высадкѣ. (Противъ этихъ словъ въ протоколѣ Екатерина приписала: «Не менѣе намъ необходимо нужно имѣть въ своихъ рукахъ проходъ изъ Азовскаго въ Черное море: и для того объ немъ домогаться надлежитъ.») При такомъ соглашеніи естественно должно быть постановлено условіе о свободной сухопутной и водяной торговлѣ. Если эти важные переговоры въ настоящую кампанію уже съ пользою совершатся, то, не теряя ни малѣйшаго времени, надобно будетъ занять нашею азовскою флотиліею тотъ портъ, который на крымскомъ берегу нами выговоренъ будетъ, чтобъ при начатіи съ турками мирныхъ переговоровъ уже можно было прелиминарными пунктами выговорить и одержать проходъ нѣсколькимъ нашимъ кораблямъ изъ Средиземнаго моря въ Черное—именно въ ту гавань, которая уже будетъ намъ принадлежать, чѣмъ и можетъ быть утверждено дѣйствительное основаніе нашего флота, слѣдовательно и всего мореплаванія на Черномъ морѣ» [88].

Императрица утвердила это рѣшеніе Совѣта, и Панину былъ отправленъ соотвѣтственный рескриптъ, въ которомъ, вслѣдствіе дополненія, сдѣланнаго Екатериною, уже прямо опредѣлено какія мѣста требовать у крымцевъ для обезпеченія прохода изъ Азовскаго моря въ Черное: на крымскомъ берегу Еникале и на кубанскомъ Тамань [89]. Понятно, что въ началѣ переговоровъ эти требованія земельныхъ уступокъ не могли еще предъявляться: и безъ

того дѣло было не легкое. Слово: «свобода и независимость» могутъ легко поднять народы, для которыхъ зависимость тяжела, у которыхъ въ продолженіи вѣковъ независимость была постоянною любимою мечтою, которые нетерпѣливо дожидались перваго случая превратить мечту въ дѣйствительность. Но не таково было положеніе крымскихъ татаръ: зависимость ихъ отъ Порты была не чувствительна и въ единовѣріи имѣла крѣпкое основаніе. Зависимость отъ Турціи, при легкости, была очень выгодна для татаръ: подъ щитомъ Порты они сначала могли безнаказанно разбойничать; усиленіе Россіи отнимало у нихъ эту возможность, они перестали получать поминки или дань изъ Москвы; но это усиливало только ихъ ненависть къ Россіи, страхъ передъ нею и, наоборотъ, расположеніе къ единовѣрной Турціи, потребность ея покровительства. Отношенія татаръ къ ханамъ, къ этому многочисленному роду Гиреевъ, были самыя свободныя, какъ обыкновенно бываютъ отношенія государственно неразвитыхъ народовъ къ большимъ правительственнымъ родамъ; хана свергали при первомъ неудовольствіи, не боясь препятствій со стороны Порты; съ своей стороны Гиреи тянули къ Портѣ: по сверженіи въ Крыму они находили у нея убѣжище, у нихъ были владѣнія въ Румиліи и лестное для ихъ честолюбія преданіе, что въ случаѣ прекращенія турецкой династіи достоинство падишаха должно перейти къ нимъ. Имъ предлагали независимость: но тутъ была явная неточность. Въ Петербургѣ, рѣшаясь во что бы то ни стало добиваться независимости Крыма, выставляли на видъ одну сторону дѣла, полезную для Россіи, не входя въ подробное разсматриваніе затрудненій, вытекавшихъ изъ неточности опредѣленія цѣли. Если татары будутъ вполнѣ независимы, то естественно они должны получить право свободно опредѣлять свои отношенія къ другимъ державамъ, входить въ союзы съ тою или другою изъ нихъ, какъ имъ заблагоразсудится, и въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, вступать въ союзъ съ послѣднею противъ первой. Такимъ образомъ, принимая независимость въ такомъ точномъ смыслѣ, нельзя было разсуждать, что вслѣдствіе независимости Крыма Порта, относительно Россіи, превратится въ моральное небытіе, что у нея отнимется возможность дѣлать важныя предпріятія противъ русскихъ границъ, и что трудно ей будетъ переводить свои войска черезъ Дунай, имѣя въ правомъ

боку независимыхъ татаръ. Для полученія предполагавшихся выгодъ, надобно было эту независимость ограничить, т.-е. обязать татаръ тѣснымъ, постояннымъ союзомъ съ Россіею, обязать отступленіемъ навсегда отъ Турціи; на договоръ о такомъ союзѣ, разумѣется, положиться было нельзя: надобно было обезпечить союзъ гарнизонами по крѣпостямъ, гаванью на Черномъ морѣ, пріобрѣтеніемъ мѣстъ, защищавшихъ входъ въ проливъ между Азовскимъ и Чернымъ морями. При такихъ отношеніяхъ естественно и необходимо является новое слово: *покровительство*: Россія будетъ покровительницею татаръ; но въ такомъ случаѣ турецкія отношенія смѣнялись только русскими, и нельзя было разсуждать о томъ, что иностранныя державы не увидятъ здѣсь властолюбивыхъ стремленій и останутся покойны, не поймутъ, что значеніе Турціи на сѣверномъ берегу Чернаго моря перейдетъ къ Россіи. Татары понимали очень хорошо, что имъ предлагаютъ изъ турецкой зависимости перейти въ русскую; но отторгнуться отъ своихъ единовѣрцевъ и отдаться подъ покровительство христіанской державы являлось дѣломъ грѣховнымъ. Въ крайности они готовы были сдѣлать это; но только въ крайности, и единственно для того, чтобъ выиграть время, выйти изъ затруднительнаго положенія, не подвергнуться разоренію, а потомъ, при первой перемѣнѣ обстоятельствъ, снова перейти къ Турціи, освободиться отъ свободы. Христіанскіе народы страшно страдали подъ турецкимъ игомъ, подвергались всѣмъ послѣдствіямъ фанатизма и презрѣнія магометанъ къ иновѣрцамъ, они жаждали свободы, тогда какъ татары находились въ положеніи обратномъ, и соединеніе ихъ съ христіанами въ одномъ актѣ освобожденія отъ турецкаго ига было ошибкою.

Весною 1770 года татарамъ крайности еще не было, и на предложеніе Панина преемникъ умершаго Крымъ-Гирея, ханъ Капланъ-Гирей отвѣчалъ (15 марта): «Объясняешь, что твоя королева желаетъ прежнія вольности татарскія доставить, но подобныя слова тебѣ писать не должно. Мы сами себя знаемъ. Мы Портою совершенно во всемъ довольны и благоденствіемъ наслаждаемся. А въ прежнія времена, когда мы еще независимы отъ Порты Оттоманской были, какія междоусобныя брани и внутри крымской области безпокойства происходили—все это предъ свѣтомъ явно: и потому прежнія наши обыкновенія за

лучшія намъ представлять какая тебѣ нужда? Въ этомъ твоемъ намѣреніи кромѣ пустословія и безразсудства ничего не заключается». Панинъ далъ себѣ напрасный трудъ возражать хану. Гораздо сильнѣе, впечатлительнѣе возразилъ Румянцевъ Ларгою и Кагуломъ: татары зашатались, и раздвоеніе между ними ускорило желанное въ Петербургѣ дѣло.

Татары, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣлились на собственно крымскихъ, осѣдлыхъ и ногайскихъ, которые, подъ разными названіями кочевали на пустынныхъ тогда берегахъ Азовскаго и Чернаго морей отъ Кубани до Днѣстра. Ногайцы не имѣли тѣхъ побужденій держаться Турціи, какія имѣли собственно крымскіе татары, или имѣли ихъ гораздо въ слабѣйшей степени; магометанскій интересъ какъ вообще у кочевыхъ среднеазіатцевъ, не преобладалъ между ними; при неразвитости, крайней узкости сферы, господствовали мелкіе частные интересы. Мы хорошо знакомы съ ними по русской исторіи XVI вѣка. Тогда, будучи господствующимъ народомъ на нижней Волгѣ, служа для магометанскаго міра связью между Казанью, Астраханью и Крымомъ, обязанные защищать бусурманскіе юрты отъ напора европейско-христіанскаго міра въ лицѣ Россіи, они, вслѣдствіе своихъ усобицъ и корыстныхъ стремленій, выдали Бѣлому Царю и Казань и Астрахань. Когда одинъ изъ ихъ князей, державшійся Крыма и Турціи, враждовалъ съ Москвою, другой говорилъ ему: «Твои люди ходятъ торговать въ Бухару, а мои ходятъ къ Москвѣ; и только мнѣ завоеваться съ Москвою, то и самому мнѣ ходить нагому, да и мертвымъ неначто будетъ савановъ шить»,— и вслѣдствіе этого самъ предлагалъ Іоанну IV-му овладѣть Астраханью [90]. Въ описываемое время, прельщенные надеждою легкой добычи, они поднялись съ Крымъ-Гиреемъ на Россію; но потомъ подъ Хотиномъ дѣла пошли дурно; они принуждены были отступить къ Пруту, нашлись въ условіяхъ необычныхъ и встосковались по своимъ степямъ. Въ это время стали приходить къ нимъ предложенія отъ панинскихъ агентовъ и производили сильное впечатлѣніе; до независимости, русскаго или турецкаго покровительства имъ было мало дѣла: отъ чего не принять и русскихъ предложеній, если русское войско пропуститъ ихъ назадъ на родныя степи; предки ихъ дружили же съ Россіею, кормясь тѣмъ, что посылали табуны лошадей своихъ на продажу въ

Москву! Но пока они еще не двигались, боясь хана и турокъ; послѣ же Ларги и Кагула медлить было нечего, и 25 іюля, въ тотъ самый день, когда Панинъ подъ Бендерами получилъ извѣстіе о кагульской побѣдѣ, пришла къ нему грамота отъ четырехъ едисанскихъ и одного бѣлгородскаго (акерманскаго) мурзы съ просьбою о дозволеніи пройти на крымскую сторону. Панинъ отвѣчалъ, что для полученія этого дозволенія татары должны объявить себя въ протекціи россійской, отречься отъ подданства турецкаго и прислать аманатовъ. 9 августа Панинъ донесъ въ Петербургъ, что едисанская, буджацкая и бѣлгородская орды отступили отъ турецкаго подданства, вслѣдствіе чего ихъ перепустили въ степь между Днѣстромъ, Бугомъ и Синюхою. Вслѣдъ за тѣмъ завели переговоры съ Панинымъ и крымскіе мурзы; но эти переговоры не повели ни къ чему; хану, несмотря на сопротивленіе русскихъ отрядовъ, удалось пробраться въ Крымъ, гдѣ впрочемъ остававшіеся тамъ ногаи, едичкулы и джамбулуки рѣшили послѣдовать примѣру своихъ родичей, едисанцевъ: многіе изъ нихъ вопреки ханскому приказанію, вырвались изъ Крыма для соединенія съ своими.

Въ первыхъ числахъ октября канцеляріи совѣтникъ Веселицкій отправился для окончательнаго улаженія дѣла въ едисанскую орду, которой начальные люди стояли у рѣки Березани. Главный изъ едисанскихъ мурзъ Джанъ-Мамбетъ-бей сообщилъ Веселицкому, что едичкулы и джамбулуки согласны отдаться въ покровительство императрицы и уже отправили знатныхъ мурзъ съ письмами къ Панину: «Мы, говорилъ Джанъ-Мамбетъ-бей, слово свое и ручательство въ присоединеніи едичкуловъ и джамбулуковъ теперь исполнили, да и не поручились бы въ томъ, еслибы по родству съ этими ордами не были удостовѣрены въ ихъ единомыслія съ нами; что же касается крымцевъ, то не худо бы его сіятельство (Панинъ) сдѣлалъ, еслибъ крымскаго мурзу нѣсколько холоднѣе принялъ и приказалъ отвѣчать имъ, чтобъ они свое письмо такимъ точно образомъ написали, какъ отъ нихъ уже потребовано и какъ ногайцы въ присяжномъ письмѣ изъяснились; что въ противномъ случаѣ поступлено будетъ съ ними, какъ съ непріятелями, безъ пощады; надобно пригрозить имъ огнемъ и мечемъ, потому что когда едичкулы и джамбулуки съ едисанскими и буджакскими татарами согласи-

лись соединиться, то крымцы принуждены будутъ на всѣ требованія согласиться, и хана Капланъ-Гирея почитать не слѣдуетъ.» Подобныя же вѣсти привезъ толмачъ Кутлубицкій, который въ концѣ года отправленъ былъ въ самый Крымъ. Пріѣхавъ въ Бакчисарай, Кутлубицкій обратился къ жившему тамъ едисанскому мурзѣ Темиръ-султану; Темиръ-султанъ былъ въ единомысліи со своими, и когда Кутлубицкій спросилъ его, нѣтъ ли между крымцами злого умысла противъ Россіи, то мурза отвѣчалъ: «Можно ли крымцамъ помышлять о чемъ-нибудь вредномъ противъ Россіи, когда по уходѣ едичкульской и джамбулуцкой ордъ изъ Крыма остались они такими слабосильными? Я за тѣмъ единственно и живу въ Бакчисараѣ, чтобъ склонять крымцевъ къ принятію тѣхъ же условій, на какихъ прочія орды вступили въ дружбу и союзъ съ Россіею». Но старанія Темиръ-султана оказались напрасными. Порта и преданные ей крымцы приняли свои мѣры: не надѣясь чтобъ ханъ Капланъ-Гирей имѣлъ достаточно энергіи, необходимой въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ, султанъ смѣнилъ его и прислалъ на его мѣсто Селимъ-Гирея. Россія должна была оружіемъ принудить крымцевъ къ тому, на что ногайцы такъ легко согласились добровольно [91].

Но въ то время какъ побѣды Румянцева произвели этотъ расколъ между татарами и заставили хана очистить главную сцену военныхъ дѣйствій и спѣшить въ Крымъ, приходили извѣстія о блистательныхъ успѣхахъ русскаго флота, отправленнаго съ цѣлію помогать возстанію турецкихъ христіанъ. Мы видѣли, съ какими затрудненіями было сопряжено плаваніе эскадры Спиридова. Изъ семи кораблей и осьми разныхъ другихъ судовъ вышедшихъ изъ Кронштадта 26 іюля, въ концѣ декабря 1769 года у острова Минорки собралось только четыре корабля и четыре мелкихъ судна. Болѣзни продолжали свирѣпствовать и похищать значительное число людей. Графъ Алексѣй Орловъ съ нетерпѣніемъ дожидался въ Ливорно прибытія эскадры и отправилъ къ ней на встрѣчу въ Портъ-Магонъ брата своего Ѳедора Григорьевича; но только въ началѣ февраля 1770 года явились въ Ливорно одинъ корабль, одинъ фрегатъ и одинъ пакетботъ, выдержавшіе сильную бурю [92]. Изъ этихъ судовъ пакетботъ «Почтальонъ» сѣлъ на мель, и по этому поводу графъ Орловъ

писалъ императрицѣ: «Почтальонъ сѣлъ на мель и тому уже недѣли двѣ и по сековое время стащить не можемъ, употребляя всевозможныя средства. Признаюсь чистосердечно, увидя столь много дурныхъ обстоятельствъ въ оной службѣ, такъ великое упущеніе, незнаніе и нерадѣніе офицерское и лѣнь, неопрятность всѣхъ людей морскихъ, волосы дыбомъ поднялись, а сердце кровью облилось. Командиры не устыдились укрывать недостатки и замазывать гнилое красками. Дошли до того, что ни провіанту, ни денегъ у себя ничего не имѣютъ. Признаться должно, что есть ли бы всѣ службы были въ такомъ порядкѣ и незнаніи, какъ и эта морская, то бѣднѣйшее было (бы) наше отечество: но скажу и то, надѣемся теперь уже крѣпко, что дурноты всѣ уже миновались, и все теперь пойдетъ. Таковы-то наши суда, есть-ли бъ мы не съ турками имѣли дѣло, всѣхъ бы легко передавили, не нужно бъ было много съ ними драться, а только за ними гнаться, они бы изъ гавани не выходили по незнанію офицеровъ. Я разспрашивалъ офицеровъ о Барбарейскихъ, не имѣли ли они случая, гдѣ ни на есть съ ними свидѣться? Со вздохомъ отвѣчали: благодаримъ Господа, что они въ таковую погоду не ходятъ! Я отъ сердца смѣялся и, разсказавъ имъ допрямо обо всемъ, притомъ стыдя ихъ, такъ низко мыслить не годится россійскимъ офицерамъ и воинамъ говорилъ. Недостатокъ есть великъ въ лѣкаряхъ и ихъ помощникахъ, я стараюсь ихъ пріискивать. Я намѣренъ всѣми способами домогаться, чтобъ всѣ морскіе убытки возвратить.» [93]

Возможность успѣха заключалась именно въ томъ, что главные дѣятели не приходили въ отчаяніе отъ неудачи, отъ затрудненій. «Надѣемся крѣпко, что дурноты всѣ уже миновались и все теперь пойдетъ», писалъ Орловъ, и въ отвѣтахъ Екатерины выражалась та же увѣренность, что «все пойдетъ.»— «Что же дѣлать, писала она: впредь умнѣе будутъ. Ничто на свѣтѣ нашему флоту столько добра не сдѣлаетъ, какъ сей походъ. Все закоснѣлое и гнилое наружу выходитъ, и онъ будетъ современемъ круглехонько обточенъ». Кромѣ отправленной еще осенью 1769 года эскадры подъ начальствомъ контръ-адмирала Эльфинстона, состоявшей изъ трехъ кораблей, двухъ фрегатовъ и трехъ разныхъ судовъ, Екатерина въ январѣ 1770 писала Орлову, что на весну готовитъ еще нѣсколько кораблей: «Однимъ

словомъ, что могу; то и сдѣлаю. Мнѣ нынѣ тѣмъ легче сдѣлать помощь кораблями и людьми, потому что у нашихъ бѣлобрысыхъ сосѣдей (шведовъ) орудія осѣклись.» Неудача кн. Долгорукова въ Черногоріи также не смутила Екатерины: «Происшествіе черногорское съ нашимъ ген.-майоромъ кн. Долгоруковымъ, повидимому недостойно большаго уваженія, ибо главныя дѣйствія должны произойтить отъ христіанъ собственныхъ подданныхъ нашего вѣроломнаго непріятеля. Да пускай бы и тутъ вѣками порабощенія и коварства развращенные греки измѣнили своему собственному благополучію: одна наша морская диверсія съ подкрѣпленіемъ оной маинскими портами, или занятіемъ другого какого надежнаго мѣста для морскаго прибѣжища, уже довольны привести въ потрясеніе и въ ужасъ всѣ турецкія въ Европѣ области и тѣмъ самымъ прославить и возвести еще на высшую степень почтенія къ силамъ и могуществу нашей имперіи.» Екатерина исполнила свое обѣщаніе: въ іюлѣ отправилась изъ Ревеля эскадра подъ начальствомъ контръ-адмирала Арфа, призваннаго изъ датской службы: «по отличному его искусству и практикѣ въ военной морской службѣ.» На этой эскадрѣ отправили слишкомъ 2500 человѣкъ пѣхоты, въ томъ числѣ 500 человѣкъ гвардіи Преображенскаго полка. Денегъ не жалѣли: архипелажская экспедиція въ 1769 и 1770 году стоила около 1,900,000 рублей. [94].

Въ половинѣ февраля русскіе корабли пришли къ Мореѣ и стали на якорь въ портѣ Витула на полуостровѣ Майна, жители котораго уже давно съ нетерпѣніемъ ждали ихъ прихода, и привѣтствовали по своему, стрѣляя цѣлый день изъ ружей и пистолетовъ. Положено было составить изъ жителей Мореи два отряда или легіона, восточный и западный; первый долженъ былъ набрать и начальствовать имъ капитанъ Барковъ, второй майоръ кн. Петръ Долгорукій. Барковъ скоро набралъ до 1000 майнотовъ и двинулся съ ними къ Мизитрѣ (Спартѣ) и разбилъ подъ ея стѣнами трехтысячный отрядъ турокъ. 8 марта Мизитра сдалась на условіи свободнаго выхода для гарнизона. Но какъ только турки сдали оружіе, майноты бросились на нихъ и перерѣзали больше 1000 человѣкъ; Барковъ, съ опасностію собственной жизни, едва спасъ остальныхъ. Успѣхъ увеличилъ отрядъ Баркова до 8000 человѣкъ, и онъ пошелъ къ Триполицѣ; но когда

отрядъ вошелъ въ предмѣстіе города, многочисленные турки напали на него со всѣхъ сторонъ; греки не выдержали, покидали оружіе и обратились въ бѣгство, покинувъ русскихъ, которыхъ было ничтожное количество. Горсть храбрецовъ начала отступать, обороняясь; большая часть была перебита, спаслись только четыре человѣка, которые принесли въ Мизитру тяжело раненаго Баркова; спасено было и знамя, потому что Барковъ велѣлъ снять его съ древка и опоясалъ имъ себя. Между тѣмъ кн. Долгорукій овладѣлъ всею Аркадіею и потомъ пришелъ къ Наварину, который былъ осажденъ русскимъ отрядомъ, подвезеннымъ на двухъ корабляхъ и фрегатѣ; отрядъ этотъ находился подъ начальствомъ бригадира Ганнибала. 10 апрѣля Наваринъ сдался, и въ его гавани, какъ лучшей, собрался весь русскій флотъ, здѣсь же собрались и почти всѣ наличныя сухопутныя русскія силы съ главнымъ распорядителемъ похода, Орловымъ [95]. Екатерина писала ему: «Моя мысль есть, чтобъ вы старались получить портъ на островѣ или на твердой землѣ и, поколику возможно, удержать оный. Сказавъ вамъ сіе, признаюсь, что имѣю два вида: одинъ тотъ, чтобъ васъ, пока ваша куча не знатно умножится, съ малымъ числомъ не подвергнуть опасности, второй, что хотя бъ и ничего иного не сдѣлали, то бы тѣмъ самымъ мы много для переду предуспѣли, еслибъ доставили Россіи въ руки портъ въ тамошнемъ морѣ, который стараться будемъ при мирѣ удержать. Подъ видомъ же коммерціи онъ всегда будетъ имѣть сообщеніе съ нужными народами во время мира, и тѣмъ конечно сила наша не умалится въ тамошнемъ краю. Если же дѣла ваши такъ обратятся, что вы въ состояніи будете замыслить и болѣе сего, то тогда и сей портъ вамъ всегда служить можетъ, не бывъ ни въ какомъ случаѣ вреденъ. На сіе же едва не удобнѣе ли островъ нежели твердая земля, и то еще островъ не самый большой; но однако портъ на твердой землѣ будетъ же имѣть и свои особыя выгоды.» Теперь Орловъ призналъ, что Наваринъ представляетъ именно такой портъ на твердой землѣ, имѣющій особыя выгоды; онъ не могъ не признать и мудрой осторожности, заключавшейся въ словахъ императрицы: «портъ нуженъ, чтобъ васъ, пока ваша куча незнатно умножится, съ малымъ числомъ не подвергнуть опасности.» Уже одинъ отрядъ подвергся опасности, былъ почти весь истребленъ, потому

что, не укрѣпившись на берегу, не дожидаясь «знатнаго умноженія кучи,» послали ничтожный отрядъ внутрь страны, понадѣявшись на мѣстныхъ жителей. Вѣсть объ участи барковскаго отряда, о поведеніи грековъ въ Мизитрѣ и Триполицѣ, коварная свирѣпость въ одномъ мѣстѣ, позорная трусость и безчестность въ отношеніи къ русскимъ въ другомъ, разумѣется, прежде всего возбудили въ Орловѣ страшное раздраженіе противъ грековъ: «Кромѣ крѣпостей и большихъ городовъ—Триполицы, Коринѳа, Патраса, хотя вся Морея и очищена отъ турокъ, писалъ онъ, но силы мои такъ слабы, что я не надѣюсь не только завладѣть всею, но и удержать завоеванныя мѣста. Робость грековъ и майнотовъ лишаетъ меня совсѣмъ надежды, а безпорядокъ, происходящій отъ неразумѣнія языка, еще болѣе меня въ томъ утверждаетъ. Лучшее изъ всего, что мнѣ можно будетъ сдѣлать — укрѣпить себя сухимъ путемъ и моремъ; зажечь огонь во всѣхъ мѣстахъ, какъ въ Мореѣ; пресѣчь весь подвозъ провіанта въ Царьградъ и дѣлать нападенія морскою силою. Трудно будетъ и сіе произвесть въ дѣйство, если скоро не придетъ Эльфинстонъ.— Здѣшніе народы лстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы къ деньгамъ и добычѣ, такъ что ничто удержать не можетъ ихъ къ сему стремленія. Легковѣріе и вѣтренность, трепетъ отъ имени турокъ суть не изъ послѣднихъ также качествъ нашихъ единовѣрцевъ. Законъ исповѣдуютъ едиными только устами, не имѣя ни слабаго начертанія въ сердцѣ добродѣтели христіанскія. Привыкши жизнь вести въ распутствѣ (т.-е. распущенности), ненавидящіе всякаго порядка, и не зная, какимъ способомъ приступить къ оному, пребываютъ ежеминутно въ смятеніи духа. Рабство и узы правленія турецкаго, на нихъ наложенныя, въ которыхъ они родились и выросли, также и грубое невѣжество обладаетъ ими. Сіи-то суть причины, которыя отнимаютъ надежду произвесть какое-нибудь въ нихъ, къ ихъ общему благу, на твердомъ основаніи сооруженное, положеніе» [96].

Вся вина сложена на грековъ; но историкъ долженъ раздѣлить ее и отдать извѣстную долю обвиняющимъ. Въ Петербургѣ была сдѣлана ошибка, очень естественная впрочемъ. Для развлеченія турецкихъ силъ, для нанесенія сильнѣйшаго, потрясающаго удара врагу, для обезпеченія себя отъ него на будущее время, для пріобрѣтенія славы освобожденія христіанъ и потомства

героевъ, которыхъ имена были на языкѣ каждаго образованнаго человѣка—задумали смѣлое предпріятіе возбудить христіанское народонаселеніе Турціи къ возстанію противъ Порты. Предпріятіе было задумано не безъ основательной надежды на успѣхъ: Каразинъ съ товарищами говорили правду, объявляя о готовности христіанъ свергнуть тяжелое, ненавистное иго; но надобно было изучить съ большею подробностію и точностію средства христіанъ, нравственныя и матеріальныя. Какъ обыкновенно бываетъ, когда дѣло обсуживается издали, подробности исчезаютъ, сливаются, видны только однѣ наиболѣе выдающіяся, общія черты: стремленіе къ сверженію тяжелаго, варварскаго ига, единовѣріе и т. д., и вслѣдствіе преобладанія этихъ общихъ чертъ, дѣло идеализуется, является въ розовомъ свѣтѣ: стоитъ только явиться и народъ приметъ освободителей побратски съ распростертыми объятіями, окажетъ чудеса храбрости и принесетъ всевозможныя жертвы для освобожденія отечества. При этомъ исчезла маленькая подробность, мелкій вопросъ: какъ братья по вѣрѣ будутъ объясняться другъ съ другомъ? Екатерина совѣтовала Орлову поступать осторожно, сначала укрѣпиться на берегу и не подвергать опасности своихъ ничтожныхъ сухопутныхъ силъ, пока не образуется масса туземнаго ополченія. Екатерина требовала общаго, дружнаго движенія, запрещала дѣйствовать клочками, въ одиночку. Но прежде надобно было узнать, способно ли народонаселеніе Греціи дѣйствовать сообща. Природа раздробила Грецію на мелкія области, рѣзко отдѣленныя другъ отъ друга, съ средствами недостаточными для пропитанія, и потому заставляющія народонаселеніе смотрѣть вонъ, искать дѣятельности, средствъ жизни на морѣ; древняя исторія Греціи подчинилась этимъ природнымъ условіямъ; должна была подчиниться имъ и новая: на сушѣ слабость, разбросанность, особность областей, размельченность интересовъ, неспособность создать твердое центральное правительство, узкость государственныхъ взглядовъ; сила народа—въ «деревянныхъ стѣнахъ» оракула, спасшихъ древнія Аѳины въ борьбѣ съ персами, сила въ корабляхъ, въ морской дѣятельности, которая заставляетъ греческое народонаселеніе тянуться узкою полосою по берегамъ. Помогать какому-нибудь народу въ бѣдѣ, помогать въ пріобрѣтеніи независимости дѣло чрезвычайно трудное; столкновеніе немину-

емо вслѣдствіе различія ступеней развитія, различія въ силѣ; народъ помогающій есть болѣе развитой, болѣе сильный, потому естественно принимаетъ значеніе руководителя, опекуна, требуетъ отъ слабѣйшаго, руководимаго подчиненія своему «умоначертанію»; но слабѣйшій по развитію народъ этого умоначертанія не понимаетъ, у него свои понятія, свои взгляды, очень узкіе иногда, непріятные, но что же дѣлать? Греки надѣялись на русскую помощь, немедленно сгруппировались около ничтожныхъ русскихъ отрядовъ; но когда турки начали наступать съ превосходными силами, они обратились въ бѣгство, ибо извѣстныхъ понятій о военной чести они не имѣли, а руководились взглядомъ, что русскіе должны имъ помогать, а не они должны давать себя рѣзать туркамъ: это они могли сдѣлать и безъ русскихъ. Тутъ прежде всего вредитъ различіе въ понятіи о помощи у сильнаго и слабаго, потому что оба требуютъ обыкновенно другъ отъ друга больше, чѣмъ сколько могутъ и хотятъ дать. Греки, съ которыми имѣлъ дѣло Орловъ, не были трусами; но при условіяхъ своего быта, они не были способны къ наступательному движенію, къ битвамъ въ чистомъ полѣ; они были храбры, неодолимы въ войнѣ оборонительной, при защитѣ искусственныхъ или природныхъ укрѣпленій, и это важное обстоятельство не было принято въ соображеніе. Орловъ пишетъ, что турецкое рабство оставило печальные слѣды на характерѣ грековъ; но для убѣжденія въ этомъ не нужно было ѣхать въ Морею; можно было и въ Ливорно, и въ Петербургѣ заключать отъ причины къ слѣдствію. Греки печально удивили русскихъ тѣмъ, что бросились рѣзать сдавшихся турокъ; но развѣ при извѣстныхъ взглядахъ турка на христіанина, а христіанина на турка, между ними могли образоваться отношенія и установиться правила, выработанныя образованными христіанскими народами между собою? При видѣ заклятого врага, притѣснителя грекъ забывалъ все. Главное затрудненіе между русскими и греками заключалось не въ томъ только, что они не понимали языка другъ друга, но въ томъ, что не понимали «умоначертанія» другъ друга. При такомъ различіи между народами, оказывать помощь чрезвычайно трудно, надобно быть готову на все, вооружиться педагогическимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что надобно робко отступать предъ трудными задачами, которыхъ

рѣшенія требуютъ высшіе народные интересы; изъ этого слѣдуетъ только, что предъ ихъ рѣшеніемъ надобно приготовиться глубокимъ изученіемъ прошедшаго и настоящаго и вслѣдствіе этого не смущаться ничѣмъ. Но не будемъ слишкомъ строги къ русскимъ людямъ XVIII вѣка: они дѣлали первый опытъ.

Орловъ хотѣлъ утвердиться въ Наваринѣ; но для этого счелъ необходимымъ овладѣть крѣпостью Модономъ. Къ ней отправился съ ничтожными силами кн. Юрій Долгорукій, извѣстный намъ своими похожденіями въ Черногоріи. На помощь осажденнымъ явилось турецкое войско, и Долгорукій вступилъ въ бой съ далеко неравными силами и потерпѣлъ пораженіе, потерявъ артиллерію. «Сей неблагополучный день, писалъ Орловъ императрицѣ, превратилъ всѣ обстоятельства и отнялъ всю надежду имѣть успѣхи на землѣ». Начались дѣйствія на морѣ, потому что эскадра Эльфинстона наконецъ явилась, потерпѣвши на пути тѣ же непріятности и задержки, какъ и эскадра Спиридова, въ доказательство, что все равно, какъ бы ни назывался командиръ, русскимъ или англійскимъ именемъ. Въ маѣ мѣсяцѣ дѣйствія ограничивались гоньбою за турецкимъ флотомъ. Нѣсколько судовъ оставалось въ Наваринѣ съ графомъ Алексѣемъ Орловымъ, который нашелъ невозможнымъ долѣе держаться здѣсь и отплылъ для соединенія съ обѣими эскадрами, взорвавши Наваринскую крѣпость. 11-го іюня Орловъ соединился съ эскадрами и нашелъ, что «командиры между собой въ великой ссорѣ, а подкомандные въ уныніи и неудовольствіи». Больныхъ на обѣихъ эскадрахъ было до 500 человѣкъ. Для пресѣченія споровъ между командирами, причемъ Эльфинстонъ не хотѣлъ подчиниться Спиридову, Орловъ, не будучи морякомъ, принялъ самъ начальство надъ флотомъ, какъ уполномоченный императрицею, и повелъ флотъ къ острову Паросу съ намѣреніемъ во что̀ бы то ни стало нагнать турецкій флотъ и разбить его, ибо только этимъ можно было уничтожить впечатлѣніе, произведенное морейскою неудачею. «Ежели Богу угодно будетъ сокрушить флотъ непріятельскій, писалъ Орловъ императрицѣ, тогда стараться станемъ и употребимъ всю возможность опять союзно дѣйствовать съ обитающими народами подъ державою турецкою, въ той сторонѣ, гдѣ будетъ способнѣе... Если флотъ побѣдитъ, тогда и денегъ не надобно будетъ, ибо будемъ господами всего Архипе-

лага и постараемся оголодить и Константинополь... Въ случаѣ же несчастнаго сраженія морского, или пребыванія турецкаго флота въ благополучномъ состояніи въ тѣхъ моряхъ, надежды не имѣю остаться зимовать въ островахъ архипелагскихъ, и думаю что принужденъ буду возвратиться въ Средиземное море» [97]. Екатерина одобряла всѣ рѣшенія Орлова; въ ея письмахъ онъ не могъ найти ни малѣйшаго выраженія неудовольствія вслѣдствіе неудачи морейскаго похода. «Хотя мы и видимъ теперь, писала она, что морейская экспедиція не соотвѣтствовала своими слѣдствіями мужественному отъ васъ предпріятому ея отверстію по причинѣ сродной грекамъ трусости, легкомыслія и предательства, кои особливо подъ Модономъ толико пакости причинили, однакожь тѣмъ не меньше и тутъ служитъ намъ къ особливому удовольствію слышать отъ васъ, что всѣ подъ предводительствомъ вашимъ бывшіе чины, отъ мала до велика, мужественно, ревностно и съ крайнею охотою исполняли долгъ истинныхъ сыновъ отечества, въ которомъ качествѣ будемъ мы отнынѣ на нихъ наипаче взирать съ особливымъ вниманіемъ. Когда морейскіе греки столь худо подражали примѣру храбрости, мужества и твердости, коими вы обще руководились, и не хотѣли извлечь себя изъ-подъ ига порабощенія, ихъ собственнымъ духомъ робости, невѣрности и обмана надъ ними сохраняемаго: то вы весьма благоразумно и прозорливо сдѣлали, что оставя ихъ собственному жребію, обратили соединенныя наши морскія силы на преслѣдованіе моремъ непріятеля. Кн. Юрію Долгорукову скажите, что день подъ Модономъ хотя и неудаченъ былъ, но однако его искусство и храбрость не оставили ничего того, что только можно было дѣлать, и, слѣдовательно, сей день пріобрѣлъ ему славу» [98].

Эти письма отправлены были въ началѣ сентября, когда уже флотъ возстановилъ славу русскаго оружія, помраченную морейскими неудачами. 24 іюня на разсвѣтѣ, при входѣ въ Хіоскій проливъ русскій флотъ увидалъ турецкій, стоявшій на якорѣ вдоль анатолійскаго берега, близь небольшой крѣпости Чесме. Орловъ спѣшилъ нагнать непріятельскій флотъ, чтобъ воспрепятствовать соединенію его съ эскадрою, шедшею изъ Константинополя; но соединеніе уже послѣдовало: передъ русскими стояло 16 линейныхъ кораблей (шесть имѣли отъ 90 до 80, про-

чіе отъ 70 до 60 пушекъ); шесть фрегатовъ и много разныхъ мелкихъ судовъ. Орловъ, въ донесеніи своемъ императрицѣ, откровенно признается, что при первомъ взглядѣ на такую силу имъ овладѣлъ страхъ: «Увидя оное сооруженіе, ужаснулся я и былъ въ невѣдѣніи, что мнѣ предпринять должно; но храбрость войскъ в. и. в—ства, рвеніе всѣхъ быть достойными рабами Великой Екатерины, принудили меня рѣшиться и, несмотря на превосходныя силы, отважиться атаковать, пасть или истребить непріятеля». Битва начавшаяся въ одиннадцатомъ часу утра длилась почти четыре часа и не было еще ничего рѣшительнаго. Русскій корабль Евстафій, на которомъ былъ Спиридовъ и графъ Θедоръ Орловъ, сцѣпился съ турецкимъ адмиральскимъ кораблемъ, и начался отчаянный рукопашный бой; наконецъ турецкій корабль загорѣлся; Спиридовъ и Θедоръ Орловъ успѣли уѣхать съ своего корабля, которому грозила страшная опасность. Дѣйствительно подгорѣвшая гротъ-мачта турецкаго корабля упала на русскій корабль, искры, посыпавшіяся отъ нея зажгли порохъ, и Евстафій взлетѣлъ на воздухъ, за нимъ взлетѣлъ и турецкій корабль. Тогда всѣ другіе непріятельскіе корабли, поспѣшно бѣжали въ Чесменскую бухту. Побѣда стоила русскому флоту корабля и на немъ 628 человѣкъ, въ томъ числѣ 30 офицеровъ. Но побѣду надобно было довершить. Вечеромъ у графа Алексѣя Орлова собрались флагманы и офицеры и рѣшено сжечь непріятельскій флотъ въ Чесменской бухтѣ: «Наше дѣло, говорилось въ приказѣ Орлова, должно быть рѣшительное, чтобъ оный флотъ побѣдить и разорить, не продолжая времени, безъ чего здѣсь въ Архипелагѣ не можемъ мы имѣть къ дальнимъ побѣдамъ свободныя руки». 25 іюня приготовили брандеры, и въ лунную, тихую, ночь, на 26 число корабли, назначенные къ аттакѣ, двинулись. Въ началѣ втораго часа отъ стрѣльбы съ русскихъ кораблей загорѣлся одинъ турецкій корабль, за нимъ другой; тутъ на русскихъ корабляхъ раздалось: ура! и взвились три ракеты: это былъ знакъ отправляться на работу брандерамъ. Работа, несмотря на дурное начало, пошла удачно, благодаря смѣлости и ловкости лейтенанта Ильина: онъ сцѣпился съ большимъ турецкимъ кораблемъ, зажегъ брандеръ и отъѣхавъ на шлюпкѣ, еще остановился посмотрѣть, что выйдетъ. Вышло то, что стали раздаваться оглушительные удары взрывовъ; обширное зарево освѣтило

страшную картину: видны было только трупы и обломки судовъ, вода покрылась золою и кровью. На разсвѣтѣ турецкаго флота уже не существовало: сгорѣло 15 кораблей, 6 фрегатовъ и до 50 мелкихъ судовъ; русскіе успѣли взять только одинъ корабль и шесть галеръ.

Спиридовъ подъ впечатлѣніемъ первой минуты, писалъ графу Ивану Чернышеву: «Турецкій флотъ аттаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и въ пепелъ обратили, и оставили на томъ мѣстѣ престрашное позорище, а сами стали быть во всемъ Архипелагѣ господствующи». Спокойно и скромно донесъ Орловъ императрицѣ о знаменитомъ событіи, вовсе не стараясь усилить его значеніе: «Прискорбно мнѣ, писалъ онъ, что я не могу и впредь надежды не имѣю поздравить в. в—ство съ сухопутною, равною морской, побѣдою; ежели бы былъ такъ счастливъ, желанія бы мои совершенно были удовольствованы, могъ бы тогда надѣяться заслужить ваше благоволеніе. Нынѣ же не остается мнѣ другого, кромѣ какъ стараться запереть подвозъ въ Царьградъ, и стараться еще, если можно, возвратить государству издержки, употребленныя на сію экспедицію». Но впечатлѣніе, произведенное этимъ донесеніемъ въ Петербургѣ, было чрезвычайное. Чѣмъ болѣе были огорчены и унижены извѣстіями о печальномъ положеніи русскаго флота; чѣмъ менѣе ожидали отъ него самостоятельныхъ подвиговъ; чѣмъ болѣе были огорчены извѣстіями о неудачѣ морейской экспедиціи, для вспомоществованія которой флотъ собственно и былъ назначенъ,—тѣмъ въ большій восторгъ пришли, узнавъ о неожиданномъ торжествѣ этого самаго флота, истребившаго флотъ непріятельскій, о торжествѣ небываломъ, показавшемъ новую сторону русскаго могущества. Легко представить восторгъ Екатерины, что въ ея царствованіе совершилось то, о чемъ не мечталъ великій основатель русскаго флота, совершилось послѣ долгихъ лѣтъ упадка морскаго дѣла въ Россіи и совершилось человѣкомъ изъ фамиліи, возвышенной Екатериною, за что такъ давно и постоянно раздавались ей упреки. «Ничего знаменитѣе, кажется, въ той сторонѣ быть не можетъ. Дивенъ Богъ въ чудесѣхъ своихъ! писала Екатерина Румянцеву: мало въ свѣтѣ слыхано подобнаго было. Мы 14-го числа сего мѣсяца (сентября) Богу приносили благодареніе, а на другой день была соборная панихида Петру

Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для Россіи славы. Мы плодомъ его трудовъ пользуемся; нашъ флотъ подобенъ Исааку, который, женясь 70 лѣтъ, оставилъ потомство, кое ведется и до сего дня; и нашъ флотъ, послѣ семидесяти лѣтъ его основанія, покрылся славою, коя, дай Боже, да продлится долѣе, нежели потомство Исааково». Въ рескриптѣ Орлову говорилось: «Сіе, въ рѣдкихъ вѣкахъ едва случившееся происшествіе служитъ новымъ доказательствомъ, что побѣждаетъ не число, но единственно мужество и храбрость. Гдѣ же тому болѣе искать очевидныхъ примѣровъ, какъ не въ нынѣшнемъ году, которые россійскими войсками оказаны: 21 іюля нашъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ при рѣкѣ Кагулѣ съ 17,000 разбилъ и въ совершенный бѣгъ обратилъ за берега дунайскіе 150,000 турецкой сволочи; ваша побѣда съ девятью кораблями надъ великимъ множествомъ непріятельскихъ при Чесмѣ 24 іюня возбуждаетъ страхъ равномѣрный непріятелямъ и ненавистникамъ нашимъ и отъ морскихъ россійскихъ силъ, кои по сю пору еще удержаны были наказать враговъ имперіи. Но блистая въ свѣтѣ немнимымъ блескомъ, флотъ нашъ подъ разумнымъ и смѣлымъ предводительствомъ вашимъ, нанесъ сей разъ наичувствительный ударъ оттоманской гордости. Весь свѣтъ отдастъ вамъ справедливость, что сія побѣда вамъ пріобрѣла отмѣнную славу и честь; лаврами покрыты вы; лаврами покрыта и вся при васъ находящаяся эскадра». Орлову пожалованъ былъ военный орденъ первой степени и право оставить при себѣ на всю жизнь кейзеръ-флагъ и внести его въ свой гербъ; Спиридову Андреевскій орденъ и деревни; графу Өедору Орлову и контръ-адміралу Грейгу, котораго особенно рекомендовалъ графъ Алексѣй Орловъ, военный орденъ второй степени [99].

Извѣстный французскій агентъ баронъ Тоттъ, который, подобно Валькруассану, былъ отправленъ въ Турцію, чтобъ подавать всевозможную помощь туркамъ и дѣлать всевозможный вредъ русскимъ, представляетъ въ своихъ мемуарахъ дарданельскія укрѣпленія въ самомъ печальномъ видѣ, вслѣдствіе чего естественно раждается сожалѣніе, что чесменскій побѣдитель, по незнанію положенія дѣлъ, не рѣшился прорваться чрезъ Дарданеллы и появленіемъ своимъ предъ Константинополемъ не принудилъ султана къ миру, котораго такъ желали въ Россіи. Но

прежде надобно бы было рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли справедливы показанія Тотта, которому было поручено укрѣпить Дарданеллы и которому слѣдовательно было выгодно представить прежнія оборонительныя средства въ самомъ жалкомъ видѣ.

Чесменскій бой прежде всего поразилъ ужасомъ богатую торговую Смирну, и тутъ русскіе люди въ первый разъ услыхали объ *европейскихъ интересахъ*, съ которыми они должны были потомъ постоянно встрѣчаться и считаться на Востокѣ. Отъ 21 іюля Орловъ получилъ письмо отъ находившихся въ Смирнѣ европейскихъ консуловъ, въ которомъ говорилось, что 8 іюля народъ и войско въ Смирнѣ, будучи приведены въ бѣшенство и отчаяніе вѣстію о чесменскомъ дѣлѣ, бросились на грековъ и побили ихъ великое множество; два европейца были также убиты. Возмущеніе это навело ужасъ на всѣхъ европейцевъ; большая часть франковъ искали убѣжища на корабляхъ, иные заперлись въ своихъ домахъ; торговля прекратилась. По прошествіи нѣсколькихъ дней тишина, кажется, возстановилась, торговля начала опять приходить въ движеніе; но страхъ приближенія русскаго флота несказанно тревожитъ души европейцевъ, ибо этотъ ужасный часъ будетъ началомъ убійства и грабежа подданныхъ европейскихъ государей и конечнаго разрушенія ихъ торговли. «Эта грозная крайность, писали консула, побудила насъ уполномочить и послать къ в. с—ству депутатовъ съ изъясненіемъ такого опаснѣйшаго нашего состоянія и съ просьбою не обращать побѣдоносное оружіе ея и. в—ства на этотъ торговый городъ, на который должно смотрѣть не какъ на непріятельское мѣсто, а скорѣе какъ на колонію, основанную разными нейтральными государствами: разрушать ихъ торговлю и приносить ихъ подданныхъ въ жертву великая россійская императрица конечно не пожелаетъ. Городовое управленіе ожидаетъ освобожденія и тѣхъ плѣнныхъ, которыхъ в. с—ство еще удержали у себя. Если в. с—ство великодушіе свое увѣнчаете освобожденіемъ этихъ плѣнниковъ, то новый этотъ лучъ милости принесетъ вамъ столько же чести, сколько и побѣда, а намъ у турокъ будетъ заслугою, которая совершенно можетъ утвердить наше спокойствіе». Орловъ отвѣчалъ: «Послѣдуя высочайшему благоволенію, исполняю законъ, мною никогда

не нарушаемый, чтобъ подавать во всякое время всевозможное вспоможеніе народамъ, не только съ нами союзнымъ, но и нейтральнымъ. Сіи суть и всегда будутъ непремѣнныя правила моего поведенія. Какъ скоро я услышалъ о возмущеніи, приключившемся въ Смирнѣ, отложилъ намѣреніе идти на оный городъ для сей одной причины, чтобъ приближеніе нашего флота не распространило болѣе еще распутства и безпорядковъ. Для сего я тотчасъ освободилъ янычаръ-агу со многими другими турками и поручилъ ему объявить правительству города вашего, чтобъ какъ возможно скорѣе прекратить тамо своевольное убійство и особливо чтобы въ безопасность привести ваши особы. Я также весьма радъ былъ бы согласиться на все то, что вы отъ меня требуете, еслибъ не препятствовали тому разныя причины: могу ли я безо всякаго съ другой стороны договорнаго со мною согласія отвѣтствовать за то, на что неизвѣстныя обстоятельства впредь меня побудятъ? Что же вы хотите меня увѣрить противъ принятыхъ всѣми понятій, что городъ Смирну должно почитать больше селеніемъ, основаннымъ разными европейскими народами, нежели мѣстомъ непріятельскимъ, сіе мнѣ кажется непонятно. Сему вашему правилу послѣдуя, должно бы мнѣ и самый Царьградъ почитать таковымъ же, а по немъ и всѣ прочіе приморскіе города, подъ владѣніемъ турецкимъ находящіеся, въ которыхъ есть нѣсколько жительствъ народовъ европейскихъ. Что касается торговли, будьте совершенно увѣрены: доколѣ флагъ ея и. в—ства будетъ въ сихъ моряхъ владычествовать, вы должны совершенно надѣяться на защищеніе ея, чему вы уже ясныя видѣли доказательства, лишь бы только въ торговлѣ сей ничего противнаго не было законамъ войны. Еслибы приближеніе мое къ городу вашему причинило въ ономъ нѣкоторое смятеніе, то я въ семъ случаѣ столько же буду виновенъ, сколько былъ и при конечномъ истребленіи оттоманскаго флота. Освобожденіе нѣкоторыхъ военноплѣнныхъ и снисходительное обхожденіе съ прочими остающимися при мнѣ не приклонили сердецъ турецкихъ къ тому признанію, котораго я отъ нихъ долженъ былъ ожидать послѣ сего поступка; но въ разсужденіи просьбы вашей дамъ я еще нѣкоторымъ изъ нихъ свободу единственно для удовольствія вашего и для приведенія васъ въ безопасность»[100]. Екатерина была очень довольна этимъ отвѣтомъ, въ

которомъ нашла «отмѣнное блистаніе великодушія и человѣколюбія.»—«Начертили вы здѣсь душу свою, писала она Орлову: мы ее давно знали, но теперь весь свѣтъ ее видитъ и ей справедливость отдаетъ» [101].

Чрезъ нѣсколько времени въ Петербургѣ распространился слухъ о новыхъ успѣхахъ русскаго флота: «Сказываютъ одни, писала Екатерина Панину, что взяты Дарданеллы, а другіе, что флотъ турецкій паки сожженъ. Но если мнѣ выбрать, то Дарданеллы лучше возму, ибо сіе насъ приближаетъ къ мѣсту ближайшему *мирнаго конгресса»* [102]. Но ожиданія не оправдались: попытка занять ближайшій къ Дарданелламъ островъ Лемносъ не удалась, причемъ разбился корабль «Святославъ». Для зимовки флота былъ выбранъ островъ Паросъ, и въ ноябрѣ оба Орловы, Алексѣй и Ѳедоръ уѣхали въ Италію. Спиридовъ остался единственнымъ начальникомъ флота, потому что Эльфинстонъ долженъ былъ выйти въ отставку. Уже въ донесеніи о чесменской битвѣ Орловъ писалъ императрицѣ: «Напередъ прошу прощенія: ежели контръ-адмиралъ Эльфинстонъ не перемѣнитъ своего поведенія, я принужденнымъ найдуся, для пользы службы в. в—ства, отнять у него команду и поручить оную флота капитану-бригадиру Грейгу, котораго достоинство, вѣрность, усердіе, прилежаніе и благоразуміе увѣряютъ меня, что подъ его предводительствомъ дѣла пойдутъ гораздо успѣшнѣе». Потомъ Эльфинстонъ былъ обвиненъ коммиссіею военнаго суда въ потерѣ корабля «Святославъ». Эльфинстонъ, въ свое оправданіе, написалъ мемуаръ, по поводу котораго остались замѣчанія Екатерины: «Нѣтъ ничего легче, какъ опровергнуть этотъ мемуаръ, и особенно статью о чесменскомъ боѣ, потомъ о прибытіи его въ Лемносъ, куда его никогда не призывали, и онъ былъ даже обвиненъ въ томъ, что покинулъ свой постъ предъ Дарданеллами; наконецъ онъ принудилъ капитана идти по тому пути, на которомъ Святославъ погибъ. Можно сказать одно, что Эльфинстонъ принадлежитъ къ разряду людей сумасшедшихъ, которые увлекаются первымъ движеніемъ и не соблюдаютъ никакой послѣдовательности, и я не знаю, сумѣетъ ли онъ очистить себя отъ подозрѣній въ злоупотребленіяхъ, еслибъ его заставили отдать отчетъ въ суммѣ на чрезвычайные расходы, ему ввѣренной, ибо изъ нея онъ сдалъ адмиралу Спиридову только 3000 червонныхъ;

но справедливо, что лучше затушить это дѣло 5000 рублями, чѣмъ заявлять его предъ Европою и причинять неудовольствіе англійскому двору, выставляя его потачку намъ, всю помощь, которую онъ намъ оказалъ и которая была намъ очень полезна: опубликованіе всего этого подняло бы противъ англійскаго правительства внутреннія неудовольствія и могло бы имѣть непріятныя послѣдствія для англійской торговли въ Левантѣ»[103].

Морейская экспедиція, поднятіе христіанскаго народонаселенія европейской Турціи не удалось по винѣ этого народонаселенія, какъ утверждалъ Орловъ въ своихъ донесеніяхъ. Точно также неудачно шли дѣла и за Кавказомъ, и также по винѣ тамошнихъ христіанскихъ грузинскихъ владѣтелей, какъ утверждалъ начальствовавшій тамъ русскимъ войскомъ графъ Тотлебенъ. Походъ Тотлебена съ царемъ Иракліемъ къ Ахалциху не достигъ цѣли, возвратились назадъ въ Тифлисъ, потому что грузины, по донесенію Тотлебена, нисколько не помогали, стояли спокойно во время битвы русскихъ съ турками и только грабили. Царь Соломонъ объявилъ Тотлебену, чтобъ онъ не позволялъ своимъ солдатамъ ѣсть турецкій хлѣбъ, потому что онъ отравленъ; но этотъ самый хлѣбъ грузины отобрали, сами ѣли и продавали русскимъ дорогою цѣною, а подъ конецъ и вовсе оставили ихъ безъ хлѣба, такъ что русскіе на возвратномъ пути должны были питаться кониною. Тотлебенъ жаловался на Соломона, что тотъ ежедневно перемѣнялъ свои предложенія, обѣщанія и требованія, самъ не зналъ, что начать; а Соломонъ жаловался на Тотлебена, что тотъ, по многимъ его призывамъ, нейдетъ къ нему, тогда какъ онъ, Соломонъ, дѣйствуетъ удачно, разбилъ турецкое войско и разорилъ крѣпость Дуки, бывшую въ турецкихъ рукахъ.

Тотлебенъ просилъ объ отозваніи изъ его арміи всѣхъ офицеровъ грузинскаго происхожденія, потому что ихъ сообщенія и виды отнюдь не соотвѣтствуютъ должной вѣрности. Но скоро онъ долженъ былъ жаловаться на русскаго офицера, подполковника Наума Чоглокова, сына извѣстныхъ намъ Чоглоковыхъ, игравшихъ такую роль въ исторіи молодого двора при императрицѣ Елисаветѣ. Чоглоковъ отправился волонтеромъ въ кавказскую армію. Въ Моздокѣ нагналъ его отправлявшійся туда же волонтеромъ поручикъ Львовъ, котораго поразило то, что у Чог-

локова былъ превеликій штатъ и обозъ; Чоглоковъ объяснялъ, что иначе ему нельзя, потому что онъ близкій родственникъ государыни (его мать, урожденная Гендрикова, была двоюродная сестра императрицы Елисаветы). Однажды онъ открылъ передъ Львовымъ сундучокъ, наполненный золотыми табакерками и часами, всего вещей до 50, цѣною на 7000 рублей. Когда Львовъ спросилъ его, на что ему въ Грузіи такія вещи, то Чоглоковъ отвѣчалъ: «Я и послѣднюю въ Россіи деревню продать велѣлъ и ожидаю денегъ въ самой скорости». Изъ всѣхъ его словъ Львовъ замѣтилъ сильное раздраженіе: «Я ѣду или на эшафодѣ умереть или быть царемъ», говорилъ онъ. Когда пріѣхали въ Грузію, то царь Ираклій и весь дворъ приняли Чоглокова, какъ двоюроднаго брата императрицы и послѣ великаго князя ближайшаго наслѣдника престола. Тотлебенъ началъ говорить ему, чтобъ онъ не ѣздилъ въ грузинскій лагерь, но Чоглоковъ не слушался и кричалъ: «Я здѣсь вольный человѣкъ и до Тотлебена мнѣ нужды нѣтъ; можетъ быть у меня есть именной указъ, и я со всѣмъ съ особливою коммиссіею сюда присланъ, а не къ Тотлебену!» Послѣдній, узнавши объ этомъ, говорилъ Чоглокову: «О васъ ко мнѣ указъ присланъ, что вы у меня волонтеромъ, и вотъ рекомендація отъ графа Никиты Ив. (Панина); перемѣните свои поступки относительно знакомства съ грузинами, я ихъ довольно знаю, всѣ ихъ партіи противъ царя Ираклія мнѣ извѣстны, и какъ имъ весело было, что царь былъ принятъ въ русскую защиту». Львовъ писалъ въ Петербургъ, что въ Грузіи еще болѣе партій, чѣмъ въ Россіи въ старину было; нѣтъ почти трехъ фамилій, которыя были бы согласны; главная причина тому та, что не мало претендентовъ на грузинскій престолъ, имѣющихъ болѣе правъ, чѣмъ Ираклій, и потому большая часть вельможъ его не терпитъ.

Въ страстную субботу вечеромъ Чоглоковъ сталъ говорить Львову, съ которымъ жилъ въ одной палаткѣ: «Знаешь ли, что я скоро буду у царя сардаремъ, т.-е. воеводою? твой графъ сегодня же будетъ арестованъ, а по немъ я здѣсь старшій; я съ майоромъ Ременниковымъ и нѣсколькими офицерами уже согласился». Когда Львовъ пересказалъ объ этомъ Тотлебену, тотъ отвѣчалъ, что все знаетъ, и въ ту же ночь приказалъ арестовать Ременникова и Чоглокова, причемъ послѣдній вызвалъ его на

дуель. Когда на другой день Тотлебенъ поѣхалъ къ царю Ираклію поздравить его съ праздникомъ и объявилъ ему объ арестахъ, то царь сказалъ: «Чоглоковъ странный человѣкъ! много разъ онъ мнѣ говорилъ, что имѣетъ отъ государыни повелѣніе ѣхать въ Арменію и для того просилъ у меня 3000 грузинцевъ, утверждая, что онъ въ Арменіи все сдѣлать можетъ, что захочетъ». Но скоро самъ Ираклій объявилъ себя противъ Тотлебена по поводу подполковника Ратіева (грузинскаго происхожденія). Ратіевъ, который долженъ былъ доставить артиллерію въ кавказскій корпусъ, медлилъ въ Моздокѣ, не слушаясь никакихъ предписаній Тотлебена. Послѣдній, видя тутъ злой умыселъ, послалъ къ нему на встрѣчу арестовать его; но Ратіевъ арестовалъ посланныхъ и прошелъ прямо въ Тифлисъ къ царю Ираклію, къ которому убѣжалъ также и Чоглоковъ изъ-подъ ареста, и когда Тотлебенъ послалъ къ Ираклію съ требованіемъ выдачи Ратіева и Чоглокова, то посланные были задержаны въ Тифлисѣ. Послѣ этого Тотлебенъ узналъ, что всѣхъ курьеровъ, ѣдущихъ къ нему, перехватываютъ и отвозятъ въ Тифлисъ, хотятъ не допускать идущій къ нему Томскій полкъ и отрѣзать сообщеніе съ Моздокомъ: тутъ онъ рѣшился предупредить враговъ, выступилъ изъ лагеря, ускореннымъ походомъ въ двое сутокъ пришелъ къ городу Дюшету, занялъ его, овладѣлъ также крѣпостью Ананурами. Отъ 12 мая Тотлебенъ писалъ, что по соединеніи съ Томскимъ полкомъ намѣренъ идти немедленно къ Тифлису, чтобъ отомстить противникамъ, возвратить похищенную Ратіевымъ артиллерію, войско и припасы, подчинить всю Грузію русской власти, лишить Ираклія пожалованной ему передъ тѣмъ андреевской ленты и отправить его въ Петербургъ или вогнать въ Черное море. А Чоглоковъ писалъ изъ Тифлиса, что Тотлебенъ возненавидѣлъ его за предпочтеніе, какое было оказано ему со стороны царя Ираклія; по его, Чоглокова примѣтамъ, Тотлебенъ или съ ума сошелъ или какую-нибудь измѣну замышляетъ, поступая во всемъ противъ интересовъ русскаго двора: тамошнихъ царей между собою ссорилъ, съ князьями обходился дурно, многихъ изъ нихъ билъ, другихъ въ оковахъ держалъ, деревни разорялъ, безденежно бралъ скотъ и хлѣбъ, вступалъ въ переписку съ ахалцихскимъ пашею назначилъ для отсылки въ Россію 12

лучшихъ русскихъ офицеровъ, не оставляя никого кромѣ нѣмцевъ и самыхъ негодныхъ по поведенію русскихъ [104].

Прочтя донесеніе Тотлебена, императрица написала Панину: «Я пробѣжавъ только Тотлебеновы письма, изъ которыхъ усмотрѣла непослушаніе къ нему Чоглокова и вранье сего необузданнаго и безмозглаго молодца; да притомъ не хвалю же и неслыханныя подозрительности Тотлебеновы. Я думаю, что онъ способнѣе въ Грузіи наши дѣла испортить, нежели оныя привести въ полезное состояніе, надлежитъ опредѣлить кого другого» [105]. Для точнѣйшаго разузнанія дѣла и прекращенія смутъ отправленъ былъ въ Грузію гвардейскій капитанъ Языковъ.

Но эти смуты въ отдаленномъ Закавказьѣ не могли производить сильнаго впечатлѣнія: о нихъ мало знали въ Россіи, вовсе не знали въ западной Европѣ, гдѣ хорошо знали о кагульскомъ и чесменскомъ бояхъ. Екатерина спѣшила пользоваться этими успѣхами — для скорѣйшаго заключенія мира. 12 августа графъ Григ. Григ. Орловъ предложилъ Совѣту по приказанію императрицы, что, кажется, надобно отправить въ армію человѣка, который долженъ внимательно наблюдать, не откроется ли какихъ-нибудь средствъ къ начатію мирныхъ переговоровъ. Этотъ человѣкъ самъ непосредственно можетъ обратиться къ визирю или кому-нибудь другому съ объявленіемъ о желаніи мира съ нашей стороны, или дать знать, что въ случаѣ мирныхъ переговоровъ въ русской арміи находится уже уполномоченное на это лицо. При разсужденіи объ издержкахъ, производимыхъ государствомъ, и человѣкъ малосвѣдущій ясно видитъ, что эти издержки велики, а впередь должны еще увеличиться. Хотя Богъ и благословляетъ наше оружіе; но безмѣрное отдаленіе дѣйствующей арміи, затруднительность провоза необходимыхъ для нея вещей, военныя дѣйствія, начатыя въ разныхъ частяхъ свѣта, — все это страшно отягощаетъ государство. По этимъ причинамъ мира желать, кажется, должно, а для достиженія его предлагаемый способъ есть кратчайшій. Если онъ не будетъ удаченъ, то, по крайней мѣрѣ, узнаемъ, какимъ образомъ намъ готовиться къ будущей кампаніи и какъ дѣйствовать для достиженія мира. Если же удастся этимъ способомъ войти въ мирные переговоры, то мы избѣгаемъ препятствій, бывающихъ при мирныхъ договорахъ, которые производятся посредствомъ постороннихъ державъ, и Порта впередъ

будетъ увѣрена, что Россія не происками какими-нибудь приведена къ желанію мира, но «истиннымъ подвигомъ любомирныхъ качествъ», и тѣмъ болѣе докажется наше безпристрастное миролюбіе, если мы теперь въ нашемъ счастливомъ положеніи будемъ наблюдать умѣренность. Совѣтъ нашелъ нужнымъ отправить въ армію способнаго человѣка для переговоровъ съ турками о мирѣ; но полагалъ, что надобно дать графу Румянцеву повелѣніе, чтобъ онъ отъ себя отозвался къ побѣжденному визирю письмомъ, что если Порта желаетъ мира, то, освободя изъ неволи русскаго министра Обрѣзкова, прислала бы въ назначенное мѣсто своихъ полномочныхъ, а его великая самодержица, при всѣхъ Богомъ дарованныхъ ей побѣдахъ милосердствуя о крови человѣческой, охотно тогда вступить изволитъ въ мирные договоры и своихъ полномочныхъ туда отправитъ. Такой отзывъ графъ Румянцевъ долженъ сдѣлать не прежде взятія Бендеръ. Совѣтъ полагалъ также, что хотя бъ мирныя соглашенія и начались, все же надобно стараться о приготовленіи себя къ третьей кампаніи и заботиться о снабженіи арміи, чтобъ ей ни въ чемъ не было недостатка.

Мысль о третьей кампаніи была тяжела для Екатерины, и 9 сентября Совѣту была представлена собственноручная ея записка: «1) какъ нынѣ гр. Румянцевъ имѣетъ въ своихъ рукахъ крѣпость Килію и городъ Измаилъ, обѣ на Дунаѣ, то, кажется, время настоитъ, чтобъ къ нему писать, дабы онъ всѣ пріуготовленія дѣлалъ, чтобъ можно было, какъ скоро время къ тому удобно будетъ, переправлять корпусъ или чрезъ Дунай къ Варнѣ или изъ Дуная моремъ для нанесенія въ самомъ сердцѣ оттоманской имперіи страхъ и трепетъ, и чрезъ то ускорить возстановленіе мира, а между тѣмъ, что сіе приготовляться будетъ 2) отправить наискорѣе къ графу Румянцеву тотъ рескриптъ, который изготовляется для начинанія внушеній о мирныхъ директныхъ переговорахъ между визиря и нашихъ къ тому уполномоченныхъ; 3) гр. Румянцева надобно увѣдомить, въ какомъ точномъ положеніи флотилія г. Синявина, коему предписать надлежитъ, чтобъ онъ согласно поступалъ съ гр. Румянцевымъ; 4) графу П. И. Панину вновь рекомендовать, чтобъ онъ, какъ возможно, старался достать въ переговорахъ съ крымскими татарами Керчь и Таманъ, дабы облегчить проходъ Синявину»[106]. Но какъ ни спѣшили мирными переговорами, *друзья* предупредили.

Фридрихъ II продолжалъ свою систему застращиванія Россіи Австріею. Весною 1770 г. онъ указывалъ на скрѣпленіе австро-французскаго союза брачнымъ союзомъ дофина Франціи съ дочерью императрицы Маріи Терезіи Маріею Антуанетою. Фридрихъ внушалъ, что Шуазель побуждаетъ къ войнѣ вѣнскій дворъ, внушая, что если русскіе намѣрены стать сосѣдями австрійцевъ въ Молдавіи и Валахіи, то это непремѣнно поведетъ къ войнѣ. Въ то же время Фридрихъ сообщалъ, что Порта проситъ его посредничества, и потому онъ желаетъ знать, на какихъ условіяхъ императрица думаетъ заключить миръ, особенно желаетъ знать, что рѣшено относительно Молдавіи и Валахіи. Отвѣтъ былъ учтивый и уклончивый: императрица будетъ очень рада, если король склонитъ Порту къ начатію переговоровъ; первымъ необходимымъ условіемъ должно быть освобожденіе Обрѣзкова; императрица не ищетъ пріобрѣтеній, она начала войну не съ цѣлію распространенія своихъ границъ. Честь и долгъ понуждаютъ ее вступиться за тѣхъ, которые приняли ея сторону въ борьбѣ, особенно она не можетъ отдать грековъ на жертву мщенію турокъ: ихъ безопасность должна быть обезпечена. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда послѣдовало второе свиданіе Фридриха съ Іосифомъ.

Мы видѣли, съ какими намѣреніями въ прошломъ году произошло сближеніе между Австріею и Пруссіею, обозначившееся въ первомъ свиданіи Іосифа II съ Фридрихомъ II. Описавши это свиданіе, Фридрихъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Въ политикѣ было бы непростительною ошибкою слѣпо положиться на добросовѣстность австрійцевъ; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда перевѣсъ Россіи становился слишкомъ значителенъ, и когда нельзя было предвидѣть, какія границы она положитъ своимъ завоеваніямъ, было очень кстати сблизиться съ вѣнскимъ дворомъ. Пруссія не забыла еще ударовъ, которые Россія нанесла ей въ послѣднюю войну; вовсе не было въ интересахъ короля самому содѣйствовать усиленію государства столь страшнаго и опаснаго. Предстояло на выборъ—или остановить Россію на поприщѣ ея громадныхъ завоеваній, или, что было всего благоразумнѣе, попробовать ловкостію извлечь изъ ея успѣховъ пользу для себя. Король ничѣмъ не пренебрегъ въ этомъ отношеніи; онъ отослалъ въ Петербургъ политическій

проектъ, приписанный имъ графу Линару, устроившему въ последнюю войну Клостерсевенское соглашеніе между ганноверцами и французами. (Проектъ состоялъ въ томъ, что Австрія и Пруссія должны принять участіе въ войнѣ Россіи съ Турціей: Австрія получаетъ за это польскій округъ Ципсъ и городъ Лембергъ съ его областью, а Фридрихъ польскую Пруссію съ Варміею и право покровительства надъ городомъ Данцигомъ. Россія въ вознагражденіе за военныя издержки можетъ взять себѣ часть Польши, какая ей пригодна). Но, продолжаетъ Фридрихъ, великіе успѣхи русскихъ въ Молдавіи и Валахіи и побѣды, одержанныя флотомъ въ Архипелагѣ, такъ отуманили петербургскій дворъ, что онъ не обратилъ никакого вниманія на самозванный мемуаръ графа Линара. Послѣ этой неудачи король счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ».—Относительно подробности этого дѣла извѣстно, что такъ-называемый проектъ Линара былъ отправленъ королемъ Сольмсу въ началѣ 1769 года съ большимъ прикрытіемъ: король отзывался о проектѣ, какъ о болѣе блестящемъ, чѣмъ основательномъ и отдавалъ на волю посланника показывать проектъ гр. Панину или не показывать. Сольмсъ отвѣчалъ, что призналъ за лучшее не сообщать проекта Панину: сомнительно, чтобъ онъ пришелся ему по вкусу; приверженцы настоящей системы въ Россіи не захотѣли бы никакихъ сношеній съ Австріею, которыя предполагаютъ взаимное довѣріе; они стали бы бояться, что Австрія употребитъ во зло предложеніе, отъ котораго прежнія мѣры относительно Польши получатъ такое освѣщеніе, какъ будто бы ихъ цѣлію было изначала ограбленіе Польши; русскіе не разсчитываютъ на продолжительность турецкой войны; надѣются, что Польша будетъ успокоена и полагаются на Пруссію, что она сдержитъ Австрію; кромѣ того, хотятъ показаться безкорыстными и укрѣпить довѣріе къ своимъ словамъ; Панинъ хочетъ дѣйствительно сохранить Польшу, чтобъ послѣ употребить ее противъ турокъ. Король отвѣчалъ, что считаетъ проектъ Линара химерическимъ и предоставляетъ посланнику на волю, сдѣлать изъ него употребленіе или нѣтъ. Ловкая настойчивость подъ видомъ полнаго равнодушія и даже презрѣнія! Сольмсъ объявилъ Панину о проектѣ, скрывши, что онъ присланъ королемъ; Панинъ отвѣчалъ, что Ципсъ можно было бы уступить австрійцамъ, но не Лембергъ, лежащій среди Польши,

далеко отъ австрійскихъ границъ. Стоитъ ли труда, продолжалъ Панинъ, такимъ тремъ великимъ государствамъ соединяться только для того, чтобъ отбросить турокъ за Днѣстръ! Ужь если соединяться, то съ тѣмъ, чтобъ выгнать турокъ изъ Европы и значительной части Азіи, что не трудно исполнить. Во всякомъ случаѣ союзъ трехъ дворовъ есть лучшее средство для обезпеченія спокойствія христіанства. Единственное препятствіе тому лежитъ въ соперничествѣ Австріи и Пруссіи. Австрія должна вмѣстѣ съ Россіею обратиться противъ Турціи; здѣсь она найдетъ себѣ полное вознагражденіе за Силезію. Пруссія чрезъ это пріобрѣтетъ безопасность, и владѣнія ея должны увеличиться польскою Пруссіею и Варміею. Тогда не трудно будетъ положить конецъ владычеству турокъ въ Европѣ; Константинополь и области, которыя остались бы за османами, могли бы образовать республику. «А что же возьметъ себѣ Россія»? спросилъ Сольмсъ. «У Россіи и безъ того уже столько земли, что трудно справиться; ей нужно только нѣсколько пограничныхъ областей», отвѣчалъ Панинъ. Планъ Панина, разумѣется, могъ только раздражать Фридриха, которому онъ долженъ былъ показаться новою фантазіею въ родѣ сѣвернаго союза; главною цѣлію прусскаго короля было пріобрѣтеніе новыхъ владѣній безъ войны. Въ политическомъ завѣщаніи, написанномъ въ концѣ 1768 года, Фридрихъ говоритъ, что польскую Пруссію лучше пріобрѣсти по частямъ путемъ переговоровъ, чѣмъ по праву завоеванія; въ случаѣ, когда Россія почувствуетъ сильную нужду въ прусской помощи, было бы возможно выговорить Торнъ и Эльбингъ съ окрестностями [107]. Не должно забывать, что теперь Фридрихъ былъ другой человѣкъ чѣмъ прежде. Какъ до Семилѣтней войны онъ былъ смѣлъ, предпріимчивъ, всегда готовъ наступательнымъ движеніемъ предупредить противника; такъ послѣ этой войны онъ сталъ необыкновенно остороженъ, началъ страдать войнобоязнію. Мы видѣли, какое впечатлѣніе было произведено на него извѣстіемъ о войнѣ между Россіею и Турціею; и послѣ онъ не хотѣлъ слышать о войнѣ; въ этомъ отношеніи онъ сталъ совершенно походить на своихъ обоихъ предшественниковъ: подобно имъ, онъ поставилъ главною цѣлію своей политики — увеличеніе Пруссіи, но безъ войны, ничѣмъ не рискуя. Мы привели слова Фридриха изъ «Политическаго завѣщанія», что лучше пріобрѣтать по немногу

путемъ переговоровъ; но при этомъ нельзя не вспомнить словъ его отца, Фридриха Вильгельма относительно пріобрѣтеній нѣмецкихъ земель: «Я первый ставлю ногу въ Бергъ, сынъ мой пріобрѣтетъ другія мѣста, а сынъ моего сына Дюссельдорфъ, и такъ далѣе».

Все это вполнѣ уясняетъ намѣренія и средства Фридриха, вполнѣ уясняетъ его значеніе въ рѣшеніи польскаго вопроса такъ называемымъ первымъ раздѣломъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Фридрихъ первый придумалъ такой способъ рѣшенія вопроса, ибо давно уже этотъ способъ былъ, такъ сказать, въ воздухѣ, давно уже Польша, вслѣдствіе своей слабости и необходимо происходившей отсюда борьбы сильныхъ на ея почвѣ, пришла въ страдательное положеніе, стала ничьей и потому добычею каждаго; предложенія раздѣла Польши между нѣсколькими и отчужденія части ея владѣній въ пользу одного изъ сосѣдей, особенно въ пользу Пруссіи, дѣлались давно, къ нимъ совершенно привыкли, никто имъ не удивлялся, всякій считалъ ихъ въ порядкѣ вещей; при каждомъ поднятіи польскаго вопроса, мысль о раздѣлѣ или отчужденіи части польской территоріи приходила каждому въ голову, и если раздѣлъ не осуществлялся до сихъ поръ, то потому только, что не всѣ сильнѣйшіе сосѣди были согласны въ одинаковой выгодѣ и необходимости его для каждаго изъ нихъ.

Мы видѣли между восточными германскими государствами стремленія увеличивать свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ славянскихъ странъ. Примѣру Австріи въ этомъ отношеніи слѣдовали Саксонія и Пруссія, стремившіяся усилиться на счетъ Польши и вступившія по этому поводу въ соперничество; а это соперничество естественно вызывало стремленіе къ дѣлежу Польши. Въ то время какъ саксонскому курфюрсту Августу удалось сдѣлаться королемъ польскимъ, причемъ онъ вовсе не хотѣлъ ограничиваться однимъ пустымъ титуломъ, курфюрстъ бранденбургскій Фридрихъ, ставшій королемъ также на счетъ Польши чрезъ отнятіе у нея восточной Пруссіи, не довольствуется этою послѣднею и при каждомъ удобномъ случаѣ предлагаетъ раздѣлъ Польши между сосѣдними государствами, преимущественно съ цѣлію пріобрѣсти и другую, такъ называемую королевскую или польскую (западную) Пруссію. Фридрихъ пред-

лагаетъ дѣлежъ Польши Карлу XII шведскому; Паткуль, съ другой стороны, предлагаетъ Фридриху, именемъ русскаго царя, вознагражденіе въ польской Пруссіи, въ Курляндіи или гдѣ угодно, если Пруссія вступитъ въ союзъ съ Россіею. Послѣ Полтавы сверженный Карломъ XII-мъ польскій король Августъ II посылаетъ въ Берлинъ справиться, склонна ли Пруссія помочь ему снова сдѣлаться польскимъ королемъ; Фридрихъ показываетъ посланнымъ планъ раздѣла Польши и Швеціи: Лифляндія отдается Станиславу Лещинскому, польская Пруссія и Вармія отходятъ къ Пруссіи, которая пріобрѣтаетъ также покровительство надъ Курляндіею; Польша, лежащая около Варшавы, и Литва достаются Августу II-му; изъ шведскихъ областей Шонія отходитъ къ Даніи, Верденъ къ Ганноверу, Петербургъ остается за царемъ. Но царь является самъ для свиданія съ Фридрихомъ и заключенія союза; Фридрихъ предлагаетъ ему планъ раздѣла; но Петръ находитъ дѣло неудобоисполнимымъ (nicht practicabel), обѣщаетъ Пруссіи только Эльбингъ съ округомъ, если Фридрихъ не пропуститъ шведовъ изъ Помераніи въ Польшу. Въ другой разъ Фридрихъ съ Августомъ предлагаютъ царю планъ раздѣла Польши, болѣе для него выгодный: кромѣ шведской Ливоніи часть Литвы получаетъ Россія, польскую Пруссію, Самогитію и Курляндію Пруссія; остальныя польскія области предоставляются Августу въ наслѣдственное владѣніе. И на этотъ разъ со стороны Россіи отвѣтъ отрицательный. «Если уже дѣлить, объявилъ Петръ, то надобно составить совершенно другой планъ дѣлежа, и тутъ первое условіе, чтобъ Пруссія вступила со мною въ наступательный союзъ противъ Швеціи и двинула свои войска въ Померанію.» Но Фридрихъ I всю свою жизнь страдалъ войнобоязнію, какъ Фридрихъ II послѣ Семилѣтней войны. При королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ I-мъ дѣло о раздѣлѣ Польши было возобновлено польскимъ королемъ Августомъ II-мъ, который все болѣе и болѣе убѣждался, что гораздо выгоднѣе владѣть самодержавно и наслѣдственно частію Польши, чѣмъ всею страною при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился король въ польской республикѣ. По его новому плану Пруссія получала польскую Пруссію и Вармію, Австрія польскія земли, пограниченныя съ Венгріею и Силезіею, Россія всю Литву; но планъ не удался, Петръ Великій былъ противъ него [108]. Когда

по смерти Августа II-го поднялся вопросъ о томъ, кому быть королемъ польскимъ, сыну ли покойнаго, курфюрсту саксонскому, или Станиславу Лещинскому, и когда Россія и Австрія были согласны въ пользу перваго и была несогласна Пруссія по своему соперничеству съ Саксоніею въ стремленіи усилиться, и именно усилиться на счетъ Польши, то Пруссія съ обѣихъ сторонъ получала предложенія взять за свое содѣйствіе часть польскихъ владѣній [109].

Умираетъ Августъ III, и раздѣлъ Польши снова у всѣхъ на языкѣ. Французское правительство, чувствуя свою слабость, невозможность бороться съ Россіею въ Польшѣ, утѣшаетъ себя надеждою, что раздѣлъ *пока* невозможенъ вслѣдствіе соперничества сосѣдей Польши. «Раздѣлъ, говорилось въ королевскомъ совѣтѣ, долженъ произойти только вслѣдствіе особенныхъ событій. Наконецъ, если даже предположить, противъ всякаго вѣроятія, что эти четыре державы (Австрія, Пруссія, Россія и *Турція*) согласятся раздѣлить Польшу, или, вслѣдствіе какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, одна изъ нихъ овладѣетъ какою-нибудь польскою областью, то еще сомнительно, чтобъ это событіе могло интересовать Францію» [110]. Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ Беранже, въ самомъ концѣ 1763 года увѣдомилъ свой дворъ, что *нѣтъ больше* вопроса о раздѣлѣ Польши, что онъ разговаривалъ съ вице-канцлеромъ и тотъ объявилъ ему, что интересъ Россіи требуетъ поддержанія польскихъ владѣній во всей цѣлости, что со стороны прусскаго короля возможны менѣе безкорыстные виды, но что Россія будетъ имъ противодѣйствовать, какъ только они обнаружатся.—«Нѣтъ *больше* вопроса о раздѣлѣ»: вѣроятно до Беранже дошелъ слухъ о предложеніи графа Чернышева въ конференціи, учтиво отстраненномъ вслѣдствіе неудобоисполнимости [111].

Въ Вѣнѣ по смерти Августа III точно также толковали о раздѣлѣ, но вообще признавали его неудобнымъ для Австріи; подозрѣвали прусскаго короля въ намѣреніи пріобрѣсти часть польскихъ владѣній вмѣстѣ съ Россіею и Австріею, но думали, что для Австріи нѣтъ выгоды перейти естественныя границы—Карпатскія горы; другое дѣло, еслибы Пруссія согласилась уступить Силезію Австріи—въ такомъ случаѣ пусть беретъ что

хочетъ у Польши: но трудно предположить, чтобъ Фридрихъ согласился на уступку Силезіи [112]. Въ Дрезденѣ не умирала мысль Августа II-го, чтобы въ случаѣ соглашенія сильнѣйшихъ сосѣдей на раздѣлъ Польши удержать за саксонскимъ курфюршескимъ домомъ хотя часть ея съ королевскимъ титуломъ и наслѣдственностію. Саксонская курфюрстина Марія Антонія писала императрицѣ Маріи Терезіи: «Вѣрно, что существуетъ договоръ между Россіею и Пруссіею о раздѣлѣ Польши, и не только Англія не будетъ этому противиться, но надѣются склонить къ участію и в. в—ство. Въ такомъ случаѣ чтобъ и намъ уступили кусочекъ, сдѣлавши его наслѣдственнымъ и придавши ему титулъ королевства» [113]. Марія Терезія отозвалась неблагосклонно о раздѣлѣ, совѣтуя курфюрстинѣ добиваться цѣлой Польши.

Избраніе Станислава Понятовскаго на этотъ разъ не прекратило толковъ о раздѣлѣ между многими или объ отчужденіи польскихъ областей въ пользу одного изъ сосѣдей Польши. Франція предлагаетъ Фридриху II-му часть польскихъ владѣній, и французскій посланникъ въ Берлинѣ доноситъ своему правительству, что Фридрихъ и мимо французскаго предложенія занимается планомъ относительно Польши, что подтверждается и признаніемъ самого короля въ его мемуарахъ. Съ другой стороны Кауницъ составляетъ планъ возвращенія Силезіи, за которую Пруссія должна быть вознаграждена—польскими областями! Наконецъ война Россіи съ Турціею заставляетъ Австрію и Пруссію сблизиться и начало этого сближенія выражается въ свиданіи Іосифа II и Фридриха II въ Нейссе. Но это только первое знакомство; надобно его продолжать. Послѣ свиданія въ Нейссе Фридрихъ пишетъ брату, принцу Генриху, что предположено второе свиданіе: свиданія эти необходимы для приготовленія умовъ къ болѣе тѣсному союзу, къ которому современемъ могутъ подать поводъ русскія честолюбивыя намѣренія. Еще прежде Фридрихъ писалъ брату: «Россія, это страшное могущество, отъ котораго черезъ полвѣка будетъ трепетать вся Европа. Происходя отъ этихъ гунновъ и гепидовъ, которые сокрушили Восточную имперію, русскіе могутъ очень скоро напасть на Западъ, и заставятъ австрійцевъ страдать и раскаиваться въ томъ, что, по своей ложной политикѣ, они призвали этотъ варварскій народъ въ Германію и научили его военному искус-

ству. Но ослѣпленіе страстями, эта ядовитая ненависть, питаемая австрійцами къ намъ, отуманили имъ глаза на счетъ послѣдствій ихъ поведенія, и теперь для предохраненія себя отъ этого опаснаго потока, я не вижу другого средства, кромѣ союза между сильными государями».—«Проектъ войти въ соглашеніе съ императоромъ великъ, полезенъ, благодѣтеленъ, отвѣчалъ Генрихъ. Двѣ державы, какъ Пруссія и Австрія, могутъ провести всевозможныя предпріятія, если разъ согласятся относительно взаимнаго возвышенія. Это единеніе будетъ вѣрно и дѣйствительно, если довѣріе утвердится до такой степени, что вы съ императоромъ раздѣлите имперію по примѣру Октавія и Антонія». Фридрихъ сдерживалъ восторги брата, указывалъ что дѣло трудное, требуетъ продолжительнаго времени, а онъ, Фридрихъ, уже смотритъ въ гробъ: «Марія Терезія должна отвыкнуть меня ненавидѣть, къ чему она привыкла въ продолженіи 30 лѣтъ. Сюда надобно присоединить еще другія соображенія: для Австріи къ сближенію съ нами не служитъ ли единственнымъ побужденіемъ союзъ нашъ съ Россіею? Пока онъ существуетъ, она не можетъ ничего предпринять». Но Генрихъ не покидалъ мысли о пользѣ и возможности скораго сближенія между Пруссіею и Австріею: «Нѣтъ державъ, писалъ онъ, которыя бы не подружились при заключеніи договора, имѣющаго цѣлію увеличеніе обѣихъ. Могутъ возразить, что сила Австріи, увеличенная новыми владѣніями, станетъ еще опаснѣе; но можно отвѣчать, что во время союза силы остаются въ равновѣсіи, а въ случаѣ разрыва, зависть остальныхъ державъ обратитъ ихъ противъ сильнѣйшаго и ты найдешь болѣе союзниковъ, чѣмъ Австрія. Если соглашеніе между тобою и императрицею Маріею Терезіею должно состояться, то я бы желалъ, чтобъ это случилось во время войны между русскими и турками и въ то время когда Франція и Англія заняты финансовыми затрудненіями и домашними распрями»[114]. Справедливо видятъ указаніе на раздѣлъ Польши въ выраженіи Генриха: «Нѣтъ державъ, которыя бы не подружились при заключенія договора, имѣющаго цѣлію увеличеніе обѣихъ».

Но еще передъ первымъ свиданіемъ въ Нейссе, Шуазель, извѣщенный объ этомъ свиданіи и опасаясь послѣдствій его для франко-австрійскаго союза, догадываясь, что между Фридрихомъ

и Іосифомъ пойдетъ дѣло о Польшѣ и желая предупредить его своимъ добрымъ желаніемъ или, по крайней мѣрѣ, вывѣдать намѣренія Австріи, началъ говорить австрійскому посланнику при французскомъ дворѣ, Мерси д'Аржантону: «Съ нѣкотораго времени мнѣ пришли въ голову важныя политическія мысли въ отношеніи къ польскому королевству. Онѣ состоятъ преимущественно въ томъ, что быть можетъ для общаго блага было бы выгоднѣе, еслибы австрійскій дворъ воспользовался настоящимъ смутнымъ положеніемъ королевства и овладѣлъ лучшею его частію»[115]. Мы видѣли, что во Франціи считали возможнымъ раздѣлъ Польши между четырьмя сосѣдними государствами — Россіею, Пруссіею, Австріею и Турціею, и послѣдняя не замедлила заявить свою готовность участвовать въ раздѣлѣ вмѣстѣ съ доброю союзницею Австріею. Въ мартѣ 1770 года австрійскій министръ въ Константинополѣ, знаменитый въ послѣдствіи Тугутъ доносилъ своему двору, что Рейсъ-ефенди спрашивалъ его, не соединится ли Австрія съ Портою противъ Россіи, причемъ открылъ ему, что предъ самымъ объявленіемъ настоящей войны Россія вмѣстѣ съ Пруссіею большою суммою денегъ склоняли Порту обратить свое оружіе противъ Австріи. Порта, говорилъ Рейсъ-ефенди, готова принять какія угодно союзныя условія; этимъ союзомъ можно предписать законы всѣмъ державамъ; по изгнаніи русскихъ изъ Польши отъ Австріи будетъ зависѣть — дать ли Польшѣ новаго короля или раздѣлить ее пополамъ между собою и Портою[116].

Австрія готова была дѣлить все со всѣми. Не нужно было проницательности Фридриха II-го, чтобъ подмѣтить въ молодомъ императорѣ Іосифѣ страшное честолюбіе, стремленіе во что бы то ни стало выдвинуться на первый планъ, увеличить свое государство, вознаградить потери, понесенныя въ послѣднія войны. Не будучи ни въ чемъ самостоятеленъ, Іосифъ въ своемъ честолюбіи распалялся примѣромъ Фридриха II-го: удача прусскаго короля, который успѣлъ пріобрѣсти такое важное значеніе, не разбирая средствъ при усиленіи своего государства, эта удача не давала спать Іосифу. Но трудно сказать, кто былъ честолюбивѣе, молодой ли императоръ или старый канцлеръ князь Кауницъ: послѣдній также думалъ объ одномъ, чтобъ Австрія, пользуясь благопріятными обстоятельствами, вознаградила себя

за уступки, которыя принуждена была сдѣлать при заключеніи послѣдняго мира, несмотря на блестящее дѣло канцлера, перемѣну вѣковой политической системы Европы, несмотря на союзъ Австріи съ Франціею. Силезія потеряна; молодыя государства — Россія и Пруссія берутъ явный верхъ, союзъ старыхъ государствъ — Австріи, Франціи, Испаніи едва ли въ состояніи противиться молодымъ. Но не надобно унывать; надобно дождаться благопріятныхъ обстоятельствъ и воспользоваться ими для увеличенія Австріи, для поднятія ея значенія на прежнюю высоту, чтобъ не говорили, что время Кауница было время несчастное, безславное для Австріи, время земельныхъ утратъ, потери незабвенной Силезіи; быть можетъ удастся и Силезію возвратить, не путемъ войны, а посредствомъ дипломатическихъ сдѣлокъ; если же не удастся возвратить Силезію, то можно сдѣлать другія пріобрѣтенія равносильныя. Что выбрать, что взять? Глаза разбѣгаются. Подѣлить Польшу легче всего. Прусской король будетъ непремѣнно въ мутной водѣ рыбу ловить, но всю не выловитъ, подѣлится. А съ другой стороны Турція: послѣдній миръ съ нею былъ постыдный, сдѣланы были Портѣ важныя земельныя уступки; надобно воспользоваться благопріятными обстоятельствами, мутною водою, и возвратить потерянное. Такъ что же, Польша или Турція? выборъ труденъ; лучше всего и то и другое. А тутъ прусскій король нарочно раздражаетъ эту страсть къ чужому добру, выставляя со всѣхъ сторонъ приманки, съ цѣлію увидать, за что Австрія охотнѣе всего схватится. На прощальной аудіенціи австрійскаго посланника Нюгента, Фридрихъ указывалъ на Баварію, которая отлично можетъ округлить Австрію, указывалъ на Лотарингію и Эльзасъ, которыя въ двѣ кампаніи можно отнять у Франціи; указывалъ на очень удобное для Австріи округленіе въ Италіи, и, между прочимъ, посредствомъ венеціанскихъ владѣній: захватъ областей у этихъ одряхлѣвшихъ республикъ подразумѣвался какъ дѣло самое естественное. За доброжелательство надобно было заплатить такимъ же доброжелательствомъ; добрый человѣкъ такъ безкорыстно отдаетъ все Австріи: учтивость требовала и съ австрійской стороны предложить что-нибудь доброму человѣку. Нюгентъ говоритъ Фридриху, что и ему не трудно округлить свои владѣнія, протянувши линію отъ прусскихъ границъ чрезъ Грауденцъ,

Торнъ, Познань до Глогау: «все что найдется между этою линіею и моремъ, будетъ очень пригодно в. в—ству; а если возьмете еще епископство вармійское, то округленіе будетъ полное.» Король не отвѣчалъ ни слова и задумался. Нюгентъ зашелъ слишкомъ далеко; его предложеніе было такъ важно, что не могло быть предметомъ простого разговора.

Два страстные охотника до пріобрѣтеній—кипучій, безпокойный молодой человѣкъ и осторожный, спокойный, педантливый старикъ подлѣ Маріи Терезіи, знаменитой императрицы-королевы, которая взяла въ соправители по наслѣдственнымъ австрійскимъ землямъ сына своего, германскаго императора Іосифа II, и удержала стараго канцлера, князя Кауница; послѣдній какъ олицетворенная опытность, практическая мудрость, долженъ сдерживать кипучаго Іосифа, руководить имъ согласно съ ея видами: вѣдь Кауницъ совершенно согласенъ съ нею! Это была уже не прежняя Марія Терезія, которая заставила венгерцевъ кричать: «умремъ за нашего короля Марію Терезію!» Царствованіе, протекшее въ тяжкой борьбѣ, когда нужно было отбиваться отъ враговъ, нападавшихъ отовсюду, когда нужно было съ страшными усиліями спасать наслѣдіе предковъ отъ безцеремонныхъ хищниковъ, такое царствованіе истомило Марію Терезію. «Я прихожу въ ужасъ при мысли, сколько крови пролито въ мое царствованіе, говорила она: только крайняя необходимость можетъ заставить меня быть виновницею пролитія хотя одной капли еще». Кромѣ того Марія Терезія была религіозная, совѣстливая старушка: заступиться за Турцію и воевать съ Россіею—объ этомъ она слышать не хотѣла, вопервыхъ потому, что это значило бы воевать съ христіанами за невѣрныхъ; вовторыхъ, Россія вела справедливую войну, ибо ея вовсе не хотѣла, турки были зачинщиками. Одинаково Марія Терезія не хотѣла и воевать съ турками и отнимать у нихъ земли, потому что считала себя обязанною Портѣ, которая не трогала Австріи во все время тяжелой борьбы ея съ врагами; тѣмъ менѣе императрица-королева хотѣла дѣлить Польшу, обижать страну нисколько не враждебную, христіанскую, и, главное, католическую. И несмотря однако на все свое отвращеніе къ войнѣ, на религіозность и совѣстливость, Марія Терезія не выдерживала до конца; каждый планъ, противорѣчившій ея взглядамъ и желаніямъ, она встрѣчала съ

отвращеніемъ, съ протестами и воплями, затягивала дѣло своею нерѣшительностію, которою выводила изъ терпѣнія своего пылкаго сына; но наконецъ уступала, не переставая протестовать и жаловаться. Екатерина, не любившая Марію Терезію, писала о ней: «Когда я прочла, что Марія Терезія по кончинѣ мужа ея уѣхала въ монастырь, я заключила, что она постричься намѣрена, однакоже по прошествіи 24 часовъ она опять пріѣхала. Бецкой говоритъ, знать она съ Кауницомъ конферировала; а мнѣ кажется, что у насъ на Москвѣ много есть подобныхъ барынь». Но относительно политической невыдержливости нельзя смотрѣть очень строго на поведеніе Маріи Терезіи: время ея царствованія до окончанія Семилѣтней войны, несмотря на всю свою тяжесть, отличалось простотою задачи: Марія Терезія привыкла считать себя обиженною, ограбленною, жертвою величайшей несправедливости и вся ея дѣятельность имѣла цѣлію возвратить похищенное, охранить отцовское наслѣдство отъ дальнѣйшихъ расхищеній. Борьба кончилась; утомленная ею, Марія Терезія хочетъ спокойно провести остальную жизнь, сохраняя славу честной, безукоризненной дѣятельности. Но тутъ съ одной стороны сынъ-соправитель, съ другой—канцлеръ твердятъ постоянно: нельзя сохранять спокойнаго, страдательнаго положенія; Россія усиливается, Пруссія усиливается; Австрія, если не хочетъ быть ими задавленною, также должна усиливаться, брать, что только попадется подъ руки; дѣло идетъ о цѣлости монархіи, о благѣ подданныхъ: что станется съ ними, если Австрія окажется слабѣе своихъ сосѣдей? И Марія Терезія съ горькими жалобами соглашается на мѣры, которыя считаетъ незаконными, которыя отнимутъ у нея репутацію честности.

Марія Терезія сначала не хотѣла и слышать о свиданіи Іосифа съ заклятымъ врагомъ своимъ, Фридрихомъ II-мъ, но потомъ согласилась; согласилась на первое свиданіе, согласилась и на второе, при которомъ долженъ былъ присутствовать самъ Кауницъ, ибо дѣло шло уже не о первомъ знакомствѣ только, не о размѣнѣ взаимными комплиментами и увѣреніями, что старая вражда забыта и готовы жить въ дружбѣ; теперь Россія одержала блистательныя побѣды надъ турками на сушѣ и на морѣ: надобно было принять общія мѣры, какъ бы остановить эти успѣхи, какъ бы помѣшать, чтобъ миръ не былъ очень выго-

денъ для Россіи, не дать ей рѣшительнаго преобладанія въ восточной Европѣ. Турція, которая въ началѣ года не хотѣла мира, приглашала Австрію выгнать русскихъ изъ Польши и подѣлить послѣднюю, теперь Турція, испуганная Кагуломъ и Чесмою обратилась къ Австріи съ просьбою о посредничествѣ, не отказываясь просить о томъ же и Пруссію. «Въ этомъ случаѣ, писалъ Кауницъ Іосифу, несчастіе послужило къ добру: турки наконецъ захотѣли мира и нашего посредничества. Теперь надобно заставить Россію захотѣть того и другого: въ этомъ-то все и дѣло, тутъ-то и весь трудъ (hoc opus, hic labor). Это не легко въ настоящую минуту энтузіазма; однако я думаю, что это не невозможно, если король прусскій этого искренно захочетъ, а хотѣть этого требуетъ его интересъ» [117].

Въ началѣ сентября (н. с.), въ Нейштадтѣ моравскомъ послѣдовало второе свиданіе Іосифа и Кауница съ Фридрихомъ. «Въ прусскомъ королѣ я не нашелъ ни всего хорошаго, ни всего дурного, что объ немъ мнѣ наговорили, писалъ Кауницъ Маріи Терезіи. Фридрихъ началъ разговоръ со мною съ того, что сильно желаетъ скорѣйшаго заключенія мира между Россіею и Портою; онъ хотѣлъ меня увѣрить, что это гораздо нужнѣе для насъ, чѣмъ для него, ибо при несомнѣнныхъ успѣхахъ своего оружія русскіе перейдутъ Дунай, чего мы позволить не можемъ и такимъ образомъ будемъ вовлечены въ прямую войну съ русскими, которая мало-по-малу можетъ произвести всеобщую войну, а это должно предупредить въ интересѣ человѣчества и въ интересѣ прусскомъ и австрійскомъ. Заключеніе мира, по его мнѣнію, не можетъ представлять большихъ затрудненій, ибо вѣроятно русскіе удовольствуются Азовомъ; относительно же Молдавіи и Валахіи удовольствуются тѣмъ, что тамъ будутъ владѣтели, независимые отъ Порты; турки, по печальному положенію своихъ дѣлъ, конечно не отвергнутъ такихъ умѣренныхъ условій, и надобно стараться чтобъ миръ былъ заключенъ нынѣшнею же зимою. Я, продолжаетъ Кауницъ, услыхавъ такія необдуманныя мысли, отвѣчалъ, что на подобныхъ условіяхъ миръ заключить не легко: турки могутъ выдерживать войну долѣе, чѣмъ Россія, да и перемѣна военнаго счастія не невозможна; кромѣ того русская армія подвержена чумѣ, которая въ короткое время можетъ сдѣлать столько зла русской имперіи, что самые большіе воен-

ные успѣхи будутъ не въ состояніи ее вознаградить; Россія не можетъ имѣть химерическихъ идей разрушить оттоманскую имперію или отнять у нея сколько-нибудь значительныя области, зная, что мы, Австрія и Пруссія, не можемъ этого позволить. Король мнѣ возразилъ, что я ошибаюсь на счетъ средствъ Россіи продолжать войну: сухопутная война стóитъ ей очень дешево: до сихъ поръ она обошлась ей въ 200,000 рублей; морская стóитъ немного дороже, но Россія сдѣлала иностранный заемъ въ 7,000,000 флориновъ; русская императрица со времени вступленія своего на престолъ значительно увеличила свои доходы, средства у ней для войны есть, и потому мы должны употребить всѣ старанія уговорить Порту и Россію къ миру. Я отвѣчалъ, что мы готовы ускорить моментъ заключенія мира; но безъ него всѣ наши усилія останутся тщетны, особенно относительно Россіи».

Во второмъ разговорѣ съ Кауницомъ, Фридрихъ по словамъ австрійскаго канцлера, измѣнилъ предполагаемыя условія мира: «Устроимъ миръ какъ можно скорѣе, сказалъ онъ: русскіе вѣроятно будутъ требовать Азова и Крыма, но я надѣюсь, что они отстанутъ отъ своихъ претензій на Молдавію и Валахію, быть можетъ даже не станутъ требовать, чтобъ эти княжества имѣли владѣтелей, независимыхъ отъ Порты.» Кауницъ повторялъ, что ускореніе мира зависитъ отъ Фридриха, который долженъ употребить все свое вліяніе на русскую императрицу. — «Вы не знаете русской императрицы, отвѣчалъ король: она очень горда, очень честолюбива, очень тщеславна, и по этому ладить съ нею трудно; такъ какъ она женщина, то съ нею нельзя говорить какъ мы говоримъ съ министромъ; съ нею надобно поступать осторожно, чтобъ не раздражить ее. Впрочемъ я послѣдую вашимъ совѣтамъ, только дайте мнѣ оружіе въ руки, чтобъ мнѣ можно было ее напугать. Не можете ль вы написать Румянцеву, что вы надѣетесь, что онъ не станетъ переходить Дунай; или не можете ли вы уговорить Францію объявить вамъ, что если русскіе перейдутъ Дунай и вы за это объявите войну Россіи, то она пришлетъ вамъ на помощь 100,000 войска; вы мнѣ сообщите это извѣстіе и я употреблю его въ дѣло.» Кауницъ писалъ Маріи Терезіи, что онъ изумился, услыхавъ отъ такого умнаго государя такія дѣтскія идеи, и поспѣшилъ отвѣчать, что

оба средства не годятся: первое потому, что нельзя грозить, не рѣшившись заранѣе исполнить угрозу, и что одинъ переходъ русскаго войска черезъ Дунай не можетъ служить достаточной причиною разрыва Австріи съ Россіею; второе потому, что Россія сочтетъ подобное объявленіе Франціи шуткой и не обратитъ на него никакого вниманія.

Напрасно австрійскій канцлеръ поспѣшилъ назвать идеи Фридриха II дѣтскими. Прусскій король достигъ своей цѣли: ему было нужно знать, въ какой степени Австрія, вмѣстѣ съ Франціею, своимъ вмѣшательствомъ въ русско-турецкія отношенія могли препятствовать его собственнымъ планамъ, и Кауницъ проговорился, что Австрія не рѣшилась на войну и конечно не рѣшится, не станетъ грозить, ибо не имѣетъ средствъ привести угрозу въ исполненіе, даже переходъ Румянцева черезъ Дунай не вызоветъ съ ея стороны никакого движенія; что наконецъ связь Австріи съ Франціею, повидимому столь внушительная, въ сущности не представляетъ ничего важнаго. Фридрихъ увидалъ что дѣло въ его рукахъ, что Австрія безъ него не двинется и будетъ служить для него орудіемъ.

Въ Нейштадтѣ было рѣшено, что Фридрихъ передастъ въ Петербургъ желаніе Порты вступить въ мирные переговоры при посредствѣ Австріи и Пруссіи. Кромѣ того были приняты условія дальнѣйшихъ отношеній Пруссіи къ Австріи не въ видѣ договора, но письменно, и эта записка названа политическимъ катехизисомъ; изъ нея для насъ замѣчательны слѣдующія статьи: «Ни одинъ изъ двухъ дворовъ, во всемъ томъ, что не будетъ прямо противно его интересамъ, не воспротивится выгодѣ другого, если дѣло не будетъ чрезвычайной важности. Если же дѣло будетъ идти о пріобрѣтеніяхъ значительныхъ или очень важныхъ, то объ этомъ дружески предупредятъ другъ друга и заблаговременно условятся о взаимной и пропорціональной выгодѣ, на которую одинъ изъ двухъ дворовъ не только согласится, но въ полученіи которой будетъ добросовѣстно содѣйствовать другому, если нужда того потребуетъ» [118]. Эти статьи важны для насъ по отношенію къ захвату австрійцами польскихъ областей, Циписа, Новитарга, Чорстына и богатыхъ соляными копями мѣстностей Велички и Бохни, подъ предлогомъ, что эти земли до 1412 года принадлежали Венгріи, а въ это время были заложены

Польшѣ. Занятіе войсками этихъ земель произошло прежде нейштадтскаго свиданія, но объявленіе со стороны Австріи, что она вспомнила то, о чемъ забыла съ 1412 года и присоединяетъ къ Венгріи принадлежавшія ей когда-то земли, произошло гораздо позднѣе свиданія, именно въ концѣ ноября 1770 года [119]. Мы не станемъ утверждать, что на счетъ этого занятія было соглашеніе въ Нейштадтѣ, что тутъ же была рѣчь вообще о раздѣлѣ Польши: очевидно одно, что «политическій катехизисъ» былъ предложенъ въ объясненіе захвата означенныхъ польскихъ областей, который подходилъ подъ первую часть катехизиса, какъ пріобрѣтеніе не чрезвычайной важности. Когда катехизисъ былъ принятъ Фридрихомъ, то вѣнскій дворъ и объявилъ, что удерживаетъ за собою занятыя земли, какъ прежде принадлежавшія Венгріи. Понятно, что если Австрія первая воспользовалась катехизисомъ, то надобно было ждать, что воспользуется имъ и Фридрихъ. По возвращеніи изъ Нейштадта Іосифъ и Кауницъ одинъ сильнѣе другого внушали Маріи Терезіи, что съ содѣйствіемъ прусскаго короля все пойдетъ хорошо, а безъ него нельзя ничего предпринимать, и Кауницъ прямо представлялъ, что Фридриха за войну противъ Россіи надобно вознаградить Курляндіею и Семигаліею. «Конечно, замѣчалъ Кауницъ, королю гораздо было бы пріятнѣе получить польскую Пруссію и епископство Вармійское, но такія пріобрѣтенія были бы очень значительны и Австрія не могла бы никакъ согласиться на нихъ безъ соотвѣтственнаго увеличенія своихъ владѣній; это увеличеніе должно произойти вслѣдствіе присоединенія земель отъ Польши и отъ Турціи, по соглашенію съ обѣими державами.» — «Планъ раздѣла, отвѣчала Марія Терезія широко задуманъ; но онъ выше моихъ понятій.» Іосифа не останавливали эти замѣчанія матери; послѣ свиданія съ Фридрихомъ политика захвата взяла верхъ въ Вѣнѣ; здѣсь уже не боялись болѣе русскихъ успѣховъ въ войнѣ съ турками. По мнѣнію Іосифа Тугутъ долженъ былъ уговаривать Порту, чтобъ она не заключала слишкомъ невыгоднаго для себя мира съ Россіею, долженъ былъ увѣрить ее, что сохраненіе Турціи и ея благосостояніе Австрія принимаетъ горячо къ сердцу, и окажетъ ей сильную помощь по требованію обстоятельствъ и въ надлежащее время. «Образъ нашихъ дѣйствій опредѣленъ, писалъ Іосифъ брату Леопольду: онъ состоитъ въ томъ,

чтобъ представлять королю прусскому всѣ опасности отъ усиленія Россіи и предложить ему дѣйствовать вмѣстѣ всѣми средствами для воспрепятствованія этому; если онъ не предложитъ ничего, то мы, по крайней мѣрѣ, будемъ препятствовать скорому и постыдному миру, какой можетъ заключить Порта. Другая кампанія ослабитъ обѣ воюющія стороны и можетъ или уменьшить выгоды Россіи или увеличить ихъ въ такой степени, что мы должны будемъ дѣйствовать. Это можетъ произойти двоякимъ образомъ: 1) Если русскіе прорвутся черезъ Дунай и пойдутъ къ Адріанополю, то для насъ наступитъ время двинуть войска па Дунай для отрѣзанія имъ обратнаго перехода, что принудитъ ихъ къ поспѣшному отступленію, во время котораго армія ихъ можетъ быть уничтожена, и турки, спасенные отъ погибели, легче согласятся на вознагражденіе нашихъ издержекъ, т.-е. на уступку части Валахіи, отданной по Бѣлградскому миру и лежащей между Банатомъ, Трансильваніею, Дунаемъ и рѣкою Алтою. 2) Если русскіе будетъ угрожать Константинополю и всей имперіи нападеніемъ со стороны моря, прорвавшись чрезъ Дарданеллы, тогда намъ необходимо будетъ занять ближайшія къ намъ провинціи, прежде чѣмъ займутъ ихъ русскіе. Для этихъ двухъ случаевъ императрица рѣшилась приготовить 50,000 войска и велѣла сдѣлать заемъ въ четыре милліона.» [120].

Фридрихъ II исполнилъ принятое имъ на себя порученіе: 14 сентября (н. с.) онъ написалъ русской императрицѣ письмо съ увѣщаніемъ къ миру и съ предложеніемъ своего посредничества, котораго просила Порта: «Если въ качествѣ добраго и вѣрнаго союзника я могу сообщить вамъ свои мысли, то мнѣ кажется, что въ настоящую минуту миръ необходимъ для избѣжанія всеобщей войны, которую Франція старается воспламенить въ Европѣ; мнѣ извѣстны ея движенія въ Вѣнѣ съ цѣлію ожесточить и возбудить завистъ во всѣхъ сердцахъ. Ваше и. в—ство уничтожите эти пагубныя намѣренія, прекративъ войну, столь славную для вашего оружія, для вашихъ обширныхъ плановъ, для блеска вашего царствованія, и показавши при заключеніи мира знаки умѣренности.» Распространяясь о значеніи умѣренности и милосердія для великихъ земли, Фридрихъ обращалъ вниманіе Екатерины на польскія смуты, на необходимость ихъ окончанія прочнымъ, а не временнымъ только примиреніемъ, а для этого указывалъ

на необходимость диссидентамъ умѣрить свои требованія, о чемъ они сами должны просить императрицу. Онъ выражалъ увѣренность, что австрійцы соединятся съ нимъ и заставятъ конфедератовъ подписать новыя условія [121]. 16 сентября это письмо Фридриха было представлено совѣту, послѣ чего гр. Панинъ предложилъ отвѣчать прускому королю: 1) что прежде начатія какихъ-либо переговоровъ съ турками надобно стараться объ освобожденіи Обрѣзкова, и послѣ освобожденія никакъ не оставлять его въ Константинополѣ, ибо и теперь можетъ случиться то же что въ 1714 году, когда турки русскаго министра въ тюрьму сажали и выпускали смотря по обстоятельствамъ; 2) что относительно посредничества особа прусскаго короля, какъ искренняго нашего союзника, намъ очень пріятна, когда турки сами выбрали его посредникомъ; но при этомъ надобно признаться, что насъ приводятъ въ безпокойство деликатныя отношенія къ англійскому двору, который съ начала войны употребилъ всѣ средства для возстановленія спокойствія и оказывалъ намъ всевозможныя услуги при проходѣ нашихъ эскадръ, почему мы обѣщались признать его посредникомъ въ случаѣ надобности; посредничество вѣнскаго двора приводитъ насъ еще въ большее безпокойство: опасно, чтобъ Франція, по примѣру англичанъ, не вмѣшалась въ посредничество, чего мы отнюдь допустить не намѣрены. На основаніи всего этого просить короля, чтобъ онъ вмѣстѣ съ вѣнскимъ дворомъ уклонился отъ имени посредника; а мы, съ своей стороны, будемъ производить переговоры съ полною откровенностію и принимать всякія представленія берлинскаго и вѣнскаго дворовъ. Если же необходимо надобно будетъ принять медіацію, продолжалъ Панинъ, то надобно будетъ стараться призвать къ ней Англію, а Францію не допустить, и предложилъ свое мнѣніе, на какихъ условіяхъ можетъ быть заключенъ миръ съ турками. Эти условія были: 1) удержать за собою Азовъ и Таганрогъ и требовать свободы для нашихъ купеческихъ судовъ проѣзжать изъ Азовскаго въ Черное море; 2) истребовать генеральную амнистію всѣмъ тѣмъ, которые для своей защиты подняли противъ Порты оружіе; если же между тѣмъ нашъ флотъ овладѣетъ какимъ-нибудь островомъ въ Архипелагѣ, то и его надобно выговорить; 3) татарамъ, если они отторгнутся отъ власти турецкой, оставаться въ независимости; 4) справедливость

требовала бы удержать княжество молдавское и валашское для вознагражденія военныхъ убытковъ, которые простираются до 25 милліоновъ; но такъ какъ ея и. в—ство съ самаго восшествія своего на престолъ своею политическою системою изволила доказать всѣмъ чужестраннымъ дворамъ, что она не ищетъ распространенія своей имперіи пріобрѣтеніемъ земель, то требовать, чтобъ въ вознагражденіе военныхъ убытковъ княжества эти были намъ оставлены на столько лѣтъ, во сколько уплата за военныя издержки быть можетъ выбрана изъ годовыхъ ихъ доходовъ; но императрица пожертвуетъ и этимъ вознагражденіемъ, если Молдавія и Валахія объявлены будутъ независимыми и Дунай будетъ поставленъ турецкою границею [122]. Мнѣніе Панина относительно отвѣта прусскому королю было принято, и въ этомъ смыслѣ было написано письмо императрицы къ Фридриху II [123], гдѣ отклонялось посредничество и принимались съ благодарностію добрыя услуги вѣрнаго союзника; добрыя услуги могли начаться только по полученіи визирскаго отвѣта на предложеніе графа Румянцева. Въ своемъ письмѣ къ Фридриху, по поводу необходимости отклонить французское посредничество, Екатерина называетъ герцога Шуазеля «заклятымъ врагомъ своего государства и своей особы.»

Посредничество было отклонено; но 1 октября пріѣхалъ въ Петербургъ особаго рода посредникъ. Лѣтомъ, когда Фридрихъ сбирался на свиданіе съ императоромъ Іосифомъ, братъ его, принцъ Генрихъ отправился въ Стокгольмъ для свиданія съ сестрою, королевою шведскою. Естественно, что сближеніе Пруссіи съ Австріею, выражавшееся въ повторительномъ свиданіи ихъ государей, не могло производить въ Петербургѣ благопріятнаго впечатлѣнія уже и потому, что такое сближеніе могло въ разныхъ странахъ, особенно враждебныхъ къ Россіи, радовать мыслію о соотвѣтственномъ ослабленіи русско-прусскаго союза. Для противодѣйствія такому мнѣнію Екатеринѣ естественно было желать, чтобъ принцъ Генрихъ изъ Стокгольма заѣхалъ въ Петербургъ, ибо это свиданіе, по значенію принца, по его дружбѣ и вліянію на брата, могло замѣнять свиданіе съ самимъ Фридрихомъ. Свиданіе съ принцемъ Генрихомъ было желательно особенно потому, что онъ возвращался изъ Швеціи, а шведскія дѣла очень безпокоили; отъ родного брата враждебной королевы шведской

можно было узнать то, о чемъ не могли сообщать Остерманъ и Стахіевъ; ему можно было сдѣлать важныя внушенія, могшія имѣть вліяніе на дальнѣйшее поведеніе королевы. Екатерина написала Фридриху письмо, въ которомъ изъявляла желаніе видѣть принца Генриха въ Петербургѣ [124]; Фридрихъ немедленно далъ знать брату, что онъ долженъ согласиться на желаніе русской императрицы; для его пребыванія въ Россіи король ставилъ двѣ цѣли: установить благопріятныя отношенія между императрицею Екатериною и сестрою ихъ, шведскою королевою, и содѣйствовать ускоренію мира.

Чтобъ понять поведеніе принца Генриха въ Петербургѣ и смыслъ переписки съ нимъ Фридриха II, мы должны припомнить основанія политики послѣдняго, какъ она выяснилась до сихъ поръ изъ его поступковъ и словъ. Ему прежде всего нуженъ былъ миръ, который бы остановилъ успѣхи Россіи въ Турціи и усиленіе вліянія въ Польшѣ. Еслибы Россія, напуганная имъ относительно вооруженій Австріи, всеобщей войны, согласилась на миръ съ Турціею съ пріобрѣтеніемъ какихъ-нибудь ничтожныхъ выгодъ, согласилась и на окончаніе польскихъ дѣлъ съ уступкою въ диссидентскомъ вопросѣ, то Фридрихъ могъ и на этомъ успокоиться: онъ освобождался отъ непріятной уплаты субсидій по союзному договору, онъ останавливалъ усиленіе Россіи, давалъ выгодный миръ Турціи, успокоивалъ Австрію, всю Европу; въ Польшѣ отстранялъ русское вліяніе на второй планъ, заставляя Россію уступить въ своихъ требованіяхъ, однимъ словомъ являлся съ главнымъ рѣшающимъ значеніемъ въ дѣлахъ Европы, пріобрѣталъ первенствующее положеніе, тогда какъ до сихъ поръ его раздражала мысль, что на него смотрятъ какъ на сателлита Россіи, покорное орудіе ея государыни. Передъ свиданіемъ съ Іосифомъ, въ іюнѣ Фридрихъ писалъ брату Генриху: «Мое маленькое путешествіе въ Моравію расположитъ къ миру русскую императрицу болѣе, чѣмъ всѣ войска и смотры въ мірѣ. Австрійцы устраиваютъ магазины на венгерскихъ границахъ; сказать правду, я ихъ не считаю значительными, но я преувеличу дѣло въ Петербургѣ до послѣдней крайности и надѣюсь, что миръ будетъ заключенъ будущею зимою, или въ будущемъ году война можетъ стать всеобщею.» Потомъ событія въ Даніи еще болѣе усилили въ немъ надежду на мирное расположеніе русской

императрицы: «Французы изловчились въ Даніи свергнуть Бернсторфа, писалъ онъ тому же принцу Генриху: это событіе навѣрное отторгнетъ Данію отъ русскаго союза, что можетъ быть только выгодно для насъ, ибо мы останемся единственнымъ союзникомъ Россіи и датскія перемѣны должны заставить императрицу желать мира.» Но конечно Россія не согласится заключить мира съ Портою на умѣренныхъ по понятіямъ другихъ державъ условіяхъ, и Фридрихъ рѣшилъ воспользоваться раждавшимися отсюда осложненіями для извѣстныхъ земельныхъ пріобрѣтеній; при этомъ главнымъ для Фридриха условіемъ было, чтобъ эти пріобрѣтенія достались путемъ мирныхъ переговоровъ, чтобъ для нихъ ему не нужно было вовлекаться въ войну; кромѣ того, для Фридриха было чрезвычайно важно не допустить Россію до сближенія съ Австріею по дѣламъ турецкимъ, что повело бы къ возстановленію елисаветинской политики и поставило бы его въ одиночное положеніе.

Мы видѣли, что Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ, признаваясь въ посылкѣ такъ называемаго Линарова проекта въ Петербургъ съ цѣлію испробовать почву, скрылъ при этомъ очень важныя, существенныя обстоятельства. По его словамъ выходитъ, что въ Петербургѣ не обратили на проектъ вниманія вслѣдствіе обаянія военныхъ успѣховъ, тогда какъ Панинъ принялъ проектъ очень серіозно, и немедленно представилъ свой такъ сказать контръпроектъ, приглашая Пруссію и Австрію соединиться съ Россіею для изгнанія турокъ изъ Европы, послѣ чего Австрія получитъ вознагражденіе изъ областей Порты, а Пруссія изъ польскихъ. Но этотъ русскій проектъ не могъ понравиться Фридриху, которому хотѣлось сдѣлать Россію и Австрію соучастницами раздѣла Польши; и принцъ Генрихъ могъ настаивать въ Петербургѣ только на принятіе этого проекта.

Принцъ Генрихъ въ началѣ произвелъ на императрицу и ея дворъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ былъ вовсе не похожъ на брата своего, короля. Сколько послѣдній отличался любезностію, умѣньемъ вести неистощимые разговоры обо всемъ, говорить необыкновенно живо и остроумно: настолько принцъ Генрихъ былъ серіозенъ, молчаливъ, тяжелъ въ обществѣ; насколько Фридрихъ на письмѣ и въ разговорѣ умѣлъ забрасывать, утом-

лять собесѣдника, перебѣгая отъ предмета къ предмету (что такъ не нравилось Кауницу), нападать врасплохъ, вывѣдывать, что ему было нужно, тогда какъ самъ былъ чрезвычайно остороженъ, не позволялъ себѣ высказываться до послѣдняго предѣла, таилъ, прикрывалъ самыя завѣтныя свои желанія, заставляя другихъ людей или обстоятельства вести къ ихъ осуществленію: настолько у Генриха не доставало этой, такъ называемой дипломатической ловкости: онъ или упорно отмалчивался, или говорилъ только о томъ, чего хотѣлъ достигнуть, и говорилъ прямо, безъ обходовъ и былъ для Фридриха драгоцѣннымъ человѣкомъ, когда въ концѣ 1770 года надобно было во что бы то ни стало порѣшить дѣло тѣмъ или другимъ изъ означенныхъ способовъ. Наружность принца Генриха также не могла уменьшать неблагопріятнаго впечатлѣнія, производимаго холодностію его обращенія; въ ней не было ничего, чтобы заставляло предугадывать человѣка знаменитаго талантами и происхожденіемъ. Онъ былъ ниже средняго роста, очень сухъ, что представляло поразительную несоразмѣрность съ необыкновенно густыми и вьющимися волосами, которые были зачесаны въ огромный тупей; у него былъ высокій лобъ и большіе глаза; взглядъ его отличался проницательностію и наблюдательностію; но во всей наружности не было ничего пріятнаго; ходилъ онъ переваливаясь [125]. Подъ первымъ впечатлѣніемъ Екатерина писала Алексѣю Орлову: «Вчерась (2 октября) былъ впервой во дворцѣ прусскій принцъ Генрихъ, и онъ при первомъ свиданіи такъ былъ намъ легокъ на рукѣ, какъ свинцовая птица, а что уменъ, то ужь очень уменъ, и сказываютъ, что какъ приглядится, то онъ будетъ обходителенъ и ласковъ; но первый разъ онъ былъ такъ штейфъ, что онъ мнѣ наипаче надоѣлъ, но притомъ должно ему ту справеливость отдать, что штейфъ одна фигура его, а впрочемъ онъ все то дѣлалъ, что надлежало съ большой ко всѣмъ атенціею, только наружность его такова холодна, что на крещенскіе морозы похожа» [126]. Но придворныхъ заняла преимущественно эта непривлекательная наружность, и особенно доставлялъ имъ большое удовольствіе тупей принца. Начались шутки, остроты; говорили, что Генрихъ похожъ на Самсона, что вся его сила въ волосахъ, что зная это и помня о судьбѣ израильскаго богатыря, принцъ не подпускаетъ къ себѣ никакой Далилы; говорили, что онъ похожъ

на комету, являвшуюся въ прошломъ году и напугавшую сѣверныхъ и восточныхъ государей страхомъ важныхъ перемѣнъ: у нея было небольшое ядро и огромный хвостъ [127].

Комета дѣйствительно предвѣщала важныя перемѣны. Фридрихъ II былъ разсерженъ уклоненіемъ русскаго двора отъ его посредничества въ мирѣ съ Портою: онъ терялъ важное значеніе примирителя и могъ опасаться, что въ переговорахъ одинъ на одинъ Россія можетъ выговорить у Турокъ больше чѣмъ сколько, по его мнѣнію, было нужно пріобрѣсть ей. Получивши письмо Екатерины съ отстраненіемъ посредничества, Фридрихъ писалъ Генриху: «Я рѣшилъ не вмѣшиваться ни въ мирные переговоры съ Турціею, ни въ польскія дѣла, оставаться простымъ зрителемъ событій. Въ Петербургѣ могутъ принимать наше посредничество или нѣтъ; но не надобно позволять, чтобъ они открыто смѣялись надъ нами» [128]. Черезъ пять дней по пріѣздѣ принца Генриха императрица объявила ему, что она желаетъ мира и рада положиться на посредничество короля въ Константинополѣ; но надобно подождать отвѣта визиря на письмо Румянцева и освобожденія Обрѣзкова. Генрихъ замѣтилъ потомъ Панину, что двойные переговоры чрезъ Румянцева и чрезъ Пруссію только повредятъ дѣлу; Панинъ отвѣчалъ, что посредствомъ сношеній Румянцева желаютъ только удостовѣриться, думаетъ ли Порта вообще вступить въ переговоры. Союзники расходились: для Пруссіи было важно овладѣть мирными переговорами, привести къ миру сообразно съ своими интересами; для Россіи было важно знать, въ случаѣ неудачи мирныхъ переговоровъ, въ какой степени она можетъ разсчитывать на своего союзника, короля прусскаго, въ какой степени могли измѣниться его отношенія къ Россіи вслѣдствіе сближенія съ Австріею. Въ половинѣ октября императрица, отведя принца Генриха въ сторону, спросила его: если миръ не состоится, то присовѣтуетъ ли онъ ей переводить армію черезъ Рубиконъ (такъ она называла Дунай)? Принцъ, которому братъ твердилъ въ своихъ письмахъ, что никакъ не должно переходить чрезъ Рубиконъ, принцъ отвѣчалъ, что это въ высшей степени взволнуетъ австрійцевъ; французы станутъ толкать ихъ впередъ и возгорится всеобщая война; хотя прусскій король и не допуститъ, чтобъ предпріятія Россіи были остановлены, однако Пруссія должна будетъ управ-

ляться съ французами.—«Такъ мы должны заключить миръ», сказала Екатерина *смѣясь.*—«Я хочу мира, продолжала она: но султанъ человѣкъ дикій, и французскія подущенія не позволятъ ему быть благоразумнымъ».—«Король, мой братъ, образумитъ его, если в. величество ввѣрите ему свои интересы», сказалъ принцъ.—«Прежде января дѣло не уяснится», отвѣчала императрица.

Принцъ Генрихъ сильно настаивалъ также на составленіи умиротворительнаго плана для Польши и привлеченіи Австріи къ этому дѣлу; но встрѣчалъ большое недовѣріе къ австрійцамъ. Принцъ увѣдомлялъ брата о разногласіи между Орловымъ и Панинымъ: первый хотѣлъ заключенія мира безо всякаго посредничества; Панинъ желалъ вести дѣло сообща съ Пруссіею и Австріею. Но мы уже видѣли, какъ Панинъ при этомъ расходился съ желаніями Фридриха II-го, требуя чтобъ Австрія и Пруссія объявили войну Портѣ, за что Австрія получитъ вознагражденіе въ Турціи, а Пруссія въ Польшѣ. Панинъ, въ разговорѣ съ принцемъ упомянулъ о выгодахъ, которыя вѣнскій дворъ могъ бы получить, еслибъ вступилъ въ войну противъ Порты вмѣстѣ съ Россіею. Принцъ, по его словамъ, отвѣчалъ лаконически. Продолжать разговоръ, прерванный этимъ лаконическимъ отвѣтомъ, явился къ принцу Сальдернъ. Онъ началъ вопросомъ, развѣ Панинъ не говорилъ о выгодахъ, которыя можетъ требовать Австрія.—«Да, говорилъ, отвѣчалъ принцъ, и если хотятъ заниматься *политическими мечтами*, то въ случаѣ невозможности заключенія мира съ турками, можно было бы подумать о томъ, чтобъ заключить тройной союзъ между Пруссіею, Россіею и Австріею, въ которомъ установить взаимныя выгоды трехъ государствъ, а затѣмъ турки скоро были бы принуждены къ миру». Здѣсь выраженіе: «политическія мечты» не должно смущать насъ, ибо и Фридрихъ II-й въ перепискѣ съ Сольмсомъ называлъ линаровскій планъ мечтою. Сальдернъ также не принялъ предложеніе Генриха за мечту, и спросилъ, можетъ ли онъ эти идеи сообщить графу Панину. Принцъ отвѣчалъ, что не желаетъ быть впутаннымъ въ дѣло изъ боязни новыхъ на себя порицаній короля. А въ письмѣ къ королю Генрихъ писалъ: «Ты этимъ разговоромъ нисколько не компрометированъ, и если миръ съ турками въ этомъ году не состоится,

то для меня открывается возможность оказать тебѣ услугу въ предположеніи, что ты можешь уговорить вѣнскій дворъ вступить въ тѣ же самые интересы и содѣйствовать твоимъ интересамъ, какъ я этого желаю»[129]. Фридрихъ отвѣчалъ, что внушеніе Панина и Сальдерна о тройномъ союзѣ противъ Турціи не имѣютъ смысла, потому что турки настойчиво требуютъ мира. Если русскіе воспротивятся миру, то добровольно устремятся въ новую войну, и въ такомъ случаѣ онъ, прусскій король, будетъ имѣть право отказаться отъ платежа субсидій; вѣнскій дворъ никогда не отдѣлится отъ Франціи; Кауницъ сказалъ ему достаточно ясно, что его дворъ будетъ поддерживать равновѣсіе на востокѣ и не допуститъ, чтобъ Россія перешла Дунай и утвердилась въ сосѣдствѣ Австріи. Поэтому въ Петербургѣ должны покинуть всякую надежду привлечь Австрію раздѣломъ турецкихъ завоеваній. «Я, писалъ король, не пожертвую ни за что благомъ и выгодами своей страны завоевательнымъ намѣреніямъ другой державы. И какую тамъ конвенцію хотятъ они заключить со мною? Какую землю они мнѣ обѣщаютъ? Для пріобрѣтенія этой земли я долженъ навязать себѣ на шею всѣ военныя силы Австріи и Франціи, не имѣя ни одного союзника, который бы меня поддержалъ! Это не соотвѣтствуетъ ни нашимъ истощеннымъ въ послѣднюю войну силамъ, ни настоящему положенію Европы. И такъ, чтобъ тамъ не переходили Рубикона и не нужно мнѣ никакой конвенціи. Будемъ стараться заставить ихъ какъ можно скорѣе заключить миръ или пусть ведутъ войну одни съ кѣмъ угодно. Я заключилъ союзъ съ Россіею для своихъ выгодъ, какъ Австрія заключила союзъ съ Франціею, а не для того чтобъ подъ русскими знаменами вести пагубную войну, отъ которой мнѣ ни тепло, ни холодно[130]. Жду извѣстія, хотятъ ли русскіе продолжать войну. Ты имъ напомнишь, что мои обязательства не простираются такъ далеко, я не могу вовлечься въ предпріятіе, гдѣ весь рискъ на моей сторонѣ, ибо я рискую потерять всѣ мои прирейнскія владѣнія»[131]. Письма эти очень любопытны; но, разумѣется, историкъ долженъ пользоваться ими осторожно. Такъ Фридрихъ пишетъ, будто Кауницъ сказалъ ему, что Австрія не допуститъ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, тогда какъ австрійскій канцлеръ прямо сказалъ, что переходъ черезъ Дунай не мо-

жетъ служить достаточною причиною для явнаго разрыва Австріи съ Россіею.

Въ Россіи хотѣли тройного союза противъ Турціи; а въ Пруссіи хотѣли его для раздѣла Польши. Панинъ говорилъ принцу Генриху, что по секрету хочетъ ему открыть, какая эта прекраснѣйшая и счастливѣйшая идея, идея тройного союза между Пруссіею, Россіею и Австріею, другія европейскія державы не осмѣлятся препятствовать мѣропріятіямъ и планамъ такого могущественнаго союза. Принцъ Генрихъ увѣдомлялъ брата, что въ случаѣ неудачи тройного союза въ Петербургѣ думаютъ, какія бы выгоды предоставить Пруссіи, чтобъ она одна приняла участіе въ войнѣ: будутъ согласнѣе на вознагражденіе въ Германіи, чѣмъ въ Польшѣ. Но Фридрихъ по прежнему не хотѣлъ слышать объ участіи Пруссіи въ войнѣ и твердилъ, что Австрія для Франціи никогда не вооружится противъ турокъ, для раздѣла пирога съ Россіею; нечего объ этомъ и думать! «Миръ, миръ какъ можно скорѣе, не предлагая невыносимыхъ и слишкомъ унизительныхъ условій туркамъ. Если начнется всеобщая война, то на меня обрушится вся тяжесть. Предполагая счастливый исходъ, я при заключеніи мира сохраняю свои настоящія владѣнія, но области и армія будутъ разгромлены и государственные доходы пойдутъ въ пользу Россіи, за что мнѣ заплатятъ изящнымъ комплиментомъ и собольей шубой. Боюсь, чтобъ меня не стали доить какъ корову» [132]. Цѣль всѣхъ этихъ настаиваній на мирѣ ясна: только вынудивъ Россію высказаться рѣшительно и точно на счетъ условій мира, Фридрихъ могъ приступить къ дѣлу съ той или другой стороны; только при объявленіи Россіею условій опредѣлились бы и намѣренія Австріи. Проволочка дѣла тяготила Фридриха, онъ спѣшилъ къ развязкѣ, къ развязкѣ мирной безъ «прекраснѣйшихъ и счастливѣйшихъ идей», о которыхъ толковали въ Петербургѣ.

Наконецъ изъ Константинополя пришелъ отвѣтъ на письмо Румянцева къ визирю; отвѣтъ состоялъ въ томъ, что султанъ уже извѣстилъ Австрію и Пруссію о своемъ желаніи мира и ждетъ отъ этихъ державъ первыхъ сообщеній. Тогда императрица, 9 декабря отправила Фридриху письмо, начинавшееся такъ: «Я не полагаю границъ моему довѣрію къ в. в—ству, какъ моему лучшему другу и вѣрнѣйшему союзнику, сообщая въ ве-

личайшемъ секретѣ мой планъ и мои самыя тайныя мысли относительно мира съ Портою. Дѣлая в. в—ство хранителемъ всѣхъ моихъ намѣреній, я нахожусь въ полномъ убѣжденіи, что вы сдѣлаете изъ нихъ лучшее употребленіе, какого я могу ожидать отъ вашей дружбы и отъ вашей скромности, въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ, какія вы сами сочтете удобнѣйшими, для защиты основаній моего справедливаго дѣла, для оправданія правоты моихъ намѣреній, для обнаруженія моего дѣйствительнаго безкорыстія и наконецъ для ускоренія мира; во всемъ этомъ я вполнѣ полагаюсь на мудрость, знаніе и великую проницательность в. в—ства. Я должна здѣсь обратить особенное вниманіе в. в.—ства на то, что возвращеніе моего министра Обрѣзкова должно послѣдовать прежде открытія переговоровъ, даже прежде всякого приступа къ дѣлу. Давши мнѣ это удовлетвореніе, необходимое для моей личной славы и для блага моей страны, если турки захотятъ отправить своихъ уполномоченныхъ въ какую-нибудь мѣстность Молдавіи или Польши, то я отправлю туда своихъ, и буду смотрѣть какъ на добрую услугу со стороны в. в—ства, если вы прикажете вашему министру въ Константинополѣ расположить Порту къ этому. Относительно тѣхъ внушеній, какія в. в—ство сочтете нужнымъ ей сдѣлать, ваше благоразуміе скажетъ вамъ, что мой планъ, въ томъ видѣ, какъ я его вамъ сообщаю, составленъ только для довѣрія и дружбы, и нельзя его сообщать непріятелю. Это было бы слишкомъ рано, и когда время для этого наступитъ, надобно будетъ обработать его въ другой формѣ и въ другихъ выраженіяхъ». Точно также и относительно Австріи полагаясь во всемъ на Фридриха, императрица писала, что по ея мнѣнію нельзя сообщать вѣнскому двору копію съ ея плана, развѣ будетъ твердая увѣренность, что этотъ дворъ обратится къ лучшимъ взглядамъ относительно Россіи и не руководится уже прежнимъ пристрастіемъ. Но императрица замѣчала, что съ другой стороны, слишкомъ большою сдержанностію и холодностію относительно вѣнскаго двора она не желаетъ противодѣйствовать той пользѣ, какая можетъ произойти отъ сближенія съ нимъ для русско-прусскаго союза: «Еслибъ вслѣдствіе такого сближенія можно было отвлечь Австрію отъ настоящей ея нелѣпой системы и заставить войти въ наши виды, то Германіи было бы возвращено ея естественное состояніе,

и австрійскій домъ посредствомъ другой перспективы былъ бы отвлеченъ отъ своихъ видовъ на владѣнія в. в—ства, а виды эти поддерживаются его настоящими связями» [133]. Къ письму были приложены условія мира съ турками: это были извѣстныя уже намъ условія, предложенныя Панинымъ Совѣту въ засѣданіи 16 сентября, съ прибавкою одного условія, что обѣ Кабарды отходятъ къ Россіи.

Эти условія, по словамъ Фридриха, произвели на него самое непріятное впечатлѣніе, отнявши всякую надежду на миръ: «У меня волосы стали дыбомъ, когда я получилъ русскія мирныя предложенія, писалъ онъ брату Генриху въ Петербургъ. Никогда не рѣшусь я предложить ихъ ни туркамъ, ни австрійцамъ, ибо по истинѣ ихъ принять нельзя. Условіе о Валахіи никоимъ образомъ не можетъ приладиться къ австрійской системѣ: вопервыхъ, Австрія никогда не покинетъ французскаго союза; вовторыхъ, она никогда не потерпитъ русскихъ въ своемъ сосѣдствѣ. Вы можете смотрѣть на эти условія какъ на объявленіе войны. Надъ нами смѣются. Я не могу компрометировать себя въ угоду Россіи; я имъ сдѣлаю нѣсколько замѣчаній на счетъ послѣдствій ихъ предложеній, и если они ихъ не измѣнятъ, то я ихъ попрошу поручить дѣло какому-нибудь другому государству, а я выхожу изъ игры, ибо вы можете разсчитывать, что австрійцы объявятъ имъ войну; это слишкомъ, это невыносимо для всѣхъ европейскихъ государствъ. Государства управляются своими собственными интересами; можно дѣлать угодное союзникамъ, но всему есть границы. Этого проекта я не сообщу ни въ Вѣну, ни въ Константинополь, ибо это все равно, что послать объявленіе войны. И такъ, если не умѣрятъ проекта во многомъ, то я отказываюсь отъ всякого посредничества и предоставляю этихъ господъ собственной судьбѣ; вамъ больше ничего не остается какъ удалиться приличнымъ образомъ, ибо нечего больше дѣлать, нечего даже больше надѣяться отъ этихъ людей» [134].

Предположимъ, что мирныя условія могли показаться Фридриху очень тяжелыми, но все же не было причины приходить отъ этого одного въ такое раздраженіе и волосамъ становиться дыбомъ. Вопервыхъ, зачѣмъ было повторять, что онъ не можетъ сообщить условій ни въ Вѣну, ни въ Константинополь, когда сама Екатерина просила его именно не сообщать ихъ ни ав-

стрійцамъ, ни туркамъ, дѣлала изъ нихъ еще тайну, которую открывала ему одному, слѣдовательно это вовсе не былъ ультиматумъ. Вовторыхъ, Фридрихъ гораздо прежде зналъ объ этихъ мирныхъ условіяхъ и волосы не становились у него дыбомъ на головѣ; мы видѣли, что онъ говорилъ объ этихъ условіяхъ Кауницу въ Нейштадтѣ, говорилъ, что по всѣмъ вѣроятностямъ русскіе будутъ настаивать на удержаніи Азова и Крыма, но онъ надѣется, что они отстанутъ отъ своихъ претензій на счетъ Молдавіи и Валахіи, *быть можетъ даже* отъ требованія независимости отъ Порты для тамошнихъ владѣтелей. Мало того, въ письмѣ къ принцу Генриху отъ 1-го октября (н. с.) Фридрихъ пишетъ: «Императрица впрочемъ умѣренна въ своихъ требованіяхъ, такъ что все заставляетъ меня надѣяться окончанія этой несчастной войны». Въ письмѣ отъ 8 октября пишетъ: «Императрица сообщила мнѣ условія, на которыхъ она разсчитываетъ заключить миръ; я ихъ нахожу столько умѣренными, что не сомнѣваюсь въ ихъ принятіи». Наконецъ въ письмѣ отъ 12-го ноября Фридрихъ пишетъ: «Умѣренность, съ какою эта государыня постановляетъ мирныя условія съ турками, вѣнчаетъ картину столькихъ ея великихъ дѣлъ и прибавляетъ въ нее послѣдній блескъ, ибо прекрасно прощать врагамъ своимъ и еще прекраснѣе не утѣснять ихъ, когда ихъ можно сокрушить.» Что условія, сообщенныя въ сентябрѣ въ главныхъ пунктахъ были тѣ же, какія были сообщены и въ декабрѣ, доказываютъ разговоры Фридриха съ Кауницемъ, гдѣ онъ выставляетъ Азовъ, Крымъ и дунайскія княжества, причемъ послѣднія или остаются за Россіею на извѣстный срокъ или объявляются независимыми и любопытно, что Фридрихъ не говоритъ Кауницу о независимости татаръ, а прямо о присоединеніи Крыма къ Россіи, слѣдовательно первоначальныя требованія были обширнѣе послѣдующихъ, а Фридрихъ называлъ ихъ умѣренными. Наконецъ намъ извѣстны разговоры, происходившіе въ концѣ года между Фридрихомъ и новымъ австрійскимъ посланникомъ при его дворѣ Фанъ-Свитеномъ. *Король*: Надобно заключить миръ, повѣрьте мнѣ, надобно заключить миръ! *Фанъ-Свитенъ*: Мы не желаемъ ничего болѣе, какъ видѣть заключеніе мира, но на условіяхъ сносныхъ. *Король*: Что вы называете условіями сносными? *Фанъ-Свитенъ*: Такія, которыя не будутъ содѣйствовать усиленію Россіи, настоящему

или будущему и не ослабятъ Турцію въ такой степени, что ея существованіе сдѣлается ненадежнымъ. Тутъ посланникъ замѣтилъ, что присоединеніе Крыма къ Россіи, по своимъ послѣдствіямъ не можетъ принадлежать къ числу сносныхъ условій. *Король*: Ахъ, да, Крымъ! я объ немъ и забылъ; они (русскіе) хотятъ, чтобъ онъ получилъ независимость: это можно имъ уступить. *Фанъ-Свитенъ*: Эта независимость Крыма пустое слово; рано или поздно страна эта, населенная народомъ воинственнымъ и обладающая гаванями на Черномъ морѣ сдѣлается рускою провинціею и усилитъ могущество Россіи въ очень значительной степени. *Король*: Да нѣтъ: дѣло идетъ только о буджакскихъ татарахъ, у которыхъ столица Бакчисарай. *Фанъ-Свитенъ*: Этотъ городъ, государь, есть столица Крыма; буджакскіе татары, сколько мнѣ извѣстно, живутъ между Бендерами и Дунаемъ. *Король*: Пожалуй такъ, признаюсь, что я не очень хорошо знакомъ съ этою страною; я лучше знаю другія страны Европы; но во всякомъ случаѣ можно сдѣлать такъ, какъ князь Кауницъ говорилъ мнѣ въ Нейштадтѣ: позволить установить независимость татаръ, какіе бы они ни были, а потомъ посредствомъ интригъ побудить ихъ снова подчиниться Портѣ. *Фанъ-Свитенъ*: Это средство не вѣрно и несоотвѣтствуетъ вовсе явной опасности, когда будетъ позволено русскимъ утвердиться въ Крыму и на Черномъ морѣ: благодаря средствамъ, которыя доставитъ имъ это положеніе для распространенія торговли и построенія флота, они увидятъ возможность дѣлать самыя смѣлыя предпріятія. *Король*: Торговля—это средство медленное; повѣрьте мнѣ, у нихъ есть лучшія. Русская императрица значительно улучшила свое государство. Она поставила образцомъ себѣ Петра I-го, она слѣдуетъ планамъ этого государя; меня увѣряли, что проектъ морской экспедиціи въ Левантъ найденъ между его бумагами.

Этотъ разговоръ происходилъ до полученія письма Екатерины и условій мира съ турками. Послѣ ихъ полученія Фридрихъ отозвался Фанъ-Свитену объ условіяхъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ писалъ принцу Генриху, называлъ ихъ чрезмѣрными, невыносимыми, на которыя Австрія можетъ отвѣчать только объявленіемъ войны; но не открылъ этихъ страшныхъ условій, и Фанъ-Свитенъ никакъ не могъ догадаться, что въ этихъ

условіяхъ не было ничего новаго для его двора, кромѣ развѣ архипелажскаго острова [135].

Итакъ въ раздраженіи Фридриха мы имѣемъ право видѣть раздраженіе притворное, съ цѣлію напугать русскій дворъ и заставить его принять скорѣе другія мѣры для улаженія дѣла, болѣе согласныя съ интересами прусскаго короля, напугать точно также и австрійцевъ могуществомъ Россіи, ея непомѣрными требованіями, не говоря ни слова согласна ли Пруссія дѣйствовать заодно съ Австріею для сокращенія этихъ требованій, все опять съ тою же цѣлію, чтобъ Іосифъ и Кауницъ скорѣе склонили Марію Терезію войти въ соглашеніе относительно Польши. Если допустить въ прусскомъ королѣ истинное раздраженіе, то причины его должно искать не въ мирныхъ условіяхъ. Фридриха могло сильно раздражить то мѣсто въ письмѣ Екатерины, гдѣ она говорила объ открытіи для Австріи другихъ видовъ, которые бы заставили ее забыть о Силезіи. Опять это невыносимое для Фридриха стремленіе Россіи сблизиться съ Австріею, открывши ей виды на турецкія владѣнія; а Пруссія выиграетъ отъ этого только то, что Австрія позабудетъ о Силезіи; даже о вознагражденіи Пруссіи на счетъ Польши ни слова! Кромѣ того принцъ Генрихъ увѣдомилъ брата о своемъ разговорѣ съ Панинымъ относительно мирныхъ условій. Когда принцъ сказалъ, что Австрія сочтетъ вредною для своихъ интересовъ уступку Россіи дунайскихъ княжествъ, то Панинъ отвѣчалъ: «Тогда эти земли можно сдѣлать независимыми».—«Но кому въ такомъ случаѣ онѣ будутъ принадлежать?» спросилъ опять принцъ.—«Это для императрицы все равно, отвѣчалъ Панинъ: лишь бы не туркамъ». — «Но если Австрія ихъ потребуетъ себѣ?» спросилъ Генрихъ. — «Почему же нѣтъ, отвѣчалъ Панинъ, если Австрія станетъ поступать прямо и захочетъ быть другомъ съ нами и съ вами». Потомъ Генрихъ писалъ брату: «Еслибы вѣнскій дворъ не такъ крѣпко держался Франціи, то былъ бы въ состояніи выгодно обдѣлать свои дѣла. Генералъ Бибиковъ, другъ Панина и въ милости у императрицы, говорилъ мнѣ о выгодахъ, какія вѣнскій кабинетъ можетъ получить при заключеніи мира, и прибавилъ, что тогда было бы справедливо, чтобъ и Пруссія также получила выгоду. Въ Вѣнѣ имѣютъ неправильное понятіе о здѣшнемъ образѣ мыслей. Здѣсь согласились бы на все, лишь бы

только вознагражденія были на счетъ Турціи, здѣсь были бы довольны меньшею частію добычи» [136].

Но къ счастію для Фридриха Австрія уже сдѣлала шагъ, который долженъ былъ повести къ развязкѣ, согласной съ интересами Пруссіи, захвативъ польскія земли и распоряжаясь ими какъ своими. Но прежде чѣмъ разсказывать, какія слѣдствія это извѣстіе имѣло въ Петербургѣ, посмотримъ, какое впечатлѣніе произвело оно въ Польшѣ. Уже въ іюнѣ носились здѣсь крѣпкіе слухи о раздѣлѣ, который приписывали самому польскому королю. Французскій резидентъ въ Данцигѣ, Жераръ писалъ своему двору: «Меня увѣряютъ, что Станиславъ Августъ предлагаетъ берлинскому двору польскую Пруссію, а вѣнскому Краковскій палатинатъ съ условіемъ, чтобъ оба эти двора не только поддерживали его на престолѣ, но и обезпечили ему наслѣдственность; какъ на основаніе извѣстія указываютъ на письмо курфюрстины саксонской.» Въ ноябрѣ, когда узнали, что австрійцы захватили польскія староства, тотъ же Жераръ писалъ: «Изъ занятія австрійцами извѣстныхъ польскихъ земель заключаютъ, что раздѣлъ есть дѣло рѣшенное. Нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ занятыхъ округовъ находятся въ Данцигѣ, и я утѣшаю ихъ, говоря что, положимъ, будетъ раздѣлъ, и онъ будетъ на основаніи какихъ-нибудь подлинныхъ и признанныхъ правъ, и въ такомъ случаѣ австрійское правительство не ограбитъ настоящихъ владѣльцевъ.» Наконецъ въ декабрѣ Жераръ писалъ: «Два прусскихъ полка вошли въ Великую Польшу и расположились вдоль по Вартѣ; трудно, чтобъ Поляки не смотрѣли на это, какъ на предвѣстіе раздѣла республики» [137]. Такъ была укоренена вездѣ мысль о раздѣлѣ, такъ ждали его съ часа на часъ и были увѣрены, что между обоими дворами было на этотъ счетъ соглашеніе. Въ Петербургѣ, въ самомъ концѣ декабря, у императрицы вечеръ, принцъ Генрихъ тутъ. Екатерина шутя (en badinant) говоритъ ему, что австрійцы овладѣли въ Польшѣ двумя староствами и водрузили на ихъ границахъ императорскіе орлы. Она прибавила: «Но почему же и всѣ не будутъ брать такимъ образомъ?» Генрихъ отвѣчалъ, что король его братъ хотя и оцѣпилъ войсками польскія границы, однако не занялъ староствъ. Императрица продолжала смѣяться и сказала: «Но отъ чего же и не занять?» Насъ не можетъ не остановить этотъ смѣхъ Екатерины; мы видѣли,

что на застращиваніе австрійцами и всеобщею войною, она отвѣчала также со смѣхомъ: «И такъ мы должны заключить миръ.» Этимъ смѣхомъ она заявляла, что очень хорошо понимаетъ, къ чему ведетъ дѣло ея вѣрный союзникъ, понимаетъ, что австрійцы одни нисколько не опасны и, до свиданія Іосифа и Кауница съ Фридрихомъ, никогда не посмѣли бы распорядиться въ польскихъ владѣніяхъ такъ, какъ распорядились теперь. Послѣ разговора съ императрицею подошелъ къ принцу Генриху графъ Захаръ Чернышевъ и сталъ говорить о томъ же предметѣ: «Зачѣмъ, сказалъ онъ, вы не займете епископства вармійскаго; надобно чтобъ каждый получилъ что-нибудь.» Эти слова Чернышева не могутъ насъ удивить: онъ понималъ, что благодаря австрійскому движенію проектъ его, положенный подъ сукно, можетъ быть оттуда вынутъ. Увѣдомивши объ этихъ рѣчахъ брата, Генрихъ писалъ: «Хотя все это говорилось въ шутку, однако видно, что разговоры эти имѣютъ значеніе, и я не сомнѣваюсь, что для тебя открывается большая возможность воспользоваться этимъ случаемъ. Графъ Панинъ недоволенъ поступками австрійцевъ, овладѣвшихъ польскими землями. Онъ мнѣ ни слова не сказалъ объ епископствѣ вармійскомъ. Все это происходитъ отъ раздѣленія мнѣній между членами совѣта; тѣ изъ нихъ, которые желаютъ увеличенія русскихъ владѣній, хотятъ, чтобъ всѣ взяли, а вмѣстѣ со всѣми и Россія, тогда какъ графъ Панинъ стоитъ за спокойствіе и миръ. Однако я постараюсь еще уяснить это дѣло, и остаюсь при томъ мнѣніи, что ты не рискуешь ничѣмъ, если овладѣешь подъ какимъ-нибудь предлогомъ, вармійскимъ епископствомъ, въ случаѣ если дѣйствительно справедливо, что австрійцы овладѣли двумя староствами» [138].

Такимъ образомъ въ концѣ 1770 года польскій вопросъ опять выдвигается съ важнымъ рѣшающимъ значеніемъ. Но что же въ этомъ году дѣлалось въ Польшѣ?

Конфедерацкая война продолжалась съ прежнимъ характеромъ. Суворовъ, который въ этой войнѣ началъ выдаваться впередъ, сперва въ чинѣ бригадира, а съ 1770 года въ чинѣ генералъ-майора,—Суворовъ былъ истомленъ этою войною и жаждалъ перевода въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ, онъ писалъ: «Здоровьемъ поослабъ; хлопотъ пропасть, почти непреодолѣваемыхъ; трудности, въ ихъ будущемъ, умножаются; во всѣ сто-

роны наблюденіе дистанціи почти безмѣрной; неуспѣваемый перелетъ съ одного мѣста на другое; неожидаемое, въ необходимой нуждѣ, подкрѣпленіе; слабость силъ; горы, Висла, Варшава. Коликая бы то мнѣ была милость, еслибы дали отдохнуть хотя на одинъ мѣсяцъ, то-есть выпустили бы въ поле. Съ Божьею помощью, на свою бы руку я охулки не положилъ» [139]. Но и конфедераты, представляя нестройныя шайки, по недостатку единства въ своихъ дѣйствіяхъ, по отсутствію даровитыхъ вождей, по долговременной отвычкѣ народа отъ войны, не могли воспользоваться малочисленностію русскихъ. Они ждали помощи извнѣ, отъ католическихъ державъ, отъ Австріи, особенно отъ Франціи. Австрія на словахъ была очень любезна, а на дѣлѣ позволила только конфедераціи имѣть главную квартиру въ венгерскомъ городѣ Эперіешѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ императоръ Іосифъ, во время путешествія по Венгріи, принялъ конфедерацкихъ вождей, говорилъ съ ними очень ласково, обѣщалъ для нихъ свои добрыя услуги у русскаго и прусскаго дворовъ, но прибавилъ: «Вотъ до чего довели васъ обѣщанія и внушенія Франціи, вотъ плоды вашего довѣрія къ ней!» Незадолго передъ тѣмъ Людовикъ XV писалъ относительно Польши: «Помощь людьми невозможна. Помогать деньгами очень трудно, и употребленіе ихъ нѣсколько сомнительно» [140]. Несмотря на то, Шуазель нашелъ возможнымъ помочь конфедератамъ деньгами, а для установленія между ними порядка и единства въ дѣйствіи отправилъ знаменитаго въ послѣдствіи Дюмурье, тогда еще бывшаго только капитаномъ. Впечатлѣніе, произведенное на Дюмурье конфедератами, описано имъ самимъ въ своихъ запискахъ. [141]. Нравы вождей конфедераціи показались ему азіатскими. Изумительная роскошь, безумныя издержки, длинные обѣды, игра и пляска — вотъ ихъ занятіе! Они думали, что Дюмурье привезъ имъ сокровища, и пришли въ отчаяніе, когда онъ имъ объявилъ, что пріѣхалъ безъ денегъ и что, судя по ихъ образу жизни, они ни въ чемъ не нуждаются. Войско конфедератовъ простиралось отъ 16 до 17000 человѣкъ; но войско это было подъ начальствомъ осьми или десяти независимыхъ вождей, несогласныхъ между собою: они подозрѣвали другъ друга, иногда дрались между собою и переманивали другъ у друга солдатъ. Все это была одна кавалерія, состоявшая изъ шляхтичей, равныхъ между собою, безъ дисцип-

лины, дурно вооруженныхъ, на худыхъ лошадяхъ; шляхта эта не могла сопротивляться не только линейнымъ русскимъ войскамъ, но даже и козакамъ. Ни одной крѣпости, ни одной пушки, ни одного пѣхотинца. Конфедераты грабили своихъ поляковъ, тиранили знатныхъ землевладѣльцевъ, били крестьянъ, набранныхъ въ войско. Вмѣсто того, чтобъ поручить управленіе соляными копями двоимъ членамъ совѣта финансовъ, вожди раздѣлили по себѣ соль и продали дешевою цѣною силезскимъ жидамъ, чтобъ поскорѣе взять себѣ деньги. *Товарищи* (шляхта) не соглашались стоять на часахъ; они посылали для этого крестьянъ, а сами играли и пили въ домахъ; офицеры въ это время играли и плясали въ сосѣднихъ замкахъ.

Что касается характера отдѣльныхъ вождей, то генеральный маршалъ Пацъ, по отзыву Дюмурье, былъ человѣкъ преданный удовольствіямъ, очень любезный и очень вѣтреный, у него было больше честолюбія, чѣмъ способностей, больше смѣлости, чѣмъ мужества. Онъ былъ краснорѣчивъ—качество распространенное между поляками благодаря сеймамъ. Единственный человѣкъ съ головою былъ литвинъ Богушъ, генеральный секретарь конфедераціи, деспотически управлявшій дѣлами ея. Князь Радзивилъ—совершенное животное; но это самый знатный господинъ въ Польшѣ. Пулавскій очень храбръ, очень предпріимчивъ, но любитъ независимость, вѣтренъ, не умѣетъ ни на чемъ остановиться, невѣжда въ военномъ дѣлѣ, гордый своими небольшими успѣхами, которые поляки, по своей склонности къ преувеличеніямъ, ставятъ выше подвиговъ Собѣскаго. Поляки храбры, великодушны, учтивы, общительны. Они страстно любятъ свободу; они охотно жертвуютъ этой страсти имуществомъ и жизнію; но ихъ соціальная система, ихъ конституція противятся ихъ усиліямъ. Польская конституція есть чистая аристократія, но въ которой у благородныхъ нѣтъ народа для управленія, потому что нельзя назвать народомъ 8 или 10 милліоновъ рабовъ, которыхъ продаютъ, покупаютъ, мѣняютъ, какъ домашнихъ животныхъ. Польское соціальное тѣло—это чудовище, составленное изъ головъ и желудковъ безъ рукъ и ногъ. Польское управленіе похоже на управленіе сахарныхъ плантацій, которыя не могутъ быть независимы. Умственныя способности, таланты, энергія въ Польшѣ отъ мужчины перешли къ женщинамъ. Женщины ведутъ дѣла,

а мужчины наслаждаются чувственною жизнію.—Дюмурье говоритъ въ своихъ запискахъ и о русскихъ: «Это превосходные солдаты, по его словамъ, но у нихъ мало хорошихъ офицеровъ, исключая вождей. Лучшихъ не послали противъ поляковъ, которыхъ презираютъ.»

Шуазелю трудно было имѣть какой-нибудь точно опредѣленный планъ относительно Польши; онъ имѣлъ въ виду одно — всѣми средствами вредить Россіи, и потому поддерживалъ конфедератовъ въ ихъ борьбѣ съ русскимъ войскомъ; готовъ былъ поддерживать и короля Станислава въ его судорожныхъ попыткахъ сопротивленія Россіи. Такъ Шуазель увѣрялъ эммиссара польскаго короля во Франціи, графа Хрептовича, что Людовикъ XV, довольный твердымъ поведеніемъ Станислава, будетъ помогать конфедератамъ только съ условіемъ, чтобъ они соединились для поддержанія его, Станислава, на престолѣ. Ободренный этимъ Станиславъ поднялъ тонъ относительно Россіи.

Въ письмѣ своемъ отъ 21 февраля онъ изложилъ императрицѣ Екатеринѣ свои желанія: «Я желаю, чтобы Польша была умиротворена скоро и прочно; но это не можетъ произойти, если нація не будетъ довольна, а нація не будетъ довольна, если она не дѣйствуетъ сама собою, цѣлымъ корпусомъ и законнымъ образомъ. Для этого нуженъ сеймъ, которому должны предшествовать сеймики. Сеймики не могутъ состояться, если большинство націи не будетъ благопріятно расположено къ дѣлу. Это расположеніе можетъ явиться только вслѣдствіе надежды получить то, чего нація желаетъ болѣе всего. Она можетъ основать свои надежды только на прямомъ заявленіи вашего величества. Нельзя повторять націи словъ вашего посла; наученная опытомъ она на нихъ не полагается и не желаетъ довѣряться никому, кромѣ особы вашего величества. Чтобъ я или кто другой могъ успѣть относительно предполагаемой конфедераціи, надобно имѣть возможность сказать приглашаемымъ принять въ ней участіе: вотъ куда именно я васъ веду; вотъ основанія моей увѣренности въ этомъ, и вотъ чѣмъ вы можете быть удовольствованы. Я бы не сталъ торопить ваше величество, еслибъ крайность нашихъ бѣдствій не заставляла меня умолять ваше сострađаніе: голодъ грозитъ насъ покончить. Треть нашихъ полей, въ областяхъ самыхъ плодородныхъ, не засѣяна, потому что весь

хлѣбъ захваченъ; рабочій скотъ или съѣденъ войсками, или погибъ при постоянной перевозкѣ магазиновъ. Я уже не говорю объ уменьшеніи числа жителей, изъ которыхъ одни погибли отъ оружія, другіе, избѣгая бѣдствій, покинули отечество. Быть можетъ вамъ говорятъ, что все это должно ускорить покорность поляковъ; что принудить ихъ отложить свое упорство—значитъ сдѣлать имъ добро. Я долженъ увѣдомить ваше и. величество объ общемъ расположеніи умовъ здѣсь: оно таково, что скорѣе согласятся терпѣть и погибать, чѣмъ связать себя какимъ бы то ни было образомъ прежде чѣмъ ваше величество удостоите возвѣстить прямо отъ себя, какъ вамъ угодно снизойти на желанія поляковъ. Ваше величество припомните, когда столько знатныхъ людей, посредствомъ друзей своихъ, дѣйствовали въ пользу конфедераціи 1767 года во всѣхъ областяхъ, сколько однако надобно было войска, чтобъ заставлять жителей подписываться и сколько все же не подписалось по незнанію цѣлей конфедераціи. Сколько же понадобиться теперь войска для дѣла, для котораго не найдется нигдѣ ни вождей, ни охотниковъ національныхъ, не говоря уже о величайшихъ насиліяхъ, которыя конечно не въ видахъ вашего величества; если сила заставитъ поляковъ принять участіе въ этой конфедераціи, то они получатъ только новыя основанія для будущаго протеста, ссылаясь на то, что все сдѣлано противъ ихъ воли. Я другъ вашего величества, всю мою жизнь я буду славиться этимъ титуломъ: но законъ искренности обязываетъ меня сказать вамъ, что независимо отъ всѣхъ другихъ условій нація всегда будетъ смотрѣть на миръ какъ на дѣло насильственное, если онъ будетъ ей данъ безъ содѣйствія державъ католическихъ; она будетъ постоянно надѣяться получить большее съ ихъ помощію какъ только ваши войска удалятся изъ страны. На мнѣ первомъ нація отомститъ за принужденія, которымъ она подвергалась. Въ этомъ увѣряютъ меня со всѣхъ сторонъ и это-то даетъ мнѣ новое право просить васъ самымъ настойчивымъ образомъ согласиться на вмѣшательство католическихъ державъ въ дѣло нашего умиренія».

«Изъ вашего письма, отвѣчала Екатерина, я съ сожалѣніемъ увидала, что вы все еще продолжаете довѣряться людямъ коварнымъ и скрывающимъ честолюбивые замыслы. Я не могу себѣ вообразить, чтобъ ваше величество сами собою нашли возмож-

нымъ и благодѣтельнымъ посредничество католическихъ державъ въ настоящихъ дѣлахъ Польши. Что до меня, то я такъ тверда въ моихъ принципахъ и такъ предусмотрительна относительно послѣдствій, что никогда не поддамся внушенію, гдѣ хитрость и злоба обнаруживаются такъ ясно. Привыкши говорить откровенно и вамъ говорить правду, я прошу ваше величество обратиться исключительно къ вашему собственному разсудку. Какія державы призовутся къ посредничеству и кто ихъ призоветъ? Я такъ расхожусь въ видахъ съ этими людьми, что не можетъ произойти никакого согласія между ихъ средствами и моими. Я хочу умиренія Польши, удержанія націи при ея правахъ и спокойствія короля на престолѣ, и я хочу всего этого безо всякаго личнаго интереса и не руководясь интересомъ какой бы то ни было религіи. Я не мѣняюсь по обстоятельствамъ, не хватаюсь за благопріятныя событія, чтобъ поднять мои требованія. У меня нѣтъ никакихъ претензій, мои первыя слова суть священныя обязательства. Въ заботы свои объ умиреніи, котораго никто не можетъ желать болѣе меня, я внесу такое же усердіе и безкорыстіе, и я покраснѣла бы отъ стыда еслибъ эти стремленія мои имѣли надобность въ иностранной помощи. Но чего хотятъ тѣ, которые имѣютъ такую нужду въ ней и которые такъ сильно убѣдили въ этой нуждѣ ваше величество? Усилить настоящую смуту столкновеніемъ интересовъ, котораго отечество ихъ должно быть ареною и посредствомъ окончательной смуты уничтожить все сдѣланное до сихъ поръ. Только въ безпорядкахъ и крайностяхъ, которыя должны быть ихъ слѣдствіемъ, они могутъ найти благопріятное время для исполненія своихъ плановъ произвольнаго владычества».

Волконскому отправленъ былъ рескриптъ: «Упорство и легкомысліе короля польскаго ставятъ успѣху дѣлъ нашихъ немалыя препятствія. Онъ, какъ видно, забывъ благодѣянія наши и собственную безопасность, не только вовсе ослабѣваетъ въ преданности своей къ интересамъ россійскимъ, но даже явно противъ нихъ дѣйствуетъ, по руководству коварныхъ своихъ дядей, которые его употребляютъ простымъ орудіемъ для собственнаго властолюбія, внушивъ ему мечту о возвращеніи народной любви и довѣрія и о большей свободѣ быть впредь полезнымъ своему отечеству. Но и то съ другой стороны неоспо-

римая же истина, что такая ухватка стариковъ Чарторыйскихъ приводить короля съ нами въ разногласіе, и съ мятежниками польскими въ нѣкоторое видимое согласіе, не можетъ ни для него, ни для нихъ самихъ произвести никакого полезнаго дѣйствія, кромѣ того, что погрузить обѣ стороны въ большее еще недоумѣніе. Думаемъ, что временнымъ и неестественнымъ сближеніемъ разнообразныхъ мыслей исполняется мѣра, и дѣла мало-по-малу склоняются къ тому кризису, гдѣ имъ конечный переломъ послѣдовать имѣетъ. Возможно ли себѣ представить, чтобъ виды короля польскаго, дядей его, саксонскаго двора, польскихъ возмутителей, которые всѣ этому двору преданы, и враждебной намъ Франціи, всѣ порознь направленные каждый къ своей цѣли, могли теперь вдругъ сосредоточиться въ особѣ короля послѣднимъ троимъ равно ненавистнаго? Сколько бы король, по лукавымъ совѣтамъ дядей своихъ, ни старался о примиреніи съ мятущеюся частію народа, это примиреніе никогда достигнуто быть не можетъ, и потому, въ ожиданіи перелома въ дѣлахъ, который изъ этихъ тщетныхъ стараній скорѣе долженъ произойти, и надобно намъ соблюдать въ разсужденіи короля нѣкоторую умѣренность, чтобъ не отнимать у него всей надежды на будущее время, а въ разсужденіи возмутителей дѣйствовать всѣми силами, и бить ихъ гдѣ только удобность представится, не давая имъ нигдѣ утвердиться и составить нѣчто цѣлое и казистое, корпусъ республики представляющее, чтобъ они, по наущенію Франціи и Саксоніи, не могли объявить престолъ вакантнымъ. Низверженіе нынѣ царствующаго короля, какъ ни мало надеженъ онъ для имперіи нашей по своему характеру, не можетъ однако никоимъ образомъ согласоваться ни со славою, ни съ интересами нашими, потому что допущеніемъ этого низверженія въ пользу ли курфюрста саксонскаго или другого кого подверглись бы мы предъ свѣтомъ ложному мнѣнію, что либо сѣверная наша система сама по себѣ несостоятельна, или же что вліяніе наше въ Польшѣ противъ французскаго устоять не могло по недостатку естественныхъ силъ Россіи, слѣдовательно и по невозможности удѣлить изъ нихъ во время войны съ турками столько силъ, чтобъ они первое одною Россіею воздвигнутое политическое зданіе могли охранять отъ паденія. Но положимъ, что мы сами, по неблагодарности короля польскаго, рѣшились

лишить его короны: кого же бы избрать такого, чтобъ націи вообще былъ угоденъ, и интересамъ нашимъ не противенъ, и могъ помочь намъ въ примиреніи Польши? Курфюрста саксонскаго исключаетъ наша сѣверная система, а всякій другой пястъ соединялъ бы въ себѣ всѣ тѣ же, а, можетъ быть и большія неудобства, какія мы съ нынѣшнимъ королемъ встрѣтили.» «Панинъ прибавилъ отъ себя: «По моему мнѣнію, мы ничего не потеряемъ, оставляя еще на нѣкоторое время польскія дѣла ихъ собственному безпутному теченію, которое, истощаясь само собою, приблизится къ пункту того перелома, которымъ в. с—ство съ лучшимъ успѣхомъ воспользоваться можете».

Между тѣмъ въ началѣ января пріѣзжали къ кн. Волконскому одинъ за другимъ пріятели—графъ Гуровскій, кухмистръ Понинскій, кастелянъ мазовецкій-Шидловскій и Гольцъ и всѣ разсказывали одно, что Станиславъ Августъ получилъ письмо изъ Франціи отъ самого ли короля или только отъ находившихся тамъ поляковъ Макрановскаго и Ржевускаго; содержаніе письма состоитъ въ томъ, что Франція одобряетъ поведеніе польскаго короля, сенатскій совѣтъ считаетъ его геройскимъ дѣломъ: будучи въ рукахъ Россіи, онъ такъ отважно поступилъ противъ нея; въ письмѣ же находилось и обѣщаніе помощи. Король, по полученіи этого письма сталъ очень веселъ и публично говорилъ, что почитаетъ этотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни. Волконскій поѣхалъ къ королю и прямо спросилъ его, правда ли, что онъ получилъ такія письма. Король отвѣчалъ сухо, что не получалъ. Волконскій замѣтилъ, что если такія письма есть, то они заключаютъ въ себѣ обманъ потому что принцъ Карлъ саксонскій полагается на французскій дворъ. Король и на это отвѣчалъ сухо: «Я знаю, чего принцъ Карлъ тамъ ищетъ», и началъ разговаривать о постороннихъ дѣлахъ, спрашивалъ, что дѣлается съ камнемъ, который долженъ служить подножіемъ для статуи Петра Великаго.» Волконскій писалъ Панину, что король дѣйствительно очень веселъ и, какъ видно, совершенно предался Франціи. Станиславъ Августъ сохранялъ вполнѣ извѣстную черту польскаго характера, необыкновенную впечатлительность, заставляющую быстро перемѣнять поведеніе, возвышать и понижать тонъ, смотря по обстоятельствамъ. Жалуясь епископу Куявскому на Волконскаго, что тотъ

не хочетъ сноситься съ его министерствомъ, король сказалъ: «Волконскій поступаетъ точно такъ же какъ и Репнинъ, съ тою только разницей, что Репнинъ обманывалъ меня нагло, а Волконскій обманываетъ подъ рукою скрытно.» Но въ чемъ состоялъ обманъ, этого король не объяснилъ. Волконскій говорилъ, что Россія возвела Понятовскаго на престолъ: это была правда, а не обманъ; Волконскій говорилъ, что Россія хочетъ поддержать его на престолѣ—и это была правда; король вѣрилъ этому, и какъ этимъ пользовался! Станиславъ Августъ забылъ, что Репнинымъ и Волконскимъ нѣтъ нужды обманывать Понятовскихъ; Понятовскихъ обманываютъ Млодзѣевскіе: великій канцлеръ коронный Млодзѣевскій взялъ у Волконскаго 1000 червонныхъ и разсказывалъ ему, что происходитъ у короля на тайныхъ конференціяхъ.

Въ маѣ Волконскій услыхалъ, что король разослалъ письма сенаторамъ по поводу сейма, который должно было созвать въ этомъ году. Волконскій отправился къ королю и выразилъ ему свое удивленіе, что дѣлаются приготовленія къ сейму, котораго, кажется, ни начать безъ согласія, ни привести къ концу безъ русскаго содѣйствія нельзя: «Не думалъ я, прибавилъ Волконскій, что совѣтники в. в—ства и тутъ принудятъ васъ отъ насъ скрываться.»—«Я это сдѣлалъ, отвѣчалъ король, не по принужденію отъ совѣтниковъ, но чтобъ узнать мнѣніе сенаторовъ по поводу сейма; всякій хозяинъ воленъ въ своемъ домѣ, хотя и случается, что у него солдаты стоятъ постоемъ; дѣлать все съ вашего согласія значитъ быть у васъ въ подданствѣ.»—«Подданства тутъ нѣтъ никакого, сказалъ Волконскій:—намѣреніе ея и. в—ства состоитъ въ томъ, чтобъ удержать васъ на тронѣ и успокоить Польшу, для этого и войска ея здѣсь находятся; слѣдовательно и о мѣрахъ, служащихъ къ достиженію этой цѣли, намъ должно условливаться; если солдаты стоятъ на квартирѣ для безопасности хозяина, то благоразуміе требуетъ отъ него предупреждать ихъ о своихъ распоряженіяхъ въ домѣ, чтобъ не произошло какого вреда по незнанію солдатъ, и такія сношенія хозяина съ солдатами нисколько не показываютъ его подданической зависимости отъ нихъ.»—«Я долженъ съ вами сноситься, сказалъ король, а вы со мной не сноситесь, когда распоряжаетесь движеніями своихъ войскъ!»—«Очень естественно, отвѣчалъ Волконскій, потому что в. в—ство повѣряете все своимъ совѣт-

никамъ, а изъ нихъ нѣкоторые сносятся съ мятежниками.» (Волконскій разумѣлъ здѣсь Любомирскаго, который переписывался съ конфедератами.)—«Для чего же, спросилъ король, вы не укажете этихъ мятежничьихъ сообщниковъ?» — «Если ихъ указать, отвѣчалъ Волконскій, то надобно и наказать, для чего впрочемъ время еще не ушло.»

Лѣто кн. Волконскій провелъ на водахъ въ Карлсбадѣ, а возвратившись въ сентябрѣ, онъ долженъ былъ привести въ исполненіе мѣру противъ канцлера литовскаго, кн. Чарторыйскаго, маршала короннаго кн. Любомирскаго, вице-канцлера короннаго Борха и литовскаго Пржездецкаго: войска должны были брать изъ ихъ деревень провіантъ и фуражъ безденежно; управителямъ деревень запрещено доставлять господамъ какіе-либо доходы; оружіе, военные припасы и господскія лошади были забраны. Прошелъ слухъ, что Пулавскій, Заремба и другіе начальники конфедератовъ намѣрены соединенными силами сдѣлать покушеніе на Варшаву. Волконскій воспользовался этимъ, чтобъ поговорить съ королемъ и спросилъ его: какія онъ приметъ предосторожности въ случаѣ такого нападенія? Отвѣтъ былъ, по выраженію Волконскаго, ничего не значущій и нерѣшительный, послѣ чего зашла рѣчь о польскихъ безпокойствахъ. «Этихъ безпокойствъ усмирить нельзя, сказалъ король, если вы всего сдѣланнаго на послѣднемъ сеймѣ не уничтожите; отступите ли вы отъ диссидентовъ и отъ гарантіи?» — «Это одинъ разъ навсегда изъ головы выложить надобно и никогда не льститься такою химерическою мыслію», отвѣчалъ Волконскій.—»А безъ того вы никогда Польши не успокоите», возразилъ король.—«Не правда, сказалъ Волконскій: успокоимъ, если вы съ своими совѣтниками портить не станете.» Король запѣлъ старую пѣсню: «Совѣтники мои люди добродѣтельные, разумные, патріоты» и проч. Волконскій писалъ Панину, что Чарторыйскіе внушаютъ своимъ пріятелямъ, что они никогда еще въ такой милости у русскаго двора не были, и что все разглашаемое и дѣлаемое противъ нихъ посломъ, есть одна маска.

Въ концѣ сентября преданные Россіи люди съѣхались у примаса, чтобъ посовѣтоваться, какъ бы спасти Польшу. Король, узнавъ объ этомъ совѣщаніи, съ сердцемъ спрашивалъ у калишскаго воеводы, который участвовалъ въ собраніи, что̀ они за совѣты держатъ, ибо онъ слышалъ, что между ними первымъ условіемъ постано-

влено свержeніе его съ престола. Воевода отвѣчалъ, что неправда; что они, видя отечество гибнущимъ и короля въ опасности, намѣрены искать способовъ, какъ бы, подъ покровительствомъ Россіи, успокоить Польшу и короля утвердить на престолѣ. На это Станиславъ Августъ съ презрѣніемъ сказалъ: «Для своей безопасности я самъ уже принялъ мѣры; думали бы вы о себѣ.» Съ тѣмъ же вопросомъ король обратился къ другому вельможѣ, участвовавшему въ собраніи у примаса, графу Флеммингу; тотъ далъ ему отвѣтъ въ другой формѣ: «Видя ваше нерадѣніе объ отечествѣ и заблужденіе, въ какое введены вы своими совѣтниками, мы вознамѣрились искать средствъ спасти Польшу съ помощію Россіи.»

Волконскій со своими пріятелями совѣщался о томъ, какъ бы устроить генеральную конфедерацію для окончанія польскихъ смутъ; но въ то время, какъ русскій посолъ хлопоталъ о средствахъ успокоенія Польши, прусскій посланникъ Бенуа старался ему внушать, что полезнѣе было бы оставить Польшу въ теперешнемъ ея положеніи до будущей турецкой кампаніи или до мира, если онъ прежде будетъ заключенъ. А тутъ еще смутили Волконскаго письма отъ Панина. Послѣдній извѣщалъ, что имѣлъ разговоръ о Польшѣ съ принцемъ Генрихомъ прусскимъ. Принцъ, на основаніи письма отъ брата, объявилъ Панину, что при успокоеніи Польши можетъ много принести пользы содѣйствіе вѣнскаго двора, который, будучи католическимъ, не можетъ быть подозрителенъ суевѣрнымъ полякамъ, причемъ король прусскій, при настоящихъ отношеніяхъ своихъ къ этому двору, и особенно къ самому императору, надѣется склонить его ко всякой справедливости и ея имп. величеству угодной податливости, а потому въ союзнической довѣренности требуетъ изъясненія, согласится ли государыня императрица допустить вѣнскій дворъ до непосредственнаго, однако единодушнаго съ нею соучастія въ скорѣйшемъ и надежнѣйшемъ окончаніи польскихъ дѣлъ? Принцъ Генрихъ препроводилъ этотъ отзывъ изъ собственнаго своего побужденія вопросомъ: не противно ли будетъ ея величеству, чтобъ вѣнскій дворъ, когда приметъ участіе въ примирительныхъ переговорахъ, и они обоими императорскими дворами при пособіи прусскаго къ желаемому концу приведены будутъ, принялъ на себя въ то же время и гарантію договора вмѣстѣ съ Россіею,

дабы тѣмъ и Польшу, и публику всю на будущее время совершенно успокоить? Въ слѣдъ за тѣмъ другое письмо отъ Панина, въ которомъ говорилось, что императрица не одобряетъ примиренія способомъ генеральной конфедераціи. Въ запискѣ Екатерины къ Панину по этому поводу читаемъ слѣдующее: «Читавъ ваше письмо о польскомъ примиреніи къ кн. Волконскому, слѣдующія во мнѣ родились разсужденія: 1) несомнѣнная правда, что новая реконфедерація или дѣла приведетъ въ наивящшую конфузію, или ихъ поправитъ; но въ томъ и въ другомъ случаѣ она намъ не дешево станетъ. Я бы денегъ не жалѣла, еслибъ завѣрно можно было полагать, что изъ того добро выйдетъ. 2) Если деньгами утушатъ теперешній огонь, не можно ли отторгнуть ими отъ теперешней конфедераціи главные boute-feux (зажигатели); или 3) объявя, что для сбереженія рода человѣческаго я имъ приказала объявить, что я за ними не велю гнаться, если разойдутся по домамъ и будутъ жить спокойно, и что цѣлый годъ имъ амнистія дастся только съ тѣмъ, чтобъ нигдѣ кучи не было, и чтобъ прислали между тѣмъ трактовать объ пацификаціи съ посломъ. Къ симъ переговорамъ можно легче всего употребить Мнишека или кого иного изъ сильнѣйшихъ и чрезъ него трактовать. Нельзя, чтобъ всѣмъ не надоѣли моръ, голодъ, разоренье и разбой, и опять нельзя же, чтобъ не было способовъ къ примиренію. Не такъ иногда чертъ страшенъ, какъ кажется. Если же неминуемая конфедерація, то чаю объ ней согласиться надобно съ королемъ прусскимъ.»

Въ то же время въ Варшавѣ было получено извѣстіе съ венгерской границы, что рекомендовано отъ тамошнихъ австрійскихъ командировъ польскимъ обывателямъ тотчасъ давать знать кордону австрійскихъ войскъ, протянутому по причинѣ моровой язвы въ Польшѣ, если свѣдаютъ о приближеніи русскихъ войскъ или конфедератовъ за двѣ мили отъ этого кордона. Еще любопытнѣе было извѣстіе, что для занятыхъ въ кордонѣ польскихъ земель учрежденъ австрійскимъ правительствомъ коммиссаръ, который называетъ себя Commissarius provinciae reintegratae (коммиссаръ возвращенной провинціи). Подъ тѣмъ же предлогомъ моровой язвы прусскій король протянулъ кордонъ по рѣкѣ Нетцѣ. Станиславъ Августъ былъ очень встревоженъ этимъ распоряженіемъ, подозрѣвая, что прусаки останутся навсегда въ занятой

ими мѣстности. Несмотря однако на всѣ эти страхи, несмотря на то, что конфедераты провозгласили, что онъ свергнутъ съ престола и объявили междуцарствіе, король не думалъ перемѣнять своего поведенія относительно Россіи. Волконскій счелъ нужнымъ поговорить еще съ нимъ, и чтобъ придать больше силы своимъ представленіямъ и умножить страхъ въ королѣ, пригласилъ и Бенуа ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Посолъ началъ разговоръ вопросомъ, будетъ ли король содѣйствовать русскому и прусскому дворамъ относительно умиренія Польши. *Король:* Мнѣ надобно знать напередъ, на какихъ условіяхъ начнется это успокоеніе. *Волконскій:* Эти условія: 1) удержаніе основныхъ законовъ; 2) гарантія, которую и король прусскій также дастъ; не противно будетъ Россіи, если вѣнскій дворъ захочетъ то же сдѣлать по окончаніи всего; 3) если диссиденты, вслѣдствіе переговоровъ своихъ съ республикою, добровольно захотятъ уступить что-нибудь изъ своихъ преимуществъ, то Россія препятствовать имъ въ этомъ не будетъ. *Король:* Этого не достаточно; надобно мнѣ прежде войти въ бо́льшія подробности. *Волконскій:* Странно, что когда дѣло идетъ объ удержаніи и утвержденіи вашего величества на престолѣ и объ успокоеніи цѣлаго государства, хотите еще предписывать какія-нибудь условія; нужно одно, чтобъ предъ началомъ дѣла вы удалили своихъ совѣтниковъ. *Король:* Стыдно бы мнѣ было отнять свою довѣренность у такихъ людей, на которыхъ во всемъ полагаться я имѣю многія причины. *Волконскій:* Если ваше величество отъ нихъ не отстанете, то мы безъ васъ и одни начнемъ, а вы можете присоединиться послѣ. *Король* (съ жаромъ): Въ какомъ утѣсненіи и несчастіи я ни нахожусь, но лучше самъ пропаду, чѣмъ позволю себѣ предписывать, кого я долженъ имѣть въ довѣренности. *Волконскій:* Эти люди виновники всѣхъ вашихъ несчастій; они втянули васъ въ поступки, несогласные съ дружбою къ ея импер. величеству, ихъ промысломъ и послѣдній сенатскій совѣтъ сдѣланъ. *Король:* Что жь было дурного въ сенатскомъ совѣтѣ, когда мы хотѣли просить императрицу объ отмѣнѣ сдѣланнаго насиліемъ чрезъ Репнина? *Волконскій:* Никакого насилія не было, да и можно ли было ему быть, когда все дѣлалось торжественно съ такимъ множествомъ людей, и отправлено было къ императрицѣ посольство съ торжественною просьбою. *Король:* Это посольство было отпра-

влено безъ моей воли; а между тѣмъ нація меня ненавидитъ, думая, что я во всемъ, и особенно въ захватѣ Солтыка съ товарищами, былъ согласенъ съ Репнинымъ. *Волконскій:* Безъ нашего согласія и королемъ бы вы не были. Когда кн. Репнинъ находился здѣсь, то жалобъ на него не было, а стали говорить послѣ его отъѣзда. Послѣ этого можно говорить о всякихъ договорахъ, если не полюбятся, что заключены по принужденію. Совѣтники вашего величества это говорятъ теперь потому, что сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ имъ не полюбилось, но если они вскорѣ не перемѣнятъ своего поведенія, то съ ними поступлено будетъ еще строже, чѣмъ съ Солтыкомъ. *Король* (съ сердцемъ): А тамъ очередь и до меня дойдетъ! *Волконскій:* Напрасно ваше величество себя съ ними смѣшиваете; дружба всемилостивѣйшей государыни довольно вамъ доказана, ибо она возвела васъ на престолъ и удерживаетъ на немъ, а еслибъ отняла свою руку помощи, то уже давно бы произошли изъ этого дурныя для васъ послѣдствія, какъ то доказываютъ послѣдніе универсалы о междуцарствіи. *Бенуа:* Чарторыйскіе хорошо бы сдѣлали, еслибъ сложили чины и удалились отсюда: этимъ оказали бы они и вашему величеству услугу и отечеству принесли бы пользу. *Король:* Еслибъ они и захотѣли это сдѣлать, то на ихъ мѣста другихъ безъ сейма опредѣлить нельзя. Я не знаю, въ чемъ ихъ обвиняютъ. *Волконскій:* Вину ихъ доказываютъ всѣ ихъ противъ насъ поступки. *Король* (съ жаромъ, по-нѣмецки): Если хотѣли отомстить, то уже отомстили. *Волконскій:* Это не мщеніе, а наказаніе. *Король* (съ запальчивостію): Какъ чужихъ подданныхъ можно наказывать? *Волконскій* (вставши со стула): Никогда я не думалъ, чтобъ ваше величество такое слово могли выговорить; донесу обо всемъ своему двору. *Король* (также вставши): Я никакъ министровъ своихъ оставить не могу. *Волконскій:* Они не ваши министры, а республики. Сказавши это, онъ откланялся королю; то же сдѣлалъ и Бенуа. На другой день вечеромъ къ Волконскому пріѣхалъ графъ Флеммингъ отъ короля съ объявленіемъ, что онъ, король, къ русской конфедераціи пристанетъ, когда она состоится, а совѣтниковъ своихъ отъ себя не удалитъ. — «Обо всемъ напишу ко двору», велѣлъ отвѣчать Волконскій.

Такъ какъ императрица не соглашалась на реконфедерацію, то Волконскій началъ стараться объ усиленіи своей партіи, которую онъ назвалъ *патріотическою.* Онъ объявилъ членамъ этой партіи главные пункты, на которыхъ должно послѣдовать успокоеніе Польши. Когда Волконскій показалъ эти пункты Бенуа, тотъ объявилъ, что желалъ бы сдѣлать въ нихъ нѣкоторую перемѣну. Перемѣна состояла въ томъ, что онъ вычеркнулъ мѣсто, гдѣ говорилось, что Россія и Пруссія гарантируютъ владѣнія польской республики. «Мы, сказалъ Бенуа, такой гарантіи на себя не возьмемъ, ибо тогда по малѣйшему поводу намъ надобно было бы начинать войну за Польшу».—«Сей поступокъ г. Бенуа показался мнѣ довольно важнымъ, писалъ Волконскій Панину. Мнѣ неизвѣстны секреты кабинетовъ; но я осмѣлюсь представить мое сомнѣніе, которое происходитъ только отъ наружности, и другаго основанія не имѣетъ, какъ выше писанный поступокъ и кордонъ прусскій по рѣкѣ Нетцъ протянутый, а теперь вновь и чрезъ Жмудь до Курляндіи продолженный, — что нѣтъ ли у его прусскаго величества намѣренія, пользуясь обстоятельствами, и совсѣмъ къ рукамъ прибрать сію захваченную часть Польши.» А Бенуа еще въ мартѣ мѣсяцѣ доносилъ своему государю: «Волконскій того мнѣнія, чтобъ вывести русскія войска изъ Польши и предоставить поляковъ самимъ себѣ, а если они нарушатъ Оливскій миръ, т.-е. запретятъ диссидентамъ свободное отправленіе ихъ религіи, то Россія и Пруссія должны отобрать у нихъ ближайшія провинціи и позволить австрійцамъ сдѣлать то же. Извѣщая Фридриха II-го объ австрійскомъ захватѣ польскихъ земель, Бенуа доносилъ, что Волконскій настоятельно совѣтуетъ послѣдовать примѣру вѣнскаго двора [142].

Надъ Турціею торжествовали блестящія побѣды; пораженіе Турціи было вмѣстѣ и пораженіе Франціи; а между тѣмъ въ сосѣдней державѣ, которой границы были такъ близки къ Петербургу, утверждалось правиломъ, что самыя естественныя ея союзницы суть Франція и Турція. Въ Швеціи Франція брала перевѣсъ, а по недавнему опыту было извѣстно, къ чему ведетъ такой перевѣсъ въ сосѣднихъ съ Россіею странахъ.

Отъ 20 января Остерманъ далъ знать своему двору, что наканунѣ *заботливый* сеймъ кончился съ довольною *конфузіею*;

противъ прежняго сейма число недовольныхъ если не утроилось, то, по крайней мѣрѣ, удвоилось. Остерманъ хвалился, что самые вредные замыслы противной партіи не удались. Первое покушеніе этой партіи состояло въ томъ, чтобъ ея приверженцамъ, бывшимъ во французской службѣ и впредь въ нее поступающимъ, выхлопотать повышеніе чина противъ офицеровъ, остающихся въ Швеціи, что дало бы французскому двору свободное поле для умноженія своихъ креатуръ, и господство въ офицерскомъ производствѣ: но это не удалось. Потомъ старались отсрочить будущій сеймъ на шесть лѣтъ и постановить, что сеймъ не долженъ быть созванъ прежде этого срока даже и въ случаѣ непріятельскаго нападенія: «Мы, писалъ Остерманъ, употребили всѣ силы, чтобъ и это не прошло, ибо въ противномъ случаѣ враждебная партія подъ пустымъ предлогомъ опасности съ нашей стороны могла привести въ движеніе цѣлую армію. Не меньше чувствительна ей была неудача предложенія отправить въ Финляндію войска для крѣпостныхъ работъ, ибо этою неудачею пресѣклись ея замыслы произвести на нашихъ границахъ движенія, хвастаться въ Константинополѣ, получить выгоды отъ Франціи, заставить нашъ дворъ требовать объясненія и превратить это объясненіе въ угрозы. Злоба графа Ферзена дошла до того, что онъ сказалъ двоимъ благонамѣреннымъ: «Ваше требованіе, чтобъ не посылать войскъ въ Финляндію, есть требованіе русское»; тѣ отвѣчали: «а ваше упорство въ поддержкѣ предложенія есть французское: государство, по милости Франціи, уже дважды было вплетено въ войну, и потому не можетъ терпѣть, чтобъ это случилось и въ третій разъ». Благонамѣреннымъ удалось удержать одного изъ своихъ прежнихъ депутатовъ въ банкѣ: этимъ выиграно по крайней мѣрѣ то, что можно знать, какъ тамъ будутъ идти дѣла. Однимъ словомъ, въ теченіи этого мѣсяца сила нашихъ соперниковъ была очень ослаблена и они принуждены были во многомъ уступить, чему доказательствомъ служитъ назначеніе пенсіи всѣмъ отрѣшеннымъ сенаторамъ и недопущеніе дальнѣйшаго гоненія благонамѣренныхъ. Наша партія совершенно бы разрушилась, еслибъ я не успѣлъ послѣ праздниковъ возвратить сюда благонамѣренныхъ и содержать ихъ занявши денегъ у банкира, въ ежедневномъ ожиданіи обѣщанныхъ мнѣ 50,000 рублей. Выведите меня изъ наисильнѣй-

шаго безпокойства высылкою этой обѣщанной суммы. Я бы не отчаялся исполнить и другого вашего предписанія ввести благонамѣренныхъ сенаторовъ опять въ сенатъ, еслибъ не было недостатка въ деньгахъ и могъ я отважиться на продленіе сейма: но отъ англійскаго двора требуемые 18,000 фунтовъ вовсе не были присланы, и отъ датскаго не было ничего получено. Также если дворъ выхлопоталъ уплату своихъ долговъ, то и это произошло отъ невозможности продлить сеймъ, не имѣя денегъ, тогда какъ со стороны короля и королевы розданы были знатные подарки; не говорю уже о содѣйствіи кронъ-принца, который унизился до того, что пригласилъ къ своему партикулярному столу бургомистра Шанца и призвалъ къ себѣ оратора крестьянскаго чина, котораго уговаривалъ болѣе двухъ часовъ».

Остерманъ былъ выведенъ изъ наисильнѣйшаго безпокойства: 50,000 рублей были ему посланы. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сообщилъ своему двору програму или завѣщаніе секретной коммиссіи, какъ должно было поступать до будущаго сейма. Прежде всего предписывалось сохраненіе мира, почему запрещалось вступать съ другими державами въ оборонительные союзы, равно какъ приступать къ сѣверной системѣ, ибо это приступленіе не только не сходно съ шведскимъ интересомъ, но и странно, несообразительно. Естественно дружественными Швеціи державами обозначены Франція и Турція, потомъ Испанія и Австрія. Тѣснѣйшее соединеніе съ Англіею должно быть отклонено, потому что эта держава самая завистливая относительно шведской торговли и промышленности. Русскій дворъ самый опасный для Швеціи сосѣдъ и потому тѣснѣйшее соединеніе съ нимъ неестественно и невозможно; но должно отстранять все, чтобы могло повести къ нарушенію доброго согласія. Императрица написала на этомъ донесеніи Остермана: «Чтобъ въ своемъ тестаментѣ государственные чины не говорили, однако всякій шведъ, любящій свою вольность признать долженъ, что Россія есть твердѣйшая подпора ихъ вольности, что графу Остерману надлежитъ предписать твердить почаще шведамъ, привязаннымъ къ вольности своей».

Въ февралѣ прусскій посланникъ при шведскомъ дворѣ Кокцей объявилъ Остерману именемъ своего государя, что братъ королевскій принцъ Генрихъ намѣренъ лѣтомъ посѣтить сестру свою королеву шведскую, и что Фридрихъ II-й дастъ ему наставленіе

склонить королеву «на лучшія противъ настоящихъ мысли». А между тѣмъ Синклеръ съ сообщниками твердилъ, что пока королю не дана будетъ полная власть, до тѣхъ поръ никакого порядка въ дѣлахъ не будетъ, и этимъ господамъ тѣмъ легче было дѣйствовать, что большая часть градоначальниковъ принадлежала къ ихъ партіи. Англійскій посланникъ объявилъ Остерману, что по окончаніи сейма уже два раза получилъ отъ своего министерства увѣдомленіе о французскомъ замыслѣ произвести внезапный переворотъ въ шведской конституціи, и что дѣло будетъ окончательно улажено, когда наслѣдный шведскій принцъ пріѣдетъ во Францію, чего герцогъ Шуазёль съ нетерпѣніемъ требуетъ. Злонамѣренные уже составили въ глубочайшей тайнѣ планъ новой формы правленія и старались приклонить къ своимъ видамъ и благонамѣренныхъ. Тѣ волновались, но Остерманъ писалъ Панину зловѣщія слова: «Вашему сіятельству самимъ, по бытности вашей здѣсь, обыкновенная робость благонамѣренныхъ извѣстна». Въ концѣ концовъ для ихъ поддержки Остерманъ требовалъ денегъ.

Принцъ Генрихъ пріѣхалъ въ Швецію. Какъ видно, дѣйствительно цѣлію поѣздки было склонить шведскую королеву «на лучшія противъ настоящихъ мысли», что видно изъ слѣдующаго письма принца Генриха къ брату королю: «Кажется интригамъ Шуазёля посчастливилось только въ Швеціи; Франція постоянно поддерживала свою партію въ этомъ королевствѣ со времени Густава Адольфа; теперь она совершенно взяла верхъ. Къ такому счастію сестра не привыкла; боюсь за одно съ вами, любезнѣйшій братъ, чтобъ она не дала благополучію увлечь себя. Трудно умѣть остановиться, когда счастіе благопріятствуетъ». Это было писано еще лѣтомъ 1769 года. Когда принцъ Генрихъ былъ уже въ Швеціи, то Фридрихъ писалъ ему: «Я восхищенъ, что у сестры такія хорошія мысли. Пусть она остается съ своими французами, сколько хочетъ, лишь бы сохраняла необходимую умѣренность съ русскими, чтобъ вражда между Россіею и Швеціею не усиливалась» [143].

Въ письмѣ къ Панину отъ 14 сентября Остерманъ описывалъ разговоръ свой съ принцемъ Генрихомъ. Принцъ началъ съ того, что по приказанію государя своего брата онъ не оставилъ своей сестрѣ и королю внушить о необходимости сохранить дружбу

съ русскою императрицею и уклоняться отъ всѣхъ поступковъ, которые могли бы повести къ холодности. Король и королева отвѣчали, что они никогда не удалялись отъ дружбы съ императрицею, и, не имѣя никакой причины къ неудовольствію, будутъ стараться всячески сохранить эту дружбу и на будущее время. Что же касается причины ихъ удаленія отъ людей, бывшихъ прежде имъ преданными, то она заключается въ намѣреніи этихъ людей отрубить головы своимъ соперникамъ въ отмщеніе за событія 1756 года; король и королева не могли ихъ до этого допустить, а напротивъ желали согласить обѣ партіи, чему были рады и самые вожди благонамѣренныхъ. Остерманъ отвѣчалъ, что ему лучше всѣхъ извѣстны желанія благонамѣренныхъ и онъ можетъ честію увѣрить принца, что никогда и въ умъ имъ не приходило мстить противной партіи, да и не могло придти въ умъ вслѣдствіе точнаго приказанія императрицы ему, Остерману отклонять благонамѣренныхъ отъ всякаго гоненія. Принцъ сказалъ на это, что король и королева увѣрены въ этомъ приказаніи императрицы и, противъ него, Остермана не имѣютъ никакого личнаго неудовольствія; но нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ своими частными внушеніями русскому двору старались поссорить императрицу съ королемъ и королевою. Остерманъ отвѣчалъ, что все это выдумано; что же касается покровительства, оказываемаго королемъ и королевою людямъ враждебнымъ Россіи, то принцъ самъ легко пойметъ, какъ это несходно съ русскимъ интересомъ по различію этого интереса съ французскимъ.—«Я говорилъ объ этомъ съ королемъ и королевою, отвѣчалъ принцъ, и они мнѣ отвѣчали увѣреніемъ, что никогда не слыхали о намѣреніи людей, о которыхъ идетъ рѣчь, начать войну съ Россіею, и что они, король и королева только теперь отдохнули, получивши сенатъ, согласный съ ними».—«Такое же спокойствіе, сказалъ Остерманъ, ихъ величество могли бы получить, еслибы одинаковую милость оказывали и къ прежнему сенату». Принцъ заключилъ разговоръ тѣмъ, что королева его сестра обѣщала ему вести себя спокойнѣе.—«Я, писалъ Остерманъ Панину, за вѣрно вѣдаю, что онъ (принцъ) и дѣйствительно въ перемѣнѣ своей сестры поведенія всѣми образы стараться изволилъ, и можетъ быть и не безъ нѣкотораго успѣха, ежелибъ тому много не воспрепятствовали потаенныя и отъ него знатно

скрываемыя съ французскимъ дворомъ условленія и шведскій кронъ-принцъ, который съ божбою главнѣйшихъ французскихъ креатуръ увѣрилъ, что онъ никогда во всю свою жизнь отъ нихъ не отстанетъ. Сіе безъ сумнѣнія есть причиною, что тѣ французскія креатуры давно уже, а особливо послѣ прибытія сюда прусскаго принца, публично королеву порочатъ, и напротиву того всѣми образы прославляютъ означеннаго ея сына особливыя качества».

Въ Петербургѣ очень безпокоились на счетъ исхода шведскихъ движеній, что видно изъ рескрипта императрицы къ Остерману, отъ 19 іюля: «Время изо-дня въ день насъ болѣе удостовѣряетъ, что злонамѣренная въ Швеціи партія изъ дворовыхъ и французскихъ креатуръ ни мало не отстаетъ отъ своего намѣренія потрясти и ниспровергнуть въ конецъ законную форму правленія, даже всѣми силами и способами стремятся ускорить еще событіе, опредѣливъ бытность кронъ-принца во Франціи временемъ рѣшительнаго установленія своего плана и принятія послѣднихъ и крайнихъ мѣръ къ первому сейму.» Императрица объявляла въ рескриптѣ, что для противодѣйствія злонамѣреннымъ приказала перевести Остерману 30,000 рублей, и что Данія и Англія согласились помогать Россіи въ этихъ расходахъ. [144].

Отношенія къ Даніи въ началѣ года, благодаря Бернсторфу, были такія, какихъ лучше нельзя было желать. Такъ когда Философовъ представилъ, что датскій посланникъ во Франціи Глейхенъ вреденъ для общихъ интересовъ Россіи и Даніи, то Глейхенъ былъ перемѣщенъ изъ Франціи въ Неаполь. Шуазёль сильно разсердился и позволилъ себѣ написать Бернсторфу, что тотъ дѣйствуетъ по приказанію русскаго двора, для слѣпого угожденія которому забываетъ интересы собственнаго государя. Въ маѣ король согласился давать третью часть издержекъ по дѣламъ шведскимъ. Но въ то же время Философовъ присылалъ извѣстія, что при датскомъ дворѣ большая смута, король находится подъ сильнымъ вліяніемъ жены своей (Каролины Матильды, сестры англійскаго короля) и фаворитовъ, а королева явно показываетъ свое отвращеніе къ графу Бернсторфу. Она овладѣла королемъ съ помощію двухъ приближенныхъ къ нему и къ ней людей: бывшаго лейбъ-медика, а теперь конференціи совѣтника Струензе, человѣка «весьма дерзкихъ мыслей и своевольнаго поведенія» и

камергера Варнстета, человѣка крайне молодого. Министры бурбонскихъ дворовъ и шведскій стараются сблизиться съ партіею королевы и ввести къ ней въ милость людей, преданныхъ французскимъ интересамъ; королева же, женщина вспыльчивая и преданная сластолюбивой жизни, принимаетъ совѣты однихъ тѣхъ, которые угождаютъ ея страстямъ. Къ несчастію здоровье Философова разстроилось и заставило его лѣтомъ уѣхать на пирмонтскія воды, что лишило Бернсторфа совѣта и помощи. По возвращеніи изъ Пирмонта, въ августѣ мѣсяцѣ Философовъ писалъ Панину, что смутное положеніе должно скоро рушиться и принять какой-нибудь основательный видъ: всеобщее негодованіе народное и неудовольствіе благоразумныхъ, крайнее разстройство короля въ поведеніи и здоровьѣ, которое очевидно ослабѣваетъ отъ страшно безпорядочной жизни, не могутъ позволить долго устоять «тлѣнному и на тлѣнныхъ основаніяхъ устроенному настоящему положенію сего двора.»

5 сентября Философовъ увѣдомилъ императрицу, что наканунѣ Бернсторфъ лишился мѣста, а извѣстный враждою къ Россіи, графъ Ранцау сдѣланъ министромъ.

Христіанъ VII счелъ нужнымъ собственноручнымъ письмомъ увѣдомить императрицу объ отставкѣ Бернсторфа: «Бываютъ случаи, писалъ король отъ 16 сентября, когда государи облегчаютъ тяжесть дѣлъ, сообщая непосредственно другъ другу свои чувства. Такой случай настаетъ теперь. Побужденія, относящіяся единственно къ внутреннему управленію государствомъ, заставили меня удалить отъ дѣлъ графа Бернсторфа, и такъ какъ онъ главнымъ образомъ принималъ участіе въ переговорахъ между нами, то я спѣшу увѣрить в. и. величество, что эта перемѣна не произведетъ никакого уклоненія въ нашихъ дѣлахъ и что я желаю всего болѣе поддержать постоянное доброе согласіе, установленное между нами.» Императрица отвѣчала ему (18 октября): «Мнѣ уже за 40 лѣтъ, у меня, быть можетъ, есть нѣкоторая опытность, у меня много постоянства и великое уваженіе къ истинѣ. Какъ ваша союзница, родственница, какъ другъ вашъ, я считаю своею обязанностію сказать в. величеству все что я думаю. Я не жду большого успѣха отъ своего поступка. Я не сомнѣваюсь, что найдутся люди неблагонамѣренные, которые объяснятъ его по своему. Они скажутъ, что я хочу управлять во-

лею в. в—ства, что я вамъ даю уроки. Они внушатъ вамъ недовѣріе, и этимъ укрѣпятъ свои дѣла и достигнутъ своей цѣли, т.-е. уничтожатъ взаимное довѣріе, которое по счастію существовало между нами. Ваше в—ство употребите свою власть какъ вамъ будетъ угодно: я исполню то, что внушаетъ мнѣ долгъ. Вотъ что я вамъ скажу. Перемѣна старыхъ слугъ, ревностныхъ, искусныхъ и разумныхъ есть всегда великое зло для государства, потому что, по моему мнѣнію, всякая перемѣна сама по себѣ есть уже зло, если общее благо не требуетъ ея непремѣнно. На этотъ разъ наши общіе враги—(надобно ли ихъ называть?) французы сумѣютъ воспользоваться опалою министра, который любилъ великій сѣверный союзъ, на рукахъ котораго союзъ этотъ образовался, — и дадутъ многимъ и многимъ дѣламъ, не только въ Даніи, но и повсюду, такой ходъ, какой надобенъ для ихъ отдаленныхъ видовъ. Ваше в—ство, противъ воли своей, дадите начало безчисленному множеству интригъ, движеній и гадостей. Мое пророчество начнетъ сбываться съ Швеціи. Тамъ французская партія уже торжествуетъ при одномъ слухѣ объ этомъ событіи. Моя откровенность обязываетъ меня сказать в. в—ству, что люди, присовѣтовавшіе вамъ такой поспѣшный поступокъ, не обратили никакого вниманія на вашу собственную славу. Слава государя требуетъ великаго постоянства въ его планахъ; но какое можетъ быть постоянство, когда люди, которые исполняютъ эти планы, знаютъ дѣло и руководящія начала, часто перемѣняются или постоянно боятся перемѣны, когда люди самые опытные замѣняются людьми, имѣющими меньшую опытность. Только время даетъ опытность, никакія качества, никакой умъ ея не восполнятъ. Довѣріе народовъ къ государямъ не подчинено акту власти, оно составляетъ награду за мудрое царствованіе. То же служитъ основаніемъ и взаимной довѣренности между дворами. Оно много зависитъ также и отъ людей, которымъ государь поручаетъ свои дѣла. Признаюсь, что относительно нашей системы я питала полное довѣріе къ графу Бернсторфу, котораго великія достоинства и способность мнѣ извѣстны: я за нимъ слѣдила, изучала его двадцать лѣтъ. Я на него смотрю, какъ на второй экземпляръ графа Панина, котораго я давно уже подарила моимъ довѣріемъ вслѣдствіе важности его заслугъ и неизмѣнной дружбы моей къ нему.» Король отвѣчалъ благодар-

ностію за дружбу, доказательство которой видѣлъ въ письмѣ Екатерины, и продолжалъ увѣрять, что отставка Бернсторфа произошла не вслѣдствіе интригъ, а по собственному его королевскому побужденію. Между тѣмъ 14 сентября Философовъ отправилъ королю письмо, въ которомъ говорилъ, что назначеніе Ранцау министромъ находится въ полномъ противорѣчіи тѣсному союзу, существующему между Россіею и Даніею, ибо Ранцау извѣстенъ своею враждебностію къ Россіи; въ концѣ письма Философовъ выражалъ надежду, что Ранцау будетъ удаленъ отъ дѣлъ и двора. Король велѣлъ отвѣчать, что онъ съ великимъ удовольствіемъ принимаетъ заключающіяся въ началѣ письма увѣренія въ довѣріи и дружбѣ императрицы и съ своей стороны будетъ пользоваться всякимъ случаемъ для доказательства, какъ искренно старается онъ поддержать согласіе, существующее между Даніею и Россіею. Что же касается дальнѣйшаго содержанія письма, то его величество не считаетъ нужнымъ отвѣчать на него, ибо не можетъ себѣ представить, чтобъ императрица поручила своему посланнику дѣлать такія внушенія, и вообще поведеніе Философова слишкомъ удаляется отъ формы, которая обыкновенно соблюдаются между дружественными и союзными дворами. Тогда императрица приказала Философову выѣхать изъ Копенгагена въ Петербургъ подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, а повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ назначенъ секретарь посольства Местмахеръ, какъ человѣкъ способный «для примѣчанія тамошняго колобродства», по выраженію Панина.

Король собственноручнымъ письмомъ увѣдомилъ императрицу, что министромъ иностранныхъ дѣлъ назначилъ Остена именно потому, что онъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ и лично извѣстенъ ея величеству. Местмахеръ увѣдомилъ Панина, что отрѣшенные благонамѣренные министры передали ему, будто Остенъ прямо объявилъ королю, что не можетъ принять министерскаго мѣста, если король не предпишетъ ему стараться всѣми средствами распространять и укрѣплять дружбу съ русскимъ дворомъ, и будто король съ радостію на это согласился. Въ концѣ года Местмахеръ писалъ Панину, что Остенъ, «какъ проницательный интриганъ», сохраняя тѣсную связь съ господствующею при дворѣ «развратною шайкою», подъ рукою старается всѣми средствами пріобрѣсти себѣ довѣріе разумныхъ и вліятельныхъ

въ народѣ людей, высказываетъ предъ ними сожалѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ при дворѣ, клянется въ своей ревности къ сохраненію и утвержденію тѣсной дружбы между Даніею и Россіею. Остенъ подослалъ довѣреннаго человѣка къ Местмахеру, чтобъ заявить ему свою непоколебимую преданность рускому двору. Когда Местмахеръ пріѣхалъ къ нему въ первый разъ, то Остенъ встрѣтилъ его словами: «Я принялъ настоящую должность въ единственномъ твердомъ намѣреніи посвятить свою дѣятельность большему утвержденію связи между Россіею и Даніею, такъ какъ самъ я вѣчно и нелицемѣрно преданъ ея величеству. Правда, я имѣлъ несчастіе, что непріятели мои успѣли навлечь на меня немилость вашей великой и премудрой государыни и ея просвѣщеннаго министра; но клянусь честію, что это обстоятельство нисколько не уменьшило моего благоговѣнія къ ея императ. величеству и нелицемѣрнаго высокопочитанія къ графу Панину. Я чувствую и всегда чувствовалъ великую пользу для всего сѣвера отъ тѣсной связи между Россіею и Даніею, и хотя бы я и не претерпѣлъ отъ французскаго двора такихъ частыхъ гоненій, то одно убѣжденіе въ пользѣ русскаго союза достаточно для отклоненія меня отъ всякаго сношенія съ гордолукавою Франціею». Местмахеръ отвѣчалъ: «Оставляя все на собственное рѣшеніе императрицы, я со своей стороны, не могу скрыть, какъ меня сокрушаетъ здѣшнее поведеніе въ послѣднее время, тѣмъ болѣе что, какъ кажется, оно продиктовано французскимъ дворомъ; но, видя такую вашу благонамѣренность, ожидаю, что вы не оставите поправить дѣла». Остенъ пожалъ плечами и сказалъ: «Время теперь къ этому еще неудобно, но употреблю всѣ силы и поручаю вамъ просить всенижайше графа Панина еще теперь не очень строго поступать по этому дѣлу». Конференціи совѣтникъ Шумахеръ, съ которымъ Местмахеръ имѣлъ тайное свиданіе, просилъ о томъ же, говоря, что настоящее положеніе двора не можетъ быть продолжительно, ибо Остенъ постарается скинуть съ себя несносное иго молодыхъ и безразсудныхъ фаворитовъ, чего нельзя сдѣлать безъ низверженія ихъ самихъ, и если теперь русскій дворъ потребуетъ строгого и справедливаго удовлетвореяія, то король, по совѣтамъ безпутныхъ фаворитовъ, можетъ слѣпо отдаться во французскія руки [145].

Объ этихъ датскихъ событіяхъ мы находимъ отзывы Екатерины въ письмахъ ея къ госпожѣ Бельке. «Графъ Ранцау, писала императрица, разогналъ людей достойныхъ и министровъ искусныхъ, въ числѣ которыхъ разумѣется стоитъ достойный графъ Бернсторфъ: другіе употребляютъ всѣ усилія для отысканія подобныхъ людей, а этотъ ребенокъ король отъ нихъ отдѣлывается, но тѣмъ хуже для него. Если графъ Ранцау произведетъ перемѣну системы, какъ вы пишете, то это будетъ мастерское произведеніе глупости, и мы увидимъ, кто отъ этого сильнѣе будетъ кусать себѣ пальцы. Къ графу Бернсторфу я питаю величайшее уваженіе; его уваженіе для меня лестно. Я была истинно огорчена его опалою; его заслуга и достоинство во всякомъ случаѣ заслуживали лучшей участи. Господинъ Остенъ, думаю, такъ уменъ, что не позволитъ себѣ участвовать въ нелѣпостяхъ графа Ранцау; онъ можетъ меня знать, и если дѣйствительно знаетъ, то долженъ быть увѣренъ, что интригами противъ людей, получившихъ отъ меня свои мѣста, нельзя пріобрѣсти моего довѣрія, только сумасшедшіе, молокососы и дѣти могутъ судить о другихъ по себѣ и жестоко ошибаться. Это въ порядкѣ вещей; но если г. Остенъ не потерялъ въ Неаполѣ здраваго смысла, то я должна предполагать, что онъ никакъ не рѣшится на такія странности; а если рѣшится, то даю вамъ слово, что промахнется и только получитъ репутацію интригана, потерявшаго понапрасну свои труды. При видѣ постоянной суеты въ Даніи, можно сказать, что эта страна кишитъ людьми, способными занимать важныя мѣста; каждую минуту происходятъ тамъ перемѣщенія; перемѣняютъ людей съ такою же легкостію, съ какою королева перемѣняетъ юпки, если только она ихъ еще носитъ. Я бы хотѣла, чтобъ Ранцау сдѣлали поскорѣе великимъ визиремъ Даніи, если онъ причиною всего зла, ибо тогда съ нимъ случилось бы то же, что случается обыкновенно съ визирями по прошествіи нѣкотораго времени. Визири такіе же льстецы какъ и онъ; это они выдумали всѣ нелѣпые титулы, употребляемые султаномъ; а Ранцау сказалъ своему государю, что онъ служитъ удивленіемъ всей Европы. Чѣмъ больше королева дастъ помощниковъ Струензе, тѣмъ болѣе надежды, что онъ ей опротивѣетъ. Все это и королевскія оргіи приводятъ въ ужасъ: вотъ ребятишки, которыхъ бы надобно было посѣчь. Только Богъ можетъ спасти эту несчастную страну» [146].

Въ Швеціи было рѣшено не приступать къ русской сѣверной системѣ; событія при копенгагенскомъ дворѣ грозили возможностію подобнаго рѣшенія и здѣсь, что производило очень непріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Англія попрежнему хлопотала о союзѣ и по прежнему дѣло не улаживалось. Англійскій посланникъ лордъ Каткартъ приписалъ эту неудачу несогласію между двумя самыми вліятельными лицами при русскомъ дворѣ, графами Панинымъ и Орловымъ, и рѣшился помирить ихъ. «Когда графъ Панинъ и графъ Орловъ сходятся во мнѣніяхъ, то дѣло идетъ очень легко, писалъ Каткартъ своему министерству: но когда графу Орлову можно внушить другія идеи, то выдвигается графъ Чернышевъ и его друзья Голицыны, особенно первый, и это обстоятельство, кромѣ всѣхъ другихъ неудобствъ, какъ слѣдствій несогласія, проволакиваетъ время, пока императрица не помиритъ обоихъ графовъ». Теперь, вмѣсто императрицы, Каткартъ взялся за это примиреніе и обратился къ Сальдерну съ похвалами графу Орлову: и графъ Орловъ прекрасный человѣкъ, а о графѣ Панинѣ и говорить нечего; неужели же трудно такимъ достойнымъ людямъ помириться? а если бы и была трудность, то ее должно отстранить, ибо этого требуютъ ихъ собственные интересы, интересы императорской фамиліи и государства.—«Совершенно справедливо, отвѣчалъ Сальдернъ; я и самъ часто говорилъ объ этомъ графу Панину; но дѣло чрезвычайно трудное, деликатное. Оба они очень застѣнчивы; я не разъ сводилъ ихъ и оставлялъ однихъ, но я увѣренъ, что никто изъ нихъ первый не рѣшится начать объясненіе». Когда Каткартъ предложилъ свое посредничество, то Сальдернъ отвѣчалъ, что это принесетъ ему большую честь и пользу, но опасается, что съ обѣихъ сторонъ будетъ полученъ одинъ отвѣтъ: «Мы находимся другъ съ другомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ».

Несмотря на это, Каткартъ принялся за дѣло при первомъ удобномъ случаѣ. Панинъ хвалилъ Орлова, Орловъ Панина. Орловъ былъ разговорчивѣе, выразилъ сожалѣніе, что незнакомъ съ Панинымъ ближе, что между ними разница въ лѣтахъ, занятіяхъ, удовольствіяхъ, рѣдко встрѣчаются кромѣ совѣщаній по особеннымъ дѣламъ, а тутъ обыкновенно онъ, Орловъ, по своей живости, перебиваетъ методическое изложеніе Панина, какъ скоро ему покажется, что понялъ, къ чему тотъ клонилъ рѣчь;

Панинъ хмурится, а онъ умолкаетъ, и такимъ образомъ дѣло останавливается и мѣшаетъ ходу другихъ; что онъ, Орловъ, желалъ бы встрѣчаться съ Панинымъ чаще безъ опредѣленнаго занятія, и что въ общемъ свободномъ разговорѣ они сдѣлали бы гораздо больше. Онъ всю вину складывалъ на собственную нетерпѣливость и недостатокъ методы и отдавалъ полную справедливость знаніямъ и способности Панина. Каткартъ передалъ свой разговоръ съ Орловымъ Панину, и тотъ очень благодарилъ его. Хотя послѣ этого не было ни съ чьей стороны ни малѣйшей рѣчи о чемъ-нибудь подобномъ, однако Каткартъ далъ знать въ Лондонъ, что замѣтилъ очевидную перемѣну, которая заключалась въ томъ, что императрица гораздо ласковѣе стала обращаться съ великимъ княземъ и публично обращать на него бо́льшее вниманіе; графъ Орловъ сталъ относиться къ нему съ особеннымъ уваженіемъ; обращеніе его съ Панинымъ начало отличаться большою пріязнію; они стали сговариваться между собою о дѣлахъ, прежде чѣмъ идти въ совѣтъ. Всѣ этимъ довольны, кромѣ Захара Чернышева.

Когда такимъ образомъ въ Англіи могли думать, что ея министръ при петербургскомъ дворѣ оказаніемъ важной услуги послѣднему долженъ былъ пріобрѣсть большое значеніе и слѣдовательно можетъ успѣшнѣе своихъ предшественниковъ устроить заключеніе союза между Россіею и Англіею, въ августѣ мѣсяцѣ графъ Рошфоръ сообщилъ лорду Каткарту королевское повелѣніе воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ и предложить графу Панину союзъ повидимому съ отстраненіемъ камня преткновенія, который мѣшалъ прежде его заключенію; повидимому Англія соглашалась включить и Турцію въ случай союза (casus foederis), обязываясь выставлять извѣстное количество военныхъ кораблей на всѣхъ европейскихъ моряхъ, а не на одномъ Балтійскомъ. Но на самомъ дѣлѣ Англія отстраняла возможность столкновенія своего съ Портою, представляя свое посредничество для заключенія мира между Россіею и Турціею, причемъ англійскій король гарантируетъ мирный договоръ; посредничая при заключеніи мира, король будетъ настаивать, чтобъ Турція уступила Россіи Азовъ, кубанскую Татарію и всѣ русскія завоеванія, сдѣланныя на этой сторонѣ, также право мореплаванія по Черному морю. Но эта гарантія не можетъ соста-

вить статьи въ союзномъ договорѣ между Россіею и Англіею, чтобъ не возбудить въ Портѣ подозрѣнія относительно благопріятныхъ для Россіи видовъ короля, и потому до удобнаго времени Россія должна положиться въ этомъ на честь великобританскаго государя. Прежніе проекты союзнаго договора существенно измѣнялись также въ томъ, что въ случаѣ нападенія на Англію Россія обязывалась выставлять ей на помощь не сухопутное войско, а 14 военныхъ кораблей, признавая случаемъ союза нападеніе какой бы то ни было европейской державы на Англію въ Америкѣ или Остъ-Индіи.

Еще до полученія этой бумаги Каткартъ долженъ былъ увѣдомить Рошфора, что дѣло примиренія между Орловымъ и Панинымъ рушилось будто бы потому, что императрица жила на дачѣ, а графъ Панинъ въ городѣ. Хитрые люди (т.-е. Захаръ Чернышевъ) убѣдили Орлова взять на себя веденіе турецкихъ и польскихъ дѣлъ, что повело къ сильному столкновенію между нимъ и Панинымъ, такъ что послѣдній сталъ просить императрицу уволить его отъ управленія иностранными дѣлами; но Екатерина, разумѣется, удержала его. Между тѣмъ въ Англіи получено было тревожное извѣстіе, что Порта просила соединеннаго посредничества Австріи и Пруссіи, присоединяя, въ случаѣ ихъ согласія, и Англію. Рошфоръ писалъ Каткарту, что еслибы союзный договоръ между Россіею и Англіею былъ подписанъ, и еслибы Россія поставила посредничество Англіи при мирныхъ переговорахъ между нею и Портою непремѣннымъ условіемъ (sine qua non), то король могъ бы принять это посредничество; но если союзъ будетъ по прежнему отклоненъ, посредничество Австріи принято и Россія пригласитъ англійскаго короля къ посредничеству въ такомъ тонѣ, что это будетъ похоже на пустой комплиментъ, то Каткартъ долженъ выразить русскому министерству опасеніе, что такое посредничество можетъ быть сочтено неприличнымъ достоинству англійскаго короля. Панинъ объяснилъ Каткарту съ полною откровенностію весь ходъ дѣла по мирнымъ переговорамъ, сообщилъ вполнѣ содержаніе письма императрицы къ прусскому королю въ отвѣтъ на предложеніе посредничества, сообщилъ прежде, чѣмъ оно было извѣстно совѣту и графу Сольмсу «въ доказательство безграничнаго довѣрія и внимательности императрицы.» Учтивостямъ не было конца,

но проектъ союзнаго договора, предложенный Каткартомъ, имѣлъ участь предшествовавшихъ. По заключеніи мира съ турками не предвидѣлось новой войны, въ которой надобилась бы морская помощь Англіи, а между тѣмъ столкновенія Англіи съ Испаніею въ южной Америкѣ легко могли повести къ войнѣ между ними, въ которую вовлечена была бы и Россія, еслибъ заключила съ Англіею союзный договоръ. Понятно, что это заключеніе встрѣтило въ Петербургѣ сильнѣйшія возраженія. Говорили, что Россія блистательнымъ образомъ вела войну одна, безъ союзниковъ и не должна дѣлать новыя усилія и издержки прежде чѣмъ отдохнетъ; другое дѣло, еслибъ предлагаемый договоръ заключалъ въ себѣ всѣ желаемыя выгоды, но этого нѣтъ. Англійская гарантія мирнаго договора съ Портою обусловлена была посредничествомъ; а посредничества не желали, тѣмъ болѣе, что условія турецкаго мира, предлагаемыя Англіею, не могли казаться удовлетворительными. Какъ видно, громче всѣхъ противъ договора говорилъ графъ Орловъ, дѣйствовавшій и тутъ по внушеніямъ Чернышева, какъ увѣрялъ Каткартъ: Графъ Орловъ, писалъ послѣдній, честный человѣкъ и горячій другъ Англіи; но онъ считаетъ себя русскимъ патріотомъ. Его устами въ Совѣтѣ говоритъ оппозиція графу Панину въ этомъ вопросѣ, Орлова подзадориваетъ и одобряетъ нѣмое большинство, кромѣ старшаго члена совѣта, графа Разумовскаго.» Каткартъ неуспѣхъ своего дѣла объяснялъ также внушеніями гостя императрицы, принца Генриха. Въ ноябрѣ Каткартъ имѣлъ съ принцемъ продолжительный разговоръ, и очень жалѣлъ, что императрица не могла его подслушать: по мнѣнію Генриха, можно было сказать многое въ оправданіе турокъ по поводу задержанія Обрѣзкова и что его освобожденіе составляетъ большую жертву для Порты; что въ случаѣ, еслибы миръ не состоялся, очевидный и неопровержимый интересъ Австріи требуетъ взять сторону Порты противъ Россіи для предупрежденія окончательной гибели Оттоманской имперіи, и что возрастающая морская сила Россія должна обратить на себя вниманіе, если не возбудитъ зависть въ морскихъ державахъ. Впрочемъ Каткартъ выражалъ сомнѣніе, высказывалъ ли принцъ свои настоящія убѣжденія или говорилъ нарочно, чтобъ вывѣдать мнѣнія англійскаго посла.

Годъ проходилъ, а рѣшительнаго отвѣта со стороны русскаго двора на предложеніе союза не было; и вотъ Каткартъ, по обычаю посольскому, изображаетъ состояніе Россіи въ самомъ мрачномъ видѣ: императрица, повидимому, не сознаетъ настоящаго положенія и опасности своихъ дѣлъ; успѣхи сдѣлали ее гордою и самонадѣянною; министры не достаточно ей помогаютъ, и она беретъ слишкомъ много дѣлъ на себя и по разнымъ причинамъ часто прерывается въ своихъ занятіяхъ. Графъ Панинъ отъ природы лѣнивъ, а въ настоящую минуту раздраженъ и показываетъ видъ, будто относится ко всему равнодушно, и такъ какъ это обстоятельство совпадаетъ съ его природнымъ расположеніемъ, усиленнымъ привычками, ненавистію и, быть можетъ, отчаяніемъ въ возможности возвратить прошедшее несмотря ни на какую дѣятельность, то это производитъ полный застой въ дѣлахъ. Три года назадъ онъ въ высочайшей степени обладалъ довѣріемъ императрицы. Вліяніе это постепенно ослабѣвало, и особенно упало въ послѣднее время вслѣдствіе недостатка дѣятельности съ его стороны, и я опасаюсь, что онъ не пользуется больше уваженіемъ. Графъ Григорій Орловъ лѣнивъ и чистосердеченъ, но доступенъ ловкимъ и предпріимчивымъ людямъ; его время проходитъ въ разсѣяніи; несмотря на то, что онъ чуждъ честолюбивыхъ стремленій, его значеніе растетъ по мѣрѣ упадка значенія министровъ, и такъ какъ онъ ходатайствуетъ у императрицы за своихъ друзей, то пріобрѣлъ славу хорошаго покровителя. Захаръ и Иванъ Чернышевы (Иванъ возвратился изъ Англіи и занималъ мѣсто вице-президента адмиралтейской коллегіи) дѣятельны, ловки, предпріимчивы, способны запутать дѣло, но не руководить имъ; они стараются подняться паденіемъ министра. Прочіе члены Совѣта не имѣютъ значенія. Вслѣдствіе такихъ отношеній никакое дѣло не приводится къ концу; императрица недовольна, хотя обстоятельства не даютъ средствъ помочь положенію; внѣшнія и внутреннія дѣла пренебрежены, и не принимаются никакія предосторожности противъ событій, какія могутъ быть вызваны временемъ, и будутъ гибельны или благопріятны смотря по степени предвидѣнія ихъ. Императрица старѣетъ, великій князь приближается къ совершеннолѣтію, и не предпринимается ничего на тотъ случай, когда онъ изъ ребенка сдѣлается наслѣдникомъ престола, тогда какъ было разъ объявлено, что

мать сохраняетъ корону только до его совершеннолѣтія; теперь онъ по лѣтамъ почти способенъ носить корону; по уму онъ способенъ оцѣнить, а по характеру чувствовать и помнить то, что теперь дѣлается. Ничего не сдѣлано относительно безпорядочнаго датскаго двора, ничего относительно жалкой республики польской; мало относительно Швеціи; не дается рѣшительнаго отвѣта на ясный вопросъ Англіи относительно союза, вопросъ сдѣланный въ началѣ сентября. Мирные переговоры съ Портою остановились; ожидается третья кампанія; и кто поручится, что вслѣдствіе такого поведенія, не потребуется и четвертая? Никто не довѣряетъ главнокомандующему первою арміею; генералъ-квартирмейстеръ Бауръ находится въ открытой враждѣ съ нимъ и пользуется довѣріемъ и милостями императрицы; графъ Орловъ ненавидимъ генералами и обожаемъ солдатами. Обѣ арміи раздражены; офицеры всѣхъ чиновъ выходятъ въ отставку; люди измучены болѣзнями, усталостью и дурнымъ управленіемъ, болѣе разрушительнымъ чѣмъ непріятельское оружіе; рекрутскіе наборы пагубны для огромной, но мало заселенной страны. Флотъ въ Архипелагѣ дурно построенъ, дурно управляется и дурно уплачивается. Между офицерами раздоры, а между матросами болѣзни; Дарданеллы неприступны; блокада Константинополя безполезна. Безконечные расходы, насилія въ Польшѣ; ни одного вѣрнаго шага къ умиротворенію; большіе расходы и потери отъ отлива монеты въ Польшу и на флотъ; никакихъ средствъ занять денегъ въ чужихъ странахъ, никакихъ средствъ собрать ихъ внутри государства новыми налогами. Казна еще не истощена, но очень оскудѣла. Средства банка пересилены и дѣла пойдутъ еще хуже, такъ какъ всѣ подати скоро будутъ выплачиваться ассигнаціями; звонкая монета истрачена и становится очень рѣдкою. Ввозъ монеты изъ-за границы совершенно запрещенъ для избѣжанія чекана короля прусскаго и другихъ государей, которые воспользовались бы пониженіемъ достоинства русской монеты. Въ Польшѣ ее берутъ по дѣйствительной цѣнности и потому приходится вывозить ее туда въ полтора раза больше; Россія страдаетъ недостаткомъ людей способныхъ, свѣдущихъ и честныхъ, завистію и ненавистію къ иностранцамъ и неспособностію своихъ ко всѣмъ дѣламъ, гражданскимъ и военнымъ. Между русскими нѣтъ согласія, люб-

ви, довѣрія; между ними господствуетъ недостатокъ дѣятельности и одушевленія, которыя въ другихъ странахъ побуждаютъ людей недовольныхъ, объявлять себя такими противодѣйствовать мѣрамъ, ими осуждаемымъ и не имѣть ничего общаго съ людьми, которыхъ они считаютъ врагами отечества [147].

А Екатерина писала Вольтеру какъ будто въ отвѣтъ на депешу Каткарта: «Забавно, что турки увѣряютъ, будто мы не можемъ долго вести войну. Еслибы страсть не обладала этими людьми, то какъ могли они забыть, что Петръ Великій велъ войну въ продолженіи 30 лѣтъ, то съ этими самыми турками, то со шведами, то съ поляками, то съ персами, а имперія не была доведена до крайности; напротивъ, Россія изъ каждой войны выходила болѣе цвѣтущею, чѣмъ была прежде; войны возбуждали промышленность; каждая изъ нихъ порождала какой-нибудь новый источникъ, который давалъ новую жизнь торговлѣ и оборотамъ. Если такъ-называемые государи христіанскіе, держащіе сторону мусульманъ, завидуютъ успѣхамъ этой войны, то должны винить самихъ себя: кто имъ велѣлъ возбуждать ее противъ меня, не предвидя послѣдствій? Въ Россіи все идетъ своимъ порядкомъ; есть области, гдѣ почти не знаютъ, что у насъ два года война. Нигдѣ нѣтъ ни въ чемъ недостатка; поютъ благодарственные молебны, танцуютъ и веселятся» [148]. Гораздо опаснѣе, по мнѣнію Екатерины, было положеніе Австріи, что видно изъ секретной записки камеръ-юнкеру Алексѣю Нарышкину, отправлявшемуся въ Туринъ: «Вѣнскій дворъ оказываетъ повидимому больше доброжелательства къ туркамъ, смотря завистливымъ окомъ на успѣхи здѣшняго оружія, и опасаясь, дабы Россія, удержавъ за собою Молдавію и Валахію, не сдѣлалась чрезъ то непосредственнымъ его сосѣдомъ, отъ чего могли бъ произойти современемъ многія ему заботы въ разсужденіи живущихъ въ близости его подданныхъ единыя съ валахами вѣры, ибо вѣнскій дворъ причину имѣетъ опасаться больше здѣшняго сосѣдства и инфлюенціи въ европейскихъ дѣлахъ, нежели турецкой» [149].

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны.

(1771 годъ).

Письмо Фридриха II-го къ императрицѣ Екатеринѣ по поводу мирныхъ условій съ Турціею.—Замѣчанія Екатерины на это письмо.—Планъ кампаніи 1771 года.—Постройка судовъ въ дунайскихъ княжествахъ.—Жалобы Румянцева на неудовлетворительное состояніе арміи.—Мелкая война на Дунаѣ.—Князь В. М. Долгорукій начальникъ второй арміи на мѣсто графа П. И. Панина.—Сношенія съ татарами.—Необходимость военныхъ дѣйствій противъ Крыма.—Занятіе полуострова русскими войсками.—Бѣгство хана Селимъ-Гирея.—Новый ханъ Сагибъ-Гирей.—Избавленіе плѣнныхъ христіанъ.—Переговоры съ ханомъ о независимости Крыма и объ уступкѣ крѣпостей Россіи.—Посольство въ Петербургъ брата ханскаго, калги Шагинъ-Гирея и поведеніе его здѣсь.—Отношенія къ ногаямъ, кабардинцамъ и кумыкамъ.—Окончаніе кавказской экспедиціи.—Гр. Алексѣй Орловъ въ Петербургѣ.—Его возраженія противъ пріобрѣтенія Россіею острова на Архипелагѣ.—Противное мнѣніе адмирала Спиридова.—Орловъ удаляетъ иностранцевъ изъ русской морской службы.—Дѣйствія флота въ 1771 году.—Отвѣтное письмо Екатерины Фридриху II-му относительно мирныхъ условій съ Портою.—Виды Фридриха II-го на польскую Пруссію. — Роль принца Генриха въ раздѣлѣ Польши.—Отъѣздъ принца Генриха изъ Петербурга.—Настаиванія Фридриха II-го на раздѣлѣ Польши.—Отношенія Россіи къ этому вопросу.—Отношенія Австріи къ нему.—Разговоръ Фридриха II съ австрійскимъ посломъ о раздѣлѣ Польши и мирѣ Россіи съ Портою.—Сношенія Россіи съ Австріею по поводу турецкаго мира.—Дѣло о раздѣлѣ Польши въ императорскомъ совѣтѣ.—Австрія отвергаетъ русскія мирныя условія.—Возраженія Екатерины на австрійскія объясненія.—Мнѣніе Панина объ уступкѣ Молдавіи и Валахіи.—Императрица не соглашается съ этимъ мнѣніемъ. — Тревожное состояніе императора Іосифа.—Отношеніе вѣнскаго двора къ вопросу о раздѣлѣ Польши.—Тугутовскій договоръ между Австріею и Турціею. — Переговоры между Австріею и Пруссіею. — Рѣшенія Совѣта вслѣдствіе враждебности Австріи.—Фридрихъ II требуетъ, чтобъ Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи и внушаетъ, что прусская доля изъ Польши должна быть увеличена.—Постановка прусскимъ королемъ условій мира между Россіею и Турці-

ею.—Возобновленіе переговоровъ между Россіею и Австріею. — Австрійскія условія мира между Россіею и Портою. — Россія уступаетъ требованіямъ Фридриха II и отказывается отъ дунайскихъ княжествъ.—Фридрихъ торопитъ раздѣломъ Польши. — Смѣна русскаго посла въ Варшавѣ, кн. Волконскаго Сальдерномъ.—Дѣйствія послѣдняго.—Отношенія Россіи къ Швеціи, Даніи и Англіи.

Если раздраженіе, обнаруженное Фридрихомъ II по прочтеніи русскихъ мирныхъ условій, было не искреннее, то наоборотъ, вполнѣ искренне было неудовольствіе Екатерины, высказавшееся по прочтеніи письма прусскаго короля отъ 4 января (н. с.) 1771 года. «Еслибъ зависѣло отъ меня, писалъ Фридрихъ, я безъ труда подписалъ бы мирныя условія, требуемыя отъ Порты в. и. в—ствомъ. Въ пріобрѣтеніяхъ вашихъ я видѣлъ бы усиленіе перваго и самого дорогого изъ моихъ союзниковъ и пріятна была бы мнѣ возможность дать ему этотъ новый знакъ моей преданности. Но надобно обращать вниманіе на множество различныхъ интересовъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ мирные переговоры, и потому не всегда можно позволять себѣ то, чего желаешь. Въ этомъ положеніи нахожусь и я теперь. Ваше и. в—ство увидите изъ новаго объявленія Порты, сдѣланнаго мнѣ и вѣнскому двору, что г. Обрѣзковъ будетъ освобожденъ немедленно, какъ только будетъ принята статья о посредничествѣ. В. и. в—ство спрашиваете меня, каково мое мнѣніе на счетъ образа мыслей вѣнскаго двора. Я имѣю право думать, что онъ искренно желаетъ возобновленія мира въ своемъ сосѣдствѣ и въ случаѣ посредничества будетъ дѣйствовать безпристрастно, однако не согласится на мирныя условія, прямо противоположныя его интересамъ. Внушенія Франціи до сихъ поръ не поколебали его системы нейтралитета; но я не поручусь за его поведеніе въ случаѣ продолженія войны.» Въ мемуарѣ, приложенномъ къ письму, король заявлялъ, что онъ не можетъ сдѣлать никакого употребленія изъ русскихъ мирныхъ условій ни въ Константинополѣ, ни въ Вѣнѣ, изъ боязни повредить русскимъ интересамъ. Съ одной стороны новая декларація Порты доказываетъ неизмѣнное рѣшеніе вести переговоры только путемъ посредничества, до котораго допускаются только Пруссія и Австрія; съ другой—король видитъ невозможность заставить вѣнскій дворъ принять всѣ русскія мирныя условія; король опасается, что со-

общеніе условій побудитъ Австрію вооружиться противъ Россіи. Турки ни за что не согласятся уступить Валахіи и Молдавіи, не согласятся также, чтобъ чужая держава утвердилась въ Архипелагѣ; независимость крымскихъ татаръ, которыхъ ханъ можетъ быть наслѣдникомъ оттоманскаго престола, встрѣтитъ величайшее затрудненіе съ турецкой стороны, и надобно бояться, чтобы Порта, доведенная до крайности, не бросилась въ объятія вѣнскаго двора и не уступила ему Бѣлградъ и всѣ свои завоеванія въ послѣднюю войну для пріобрѣтенія его покровительства и помощи противъ Россіи. Австрія скорѣе рѣшится на войну, чѣмъ позволитъ какое-нибудь измѣненіе въ положеніи Молдавіи и Валахіи; наконецъ пріобрѣтеніе Россіею острова на Архипелагѣ возбудитъ подозрѣніе какъ въ Вѣнѣ, такъ и во всѣхъ италіанскихъ государствахъ. Напрасно было бы надѣяться посредствомъ самыхъ обольстительныхъ предложеній заставить Австрію перемѣнить свои взгляды на этотъ предметъ. Все, что русская императрица можетъ надѣяться получить — это двѣ Кабарды, Азовъ съ округомъ и свободное плаваніе по Черному морю. [150].

Прочтя письмо и мемуаръ, Екатерина написала Панину: «Моимъ первымъ условіемъ было освобожденіе моего министра. Я думала, что совершаю великій подвигъ умѣренности, предлагая планъ, на основаніи котораго я хотѣла вести мирные переговоры, и не думала я найти въ прусскомъ королѣ адвоката турокъ. Я не говорю о вѣнскомъ дворѣ; я не могу думать, чтобъ ему пріятнѣе было имѣть сосѣдями турокъ въ Молдавіи и Валахіи, чѣмъ видѣть эти области въ рукахъ государя независимаго отъ трехъ имперій. Было бы желательно, чтобъ перестали намъ постоянно показывать вооруженную или поднятую руку Австріи, ибо Россія, подвергшись нападенію, сумѣетъ защититься, она не боится никого. Съ другой стороны, мы ведемъ мирные переговоры съ турками, а не съ вѣнскимъ дворомъ, съ которымъ у насъ нѣтъ войны. Крымъ дальше отъ Вѣны, чѣмъ Молдавія и Валахія, а потому о немъ не можетъ быть и рѣчи въ переговорахъ съ Австріею, для которой можетъ быть выгоднѣе, чтобъ онъ не возвращался подъ власть турокъ, и имѣлъ независимаго владѣтеля. Во всѣхъ этихъ бумагахъ (письмо и мемуаръ Фридриха) видно большое неудовольствіе, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не прямо отъ него, а все положено на счетъ вѣн-

скаго двора, но когда увидятъ, что угрозами ничего не выиграютъ, то остальное найдется само собою. Держитесь крѣпко и ни шага назадъ: все обдѣлается какъ нельзя лучше, а если увидятъ, что мы гонимся за миромъ, получимъ миръ дурной.» Относительно турецкой декларацiи о посредничествѣ Австрiи и Пруссiи Екатерина замѣтила: «Правда, Порта можетъ объявлять все что хочетъ; правда и то, что ея объявленiе не можетъ и не должно предписывать законовъ русскому двору. Порта, напримѣръ, обнаруживаетъ высокомѣрiе невыносимое, требуя, чтобъ Россiя приняла посредниковъ именно тѣхъ, которыхъ она, Порта, выбрала, и желаетъ сложить вину удаленiя отъ мира на Россiю, если та не приметъ навязанныхъ ей посредниковъ. Но Россiя не можетъ ихъ принять, потому что навлечетъ на себя большое порицанiе, если не сдержитъ слово предъ дружественнымъ государствомъ, предъ Англiею, которая дала столько доказательствъ дружбы, помогая ея флотамъ. Однако, чтобъ съ русской стороны сдѣлать еще шагъ къ миру, можно предложить Портѣ, послѣ освобожденiя Обрѣзкова условиться о мѣстѣ собранiя конгреса» [151].

Такое положенiе дѣлъ, разумѣется, должно было имѣть сильное влiянiе на военныя дѣйствiя 1771 года. Ставился вопросъ: миръ или война? Дунай уже слылъ рубикономъ, толковали, что переходъ чрезъ него поведетъ къ продолженiю и усложненiю войны, и потомъ для перехода большаго войска черезъ Дунай нужны были средства, которыхъ подъ руками не имѣлось; нужно было построить суда, на что требовалось время, слѣдовательно этимъ годомъ нечего было думать о переходѣ черезъ Дунай. Еще 11 октября 1770 года въ засѣданiи совѣта императрица объявила, что надобно помышлять о составленiи плана для будущей кампанiи и генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Орловъ вызвался сочинить планъ. Планъ былъ представленъ совѣту ровно черезъ мѣсяцъ, 11 ноября, и состоялъ въ томъ, чтобъ производить строенiе судовъ въ обширныхъ размѣрахъ, ограничивая военныя дѣйствiя одною обороною занятыхъ областей; Орловъ имѣлъ въ виду употребить суда не для перехода только черезъ Дунай, но для нападенiя на Константинополь, чтобъ этимъ смѣлымъ дѣйствiемъ принудить Порту заключить миръ на всей волѣ побѣдителей. Совѣтъ одобрилъ планъ и разсуждалъ, что «потребныя потому приготовленiя служатъ на всѣ обороты, какiе бы не

случились, и не токмо не произведутъ никакого препятства нынѣшнему состоянію дѣлъ, хотябъ начались и мирныя соглашенія, но и могутъ еще способствовать ускоренію оныхъ, и что по сему полезно произвесть ихъ въ дѣиство, усилить притомъ арміи и поставить ихъ въ лучшее предъ нынѣшнимъ состояніе. Но чтобъ не оставались оныя въ совершенномъ недѣйствіи будущаго лѣта, совѣтъ признавалъ за нужное учинить сильное предпріятіе на Крымъ, если обитающіе на семъ полуостровѣ татары еще останутся въ упорствѣ и не пристанутъ къ отложившимся уже отъ Порты Оттоманской ордамъ.» Но для похода на Крымъ должны были употребить вторую армію, первой же довольно было охранять Молдавію, Валахію и Бессарабію. Румянцеву совѣтъ рѣшилъ предписать, что дѣйствія первой арміи предоставляются его собственному усмотрѣнію: пользуясь временемъ, онъ долженъ снабдить войска всѣмъ потребнымъ и привести ихъ въ состояніе дѣйствовать съ твердостію на будущее время; не долженъ допускать непріятеля переходить на лѣвую сторону Дуная; наступательныя же дѣйствія должны ограничиться посылкою за Дунай нѣкоторыхъ отрядовъ, если главнокомандующій признаетъ иногда это нужнымъ. Впрочемъ фельдмаршалу оставляли свободныя руки пользоваться всѣмъ возможнымъ при удобномъ времени и случаѣ [152].

Главною заботою было строеніе судовъ. Еще въ концѣ 1770 года флота капитанъ Ногаткинъ осмотрѣлъ въ Молдавіи лѣса, годные для этого дѣла, и началъ ихъ рубку. Императрица писала Румянцеву въ мартѣ 1771: «Россійская есть пословица: на Бога надѣйся, да самъ не плошай. Весьма, конечно, желателенъ миръ; но не видавъ сему желанію начала, не то чтобы конецъ, нужно несомнѣнно думать о будущемъ; въ томъ разумѣ отправлены къ вамъ морскіе офицеры для вымѣренія рѣкъ и осмотра лѣсовъ; но то и другое безконечно будетъ, если вы да я не примемся прямо за дѣло. Построеніе судовъ и какія суда строить, въ томъ большая нужда, если въ 1772 году поспѣшить смѣлымъ предпріятіемъ конецъ бѣдъ рода человѣческаго; и для того прошу васъ приказать поскорѣе сдѣлать какое ни наесть положеніе, что строить, гдѣ, кѣмъ и изъ чего, однимъ словомъ разбудить нерасторопность господъ морскихъ, и дайте жизни и живости сему предпріятію, дабы время не ушло понапрасну, и чрезъ то

мы бъ не были принуждены нести еще нѣсколько лѣтъ тягостное бремя военнаго пламени». Въ апрѣлѣ Екатерина увѣдомляла фельдмаршала, что она совѣтовалась на счетъ постройки судовъ съ искуснымъ человѣкомъ, который въ продолженіе 53 лѣтъ своей морской службы перебывалъ на всѣхъ моряхъ во всякое время года, съ англійскимъ адмираломъ Ноллисомъ. Искусный человѣкъ сдѣлалъ чертежъ новаго рода судовъ, которыя, по простотѣ своей оснастки, могутъ управляться почти незнающими морского искусства людьми, способны ходить на греблѣ и на парусахъ и могутъ поднять отъ 3 до 4 сотъ человѣкъ съ провіантомъ и пушками. «Прошу теперь всячески стараться, писала императрица, чтобъ къ построенію сихъ судовъ, коихъ что болѣе, то лучше будетъ, хотябъ нѣсколько десятковъ или, лучше сказать, какъ успѣютъ, все надобное, какъ лѣса, такъ и работники, доставлены были къ верфямъ. Что же до такелажа и прочихъ припасовъ касается, то они изъ Тулы и Брянска доставлены будутъ до Кіева» [153].

А Румянцевъ жаловался на затруднительность своего положенія, поправить которое блестящими побѣдами, въ родѣ Кагульской, не было надежды. Мы видѣли что въ совѣтѣ было рѣшено поставить армію въ лучшее предъ прежнимъ положеніе, и дѣйствительно вице-президентъ военной коллегіи графъ Захаръ Чернышевъ представилъ, что рекрутъ назначено почти вдвое больше, чѣмъ сколько требовалось, именно въ первую армію болѣе 20,000 и во вторую слишкомъ 10,000 человѣкъ, что провіанту заготовлено на весь 1771 годъ; что магазины мундирными и аммуничными вещами наполнены для первой арміи въ Кіевѣ, а для второй въ Сѣвскѣ. Все это было прекрасно въ докладахъ совѣту; но дѣло было въ исполненіи, нужно было скорѣе доставить на мѣсто и рекрутъ и провіантъ и аммуничныя вещи. Въ апрѣлѣ Екатерина писала Румянцеву: «Что еще до васъ не доставлены ни аммуниція, ни рекруты, о томъ весьма тужу. Аммуниція въ Кіевѣ осенью уже была; чаю, что чума много перевозу препятствовала, а о рекрутахъ слышу, что ихъ внутри нашей границы обучали и обмундировывали. Къ будущему году аммуницію теперь уже отправляютъ въ Кіевъ. Я ни единого вашего письма мимо ушей не пропускаю, и всякій разъ, что вижу какое на есть отъ васъ требованіе, всячески стараюсь словомъ и дѣломъ, чтобъ вы

всѣмъ удовольствованы были и всѣ препятствія отдалены и преодолѣны бы были, чего и впредь не упущу продолжать» [154]. Это не были милостивыя фразы съ цѣлью отдѣлаться отъ докукъ фельдмаршала; Екатерина, по своей природѣ, не могла не стараться всячески, словомъ и дѣломъ удалять препятствія; но ея волѣ и власти были предѣлы. Молдавія и Валахія не могли доставить надлежащаго количества продовольствія для войска; находившіеся при русской арміи отряды изъ турецкихъ христіанъ, или такъ называемые арнауты опустошали страну не менѣе турокъ, такъ что жители разбѣжались по лѣсамъ и выманить ихъ оттуда не было никакой возможности. Надобно было привозить запасъ изъ Польши, что сопряжено было съ крайними затрудненіями по недостатку перевозочныхъ средствъ вслѣдствіе того же обнищанія странъ занятыхъ русскимъ войскомъ. Отсюда запоздалость въ доставленіи необходимыхъ вещей, особенно для самаго отдаленнаго отряда, дѣйствовавшаго за рѣкою Ольтою: здѣсь генералы жаловались, что солдаты ходятъ безъ сапогъ, зимою въ однихъ камзолахъ; имъ принуждены были давать половинное количество хлѣба; вмѣсто хлѣба давали просо, кукурузу, часто испорченныя вслѣдствіе долгаго лежанія въ ямахъ. Для обоза и артиллеріи недоставало лошадей; веревочная упряжь до того перегнила, что на каждыхъ ста саженяхъ надобно было останавливаться для исправленія порвавшихся постромокъ. Также въ печальномъ положеніи находились госпитали: здѣсь больные страдали отъ голоду и холоду вслѣдствіе дурного помѣщенія, недостатка дровъ и необходимой для приготовленія кушанья посуды [155].

Рекруты подходили медленно, у Румянцева было съ небольшимъ 50,000 войска для защиты Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи. Его безпокоило стягиваніе австрійскихъ войскъ къ южнымъ границамъ, хотя сама императрица старалась разсѣять его опасенія съ этой стороны [156]. Безпокоили Румянцева слухи объ уступкѣ Молдавіи и Валахіи Портѣ при будущемъ мирѣ, что ставило его въ самыя непріятныя отношенія къ народонаселенію этихъ странъ. Въ апрѣлѣ онъ писалъ Панину: «Удержаніе доброй къ намъ надежды народовъ съ нами единовѣрныхъ и избавленіе ихъ, похристіански разумѣя, должны насъ влекти (влечь) больше, нежели всѣ другія, съ симъ несвойственныя пользы». Въ авгу-

стѣ онъ просилъ удаленія изъ Яссъ господаря Гики, который отвращалъ жителей отъ русскихъ, представляя, что они скоро опять подпадутъ власти турокъ [157].

Въ 1770 году лѣвый берегъ Дуная, отъ Киліи до Виддина, былъ очищенъ отъ непріятеля; за турками оставались здѣсь только двѣ крѣпости — Журжа и Турно. Въ 1771 году русская армія была расположена тремя отдѣлами: правое крыло, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Олица, оберегало страну между рѣками Серетомъ и Ольтою; лѣвое крыло, подъ начальствомъ генералъ-майора Вейсмана, охраняло теченіе Дуная отъ Прута до Чернаго моря; наконецъ центръ, подъ начальствомъ самого главнокомандующаго, съ главною квартирою въ Максименахъ на Серетѣ, могъ двинуться на помощь правому или лѣвому крылу, смотря по тому, откуда явится сильное турецкое войско. Но Турки не имѣли возможности явиться на лѣвомъ берегу Дуная съ сильнымъ войскомъ; да еслибы и была возможность, то воспоминаніе о Кагулѣ отнимало охоту у визиря предпринять наступленіе. Понятно, что австрійскій и французскій посланники передавали Портѣ убѣжденія своихъ правительствъ, что успѣхъ будетъ на той сторонѣ, которая долѣе выдержитъ войну, и что для этого у Турціи болѣе средствъ, чѣмъ у Россіи; что не должно давать русскимъ войскамъ легкихъ побѣдъ, а надобно истомить ихъ продолжительностію борьбы. Такимъ образомъ Румянцевъ не имѣлъ средствъ перейти со всѣмъ войскомъ Дунай, турки также этого остерегались, и весь 1771 годъ прошелъ въ мелкой войнѣ, въ которой участвовали только оба крыла русской арміи. Понятно, что правое крыло должно было прежде всего направить свои движенія на Журжу, чтобъ отнять у турокъ послѣднее крѣпкое мѣсто на лѣвомъ берегу Дуная, лишить ихъ возможности вторгаться отсюда въ Валахію. Въ февралѣ Журжа была взята; но въ концѣ мая была обратно сдана туркамъ по малодушію коменданта майора Гензеля, артиллерійскаго офицера Колюбакина и инженера Ушакова. Получивъ извѣстіе о потерѣ Журжи, Екатерина провела «не весьма веселые дни» [158]. Фельдмаршалъ предалъ военному суду офицеровъ журжинскаго гарнизона, подавшихъ мнѣніе о необходимости сдать крѣпость. По этому поводу Екатерина писала ему: «Въ рескриптѣ къ вамъ написано, чтобъ вы поступали съ журжинскимъ комендантомъ и съ нимъ бывшими

по всей строгости законовъ; но симъ имѣю вамъ сказать, чтобъ вы ихъ смертію не казнили; а впрочемъ накажите ихъ такъ строго и съ такимъ посрамленіемъ, какъ вы заблагоразсудите; они всего достойны, но въ смерти ихъ обществу нужды нѣтъ, ибо поносная жизнь гораздо болѣе наказанія чувствительной душѣ или душамъ, нежели смерть»[159]. Въ это время, вслѣдствіе смерти генерала Олица, правымъ крыломъ начальствовалъ князь Репнинъ. Турки, ободренные взятіемъ Журжи, пошли было къ Бухарешту, но подъ этимъ городомъ потерпѣли отъ Репнина пораженіе и принуждены бѣжать къ Дунаю. По этому поводу Румянцевъ написалъ Репнину (14 іюня): «Съ приношеніемъ моего поздравленія в. с—ству о побѣдѣ надъ гордымъ сераскеромъ, долженъ я вамъ изъ обязательствъ человѣка и премного вамъ преданнаго изъяснить: во всякое другое время сіе бы происшествіе могло знаменитымъ быть, но теперь всякъ, кто вамъ нелицемѣрно усерденъ, скажетъ, что оно подвержено критикѣ. Случай такой рѣдокъ въ войнахъ, чтобъ непріятеля заманить въ непроходныя пропасти, вамъ не только то совершенно удалось учинить по своему желанію (чѣмъ однимъ можетъ только изъясняемо быть выше отступленіе), но еще опрокинуть и гнать. Но если вы не пользовались въ уготованной пасти заноженнаго непріятеля гнать прямо, если всѣ трудные проходы пробѣжалъ онъ безъ преслѣдованія, не потерявъ ни людей, ни пушекъ, ни тягостей своихъ, то вы сами вообразить можете, какъ должно судить такое дѣло со стороны распоряженія и слѣдствій. Всѣ будутъ думать, какъ и я мню, что еслибы въ своей одержанной поверхности вы обратили войска далѣе вслѣдъ за опрокинутымъ непріятелемъ, онъ бы не только претерпѣлъ уголовную погибель, да еще въ своемъ первомъ страхѣ оставилъ бы намъ и Журжу. Еще я не перемѣняю лучшихъ мыслей и надежды, что в. с—ство на прогнаніе непріятеля обратите свои дѣйствія».

Репнинъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ выражалось сильное оскорбленіе, увѣдомлялъ о своей болѣзни, заставившей его сдать команду и просить увольненія для пользованія заграничными водами. На это Румянцевъ писалъ ему (21 іюня): «Съ прискорбностію я получаю ваше увѣдомленіе о приключившейся вамъ болѣзни, и не безъ сожалѣнія я былъ тогда, какъ необходимость службы и долгъ моего къ вамъ усердія принудили меня сказать

вамъ истину, которая изъ письма вашего я вижу, что васъ такъ власно огорчаетъ, какъ бы нанесенное въ чемъ-либо отъ меня насиліе. На многіе случаи и на многихъ пріятелей моихъ я могу послаться, предъ которыми я былъ иногда въ подобномъ какъ и съ вами положеніи, что они видѣли напослѣдокъ мои заключенія справдившимися, которыя сперва почитали себѣ за нападокъ. Трудно всякого убѣдить на способъ, какой каждый человѣкъ свой особенный имѣетъ разсуждать о дѣлахъ, напримѣръ: в. с—ство изъемлете себя отвѣчать за происшествіе, а я напротивъ ожидать повиненъ, что все у васъ происходящее придетъ на мой отвѣтъ; да еслибы не долженствовать никому отвѣтомъ за слѣдствія, которыя происходятъ отъ нашихъ дѣлъ, то всѣ бы полководцы воевали безпечно, и какая нужда была бы тогда заботиться кому-нибудь о своихъ упражненіяхъ? Мнѣ чувствительно, когда я долженъ ваши рапорты, такъ какъ они есть, представлять двору, ибо увидятъ изъ оныхъ, что в. с—ство въ одномъ описываете своихъ войскъ недостатки въ аммуниціи и провіантѣ, въ другомъ говорите, что въ городѣ Бухарестахъ сложенная аммуниція и пропитаніе васъ отягощаютъ».

Репнинъ получилъ увольненіе за границу для излѣченія отъ болѣзни. Занявшій его мѣсто генералъ Эссенъ въ августѣ подступилъ къ Журжѣ, но потерпѣлъ неудачу, причемъ почти всѣ офицеры были убиты или ранены; нижнихъ чиновъ выбыло изъ строю около 2000. Екатерина писала Румянцеву: «Въ удачныхъ предпріятіяхъ я васъ поздравляла; нынѣ въ неудачномъ случаѣ, когда генералъ-поручикъ Эссенъ не успѣлъ взять Журжу, но самъ съ большою потерею остался, я вамъ также скажу свое мнѣніе: я о томъ хотя весьма сожалѣю, но что же дѣлать? гдѣ вода была, опять вода быть можетъ. Богъ много милуетъ насъ, но иногда и наказуетъ, дабы мы не возгордились. Но какъ мы въ счастіи не были горды, то надѣюсь, что и неудачу снесемъ съ бодрымъ духомъ. Сіе же несчастіе я надежна, что вы не оставите поправить, гдѣ случай будетъ. Болѣе всего мнѣ прискорбна великая потеря храбрыхъ людей: еще ни одна баталія во всю войну намъ такъ много людей не стоила. Впрочемъ стараться буду оную наградить и привести армію въ наипочтительнѣйшее состояніе, нежели еще была»[160]. Вода дѣйствительно явилась тамъ, гдѣ была прежде: Эссенъ взялъ наконецъ Журжу.

Блистательнѣе шли дѣла при наступательныхъ движеніяхъ за Дунай лѣваго крыла. Въ мартѣ генералы Вейсманъ и Озеровъ сдѣлали очень удачный поискъ на Тульчу, овладѣли всѣми ея батареями, заклепали 23 пушки, сожгли 8 судовъ, убили у турокъ больше 500 человѣкъ, не имѣя при себѣ ни одного орудія, и съ торжествомъ отплыли назадъ въ Измаилъ на своихъ очень ненадежныхъ судахъ. Въ апрѣлѣ Вейсманъ и Озеровъ сдѣлали поискъ на Исакчи, также овладѣли батареями и сожгли большіе магазины, наполненные хлѣбомъ. Въ маѣ Потемкинъ сжегъ городъ Цыбры, магазины, взялъ 14 большихъ и 100 малыхъ судовъ. Въ іюнѣ Вейсманъ и Озеровъ опять отправились къ Тульчѣ, овладѣли всѣмъ городомъ, кромѣ за̀мка, истребили до 2000 непріятелей. Въ октябрѣ Вейсманъ и Озеровъ въ третій разъ приступили къ Тульчѣ и заняли за̀мокъ, брошенный гарнизономъ, который бѣжалъ къ Бабадагу; русскіе пошли по его слѣдамъ, и, не доходя четырехъ верстъ отъ Бабадага, открыли обширный лагерь самого великаго визиря. Удачное дѣйствіе русской артиллеріи заставило визиря отступить отъ Бабадага, который достался побѣдителямъ съ большими запасами, и былъ сожженъ. Въ то же время Милорадовичъ взялъ Мачинъ, Якубовичъ Гирсово. Вейсманъ кончилъ походъ взятіемъ Исакчи. Въ концѣ октября первая армія уже была расположена на зимнихъ квартирахъ; главная квартира была перенесена въ Яссы.

Мы видѣли, что по петербургскому плану вторая армія должна была въ этомъ году предпринять наступательное движеніе на Крымъ; чтобъ выговорить важное условіе независимости татаръ, нужно было принудить ихъ отторгнуться отъ Порты. Еще въ концѣ 1770 года вторая армія перемѣнила своего начальника. Графъ Петръ Панинъ не могъ равнодушно снести неравенства славы и наградъ, которыя выпали на его долю въ сравненіи съ главнокомандующимъ первою арміею и съ начальникомъ морской экспедиціи. Имена кагульскаго и чесменскаго побѣдителей гремѣли по всей Россіи и Европѣ; взятіе Бендеръ прошло сравнительно незамѣтно. Разумѣется Панинъ и друзья его считали себя въ правѣ жаловаться, что въ то время, когда главнокомандующему первою арміею открыта была возможность перевѣдываться въ чистомъ полѣ съ толпами татаръ и турокъ, причемъ успѣхъ европейскаго качества надъ азіатскимъ количествомъ былъ обез-

печенъ, главнокомандующій второю арміею долженъ былъ осаждать сильную крѣпость, а было извѣстно, какъ турки, не выдерживая въ чистомъ полѣ противъ европейскихъ войскъ, упорно защищаются за стѣнами крѣпостей. Но эта жалоба, на которую обращаетъ вниманіе исторія, не имѣла значенія для большинства современниковъ, которые никакъ не могли приравнивать взятіе Бендеръ съ кагульскою или чесменскою побѣдою, тѣмъ болѣе, что взятіе Бендеръ дорого стоило и это производило печальное впечатлѣніе. Панинъ былъ заслоненъ Румянцевымъ и Алексѣемъ Орловымъ; подвигъ его не былъ оцѣненъ, въ его глазахъ, по достоинству, его не сдѣлали фельдмаршаломъ, рескриптъ ему былъ кратокъ и сухъ; Панинъ жаловался, что и сподвижники его не были награждены какъ слѣдовало. Панинъ сталъ толковать о своей болѣзни, наконецъ подалъ въ отставку; если при этомъ онъ надѣялся на вліяніе брата, на свою незамѣнимость, то обманулся въ надеждѣ: императрицу раздражали претензіи на сравненіе съ Румянцевымъ и Орловымъ; у Паниныхъ были сильные враги, которые поспѣшили увѣрить, что незамѣнимости нѣтъ, и просьба Панина объ отставкѣ была принята; на его мѣсто назначенъ князь Василій Михайловичъ Долгорукій. Англійскій посланникъ лордъ Каткартъ, надѣявшійся въ проведеніи своего дѣла преимущественно на графа Никиту Панина, является органомъ панинской партіи, и потому донесенія его для насъ любопытны. «Ея и. в—ство и графъ Панинъ (Никита) въ настоящую минуту до нѣкоторой степени избѣгаютъ другъ друга, писалъ Каткартъ, такъ какъ генералъ Панинъ, по причинѣ нездоровья, подалъ въ отставку. Генерала не произвели въ фельдмаршалы. Онъ думаетъ, что съ арміею его дурно поступали, на его рекомендаціи не обращено вниманія, его успѣхи унижены. Онъ горячъ, враги раздражали его и достигли своей цѣли». Князя Долгорукаго Каткартъ называетъ неспособнѣйшимъ человѣкомъ, котораго выдвинулъ Чернышевъ, чтобъ поставить вторую армію въ такую же зависимость отъ себя, въ какомъ была первая, когда находилась подъ начальствомъ князя Голицына [161]; о Панинѣ же отзывается такъ: «Генералъ Панинъ, уважаемый, любимый офицерами и солдатами, по взятіи Бендеръ, составлявшемъ цѣль похода, принужденъ былъ выйти въ отставку, потому что не отдали справедливости достойнымъ людямъ, которыхъ онъ рекомендовалъ».

Здѣсь любопытно выраженіе, что взятіе Бендеръ составляло цѣль кампаніи: такъ обыкновенно партіи не церемонятся съ правдою, когда имъ надобно возвысить своего и унизить противника.

Новый главнокомандующій второю арміею долженъ былъ исключительно имѣть въ виду Крымъ; но еще при Панинѣ сношенія съ татарами были поручены управлявшему Слободскою губерніею ген.-майору Щербинину. Для Панина, занятого подъ Бендерами, это было большое облегченіе; но Долгорукій взглянулъ на дѣло иначе. Еще въ декабрѣ 1770 года, будучи въ Совѣтѣ, онъ заявилъ ему о неудобствѣ, какое можетъ произойти отъ того, что переговоры съ татарами, независимо отъ него, поручены Щербинину. Совѣтъ долго улаживалъ это дѣло, наконецъ рѣшилъ, чтобъ Щербининъ производилъ сношенія съ татарами непосредственно, но въ то время, когда начнутся военныя дѣйствія, долженъ зависѣть отъ Долгорукаго [162]. Послѣдній не былъ и этимъ доволенъ; онъ писалъ Панину: «Къ крайнему моему сожалѣнію изъ высочайшаго рескрипта усмотрѣлъ я, что сія негоціація въ производство ввѣрена Евдокиму Алексѣевичу (Щербинину), и какъ сіе почитаю я за крайнѣйшую немилость, и сколь много сіе нечаянное приключеніе повергаетъ меня въ несносную печаль, что не удостоился получить отъ ея в — ства сей довѣренности. Всепокорнѣйше и нижайше ваше сіятельство, какъ моего отмѣннаго благодѣтеля и патрона прошу показать мнѣ ваше въ моей горести къ утишенію одолженіе, чтобъ сія негоціація была препоручена мнѣ, и избѣгнулъ бы я тѣмъ не только отъ собственныхъ своихъ подкомандныхъ, но и отъ цѣлаго свѣту нареканія; если столько буду счастливъ получить оное, то за верхъ моего благополучія поставлю и буду считать, что я получаю руководствомъ вашего сіятельства» [163]. Объ этомъ же писалъ Долгорукій и самой императрицѣ, которая рѣшила, чтобъ Долгорукій сносился съ крымцами, а Щербининъ съ отложившимися отъ Порты ногаями, но чтобъ первый имѣлъ и здѣсь начальническое значеніе. Долгорукій успокоился и писалъ, что самъ находитъ нужду и пользу, чтобъ Щербининъ былъ при татарской коммиссіи.

Новый главнокомандующій хотѣлъ попытаться уладить дѣло переговорами. Въ январѣ отправился въ Крымъ переводчикъ Мавроевъ, и за отсутствіемъ хана Селимъ-Гирея былъ принятъ

роднымъ братомъ его, калгою, но потомъ посаженъ подъ стражу и сидѣлъ 22 дня. Въ совѣтахъ съ вельможами калга объявилъ свое намѣреніе и повелѣніе, чтобъ впредь не принимать русскихъ посланцевъ, которые пріѣзжаютъ для возмущенія крымскаго народа, если кто будетъ присланъ, то брать подъ караулъ и вѣшать на позоръ Россіи, что̀ надобно исполнить и надъ Мавроевымъ, а Джанмамбетбеева двоюроднаго брата Мелиса-мурзу и Али-агу, которые пріѣхали вмѣстѣ съ Мавроевымъ, сжечь живыхъ. Но одинъ изъ султановъ Шагинъ-Гирей, потомокъ Хаджи-Гирей-хана, и главный изъ духовныхъ, Казаскеръ-эфенди подали голосъ противъ, говоря, что если калга своего повелѣнія не отмѣнитъ, то зналъ бы, что отъ гибели одного человѣка Россіи, и двоихъ едисанской ордѣ никакого ущерба не послѣдуетъ, но когда Крымъ отъ Турціи помощи не получитъ, то отъ Россіи нечего будетъ ждать милости. Въ случаѣ еслибы калга не отмѣнилъ своего намѣренія, Шагинъ Гирей обѣщалъ самъ освободить Мавроева изъ-подъ караула и въ цѣлости препроводить до русскихъ границъ. 15 февраля Казаскеръ-эфенди ночью призвалъ къ себѣ Мелиса-мурзу и Али-агу и объявилъ имъ, что калга приказалъ написать въ Россію письмо, которое и написано, содержаніе его двоякое, т.-е. чтобъ Россіи не досадить и не навести на себя подозрѣнія Порты; но онъ эфенди не будетъ смотрѣть на такія аллегоріи, и какъ писалъ къ Джанъ-Мембетъ-бею, такъ и сдѣлаетъ: при наступленіи весны выѣдетъ въ степь и соединится съ Едисанскою ордою. Черезъ два дня послѣ этого Мавроева выслали изъ Бакчисарая.

Эдисанская орда весною кочевала у Конскихъ водъ; при переходѣ черезъ Днѣпръ запорожцы не преминули ее пограбить, и чтобъ успокоить ногаевъ русское правительство должно было заплатить имъ за пограбленное до 14,000 рублей. Къ Джанъ-Мамбетъ-бею пріѣхалъ старый знакомый Веселицкій, къ которому немедленно явился пріятель Абдулъ-Керимъ-эфенди и клятвенно увѣрялъ въ вѣрности и твердости всѣхъ едисанцевъ, буджаковъ и джамбулуковъ; объявилъ, что Джанъ-Мамбетъ-бей и все благонамѣренное общество очень желаетъ выбрать въ ханы, если императрицѣ угодно, Шагинъ-Гирея, который передъ этимъ былъ воеводою или сераскиръ-султаномъ надъ эдисанцами: этотъ султанъ не только преданъ Россіи и навсегда останется ей вѣ-

ренъ, но и человѣкъ онъ очень разумный и праводушный. Эфенди прибавилъ, что мурзы съ крымскими татарами охотно вышли бы къ благонамѣреннымъ ордамъ подъ покровительство Россійской Имперіи; но нѣкоторые изъ ширинов, прельщенные подарками и увѣщаніями калги, согласились съ нѣкоторыми муллами и съ Джалимъ-беемъ, старшимъ надъ ширинами, зятемъ нынѣшняго хана, чтобъ перечить другимъ; они упираютъ на одну статью Алкорана, которая говоритъ: если мусульманскій народъ, не видя никакой опасности отъ меча и огня, осмѣлится нарушить свою присягу отступленіемъ отъ единовѣрнаго государя и передаться иновѣрной державѣ, то на вѣки долженъ быть проклятъ; если же предвидится неминуемая гибель, то нужда законъ перемѣняетъ и нарушить присягу позволяется. По этому между ними и постановлено до тѣхъ поръ не отступать отъ Порты, пока не увидятъ крайней опасности отъ русскаго войска.—Пришелъ самъ Джанъ-Мамбетъ-бей и говорилъ то же самое о Шагинъ-Гиреѣ: «Хочу къ нему писать, чтобъ выѣхалъ къ намъ изъ Крыму, потому что съ его выѣздомъ между крымцами послѣдуетъ великая перемѣна: изъ всѣхъ Гиреевъ одинъ этотъ султанъ всѣмъ народомъ любимъ».

Такимъ образомъ для отторженія крымцевъ отъ Порты нужно было показать имъ опасность отъ меча и огня, нужно было предпринять походъ во внутренность ихъ полуострова. 25 мая вторая армія собралась при рѣчкѣ Маячкѣ, и 14 іюня овладѣла перекопскою линіею, которую защищали 50,000 татаръ и 7,000 турокъ подъ начальствомъ самого хана Селимъ-Гирея. Ханъ ушелъ и крѣпость Перекопъ сдалась. По словамъ Долгорукаго русскіе овладѣли линіею почти безъ урона. Кн. Щербатовъ взялъ приступомъ крѣпость Арабатъ; Козловъ былъ занятъ безъ сопротивленія. Къ крымцамъ былъ отосланъ знатный плѣнникъ, Эмиръ-ханъ-ага съ увѣщательнымъ письмомъ. 22 іюня, когда Долгорукій стоялъ уже на Салгирѣ, Эмиръ-ханъ возвратился вмѣстѣ съ двумя крымскими вельможами ширинскаго поколѣнія и привезъ отвѣтное письмо за рукою и печатью пяти ширинскихъ князей, 14 знаменитой породы дворянъ и троихъ главныхъ духовныхъ лицъ. Они просили пятидневнаго перемирія; Долгорукій согласился. Въ четвертый день срока подъ вечеръ пріѣхалъ отъ дворянства Азаметъ-ага съ просьбою, чтобъ позво-

лено было имъ выслать турокъ изъ Кафы безъ всякаго для нихъ вреда отъ русскаго войска; чтобъ настоящій ханъ остался въ своемъ достоинствѣ и чтобъ русскія войска послѣ подписанія татарами акта о вступленіи въ дружбу съ Россійскою Имперіею, выступили изъ Крыма; но Долгорукій примѣтя, что эти ихъ новыя затѣи употребляются только для выигранія времени, чтобъ дождаться изъ Анатоліи вспомогательнаго войска, отвѣчалъ, что отъ даннаго слова не отступаетъ, и что если завтра сановники не пріѣдутъ съ подписаннымъ актомъ, то онъ ударитъ на турецкое войско при Кафѣ, а съ татарами будетъ поступать безъ пощады какъ съ непріятелями. Сановники въ срокъ не пріѣхали; пріѣхали два простыхъ татарина съ письмомъ отъ ширинскихъ князей и духовенства, которые объявляли готовность вступить подъ покровительство императрицы. На вопросъ, для чего къ сроку не присланы сановники, посланцы отвѣчали, что опасались турокъ и хана, который съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему татаръ и ширинъ, стоитъ у рѣки Меньшой Карасу. Долгорукій велѣлъ ихъ спросить: какую надежду полагаютъ они на хана Селимъ-Гирея, который старается повергнуть ихъ въ крайнее несчастіе, совѣтуя не вступать въ союзъ съ Россіею, и можетъ ли онъ имъ благодѣтельствовать по освобожденіи изъ турецкаго подданства, когда все его семейство и имѣніе находятся въ Румеліи? Не могутъ ли они изъ Гиреевъ найти другого достойного? На это посланцы отвѣчали, что часто по году и больше Крымъ управляется ширинами и прочими чинами до утвержденія Портою новаго хана, слѣдовательно и теперь на первый случай они могутъ обойтись безъ хана. Долгорукій далъ еще 4 дня срока для пріѣзда депутатовъ и аманатовъ съ подписаннымъ актомъ союза.

Но въ это время главнокомандующему донесли, что къ туркамъ подъ Кафою прибываютъ подкрѣпленія; Долгорукій при такихъ обстоятельствахъ не счелъ возможнымъ дожидаться татаръ: 29 іюня онъ пошелъ на турецкій лагерь и овладѣлъ имъ, послѣ чего городъ Кафа сдался; турки при этомъ потеряли болѣе 3,500 человѣкъ. Турки, находившіеся въ Керчи, узнавъ объ этихъ событіяхъ, поспѣшили отплыть на судахъ и русскіе заняли Керчь безпрепятственно; то же случилось и съ Еникале. Тутъ явились крымскіе посланцы и были приняты холодно. Они

навѣдывались: если изберутъ хана, то можетъ ли онъ смѣняться, или останется ханомъ на всю жизнь, и когда всѣ крѣпости и пристани заняты будутъ русскими гарнизонами, то остальная русская армія останется ли въ Крыму? Имъ отвѣчали, что ханъ будетъ безсмѣнный, что же касается арміи, то это зависитъ отъ императрицы. 7 іюля пріѣхалъ къ Долгорукому въ лагерь подъ Кафою знатный татаринъ Мустофа-ага съ письмомъ отъ ширинскаго князя Джаханъ-Гирея и Богадырь-аги, которые увѣдомляли, что крымское начальство, видя несклонность хана Селимъ-Гирея къ ихъ доброму намѣренію, по общему разсужденію и согласію, избрало ихъ обоихъ главными начальниками во всемъ крымскомъ правленіи до возведенія новаго хана по высочайшему одобренію императрицы. Мустафа-ага, который былъ сынъ Богадырь-аги, оставался заложникомъ до прибытія пословъ и аманатовъ. 9 іюля эти послы и аманаты пріѣхали, пріѣхали и двое депутатовъ отъ владѣтеля Таманскаго острова Ахметъ-бея, который также отдавался въ покровительство императрицы. Ханъ Селимъ-Гирей прислалъ также письмо съ объявленіемъ, что намѣренъ вступить въ дружбу съ Россіею; князья, аги и духовенство прислали письмо, въ которомъ увѣдомляли, что положили имѣть ханомъ того же Селимъ-Гирея, который желаетъ союза и дружбы, съ Россіею; что же касается бывшихъ при немъ султановъ, то они, не соглашаясь на русскій союзъ, сѣли на суда и отправились въ Царьградъ. Но ханъ Селимъ-Гирей не дождался отвѣта на свое письмо: свѣдавъ о приближеніи къ Бакчисараю русскихъ войскъ, назначенныхъ для занятія гаваней—Балаклавы, Бельбека и Ялты, и вообразивъ, что подъ видомъ этого занятія скрывается намѣреніе схватить его, побѣжалъ изъ деревни Альмы къ Ялтѣ, гдѣ стояли заготовленныя для него суда, сѣлъ на нихъ со всѣми своими и отплылъ въ Румелію. Этотъ отъѣздъ хана далъ возможность Джаханъ-Гирею и Богадырь-агѣ отправиться въ Карасу-Базаръ, созвать всѣхъ ширинъ, чиновниковъ, дворянство и духовенство для подписанія и утвержденія печатями присяжнаго листа и для совѣщанія объ избраніи хана. 27 іюля пріѣхалъ къ Долгорукому изъ Карасу-Базара ширинскій мурза Измаилъ, объявилъ объ утвержденіи вѣчной дружбы и неразрывнаго союза съ Россіею и подалъ подписанный 110 именами присяжный листъ; а на другой день пріѣхали два знатныхъ татарина и объявили объ избраніи въ

ханы Сагибъ-Гирея, а брата его, извѣстнаго Шагинъ-Гирея въ калги, племянника ихъ Батырь-Гирея въ нурадинъ-султаны; посланные отъ имени всего общества, ручались за вѣрность избранныхъ, какъ не имѣющихъ никакой привязанности къ Портѣ, отъ которой вовсе отторглись, что̀ подтвердили клятвою предъ цѣлымъ обществомъ; съ русскою же имперіею вступили въ вѣчную дружбу и неразрывный союзъ подъ высочайшую протекцію и ручательство императрицы. Посланные при этомъ объявили Долгорукову: на Кубанской сторонѣ есть 12 разныхъ родовъ татарскихъ между черкесами, абазинцами и ногаями, которые роды издавна зависѣли отъ крымскихъ хановъ и теперь обѣщали остаться нераздѣльными собратіями, почему крымское правительство намѣрено отправить пословъ для склоненія ихъ къ вѣчной дружбѣ съ Россіею. Некрасовцевъ, которые безъ сомнѣнія не откажутся соединиться съ ними же, просили оставить на прежнихъ мѣстахъ и подъ крымскою властію. Долгорукій обѣщалъ [164].

Екатерина была очень довольна дѣйствіями второй арміи, которыя напоминали прошлогоднія блестящія дѣйствія первой арміи и флота. Радость императрицы видна въ письмѣ ея къ Долгорукову. «Вчерашній день (17 іюля) обрадована я была вашими вѣстниками, кои пріѣхали другъ за другомъ слѣдующимъ порядкомъ: на разсвѣтѣ конной гвардіи секундъ-ротмистръ кн. Иванъ Одоевскій со взятіемъ Кафы, въ полдень гвардіи подпоручикъ Щербининъ съ занятіемъ Керчи и Еникале и предъ захожденіемъ солнца артиллеріи поручикъ Семеновъ съ ключами всѣхъ сихъ мѣстъ и съ вашими письмами. Признаюсь, что хотя Кафа и великъ городъ и путь морской, но Еникале и Керчь открываютъ входъ г. Синявину водой въ тотъ портъ, и для того они много меня обрадовали. Благодарствую вамъ и за то, что̀ вы не оставили мнѣ дать знать, что вы уже подняли русскій флагъ на Черномъ морѣ, гдѣ давно не казался, а нынѣ вѣетъ на тѣхъ судахъ, кои противу насъ непріятель употребить хотѣлъ и трудами вашими отъ рукъ его исторгнуты». Долгорукій получилъ Георгіевскій орденъ первой степени, 60,000 рублей денегъ, табакерку съ портретомъ императрицы, сынъ его произведенъ въ полковники [165].

Легкое дѣло—покореніе Крыма—было кончено, начиналось самое трудное, утвержденіе такъ-называемой независимости его. Несмотря на то, что хищническіе набѣги крымцевъ на русскія и польскія, т.-е. тоже русскія окраины, повидимому, прекратились, въ Крыму томилось въ неволѣ не мало русскихъ людей, число ихъ увеличилось послѣ татарскаго нашествія въ началѣ войны; кромѣ русскихъ, были христіанскіе рабы изъ другихъ народовъ. Торжество русскаго оружія въ Крыму, разумѣется, должно было сопровождаться немедленнымъ освобожденіемъ русскихъ и вообще христіанскихъ рабовъ. Князь Долгорукій потребовалъ этого освобожденія; но чтобъ не возбудить негодованія черни, общество главнѣйшихъ ширинъ, знатное дворянство и духовенство взялись изъ общихъ земельныхъ доходовъ заплатить за плѣнныхъ христіанъ, за мужчинъ по 100, а за женщинъ по 150 левковъ. Посредствомъ такого выкупа въ армію приведено было мужчинъ и женщинъ 1200 человѣкъ; многіе солдаты, особенно изъ поселенныхъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ нашли между ними своихъ женъ и дѣтей. Но какъ скоро между рабами пронеслась вѣсть, что ихъ освобождаютъ, то не стали дожидаться опредѣленнаго для выкупа срока и бросились бѣжать къ войску; такихъ бѣглецовъ въ августѣ мѣсяцѣ при арміи было уже до 9000 душъ. По уговору съ крымцами, русскій главнокомандующій велѣлъ поднять кресты на 12 греческихъ церквахъ въ Кафѣ и снабдить ихъ колоколами; также по всѣмъ городамъ и селамъ начали поправлять греческія церкви. Но легко понять, какими глазами долженъ былъ смотрѣть на все это татаринъ.

Немедленно же начались столкновенія и съ новымъ ханомъ. Князь Долгорукій увѣдомилъ Сагибъ-Гирея, что въ крымскихъ крѣпостяхъ останутся русскіе гарнизоны для защиты отъ турокъ, и что крымцы должны доставлять этимъ гарнизонамъ топливо. Ханъ отвѣчалъ, что Крымъ отъ Порты отторгся, слѣдовательно самъ долженъ защищаться отъ нападенія, и притомъ въ нынѣшнемъ году никакой опасности отъ турокъ ожидать нельзя, потому что время корабельнаго хода миновалось; Крыму безъ русскаго войска была бы лучшая вольность, а на будущій годъ, если станетъ грозить опасность, ханъ дастъ знать о ней главнокомандующему; крымскій народъ и безъ того разоренъ и безде-

нежно не можетъ давать русскому войску отопленія. Долгорукій отвѣчалъ: «Хотя до апрѣля мѣсяца никакой опасности съ турецкой стороны ожидать нельзя, однако я гарнизоны вывести власти не имѣю, ибо оные введены въ силу повелѣній моей государыни, а вашей великодушнѣйшей покровительницы и щедрѣйшей благодѣтельницы». Относительно отопленія главнокомандующій распорядился, чтобъ солдаты были размѣщены въ христіанскихъ домахъ, гдѣ будутъ пользоваться тепломъ сообща съ хозяевами; гдѣ же нѣтъ христіанскихъ домовъ, то въ порожнихъ магометанскихъ, и только въ этомъ случаѣ татары должны доставлять имъ топливо.

Русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при ханѣ назначенъ былъ извѣстный намъ канцеляріи совѣтникъ Веселицкій. Онъ долженъ былъ вручить Сагибъ-Гирею актъ, въ которомъ говорилось, что крымская область учреждается вольною и ни отъ кого независимою, и такъ какъ это сокровище получено единственно отъ человѣколюбія и милосердія ея и. в—ства великой Екатерины, то Крымская область вступала въ вѣчную дружбу и неразрывный союзъ съ русскою имперіею подъ сильнымъ покровительствомъ и ручательствомъ ея самодержицы. Ханъ обязывается не вступать съ Портою ни въ какое соглашеніе. Веселицкій долженъ былъ требовать подписанія этого акта и также требовать просительнаго къ императрицѣ письма, чтобъ приняла подъ свою власть города: Керчь, Еникале и Кафу. Назначенные для переговоровъ съ Веселицкимъ вельможи отвѣчали на послѣднее требованіе: «Какая же будетъ свобода и независимость, когда въ трехъ главныхъ мѣстахъ будетъ находиться русское войско? народъ нашъ всегда будетъ безпокоиться на счетъ слѣдствій этой уступки, опасаясь такого же угнетенія, какое мы терпѣли во время турецкаго владычества въ этихъ городахъ. Веселицкій представлялъ, что это дѣлается для ихъ благоденствія, что отъ Порты надобно всегда и всего опасаться, и будутъ они подвержены гибели вслѣдствіе отдаленности своей отъ русскихъ предѣловъ; спрашивалъ: могутъ ли они защищаться собственнымъ войскомъ? Татары все это выслушивали безъ возраженій, но отвѣчали просьбою, нельзя ли ихъ избавить отъ этой новости, какъ они выражались. Тогда Веселицкій объявилъ имъ, что если они этого требованія не исполнятъ, то онъ не приступитъ ни къ чему друго-

му. Ханъ созвалъ всѣхъ старшинъ для совѣта объ уступкѣ Керчи, Еникале и Кафы. Совѣтъ продолжался пять дней сряду, и 7 ноября присланы были знатные люди къ Веселицкому съ объявленіемъ, что духовенство находитъ эту уступку противною ихъ вѣрѣ, и такъ какъ русское правительство объявило, что оно не будетъ требовать ничего противнаго мусульманской религіи, то они на отдачу городовъ согласиться не могутъ. Веселицкій отвѣчалъ, чтобъ они пункты вѣры оставили, потому что содержаніе алкорана и христіанамъ извѣстно: избавители отъ порабощенія, доставившіе совершенную вольность и спокойствіе цѣлому обществу и землѣ и остающіеся ихъ защитниками признаются и по алкорану дѣйствительными благодѣтелями. Татары, по обстоятельствамъ, не могли возражать, но тѣмъ болѣе раздражались напоминаніями о непрошенныхъ благодѣяніяхъ; они упорно оставались при своемъ, и Веселицкій долженъ былъ уступить, согласился, чтобъ они отправили къ императрицѣ просьбу о нетребованіи у нихъ городовъ, замѣтилъ однако при этомъ, чтобъ они пеняли на себя, если разгнѣваютъ государыню, которая можетъ сдѣлать ногаевъ вольными и независимыми и дозволитъ имъ выбрать себѣ особаго хана. «Еслибъ, писалъ Веселицкій Долгорукому, у меня знатная денежная сумма была, то всѣ бы затрудненія, претвновенія и упорства, и самый пунктъ вѣры былъ бы преодолѣнъ и попранъ, ибо этотъ народъ, по корыстолюбію своему, въ пословицу ввелъ, что деньги суть вещи дѣла совершающія; а безъ денегъ трудно обходиться съ ними, особенно съ духовными ихъ чинами, которые къ деньгамъ болѣе другихъ падки и лакомы. Ханъ, всѣ старшины и большая часть чиновныхъ людей благонамѣренны и весьма преданы въ нашу сторону, но за духовенство не ручаюсь, которое развѣ подарками денежными можетъ быть преклонено».

Но еще прежде отсылки этой просьбы о нетребованіи городовъ, въ Петербургъ отправился изъ Крыма посломъ калга Шагинъ-Гирей. Его приняли очень любезно, какъ человѣка, извѣстнаго своею преданностію къ Россіи, назначили по 100 рублей въ день на содержаніе. Но и съ этимъ преданнымъ татариномъ не замедлили обнаружиться столкновенія. Шагинъ потребовалъ, чтобъ графъ Панинъ, *первенствующій* министръ, какъ онъ назывался, первый сдѣлалъ ему визитъ. На это не соглаша-

лись, видя въ Шагинѣ посла отъ татарскаго улуса; но калга не считалъ себя простымъ посломъ. Любопытенъ разговоръ, происходившій по этому случаю между Шагинъ-Гиреемъ и приставленнымъ къ нему чиновникомъ иностранной коллегіи Пиніемъ. *Шагинъ:* Дѣйствительно, всероссійская имперія сдѣлала вольнымъ народъ татарскій, бывшій въ зависимости отъ Порты Оттоманской по причинѣ Мекки и Медины; и народъ татарскій надѣется отъ всероссійской имперіи, что она его возвыситъ, а не унизитъ, не сдѣлаетъ презрѣннымъ. Чтобъ не сравнивали меня съ министрами другихъ державъ, я не министръ, и не отправленъ ни отъ хана, ни отъ народа татарскаго, но пріѣхалъ добровольно, чтобъ наиболѣе распространить и крѣпче утвердить дружбу. *Пиній:* Примѣръ другихъ министровъ представляется единственно въ доказательство наблюдаемаго въ имперіи правила; оно наблюдается съ министрами, представляющими персоны государей ихъ, и потому не можетъ нанести чести вашей ни малѣйшаго повреждения. *Шагинъ:* Въ волѣ вашей дѣлать то что за благо признаете; я не иное что, какъ глыба земли; однако я древняго поколѣнія Али Чингисъ-хана; а при Портѣ Оттоманской верховный визирь ханамъ дѣлаетъ первое посѣщеніе. *Пиній:* Ханамъ такъ, но не султанамъ; это я навѣрное знаю, жившп столько лѣтъ въ Константинополѣ. *Шагинъ:* Такъ, визирь не дѣлаетъ перваго визита султанамъ, но трехбунчужные паши дѣлаютъ. *Пиній:* Большая разница между трехбунчужнымъ пашею и верховнымъ визиремъ, съ которымъ совершенно въ одномъ положеніи находится графъ Панинъ, первенствующій ея и. в—ства министръ. *Шагинъ:* Хорошо, я съ этимъ согласенъ; однако прошу, чтобъ мнѣ уступлены были эти два пункта—одинъ, чтобъ мнѣ сдѣланъ былъ визитъ, а другой, чтобъ не принуждали снять шапку, когда буду имѣть ауденцію у ея и. в—ства. *Пиній:* Первенствующій министръ велѣлъ мнѣ рѣшительно дать знать, что это невозможно. *Шагинъ:* Очень хорошо, въ волѣ ихъ дѣлать что хотятъ; я прошу, чтобъ эта честь мнѣ была оказана; въ моемъ карманѣ лежитъ и въ моей силѣ состоитъ все то что касается татарскаго народа.

Послѣ этого разговора калгѣ было прислано письменное объявленіе: «Россійскій императорскій дворъ съ удивленіемъ примѣчаетъ упрямство калги-султана въ исполненіи обязанностей харак-

тера его по церемоніалу и обрядамъ, всегда и непремѣнно наблюдаемымъ при высочайшемъ дворѣ. Гость по справедливости и по пристойности обязанъ больше примѣняться и слѣдовать обыкновеніямъ двора, при которомъ онъ находится, а не дворъ его желаніямъ или прихотямъ. Все дѣлаемое министромъ и посломъ другихъ державъ относится къ ихъ государямъ, лицо которыхъ они представляютъ. Калга-султанъ принимается въ такомъ же характерѣ и получитъ честь быть допущеннымъ на аудіенцію ея и. в—ства какъ посланникъ брата своего, хана крымскаго, т.-е. верховнаго правителя татарской области, имѣющій отъ его имени просить о подтвержденіи въ этомъ достоинствѣ, которое онъ получилъ, хотя и по добровольному всего татарскаго общества избранію, однако пособіемъ ея и. в—ства. И такъ онъ калга-султанъ можетъ почитать себя только посланникомъ хана своего брата; а еслибы не такъ было и пріѣхалъ онъ не въ такомъ значеніи, то здѣшній дворъ не могъ бы его иначе принять, какъ частнаго человѣка, съ уваженіемъ только къ его происхожденію».

Шагинъ-Гирей отсталъ отъ своего требованія относительно визита гр. Панина; но по прежнему не соглашался снимать шапки; онъ говорилъ, что этого не позволяетъ магометанскій законъ; онъ умолялъ пощадить его отъ поступка, который нанесетъ крайнее безславіе на всѣ остальные дни жизни его, и если будетъ приневоленъ снять шапку, то просилъ пожаловать ему пропитаніе и позволеніе остаться навсегда въ Россіи, ибо нельзя ему будетъ возвратиться въ отечество, не подвергаясь всеобщему порицанію, а можетъ быть и ругательству. Тутъ должны были ему уступить. Совѣтъ рѣшилъ позволить Калгѣ не снимать шапки и послать ему шапку въ подарокъ съ такимъ объявленіемъ: ея и. в—ство, освободя татарскіе народы отъ зависимости Порты Оттоманской и признавая ихъ вольными и ни отъ кого кромѣ единаго Бога независимыми, изволитъ жаловать имъ при дворѣ своемъ, по особливому своему благоволенію и милости, тотъ самый церемоніалъ, который употребителенъ относительно другихъ магометанскихъ областей, то-есть Порты Оттоманской и Персидскаго государства, и по этой причинѣ жалуетъ калгѣ шапку, позволяя въ то же время и всѣмъ вообще татарамъ являться отнынѣ вездѣ съ покрытыми головами, дабы они въ по-

вомъ своемъ состояніи съ другими магометанскими націями пользовались совершеннымъ равенствомъ, тогда какъ прежде турками только унижаемы были.

Мы видѣли, что о Шагинъ-Гиреѣ отзывались очень хорошо ногаи, и потому естественно было имѣть его въ виду, какъ будущаго независимаго отъ Крыма ногайскаго хана. Кн. Долгорукій, познакомившись съ ногаями, писалъ о нихъ императрицѣ: «О едисанскихъ и буджакскихъ ордахъ осмѣливаюсь доложить: они въ такомъ положеніи, а особливо знатные мурзы, что съ крымцами никакой почти разности я не почитаю и чтобъ они прежде данную присягу, пока Всевышній не увѣнчаетъ армію в. и. в—ства побѣдою надъ Крымомъ, вспомнили, того я отъ нихъ не ожидаю, и когда крымское войско противъ меня будетъ сопротивляться, то не сомнѣваюсь я, чтобъ и они въ томъ имъ не участвовали». Потому въ совѣтѣ была предложена мѣра отдѣлить ногаевъ отъ крымцевъ подъ особое управленіе: пусть ногайцы изберутъ себѣ другого хана или останутся подъ властію настоящаго своего правителя Джанъ-Мамбетъ-бея. «Хотя будетъ хлопотливѣе имѣть дѣло съ двумя такими сосѣдями, говорилось въ совѣтѣ: однако все же спокойнѣе вслѣдствіе слабости ихъ, происходящей отъ раздѣленія; можно бы постараться также, не удастся ли отдѣлить еще часть отъ ногаевъ и поселить на пустыхъ мѣстахъ». Но гр. Панинъ былъ противъ этой мѣры: онъ боялся и огорчить крымскаго хана, и встревожить европейскіе дворы, какъ будто послѣдніе можно было успокоить, не отдѣляя ногаевъ отъ крымцевъ. «Неизвѣстно, говорилъ онъ, пожелаетъ ли ханъ лишиться ногаевъ, составляющихъ большинство подвластнаго ему народонаселенія; теперь нужно въ этомъ дѣлѣ сообразоваться съ обстоятельствами и сдѣлать что можно будетъ; такимъ поведеніемъ можемъ привязать татаръ къ себѣ и успокоить дворы, встревоженные нашими пріобрѣтеніями». Совѣтъ согласился съ первенствующимъ министромъ.

Еще въ февралѣ кн. Долгорукій и Щербининъ доносили императрицѣ, что Джанъ-Мамбетъ-бей неотступно проситъ позволить ему съ своими ногаями перейти на Кубанскую степь, когда уже нѣсколько единомышленныхъ съ нимъ едичкуловъ перешло изъ Крыму чрезъ Еникале; онъ обѣщалъ переманить къ себѣ и остальныхъ едичкуловъ и даже нѣкоторыхъ изъ крымцевъ. Въ

Петербургѣ нашли возможнымъ дать это позволеніе и провожать ногаевъ назначенъ былъ подполковникъ Стремоуховъ, который писалъ Щербинину: «Въ Джанъ-Мамбетъ-беѣ замѣчается колебаніе, гдѣ расположиться. Нѣкоторые изъ стариковъ влекутъ его въ сосѣдство къ Дону, ибо въ тѣхъ мѣстахъ удобнѣе могутъ они голь свою въ продолженіе зимы пропитать; а ему самому и другимъ сильно хочется на Кубань, какъ мѣсто своего воспитанія, но боится горцевъ чтобъ не стали, по прежнему обыкновенію, похищать у нихъ скотъ и даже людей и продавать послѣднихъ кабардинцамъ. Я остаюсь при прежнихъ своихъ похвалахъ усердію и доброму сердцу Джанъ-Мамбетъ-бея; я и теперь вредныхъ для насъ мыслей явно въ немъ еще не примѣчаю, и утверждаю, что онъ человѣкъ не коварный; но слабость его безмѣрна, тупость же и безразсудное ко всѣмъ и всякому изъ своихъ легковѣріе, ежечасно обращающія его на всѣ стороны, даютъ мнѣ основаніе сомнѣваться въ немъ при всякомъ и малѣйшемъ искушеніи. До Міуса, когда всѣ шли розно по своей волѣ, и онъ не имѣлъ отъ меня никакой, кромѣ потчиванія, докуки; онъ былъ человѣкъ безцѣнный; а какъ я сталъ отъ него требовать нужныхъ распорядковъ, то и открылась вся его слабость». Одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія ногаевъ было лишеніе христіанскихъ рабовъ, которые бѣжали теперь отъ нихъ къ русскимъ и находили безопасное убѣжище. Джанъ-Мамбетъ-бей сталъ требовать возвращенія бѣглецовъ, на что, разумѣется, русское правительство согласиться не могло; но, не желая раздражать ногаевъ, опредѣлило давать имъ деньги за всѣхъ убѣгающихъ отъ нихъ христіанъ, кромѣ русскихъ подданныхъ, которыхъ они должны были освободить всѣхъ безъ выкупа [166].

То же требованіе относительно рабовъ предъявили и кабардинцы. Въ Петербургъ пріѣхали два ихъ владѣльца для засвидѣтельствованія подданства своего народа императрицѣ и съ просьбою, чтобъ городъ Моздокъ былъ уничтоженъ, а бѣгающіе отъ нихъ природные уздени и рабы возвращались несмотря на то, что будутъ изъявлять желаніе креститься; а за освобожденіе христіанскихъ рабовъ давать господамъ ихъ деньги. Иностранная коллегія подала императрицѣ докладъ, что Моздокъ уничтожить нельзя: чѣмъ населеннѣе будетъ Кизлярскій край, тѣмъ удобнѣе не только кабардинцы, но и другіе сосѣдніе варвары будутъ

удерживаться въ повиновеніи. Что же касается рабовъ, то вышедшіе до сихъ поръ въ Моздокъ изъ Кабарды тамошніе уроженцы и крестившіеся по большей части люди подлые и ненадежные, не имѣвшіе никогда случая получить понятіе о законѣ христіанскомъ и употребившіе его только средствомъ къ освобожденію своему отъ природнаго рабства или отъ надлежащаго по своимъ продерзостямъ наказанія; а многіе изъ нихъ, по соглашенію съ своими прежними господами, обокравъ моздокскихъ жителей, назадъ уже сбѣжали. Успокоеніе народа, въ своей сторонѣ довольно значительнаго, кажется, достойно того, чтобъ и навсегда рѣшиться бѣгающихъ отъ кабардинскихъ владѣльцевъ рабовъ не принимать при здѣшнихъ границахъ, а возвращать обратно, какъ не могущихъ желать принятія христіанскаго закона по внутреннему убѣжденію, а единственно изъ постороннихъ и, по большей части, съ святостію закона несовмѣстимыхъ побужденій; а предоставить только свободу самимъ владѣльцамъ и узденямъ выходить въ Моздокъ и Кизляръ для житья и крещенія; за освобожденіе же христіанскихъ невольниковъ платить по 30 рублей; также поступать и относительно кумыковъ. Императрица утвердила докладъ [167].

Мы видѣли странныя явленія въ русскомъ войскѣ за Кавказомъ; видѣли также, что императрица рѣшилась отозвать оттуда графа Тотлебена, считая его неспособнымъ къ главному начальству при тамошнихъ условіяхъ. Ему на смѣну отправленъ былъ генералъ-майоръ Сухотинъ, который сначала писалъ о склонности царей Ираклія и Соломона исполнять волю императрицы; но въ концѣ года писалъ наоборотъ о противномъ поведеніи царей и князей грузинскихъ и о своемъ неудачномъ покушеніи овладѣть крѣпостью Поти по причинѣ усиленія въ его войскѣ болѣзней; въ заключеніе и самъ просилъ позволенія ѣхать лѣчиться на воды. Тогда совѣтъ призналъ безполезнымъ держать долѣе русское войско за Кавказомъ. Императрица согласилась; но прежде увольненія Сухотина вовсе отъ службы, велѣла разсмотрѣть его поведеніе во время начальствованія закавказскимъ войскомъ. Царь Соломонъ прислалъ письмо съ жалобами на Сухотина и съ просьбою дать ему пороху и пушекъ; совѣтъ рѣшилъ, что такъ какъ русское войско возвратится изъ-за Кавказа, то можно оставить Соломону лишній порохъ и ядра, но пушки надобны будутъ войскамъ и при ихъ возвращеніи [168].

12 ноября 1770 года графъ Алексѣй Орловъ сдалъ команду надъ флотомъ адмиралу Спиридову и отправился въ Ливорно, но тамъ не остался, а отправился въ Петербургъ. 8 марта 1771 г. онъ пріѣхалъ въ засѣданіе совѣта вмѣстѣ съ императрицею. «Генералъ графъ Орловъ, сказала Екатерина, сдѣлавъ намъ о всемъ томъ, что происходило послѣ чесменской побѣды, обстоятельное описаніе, о осадѣ лемносской и о снятіи осады по причинѣ турецкаго сикурса, пришедшаго къ осажденному городу изъ Дарданеллъ, послѣ самовольнаго оставленія контръ-адмираломъ Елфинстономъ блокады сего прохода. Елфинстонъ посадилъ на мель на лемносскихъ меляхъ и потерялъ тутъ же свой восьмидесятный корабль. Генералъ графъ Орловъ видѣвъ, что бо́льшая часть кораблей безъ починки не могутъ выдержать зиму на морѣ, почитая же за нужное, чтобъ насъ увѣдомить о всѣхъ бывшихъ происшествіяхъ и требовать дальняго повелѣнія, а притомъ былъ боленъ сильною лихорадкою и имѣвъ многихъ больныхъ на своемъ бортѣ, пошелъ къ Паросу, гдѣ и нынѣ еще находится адмиралъ Спиридовъ, изъ Пароса же въ Ливорну, откуда намѣренъ былъ отправить генералъ-поручика графа Ѳедора Орлова, при которомъ вся канцелярія находится, сюда съ рапортомъ и съ требованіемъ повелѣнія; но долговременный карантинъ и болѣзнь задержали въ Мессинѣ генералъ-поручика графа Орлова, что̀ видя генералъ графъ Орловъ, и опасаясь, чтобъ, по причинѣ приближающейся весны, не опоздать, взялъ намѣреніе и самъ поѣхалъ сюда, дабы, за неимѣніемъ при себѣ письменныхъ дѣлъ, сдѣлать обо всемъ словесное объясненіе; сдѣлавъ же оное, требуетъ повелѣнія на будущую кампанію и колико ему надобно будетъ соображать его предпріятія съ прочими поступленіями къ сокрушенію силы Оттоманской имперіи. Совѣтъ имѣетъ, обслушавъ напередъ генералъ графа Орлова, постановить общій съ нимъ планъ дѣйствіямъ Средиземнаго моря экспедиціи на будущую кампанію и представить намъ оный на утвержденіе».

Когда Екатерина перестала говорить, началъ свою рѣчь Алексѣй Орловъ, объявилъ, что флотъ находится теперь у острова Пароса и можетъ въ будущемъ маѣ начать кампанію; что ни малѣйшаго недостатка въ пропитаніи не предвидится; потомъ Орловъ разсказалъ прошлогоднюю кампанію и покинутіе Лемноса; описывалъ нравы архипелажскихъ жителей и какъ мало на нихъ

можно полагаться; описывалъ выгодное положенie островов, съ которыхъ можно получать все пропитанie, и заключилъ представленieмъ, что надобно проучить рагузинцевъ за то, что суда ихъ были въ турецкомъ флотѣ во время чесменскаго боя.

14 марта въ совѣтѣ, въ присутствiи Орлова, читали изготовленные къ нему рескрипты: одинъ о дѣйствiяхъ флота въ будущую кампанiю, а другой о заключенiи мира съ Портою, если случай представится. Первый заключался въ слѣдующемъ: 1) держаться, сколько возможно, предъ Дарданеллами и запирать тамошнiй каналъ, чтобъ не допускать подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Константинополь «и тѣмъ самымъ умножать въ тамошнемъ народѣ развратъ, волненie и огорченie противу правительства за продолженie ненавистной ему войны». 2) Когда русскiй флотъ будетъ держать такимъ образомъ всѣ острова Архипелага позади себя, то Константинополь будетъ считать ихъ для себя потерянными, по крайней мѣрѣ на все время продолженiя войны и лишится собираемыхъ съ нихъ податей и другихъ поборовъ. Относительно мира говорилось, что Орловъ при первомъ удобномъ случаѣ можетъ внушать туркамъ, съ которыми ему приведется имѣть сношенie, что онъ, зная человѣколюбивыя чувства и сильное желанie императрицы видѣть конецъ пролитiю крови человѣческой, охотно взялся бы положить начало мирному дѣлу. Тутъ Орловъ потребовалъ, чтобъ ему предписаны были необходимыя условiя мира, и, зная, что въ условiяхъ, принятыхъ совѣтомъ, заключается требованie уступки одного изъ архипелажскихъ островов, вооружился противъ этого требованiя, представляя, что изъ-за него продолжится война съ турками и Россiя вовлечется въ распри съ христiанскими государствами; притомъ въ Архипелагѣ нѣтъ острова, котораго бы гавань не требовала сильныхъ укрѣпленiй и средствъ для его удержанiя; укрѣпленiя эти будутъ стоить большихъ денегъ, которыя не вознаградятся торговлею, ибо торговля также выгодно можетъ производиться Чернымъ моремъ въ Константинополь. Послѣ долгихъ споровъ Панинъ написалъ послѣднiя условiя мира: независимость татаръ, независимость Молдавiи и Валахiи, или, въ случаѣ ихъ возвращенiя Портѣ, послѣдняя должна вознаградить Россiю деньгами за военные убытки; свободное плаванie по Черному морю; Кабарда по прежнему остается независимою отъ обѣихъ имперiй.

Въ засѣданіи совѣта 17 марта Орловъ, въ присутствіи императрицы, повторилъ свои возраженія противъ пріобрѣтенія архипелажскаго острова. Екатерина отвѣчала, что пріобрѣсти островъ она желаетъ болѣе для того, чтобъ турки имѣли всегда передъ глазами доказательство полученныхъ Россіею надъ ними преимуществъ и потому были бы умѣреннѣе въ своемъ поведеніи относительно ея; съ другой стороны, для установленія нашей торговли тамъ и также для доставленія пользы нашимъ мореплавателямъ; однако она не хочетъ, чтобъ эти ея желанія были препятствіемъ къ заключенію мира. — Стали перечитывать сообщенныя Берлинскому двору условія мира и примѣчанія на нихъ, также послѣднія условія, написанныя Панинымъ въ засѣданіи 14 марта, причемъ императрица заявила, что лучше желаетъ избавить христіанскія княжества Молдавію и Валахію отъ ига, нежели, возвративъ ихъ, получить отъ турокъ денежное вознагражденіе за военные убытки. Наконецъ постановлено: непремѣнно добиваться признанія независимости отъ Порты татаръ, Молдавіи и Валахіи, свободнаго плаванія по Черному морю, острова въ Архипелагѣ, если это не встрѣтитъ большихъ препятствій, Кабарда же остается по прежнему независимою, если турки признаютъ Очаковъ вольнымъ городомъ [169].

Адмиралъ Спиридовъ не раздѣлялъ мнѣнія Орлова на счетъ невыгодности пріобрѣтенія острова на Архипелагѣ. Увѣдомляя Орлова о принятіи въ подданство болѣе 20 архипелажскихъ острововъ, Спиридовъ писалъ: «Отъ нынѣшняго подданства оныхъ грековъ кажется намъ пользы никакой нѣтъ, а состоятъ еще и убытки въ прокормленіи бѣдныхъ, но польза выйдетъ сія, ежели мы острова за собою до мира удержимъ: за нынѣшній годъ мы получимъ отъ нихъ добровольно десятую часть всѣхъ ихъ продуктовъ, въ натурѣ или за оные деньгами, также исподоволь и за прошедшій годъ, чего они туркамъ не заплатили». По мнѣнію Спиридова, при заключеніи мира надобно было выговорить уступку острова Пароса: «Ежели бы, писалъ адмиралъ, англичанамъ или французамъ сей островъ съ портомъ Аузою и Антипаросомъ продать, тобъ, хотя и имѣютъ они у себя въ Медитераніи свои порты, не одинъ милліонъ червонныхъ съ радостію бъ дали». Въ концѣ іюня пріѣхали на флотъ оба брата Орловы, Алексѣй и Ѳедоръ, и первымъ дѣломъ графа Алексѣя было избавиться отъ

приведшаго новую эскадру контръ-адмирала Арфа, датчанина, какъ избавился отъ Эльфинстона. По поводу увольненія Арфа Орловъ писалъ императрицѣ: «Если в. и. в—ству благоугодно будетъ повелѣть отправить сюда изъ Россіи новую эскадру, на мѣсто обветшалыхъ кораблей, пріемлю смѣлость всеподданнѣйше просить отъ в. в—ства ту высочайшую милость, дабы такова эскадра состояла изъ россійскихъ матросовъ и офицеровъ, и не иностранцамъ, но россійскимъ была поручена командирамъ, ибо отъ своихъ единоземцевъ не только съ лучшею надеждою всего того ожидать можно, чего отъ нихъ долгъ усердія и любви къ отечеству требуетъ, но еще и въ понесеніи трудовъ, безпокойствъ и военныхъ трудностей довольно уже усмотрѣно между россійскими людьми и иностранцами великое различіе, а притомъ и неразумѣніе иностраннаго языка дѣлаетъ невинное несогласіе и затрудненіе».

Въ іюлѣ графъ Орловъ созвалъ военный совѣтъ, которому предложилъ: для отвлеченія турецкихъ силъ отъ Дуная, чѣмъ облегчится положеніе гр. Румянцева, пройти со всѣмъ флотомъ около морскихъ береговъ, потревожить и разорить жителей. Военный совѣтъ опредѣлилъ: начать военныя дѣйствія отъ острова Негропонта вдоль всего румелійскаго берега до Дарданеллъ, а потомъ вдоль азіатскаго берега, проходя тенедосскимъ, мителинскимъ и хіосскимъ каналами; а чтобъ не оставить непріятеля безопаснымъ и въ южной части, то отправить особую эскадру подъ начальствомъ гр. Ѳедора Орлова къ острову Родосу и вдоль короманскаго берега. Предпріятіе было приведено въ исполненіе: русскіе высаживались на берега, овладѣвали хлѣбными и лѣсными магазинами, жгли деревни, брали маленькія крѣпости, бросали бомбы въ большія, составляли карты и планы мѣстностей; на островѣ Мителинѣ сожгли адмиралтейство съ строившимися тамъ кораблями. Въ концѣ ноября, по окончаніи похода, гр. Алексѣй Орловъ уѣхалъ опять въ Ливорно [170].

Ему не представилось случая сдѣлать туркамъ мирныя внушенія. Мы видѣли, какое непріятное впечатлѣніе произвело на Екатерину письмо Фридриха II-го о ея мирныхъ условіяхъ съ Турціею. Австріи эти условія могли не понравиться; но Екатерина очень хорошо знала, что Австрія безъ Пруссіи не въ состояніи упорствовать; очень хорошо знала, что Пруссіи надоб-

но заплатить за союзъ съ Россіею, условливающій бездѣйствіе Австріи, знала въ чемъ можетъ состоять вознагражденіе для Пруссіи, готова была на это вознагражденіе, готова была вознаградить и Австрію за согласіе на русскія мирныя условія съ Портою, но при оставленіи этихъ мирныхъ условій въ цѣлости. 19 января 1771 года она написала отвѣтное письмо Фридриху, указывая прямо, что при заключеніи мира на его интересы будетъ обращено надлежащее вниманіе; но за это онъ не долженъ быть адвокатомъ турокъ и находить тяжкими для нихъ условія, которыя она находила очень умѣренными: «Я начну, говорилось въ письмѣ, съ объявленія Порты. В. в—ство знаете законъ, который я себѣ предписала — не выслушивать никакого мирнаго предложенія, прежде чѣмъ мой министръ не будетъ освобожденъ и ко мнѣ не явится. Ввѣряю в. в—ству мое рѣшеніе, что никогда я не буду вести переговоровъ въ Константинополѣ и даже нигдѣ, прежде чѣмъ Обрѣзковъ ко мнѣ не возвратится; его освобожденія я требую безусловно, а послѣ этого освобожденія, если они предложатъ конгрессъ, я буду согласна. Что касается мирныхъ условій, то я не требую никакихъ пріобрѣтеній собственно для своей имперіи. Обѣ Кабарды и Азовскій округъ принадлежатъ безспорно Россіи: они также мало увеличатъ ея могущество, какъ мало уменьшили его, когда изъ нихъ сдѣлали границу; Россія чрезъ возвращеніе своей собственности выигрываетъ только то, что пограничные подданные ея не будутъ подвергаться воровству и разбоямъ, что стада ихъ будутъ пастись спокойно. Свободное плаваніе по Черному морю есть такое условіе, которое необходимо при существованіи мира между народами. Россія согласилась на ограниченіе этой свободы, уступая, изъ любви къ миру, варварскимъ предразсудкамъ Порты; но миръ нарушенъ съ презрѣніемъ всѣхъ обязательствъ. Если я имѣю право на какое-нибудь вознагражденіе за войну, столь несправедливую, то конечно не здѣсь я могу и должна его найти. Я могла бы быть вознаграждена уступкою Молдавіи и Валахіи; но я откажусь и отъ этого вознагражденія, если предпочтутъ сдѣлать эти два княжества независимыми. Этимъ я доказываю свою умѣренность и свое безкорыстіе; этимъ я объявляю, что ищу только удаленія всякой причины къ возбужденію войны съ Портою. Вѣнскій дворъ не понимаетъ своего прямого интереса, поз-

воляя себѣ такъ живо обнаруживать зависть относительно этой статьи. Я не отодвигаю своихъ границъ ни на одну линію; я остаюсь въ прежнемъ разстояніи отъ его владѣній; если вѣнскій дворъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ въ туркѣ такого слабого сосѣда, то долженъ быть еще довольнѣе сосѣдствомъ маленькаго молдовлахійскаго государства, несравненно болѣе слабаго и равно независимаго отъ трехъ имперій. Если положеніе турокъ таково, что они должны получить миръ только съ уступками, то они поступятъ очень странно, если уступятъ Бѣлградъ, которымъ спокойно владѣютъ, а не уступятъ княжествъ, которыя уже болѣе не ихъ и возвращеніе которыхъ будетъ всегда зависѣть отъ жребія войны. Притомъ это еще вопросъ—чьи владѣнія имъ желательно увеличить, русскія или австрійскія? Но установленіе независимаго княжества вопросъ рѣшаетъ. Я знаю, что вѣнское министерство, по нынѣшней своей системѣ, много настаиваетъ на равновѣсіи Востока, которое до сихъ поръ не являлось еще съ такимъ блескомъ въ интересахъ западныхъ государей, и выдумкою котораго мы, быть можетъ, обязаны союзу Австріи съ Франціею; я впрочемъ готова уступить этому политическому равновѣсію; но кто опредѣлитъ, что балансъ вѣренъ, когда границы турецкихъ владѣній простираются до Днѣстра, и что балансъ нарушенъ, если эти границы находятся на Дунаѣ? Жалко положеніе Востока, если отъ такой разницы въ разстояніи можетъ зависѣть его разрушеніе! Дѣло освобожденія татаръ есть право человѣчества, котораго требуетъ цѣлая нація: я ей не могу отказать въ помощи. Возстановленіе независимости татаръ не уменьшаетъ ни въ чемъ могущества Порты и не увеличиваетъ ни въ чемъ могущества Россіи, но отстраняетъ только пограничныя неудобства послѣдней. Вѣнскій дворъ не имѣетъ татаръ своими сосѣдями, и потому не имѣетъ никакой причины безпокоиться. Островъ, требуемый мною въ Архипелагѣ, будетъ только складочнымъ мѣстомъ для русской торговли. Я вовсе не требую такого острова, который бы одинъ могъ равняться цѣлому государству, какъ напримѣръ Кипръ или Кандія, ни даже столь значительнаго какъ Родосъ. Я думаю, что Архипелагъ, Италія и Константинополь даже выиграютъ отъ этого склада сѣверныхъ произведеній, которыя они могутъ получить изъ первыхъ рукъ и слѣдовательно дешевле. Надѣюсь в. в—ство согла-

ситесь наконецъ, что если Молдавія и Валахія будутъ провозглашены независимыми, то въ этомъ одномъ островѣ будетъ заключаться все мое вознагражденіе, и что, отказываясь отъ него, я откажусь рѣшительно отъ всего». Защитивъ такимъ образомъ свои мирныя условія, Екатерина, въ заключеніи письма, даетъ знать, что входитъ въ непосредственныя объясненія съ вѣнскимъ дворомъ изъ боязни, что его предубѣжденія противъ Россіи еще болѣе усилятся вслѣдствіе молчанія послѣдней. Показавъ издали эту грозу, Екатерина оканчиваетъ письмо ласковыми внушеніями, чтобъ Фридрихъ содѣйствовалъ дѣлу мира, и намекаетъ, что за содѣйствіе будетъ вознагражденіе: «Прошу в. в—ство содѣйствовать мнѣ къ устраненію всѣхъ препятствій; я не получу добраго мира, если не вооружусь противъ гордости турокъ и пристрастій, которыя ихъ поддерживаютъ. Но я льщу себя успѣхомъ, если в. в—ство будете смотрѣть на мои дѣла съ тою же дружбою и съ тѣмъ же интересомъ, и, будучи убѣждена, что по требованію обстоятельствъ, я не пренебрегу ничѣмъ для успѣха вашихъ интересовъ, я съ тѣмъ же довѣріемъ обѣщаю себѣ, что ничто не поколеблетъ вашей доброй воли и не замедлитъ вашихъ добрыхъ услугъ» [171].

Написаніе этого письма совпадало съ отъѣздомъ принца Генриха изъ Петербурга. Но Фридрихъ на другой день его отъѣзда отправилъ къ нему письмо въ отвѣтъ на извѣстіе о готовности нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ раздѣлить польскія земли, и что въ Совѣтѣ по этому поводу несогласіе, а впрочемъ король не рискуетъ ничѣмъ, если захватитъ вармійское епископство. Такъ какъ Фридриха сильно раздражало мнѣніе Панина, что можно легко уладить дѣло съ Австріею посредствомъ вознагражденія ей изъ турецкихъ земель, то король прежде всего и вооружается противъ этого мнѣнія, желаетъ показать, что сближеніе между Россіею и Австріею невозможно: «Смѣю васъ увѣрить, писалъ Фридрихъ, что рѣшительно невозможно осуществить идеи графа Панина относительно Австріи; тайная ненависть, которую питаютъ въ этой странѣ противъ русскихъ превосходитъ всякое вѣроятіе и, смѣю сказать, что только я стараюсь препятствовать взрыву этой ненависти. Что касается занятія вармійскаго герцогства, то я отъ этого удержался, потому что игра не стоитъ свѣчь. Доля такъ ничтожна, что не возна-

градитъ за крики, которые возбудитъ; но польская Пруссія стóитъ труда, даже если Данцигъ не будетъ въ нее включенъ, ибо у насъ будетъ Висла и свободное сообщеніе съ королевствомъ, что очень важно. Если потребуются деньги, то стóитъ ихъ потратить и даже много потратить. Но когда очень охотно хватаются за пустяки, то это имѣетъ видъ жадности и ненасытности, а я бы не хотѣлъ, чтобъ мнѣ приписывали въ Европѣ эти качества больше, чѣмъ сколько уже приписываютъ»[172].

Очень можетъ быть, что въ послѣднее время пребыванія своего въ Петербургѣ принцъ Генрихъ говорилъ и съ самою императрицею и съ вліятельными членами совѣта о томъ, что въ виду новой войны съ Австріею, союзную Пруссію надобно вознаградить чѣмъ-нибудь побольше вармійскаго епископства, а для избѣжанія войны всего легче было бы оставить и за Австріею захваченныя уже ею польскія области, даже прибавить къ нимъ что-нибудь еще, причемъ и Россія можетъ взять у Польши что ей удобно; очень можетъ быть, что Генрихъ сильно старался убѣдить въ необходимости такого дѣла, и повезъ съ собою увѣренность, что въ Петербургѣ будутъ согласны вести переговоры съ Пруссіею на этомъ основаніи. Послѣ, когда все было кончено, Генрихъ писалъ Сольмсу: «Я имѣю право говорить, что пребываніе мое въ Петербургѣ ознаменовано началомъ сношеній, поведшихъ къ тѣснѣйшему союзу между королемъ и Россіей. Я имѣю доказательства болѣе чѣмъ въ 20 собственноручныхъ письмахъ короля, что я поставилъ вопросъ, который повелъ къ соглашенію. Но я не требую за это вознагражденія; я ищу только славы, и признаюсь вамъ, что буду счастливъ, получа эту славу изъ рукъ ея величества императрицы русской; желаніе мое исполнится, если она удостоитъ, по случаю принятія во владѣніе земель отъ Польши, почтить меня письмомъ, которое будетъ служить доказательствомъ, что я содѣйствовалъ этому великому дѣлу. Повторяю вамъ откровенно, что я буду смотрѣть на это письмо какъ на величайшій монументъ моей славы». Желаніе принца было исполнено, императрица написала ему: «По принятіи во владѣніе губерніи бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣтельствовать вашему королевскому высочеству сколь чувствую себя ему обязанною за всѣ заботы, употребленныя имъ при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше высочество

можете считаться первымъ виновникомъ» [173]. Но во всякомъ случаѣ вопросъ могъ быть только поставленъ, безо всякихъ подробностей; Генрихъ могъ сообщить брату только о возможности вести дѣло съ успѣхомъ, ибо въ противномъ случаѣ Фридриху не нужно было бы первому дѣлать прямыя предложенія и такъ настойчиво требовать ихъ принятія. Очевидно, что Екатерина отдѣляла польскій вопросъ или вопросъ о вознагражденіи Пруссіи и даже Австріи отъ вопроса турецкаго: Пруссія и Австрія, получивъ вознагражденіе изъ польскихъ земель, должны успокоиться и не препятствовать Россіи предписать султану миръ на какихъ ей угодно условіяхъ; если же Австрія станетъ противиться, то Фридрихъ долженъ сдержать ее или вступить съ нею въ войну вмѣстѣ съ Россіею, чего впрочемъ нельзя было предполагать. Но Фридрихъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Прежде всего онъ хотѣлъ воспользоваться обстоятельствами и сдѣлать важныя пріобрѣтенія для своего государства; но при этомъ онъ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ воевать ни противъ кого, ни за кого; не хотѣлъ раздражать противъ себя Австріи и въ то же время усиливать Россіи отторженіемъ отъ Порты Дунайскихъ княжествъ, ибо во всякомъ случаѣ, становились ли они самостоятельными или отдавались Польшѣ, они увеличивали силу и вліяніе Россіи, безъ покровительства которой обойтись не могли, и въ этомъ отношеніи Фридрихъ высказался ясно въ письмѣ къ брату Генриху: «Я бы сдѣлалъ непростительную въ политикѣ ошибку, еслибъ сталъ стараться объ увеличеніи государства, которое можетъ сдѣлаться опаснымъ сосѣдомъ для Пруссіи, и страшнымъ для цѣлой Европы» [174]. Что касается условія о независимости Крыма, то Фридрихъ объ немъ мало безпокоился, предвидя въ немъ только затрудненія для Россіи. Наконецъ Фридриху не хотѣлось одному получить польскія области: изъ приведеннаго уже письма его къ принцу Генриху мы видѣли, что онъ былъ готовъ на безцеремонный захватъ польскихъ земель, какъ захватилъ прежде Силезію, но все же онъ не былъ нечувствителенъ къ крикамъ, которые раздавались противъ этой его безцеремонности, и тяжесть упрековъ становилась сноснѣе, когда раздѣлялась съ другими; притомъ же дѣло было легче въ настоящемъ и безопаснѣе въ будущемъ, когда три державы вмѣстѣ должны были принудить поляковъ къ земельнымъ уступкамъ и

когда общій интересъ заставлялъ ихъ дѣйствовать сообща для сохраненія своихъ пріобрѣтеній.

Фридрихъ съ нетерпѣніемъ дожидался пріѣзда принца Генриха, «который долженъ былъ разсказать ему многое, чего нельзя было написать, долженъ былъ представить дѣло гораздо яснѣе» [175]. 17 февраля (н. с.) Генрихъ пріѣхалъ въ Потсдамъ, и въ то же самое время, если не изъ рукъ Генриха, король получилъ отвѣтное письмо Екатерины на письмо о мирныхъ условіяхъ съ Портою. Разсказы Генриха о возможности повести дѣло на счетъ лестной добычи не позволили теперь Фридриху дѣлать сильныхъ возраженій на объясненія русской императрицы; но, съ другой стороны, онъ не могъ смотрѣть равнодушно на упорство петербургскаго двора оставаться при прежнихъ мирныхъ условіяхъ съ Портою, и потому Фридриху оставалось одно старое средство склонять Екатерину къ смягченію условій напугиваніемъ Австріею, ея вооруженіями. Не касаясь нисколько русскихъ условій, Фридрихъ писалъ, что вѣнскій дворъ собираетъ двѣ арміи въ Венгріи и что работаютъ надъ экипажами императора: «Ваше в—ство увидите изъ этого, что положеніе дѣлъ критическое, что горючіе матеріалы всѣ приготовлены и что одна искра можетъ воспламенить пожаръ позначительнѣе настоящаго. Ваша слава можетъ только увеличиться отъ вашей умѣренности» [176].

Это было приготовленіе; потомъ должно было идти прямое предложеніе за умѣренность относительно Турціи вознаградить себя на счетъ Польши. 20 февраля (н. с.) въ Потсдамѣ приготовлена была депеша Сольмсу; принцъ Генрихъ ее одобрилъ; въ депешѣ говорилось, что австрійцы заняли польскія земли на пространствѣ 20 миль; о цѣлости владѣній республики не можетъ быть болѣе рѣчи, а надобно хлопотать о томъ, чтобъ ея нарушеніе не повредило равновѣсію между Австріею и Пруссіею. Для этого нѣтъ другого средства, какъ подражать примѣру Австріи. Это не можетъ возбудить никакого противодѣйствія: поляки, которые одни имѣли бы право возстать противъ этого, не заслуживаютъ никакого вниманія, и если государства будутъ согласны другъ съ другомъ, мирное дѣло не встрѣтитъ никакихъ препятствій. Чрезъ нѣсколько дней новая депеша: опять указаніе, что Австрія смотритъ на занятыя ею польскія земли какъ на свою собственность: это заставляетъ короля думать, что онъ и

Россія должны воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и позаботиться о собственныхъ интересахъ. Для Россіи все равно, откуда она получитъ вознагражденіе, на которое имѣетъ право за военные убытки, и такъ какъ война началась единственно изъ-за Польши, то Россія имѣетъ право взять себѣ вознагражденіе изъ пограничныхъ областей этой республики. Король также никакъ не можетъ обойтись, чтобъ не пріобрѣсть себѣ часть Польши. Это послужитъ ему вознагражденіемъ за субсидіи и за другія потери, которыя потерпѣлъ онъ во время войны; король будетъ очень радъ возможности говорить, что новымъ пріобрѣтеніемъ онъ обязанъ Россіи, а это еще болѣе укрѣпитъ союзъ его съ нею и дастъ ему возможность быть полезнымъ для Россіи въ другомъ случаѣ.

Внушенія принца Генриха въ Петербургѣ не остались безъ дѣйствія. Вспомнимъ слова принца, что въ совѣтѣ разногласіе: партія, противоположная Панину, желаетъ, чтобъ Россія взяла свою долю изъ Польши вмѣстѣ съ другими; но видимый глава этой партіи былъ графъ Триг. Орловъ, хотя бы за кулисами и двигалъ машину Чернышевъ. Въ засѣданіи совѣта 7 февраля генералъ-фельдцейгмейстеръ предлагалъ, что весьма было бы полезно, еслибъ границу нашу съ Польшей составляли протекающія близь нея рѣки. Въ совѣтѣ по этому поводу были многія политическія разсужденія. Но если нравилась мысль Генриха о раздѣлѣ, то не могли не быть удивлены предложеніемъ, что этотъ раздѣлъ, въ которомъ Пруссія и Австрія будутъ участвовать даромъ, безъ пожертвованій съ своей стороны, для Россіи долженъ замѣнить выгоды мира съ Турціею, купленныя тяжелою во всѣхъ отношеніяхъ войною. Панинъ, которому Сольмсъ сообщилъ королевскія депеши, сказалъ прусскому послу, что планъ раздѣла Польши не встрѣтитъ въ совѣтѣ большаго противорѣчія, ибо часть его членовъ давно уже смотритъ на него благопріятно; но для осуществленія его находятся большія затрудненія. Императрица такъ часто давала торжественныя обѣщанія сохранить цѣлость Польши, что нарушеніе этого принципа произведетъ повсюду самое неблагопріятное впечатлѣніе. Панинъ настаивалъ, чтобъ дѣло велось сообща съ вѣнскимъ дворомъ [177]. Это настаиваніе понятно, ибо тогда являлась возможность соединить польское дѣло съ турецкимъ, которое для русскаго двора

стояло на первомъ планѣ, являлась возможность уладиться съ Австріею на счетъ Турціи, съ которою Россія заключитъ миръ на всей своей волѣ при помощи Австріи; послѣдняя получитъ вознагражденіе изъ турецкихъ владѣній. Но Фридрихъ этого не хотѣлъ, и гр. Сольмсъ передалъ Панину объяснительную записку, въ которой говорилось: «Прусскій король думаетъ, что австрійцы вооружились для приданія вида своимъ переговорамъ. Онъ думаетъ, что они никогда не согласятся на отторженіе Молдавіи и Валахіи отъ Порты. Онъ думаетъ, что пріобрѣтеніе Азова и торговыя выгоды, выговоренныя Россіею для себя не встрѣтятъ никакого затрудненія. Онъ думаетъ, что татарское дѣло можетъ еще уладиться согласно желанію Россіи. Вотъ почему король предлагаетъ, что для вознагражденія Россіи за военныя издержки, она должна получить кусокъ Польши по своему выбору; быть-можетъ можно будетъ заставить турокъ прибавить еще нѣкоторую сумму денегъ. Если Россія хочетъ получить вознагражденіе въ Польшѣ, то король ручается, что это пріобрѣтеніе будетъ сдѣлано безъ пролитія крови.»

Записка не могла ускорить дѣла. Тяжело, оскорбительно было предложеніе прусскаго короля—взять вознагражденіе въ Польшѣ для удовлетворенія чужимъ интересамъ и возвратить туркамъ Молдавію и Валахію, гдѣ жители увѣрены, что этого возвращенія не будетъ; на независимость татаръ еще подается надежда; но христіанскія княжества должны снова подвергнуться варварскому игу, ибо такъ хочетъ—Австрія. Понятно, что на прусское предложеніе не могло быть скораго отвѣта. Прошелъ мартъ, апрѣль, наступилъ май. Сольмсъ пишетъ Панину: «Осмѣливаюсь напомнить о дѣлѣ, которое касается особенныхъ интересовъ короля моего государя, равно какъ и особенныхъ интересовъ Россіи. Король горячо заинтересованъ этимъ дѣломъ, не отступится отъ него, и если я не буду въ состояніи дать ему скоро положительныхъ удостовѣреній, то навлеку на себя жестокіе выговоры и сверхъ того не ручаюсь за рѣшеніе, которое его величество приметъ по собственному усмотрѣнію. Онъ руководится слѣдующимъ: такъ какъ въ этомъ дѣлѣ будетъ только подражаніе примѣру другого, то этотъ другой не можетъ вооружиться противъ насъ, дѣло идетъ о приведеніи въ исполненіе уже рѣшеннаго. Умоляю в. с—ство не отлагать рѣшенія здѣшняго двора.»

Отлагать было нельзя. Для Петербургскаго кабинета дѣло состояло въ томъ, чтобъ войти съ Пруссiею въ переговоры о польскихъ замляхъ, удовлетворить Фридриха въ этомъ отношенiи и отдѣлить это польское дѣло отъ турецкаго. Въ концѣ мая Панинъ объявилъ Сольмсу, что императрица поручила ему покончить дѣло, и немедленно начались разсужденiя о томъ, какiя земли брать у Польши. Фридрихъ былъ въ восторгѣ, когда получилъ отъ Сольмса извѣстiе, что желанное дѣло началось: онъ отправилъ ему свои требованiя относительно польскихъ земель, что же касается русской доли, то объявилъ, что предоставляетъ Россiи самой назначить и соотвѣтственно своимъ интересамъ и своему желанiю. Повидимому согласiемъ удовлетворить желанiю прусскаго короля относительно прiобрѣтенiя польскихъ земель Россiя достигла своей цѣли: Фридрихъ писалъ Сольмсу, что нечего опасаться Австрiи, писалъ, что гр. Панинъ отлично поступилъ, сообщивши австрiйцамъ свои мирныя предложенiя и не упомянувъ при этомъ ни слова о Польшѣ и ея раздѣлѣ, ибо прежде чѣмъ давать вѣнскому двору новыя предложенiя, надобно подождать его отзывовъ на счетъ мира. Фридрихъ теперь находилъ, что послѣ такихъ успѣховъ въ войнѣ съ турками, русскiя условiя умѣренны, и, поступая съ твердостiю, императрица вообще можетъ выйти съ успѣхомъ изъ дѣла; но надо приготовиться къ затрудненiямъ. Австрiя не можетъ разсчитывать на помощь Францiи, которая находится въ страшномъ истощенiи; еслибы даже вѣнскiй дворъ и хотѣлъ войны, то захочетъ ли онъ ее объявить Россiи и Пруссiи вмѣстѣ, безъ надежды имѣть какого-нибудь союзника? Это дѣло невѣроятное и потому Россiи и Пруссiи нечего бояться за проектъ прiобрѣтенiя польскихъ земель. Они взаимно гарантируютъ свои новыя владѣнiя, и если австрiйцы найдутъ свою долю въ Польшѣ малою сравнительно съ русскою и прусскою, то стóитъ только предложить имъ часть венецiанскихъ владѣнiй, отрѣзывающую Трiестъ, и они успокоятся, а еслибы и стали сердиться, то тѣсный союзъ между Россiею и Пруссiею заставитъ ихъ дѣлать все, что угодно этимъ державамъ. Въ томъ же тонѣ писалъ Фридрихъ брату Генриху: «Если соглашенiе съ Россiей состоится, то нечего обращать вниманiе на австрiйцевъ, которые, не имѣя помощи отъ своихъ союзниковъ, будутъ принуждены дѣлать все по нашему.» Взглядъ былъ

совершенно вѣренъ, и, начавши противорѣчить ему, начавши опять требовать отъ Россіи, чтобъ она отказалась отъ своего условія относительно Молдавіи и Валахіи, грозя въ противномъ случаѣ войною съ Австріей, Фридрихъ прямо заявлялъ, что это требованіе дѣлается въ его собственныхъ интересахъ. Бываютъ минуты, когда самый хитрый и осторожный человѣкъ не выдерживаетъ; не выдержалъ Фридрихъ въ минуту восторга, при видѣ исполненія пламеннаго желанія, проговорился на счетъ истиннаго положенія дѣлъ; но скоро одумался и заговорилъ другое не заботясь о противорѣчіи.

Въ Вѣнѣ также вѣрно смотрѣли на свое положеніе, т.-е. что одной Австріи нельзя вооруженною рукою препятствовать успѣхамъ Россіи въ Турціи. Если Фридриху II-му, для исполненія своихъ замысловъ, нужно было тѣснымъ союзомъ своимъ съ Россіею ободиночить Австрію и заставить ее соглашаться на всѣ распоряженія Пруссіи и Россіи, то вѣнскій дворъ точно также хотѣлъ ободиночить Россію соглашеніемъ своимъ съ Пруссіею, заставить эту союзницу Россіи вырвать у послѣдней плоды побѣдъ, какъ бы это могъ сдѣлать только злой врагъ. Въ Вѣнѣ очень хорошо понимали, что Фридриха II заставить сдѣлать это нельзя даромъ, однимъ внушеніемъ, что могущество Россіи также опасно и ему, какъ Австріи, если еще не больше; Фридриху надобно было заплатить и дорого заплатить. Но, разумѣется, Австрія изъ своего не намѣрена была произвести этой уплаты, не намѣрена была и усиливать страшной Пруссіи, не усиливая въ то же время и саму себя для поддержанія равновѣсія; заплатить должна была Польша, и мы видѣли, какъ старый Кауницъ строилъ планъ уступкою Пруссіи польскихъ земель возвратить Австріи Силезію. Но еслибы даже эта завѣтная мечта и не осуществилась, Австрія готова была дѣлить Польшу съ Пруссіею, съ Россіею, лишь бы только послѣдняя не посягала на цѣлость Турціи, особенно не пріобрѣтала земель и даже вліянія на Дунаѣ, по сосѣдству съ монархіею Габсбурговъ, по сосѣдству съ православнымъ народонаселеніемъ ея. Повторяя упрекъ прусскому королю, что онъ хочетъ ловить рыбу въ мутной водѣ, вѣнскій дворъ спѣшилъ въ этомъ отношеніи предупредить, превзойти своего соперника, ставшаго образцомъ. Онъ прежде него воспользовался смутными обстоятельствами и вы-

ловилъ нѣсколько польскихъ земель; но этого было мало: на отношеніяхъ турецкихъ построенъ былъ другой планъ земельнаго пріобрѣтенія въ важной области Дуная. Рѣшено было вступить въ соглашеніе съ Портою, предложить ей помощь или войскомъ или доставленіемъ выгодного мира и за это вытребовать земельную уступку. Помощь въ войнѣ должна была ограничиться однимъ обѣщаніемъ—развѣ Пруссія также объявитъ войну Россіи; но этого ожидать было трудно; гораздо скорѣе Пруссія, не могшая сочувствовать усиленію Россіи, убѣдитъ послѣднюю ограничиться ничтожными выгодами при замиреніи съ Портою; Австрія будетъ помогать здѣсь Пруссіи упорно отвергая русскія условія, грозя своими вооруженіями, и такимъ образомъ пріобрѣтетъ себѣ право потребовать отъ Турціи вознагражденіе за помощь.

Интересы Австріи и Пруссіи расходились въ томъ отношеніи, что для Австріи на первомъ планѣ были русско-турецкія отношенія, ей прежде всего было нужно, чтобъ Россія не могла заключить выгоднаго мира съ Турціею, тогда какъ для прусскаго короля на первомъ планѣ былъ раздѣлъ Польши, а помѣха выгодному миру Россіи съ Портою на второмъ, да и тутъ Фридрихъ не считалъ возможнымъ отвергать почти всѣ русскія требованія, какъ то дѣлала Австрія: «Наши интересы, говорилъ онъ австрійскому послу фанъ-Свитену, не совсѣмъ одинаковы. Видите ли: я союзникъ Россіи и много ей обязанъ, она первая покинула страшный союзъ противъ меня и я долженъ ее щадить. Притомъ для меня не такъ важно какъ для васъ, что Россія будетъ дѣлать завоеванія на вашей сторонѣ: если турокъ перестанетъ быть для нея страшнымъ сосѣдомъ, она найдетъ другихъ, которые ее сдержатъ.»—«Государь, отвѣчалъ фанъ-Свитенъ, на какой бы сторонѣ Россія не дѣлала завоеваній, вѣрно одно, что ея сила увеличивается, и если она ихъ дѣлаетъ и сохраняетъ по своимъ широкимъ планамъ, то станетъ страшною поочередно всѣмъ своимъ сосѣдямъ со всѣхъ сторонъ, а ваше величество одинъ изъ этихъ сосѣдей и самыхъ близкихъ. Общее правило между нами то, чтобъ не допускать усиленія Россіи ни съ какой стороны. Вы союзникъ Россіи, и мы не хотимъ отторгнуть васъ отъ этого союза; но этотъ союзъ не долженъ увлекать васъ къ излишнему угодничеству, пагубныя послѣдствія котораго вы почувствуете безъ сомнѣнія прежде всѣхъ.»—

«Справедливо, сказалъ король, у меня нѣтъ на это возраженій; но постараемся же заключить миръ по крайней мѣрѣ на сносныхъ условіяхъ, напримѣръ, на уступкѣ Россіи Азова и свободы мореплаванія и торговли на Черномъ морѣ. Я велѣлъ попытать турокъ на счетъ мирныхъ условій вообще: кажется они могутъ согласиться на уступку Азова и плаванія по Черному морю; но они и слышать не хотятъ о независимости татаръ... Надобно обходиться умѣренно съ Россіею; надобно помогать мирнымъ расположеніямъ министра (Панина) и его партіи. Три самыя тяжелыя изъ своихъ мирныхъ условій русскіе оставляютъ (?!); но еще остается одно—независимость татаръ, на которое они настаиваютъ; они выставляютъ, что татары требуютъ освобожденія изъ-подъ турецкаго ига; но я съ трудомъ этому вѣрю и братъ мой также, онъ думаетъ, что только двѣ или три орды заявили подобное требованіе. Я хорошо понимаю, что на это условіе трудно согласиться, но надобно его смягчить, равно какъ и другія посредствомъ переговоровъ; не надобно забывать, что эти люди * побѣдители и нельзя не уступить имъ нѣкоторыхъ выгодъ; думаю, что еслибы они захотѣли удовольствоваться Азовомъ и торговлею на Черномъ морѣ, то надобно на это согласиться; надобно соблюсти справедливость: развѣ можно требовать, чтобъ они помирились безо всякой выгоды... Я вамъ говорю прямо, что хочу мира. Ваши военныя приготовленія дѣло хорошее: они заставятъ призадуматься русскихъ, которые не могутъ воевать въ одно время и съ турками, и съ вами; однако вѣдь это одна демонстрація, и мы должны хлопотать о мирѣ. Разумѣется, ваше рѣшеніе быть въ готовности на всякій случай благоразумно, я не могу его не одобрить. Еслибы *эти люди* перешли Дунай, то вы не могли бы этого потерпѣть». Тутъ фанъ-Свитенъ, схватился за послѣднія слова и попытался въ исполненіе своихъ инструкцій, вырвать у Фридриха обѣщаніе оставаться спокойнымъ зрителемъ, если Австрія начнетъ войну съ Россіею: «Государь! сказалъ онъ, предположимъ, что Россія заставитъ насъ вступить съ нею въ войну въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, лишь бы только не въ Польшѣ: дадите ли ваше в—ство честное

* Ces gens: такъ обыкновенно выражался Фридрихъ, говоря о русскихъ съ ф. Свитеномъ.

слово, что не вмѣшаетесь въ эту войну ни прямо, ни косвенно и не нарушите съ нами мира и доброй дружбы»?—«Такого случая еще нѣтъ, отвѣчалъ король: вы увидите, что *эти люди* подольютъ воды въ свое вино, и я доставлю имъ воды для этого въ изобиліи; я увѣренъ, что они потребуютъ вашего посредничества, и тогда дѣло пойдетъ инымъ путемъ».

Въ разговорѣ съ фанъ-Свитеномъ 27 апрѣля (н. с.) Фридрихъ высказался о раздѣлѣ Польши. Повторивъ о возможности скораго мира между Россіею и Портою, король прибавилъ, что Россія всего бы лучше нашла себѣ удовлетвореніе и вознагражденіе на счетъ Польши; что для вознагражденія Польши петербургскій дворъ предлагаетъ отдать ей Молдавію и Валахію, которыя впрочемъ будутъ имѣть особаго князя подобно Курляндіи; но что онъ, король не считаетъ этого предложенія удобоисполнимымъ, и было бы лучше, еслибъ Россія получила часть Польши, Австрія удержала бы за собою тѣ земли, которыми уже овладѣла, причемъ и Пруссія будетъ также искать своихъ выгодъ. Когда фанъ-Свитенъ замѣтилъ, что Австрія имѣла старыя права на занятыя ею польскія земли, то король сказалъ: «Велите-ка поискать въ своихъ архивахъ, не найдется ли тамъ еще какихъ-нибудь правъ на другія польскія области; надобно пользоваться случаемъ, я также возьму свою долю, а Россія свою. Наши государства отъ этого значительно не увеличатся, но это насъ уладитъ, и такъ какъ вашъ дворъ и я хотимъ успокоить Польшу, то эти новыя пріобрѣтенія дадутъ намъ возможность наблюдать за спокойствіемъ республики и содѣйствовать ему». Фанъ-Свитенъ обѣщалъ донести объ этомъ своему двору, но не удержался, чтобъ не замѣтить, неужели король смотритъ равнодушно на увеличеніе Россіи въ такой близости отъ него? Фридрихъ отвѣчалъ, что требованія Россіи не могутъ возбудить въ немъ слишкомъ большого безпокойства: она желаетъ получить маленькую частицу Ливоніи, которая еще остается за Польшею. Чтобъ покончить преждевременное разглагольствіе, Фридрихъ сказалъ посланнику: «Прошу васъ донести объ этомъ своему двору; у меня здѣсь одна цѣль—соблюсти въ точности катехизисъ, данный мнѣ кн. Кауницемъ». Какъ скоро король упомянулъ о знаменитомъ катехизисѣ, гдѣ различались большія пріобрѣтенія отъ малыхъ, то фанъ-Свитенъ счелъ совершенно удобнымъ освѣдомиться, какъ

велика будетъ доля Пруссіи при раздѣлѣ Польши. «Я возьму часть Помераніи или польской Пруссіи, отвѣчалъ король: это дурная область; но она дастъ мнѣ сообщеніе съ моимъ прусскимъ королевствомъ и доступъ къ Вислѣ; впрочемъ Данцигъ не отойдетъ къ моимъ владѣніямъ»[178].

Между тѣмъ русскій дворъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ вѣнскимъ, по поводу мира съ Турціею; русскія условія были сообщены. До полученія отвѣта изъ Вѣны, въ апрѣлѣ гр. Панинъ попытался вывѣдать у австрійскаго посла въ Петербургѣ, князя Лобковича, знаетъ ли его дворъ о планѣ раздѣла Польши, какъ смотритъ на него и нельзя ли склонить вѣнскій дворъ къ соглашенію на счетъ Турціи. Для Россіи, также какъ для Пруссіи и Австріи, были возможны только два пути: или тѣснымъ союзомъ съ Пруссіею, удовлетворяя требованіямъ послѣдней, ободиночить Австрію и заставить ее согласиться на русскія распоряженія относительно Турціи, или наоборотъ, войти въ тѣсный союзъ съ Австріею, ободиночить этимъ Пруссію и заставить ее согласиться на всѣ распоряженія императорскихъ дворовъ относительно Турціи. Мы увидимъ, какъ въ послѣдствіи вторая система смѣнитъ первую; но теперь до этого было еще далеко, и прежде всего по винѣ Австріи, которая не хотѣла обратить должнаго вниманія на русскія предложенія. Панинъ, въ разговорѣ съ Лобковичемъ, обратилъ вниманіе на вооруженія вѣнскаго двора: «Настоящее положеніе трехъ дворовъ, сказалъ онъ, образуетъ для меня лабиринтъ комбинацій, откуда я не вижу выхода; не могу я повѣрить, чтобъ цѣль вашего двора состояла въ поддержаніи Турціи, которая всегда будетъ самой опасною вашею сосѣдкою; неизмѣнное правило вашего интереса этому препятствуетъ, и кн. Кауницъ такъ ясно понимаетъ выгоды австрійской монархіи, что не можетъ присовѣтовать этого. Съ другой стороны, прусскій король также вооружается, и я не могу себѣ представить, чтобъ онъ это дѣлалъ въ качествѣ нашего союзника изъ опасенія вашего двора, ибо все доказываетъ добрыя отношенія между нимъ и ихъ император. в—ствами все обнаруживаетъ полную безопасность. Не видя въ дѣлѣ нашего примиренія съ турками причинъ вооруженія сосѣдей, я необходимо долженъ обратить вниманіе на дѣла польскія. Если мое предположеніе сколько-нибудь основательно, то я бы просилъ доставить мнѣ отъ кн. Кауница

этотъ знакъ довѣрія, чтобъ онъ открылся мнѣ относительно своихъ видовъ на Польшу, заставившихъ его, какъ министра, присовѣтовать своему двору вооруженія. Вѣроятно здѣсь не пойдетъ рѣчи объ отдачѣ христіанскихъ областей подъ магометанское господство, но о распредѣленіи между государствами христіанскими нѣкоторыхъ областей христіанскихъ въ пользу политическаго равновѣсія для соединенія интересовъ всѣхъ сосѣдей и для упроченія ихъ спокойствія. Думая такимъ образомъ объ округленіи границъ для сосѣдей Польши, нельзя сомнѣваться, что эта республика можетъ еще существовать какъ государство значительное, и что касается отторгнутыхъ отъ нея частей, то онѣ конечно ничего не потеряютъ отъ того, что не будутъ болѣе подчинены правительству, представляющему одинъ безпорядокъ и смуту.» Кн. Лобковичъ увѣрилъ Панина, что не имѣетъ никакого понятія о видахъ своего двора, но что находитъ выслушанное мнѣніе основательнымъ и передастъ его конфиденціально кн. Кауницу, причемъ будетъ его просить отвѣчать на довѣріе и откровенность русскаго первенствующаго министра, и надѣется, что гр. Панинъ останется доволенъ его отвѣтомъ. Лобковичъ далъ также знать своему двору о внушеніяхъ Панина, что русскій дворъ дружбѣ вѣнскаго двора готовъ пожертвовать дружбою короля прусскаго, которымъ въ Петербургѣ недовольны: находятъ его поведеніе двоедушнымъ и подозрѣваютъ въ намѣреніи взять что-нибудь у Польши, а это здѣсь считаютъ для себя невыгоднымъ. Іосифъ II въ восторгѣ писалъ брату: «Обнаружилось, что прусскій король намъ солгалъ, представляя предложеніе о раздѣлѣ Польши идущемъ изъ Петербурга.» Но въ Вѣнѣ отвѣчали на эти внушенія вовсе не такъ, какъ могли ожидать въ Петербургѣ. Лобковичъ передалъ Панину депешу Кауница, въ которой надворный австрійскій канцлеръ увѣдомлялъ, что освобожденіе Обрѣзкова истребовано у Порты и султанъ соглашается вступить въ мирные переговоры съ добрыми услугами Австріи и Пруссіи; но русскія мирныя условія о независимости Молдавіи, Валахіи и татаръ онъ, Кауницъ, находитъ невозможными: султанъ на это не согласится, потому что фамилія крымскихъ хановъ должна наслѣдовать турецкій престолъ въ случаѣ пресѣченія оттоманской фамиліи; кромѣ того независимые татары могутъ быть опасны австрійскимъ землямъ. Панинъ возразилъ,

что большая часть татаръ были сначала вольные и уловлены въ подданство только надеждою оттоманскаго наслѣдства; что остальные татары были русскіе подданные и по временамъ крымскіе ханы переманивали ихъ съ Кубанской на Крымскую сторону; что Россія доставленіемъ имъ прежней вольности хочетъ положить только преграду между собою и турками; что многіе изъ Гиреевъ живутъ въ Турціи, и если ихъ не довольно для наслѣдства, то Порта можетъ для этого оставить у себя всю ханскую фамилію; что татары вовсе не такъ близки къ Австріи, и если бывали они въ прежнія войны на ея границахъ, то не иначе, какъ по приказанію Порты. Въ засѣданіи совѣта 9 мая Панинъ разсказавши о депешѣ Кауница, объявилъ, что дѣло очень важно и высказалъ наивное мнѣніе, что одно средство къ исполненію русскихъ желаній и къ соглашенію вѣнскаго двора — это убѣдить послѣдній собственною его честію и славою у потомства; надобно растолковать ему безкорыстіе русскихъ намѣреній; растолковать, что турки сами никогда не могутъ возвратить себѣ отнятыя у нихъ русскими земли, и если другія европейскія державы станутъ имъ при этомъ помогать, то уже сами христіане будутъ виноваты въ томъ. что повергнутъ снова въ рабство другихъ христіанъ; но Россія и тогда, не будучи въ состояніи исполнить своего человѣколюбиваго намѣренія, не отдастъ ихъ туркамъ, а отдастъ вѣнскому двору съ тѣмъ, что если онъ не захочетъ спасти угнетенныхъ христіанъ отъ порабощенія, то пусть отдастъ ихъ туркамъ самъ и тѣмъ останется въ отвѣтѣ передъ Богомъ, свѣтомъ и потомствомъ. Совѣтъ одобрилъ мнѣніе Панина, но нѣкоторые члены замѣтили, что сходство отвѣтовъ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ доказываетъ давнее знакомство прусскаго короля со взглядами вѣнскаго двора.

Въ засѣданіи 16 мая Панинъ въ первый разъ сообщилъ совѣту о предложеніи Фридриха II-го пріобрѣсти польскія области. Когда въ совѣтѣ замѣтили, что хотя и невѣроятно, чтобъ искреннія и справедливыя требованія ея в—ства не произвели у вѣнскаго двора желаемаго дѣйствія, однако въ противномъ случаѣ военный пламень можетъ распространиться по всей Европѣ,— императрица вышла изъ совѣта и графъ Панинъ началъ говорить: «По случаю извѣстнаго захвата вѣнскимъ дворомъ пограничныхъ съ Венгріею польскихъ староствъ, король прусскій отозвался

здѣшнему двору, что онъ не намѣренъ быть спокойнымъ зрителемъ такого поступка со стороны сосѣдей, что имѣетъ и онъ также права на смежныя съ его владѣніями польскія земли и намѣренъ взять ихъ себѣ; что и Россія, если имѣетъ такія же требованія и хочетъ пользоваться удобнымъ случаемъ, сдѣлала бы съ нимъ общее дѣло. Это представляетъ мнѣ, продолжалъ Панинъ, такой случай, о которомъ всегда помышляли для исполненія всѣми желаемаго: теперь удобно отдѣлить себя отъ Польши рѣками. Хотя Россія и не имѣетъ никакого права на польскую Лифляндію, однако я намѣренъ вывести права на оставленныя за Польшею 10 заднѣпровскихъ полковъ и требовать ихъ возвращенія, тѣмъ болѣе, что Польша не исполнила обѣщаній, данныхъ за оставленіе ей этихъ полковъ. Согласившись на уступку присвоенныхъ австрійцами и требуемыхъ королемъ прусскимъ польскихъ земель, исключая Данцига, можемъ мы получить польскую Лифляндію и желаемое разграниченіе рѣками, а Польшѣ отдать, въ замѣнъ отбираемыхъ отъ нея земель, княжества молдавское и валашское; удовлетворивъ такимъ образомъ вѣнскій и берлинскій дворы, скорѣе можно будетъ заключить предполагаемый миръ съ турками и успокоить польскія замѣшательства, и если совѣтъ на все это согласенъ, то я стану надъ этимъ трудиться, и, отозвавшись слегка князю Лобковичу, приготовлю дворъ его къ такой сдѣлкѣ». Совѣтъ согласился. Но когда совѣтъ такимъ образомъ соглашался отдать Молдавію и Валахію Польшѣ, иначе рѣшали дѣло представители Австріи и Пруссіи въ Петербургѣ. Сольмсъ препроводилъ къ Панину записку, въ которой излагалъ разговоръ свой съ Лобковичемъ. Послѣдній спросилъ его: не считаетъ ли онъ удобнымъ отдать Молдавію и Валахію принцу Генриху прусскому? Сольмсъ отвѣчалъ отрицательно. Лобковичъ замѣтилъ, что и Австріи нельзя взять себѣ что-нибудь изъ этихъ земель, хотя бы ей и выгодно было занять часть Валахіи до рѣки Алуты. «Я, продолжалъ австрійскій посолъ, понимаю, что неловко возвращать этихъ земель Портѣ, но мнѣ кажется трудно рѣшить, кому ихъ отдать, потому что такими большими владѣніями нельзя увеличивать польское королевство». Мы видѣли, что и Фридрихъ II въ разговорѣ съ фанъ-Свитеномъ находилъ неудобнымъ отдать дунайскія княжества Польшѣ; а въ Петербургъ писалъ, что лучшее средство рѣшить трудный вопросъ о Молдавіи и Валахіи—это отдать ихъ Польшѣ [179].

Въ іюнѣ отъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, кн. Дмитр. Мих. Голицына пришли подробныя извѣстія о томъ, какъ тамъ смотрѣли на русскія условія. Кауницъ говорилъ Голицыну, что разсуждая безпристрастно, не можетъ онъ себѣ вообразить, чтобъ русское министерство, по просвѣщенію своему, не предвидѣло затрудненія, котораго въ Вѣнѣ надлежало ожидать въ принятіи такого проекта. Этотъ проектъ основанъ на однихъ для русскаго императорскаго двора выгодахъ. Голицынъ замѣтилъ, что и для вѣнскаго двора можетъ нѣкоторымъ образомъ послѣдовать польза отъ освобожденія Молдавіи и Валахіи и отъ ихъ независимости. Кауницъ отвѣчалъ, что не предвидитъ отъ этого никакой пользы для своего двора, который впрочемъ не желаетъ и намѣренія не имѣетъ что-либо для себя при этомъ случаѣ пріобрѣсти съ нарушеніемъ чести и вѣрности своихъ обязательствъ. Порта никогда не согласится на предосудительный и безславный для себя миръ; она еще можетъ продолжать войну, и вѣнскій дворъ долженъ употребить надлежащія предосторожности для сохраненія благосостоянія собственныхъ земель и равновѣсія европейской политической системы.—Возраженія противъ русскихъ мирныхъ условій были развиты Кауницемъ со всею подробностію въ запискѣ, носившей названіе: «Словесный отвѣтъ на конфиденціальное изложеніе русской императрицы о мирѣ съ турками и на дальнѣйшія сообщенія, сдѣланныя князю Лобковичу». Надобно, говорилось въ запискѣ, прежде всего изслѣдовать: 1) вѣроятно ли, чтобъ Порта могла согласиться на миръ, который повлечетъ за собою ея неизбѣжную погибель, или, по крайней мѣрѣ, отсрочитъ эту погибель только на короткое время? 2) Планъ примиренія поэтому можетъ ли ускорить миръ, или, наоборотъ, долженъ удалить его на много лѣтъ? 3) Согласенъ ли онъ съ будущимъ спокойствіемъ и безопасностію австрійскихъ владѣній? Ихъ императорскія и королевскія величества не могутъ скрыть, что видятъ величайшія затрудненія при его исполненіи. Хотятъ, чтобъ Порта уступила все завоеванное у нея Россіею и то, что будетъ завоевано въ настоящую кампанію; предполагаютъ открыть переговоры на основаніи «кто чѣмъ владѣетъ» (uti possidetis), чему не было примѣра въ исторіи, развѣ когда одна изъ воюющихъ сторонъ находилась совершенно безъ средствъ и не могла избѣжать гибели иначе, какъ помирившись во что̀ бы то

ни стало. Отдается на собственное разсужденіе императрицы вопросъ: въ такомъ ли положеніи находится Порта, или напротивъ, она въ состояніи сдѣлать еще много кампаній, не претерпѣвая болѣе существенныхъ потерь, чѣмъ тѣ, которыя она уже претерпѣла? Развѣ Порта можетъ не чувствовать, что независимость татаръ необходимо поведетъ къ ихъ зависимости отъ Россіи? что съ потерею береговъ Чернаго моря въ Европѣ она поторяетъ и отдастъ Россіи выгоду драгоцѣнную, обладаніе устьями значительныхъ рѣкъ, по которымъ приходятъ изъ отдаленныхъ странъ всѣ матеріалы, необходимые для постройки страшнаго флота и снабженія армій; что Константинополь чрезъ это будетъ постоянно подвергаться опасности голода и истребленія; что миръ на такомъ основаніи дастъ русской имперіи громадное могущество, а имперіи Оттоманской паденіе въ перспективѣ, болѣе или менѣе отдаленное, но неизбѣжное. Что касается Австріи, то независимость татаръ совершенно несовмѣстима съ безопасностію и спокойствіемъ ея владѣній; то же значеніе имѣетъ переходъ Молдавіи и Валахіи подъ другое владычество, какое бы ни было. Венгрія будетъ подвержена татарскимъ нападеніямъ, тѣмъ болѣе, что татары могутъ разсчитывать на безнаказанность по мѣстнымъ условіямъ. Если Молдавія и Валахія перейдутъ подъ власть могущественнаго государя, то они, увеличивъ его силу, нарушатъ европейское равновѣсіе. Если же подпадутъ подъ власть слабаго государя, то не будутъ служить оплотомъ противъ татарскихъ нашествій на австрійскую монархію.

Екатерина сама написала возраженія на этотъ отвѣтъ: «Если относительно независимости татаръ какъ отъ меня, такъ и отъ Порты надобны другія ручательства кромѣ обязательствъ обѣихъ договаривающихъ сторонъ, то я готова допустить ихъ. Свобода торговли и мореплаванія на Черномъ морѣ поставитъ обѣ имперіи въ равное положеніе относительно выгодъ, и Порта будетъ имѣть преимущество, ибо у нея уже есть флотъ на Черномъ морѣ, а Россія, заводя его очень медленно, можетъ только современемъ войти въ соперничество. Если разсмотрѣть положеніе земель, требуемыхъ Россіею для установленія мореплаванія и сравнить ихъ съ безчисленными удобствами Порты для военнаго флота на Черномъ морѣ, то никто не подумаетъ, что Россія

когда-либо можетъ принять наступательное движеніе. Мои мирныя условія ограничиваются уменьшеніемъ способовъ врага къ новымъ нападеніямъ. Когда я предлагаю открыть переговоры на основаніи *uti possidetis*, то не думаю, чтобъ я была обязана болѣе щадить врага имени христіанскаго, тогда какъ я имѣю передъ глазами недавній примѣръ великихъ государствъ христіанскихъ: *) одно изъ нихъ, сдѣлавши мирныя предложенія на этомъ основаніи (т.-е. uti possidetis), не было въ болѣе невыгодномъ положеніи, чѣмъ теперь Порта. Что касается Австріи, то очевидно, что Турція въ равной степени враждебна и ей, какъ Россіи; что незначительный государь, который будетъ царствовать въ Молдавіи и Валахіи, можетъ сдѣлаться врагомъ Австріи, что то же самое можетъ случиться и съ независимыми татарами, — это напрасно я буду стараться опровергать. Пока не будетъ доказано, что силы увеличиваются раздѣленіемъ, я не могу предвидѣть большого безпокойства для австрійскихъ областей въ новомъ положеніи Молдавіи, Валахіи и татаръ. Молдавія и Валахія, ставши независимыми, для сохраненія этой независимости, не могутъ оставаться въ открытомъ и беззащитномъ положеніи; онѣ должны имѣть войско, крѣпости со стороны Турціи и татаръ, слѣдовательно должны сдѣлаться оградою австрійскихъ владѣній. Что же касается того, что ими будетъ владѣть могущественный государь, то очевидно, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. *Я не буду оскорблять своего государства и никакого другого христіанскаго государства, сравнивая ихъ съ Турціею относительно значенія послѣдней для равновѣсія между христіанскими державами: политика Порты совершенно исключительная; принципы чести и достоинства не позволятъ никогда христіанскимъ державамъ допустить Порту въ систему союзовъ (dans un corps d'alliance), и еслибы, по несчастію, она была принята, то ознаменовала бы свое вступленіе въ систему христіанскихъ государствъ вѣроломствомъ и гибельными ударами, которымъ одинаково подверглись бы и друзья, и враги. Неужели хотятъ сдѣлать положеніе Порты неслыханно выгоднымъ? Въ то время, какъ ея собственная система, несоединимая ни съ какою другою системою, стремится*

*) Австрію и Пруссію при заключеніи послѣдняго мира.

только къ истребленію христіанскихъ государей по мѣрѣ возможности,—со стороны христіанскихъ государей будетъ существовать система твердая и постоянная, въ которой сохраненіе Порты будетъ служить основаніемъ, связаннымъ съ ихъ собственнымъ сохраненіемъ! И каково будетъ положеніе государства, которое, какъ моя имперія, будетъ вести съ нею войну побѣдоносную и справедливую? Довольное пустымъ блескомъ тріумфовъ, оно возвратитъ свои войска, ограничиваясь честію, что побило и низложило врага, не смѣя дотронуться до его владѣній, потому что этотъ врагъ есть Турція. Христіане въ своихъ войнахъ обходятся другъ съ другомъ менѣе великодушно, ибо будучи соединены религіею, считаются всегда братьями, и только относительно вѣчнаго врага христіанъ должны обнаруживать все величіе чувства».

Система, противъ которой Екатерина протестовала и за будущія поколѣнія русскихъ людей, утвердилась, и никакой протестъ противъ нея не можетъ имѣть силы въ глазахъ европейскихъ государей и министровъ. Возраженія императрицы были переданы Лобковичу, отправлены имъ въ Вѣну, но не произвели здѣсь никакого дѣйствія. Кауницъ говорилъ Голицыну: «Я увѣренъ, что Порта лучше захочетъ продолжать войну еще десять лѣтъ, нежели согласится на такія мирныя условія; для вѣнскаго двора не все равно, будутъ ли Молдавія и Валахія управляться господарями зависящими отъ Порты, или князьями, назначаемыми Россіею, по меньшей мѣрѣ съ ея согласія; въ этомъ послѣднемъ случаѣ интересы нашего двора подверглись бы важному ущербу; требуемая съ русской стороны независимость татаръ легко можетъ современемъ обратиться въ совершенное подданство и сдѣлаться весьма предосудительною не только интересамъ Австріи, но и вообще равновѣсію Европы. Хотя изъясненія императрицы и не возбуждаютъ сомнѣнія въ искренности и непорочности ея намѣреній; но императрица сама не можетъ ручаться за преемниковъ своихъ. Исторія представляетъ не одинъ примѣръ, какъ народы изъ покровительства были приведены въ подданство. Я не хочу отъ васъ скрыть, что есть много людей, которые увѣрены, что прусскій король отъ вашего примиренія съ турками ожидаетъ для себя нѣкотораго пріобрѣтенія, и что по мнѣнію тѣхъ же людей назначена ему часть Польши». Потомъ

Кауницъ сказалъ съ нѣкоторымъ жаромъ: «Пора вамъ прекратить войну; дѣла ваши становятся очень серіозными для вѣнскаго двора, который не можетъ долго оставаться спокойнымъ зрителемъ».

Панина встревожила рѣзкость выраженій Кауница, и онъ написалъ мнѣніе объ уступкѣ Молдавіи и Валахіи: «Теперь, когда кн. Кауницъ, предубѣдя себя и дворъ свой нуждою равновѣсія между Россіею и Портою Оттоманскою, доводитъ дѣло до крайности и до явнаго почти разрыва съ нами, благоразуміе требуетъ уступить нѣсколько обстоятельствамъ и удовольствоваться тѣмъ, что способнѣе одержать можно, дабы инако, гоняясь за всѣмъ, всего же и не упустить. Для этого нужно прежде всего покончить съ независимостію Крыма, постановить и подписать публичный актъ между Россіею и ханомъ, который татары должны утвердить присягою. Хотя австрійскій домъ всѣ наши требованія безъ исключенія отмещетъ, но не можно однакожь думать, чтобъ для него въ существѣ равно важнымъ была независимость татарская и отторженіе Молдавіи и Валахіи. Въ первомъ пунктѣ зависть противъ славы имперіи нашей остается ему однимъ истиннымъ побужденіемъ, второй же конечно можетъ имѣть и самый его интересъ, когда взять въ уваженіе многое число земель съ нами, такъ какъ молдавцы и валахи, единовѣрныхъ, состоящихъ подъ владѣніемъ его: а изъ сего и можетъ сей высокомѣрный домъ поставить себѣ и прямымъ политическимъ правиломъ, чтобы не попускать Россію освобождать своихъ единовѣрныхъ отъ власти надъ ними, подобной турецкому насилію, ибо въ самомъ дѣлѣ и католики не лучше турковъ надъ ними владычествуютъ, да и поставляютъ сіе равно съ тѣми правиломъ своего закона. Посему можно кажется полагать, что отступленіе наше отъ требованія завоеванныхъ княжествъ послужитъ взаимно къ облегченію другихъ нашихъ видовъ» [180]. Но императрица не приняла мнѣнія первенствующаго министра; положено дѣйствовать черезъ Пруссію. Такимъ образомъ вѣнскій дворъ самъ оттолкнулъ возможность русскаго союза, возстановленія прежнихъ отношеній, какія были при Елисаветѣ. Рѣшительнымъ и жесткимъ тономъ Кауницъ хотѣлъ или напугать Россію, заставить ее смягчить мирныя условія, или заставить ее рѣшительнѣе высказаться на счетъ союза съ Авст-

ріею, съ исключеніемъ прусскаго союза; но австрійскій канцлеръ ошибся въ своемъ разсчетѣ.

Между тѣмъ императоръ Іосифъ находился въ тревожномъ состояніи: онъ боялся пропустить удобный случай для увеличенія своихъ владѣній, боялся, чтобъ Россія и Пруссія не сдѣлали пріобрѣтеній, обойдя Австрію, боялся успѣховъ Россіи, не вѣрилъ Фридриху II-му; требовалъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, большихъ вооруженій, но не съ цѣлію вступить прямо въ войну съ Россіею, ибо не надѣялся на успѣхъ, а съ цѣлію напугать Россію или по крайней мѣрѣ имѣть наготовѣ средства, смотря по обстоятельствамъ, или броситься на Россію когда она ослабнетъ, или схватить что-нибудь и тѣмъ привести себя въ равновѣсіе съ нею. «Я считаю прусскаго короля неизмѣннымъ въ своемъ желаніи скрываться и ловить рыбу въ мутной водѣ, писалъ Іосифъ брату своему Леопольду. Никогда мы не убѣдимъ этого человѣка, чтобъ онъ имѣлъ къ намъ довѣріе и никогда не побудимъ его къ поступкамъ, которые поссорили бы его съ русскими». Императрица Марія Терезія имѣла свое мнѣніе, что не должно никогда вести войны съ Россіею, потому что турки напали на нее; русскіе оказывали всевозможное вниманіе къ Австріи, притомъ они христіане; странно, что имъ позволили въ Польшѣ притѣснять свободный народъ, а теперь хотятъ помогать туркамъ! Іосифъ былъ въ отчаяніи и писалъ брату: «Предоставляю вамъ оцѣнить по достоинству такое разсужденіе (материнское)! Каждый день промедленія имѣетъ великую важность; мы потеряемъ наконецъ столько времени, что волею-неволею нужно будетъ позволить русскимъ дѣлать все что имъ угодно. Вы можете судить, какъ страдаетъ моя ревность къ государственному благу. Я не могу отказаться отъ своей системы: она, по моему, хороша и вѣрна, я или заставлю дѣйствовать прусскаго короля, или, по крайней мѣрѣ, уничтожу весь его кредитъ при Портѣ. Если рѣшатся на прямую войну, то я ее поведу, но подамъ письменный протестъ, сниму съ себя отвѣтственность за всѣ несчастныя послѣдствія, которыя, по моему, неизбѣжны. Если же рѣшатся ничего не дѣлать, предоставивъ все случаю и обнаружить свою великую слабость, то я буду вынужденъ засвидѣтельствовать передъ публикою, что въ томъ неповиненъ.» Наконецъ Марія Терезія согласилась на приготовленіе отъ 50 до 60,000

войска въ Венгрію, приказавъ Фанъ-Свитену спросить прусскаго короля, дастъ ли онъ письменное обѣщаніе не препятствовать Австріи въ случаѣ разрыва ея съ Россіею, а Тугуту велѣно войти въ переговоры съ сановниками Порты на счетъ союза и вознагражденій за него.

Но мы видѣли, какъ Фридрихъ отвѣчалъ Фанъ-Свитену на предложеніе дать упомянутое письменное обязательство; Фридрихъ вмѣсто этого предлагалъ дѣлить Польшу. Совѣсть Маріи Терезіи, по обычаю, взволновалась: она объявила, что для сохраненія цѣлости польскихъ владѣній готова отказаться и отъ правъ своихъ на занятыя польскія земли. Іосифъ писалъ брату: «Не знаю, что выйдетъ изъ этого великодушнаго объявленія; въ крайности надобно подумать, какъ бы сдѣлать наименѣе дурной выборъ. Мнѣ не нужно вамъ говорить, въ какой тайнѣ надобно держать это дѣло (раздѣлъ Польши), потому что разглашеніе его произведетъ страшное впечатлѣніе, особенно во Франціи». Іосифъ преждевременно обезпокоился великодушіемъ своей матери. Кауницъ нисколько не удивился и не огорчился предложеніемъ прусскаго короля; но онъ не повѣрилъ, чтобъ Пруссія и Россія ограничились такими ничтожными долями, какія Фридрихъ означилъ въ разговорѣ съ Фанъ-Свитеномъ. Впрочемъ, пусть доли будутъ и больше, лишь бы Австрія не была въ убыткѣ—и Кауницъ поднимаетъ свой старый планъ: за пріобрѣтенія въ Польшѣ Пруссія должна уступить Австріи часть Силезіи и графство Глацъ. Фанъ-Свитену изготовляется наказъ—развѣдать о величинѣ долей Россіи и Пруссіи при раздѣлѣ Польши и поднять по возможности, самымъ осторожнымъ образомъ, дѣло объ уступкѣ Силезіи. Совѣстливая Марія Терезія на докладѣ Кауница написала: placet (угодно): дѣло шло о возвращеніи Силезіи [181]!

Предъ глазами стараго канцлера опять является очаровательный призракъ; встрепенулось и сердце старой императрицы-королевы: Силезія! Но изъ-за Силезіи нельзя забыть все другое, нельзя позволить русскимъ раздавить Турцію и утвердиться на Дунаѣ. Силезія будетъ взята отъ Пруссіи, за которую послѣдняя получитъ богатое вознагражденіе въ Польшѣ; Россія также хочетъ имѣть свою долю въ раздѣлѣ, такъ пусть же и будетъ этимъ довольна, пусть откажется отъ своихъ требованій относительно Турціи, отъ которой Австрія получитъ за это также

земли. Въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій изъ Константинополя. Тугутъ доносилъ, что турки въ восторгѣ отъ его предложенія: султанъ готовъ заплатить за драгоцѣнный союзъ уступкою земли между Дунаемъ и рѣкою Алутою. Возраженіе въ диванѣ, что законъ запрещаетъ отдавать невѣрнымъ мусульманскія земли, было отстранено замѣчаніемъ, что въ уступаемой странѣ нѣтъ мечетей и магометанскаго народонаселенія. На другое возраженіе, что во всей исторіи Турціи нѣтъ примѣра такой добровольной уступки, отвѣчалъ самъ султанъ, Мустафа, что никогда не было также примѣра такого великодушнаго сосѣдняго доброжелательства, какое теперь оказываетъ Портѣ вѣнскій дворъ. Но кромѣ земли Австрія хотѣла также получить отъ Турціи 34 милліона гульденовъ. Вытребовать эти деньги Тугуту было несравненно труднѣе, наконецъ султанъ согласился выплатить заразъ 10,125,000 гульденовъ, а остальное въ извѣстные сроки. Но что скажутъ въ Берлинѣ? Надобно и туда дать что-нибудь: Тугутъ долженъ былъ вытребовать еще деньги для прусскаго короля. Турки на все соглашались, но требовали, чтобъ Австрія доставила имъ такой миръ съ Россіею, при которомъ они ничего бы не уступили. Въ концѣ іюня Тугуту удалось заключить конвенцію такого рода, что Австрія обязывалась доставить Турціи миръ или на основаніяхъ Бѣлградскаго, или на другихъ, соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ, но съ условіями, которыя Порта могла бы легко принять. Часть выговоренныхъ Тугутомъ денегъ уже была отправлена въ Вѣну [182].

Теперь Австрія должна была хлопотать о выгодномъ для Турціи мирѣ. Относительно Россіи ошиблись въ разсчетѣ, оттолкнули ее, а не испугали. «Мы не позволимъ Австріи предписывать себѣ законы», сказалъ Панинъ Сольмсу [183]. Надобно было дѣйствовать на прусскаго короля; всего легче, разумѣется, было дѣйствовать отказомъ принять участіе въ раздѣлѣ Польши и обѣщаніемъ войти въ виды Фридриха только тогда, когда онъ согласится вмѣстѣ съ Австріею принудить Россію заключить съ Портою выгодный для послѣдней миръ. Но Фридриха нельзя было перехитрить. Онъ ясно понималъ преимущество своего положенія: Россія, оттолкнутая Австріею, угрожаемая ею, теперь крѣпче будетъ держаться союза съ нимъ, легче войдетъ во всѣ его планы, согласится на увеличеніе его польской доли, умѣритъ и свои мир-

ныя условія съ турками; войны не будетъ, потому что Австрія поспоритъ и все же сдастся, возьметъ долю изъ Польши и отступитъ отъ безсмысленнаго требованія, чтобъ Россія заключила миръ съ турками безо всякой для себя выгоды. «Мнѣ очень досадно, говорилъ Фридрихъ фанъ-Свитену, что вашъ дворъ рѣшился во всемъ отказывать, и я боюсь, что это произведетъ дурное впечатлѣніе на русскихъ. Эти люди горды своими успѣхами и имѣютъ право гордиться; нѣтъ ничего похожаго, чтобъ они могли опасаться неудачъ. Всего лучше было бы войти немедленно въ переговоры, потому что эти люди умѣрятъ свои условія, я это знаю, но надобно ихъ щадить, и невозможное дѣло заставить ихъ отказаться отъ всякаго вознагражденія, этого нельзя требовать».—«Прочность мира, отвѣчалъ фанъ-Свитенъ, будетъ зависѣть исключительно отъ сохраненія равновѣсія на Востокѣ, а отъ сохраненія этого равновѣсія будетъ зависѣть въ будущемъ безопасность нашей и вашей монархіи, которыхъ интересы сливаются въ этомъ важномъ дѣлѣ». — «Но если Россія откажется предложить другія условія, сказалъ король: если она прекратитъ дальнѣйшія объясненія, что вы тогда сдѣлаете? Независимость татаръ условіе важное, еслибы русскіе добились независимости всѣхъ ордъ, живущихъ на берегахъ Чернаго моря; но еслибы дѣло шло о двухъ или трехъ, то мнѣ кажется, что можно на это согласиться, кромѣ того можно отдать Россіи Азовъ, мѣсто вовсе не такъ важное, какъ вы думаете: это плохая гавань, изъ которой никогда не можетъ выйти флотъ. Что же касается Молдавіи и Валахіи, то петербургскій дворъ не такъ легко отъ нихъ откажется: цѣль его здѣсь состоитъ въ томъ, чтобъ отнять у турокъ средство безпокоить русскую имперію посредствомъ Польши; для петербургскаго двора все равно, въ чьи руки достанутся эти княжества, лишь бы не оставались у турокъ; не можете ли вы взять ихъ себѣ; какъ вы думаете?» Фанъ-Свитенъ сослался на письмо Кауница къ Лобковичу, изъ котораго было видно, что вѣнскій дворъ не намѣренъ употребить во зло добрыхъ услугъ при мирныхъ переговорахъ для обнаруженія своей алчности.—«Правда, отвѣчалъ король: вы много одолжены турками, имѣете обязанность щадить ихъ; но этому нисколько не помѣшаетъ, если вамъ дадутъ Молдавію и Валахію, вы ихъ отдадите туркамъ, а они за это возвратятъ вамъ Бѣл-

градъ; эта мысль пришла мнѣ сейчасъ въ голову, какъ вы объ ней думаете?» Фанъ-Свитенъ отвѣчалъ, что донесетъ своему двору о предложеніи королевскомъ.

Когда это донесеніе было получено въ Вѣнѣ, Кауницъ прежде всего не повѣрилъ его серіозности: «Король хочетъ только получше вывѣдать наши намѣренія, писалъ онъ фанъ-Свитену. Благодарить короля, но сказать, что его предложеніе противорѣчитъ принятой ихъ и. величествами системѣ и повело бы къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ для сосѣдей Россіи и для европейскаго равновѣсія вообще. Мы не хотимъ мѣнять турецкаго сосѣдства ни на какое другое, не хотимъ давать Портѣ ни малѣйшаго повода къ упреку, что мы явились въ отношеніи къ ней неблагодарными или старались извлечь выгоды изъ ея затруднительнаго положенія. Легко предвидѣть, что Порта скорѣе откажется отъ Молдавіи и Валахіи, чѣмъ отъ пограничной дунайской крѣпости, съ потерею которой откроется дорога во внутренность ея имперіи. Наконецъ, если нашъ дворъ разъ позволитъ себѣ враждебныя дѣйствія противъ Порты, Россія получитъ возможность безъ труда осуществить свои страшные завоевательные планы и достигнуть такихъ преимуществъ, сравнительно съ которыми пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи можно считать ничѣмъ, наоборотъ, можно считать истинною потерею и первымъ основнымъ камнемъ для будущаго подчиненія. Я жестоко ошибся, думая, что прошлый годъ въ Нейштадтѣ осязательно разъяснилъ королю основанія нашей политической системы и нашихъ уже тогда принятыхъ окончательно рѣшеній. Но онъ или принялъ мои слова за обманъ, или подумалъ, что мы такіе люди, которыхъ легко можно заставить перемѣнить свои систематическія рѣшенія. Иначе онъ не сталъ бы намъ дѣлать предложеній на счетъ Молдавіи и Валахіи и не обнаруживалъ бы неудовольствія на нашъ послѣдній отвѣтъ Россіи, ибо этотъ отвѣтъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что̀ я ему говорилъ годъ тому назадъ. Наоборотъ, онъ долженъ былъ бы намъ быть благодаренъ, что мы одни противимся усиленію Россіи и отстраняемъ очевидную опасность не только отъ самихъ себя, но въ равной по меньшей мѣрѣ степени и отъ берлинскаго двора. Мы вовсе не презираемъ представляющихся случаевъ къ пріобрѣтенію существенныхъ выгодъ. Но безопасность и самосохраненіе

пребудутъ главнымъ предметомъ нашей политики, которому жертвуемъ мы всѣми другими соображеніями и видимыми выгодами. Въ этомъ отношеніи наши воззрѣнія совершенно отличны отъ королевскихъ, ибо онъ обращаетъ свое главное вниманіе на выгоды, тогда какъ мы убѣждены, что это вѣрное средство потерять и выгоды, и безопасность. Мы переживаемъ критическое мгновеніе, которое должно рѣшить будущую судьбу не только нашего, но и берлинскаго двора; и такъ было бы непростительно сдѣлать теперь политическую ошибку. Наше рѣшеніе неизмѣнно—скорѣйпринять самыя крайнія мѣры, чѣмъ нарушить навсегда свою безопасность. Будемъ ждать, на что рѣшатся Россія и король прусскій, чтобъ принять свои дальнѣйшія мѣры смотря по времени и обстоятельствамъ» [184].

Австрія упорно, долго торговалась, какъ человѣкъ, который, вошедши въ лавку и желая повыгоднѣе купить, начинаетъ нарочно хулить товары: и тотъ не хорошъ, и другой ему не по вкусу. Но этимъ упорствомъ только давалась Фридриху возможность ускорить рѣшеніе своего желаннаго дѣла въ Петербургѣ, выторговать здѣсь для себя новыя выгоды, застращивая враждебностію Австріи, ея вооруженіями, продавая дорого свой союзъ, и въ то же время заставляя для ускоренія мира отказаться отъ Молдавіи и Валахіи. 2-го августа, въ засѣданіи Совѣта графъ Панинъ читалъ о притязаніяхъ короля прусскаго на разныя польскія земли, сообщилъ всѣ предложенія Сольмса по этому предмету, присланный изъ Берлина проектъ секретной конвенціи о пріобрѣтеніи пограничныхъ польскихъ земель; Панинъ прочелъ и свой контръ-проектъ этой конвенціи съ прибавленіемъ секретнѣйшаго артикула, заключающаго въ себѣ обязательства противъ вѣнскаго двора въ случаѣ, если онъ станетъ препятствовать намѣренію союзныхъ дворовъ. Оказывалось, что прусскій король желаетъ пріобрѣсть всю польскую Пруссію, исключая Данцигъ съ его уѣздомъ; потомъ часть Великой Польши, лежащую по ту сторону рѣки Неца, также Кульмъ, Маріенбургъ и Вармію. Видя такую значительную долю, которую назначилъ себѣ прусскій король, Совѣтъ постановилъ внести въ конвенцію, что Россія должна получить остатокъ польской Лифляндіи, часть Полоцкаго и все Витебское воеводство, лежащія по сю сторону Двины, чтобъ эта рѣка была естественною границею между Россіею и

Польшею до частной границы между витебскимъ и полоцкимъ воеводствами; слѣдуя по ней оттуда до пункта, гдѣ соединяются границы трехъ воеводствъ, полоцкаго, витебскаго и минскаго, русская граница должна быть продолжена прямою линіею до вершины рѣки Дружекъ, или Друецъ къ мѣсту, носящему названіе Ордва, и оттуда, спускаясь по этой рѣкѣ до ея устья въ Днѣпръ, такъ чтобъ все воеводство мстиславское по сю и по ту сторону Днѣпра и оба края воеводства минскаго, выше и ниже воеводства мстиславскаго, принадлежали Россіи, чтобъ съ устья рѣки Дружекъ Днѣпръ служилъ Россіи границею съ Польшею, сохраняя для Кіева и его округа нынѣшнюю его границу по ту сторону Днѣпра. Въ засѣданіи Совѣта 22 августа Панинъ сообщилъ депешу прусскаго короля къ Сольмсу: Фридрихъ писалъ, что онъ сдѣлалъ вѣнскому двору внушеніе на счетъ пріобрѣтенія Молдавіи и Валахіи, но получилъ отвѣтъ, что Австрія, изъ признательности своей къ Портѣ, никогда не согласится на ея разрушеніе, напротивъ, сколько достанетъ силы, будетъ сохранять ее и равновѣсіе на Востокѣ; что теперь долженъ рѣшиться жребій австрійской и *русской* *) монархіи. Король заключилъ депешу разсужденіемъ, что если не сыщутся способы къ соглашенію, то онъ предвидитъ общую войну. По мнѣнію Панина надобно было подождать отъ прусскаго короля отвѣта на посланный къ нему контръ-проектъ секретной конвенціи; что какъ ни велика къ намъ вражда вѣнскаго двора, однако нельзя думать, чтобъ дѣйствительно захотѣлъ онъ воевать съ нами; видя, что наши войска всюду заняты, быть можетъ хочетъ онъ насъ принудить къ исполненію своихъ желаній однѣми только угрозами: поэтому намъ нужно приготовиться такимъ образомъ, чтобъ сдержать его одними оказательствами (демонстраціями), или же и самымъ дѣломъ. Графъ Захаръ Чернышевъ говорилъ, что надобно усилить средства борьбы и по другой еще причинѣ: прусскій король, представляя себѣ насъ не въ состояніи противиться австрійскимъ предпріятіямъ, опасается въ объясненіяхъ съ вѣнскимъ дворомъ рѣшительно держать нашу сторону, чтобъ въ случаѣ разрыва не навлечь на себя всю его силу; если же увидитъ насъ готовыми къ войнѣ, то можно думать, что исполнитъ

---

*) Въ депешѣ Кауница фанъ-Сватену: прусской, а не русской.

все отъ него зависящее по своимъ съ нами обязательствамъ: поэтому необходимо имѣть въ Польшѣ значительный корпусъ войскъ. Чернышевъ объявилъ, что по его распоряженіямъ, въ Польшѣ можетъ быть 50,000 войска, на которыя въ первый годъ нужно 560,000 рублей, а на слѣдующіе по 374,000. Эту новую армію думаетъ онъ расположить въ Литвѣ около Бреста, чтобъ можно было ее обратить по обстоятельствамъ или на помощь первой арміи, или противъ австрійцевъ. Совѣтъ согласился и постановилъ сдѣлать рекрутскій наборъ со ста душъ. Генералъ-прокуроръ объявилъ, что требуемыя суммы можетъ доставить безъ затрудненія [185].

Хотѣли сдѣлать большія военныя приготовленія, чтобъ внушить бодрость союзнику, заставить его рѣшительнѣе держать русскую сторону въ объясненіяхъ съ вѣнскимъ дворомъ. Но вѣрный союзникъ сталъ рѣшительнѣе настаивать въ Петербургѣ на уступку Молдавіи и Валахіи, началъ выставлять свою слабость въ войнѣ противъ Австріи и ея союзниковъ—а впрочемъ эта слабость исчезнетъ, онъ станетъ силенъ, будетъ воевать,—если Россія согласится увеличить его долю въ польскомъ раздѣлѣ! На основаніи депеши королевской Сольмсъ говорилъ Панину, что выпускъ вѣнскимъ дворомъ новыхъ банковыхъ билетовъ на 12 милліоновъ доказываетъ какое-нибудь важное намѣреніе; если произойдетъ новая война, то она будетъ соединена съ великими опасностями какъ для Пруссіи, такъ и для Россіи, что прусскій король для избѣжанія новой войны, а можетъ быть и для достиженія мира, видитъ одно средство, чтобъ Россія оставила мысль объ отторженіи Молдавіи и Валахіи отъ Порты; Россія этимъ ничего бы и не потеряла, объявивъ уже, что не для себя желаетъ она этого отторженія, да еще и выиграла бы, обнаруживъ этимъ неправду вѣнскаго двора; потому было бы очень желательно, чтобъ Россія объ этомъ зрѣло подумала, ибо въ случаѣ разрыва нести всю военную тягость досталось бы ей одной съ нимъ же однимъ, такъ какъ съ надежной стороны извѣстно уже сдѣланное Англіею объявленіе, что она ни во что не вступится, если только Франція ограничится дачею Австріи договорныхъ 24,000 вспомогательнаго войска; равнымъ образомъ и на Данію полагаться нельзя, нельзя и напередъ отгадать, не успѣетъ ли вѣнскій дворъ добыть вспомогательное войско отъ

имперскихъ князей.—Въ слѣдъ затѣмъ новая депеша отъ Фридриха Сольмсу (отъ 10 сентября н. с.): «Надобно думать, писалъ король, что вѣнскій дворъ согласно съ турками будетъ дѣйствовать въ Молдавіи и Валахіи для вытѣсненія оттуда гр. Румянцева; сверхъ того составлена будетъ въ Польшѣ генеральная конфедерація противъ Россіи, будетъ выбранъ новый король и поляки станутъ дѣлать набѣги въ русскіе предѣлы. На это можно сказать, что при диверсіи съ моей стороны Россія можетъ легко со всѣмъ этимъ справиться: но въ такомъ случаѣ обращу я на себя всѣ силы австрійскаго дома *, вспомогательный корпусъ Франціи и всѣ тѣ войска, которыя вѣнскій дворъ можетъ получить для себя у мелкихъ князей, слѣд. 200,000 непріятелей. Если присовокупить къ этому двухлѣтній сряду недородъ хлѣба, который теперь уже не позволяетъ привести въ движеніе 10,000 человѣкъ, то спрашивается, при такихъ обстоятельствахъ не требуетъ ли благоразуміе испытать примирительныя средства, прежде чѣмъ пуститься на крайности. Порта достаточно унижена будетъ другими потерями, хотя бы Молдавія и Валахія и были ей оставлены. Поэтому было бы нужно испытать противниковъ нашихъ, обращая всю неправду на нихъ сторону, согласятся ли они, съ уступкою Молдавіи и Валахіи, на всѣ прочія русскія требованія; этою попыткою ничего не будетъ упущено по причинѣ наступающей уже зимы. До сихъ поръ нѣтъ еще у вѣнскаго двора съ Портою подписаннаго договора; но вѣроятно, что зимою онъ состоится. Если послѣ такого съ русской стороны поступка вѣнскій дворъ не войдетъ въ соглашеніе, то надобно будетъ воевать. Впрочемъ, входя въ положеніе вѣнскаго двора, надобно признаться, что онъ имѣетъ причину не желать, чтобъ Молдавія и Валахія были въ рукахъ зависимаго отъ Россіи господаря; но, съ другой стороны, нѣтъ основанія для вѣнскаго двора тревожиться независимостію Крыма и другими русскими условіями; это заставляетъ думать, не для того ли кн. Кауницъ и рѣшился во всемъ отказывать, чтобъ только отстранить особенно противное ему условіе. Такъ какъ война, продолжалъ король, заведетъ меня въ большіе расходы, то надѣюсь, что въ

* Гдѣ же всѣ, когда австрійцы будутъ дѣйствовать въ Молдавіи и Валахіи для вытѣсненія оттуда Румянцева?

вознагражденіе за нихъ и въ соотвѣтствіе всѣмъ предстоящимъ опасностямъ для клевскихъ моихъ земель, Россія согласится придать къ моей долѣ въ Польшѣ городъ Данцигъ, который безъ великихъ неудобствъ не можетъ быть отторгнутъ отъ той земли, къ которой принадлежитъ. Еслибъ не нужно было воевать, то моя доля превышала бы мои ожиданія; но такъ какъ я вижу, что дѣло дойдетъ до важной развязки, то не думаю, чтобъ требованіе мое было чрезмѣрно. Если и Россія, въ соотвѣтствіе пріобрѣтенія мною города Данцига, разсудитъ увеличить и свою долю, то я признаю справедливость этого и буду ей все безъ затрудненія гарантировать. Главная моя теперь забота происходитъ отъ общаго въ Германіи хлѣбнаго недостатка, который равномѣрно и австрійцевъ можетъ заставить ждать будущаго урожая для дѣйствительнаго ополченія. Несмотря на это послалъ я въ Польшу купить 7200 лошадей для ремонтированія конницы моей, да и сверхъ того буду принужденъ сдѣлать еще многія другія пополненія, такъ что я едва ли буду въ состояніи вступить въ дѣло прежде іюля или августа будущаго года. Я думаю однако, что это не будетъ поздно, ибо австрійцы, еслибы и хотѣли, не могутъ ничего предпринять въ Валахіи прежде этого времени».

Въ октябрѣ Фридрихъ далъ знать въ Петербургъ о разговорѣ своего министра при вѣнскомъ дворѣ, Роде съ Кауницемъ. Австрійскій канцлеръ говорилъ о равновѣсіи, которое было бы нарушено Россіею, еслибъ ей дать волю, и наконецъ сказалъ: «Еслибъ Россія не иначе захотѣла кончить войну, какъ съ великими выгодами, то было бы справедливо, чтобъ императрица-королева и прусскій король получили столько же на свою долю для сохраненія равновѣсія между тремя державами». Вслѣдъ за тѣмъ отъ Фридриха пришли новыя увѣщанія Россіи отступиться отъ Молдавіи и Валахіи; а еслибы вѣнскій дворъ захотѣлъ требованія свои распространить, независимость Крыма и свободное плаваніе по Черному морю взять предлогомъ разрыва своего съ Россіею: въ такомъ случаѣ король безъ затрудненія войдетъ во всѣ виды Россіи по точной силѣ и содержанію сепаратнаго секретнѣйшаго артикула русскаго контръ-проекта, принимаетъ въ полномъ составѣ секретную конвенцію, опредѣляющую взаимныя пріобрѣтенія въ Польшѣ и взаимную ихъ гарантію; готовъ еще

опредѣлить особымъ артикуломъ помощь, подаваемую другъ другу въ случаѣ нападенія Австріи изъ ненависти за пріобрѣтенія въ Польшѣ. Но городъ Данцигъ съ округомъ долженъ быть причисленъ къ прусскимъ пріобрѣтеніямъ, причемъ король вполнѣ согласенъ и на то, чтобъ русскій дворъ увеличилъ и свою долю. Фридрихъ давалъ знать, что прежнимъ союзнымъ договоромъ онъ не обязанъ давать помощь Россіи противъ Австріи, ибо если вѣнскій дворъ теперь вооружится, то не за Польшу, а за Молдавію и Валахію; онъ однако не отказывается помогать Россіи и въ этомъ случаѣ, дастъ 20,000 войска, но съ тѣмъ, что можетъ его отозвать какъ скоро австрійцы объявятъ ему войну; тогда Россія посылаетъ ему на помощь шесть тысячъ пѣхоты и 4000 козаковъ, а по окончаніи турецкой войны помогаетъ и всѣми силами: но Данцигъ долженъ принадлежать ему. Фридрихъ сообщилъ также донесеніе своего министра изъ Константинополя о требованіи Порты, чтобъ Австрія и Пруссія подали ей помощь въ случаѣ несогласія Россіи заключить съ нею непостыдный для нея миръ; по крайней мѣрѣ пусть Пруссія останется спокойною зрительницею; прусскій министръ открылъ, что это требованіе сдѣлано было по наущенію вѣнскаго двора. При разсужденіи объ этихъ прусскихъ предложеніяхъ въ совѣтѣ графъ Панинъ говорилъ, что такъ какъ польза Россіи не позволяетъ уступать Данцигъ Пруссіи, то, по его мнѣнію, надобно предложить прусскому королю, чтобъ онъ, въ случаѣ войны съ вѣнскимъ дворомъ, вознаградилъ себя за военныя издержки австрійскими землями, которыя Россія ему гарантируетъ [186], какъ будто Фридриху II можно было дѣлать подобныя предложенія?

Условія мира между Россіею и Портою были давно уже постановлены прусскимъ королемъ: Россія должна отступиться отъ Молдавіи и Валахіи, сохраняя остальныя условія, на которыя должна согласиться Австрія. Условіе объ архипелажскомъ островѣ Фридрихъ отвергъ съ самаго начала, и объ немъ не было рѣчи, особенно послѣ возраженій гр. Алексѣя Орлова. Кромѣ нежеланія усиливать Россію, Фридрихъ имѣлъ и другую причину настаивать, чтобъ Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи, ибо этотъ отказъ прямо велъ къ участію ея въ раздѣлѣ Польши, къ пріобрѣтенію вознагражденія здѣсь. Фридрихъ долженъ былъ разсчитывать, что заключеніе мира съ Портою на всей волѣ Россіи

можетъ сильно охладить послѣднюю къ соучастію въ его планахъ относительно Польши, и ему было важно имѣть Россію и Австрію соучастницами раздѣла, особенно первую: при такомъ соучастіи онъ не боялся неудовольствія другихъ державъ и не боялся сопротивленія внутри Польши, не боялся наконецъ все же непріятныхъ, если и не опасныхъ криковъ противъ прусскаго хищничества: увидятъ, что не одна Пруссія поступаетъ безцеремонно съ чужими владѣніями. Поэтому Фридриху надобно было уладить польское дѣло какъ можно скорѣе прежде турецкаго, чтобъ послѣднее не затянуло перваго и не повело къ перемѣнѣ отношеній; Фридрихъ желалъ только, чтобъ Австрія явно не мѣшала переговорамъ между Россіею и Портою, чтобъ эти переговоры начались для успокоенія Россіи. Въ Петербургъ онъ давалъ знать, что Австрія только тогда согласится на выгодный для Россіи миръ съ Турціею, когда сама, вмѣстѣ съ Пруссіею, получитъ такія же выгоды для сохраненія равновѣсія; а въ Вѣну давалъ знать, что Россія можетъ отказаться отъ Молдавіи и Валахіи не иначе какъ получивъ себѣ вознагражденіе въ Польшѣ; что же касается независимости татаръ, то Россія отъ этого условія не отступитъ, потому что отъ него зависитъ будущая безопасность ея границъ: «Это ихъ государственный интересъ, говорилъ король Фанъ-Свитену, и очень возражать противъ него нельзя; я знаю, что вы мнѣ станете говорить, знаю, что у васъ есть свой интересъ, противный русскому, я вижу ясно, къ чему это поведетъ; это меня очень затрудняетъ; но эти люди не отступятся отъ независимости Крыма, и что̀ тогда дѣлать? Какая вамъ опасность отъ независимости татаръ или отъ ихъ подчиненія Россіи, ибо я хорошо понимаю, что это одно и то же? Крымскія гавани неудобны для постройки кораблей, онѣ будутъ служить только для торговли; русскіе будутъ строить только торговыя суда».—«Кто поручится за это, возразилъ Фанъ-Свитенъ; впрочемъ свободная торговля по Черному морю уже одна равняется Перу».—«Вы говорите, продолжалъ Фридрихъ, что Константинополь будетъ подвергаться постоянной опасности; но русскіе не начнутъ войны тотчасъ послѣ мира». — «Годы, государь, это минуты въ политикѣ, и когда хотятъ разсчитывать вѣрно въ этой наукѣ, надобно считать вѣками», возразилъ Фанъ-Свитенъ. «Ну что же? продолжалъ король: пусть они рано или поздно на-

падутъ на Константинополь, вы тогда и будете вести съ ними войну».—«Неблагоразумно позволить Россіи увеличить свое могущество и тогда уже противиться ея намѣреніямъ», отвѣчалъ фанъ-Свитенъ. Но Фридрихъ не отставалъ отъ своего. Онъ упрекалъ фанъ-Свитена въ томъ, что вѣнскій дворъ такъ рѣзко отозвался на русскія предложенія. «Надобно принять другой тонъ, говорилъ король: не думайте, чтобъ эти люди побоялись вступить съ вами въ войну, они къ ней готовы, и скажу откровенно, если вы вооружитесь противъ нихъ, то поставите меня въ затруднительное положеніе: съ одной стороны у меня будетъ примирившійся врагъ (Австрія), съ другой—союзникъ. Я отъ васъ не скрою, я поручилъ Зегелину вывѣдать въ Константинополѣ, что тамъ думаютъ о русскихъ условіяхъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что на условіе о Молдавіи и Валахіи турки никогда не согласятся, по важности этихъ областей; что же касается Крыма, то Зегелинъ думаетъ, что Россія не найдетъ выгоды въ татарской независимости; что татары, какъ магометане, будутъ всегда привязаны къ Портѣ, станутъ по прежнему дѣлать набѣги на Россію, а когда ихъ захотятъ за это наказать, то они бросятся въ объятія Порты, сдѣлаютъ это также при первомъ разрывѣ между нею и Россіею. Взглядъ Зегелина совершенно справедливъ, русскіе составили на счетъ Крыма совершенно химерическій планъ. Притомъ я знаю, что татары вовсе не хотятъ независимости, и только палочными ударами заставили ихъ принять дорогу въ Петербургъ».

Итакъ, изъ двухъ самыхъ важныхъ условій, одно прусскій король совершенно отстранялъ, приводя это отстраненіе въ связь съ раздѣломъ Польши; другое представлялъ какъ невыгодное для Россіи. Оставалась свобода плаванія по Черному морю. «Что русскіе повезутъ въ Константинополь?» спрашивалъ онъ фанъ-Свитена, и когда тотъ отвѣчалъ, что повезутъ разные товары, между прочимъ мѣха и распространятъ свою торговлю до левантскихъ острововъ,—то Фридрихъ сказалъ ему: «О, это не ваше дѣло, англичане и французы этимъ распорядятся; я знаю, что первые вовсе не равнодушно смотрятъ на успѣхи русскихъ; намъ за этимъ нечего останавливаться, это интересуетъ гораздо болѣе англичанъ и французовъ, предоставимъ это имъ»[187].

Фридрихъ бралъ верхъ въ спорѣ, противникъ явно ослабѣвалъ. Король видѣлъ приближеніе рѣшительной минуты и былъ доволенъ. «Я сдѣлалъ попытку, нельзя ли включить Данцигъ въ нашу долю, писалъ онъ брату Генриху 2 октября (н. с.). Вѣрно, что если мы не добудемъ этого города при настоящихъ обстоятельствахъ, то послѣ нечего объ этомъ и думать: теперь удобная минута окончить наши переговоры съ русскими, потому что теперь очень сильны въ Петербургѣ впечатлѣнія австрійскихъ вооруженій, да и приходъ 50,000 русскихъ въ Польшу вѣроятно сдѣлаетъ австрійцевъ поосторожнѣе. Я прибавилъ къ проекту конвенціи, что каждая изъ договаривающихся сторонъ овладѣетъ своею долею непосредственно по подписаніи договора, такъ что мы не рискуемъ ничѣмъ въ послѣдствіи, овладѣніе обыкновенно рѣшаетъ судьбу подобныхъ пріобрѣтеній. Я думаю Чернышевъ могъ бы пріѣхать самъ сюда, чтобъ сговориться на счетъ плана кампаніи, если австрійцы вздумаютъ шевелиться. Я этому очень радъ, тѣмъ болѣе, что это нисколько не испортитъ дѣла, хотя я и не могу вообразить, чтобъ узнавъ о прибытіи новой русской арміи въ Польшу, вѣнскій дворъ захотѣлъ подвергаться страшнымъ случайностямъ разрыва съ Россіею» [188].

Въ Пруссіи были довольны; въ Австріи, понятно, не могли быть очень довольны. Здѣсь видѣли, что не достигли своей цѣли, отнесшись такъ рѣзко къ русскимъ предложеніямъ. Россія, вмѣсто того, чтобъ испугаться, уступить, справедливо оскорбилась и замолчала; дѣло перешло въ руки прусскаго короля, а у того свои виды. Правда, онъ приглашаетъ Австрію дѣлить Польшу; но что это будетъ за дѣлежъ? Какъ будетъ соблюдено равновѣсіе? Возвратить при этомъ Силезію—это несбыточная мечта, по убѣжденію Іосифа, да и Кауницъ не могъ много надѣяться на осуществленіе своего плана. Пруссія непремѣнно будетъ всегда въ выигрышѣ; да и хлопотать изъ одного равновѣсія непріятно; а тутъ еще посыплются упреки за раздѣлъ Польши. Разумѣется, надобно будетъ взять какъ можно больше, когда Пруссія и Россія возьмутъ; но главное, чтобъ Россія не взяла еще отъ Турціи; войну вести съ нею нѣтъ никакой возможности, да и грозить долѣе вооруженіемъ нельзя: она не пугается, а собираетъ войско; Лобковичъ давалъ знать, что Екатерина рѣшилась скорѣе

употребить самыя крайнія мѣры, чѣмъ возвратить Молдавію и Валахію Турціи; что въ Петербургѣ не сомнѣваются въ помощи Пруссіи, если дѣйствительно дѣло дойдетъ до войны между Россіею и Австріею. Надобно войти съ Россіею въ непосредственныя сношенія, принять участіе въ переговорахъ ея съ Турціею, чтобъ ей дать какъ можно меньше, а себѣ пріобрѣсти и отъ Турціи добычу. Императрица-королева Марія Терезія ускорила дѣло. Вотъ что писалъ сынъ ея императоръ Іосифъ брату Леопольду 25 сентября (н. с.): «Что касается политическихъ дѣлъ, то они находятся теперь въ необыкновенномъ кризисѣ. Намъ должно отвѣчать Россіи, и этотъ отвѣтъ будетъ рѣшительный. Кн. Кауницъ не подалъ еще своего мнѣнія; а между тѣмъ ея величество сыграла съ нами хорошую штуку. Въ разговорѣ съ прусскимъ министромъ Роде она разрушила всю нашу систему застращиванія Россіи и турокъ: она увѣрила его, что не хочетъ войны и никогда не позволитъ ее начать, что обладаніе Крымомъ она считаетъ дѣломъ очень неважнымъ, что ей мало заботы, оставитъ ли его Россія за собою или нѣтъ. Хороши же мы теперь вышли! но надобно думать о томъ, что̀ предпринять, чтобъ выйти изъ этого положенія; по моему, надобно дѣйствовать съ твердостію: или возстановить все какъ было до войны, или если одна изъ сторонъ выигрываетъ, надобно и намъ съ королемъ прусскимъ сдѣлать также соотвѣтственное пріобрѣтеніе». Для перваго, разумѣется, надобно было рѣшиться на войну съ Россіею; но вотъ что писалъ Іосифъ о войнѣ: «Чтобъ говорить о войнѣ, не надобно быть въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находятся наши области, Богемія и Моравія. Прусскій король можетъ завоевать ихъ безъ сраженія съ 20,000 войска, и вся наша армія, по недостатку продовольствія и по невозможности собрать его, будетъ принуждена спасаться на Дунай: въ такомъ положеніи не время громко разговаривать. Этотъ одинъ рискъ сто̀итъ вреда, какой принесетъ намъ пріобрѣтеніе Россіею Крыма. Такимъ образомъ долженъ быть миръ, если онъ возможенъ, и особенно чтобъ намъ не воевать». По мнѣнію Іосифа было три исхода изъ настоящаго положенія дѣлъ: или Россія и Турція заключаютъ такой миръ, который не доставляетъ ни одной изъ нихъ существенныхъ выгодъ. Какъ бы

это ни было желательно, однако невѣроятно, можно сказать невозможно, ибо Россія никогда добровольно не откажется отъ сдѣланныхъ ею завоеваній и не останется при опасности новыхъ нападеній со стороны Порты. Второй и самый естественный способъ, чтобъ Россія пріобрѣла нѣкоторыя умѣренныя выгоды, а Порта, спасенная единственно Австріею отъ погибели, получила сносный миръ. Она должна исполнить свою конвенцію съ Австріею, но въ Польшѣ все должно остаться по старому; Ципсъ долженъ отойти къ Австріи. Хотя такимъ образомъ Россія и пріобрѣтетъ нѣкоторое приращеніе; но Порта подвергается исключительному вліянію Австріи и навсегда разсорится съ Пруссіею. Австрія не только увеличитъ свое политическое значеніе, но получитъ Малую Валахію и другія выговоренныя турецкою конвенціею выгоды; Польша возвратится въ прежнее состояніе; прусскому королю Россія не дастъ болѣе увеличивать своихъ владѣній и онъ одинъ останется съ пустыми руками. Третій выходъ состоитъ въ томъ, чтобъ при окончаніи войны всѣ сосѣднія государства получили одинакія выгоды. Если Россія получитъ значительное приращеніе, то Австрія и Пруссія должны получить такое же. Тутъ раждается вопросъ, что̀ для Австріи выгоднѣе: увеличить свои владѣнія на счетъ Турціи или на счетъ Польши. Если рѣшиться на послѣднее, то нѣтъ другого средства, какъ прямо объясниться съ Пруссіею и Россіею, вмѣстѣ съ ними составить формальный раздѣльный договоръ и соединенно предложить его полякамъ и туркамъ [189].

Марія Терезія была въ восторгѣ отъ второго *самаго естественнаго способа* и потребовала немедленнаго его исполненія. Какъ ни тяжело было для Кауница первому начинать говорить съ Голицынымъ о мирѣ—медлить было больше нельзя. «Порта, началъ австрійскій канцлеръ, узнавши о русскихъ условіяхъ, призвала нашего посланника и объявила, что никогда не вступитъ въ переговоры на основаніи подобнаго плана, и упрекала посланника за то, что по его внушеніямъ она освободила Обрѣзкова. Но еслибы даже удалены были затрудненія со стороны Порты, все же русскія условія не станутъ отъ этого удобнѣе къ принятію. Независимость татаръ не можетъ существовать въ дѣйствительности. Со временемъ эти народы подпадутъ подъ власть Россіи, ибо нація слабая, находясь между двумя сильными государствами,

необходимо должна искать покровительства и убѣжища у одного изъ нихъ. То же самое случится съ Молдавіею и Валахіею; Австрія, во вниманіе собственныхъ интересовъ и для сохраненія политическаго равновѣсія принуждена препятствовать прямо и косвенно, всѣми возможными средствами, этой независимости, этому раздробленію Турціи, и потому не можетъ содѣйствовать ускоренію мира, а Порта объявила, что безъ участія нашего двора никогда не вступитъ въ переговоры».—«Я знаю, отвѣчалъ Голицынъ, какую неограниченную власть справедливость всегда имѣла надъ вами, князь. Будьте судьею нашего дѣла. Вы видите наши выгоды, наши успѣхи: развѣ они не даютъ намъ права на миръ полезный и славный? Какое вознагражденіе вы дадите намъ за то что̀ хотите вычеркнуть изъ нашихъ условій? Мнѣ кажется, что такого вознагражденія нѣтъ». Кауницъ пожалъ руку Голицына и сказалъ съ веселымъ и ласковымъ видомъ: «Я вамъ откроюсь подъ условіемъ глубочайшей тайны. Ихъ императорскія величества, проникнутыя удивленіемъ къ необыкновеннымъ достоинствамъ русской императрицы и желая жить въ добромъ согласіи съ государынею, высказывающею столько человѣколюбія и величія души, постарались сами найти средній терминъ для соглашенія интересовъ обоихъ дворовъ. Вотъ условія мира: 1) уступка Россіи города Азова съ округомъ; 2) обѣихъ Кабардъ; 3) свободная торговля и мореплаваніе по Черному морю и 4) денежное вознагражденіе за военныя издержки. Если Россія приметъ эти условія, то нашъ дворъ употребитъ добрыя услуги для ускоренія мира». Голицынъ замѣтилъ, что въ этихъ условіяхъ нѣтъ главнаго, о чемъ всего больше заботится русскій дворъ, т. е. прикрытія границъ, столько пострадавшихъ отъ татарскихъ нашествій.—«Вы можете, отвѣчалъ Кауницъ, построить крѣпости. Впрочемъ я долженъ вамъ замѣтить, что Австрія не возьмется содѣйствовать миру, прежде чѣмъ петербургскій дворъ не дастъ ему завѣренія, что не желаетъ и не будетъ никогда желать раздробленія Польши ни для себя, ни для кого бы то ни было; при этомъ однако ихъ и. в—ства разсчитываютъ удержать 13 городовъ комитата Ципсъ, какъ принадлежавшихъ венгерскому королевству; за нихъ выплатится Польшѣ та сумма денегъ, въ которой они нѣкогда были ей заложены. Что касается окончательнаго умиротворенія Польши, то вѣнскій дворъ согласенъ, чтобъ цар-

ствующій король остался на престолѣ и старая конституція была бы сохранена съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ сходны съ политическими интересами Россіи и другихъ сосѣднихъ дворовъ»[190].

Въ Вѣнѣ опоздали; хотя, разумѣется, еслибъ и не опоздали съ такимъ объясненіемъ, то оно способно было только снова еще сильнѣе оттолкнуть Петербургъ отъ Вѣны и сблизить съ Берлиномъ. Пруссія не раздражала такимъ рѣзкимъ предписываніемъ мирныхъ условій, какъ позволилъ себѣ теперь вѣнскій дворъ, прямо выставляя свои интересы и намѣреніе препятствовать всѣми средствами исполненію русскихъ условій. И прусскій король неуклонно настаивалъ на то, чтобъ Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи, но онъ не настаивалъ на другое важное условіе—независимость Крыма, не приводилъ вознагражденія за тяжелую войну почти къ нулю, а предлагалъ еще вознагражденіе на другой сторонѣ. Несмотря на вооруженія и высокомѣрный тонъ вѣнскаго двора, въ Петербургѣ не разубѣждались, что дѣло не въ Австріи, а въ Пруссіи. Но прусскій король требовалъ настойчиво, чтобъ Россія отказалась отъ Дунайскихъ княжествъ и въ вознагражденіе взяла себѣ часть польскихъ владѣній. Такая связь между турецкимъ и польскимъ дѣломъ не нравилась въ Петербургѣ: отдать назадъ въ турецкія руки двѣ христіанскія области, жители которыхъ были увѣрены, что такого возвращенія не будетъ, проиграть такимъ образомъ во мнѣніи христіанскаго народонаселенія турецкихъ областей было очень тяжело. На это можно было рѣшиться только въ крайности, и осенью 1771 года эта крайность, по мнѣнію многихъ, настояла. Двойная война вообще была тяжка, тѣмъ болѣе, что не были увѣрены въ безопасности относительно Швеціи. Для продолженія войны требовалось усиленіе средствъ со стороны Россіи, а возможность усиленія средствъ именно теперь ослабѣвала. Мы видѣли, что русское войско встрѣтило въ областяхъ Порты врага болѣе страшнаго, чѣмъ турецкое и татарское войско, встрѣтило чуму. Но болѣзнь не ограничилась однимъ войскомъ; она пошла дальше, распространилась по внутреннимъ областямъ Россіи, свирѣпствовала въ Москвѣ, гдѣ, благодаря опять войнѣ, недостатку внутренней стражи, вспыхнулъ бунтъ, сопровождавшійся отвратительнымъ, небывалымъ событіемъ, умерщвленіемъ архіепископа. Надобно было освободить зараженныя области отъ рекрутскаго набора, и Чернышевъ

въ октябрѣ объявилъ совѣту, что наборъ можетъ уменьшиться до 20,000. Съ другой стороны, вслѣдствіе чумы же, уменьшились казенные доходы. При такихъ обстоятельствахъ трудно было возражать людямъ, которые говорили: благоразумно ли отказываться отъ непосредственнаго пріобрѣтенія ближайшихъ къ Россіи областей, населенныхъ русскимъ народомъ, изъ-за независимости далекой Молдавіи и Валахіи, продолжать изъ-за этой независимости тяжкую войну, которая можетъ еще усложниться, стать еще труднѣе?

24 октября Панинъ прочиталъ въ совѣтѣ мнѣніе свое, что при настоящемъ положеніи политическихъ и военныхъ дѣлъ нужно стараться о примиреніи съ турками и для облегченія этого утвердить скорѣе независимость татаръ, чтобы это дѣло прежде мира всѣми и самими турками сочтено было оконченнымъ и непоправимымъ, а потомъ внушить Портѣ о склонности нашей возвратить ей Молдавію и Валахію; удерживая во время переговоровъ Бендеры, какъ мѣсто пріобрѣтенное великими трудами, стараться вымѣнять его на Очаковъ и Кинбурнъ, или же, по крайней мѣрѣ, на одинъ Кинбурнъ. Совѣтъ, признавши это мнѣніе основательнымъ и полезнымъ, согласился поднести его императрицѣ [191]. Сольмсъ еще прежде имѣлъ возможность дать знать своему государю объ этой готовности русскаго двора отказаться отъ Дунайскихъ княжествъ, потому что 4 ноября (н. с.) Фридрихъ II говорилъ фанъ-Свитену: «Я могу вамъ объявить, что относительно Молдавіи и Валахіи дѣло рѣшенное: Россія согласится возвратить ихъ туркамъ; я готовъ за это поручиться; что же касается Крыма, то еще посмотримъ. Но русскіе будутъ искать себѣ вознагражденія на счетъ Польши, и потомъ станутъ требовать денегъ». Донося объ этихъ словахъ, фанъ-Свитенъ писалъ Кауницу: «Изъ того, что король сказалъ мнѣ о Крымѣ, я имѣю право выводить, что и по этому пункту можетъ быть уступлено, какъ уже сдѣлана уступка относительно Молдавіи и Валахіи. Итакъ, по турецкому дѣлу все будетъ улажено; но боюсь, что потомъ дѣло пойдетъ о Польшѣ; думаю, что король и русская императрица согласились взять изъ нея себѣ по хорошей долѣ; они не замедлятъ предложить и намъ долю; но мнѣ кажется, что эта доля, какова бы она ни была, по своей полезности никогда не можетъ быть сравнена съ ихъ долями; думаю, что настоящее время мо-

жетъ быть благопріятно для осуществленія идеи возвратить графство Глацъ и часть Силезіи» [192].

Между тѣмъ Лобковичъ передалъ Панину записку такого же содержанія какъ и приведенный разговоръ Кауница съ Голицынымъ, и названную, въ соотвѣтствіе прежнему объясненію Екатерины, мнѣніемъ императора Іосифа и императрицы Маріи Терезіи; предложено было также заключить перемиріе для удобнѣйшаго веденія переговоровъ. На мнѣніе ихъ величествъ отвѣчала императрица, что изъ уваженія къ нимъ она готова отступить отъ требованія независимости Молдавіи и Валахіи; но не можетъ этого сдѣлать въ разсужденіи татаръ, которымъ уже даны торжественныя обѣщанія. Относительно перемирія Лобковичу передана была записка, что Россія согласна на перемиріе, если турки уполномочатъ кого-нибудь изъ своей арміи для соглашенія о томъ съ фельдмаршаломъ Румянцевымъ. Это требовалось для того, чтобъ, договариваясь о перемиріи, имѣть средство вступить съ турками въ непосредственные переговоры и о самомъ мирѣ и, по возможности, заключить его поскорѣе. Къ кн. Голицыну въ Вѣну Панинъ отправилъ письмо съ приказаніемъ объявить Кауницу, что если его дворъ представляетъ права на занятыя имъ польскія земли и намѣренъ удержать ихъ, то равномѣрно и Россія и союзникъ ея, король прусскій, могутъ сыскать такія же права на земли республики [193].

Въ это самое время пришло въ Петербургъ извѣстіе о тугутовскомъ договорѣ между Австріею и Турціею. Какое впечатлѣніе произвело оно здѣсь, видно изъ письма Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну: «Независимо отъ вкоренившагося въ князѣ Кауницѣ высокомѣрного желанія дать Россіи восчувствовать потерю австрійскаго союза изъ ненависти къ принятой ея и. в—ствомъ политической системѣ, имѣемъ мы здѣсь вѣроятныя и едвали не самыя подлинныя свѣдѣнія, что онъ въ коварномъ своемъ ковѣ попустился уже заключить съ Портою субсидный трактатъ въ теченіи минувшаго іюля. Какъ здравая политика велитъ заранѣе готовиться на всѣ возможные случаи, то начали уже мы здѣсь принимать всѣ къ первой встрѣчѣ нужныя мѣры, какъ внутри, такъ и внѣ государства. Къ первымъ принадлежатъ: заготовленіе магазиновъ въ Литвѣ и знатное умноженіе польскаго корпуса. Во второй классъ слѣдуетъ распространеніе со-

юза нашего съ королемъ прусскимъ. Сей новый въ дѣлахъ вынужденный оборотъ сдѣлался причиною и отмѣны прежнихъ ея и. в—ства намѣреній въ разсужденіи Польши и усмиренія ея. Всемилостивѣйшая государыня изволила рѣшиться, согласно съ королемъ прусскимъ, обратить на поляковъ собственную ихъ неблагодарность и сдѣлать на счетъ ихъ пристойныя пріобрѣтенія какъ границамъ имперіи своей, такъ и границамъ союзника своего короля прусскаго, слѣдуя въ томъ примѣру вѣнскаго двора, который забралъ въ свои руки староство Ципское съ окружностями его по нѣкоторымъ старымъ притязаніямъ. Россійскій и берлинскій дворы имѣютъ довольно симъ подобныхъ притязаній, кои и они намѣрены употребить себѣ въ пользу; а сверхъ того мы получили еще неоспоримое право требовать себѣ удовлетворенія и за то, что поляки подняли противъ насъ оружіе и воспричинствовали войну нашу съ Портою оттоманскою.» Вмѣстѣ съ этимъ русскимъ письмомъ посылалось къ Голицыну письмо французское, которое онъ долженъ былъ показать Кауницу и въ которомъ заключалось рѣшеніе Россіи относительно Польши; по поводу этого письма Панинъ писалъ Голицыну: «Открываюсь я во французскомъ моемъ письмѣ по пункту новыхъ ея и. в—ства положеній о Польшѣ, дабы изъ того кн. Кауницъ какъ бы неумышленно понять могъ, что мы на все уже рѣшились, и что потому не лучше ли будетъ и для вѣнскаго двора сдѣлать изъ нужды добродѣтель и вмѣсто того, чтобъ заводить оный въ неизвѣстную и опасную войну, увеличить безъ всякихъ дальностей часть свою на счетъ Польши, въ чемъ ни мы, ни король прусскій ему вѣрно препятствовать не будемъ, если только онъ благовременно съ нами и съ нимъ снесется» [194].

Такимъ образомъ Австрія торопила раздѣлъ Польши обнаруженіемъ своей враждебности къ Россіи по турецкимъ отношеніямъ. Россія пожертвовала Молдавіею и Валахіею, чтобъ не встрѣтить препятствій къ миру со стороны Австріи и не отказываться отъ независимости Крыма, сочла себя вынужденною приглашать вѣнскій кабинетъ къ осуществленію плана прусскаго короля; но послѣдній, видя, что польское дѣло задерживается турецкимъ, что Россія хочетъ сопоставить участіе Австріи въ раздѣлѣ Польши съ согласіемъ на русскія мирныя условія съ Портою, внушалъ въ Петербургѣ, что дѣлъ этихъ не должно смѣшивать, что Ав-

стрія не можетъ помѣшать раздѣлу Польши, да и сама будетъ согласна принять въ немъ участіе, что польское дѣло надобно кончить прежде турецкаго, что въ Константинополѣ, по стараніямъ Пруссіи, готовы вступить въ переговоры; въ то же время, озабоченный мыслію, что Россія не поддастся на эти внушенія, что для нея на первомъ планѣ почетное окончаніе турецкой войны, для чего раздѣлъ Польши служитъ только средствомъ, Фридрихъ съ другой стороны *страстно* требовалъ отъ Австріи, чтобъ она не дѣлала препятствія начатію мирныхъ переговоровъ между Россіею и Турціею. Это страстное отношеніе Фридриха къ вопросу свидѣтельствуется словами фанъ-Свитена: «Живость короля и его страстное желаніе мира были чрезвычайны: мои плечи и руки часто чувствовали послѣдствія его жестовъ» [195].

Въ Петербургѣ онъ затрогивалъ всѣ струны; затрогивалъ гордость тамошняго правительства: «Думаю, писалъ онъ, что надобно бросить всякую мысль о соглашеніи съ вѣнскимъ дворомъ на счетъ пріобрѣтеній въ Польшѣ, потому что этотъ дворъ дурно расположенъ къ русскому; кн. Кауницу, горделивѣйшему изъ людей, считающему себя, не безъ нѣкотораго основанія, распорядителемъ дѣлъ Сѣвера и Востока, нравится унижать тѣхъ которые дѣлаютъ ему предложенія и рѣшать ихъ участь. Моя гордость не позволяетъ мнѣ подчиняться суду этого министра, и не думаю, чтобъ кто-нибудь въ Россіи посовѣтовалъ императрицѣ сообразовать свое поведеніе съ фантазіями кн. Кауница, какъ будто мы не можемъ завладѣть тѣмъ, что намъ удобно, безъ его инвеституры и одобренія. Чтобъ не запутывать дѣлъ, гораздо проще овладѣть нашими условленными долями какъ скоро русскія войска будутъ на Вислѣ: 1) мы послѣдуемъ только примѣру австрійцевъ; 2) эта самая армія на Вислѣ, произведя сильное впечатлѣніе на австрійцевъ, сдержитъ ихъ; 3) если наши министры въ Вѣнѣ объявятъ тогда этому двору о причинахъ, побудившихъ насъ къ этому раздѣлу, онъ принужденъ будетъ согласиться, и если онъ не будетъ доволенъ своею долею, то можетъ вознаградить себя или Бѣлградомъ, или какими-нибудь польскими староствами по своему благоусмотрѣнію; 4) что касается турокъ, то лучше, чтобъ это завладѣніе произошло передъ началомъ переговоровъ съ ними, потому что въ такомъ случаѣ они проглотятъ пилюли потихоньку: имъ объяснятъ, что это вознаграж-

деніе за возвращеніе имъ Молдавіи и Валахіи, имъ укажутъ, что австрійцы подали примѣръ. Что же касается поляковъ, то надобно ждать съ ихъ стороны громкихъ криковъ во всякое время, когда бы ни случилось занятіе ихъ областей, ибо эта нація, пустая, преданная интригамъ, кричитъ всегда, но армія на Вислѣ скоро прекратитъ крики». Но здѣсь интересы расходились: для Фридриха важно было прежде всего овладѣть частію Польши, для Россіи же прежде всего нужно было заключить миръ съ Портою, послѣ чего она готова была войти въ соглашеніе съ Пруссіею и Австріею на счетъ Польши, и потому въ засѣданіи совѣта 22 ноября, по прочтеніи приведенной депеши прусскаго короля, члены совѣта находили удобнымъ приступить къ польскому дѣлу послѣ мира съ турками: турки, говорилось въ совѣтѣ, наскучивъ нынѣшнею неудачною войною, не захотятъ начать новой изъ-за Польши; да и австрійцы въ то время, когда всѣ наши войска будутъ имѣть свободныя руки, скорѣе согласятся участвовать въ раздѣлѣ, чѣмъ препятствовать ему. Фридрихъ однако не переставалъ стыдить петербургскій кабинетъ униженіемъ его предъ австрійскимъ канцлеромъ: «Князь Кауницъ, писалъ король, хочетъ сдѣлаться хозяиномъ переговоровъ, увѣренный, что превосходствомъ генія, который онъ въ себѣ предполагаетъ, заставитъ русскихъ сдѣлать все что ему угодно. Итакъ отдѣлимъ пока турецкій миръ отъ польскаго дѣла, и посмотримъ, прилично ли такому государству, какъ Россія защищать свои права на Польшу предъ враждебнымъ трибуналомъ вѣнскаго двора. По моему, надобно вступить во владѣніе польскими областями и потомъ ограничиться простымъ объявленіемъ, что сдѣлано это по такимъ-то и такимъ причинамъ. Будетъ гораздо больше достоинства въ такомъ поведеніи, и эта твердость тона произведетъ хорошее впечатлѣніе на вѣнскій дворъ: я прозакладываю свою голову, что изъ-за Польши войны не будетъ. Что касается перемирія съ турками на эту зиму, то я не вижу въ этомъ ничего дурного; не надобно только убаюкиваться надеждами, ибо единственная цѣль кн. Кауница повелительно продиктовать условія мира; наши труды для достиженія непосредственныхъ переговоровъ будутъ потеряны, и по истеченіи перемирнаго срока надобно будетъ начинать новую кампанію»[196].

Эта послѣдняя депеша была прочитана въ засѣданіи совѣта 15 декабря вмѣстѣ съ полученною отъ Сольмса депешею Зегелина изъ Константинополя о согласіи турокъ послать уполномоченныхъ на конгрессъ, если императрица напередъ обнадежитъ относительно возвращенія завоеванныхъ земель, и что мѣстомъ конгресса назначается городъ Яссы. Понятно, что депеша Зегелина, какъ затрогивавшая главный интересъ, поглотила все вниманіе. Екатерина спросила: «Подлинно ли турки желаютъ послать полномочныхъ на конгрессъ?» Панинъ отвѣчалъ, что сомнѣваться въ этомъ нельзя и надобно спѣшить ответомъ черезъ того же Зегелина.

Такимъ образомъ для будущаго 1772 года приготовились два дѣла: конгрессъ уполномоченныхъ для мира между Россіею и Портою и раздѣлъ Польши. Мы видѣли, что въ послѣдней странѣ слухи о раздѣлѣ пошли еще въ 1770 году въ слѣдствіе захвата австрійцами Ципса. Въ самомъ началѣ 1771 года французскій агентъ въ Данцигѣ Жераръ сообщалъ своему двору, что когда примасъ, ведшій переговоры съ послами русскимъ и прусскимъ о средствахъ успокоенія Польши, потребовалъ, чтобъ оба двора гарантировали владѣнія республики, то оба посла не хотѣли слышать о гарантіи, и Бенуа сказалъ: «Думаютъ, что императоръ хочетъ оставить за собою староство Ципсъ; но мой государь не станетъ воевать съ нимъ изъ-за этого». — «Всякій пойметъ, прибавляетъ Жераръ, что прусскій король оставитъ также за собою что ему надобно». Отъ 12 января Волконскій увѣдомлялъ Панина, что примасъ съ приверженными къ Россіи людьми продолжалъ стараться объ усиленіи новой русской или патріотической партіи; но король и его совѣтники стараются всячески этому препятствовать. Недавно къ новой партіи приступили великій канцлеръ коронный Млодзѣевскій, епископъ куявскій Островскій, маршалъ надворный литовскій Рогалинскій. Узнавъ объ этомъ, король призвалъ къ себѣ Рогалинскаго и съ сердцемъ спрашивалъ, что у нихъ за совѣты держатся.—«И вы, говорилъ Станиславъ Августъ, будете также обмануты русскими, какъ и члены радомской конфедераціи, потому что Волконскій никакого письменнаго обязательства вамъ не далъ. Русскіе намѣрены уступить въ диссидентскомъ дѣлѣ, я у нихъ выхлопоталъ эту уступку». Примасъ съ согласія всей русской партіи, хотѣлъ войти въ

сношенія съ конфедератами, потребовать у нихъ присылки депутатовъ съ объясненіями, чего они хотятъ и на какой конецъ продолжаютъ изнурять отечество. Король узналъ и объ этомъ и, призвавши къ себѣ того-же Рогалинскаго, спрашивалъ: «Къ кому вы сбираетесь писать, и что вы будете дѣлать, если конфедераты отвѣтятъ вамъ, что не хотятъ видѣть меня на престолѣ. Вы входите въ соглашенія съ людьми, ищущими моей погибели.»— «Мы, отвѣчалъ Рогалинскій, стараемся напротивъ о вашемъ утвержденіи на престолѣ, о спасеніи отечества и не примемъ несогласныхъ съ этимъ конфедератскихъ предложеній».

Такое противодѣйствіе со стороны короля, неодобреніе плана реконфедераціи, полученное изъ Петербурга, требованіе бездѣйствія, полученное оттуда же и совпадавшее съ требованіями прусскаго министра въ Варшавѣ, нерѣшительность, неясность положенія—все это было очень тажело для Волконскаго; онъ не переставалъ просить объ отозваніи, и наконецъ просьба его была исполнена въ началѣ года. Преемникомъ ему былъ назначенъ извѣстный Сальдернъ. Эта перемѣна должна была произвести тревогу въ Польшѣ. Было извѣстно, что къ Сальдерну имѣлъ постоянное прибѣжище польскій резидентъ въ Петербургѣ Псарскій, поручая ему интересы короля и его партіи. Сальдернъ осуждалъ поведеніе Волконскаго, разсорившагося съ королемъ и враждебно поступившаго съ Чарторыйскими. Въ этомъ смыслѣ Сальдернъ представилъ записку императрицѣ, доказывая, что успокоить Польшу можно только противоположнымъ способомъ, привлекши на свою сторону короля и Чарторыйскихъ. Императрица, прочитавъ записку, осталась довольна ею и пожелала, чтобъ авторъ самъ, въ качествѣ русскаго посла, привелъ въ исполненіе своей планъ. Такимъ образомъ Сальдернъ былъ пойманъ, потому что ему вовсе не хотѣлось ѣхать въ Варшаву на такой трудный и непріятный постъ. Онъ сталъ отговариваться; но Панинъ представилъ ему, что если онъ откажется отъ мѣста посла въ Варшавѣ, то можетъ быть отправленъ на турецкій конгрессъ въ качествѣ младшаго уполномоченнаго при гр. Григор. Орловѣ, и если откажется отъ обоихъ назначеній, то навлечетъ на себя гнѣвъ императрицы, вслѣдствіе чего долженъ будетъ оставить русскую службу. Сальдернъ принялъ мѣсто посла въ Варшавѣ; но легко понять, какъ испугались его назначенія люди,

которые въ послѣднее время окружали Волконскаго, какъ члены новой русско-патріотической партіи, враждебные королю и Чарторыйскимъ, и во главѣ ихъ примасъ Подоскій, который сохранилъ во всей силѣ саксонскія привязанности и жилъ мечтою о низверженіи Станислава Августа и возстановленіи саксонской династіи. Они вспомнили о Репнинѣ, который оставилъ Польшу во враждебномъ расположеніи къ королю и Чарторыйскимъ и эта вражда еще болѣе теперь усилилась вслѣдствіе послѣдней выходки Станислава Августа и *фамиліи*, когда сенатъ опредѣлилъ жаловаться на распоряженія Репнина и требовать ихъ отмѣны. Патріоты хотѣли противопоставить Рѣпнина Сальдерну, и съ этою цѣлію 13 марта написали письмо императрицѣ, гдѣ говорили, что съ сожалѣніемъ разстаются съ Волконскимъ, привлекшимъ сердца многихъ кротостію и честностію; примутъ съ удовольствіемъ Сальдерна, заслужившаго своими способностями довѣріе императрицы, но просятъ присоединить къ нему кн. Репнина, въ какомъ угодно характерѣ: онъ заслужилъ нерасположеніе враговъ императрицы и полное довѣріе людей ей преданныхъ, довѣріе, которое было плодомъ долгаго пребыванія въ Польшѣ и совершеннаго знанія страны, фамилій, ихъ отношеній, характера и свойствъ отдѣльныхъ лицъ. Письмо было подписано примасомъ Подоскимъ, виленскимъ епископомъ Мосальскимъ, канцлеромъ коронным Млодзѣевскимъ, кухмистромъ коронным Понинскимъ и другими. Просьба не была исполнена, и письмо могло только послужить къ ожесточенію Салдерна противъ патріотовъ.

Сальдернъ пріѣхалъ въ Варшаву въ самыхъ первыхъ числахъ апрѣля. Патріоты встрѣтили его при выходѣ изъ кареты и присутствовали при его разуваніи; министры—прусскій, англійскій, датскій и саксонскій первые сдѣлали ему визиты. Новый посолъ обошелся очень холодно съ патріотами, далъ имъ тотчасъ же почувствовать, что считаетъ ихъ людьми подозрительными, съ которыми не намѣренъ сближаться. Въ Петербургъ Сальдернъ отправилъ очерки характеровъ друзей Россіи, съ помощію которыхъ его предшественникъ хотѣлъ возстановить спокойствіе въ Польшѣ: 1) примасъ Подоскій, не терпящій короля саксонецъ, непримиримый врагъ Чарторыйскихъ, имѣющій нужду въ нашихъ деньгахъ, есть первый изъ друзей нашихъ. У него нѣтъ ни за-

кона, ни вѣры, ни кредита, его не уважаетъ народъ, его презираютъ сильные, его ненавидятъ слабые. Въ немъ есть одна хорошая черта: онъ имѣетъ честность объявлять: «Если я не могу имѣть короля изъ саксонскаго дома, то всегда изъ благодарности буду повиноваться волѣ ея и. в—ства». Впрочемъ онъ такой человѣкъ, которому никогда никакой тайны ввѣрить нельзя, котораго дѣйствующимъ лицомъ употребить нельзя и съ которымъ ни одинъ честный человѣкъ здѣсь дѣйствовать вмѣстѣ не согласится. 2) Епископъ виленскій Мосальскій, человѣкъ тонкаго и хитраго разума, но такъ вѣтренъ, какъ французскій аббатъ петиметръ, надутый въ то же время своими достоинствами и дарованіями, стремящійся къ пріобрѣтенію важнаго значенія въ странѣ, желающій возвыситься съ паденіемъ Чарторыйскихъ. Надежда собрать сильную партію привлекла его къ нашей сторонѣ. Это человѣкъ лукавый, ненадежный; онъ имѣетъ нѣкоторый кредитъ въ Литвѣ, но и то у мелкихъ людей. Болѣе его кредита въ Литвѣ имѣетъ 3) графъ Флемингъ, воевода померанскій, единственный твердый и надежный человѣкъ; онъ другъ Россіи по внутреннему убѣжденію. 4) Воевода подляшскій получаетъ отъ насъ пенсію; деньги—единственное божество его; за деньги намъ вѣренъ и добрый крикунъ, если нужда потребуетъ. 5) Воевода калишскій, вполнѣ предавшійся графу Мнишку, безъ системы и трусъ преестественный. 6) Зять его, графъ Рогалинскій, похожъ на тестя и для дѣлъ нашихъ совершенно безполезенъ. 7) Великій канцлеръ коронный, епископъ познанскій Млодзѣевскій, Макіавель Польши, продающій себя тому, кто дастъ дороже, безъ уваженія и кредита въ государствѣ. 8) Епископъ куявскій, братъ познанскаго, во всемъ подобенъ ему, только не такъ уменъ. 9) Великій кухмистръ коронный Понинскій получаетъ пенсію; легкомысленъ и любитъ играть важную роль; для вѣстей способенъ, проворенъ. 10) Маршалъ литовскій Гуровскій хитрый человѣкъ, съ разумомъ, но безъ искры честности. Я буду имѣть въ немъ нужду для развѣдыванія чужихъ тайнъ и мыслей.

Мнимые друзья королевскіе: 1) Воевода русскій князь Чарторыйскій. Онъ передъ всѣми отличается великими качествами души. Кажется мнѣ, что онъ сильно начинаетъ упадать; не смотря на то, онъ управляетъ всѣми движеніями государства; это чело-

вѣкъ просвѣщенный, проницательный, умный, знающій совершенно Польшу, уважаемый одинаково друзьями и врагами; будучи твердъ въ намѣреніяхъ и осторожень, онъ съ безпримѣрнымъ искусствомъ пріобрѣтаетъ себѣ сердца человѣческія, хитростью раздѣляетъ, краснорѣчіемъ соединяетъ, проникаетъ другихъ, а самъ непроницаемъ. Воевода русскій умѣлъ заставить короля удалиться отъ Россіи; король дѣлаетъ все что̀ онъ захочетъ. 2) Братъ воеводы русскаго, канцлеръ, человѣкъ разумный, въ коварствахъ весьма много обращавшійся, теперь уже престарѣлый и служащій только орудіемъ своему брату, впрочемъ любимый народомъ и умѣвшій найти себѣ друзей въ государствѣ, особливо въ Литвѣ. 3) Кн. Любомирскій, великій маршалъ коронный, зать воеводы русскаго, человѣкъ прово̀рный, предпріимчивый, но средняго разума, дѣйствующій только тогда, когда старики его заводятъ; ненавидитъ короля, не взирая на родство; не любитъ Россіи. Есть еще два человѣка, которыхъ можно назвать спутниками кн. Чарторыйскаго, Борохъ и Пржездецкій, одинъ вице-канцлеръ коронный, а другой литовскій: оба ябедники, оба жалкіе политики, оба безъ уваженія и кредита. Графъ Браницкій одинъ изъ друзей королевскихъ, который говоритъ Станиславу Августу правду твердо и не обинуясь. Онъ одинъ, на котораго я могу положиться.

Изъ этого очень нелестнаго изображенія *друзей Россіи* и очень лестнаго изображенія главы *фамиліи* уже можно было легко заключить, что Сальдернъ круто повернетъ на дорогу противоположную той, по которой шелъ его предшественникъ. Французскій агентъ въ Варшавѣ далъ знать своему двору, что новый русскій посолъ сблизился съ Чарторыйскими, имѣлъ тайное свиданіе съ воеводою русскимъ въ третьемъ домѣ. Въ Сальдернѣ съ изумленіемъ начали замѣчать все болѣе и болѣе умѣренности и кротости. «Сердце короля, писалъ Сальдернъ Панину, есть сердце хорошаго человѣка, но голова его къ несчастію испорчена; увижу, могу ли я ее поправить: трудно излѣчить радикально мозгъ, поврежденный постоянными иллюзіями. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобъ примирить короля и его предполагаемыхъ друзей съ императрицею и съ Россіею прежде, чѣмъ думать о примиреніи поляковъ между собою. Я сдѣлаю половину дороги, если этотъ планъ мнѣ удастся. Королю нечего ѣсть и нечѣмъ платить

своимъ служителямъ, онъ живетъ въ долгъ день за день. Онъ задолжалъ почти каждому жителю города и нищета его окружаетъ. На второй же аудіенціи онъ меня спросилъ, не имѣю ли я позволенія дать ему денегъ, ибо онъ убѣжденъ, что императрица не можетъ оставить его при такой крайности. Я пожалъ плечами и скрылъ свою жестокую скорбь при видѣ короля, который со слезами проситъ милостыни; я былъ сильно тронутъ, но не обѣщалъ ничего. Утромъ въ день королевскихъ именинъ, графъ Браницкій явился ко мнѣ и мучилъ меня до тѣхъ поръ, пока я не далъ ему пяти тысячъ червонныхъ. Для меня необходимо такими поступками пріобрѣсть довѣріе короля.

10 мая Сальдернъ увѣдомилъ Панина, что планъ его относительно короля удался. Онъ постарался представить Станиславу Августу весь ужасъ его положенія: ненависть къ нему народа, отсутствіе всякой помощи извнѣ, ибо и русская императрица готова лишить его своего покровительства, если онъ будетъ поступать по прежнему. Сальдернъ объявилъ, что немедленно выѣдетъ въ Гродно, забравъ съ собою войско и всѣхъ тѣхъ, кто захочетъ за нимъ слѣдовать, и въ Гродно будетъ дожидаться дальнѣйшихъ приказаній императрицы. Испуганный король далъ запись: «Вслѣдствіе увѣренія посла ея в—ства и—цы всероссійской въ томъ, что августѣйшая государыня его намѣрена поддерживать меня на тронѣ польскомъ и готова употребить всѣ необходимыя средства для успокоенія моего государства; вслѣдствіе изъясненія средствъ, какія, по словамъ посла, императрица намѣрена употребить для достиженія этой цѣли; вслѣдствіе обѣщанія, что она будетъ считать моихъ друзей своими, если только они будутъ вести себя какъ искренніе мои приверженцы и что она будетъ обращать вниманіе на представленія мои относительно средствъ успокоить Польшу,—вслѣдствіе всего этого я обязуюсь совѣщаться съ ея величествомъ обо всемъ и дѣйствовать согласно съ нею, не награждать, безъ ея согласія, нашихъ общихъ друзей, не раздавать вакантныхъ должностей и староствъ, въ полной увѣренности, что ея в—ство будетъ поступать со мною дружественно, откровенно и съ уваженіемъ, на что я въ правѣ разсчитывать послѣ всего сказаннаго ея посломъ». Подписано 16 мая 1771 года. Станиславъ Августъ король. — Сальдернъ, съ своей стороны, далъ королю запись: 1) кромѣ импе-

ратрицы только два человѣка будутъ знать о записи королевской: графы Панинъ и Орловъ. 2) Россія не сообщитъ объ этомъ ни одному двору иностранному и ни одному поляку. 3) Запись будетъ возвращена королю по возстановленіи спокойствія въ Польшѣ. 4) Посолъ будетъ обходиться съ королевскими друзьями, которые станутъ на сторону Россіи, какъ съ друзьями искренно примирившимися. 5) Посолъ въ теченіи трехъ дней распорядится освобожденіемъ изъ-подъ секвестра имѣній тѣхъ лицъ, списокъ которыхъ представитъ король. Уладившись съ королемъ Сальдернъ началъ думать о реконфедераціи. «Повѣрьте мнѣ, писалъ онъ Панину, что время составить реконфедерацію. Невѣроятно, какъ увеличивается число конфедератовъ со дня на день. Бо́льшая часть нашихъ военныхъ командировъ заботятся объ этомъ очень мало или вовсе не заботятся. Они хотятъ продолженія этой малой войны, чтобъ нагрѣвать руки грабежомъ, притѣсненіями, злоупотребленіями. Наши офицеры успѣютъ сдѣлать Польшу пустынею, но именно чрезъ это самое число конфедератовъ увеличится, и Польша не будетъ умиротворена». Больше всего Сальдернъ обвинялъ генерала Веймарна, который долженъ былъ получить теперь значеніе главнаго военнаго начальника, ибо Сальдернъ, какъ человѣкъ невоенный, не могъ распоряжаться военными дѣйствіями, подобно своимъ предшественникамъ — генераламъ. Отправляясь въ Варшаву, Сальдернъ представилъ императрицѣ свои опасенія на счетъ Веймарна, обвиняя его въ недостаткѣ твердости и быстроты исполненія, и Екатерина согласилась съ нимъ. Находясь въ Варшавѣ, Сальдернъ не прекращалъ своихъ обвиненій: «Веймарнъ столько же огорченъ дурнымъ поведеніемъ русскихъ войскъ, какъ и я, писалъ онъ императрицѣ; но что толку въ его безплодномъ сожалѣніи? Онъ сталъ желченъ, нерѣшителенъ, робокъ, мелоченъ. Я не смѣю надѣяться на успѣхъ, если здѣсь не будетъ другого генерала». Сальдернъ просилъ прислать или Бибикова, или кн. Репнина; относительно послѣдняго онъ писалъ: «Смѣю увѣрить, что здѣсь мнѣнія перемѣнились на его счетъ; предубѣжденіе исчезло и уступило мѣсто уваженію, какое дѣйствительно заслуживаютъ его честность и достоинство. Здѣсь начинаютъ даже желать его возвращенія; всѣ, кого только я видѣлъ, только отъ его присутствія ждутъ улучшенія своего положенія относительно русскаго войска». Трудно предположить,

чтобъ Сальдернъ дѣйствительно желалъ присылки Репнина и считалъ это возможнымъ, ибо могъ ли Репнинъ согласиться играть въ Польшѣ роль второстепенную или, по крайней мѣрѣ, половинную? могъ ли возвратиться въ Польшу послѣ того какъ недавно ея правительство отправило ко всѣмъ дворамъ на него жалобу? Гораздо скорѣе Сальдернъ приведенными словами только хотѣлъ угодить Панину и уколоть враговъ послѣдняго, которые жаловались на крутость мѣръ Репнина и требовали его отозванія, хотѣлъ уколоть преимущественно Волконскаго. Русскаго войска было тогда въ Польшѣ 12,169 человѣкъ, да въ Литвѣ 3818; 74 пушки и при нихъ 316 артиллеристовъ. Волконскій и Веймарнъ раздѣлили все войско по постамъ неподвижнымъ и подвижнымъ. Подъ первыми разумѣлись городскіе гарнизоны и посты, необходимые для поддержки сообщеній. Подвижными назывались летучіе отряды, назначенные дѣйствовать противъ конфедератовъ всюду, по мѣрѣ надобности. Сальдернъ никакъ не могъ согласиться, чтобъ было полезно ограничиться одною оборонительною войною, какъ было въ послѣднее время, и употреблять на борьбу съ конфедератами только четвертую часть войска, оставляя другія три части въ гарнизонахъ. Войска, по мнѣнію Сальдерна, портились отъ постояннаго пребыванія въ гарнизонахъ, пріучались къ неряшеству, солдаты начинали заниматься мелкою торговлею какъ жиды. «Я, писалъ Сальдернъ, займусь серіозно установленіемъ лучшаго порядка и лучшей полиціи въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, ни мало не безпокоясь, будетъ ли это нравиться его польскому величеству или магнатамъ. Я выгоню изъ Варшавы конфедератскихъ вербовщиковъ: дѣло неслыханное, которое уже два года сряду здѣсь дѣлается! Я не позволю, чтобъ бросали каменьями и черепицею въ патрули русскихъ солдатъ; дерзость доходитъ до того, что въ нихъ стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ. Я не буду терять времени въ жалобахъ на эти преступленія великому маршалу, который находитъ всегда тысячу увертокъ, чтобъ уклониться отъ преданія виновныхъ въ руки правосудія. Образъ веденія войны въ Польшѣ мнѣ не нравится. Первая наша забота должна состоять въ томъ, чтобъ овладѣть большими рѣками. Недостатокъ въ офицерахъ, способныхъ командовать отрядами или маленькими летучими корпусами, невѣроятенъ. Есть храбрые воины, но неспособные

управлять ни другими, ни самими собою. Другіе думаютъ только о томъ, какъ бы нажиться. На способность и благоразуміе офицеровъ генеральнаго штаба положиться нельзя. Все, что дѣлается здѣсь хорошаго, дѣлается только благодаря доблести и неустрашимости солдатъ. Исключая генералъ-майора Суворова и полковника Лопухина, дѣятельность другихъ начальниковъ ограничивается тѣмъ, чтобъ давать отъ времени до времени щелчки конфедератскимъ шайкамъ. Давши одинъ, другой щелчокъ, наши командиры ретируются съ добычею, собранною по дорогѣ въ имѣніяхъ мелкой шляхты и, расположившись на квартирахъ, ѣдятъ, пьютъ до тѣхъ поръ, пока конфедераты не начнутъ снова собираться. Бывали примѣры, что наши начальники отрядовъ съѣзжались съ конфедератскими и вмѣстѣ пировали». Сальдернъ какъ будто предчувствовалъ, что въ искусныхъ вождяхъ будетъ скоро нужда.

Самъ Сальдернъ скоро замѣтилъ слѣдствія своего поведенія и 19 мая писалъ Панину: «Мнѣ кажется, что твердость моихъ рѣчей и тайна всѣхъ моихъ поступковъ и намѣреній пріобрѣли мнѣ уваженіе и довѣріе: но меня не любятъ, меня боятся, и пройдетъ немного времени, какъ при моемъ дворѣ станутъ работать противъ меня внушеніями непосредственными и посредственными».

Браницкій увѣдомилъ его объ опасныхъ движеніяхъ великаго гетмана литовскаго и посолъ написалъ послѣднему: «Ничто на свѣтѣ не могло меня поразить такъ сильно, какъ извѣстіе, что человѣкъ, котораго я люблю и уважаю болѣе всего на свѣтѣ, подозрѣвается въ желаніи зла своему отечеству, въ желаніи поддержать и усилить смуты, его терзающія. Нельзя больше притворяться съ вами, время скинуть маску. Если вы не скрываете въ груди своей плановъ, недостойныхъ васъ, плановъ преступныхъ, клонящихся только къ бѣдствію вашего отечества, то я требую отъ васъ, именемъ моей государыни, чтобъ вы пріѣхали, не колеблясь, въ столицу для выслушанія отъ меня распоряженій ея и. в—ства, имѣющихъ цѣлію благо вашего отечества и ваше собственное». Огинскій отвѣчалъ отказомъ пріѣхать. Умѣренность и кротость Сальдерна должны были исчезнуть и вслѣдствіе препятствія его планамъ отъ людей, съ которыми онъ не хотѣлъ ни минуты сдерживаться.

Еще 13 мая Сальдернъ выдалъ печатную декларацію: «Ея и. в—ство, искренно тронутая бѣдствіями, удручающими польскій народъ, рѣшилась употребить послѣднія усилія, внушенныя ея великодушіемъ и твердостію, для примиренія умовъ, для прекращенія смутъ. Императрица приглашаетъ народъ соединиться, оставя всякую частную ненависть, обезпечивъ себя противъ корыстныхъ видовъ отдѣльныхъ людей, и серьезно заняться средствами, какъ бы положить конецъ бѣдствіямъ отечества. Императрица дала самыя точныя приказанія своему послу стараться объ уясненіи для каждаго истинныхъ ея намѣреній и совѣщаться съ самимъ народомъ о средствахъ успокоить его относительно всѣхъ его правъ. Для этой цѣли необходимо, чтобъ всѣ люди благонамѣренные, истинно любящіе свое отечество, согласились съ посломъ на счетъ средствъ умиротворить республику, искоренить всѣ смуты мѣрами самыми законными. Посолъ употребитъ все что можетъ убѣдить націю въ безкорыстіи ея в—ства, въ томъ, что она никогда ничего не дѣлала и не желала, что̀ бы могло повредить независимости республики. Тѣ, которые до того были обмануты на счетъ чувствъ и дѣйствій императрицы, что взялись за оружіе для предохраненія себя отъ мнимыхъ опасностей, равно приглашаются къ примиренію. Кто изъ нихъ возвратится въ свой домъ и удержится отъ всякаго непріятельскаго дѣйствія, не будетъ нисколько обезпокоенъ русскими войсками». Оказалось, что декларація была написана слишкомъ мягко: насъ зовутъ, значитъ въ насъ имѣютъ нужду, значитъ мы сильны и можемъ поднять головы, можемъ не пойти на зовъ: дѣлай что̀ хочешь, что̀ возьмешь? Сальдернъ началъ хлопотать, какъ бы поправить дѣло, сталъ повторять всѣмъ, что пріѣхалъ вовсе не съ тѣмъ, чтобъ выпрашивать Христа ради или покупать успокоеніе Польши. Потомъ посолъ сталъ избѣгать разговоровъ съ глазу на глазъ съ кѣмъ бы то ни было, давая чувствовать, что онъ сдѣлалъ свое дѣло, передъ всею Европою сказалъ свое слово королю и націи; теперь ихъ чередъ отвѣчать ему. 27 мая явилась къ послу торжественная депутація отъ имени королевскаго: оба великіе канцлера, коронный и литовскій, разсыпались въ похвалахъ, въ выраженіи удовольствія и глубочайшаго уваженія къ императрицѣ по поводу деклараціи. Посолъ отвѣчалъ, что если король хочетъ воспользоваться деклараціею, то долженъ созвать

всѣхъ епископовъ, сенаторовъ, сановниковъ и шляхту, находящуюся въ Варшавѣ, и представить имъ печальное состояніе государства.

Король исполнилъ желаніе Сальдерна и къ первому обратился къ примасу Подоскому, котораго спросилъ, что конечно, по его мнѣнію, реконфедерація была бы единственнымъ средствомъ достигнуть законной дѣятельности. Примасъ отвѣчалъ: «Не сенаторы и епископы, находящіеся въ Варшавѣ, должны рѣшить на счетъ этого дѣла; надобно подождать, какое впечатлѣніе декларація произведетъ въ странѣ и особенно среди конфедератовъ». Король сказалъ ему на это: «Такъ вы думаете, что надобно еще ждать»? Примасъ сдѣлалъ низкій поклонъ и удалился. Сальдернъ, узнавъ объ этомъ разговорѣ, накинулся на Подоскаго, сталъ упрекать его въ злонамѣренности, въ іезуитскомъ «себѣ на умѣ», въ измѣнѣ своимъ обязательствамъ, въ неблагодарности; объявилъ ему, что его интриги съ саксонскимъ министерствомъ и со всѣми конфедератами извѣстны, а интриги эти имѣли одну цѣль — продолженіе безпокойствъ съ тѣмъ, чтобъ низвергнуть короля; но какъ скоро интриги открыты, то пусть онъ, примасъ, не льститъ себя болѣе надеждою довести дѣло до того, что сама императрица увидитъ себя вынужденною покинуть короля. «Вы меня больше не проведете, говорилъ Сальдернъ, меня не обманутъ ваши увѣренія въ искренности, которой только одно имя вамъ извѣстно».—«Наконецъ, писалъ самъ Сальдернъ Панину, я упрекнулъ его во множествѣ маленькихъ мошенничествъ, которыя онъ употреблялъ, чтобъ водить за носъ этого достойнаго старика — князя Волконскаго». На всѣ эти упреки Подоскій съ сердцемъ отвѣчалъ, что желаетъ удалиться изъ Варшавы. На это Сальдернъ сказалъ очень сухо, что дастъ ему ескорту, подобающую его сану, которая можетъ замѣнить саксонскую гвардію, охраняющую его въ столицѣ. Надобно замѣтить, что прелатъ жилъ въ саксонскомъ дворцѣ, прислуга его состояла частію изъ саксонцевъ и гвардіею служили ему два отряда саксонскихъ войскъ.

Оправдывая свой поступокъ съ примасомъ, выставляя его человѣкомъ самымъ негоднымъ, постоянно обманывавшимъ русскій дворъ, Сальдернъ приводитъ слѣдующій поступокъ Подоскаго. Когда написана была извѣстная декларація, то Сальдернъ показалъ ее прежде другихъ примасу и тотъ вызвался перевести ее на

польскій языкъ, но въ переводѣ исказилъ нѣкоторыя выраженія, наприм. въ подлинникѣ было: «Польша, прежде этого печальнаго времени цвѣтущая,» а Подоскій перевелъ: «Польша при государяхъ изъ саксонскаго дома цвѣтущая.» Въ подлинникѣ при изображеніи печальнаго состоянія Польши во время конфедераціи говорилось: «граждане добродѣтельные стенаютъ въ молчаніи,» а Подоскій вмѣсто: «въ молчаніи,» поставилъ «въ Сибири.» Когда Сальдернъ показалъ ему эти перемѣны, Подоскій сдѣлалъ отчаянный видъ и всю вину сложилъ на переписчика. «Изъ этого вы видите, писалъ Сальдернъ Панину, съ какими людьми я имѣю дѣло въ этой странѣ, куда Богъ перенесъ меня въ своемъ величайшемъ гнѣвѣ.» Послѣ приведеннаго разговора своего съ Сальдерномъ, примасъ позвалъ его на обѣдъ; тотъ не поѣхалъ и написалъ, что поведеніе Подоскаго мѣшаетъ ему, Сальдерну, бывать у него. Примасъ былъ такъ пораженъ этимъ письмомъ, что занемогъ и разослалъ копію письма по всѣмъ иностраннымъ министрамъ, прося сообщить ее своимъ дворамъ и рекомендовать его ихъ покровительству. Подоскій хотѣлъ уѣхать въ Эльбингъ; но Сальдерну дали знать, что на дорогѣ онъ будетъ перехваченъ конфедератами, и отрядъ русскаго войска, посланный Сальдерномъ, задержалъ примаса, который поселился въ своемъ загородномъ домѣ подъ надзоромъ русскаго офицера. Потомъ примасъ просилъ посла, чтобъ этого офицера отъ него вывели; Сальдернъ согласился, взявъ отъ него честное слово не уѣзжать. Наконецъ примасъ уѣхалъ, ибо въ Петербургѣ не раздѣляли мнѣнія Сальдерна, что надобно его удержать.

Король далъ знать Сальдерну, что и другой сановникъ сказалъ ему относительно деклараціи. Большинство объявило почти единогласно, что смотритъ на декларацію какъ на отворенную дверь для умиротворенія королевства и считаетъ необходимымъ, чтобъ король снесся съ русскимъ посломъ на счетъ средствъ привести націю въ законную дѣятельность. Король отвѣчалъ, что очень обрадованъ ихъ словами и совѣтовалъ отправиться къ русскому послу и сказать ему то же самое. Но епископъ виленскій представилъ королю, что прежде всего необходимо отправить довѣренныхъ людей въ Еперіесъ и пригласить конфедератовъ соединиться съ остальною націею, и тогда только созвать націю въ представительный корпусъ для договоровъ съ русскимъ дворомъ.

Тщетно король указывалъ ему на несостоятельность его мнѣнія, на невозможность предписать законы Россіи: епископъ остался при своемъ мнѣніи. Кухмистръ Понинскій высказалъ подобное же мнѣніе, и король, отпуская его, сказалъ: «Вы третій изъ тѣхъ, которые сняли маску, и я предоставляю русскому послу дать вамъ урокъ, который вы заслужили». Сальдернъ исполнилъ это относительно обоихъ—сильно и безцеремонно, по его собственному выраженію. Виленскій епископъ, уходя, пригрозилъ послу, что въ Литвѣ 52,000 шляхты, тайно сконфедерованной. Сальдернъ отвѣчалъ на это: «Жаль, что не вы ими командуете; ибо нашъ шеститысячный отрядъ въ Литвѣ расчесалъ бы васъ въ пухъ и прахъ». Отсылая этотъ разговоръ Панину, Сальдернъ не упустилъ случая задѣть своего предшественника: «Вы видите характеръ виленскаго епископа, который такъ долго заставлялъ вѣрить моего предшественника, что онъ одинъ изъ друзей Россіи». Съ Понинскимъ Сальдернъ церемонился всего меньше: указавъ на 2000 червонныхъ, которые кухмистръ выманилъ у Волконскаго обѣщаніемъ соблюдать русскіе интересы, Сальдернъ прямо назвалъ его негодяемъ, который отъ него не получитъ ни копѣйки пенсіи. «Онъ ушелъ отъ меня настоящимъ полякомъ, которому можно дать одной рукой пощечину, а другой деньги,» писалъ Сальдернъ.

Скоро дѣло дошло и до прусскаго министра Бенуа. Сальдернъ нашелъ, и совершенно справедливо, что Бенуа не желаетъ успокоенія Польши, интригуетъ противъ того, чтобъ Сальднеръ не заставилъ Станислава Августа дѣйствовать въ пользу реконфедераціи вмѣстѣ съ Россіею. Сальдернъ прямо объявилъ Бенуа дни и мѣста, когда и гдѣ онъ внушалъ, что не нужно спѣшить сформированіемъ національнаго корпуса; Сальдернъ прямо спросилъ прусскаго министра, въ интересахъ ли его короля удалить успокоеніе и продолжать безъ конца польскія смуты, прямо потребовалъ, чтобъ министръ или перемѣнилъ поведеніе, или начисто объявилъ, что таковы приказанія полученныя имъ отъ своего правительства. Бенуа, прижатый къ стѣнѣ, долженъ былъ прибѣгнуть къ извиненіямъ и увѣреніямъ, что впредь будетъ слѣдовать за русскимъ посломъ шагъ за шагомъ; Бенуа обѣщалъ также не бывать больше у примаса. Но на прощаньѣ Бенуа отвелъ Сальдерна къ окну и сказалъ ему по-нѣмецки: «Я хорошо

знаю, что вы другъ моего короля: ради Бога сдѣлаемъ такъ, чтобъ онъ могъ получить приличную часть Польши. Этотъ неблагодарный народъ заслуживаетъ такого наказанія, я вамъ отвѣчаю за благодарность моего государя». Сальдернъ притворился изумленнымъ и холодно отвѣчалъ: «Не намъ съ вами дѣлить Польшу».

Сальдерна раздражило также то, что полякъ Сульковскій, отъявленный врагъ короля и Чарторыйскихъ, пріѣхавшій въ Петербургъ еще до отъѣзда оттуда Сальдерна, (какъ видно не безъ связи съ движеніями людей, подписавшими извѣстное письмо) и нашедшій доступъ къ Орлову, жилъ въ Петербургѣ и писалъ оттуда въ Варшаву ложныя вѣсти, которыя мѣшали дѣйствіямъ посла. 4 іюня Сольдернъ написалъ Панину отчаянное письмо: «Мое здоровье такъ разстроено, какъ никогда прежде не бывало. Я страдаю отъ безпрерывныхъ интригъ; я окруженъ людьми, которые подставляютъ мнѣ ногу; ни духъ, ни тѣло мое не знаютъ ни минуты покоя. Единственное утѣшеніе доставляли мнѣ ваши письма, но я ихъ не получаю. Къ довершенію моихъ бѣдствій вы соглашаетесь не сдержать обѣщанія, даннаго мнѣ вами и императрицею, держа такъ долго въ Петербургѣ Сульковскаго. Я васъ умоляю освободить меня отъ этого человѣка; если онъ останется въ Петербургѣ еще четыре недѣли, то я подамъ въ отставку. Я готовъ ко всему; будьте увѣрены, что я человѣкъ твердый. Дѣлайте что̀ хотите; но тяжко видѣть, что мой другъ готовъ вонзить кинжалъ въ мое сердце».

Спустя нѣсколько времени Бенуа сообщилъ Сальдерну письмо Фридриха II-го: «Что касается пріобрѣтеній въ Польшѣ, писалъ прусскій король своему министру, то я нахожусь въ полномъ соглашеніи съ русскимъ дворомъ. Тутъ нѣтъ болѣе ни малѣйшаго неудобства. Россія выставитъ притязанія на извѣстныя области этого государства, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Поэтому вы можете смѣло внушить г. Сольдерну, что мы не имѣемъ нужды передавать вѣнскому двору рѣшеніе вопроса о нашихъ правахъ, ибо этотъ дворъ уже овладѣлъ областями, на которыя онъ имѣлъ претензіи. Россія единственно для Австріи жертвуетъ завоеванными ею Молдавіею и Валахіею. Во всякомъ случаѣ я не намѣренъ слѣпо исполнять желаніе вѣнскаго двора и буквально исполнять то что̀ онъ сочтетъ нужнымъ устроить

по этому дѣлу. Я поручаю вамъ просить посла моимъ именемъ, чтобъ онъ не торопился въ польскихъ дѣлахъ, и дожидался приказаній императрицы, которыя будутъ даны соотвѣтственно сдѣланнымъ мною тамъ предложеніямъ».

«Итакъ, писалъ Сальдернъ Панину (15 іюля), раздѣлъ Польши дѣло рѣшенное въ Петербургѣ и Берлинѣ! Это не все: прусскій король не хочетъ знать о распоряженіяхъ Австріи въ такомъ важномъ дѣлѣ. Но я скажу съ моею обычною откровенностію, что предпріятіе опасно, если не будетъ соглашенія съ вѣнскимъ дворомъ». При послѣднемъ условіи Сальдернъ былъ доволенъ раздѣломъ Польши и только торопилъ свое правительство прислать ему инструкціи дѣйствовать соотвѣтственно этому плану. «Что лучше, спрашивалъ онъ у Панина: поддерживать ли договоръ 1768 года, стоившій столько денегъ и крови для Россіи, заключить прочный миръ и предписать законы буйной республикѣ съ оружіемъ въ рукахъ, въ соединеніи съ другими державами, или лучше, дѣйствуя примирительно, добиваться умиротворенія, употребляя все-таки силу и тратя множество денегъ, добиваться умиротворенія, которое все же не будетъ прочно и постоянно и будетъ гибельно для диссидентовъ: послѣдніе сдѣлаются жертвой республики, не знающей ни чести, ни совѣсти въ исполненіи своихъ торжественныхъ обязательствъ? Я очень хорошо понимаю, что ни вы и никто, имѣющій правила чести и добродѣтели, не можетъ себѣ представить, до какой степени поляки вздорны и развращенны. Король есть и останется всю свою жизнь слабымъ, пустымъ и глупымъ человѣкомъ (imbécile); онъ презираемъ народомъ и даже своими родственниками. Не смотря на то, что онъ видитъ это собственными глазами, не смотря на то, что я ему это повторяю безпрестанно, не разъ онъ принужденъ былъ соглашаться со мною, что его побьютъ камнями какъ только я удалюсь съ горстью русскаго войска, находящеюся въ Варшавѣ, и не смотря на то, онъ какъ истый Донъ-Кихотъ, серьезно убѣжденъ, что долженъ искать главной поддержки своего трона среди своей націи. Можно ли представить себѣ подобную нелѣпость? Прибавьте еще, что этотъ государь неправдивъ, позволяетъ себѣ мелочности, увертки, перетолковыванія. Безъ употребленія силы нѣтъ твердой надежды на будущее; середина между мягкостію и силою рѣшительно вредна; мягкость портитъ головы

въ Польшѣ и несовмѣстна съ достоинствомъ и превосходствомъ Россіи».

24 іюня у Сальдерна была конференція съ канцлерами коронныиъ и литовскимъ въ домѣ великаго маршала кн. Любомирскаго, который также принималъ въ ней участіе. Дѣло шло объ умиротвореніи Польши по поводу послѣдней русской декларацін. Поляки заявили, что прежде чѣмъ вступить въ реконфедерацію, имъ надобно взвѣсить всѣ послѣдствія предпріятія, которое можетъ сдѣлаться еще болѣе пагубнымъ для ихъ отечества. Поэтому имъ необходимо имѣть въ рукахъ что-нибудь чѣмъ бы можно было подвинуть большинство націи сконфедерованной и не сконфедерованной, необходима съ русской стороны новая публичная декларація, которая бы произвела большее впечатлѣніе на націю относительно вопросовъ о русской гарантіи и диссидентахъ, возбудившихъ въ ней такой ужасъ. Сальдернъ отвѣчалъ, что онъ не откажется дать письменныя объясненія и декларацію, когда они дадутъ ему манифестъ въ ясныхъ и приличныхъ выраженіяхъ, подписанный достаточно значительнымъ числомъ для приступленія къ реконфедераціи, съ предложеніемъ трудиться вмѣстѣ съ нами для умноженія этого числа. На этомъ конференція и кончилась и не возобновлялась болѣе: судьба Польши рѣшилась иначе.

Сальдернъ получилъ отъ Панина письмо (отъ 11 іюня), въ которомъ излагался ходъ дѣла о раздѣлѣ Польши. «Еще при васъ, писалъ Панинъ, получили мы конфиденціальное сообщеніе первыхъ идей берлинскаго двора, и вы знаете мой отвѣтъ графу Сольмсу. Потомъ король прусскій подвинулся дальше и оказался рѣшительнѣе въ своихъ видахъ. Онъ чрезъ своего министра внушилъ, что собственный интересъ союзниковъ не позволяетъ имъ пренебречь случаемъ, быть можетъ, единственнымъ округлить свои границы со стороны Польши и твердо установить ихъ, что они могутъ войти въ соглашеніе для опредѣленія своихъ притязаній, причемъ онъ увѣренъ, что исполненіе этого не встрѣтитъ большихъ препятствій со стороны вѣнскаго двора. Такія расположенія и требованія отъ союзника и важность дѣла заставили меня поднести его на самое серіозное обсужденіе ея и. в—ства. Взвѣсивши съ одной стороны принципы справедливости, которыми обязано великое государство относительно сво-

его сосѣда и обязательства договоровъ древнихъ и новыхъ Россійской имперіи съ республикою польскою, а съ другой то, что императрица обязана наблюдать относительно правъ и интересовъ своей имперіи; принимая въ соображеніе значительный убытокъ, проистекающій отъ безполезной помощи, подаваемой сосѣднему государству для доставленія ему благосостоянія, имъ отвергаемаго; принимая въ соображеніе, что гарантія польскихъ владѣній, которую императрицѣ угодно было на себя наложить; была принята не какъ важное благодѣяніе, а была встрѣчена съ отвращеніемъ государствомъ и каждымъ отдѣльнымъ полякомъ; что упорствовать въ навязываніи Польшѣ этого благодѣянія значило бы жертвовать правами своей имперіи, продлить и увеличить бѣдствія собственныхъ подданныхъ; что все что Польша по справедливости можетъ требовать отъ нея — это окончаніе смуты, поддержаніе царствующаго короля на тронѣ и сохраненіе внутренней формы правительства, — принимая все это въ соображеніе и предпочитая то, что государь — отецъ своего народа — обязанъ прежде всего соблюдать въ разсужденіи его интереса, безопасности, спокойствія и выгодъ, императрица постановила войти въ соглашеніе, предложенное королемъ прусскимъ. Вслѣдствіе этого я запросилъ у графа Сольмса изложеніе видовъ и требованій его двора, дабы, сообщивъ ему и съ нашей стороны права и требованія Россіи, мы могли составить соглашеніе, гдѣ бы мы постановили на счетъ средствъ упроченія успѣха дѣла, ибо, каковы бы ни были увѣренія на счетъ расположеній вѣнскаго двора, все же надобно приготовиться на случай сопротивленія съ его стороны или съ какой-нибудь другой. Вотъ новая система, на основаніи которой вы должны соображать планъ вашихъ дѣйствій».

Лѣтомъ извѣстіе о раздѣлѣ, напечатанное въ утрехтской газетѣ, распространилось по всей Польшѣ въ копіяхъ; въ польской Пруссіи говорили о раздѣлѣ какъ о дѣлѣ рѣшенномъ; но король Станиславъ и всѣ знатные поляки явно смѣялись надъ этими предсказаніями. «Поляки думаютъ, писалъ Сальдернъ, что не только Европа, но и три другія части свѣта заинтересованы въ ихъ усобицахъ. Вотъ почему предложеніе и исполненіе договора трехъ дворовъ должны быть сдѣланы разомъ. Надобно захватить поляковъ врасплохъ, надобно ихъ оглушить въ первую минуту

и ничего не будетъ легче какъ потомъ ихъ раздавить и воспользоваться ихъ частными ненавистями, ихъ корыстными видами и ихъ слабостію. Каждый полякъ сдастся въ ту минуту, какъ онъ призналъ превосходство силы противника, и никакъ иначе. Я вижу въ самомъ королѣ замѣтное удаленіе отъ нашихъ интересовъ; онъ воображаетъ, что мы нуждаемся всего болѣе въ успокоеніи Польши. Я вижу и слышу, что король и, по его примѣру, князь Любомирскій внушаютъ придворнымъ и молодежи, что ихъ твердость въ послѣдніе два или три года положила границу русскимъ стремленіямъ къ господству въ Польшѣ, и что только эта твердость заставила Россію отступить отъ пунктовъ гарантіи и диссидентовъ. Эти мысли вонзаютъ кинжалъ въ мою грудь. Примите за истину неоспоримую, что большое число польскихъ магнатовъ, несмотря на то, что чувствуютъ бѣдствія войны, препятствуютъ нашимъ видамъ успокоенія по двумъ причинамъ: они ненавидятъ короля столько же какъ и Россію и думаютъ вредить послѣдней, продолжая смуты своего отечества».

13 іюля Сальдернъ сообщилъ Панину содержаніе письма, присланнаго къ королю изъ Вѣны братомъ его, генераломъ австрійской службы. Кауницъ совѣтовалъ не спѣшить умиротвореніемъ, котораго Россія пламенно желаетъ; король не долженъ бояться ничего худшаго и долженъ проволакивать дѣло до полученія дальнѣйшихъ увѣдомленій изъ Вѣны; миръ между Россіею и Турціею еще очень далекъ, вѣнскій дворъ находитъ русскія требованія чрезмѣрными. Прусскій министръ Бенуа показалъ Сальдерну собственноручное письмо Фридриха II, въ которомъ самъ Сальдернъ прочелъ слѣдующія строки: «вѣрно то, что Австрія подъ рукою покровительствуетъ конфедератамъ, что и поддерживаетъ упорство польскихъ магнатовъ, раньше мира между Россіею и Портою сосѣднія державы не будутъ въ состояніи образумить поляковъ». 30 іюля Сальдернъ писалъ Панину: «Черезъ каналъ, который у меня есть въ кабинетѣ польскаго короля, я знаю, что князь Понятовскій писалъ ему съ послѣднею почтою о невѣрности заключенія мира между Россіею и Портою этою зимою и война, быть можетъ общая, неизбѣжна. Изъ разговоровъ короля, большого болтуна князя Чарторыйскаго канцлера литовскаго, князя Любомирскаго и вице-канцлера Борха очевидно, что они разсчитываютъ на какое-нибудь событіе для насъ вредное, и

хотя я по возможности избѣгаю входить съ ними въ разговоры, имъ нравится дѣлать предсказанія о будущемъ и уменьшать языкомъ наши выгоды въ Крыму и на Дунаѣ. Если они не имѣютъ случая говорить этого при мнѣ, то говорятъ при людяхъ, которые, по ихъ мнѣнію, способны пересказать мнѣ ихъ рѣчи. Мои отвѣты и мое поведеніе вообще таково, что въ нихъ выражается полное презрѣніе къ ихъ особамъ и къ ихъ разговорамъ; я ограничиваюсь тѣмъ, что бросаю имъ отъ времени до времени ѣдкія фразы, изъ которыхъ видно, что смотрю на нихъ какъ не людей неблагонамѣренныхъ относительно собственнаго отечества. Неувѣренность въ почвѣ, на которой я стою, и страхъ сдѣлать что-нибудь, слишкомъ меня убиваютъ. Клянусь вамъ, что эти люди заслуживаютъ высылки изъ Варшавы, ибо все зло, которое мы терпимъ въ Польшѣ, идетъ отъ двухъ негодяевъ—Любомирскаго и Борха; я буду писать императрицѣ, чтобъ мнѣ было позволено снова наложить самый строгій секвестръ на ихъ земли, если у ея величества есть причины не желать ихъ высылки изъ Варшавы».

Панинъ, увѣдомляя Сальдерна о неудовлетворительности австрійскаго отвѣта, неудовлетворительности совершенно неожиданной, писалъ ему отъ 28 августа: «Рѣшится ли вѣнскій дворъ приступить къ нашему соглашенію съ королемъ прусскимъ, будетъ ли держать себя въ сторонѣ или формально воспротивится нашему плану, рѣшено, что мы будемъ исполнять этотъ планъ. Онъ будетъ центромъ, къ которому необходимо должны тяготѣть всѣ наши дѣла и мѣры въ Польшѣ. Ясно, что для успѣха въ достиженіи нашихъ видовъ смута въ Польшѣ можетъ быть только благопріятна для насъ; мы можемъ оставить дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь находятся и откладывать умиротвореніе до тѣхъ поръ, пока оно будетъ въ состояніи намъ служить или, по крайней мѣрѣ, не будетъ въ состояніи намъ вредить. Оставляя все въ настоящей запутанности, искусно проволакивая дѣла, вы должны успѣшно стараться увеличивать нашу партію, какъ для того, чтобъ произвести раздѣленіе въ умахъ, такъ и для сохраненія вида законности въ минуту осуществленія нашего проекта. По нашему соглашенію съ королемъ прусскимъ онъ начнетъ забирать земли, которыя имѣетъ въ виду, и мы со своей стороны этою осенью отдѣлимъ отъ второй арміи значи-

тельный корпусъ для занятія земель, которыя должны отойти къ намъ. Тогда вы получите декларацію, оправдывающую это занятіе. Вы очень хорошо сдѣлали, что отказали польскимъ министрамъ въ декларацiи съ опредѣленіемъ нашихъ уступокъ, пока они не доставятъ желаемаго вами манифеста. Это укрѣпленіе долго должно служить вамъ защитою, и если бы они его перешли, то вы должны уклониться отъ всякаго объясненія, которое бы насъ къ чему-нибудь обязывало, ускоряло бы развязку дѣла и содѣйствовало образованію національнаго представительнаго корпуса. До рѣшительной минуты ваше поведеніе должно быть совершенно страдательное; но это не снимаетъ съ васъ обязанности трудиться постоянно для поддержанія въ королѣ и въ главныхъ вашихъ дѣятеляхъ мнѣнія, что у васъ въ головѣ нѣтъ другаго предмета кромѣ умиротворенія, чтобъ сосредоточить въ этой сферѣ всѣ интриги и происки. Но главное ваше стараніе должно состоять въ томъ, чтобъ овладѣть извѣстнымъ числомъ людей, которыхъ бы мы могли заставить дѣйствовать, когда придетъ время. Свойство поляка—предпочитать свой личный интересъ всякому другому, и это свойство надобно обратить въ нашу пользу. Вся эта громадная издержка на конфедераціи съ цѣлію умиротворенія Польши должна быть употреблена на такую конфедерацію, которая согласится на всѣ наши требованія и требованія нашего союзника. Вы думаете совершенно справедливо, что многія затрудненія сократятся, если вѣнскій дворъ будетъ участвовать въ соглашеніи: мы этого желали бы и не отчаиваемся еще въ исполненіи нашего желанія. Но если его упорство непобѣдимо, у насъ рѣшено обойтись и безъ него и ни на минуту не уклоняться отъ плана соображеніемъ того что Австрія можетъ или не можетъ сдѣлать. Наши интересы такъ тѣсно связаны съ интересами короля прусскаго, что кто нападетъ на того или другого, непремѣнно будетъ имѣть войну съ обоими, и прусскій король, который знаетъ лучше всякаго другого сильную и слабую сторону дѣла, вовсе не думаетъ, чтобъ вѣнскій дворъ, который, по обстоятельствамъ Франціи, необходимо очутится въ одиночествѣ, началъ въ такомъ положеніи войну противъ Россіи и Пруссіи. Разумѣется, въ Вѣнѣ не желаютъ намъ добра, это по всему видно, и это-то наполняетъ химерами польскія головы; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, одни поляки и будутъ здѣсь обмануты».

Сентябрь началъ Сальдернъ очень печальными извѣстіями. Литва выставляла противъ русскихъ свою конфедерацію; ея вождь, литовскій гетманъ Огинскій разбилъ два русскихъ отряда, почтовыя сообщенія были пресѣчены. «Не теряя головы, писалъ Сальдернъ, я не знаю однако, на что ее употребить. Большинство пробуждается отъ своей летаргіи, нація начинаетъ приходить въ чувство; ее поджигаютъ со всѣхъ сторонъ. Австрія не хочетъ вывести ее изъ заблужденія, и, что̀ еще хуже, пускаетъ ей блоху въ ухо. Она дразнитъ націю тѣмъ, что горсть русскихъ держитъ поляковъ въ рабствѣ. Франція объявляетъ, что принимаетъ болѣе серіозное участіе въ польскихъ интересахъ. Правда, она обманываетъ націю, но иллюзія также опасна какъ и фактъ. Посылка офицеровъ и денегъ изъ Франціи питаетъ несчастныхъ поляковъ пустыми мечтами. Все это увеличиваетъ наши затрудненія; прибавьте къ этому возстаніе Огинскаго въ Литвѣ. Если этотъ огонь усилится, то мы потеряемъ свое превосходство. Конфедераты въ окрестностяхъ Кракова возьмутъ верхъ; Краковъ не продержится шести недѣль; прибавьте, что мы будемъ принуждены очистить Познань, и если весь огонь, который скрывается подъ пепломъ, необходимо вспыхнетъ, то, клянусь Богомъ, намъ останется только стыдъ и смущеніе. Время не терпитъ, надобно взять другія мѣры, мѣры сильныя, которыхъ никто не ожидаетъ. Нельзя ли подвинуть прусскаго короля? пусть онъ только отпуститъ нѣсколько гусарскихъ полковъ къ литовскимъ границамъ, пусть только онъ сдѣлаетъ видъ, что хочетъ напасть на Литву—это испугаетъ. Не мое дѣло описывать вамъ жалкое положеніе нашихъ военныхъ силъ. Это обязанность Бибикова сдѣлать, когда онъ сюда пріѣдетъ. *Легіонъ* * это жалкое войско по отзыву всѣхъ, кто его видѣлъ. Полковникъ Чернышевъ человѣкъ безъ головы. Несчастіе, что этотъ корпусъ былъ въ Литвѣ: его тамъ презирали до послѣдней степени. Военный духъ вообще погасъ, исключая очень небольшое число. Оружіе у нашихъ солдатъ негодное, лошади у кавалеристовъ отвратительныя; наша артиллерія плоха. Скупость, дурно понимая экономія—причина этого».

---

* Такъ называлось войско, сформированное для Литвы.

Успѣхъ Огинскаго отозвался немедленно въ Варшавѣ: всѣ подняли головы; Сальдернъ усилилъ мѣры предосторожности. Король сначала былъ радъ литовскимъ событіямъ; но радость перемѣнилась въ печаль и сильное раздраженіе, когда Огинскій вовсе не увѣдомилъ его о своихъ движеніяхъ и когда издалъ манифестъ, что присоединяется къ барской конфедераціи. Сальдернъ нашелъ короля въ сильномъ унынiи и негодованіи противъ Огинскаго. Станиславъ Августъ началъ обычный разговоръ о шаткости своего положенія, о своемъ окончательномъ разореніи, ибо Литва оставалась для него единственнымъ источникомъ доходовъ; король закончилъ требованіемъ отъ посла самыхъ сильныхъ мѣръ. Сальдернъ, давши ему полную свободу высказаться, запѣлъ свою пѣсню о непослѣдовательности его поведенія и злонамѣренности его фамиліи, о безсвязности всѣхъ поступковъ, которые король безъ фамиліи, а фамилія безъ короля позволяли себѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ: «Я, говоритъ Сальдернъ, показалъ въ настоящемъ свѣтѣ всѣ тайныя и явныя коварства, которыя они себѣ позволяли. Я его прижалъ къ стѣнѣ, я довелъ его до отчаянія, заставилъ его повторять: «Ради Бога, что жь мнѣ было дѣлать? Не моя же это вина! Мое сердце было всегда за Россію. Я не могъ заставить должностныхъ лицъ дѣлать что хочу. Я не могу ничего сдѣлать безъ нихъ.—Единственный совѣтъ, который я могу вамъ дать, сказалъ Сальдернъ, это успокоиться и не предпринимать рѣшительно ничего до тѣхъ поръ пока литовскій огонь не погаснетъ и я не получу дальнѣйшихъ приказаній отъ моего двора».—«Какъ! закричалъ король: возможно ли ничего не дѣлать въ такую критическую минуту, когда дѣло идетъ о моемъ уничтоженіи? необходимо поднять небо и землю, чтобъ устроить реконфедерацію». Сальдернъ, разумѣется, употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ заставить короля, по крайней мѣрѣ на это время отказаться отъ плана реконфедераціи, и Станиславъ Августъ поклялся оставаться спокойнымъ, а Сальдернъ обѣщалъ ему за это употребить всѣ усилія для потушенія литовскаго возстанія, послѣ чего, принимая все болѣе и болѣе нѣжный тонъ, согласился съ королемъ, что надобно увеличить число русскаго войска въ Польшѣ и что надобно протянуть нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ дать императрицѣ время убѣ-

диться въ необходимости этого увеличенія. Этимъ кончился трехчасовой разговоръ.

Опасенія Сальдерна и короля относительно Огинскаго скоро разсѣялись. Суворовъ, уже знаменитый побѣдою, одержанною въ іюнѣ надъ Дюмурье, теперь шелъ противъ литовскаго гетмана. Съ 22 на 23 сентября онъ напалъ на Огинскаго и уничтожилъ его войско, такъ что гетманъ только самъ-третей убѣжалъ въ Бѣлостокъ. Эта побѣда произвела такое впечатлѣніе въ Варшавѣ, что Сальдернъ почелъ себя перенесеннымъ въ другую страну. Домъ его наполнился самыми знатными людьми, которые пріѣзжали съ поздравленіями; являлись и люди съ предложеніями устроить реконфедерацію противъ воли министерства. Сальдернъ имъ отвѣчалъ, что надобно подождать нѣсколько недѣль, чтобъ уяснить себѣ положеніе Литвы.

Между тѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ хотѣли, чтобъ Сальдернъ собиралъ какъ можно больше людей, которыми Россія могла бы располагать въ нужномъ случаѣ,—въ Петербургѣ не могли быть довольны извѣстіями, что посолъ своимъ обхожденіемъ отогналъ отъ себя всѣхъ, которые до тѣхъ поръ считались приверженцами Россіи. Въ Петербургѣ знали, какъ въ Версали восхищались тѣмъ, что поведеніе Сальдерна въ Варшавѣ портитъ русское дѣло между поляками, и не могли не сдѣлать замѣчаній послу. 25 сентября Сальдернъ отвѣчалъ Панину на эти замѣчанія: «Я могу и хочу претерпѣть все; но я никогда не позволю, чтобъ Россія была унижена въ то время какъ я нахожусь ея представителемъ. Негодяи имѣли здѣсь намѣреніе сдѣлать изъ меня второго Кейзерлинга; они употребили столько средствъ, чтобъ вовлечь меня въ свои сѣти. Къ несчастію судьба хотѣла, чтобъ я былъ непосредственнымъ преемникомъ старой бабы, который, будучи природнымъ русскимъ, сносилъ жестокія оскорбленія, хотя былъ не только посломъ, но и командиромъ цѣлаго корпуса русской арміи. Для чести націи я буду сообразоваться съ поведеніемъ покойнаго генерала Кейта во время пребыванія его въ Швеціи. Твердость, сила, поведеніе серіозное были необходимы, чтобъ заставить уважать мое званіе со дня моего пріѣзда сюда, уважать мои отвѣты утвердительные и отрицательные. Необходимо было пріучить поляковъ къ порядку вещей, совершенно пренебреженному моимъ предшественникомъ, отучить отъ хао-

са, намѣренно произведеннаго извѣстнымъ вамъ интриганомъ. Будьте увѣрены, что это сочиненіе моихъ враговъ, будто мое поведеніе отличается жесткостію. Сила великаго моего врага заставила меня рѣшиться непремѣнно покинуть свой постъ. Но теперь мнѣ нельзя объяснить всѣ подробности этого дѣла..... Генералъ Бибиковъ пріѣхалъ. Вы знаете, что это не князь Репнинъ. Вы знаете мое мнѣніе о немъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что онъ будетъ добросовѣстно содѣйствовать видамъ, касающимся личной славы императрицы, интересовъ и достоинства Россіи. Я знаю, что онъ не принадлежитъ къ классу плутовъ, гипокритовъ и негодяевъ, которые подчиняются совершенно видамъ адскихъ душъ. Знаю, что съ нимъ я достигну цѣли всѣхъ операцій, относящися къ нашей настоящей системѣ, во сколько это будетъ зависѣть отъ него. Но въ Петербургѣ, въ военной коллегіи сдѣлаютъ все, чтобъ его обманывать и мѣшать ему. Прибавьте къ этому, что я знаю отвращеніе Бибикова къ работѣ и къ дѣламъ запутаннымъ. Онъ страшно лѣнивъ. Онъ уже скучаетъ гнуснымъ положеніемъ, въ которомъ находитъ дѣла. Я знакомлю его съ успѣшнымъ способомъ веденія мелкой войны, которая страшно трудна въ странѣ, гдѣ ее должно вести проклятою политикою, гдѣ теряютъ дорогу и обманываются на каждомъ шагу и гдѣ тяжело соединять политику съ чисто военными операціями. Совершенно прерванная корреспонденція удручаетъ нашего друга Бибикова: этотъ достойный человѣкъ не можетъ принаровиться къ движенію ощупью, когда все зависитъ отъ дурного или хорошаго поведенія самаго незначительнаго офицера».

Рѣшеніе, принятое въ Петербургѣ—въ случаѣ нужды достигнуть своей цѣли въ Польшѣ и безъ Австріи, не смотрѣть на ея угрозы, не бояться и войны съ нею даже и при войнѣ польско-турецкой—это рѣшеніе казалось Сальдерну безразсуднымъ и онъ всѣми средствами старался убѣдить Панина перемѣнить его. «Есть ли возможность, писалъ Сальдернъ, начинать новую войну, не кончивши первой? Хорошо, не будемъ бояться Австріи и будемъ презирать Польшу: но въ какомъ положеніи находится внутренность нашей имперіи? Я боюсь, что средства ея истощены. Къ умноженію затрудненій моровая язва опустошаетъ даже столицу. Есть ли у насъ войско? Можемъ ли мы надѣяться имѣть его, пока президентъ военной коллегіи Чернышевъ) нынѣ цар-

ствующій повелѣваетъ какъ деспотъ, образуетъ войско на бумагѣ и громоздитъ иллюзію на иллюзіи, чтобъ заставить государыню вѣрить, что крестьяне, нынче поставленные въ рекруты, завтра будутъ обучены и наполнятся воинственнымъ духомъ. Что наконецъ подумаетъ народъ, видя, какъ его братьевъ поведутъ на убой? Неужели вы думаете, что офицеръ и солдатъ еще не устали отъ настоящей войны, что она имъ еще не опротивѣла? Я знаю столько на счетъ этого, что никакъ уже сомнѣваться не могу. Я не говорю о грубости и жестокости, которыми наши генералы возбуждаютъ къ себѣ ненависть отъ перваго до послѣдняго офицера. Отъ усталости и униженія всякое честолюбіе исчезаетъ въ офицерѣ; онъ оставляетъ службу и замѣщается такимъ, который принужденъ служить и все сносить по неимѣнію другихъ средствъ къ существованію. Солдатъ усталъ и упалъ духомъ. Все это здѣсь точно такъ же какъ и на Дунаѣ. Охотничья собака не подвергается такой устали. Истомленные долгою гоньбою, едва дышащіе, они настигаютъ наконецъ непріятеля и дерутся, и такая война продолжается четыре года, теперь слѣдствія ея оказываются, войско не можетъ болѣе ее выносить. Я готовъ вѣрить, что новая война необходима для окончанія старой. Я бы въ душѣ одобрилъ ваше намѣреніе, если бы области, которыя хочетъ пріобрѣсть себѣ король прусскій, были менѣе важны, еслибы онъ домогался только Варміи и участка на рѣкѣ Нетцѣ, но вся польская Пруссія—это смертельный ударъ для Польши, да и не для одной Польши, а для всего балтійскаго поморья. Округленіе такого рода способно потрясти политическое равновѣсіе Европы. Исполненный глубочайшаго уваженія и нѣжности къ вамъ, я не могу отъ васъ скрыть, что прусскій король, обуянный желаніемъ новыхъ пріобрѣтеній видитъ дурно, разсчитываетъ еще хуже и дѣлаетъ ложные силлогизмы. Голова его занята однимъ этимъ пріобрѣтеніемъ, и не имѣя еще на рукахъ прямого непріятеля, онъ пренебрегаетъ затрудненіями, которыя послѣдуютъ для насъ. Если этотъ планъ долженъ быть исполненъ, то король прусскій никогда не увидитъ ему конца. Эта война будетъ самая упорная въ XVIII вѣкѣ».

Бибиковъ пріѣхалъ; но Веймарнъ не торопился уѣхать, и Сальдернъ видѣлъ въ этомъ интригу съ его стороны. «Я знаю навѣрное, писалъ Сальдернъ, что онъ съ нѣкоторыми офицерами

содѣйствовалъ тайно усиленію конфедератовъ. Боюсь, что гнусная политика Веймарна удержитъ Бибикова еще нѣсколько недѣль въ Варшавѣ. Мнѣ кажется, онъ дѣлаетъ это нарочно, чтобъ удобное время прошло, затрудненія увеличились и новыя мѣры Бибикова не могли быть приведены въ исполненіе».

Положеніе дѣлъ въ Польшѣ, сознаніе, что онъ пріѣхалъ повернуть дѣло къ лучшему и ничего не сдѣлалъ, безпокойство на счетъ усложненія дѣлъ по поводу раздѣла Польши, невозможность выполнить панинскія инструкціи—ничего не дѣлать и въ то же время пріобрѣтать преданныхъ Россіи людей, страхъ предъ новою войною, которую, по его мнѣнію, Россія не имѣла средствъ вести съ успѣхомъ, все это привело Сальдерна въ такое состояніе, что онъ сталъ требовать увольненія изъ Варшавы. «Я не могу долѣе здѣсь оставаться, писалъ онъ къ Панину 8-го октября: умоляю васъ какъ друга подумать серьезно о моемъ отозваніи. Я готовъ принести вамъ жертву, остаться здѣсь зиму до перваго апрѣля, когда я могу прямо отправиться на воды. Обѣщаю вамъ въ это время наставлять Бибикова относительно нашихъ дѣлъ въ Польшѣ, укажу ему всѣ опасности, всѣ подводные камни, которыхъ онъ обязанъ будетъ избѣгать; я буду смотрѣть на него какъ на брата и сдѣлаю все, чтобъ наставленія были для него пріятны». Досада и раздраженіе Сальдерна будутъ еще болѣе понятны, если мы обратимъ вниманіе на извѣстія, что на Сальдерна, при его отъѣздѣ изъ Петербурга, возлагались большія надежды относительно умиротворенія Польши, разсчитывали, что онъ успѣетъ удовлетворить всѣхъ, и католиковъ, и диссидентовъ.

15 октября Сальдернъ счелъ необходимымъ дать знать Панину о поступкахъ папскаго нунція Дурини. «Нунцій, писалъ Сальдернъ, есть самый опасный нашъ непріятель въ Польшѣ, какъ по своимъ личнымъ дѣйствіямъ, такъ и по характеру представителя власти свѣтской и духовной вмѣстѣ; его злоба къ намъ выразится во всей силѣ и выразится съ успѣхомъ въ минуту обнаруженія нашихъ замысловъ. Онъ способнѣе всѣхъ произвести народное объединеніе, которое мы должны предотвращать. Неблагонамѣренные поляки всегда будутъ употреблять его для достиженія своихъ цѣлей. Это крѣпость, за стѣнами которой они давно скрываютъ свои замыслы и интриги. Необходимо удалить

нунція изъ Варшавы. Я знаю, что это не обойдется безъ шума; я бы желалъ пощадить себя и васъ отъ употребленія этого рода насилія, которое взволнуетъ публику: но если онъ останется здѣсь, то чего можно ожидать отъ человѣка грубаго, безумнаго и пьянаго? Наши друзья въ Польшѣ очень удивлены, что папскій нунцій наноситъ такъ сказать публичныя оскорбленія польскому королю, находящемуся подъ покровительствомъ Россіи и дѣйствуетъ противъ ея войскъ, ибо онъ публично проповѣдуетъ, что истреблять ихъ есть богоугодное дѣло. Часто они упрекаютъ меня за равнодушіе, съ какимъ я смотрю на безразсудство нунція.» Прочтя это письмо, императрица написала Панину: «Прикажите адресоваться нашему какому-то министру къ сардинскому, дабы чрезъ сей дворъ папу склонить къ отзыву своего бѣшеного нунціюса изъ Варшавы и напомнить папѣ, что въ нашей волѣ убавить его впредь власть въ близь насъ лежащихъ мѣстахъ, и для того, чтобъ все осталось въ статукво; чтобъ онъ изволилъ нунціюса смѣнить пока время есть и графу Орлову еще остается папскіе порты посѣтить. Только напишите къ Сальдерну, чтобъ нунціюса самъ не выслалъ или не арестовалъ, дабы насъ съ турками не сравняли, а требованіе смѣны нунціюса можно чрезъ куріера послать; сверхъ того и Шуваловъ въ Римѣ, то чаю, что если ему велите о семъ папѣ говорить, то не сумнѣваюсь, что сдѣлано будетъ, да и сардинскій дворъ поможетъ».

На другія письма Сальдерна Панинъ отвѣчалъ попрежнему наставленіями держать все и всѣхъ въ бездѣйственномъ и нерѣшительномъ положеніи. Умеръ старикъ великій гетманъ коронный Браницкій: въ Петербургѣ было рѣшено оставить его мѣсто незанятымъ до поры до времени; король писалъ къ императрицѣ, прося согласиться на назначеніе гетманомъ Ржевускаго; послѣдній далеко не былъ пріятенъ петербургскому двору и на королевское письмо сочли за лучшее вовсе не отвѣчать. Но Екатерина отвѣчала на письмо Понятовскаго, которымъ онъ увѣдомлялъ ее о покушеніи на его жизнь. Сальдерну и Бибикову было приказано: не раздражая, по возможности, польское правительство участіемъ въ полицейскихъ мѣрахъ относительно безопасности столицы, принять однако всѣ мѣры, необходимыя для безопасности короля, собственной и войска русскаго, доиски-

ваться также источниковъ заговора, стараться открыть всѣ пружины его и соучастниковъ, чтобъ никто изъ виновныхъ не избѣжалъ кары правосудія. Эти виновники были двадцать человѣкъ конфедератовъ, которые въ концѣ октября поодиночкѣ пробрались въ Варшаву съ намѣреніемъ похитить или убить короля. Они напали на него ночью, когда онъ возвращался отъ своего дяди кн. Чарторыйскаго (канцлера), ранили ружейными выстрѣлами нѣсколько человѣкъ королевской свиты и самого Станислава Августа, вытащили его изъ кареты, посадили верхомъ на лошадь и поскакали со своимъ плѣнникомъ за городъ. Но выѣхавши изъ Варшавы, похитители заблудились и наткнулись на русскій пикетъ; они хотѣли убить короля и бѣжать; но одинъ изъ нихъ Кузминскій уговорилъ ихъ оставить Станислава Августа на его попеченіе, поклявшись, что доставитъ его живого или мертвого къ Пулавскому; тронутый просьбами Станислава Августа, Кузминскій отвелъ его на ближнюю мельницу, откуда дали знать въ городъ, и гвардія прискакала для препровожденія короля въ Варшаву. Послѣ этого событія Станиславъ Августъ писалъ Жоффрэнъ: «Теперь я еще чаще повторяю слова: *терпѣніе* и *бодрость!* Если Богу было угодно спасти меня какимъ-то чудомъ, то ясно, что Ему угодно употребить меня на что-нибудь въ этомъ дольнемъ мірѣ».

Это писалось тогда, когда по всей Польшѣ раздавались громкіе вопли противъ притѣсненій прусскихъ войскъ, вошедшихъ уже въ польскія области. Французскій агентъ писалъ своему двору изъ Варшавы: «Прусскія войска вошли въ Польшу и возбудили своимъ поведеніемъ жалобы гораздо сильнѣе тѣхъ, которыя раздавались противъ русскихъ и конфедератовъ. Русскіе также недовольны поведеніемъ пруссаковъ, потому что послѣдніе захватываютъ припасы, приготовленные для русскихъ войскъ, ничто не ускользаетъ отъ прусскаго хищничества. Пруссаки берутъ съ одной стороны, а конфедераты съ другой и повидимому между ними нѣтъ никакого несогласія». Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Данцигѣ писалъ въ Версаль: «Вѣрно, что прусскій король съ нѣкотораго времени дѣлаетъ полякамъ зла болѣе, чѣмъ русскіе сдѣлали въ четыре года».

По поводу этихъ прусскихъ насилій Сальдернъ имѣлъ любопытный разговоръ съ Бенуа. Когда Сальдернъ представлялъ ему

впечатлѣніе, производимое на поляковъ поведеніемъ пруссаковъ, и слѣдствія такихъ слишкомъ ускоренныхъ мѣръ, то Бенуа, пожавъ плечами, отвѣчалъ: «надѣюсь, что король мой государь приготовился ко всѣмъ могущимъ произойти слѣдствіямъ». Но, описывая этотъ разговоръ Панину, Сальдернъ безсознательно обнаруживаетъ, что прусскому королю нечего было бояться послѣдствій впечатлѣнія, производимаго на поляковъ поведеніемъ его войска: «Поляки, гдѣ бы ни собрались, ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о реконфедераціи. Я хлопочу одинаково объ успокоеніи умовъ и раздѣленіи мнѣній. Счастье, что за исключеніемъ господствующей фамиліи (Чарторыйскихъ), нѣтъ троихъ людей съ одинаковымъ образомъ мыслей». Относительно поступковъ Фридриха II Сальдернъ писалъ: «Непонятно, какимъ образомъ этотъ государь такъ спѣшитъ обнаруженіемъ своихъ намѣреній. Я не стану обвинять его въ злонамѣренности; но вѣрно то, что онъ не соблюдаетъ ни малѣйшаго благоразумія и не знаетъ мѣры. Теперь онъ занялъ городъ Познань баталіономъ пѣхоты и гусарскимъ полкомъ, и его офицеры живутъ побратски съ конфедератами. Пруссаки употребляютъ конфедератовъ, чтобъ силою брать на земляхъ нашихъ друзей всѣ запасы. Я говорю объ этомъ Бенуа, а онъ только пожимаетъ плечами и обѣщаетъ писать своему королю. Самъ я больше не буду говорить, а буду заставлять говорить Бибикова всякій разъ, какъ наши солдаты въ Торнѣ или Петроковѣ будутъ голодать благодаря пруссакамъ, которые даромъ забираютъ все съѣстное». 3-го декабря Сальдернъ писалъ: «Прусаки забираютъ припасы въ 10 миляхъ отъ Варшавы, а намъ недостанетъ продовольствія здѣсь, какъ недостаетъ уже нашимъ отрядамъ, находящимся въ Ловичѣ и Торнѣ. Бѣдствія увеличиваютъ число конфедератовъ со дня на день; наши друзья разорены, они вопіютъ, приходятъ, пишутъ ко мнѣ, вопіютъ къ небу: но небо также глухо какъ и я. Прусскій министръ также глухъ къ этимъ воплямъ какъ и я, король не пишетъ ему ни строки объ этомъ. Къ увеличенію бѣдствій прусскій король прислалъ сюда съ жидами два милліона дурныхъ талеровъ съ изображеніемъ нынѣ царствующаго короля».

Но Бибиковъ, котораго Сальдернъ хотѣлъ заставить объясняться съ Бенуа, смотрѣлъ гораздо спокойнѣе на дѣло. «Не заботьтесь о конфедератахъ, писалъ онъ Панину: они такъ ничтожны,

что если не помѣшаетъ что-нибудь особенное, то будущею весною выживу ихъ изъ тѣхъ гнѣздъ, гдѣ они теперь величаются со всѣми французскими вертопрахами, и развѣ одно имъ будетъ убѣжище австрійскія земли. Да бѣда моя общій нашъ другъ посолъ: такая горячка и такая нетерпѣливость, что съ ногъ сбиваетъ. При самой пустой и неосновательной отъ поляковъ вѣсти (а ихъ, по несчастію, здѣсь много) зашумитъ и заворчитъ: вотъ конфедераты усиливаются, вотъ уже они тамъ и сямъ, а мы ничего не дѣлаемъ! мы пропадемъ! они у насъ отнимутъ все продовольствіе! Нужны бываютъ все мое хладнокровіе и все почтеніе къ старику, чтобъ удержать въ предѣлахъ его запальчивость и напуски. Но будьте увѣрены, что сохраню эти качества, несмотря на странность его свойствъ. Часто мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не тотъ, котораго мы прежде знали; примѣчаю въ немъ странныя подозрѣнія: между прочимъ кажется ему, что я съ поляками очень вѣжливъ и на его счетъ хочу пріобрѣсть любовь; иногда кажется ему, что не довольно бѣдного посла почитаю. Нерѣдко ужь и объяснялись, и я не разъ отъ него слышалъ: «Помните, мой дорогой и достойный другъ, что я представитель Россіи и вашъ бѣдный посолъ.» Я его иногда смѣхомъ, иногда серьезно переувѣрю, что у меня и въ головѣ нѣтъ его унижать, и что я и безъ посольства привыкъ его почитать, да и теперь онъ дороже мнѣ, какъ мой другъ Сальдернъ, нежели посолъ. И послѣ этого опять хорошо идетъ. А когда придетъ подозрѣніе на мою вѣжливость, то начнетъ говорить: «Вы меня выдаете, своего друга и посла, вы такъ учтивы съ этими мошенниками поляками, надобно обходиться съ ними, какъ съ канальями: они этого заслуживаютъ.» Въ этомъ случаѣ я прибѣгаю къ своему краснорѣчію и шуткѣ: со смѣхомъ стану ему говорить, что не могу такъ грубіянить какъ онъ, ему, какъ старому человѣку, больше простятъ, а про меня скажутъ: русскій невѣжа, жить не умѣетъ. Клянусь вамъ Богомъ, что по временамъ причиняетъ онъ мнѣ больше заботы чѣмъ всѣ вмѣстѣ конфедераты. Если здѣшнія наши политическія дѣла имѣютъ по желанію нашему какой успѣхъ, то извольте почитать единственнымъ основаніемъ этому глупость, трусость и нерѣшительность поляковъ. Ненависть ихъ къ нашему другу невыразимая; а боятся его какъ пугала какого-нибудь» [197].

Бибиковъ успокоивалъ на счетъ Польши; но Остерманъ не могъ этого дѣлать относительно Швеціи, и главное тяготилъ безпрестанными требованіями денегъ для поддержанія русской партіи.

1 февраля Остерманъ прислалъ изъ Стокгольма извѣстіе о внезапной кончинѣ короля. Необходимымъ дополненіемъ къ этому извѣстію было требованіе денегъ для поддержанія «благонамѣренныхъ патріотовъ, устремляющихся на сохраненіе національной вольности.» Относительно новаго короля, Густава III, Остерманъ писалъ Панину: «О вступившемъ на престолъ королѣ за дѣйствительнымъ нынѣ его въ Парижѣ прибытіемъ кажется и никакого сумнѣнія не остается, чтобъ онъ теперь уже самъ для себя у Французскаго двора все то не выходилъ, чего когда-либо отъ него ожидать было можно, и судя по веселымъ лицамъ господъ шляпъ довольно ихъ полагаемую на то надежду примѣтить можно. Которая партія на будущемъ сеймѣ поверхность получитъ, о томъ еще теперь судить нельзя; вѣрно одно, что противною партіею всѣ удобовозможныя мѣры къ пріобрѣтенію поверхности приняты, къ чему здѣшнія ихъ креатуры банкиры и потребныя первыя деньги знатными суммами выдали, и всякая вѣроподобность есть, что фельдмаршалъ графъ Ферзенъ будетъ молодому государю наиглавнѣйшимъ менторомъ.» Вожди благонамѣренныхъ представили Остерману смѣту, во что обойдется первое составленіе сейма въ ихъ пользу: для этого надобно было болѣе 250,000 рублей, потому что деньги должны быть истрачены въ пяти провинціяхъ и ста шести городахъ, кромѣ издержекъ на пріѣздъ дворянства, покупку полномочій и прочаго, причемъ Стокгольмъ не шелъ въ разсчетъ. Остерманъ сильно жаловался на вздорожаніе дворянскихъ полномочій: прежде платили отъ двухъ до трехъ тысячъ, а теперь и за десять тысячъ талеровъ едва можно было достать. Но можно было разсчитывать на то, что въ королевскомъ семействѣ не будетъ единства: вдовствующая королева объявляла постоянно, что не намѣрена болѣе вмѣшиваться въ политическія дѣла, а братъ королевскій, принцъ Карлъ, пріобрѣтая часъ отъ часу больше популярности, обнадеживалъ благонамѣренныхъ въ своей милости, говоря, что ему не меньше ихъ нужно сохраненіе вольности.

Благонамѣренные взяли верхъ при выборахъ въ мѣщанскомъ сословіи, причемъ Остерманомъ и англійскимъ посланникомъ истрачена была не малая сумма денегъ. Побѣда обошлась такъ дорого, что въ апрѣлѣ Остерманъ послалъ въ Петербургъ нарочнаго курьера съ требованіемъ новой присылки денегъ, объявляя, что у него осталось не болѣе 9000 рублей. Екатерина написала Панину: «Лучше дать денегъ, нежели видѣть въ Швеціи самодержавство и съ нимъ войну посредствомъ французскихъ денегъ и интригъ: итакъ старайтесь, чтобъ Остерманъ снабденъ былъ нужнымъ и въ пору». Это нужное состояло въ 337,900 рубляхъ.

Въ апрѣлѣ Остерманъ извѣщалъ о стокгольмскихъ толкахъ по поводу австрійскаго вооруженія: одни говорили, что вооруженія эти производятся съ согласія прусскаго короля, чтобъ заставить Россію принять предложенныя мирныя условія; другіе, что Австрія вооружается вслѣдствіе договора съ Россіею и Пруссіею для раздѣла Польши и завоеванныхъ турецкихъ областей; иные выставляли намѣренія вѣнскаго двора принудить русскія войска выступить изъ Молдавіи и Валахіи, воспрепятствовать ихъ переходу черезъ Дунай, вытѣснить ихъ изъ Польши, съ тайною помощію Франціи низвергнуть съ престола нынѣшняго прусскаго короля и возвести на его мѣсто одного изъ принцевъ австрійскаго дома. Разумѣется, послѣднее толкованіе принадлежало такъ называемымъ неблагонамѣреннымъ. Неблагонамѣренные этимъ не довольствовались. Въ изданіи королевскаго библіотекаря Гервеля: «Политическія разсужденія», въ статьѣ о Польшѣ описывалась древняя исторія русскихъ князей и доказывалось, что послѣ сверженія татарскаго ига Россія постоянно стремилась къ униженію польской республики, употребляя для этого самихъ польскихъ магнатовъ, которые, подчиняясь русскому вліянію, сами были причиною своихъ настоящихъ бѣдствій. Почти не было, по словамъ Остермана, ни одного печатнаго политическаго сочиненія, гдѣ бы не говорилось о Польшѣ, гдѣ бы не доказывалось, что и Швеція подвергнется одинаковой участи, причемъ Англія будетъ помогать Россіи разореніемъ всѣхъ шведскихъ фабрикъ, слѣдовательно необходимо держаться Франціи.

Англія поспѣшила показать, какъ она будетъ помогать Россіи въ самую критическую минуту: не задолго до начала сейма, бри-

танскій министръ въ Стокгольмѣ Гудрикъ объявилъ Остерману, что Англія отказывается участвовать въ общихъ издержкахъ для противодѣйствія французской партіи, и, какъ нарочно, въ то же время объявилъ, что французскій дворъ назначилъ на сеймовые подкупы въ Швеціи три милліона талеровъ мѣдною монетою. Остерманъ былъ въ страшномъ затрудненіи, ибо на присланные Даніею 10,000 талеровъ нельзя было много сдѣлать. Нѣсколько утѣшили Остермана заявленія новаго прусскаго посланника графа Денгофа, что Фридрихъ II-й приказалъ ему сообразовать свои поступки съ поступками русскаго посланника и что новый шведскій король въ бытность свою въ Берлинѣ далъ дядѣ своему, прусскому королю, обѣщаніе не подкрѣплять прежнюю свою партію, а соединиться съ русскою партіею. Въ концѣ мая Остерманъ получилъ изъ Петербурга 100,000 рублей; но при этомъ Панинъ писалъ: «По моей безпредѣльной откровенности, которую я къ вашему с—ству персонально, какъ другъ, имѣть привыкъ, не могу не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній. Военныя наши издержки становятся изо дня въ день тягостнѣе и потому заставляютъ желать, чтобъ внѣшнія издержки сколько можно были сокращаемы. Вы конечно сами постигаете всю нужду такого сокращенія и конечно сами собою, какъ отлично искусный министръ и какъ истинный сынъ отечества, будете по крайней возможности и лучшему своему уразумѣнію стараться ограничивать денежные расходы, дабы иначе намъ вдругъ не остановиться на срединѣ дороги. Не подумайте, чтобъ мысли мои имѣли въ виду неумѣстную экономію: отнюдь нѣтъ, ибо я весьма понимаю, да и по опыту знаю, что они, когда дѣло, люди и умы разъ въ движеніе и ферментацію приведены, можетъ быть и вреднѣе и безславнѣе самого безмолвія и бездѣйствія; но я хочу только дать выразумѣть, что намъ въ разсужденіи собственныхъ нашихъ теперь заботъ и упражненій въ толь жестокой и обширной войнѣ, должно довольствоваться при будущемъ въ Швеціи сеймѣ одержаніемъ и обезпеченіемъ однихъ главныхъ нашихъ видовъ коренной нашей политики и настоящаго времени. Ея и. в—ство изволитъ подъ сими двумя именованіями полагать: 1) удержаніе въ цѣлости шведской фундаментальной формы правительства; 2) отвращеніе короля и націи шведскихъ отъ предпріятія и учиненія намъ диверсіи въ продолженіе войны нашей съ

Портою Оттоманскою. Для перваго изъ сихъ двухъ пунктовъ надобно весьма, чтобъ новый король далъ при коронаціи своей такой обнадеживательный актъ, какой покойнымъ его родителемъ данъ былъ, и когда оный въ началѣ сейма одержанъ будетъ безъ всякихъ отмѣнъ и изъятій противъ старого акта, тогда и можно уже намъ будетъ въ разсужденіи существа формы правленія оставаться до времени покойными зрителями; а между тѣмъ съ большою свободою и силою обратить главное вниманіе на интересъ времени, т.-е. на удержаніе шведовъ не только отъ дѣйствительной войны, но и отъ наружныхъ оной оказательствъ, дабы иначе не могло родиться въ публикѣ сомнѣніе и пустой страхъ.»

Съ пріѣздомъ нового короля началось новое движеніе. Сенаторъ графъ Герне вдругъ обратился къ отставному сенатору барону Функу съ предложеніемъ изыскать средство къ прекращенію раздоровъ между двумя партіями и къ избавленію себя отъ подкуповъ иностранныхъ дворовъ, прибавляя, что при извѣстномъ безпристрастіи нового короля можно предоставить ему посредничество въ этомъ дѣлѣ. Функъ отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, что готовъ содѣйствовать такому полезному дѣлу; но Герне этимъ не удовольствовался, а настоялъ, чтобъ онъ на другой день далъ формальный отвѣтъ, который бы онъ могъ передать королю. Функъ обѣщалъ это сдѣлать и прежде всего отправился къ Остерману за совѣтомъ—какъ быть? Остерманъ отвѣчалъ, что благонамѣренные должны въ этомъ случаѣ оказать со своей стороны всякую податливость, получивши необходимыя обезпеченія, именно въ томъ, что конституція останется нетронутою, французское вліяніе отстранится и въ сенатъ будетъ введено нѣкоторое число членовъ изъ отрѣшенныхъ на послѣднемъ сеймѣ, чтобъ уравновѣсить обѣ партіи. Когда Функъ на другой день передалъ это Герне, то получилъ чрезъ него королевское приказаніе явиться во дворецъ. Король при этомъ свиданіи далъ ему точное обѣщаніе не требовать на предстоящемъ сеймѣ ни малѣйшаго усиленія своей власти, ни уплаты своихъ долговъ и вообще никакого преимущества, ограничивая себя единственнымъ желаніемъ видѣть прекращеніе междоусобія; послѣ этого король потребовалъ, чтобъ въ тотъ же день послѣ обѣда назначены были отъ обѣихъ партій по три особы для переговоровъ и соглашенія въ присутствіи его самого. Функъ

представилъ, что нельзя сдѣлать такъ скоро; но Густавъ (и здѣсь высказался вполнѣ его характеръ) настаивалъ и согласился отсрочить начало переговоровъ только до другого дня. Въ то же самое утро, какъ шли у короля переговоры съ Функомъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Ферзенъ прислалъ записку къ русскому резиденту Стахіеву съ требованіемъ свиданія въ королевскомъ саду; при этомъ свиданіи Ферзенъ, давая именемъ королевскимъ Стахіеву обѣщаніе не трогать конституціи и сохранять дружбу съ Россіею, требовалъ, чтобъ Остерманъ и англійскій министръ Гудрикъ склонили вождей благонамѣренной партіи къ переговорамъ съ противниками. Это требованіе въ тотъ же вечеръ было исполнено и со стороны колпаковъ были назначены губернаторъ баронъ Риддерстолпе, камергеръ Эссенъ и генералъ-майоръ Пехлинъ.

Переговоры кончились только видимымъ соглашеніемъ, ибо французская партія и король въ ея челѣ явно нарушили условіе равенства между партіями какъ въ сенатѣ, такъ и въ сеймовыхъ учрежденіяхъ. Остерманъ, предугадывая съ самаго начала, что предложеніе соглашенія имѣло цѣлію только помѣшать успѣху русской партіи на сеймѣ, дѣйствовалъ неослабно для доставленія своей партіи большинства, для чего выпросилъ въ Петербургѣ еще 100,000 рублей. 1 іюля онъ писалъ Остерману: «Теперь, съ пріобрѣтеніемъ большинства въ трехъ чинахъ вся по здѣшнимъ законамъ сила осталась въ рукахъ нашей партіи, и, сколько по человѣческому гаданію предусмотрѣть можно, кажется не только отвращена всякая опасность начатія съ здѣшней стороны противъ насъ войны, но и отъ ея и. в—ства зависитъ опредѣленіе началъ тѣснѣйшей связи Россіи съ Швеціею».

Скоро оказалось, какъ искренне было хваленое королевское безпристрастіе: въ секретномъ королевскомъ предложеніи государственнымъ чинамъ, въ статьѣ о Россіи, эта держава была представлена въ крайнемъ изнеможеніи, слѣдовательно совершенно безопасною для Швеціи; великія похвалы расточены были дружественнымъ отношеніямъ Франціи къ Швеціи, выставлено было обѣщаніе французскаго правительства заплатить доимочныя субсидіи и это обѣщаніе было приписано пребыванію самого короля при французскомъ дворѣ. А между тѣмъ Густавъ поручилъ прусскому посланнику Денгофу увѣрять Остермана, что

онъ, король, никакъ не отступитъ отъ своего плана въ соблюденіи безпристрастія и чтобъ Остерманъ не вѣрилъ никакимъ противоположнымъ внушеніямъ. Остерманъ просилъ Денгофа изъявить Густаву глубокое его уваженіе къ святости королевскихъ увѣреній, и въ то же время переслалъ своему двору реляцію шведскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ, графа Борка отъ 20 іюня. Боркъ описывалъ разговоръ свой съ императоромъ Іосифомъ II-мъ: «Швеція, говорилъ Іосифъ, должна почитать себя чрезвычайно счастливою, получивши короля, одареннаго столь великими качествами, какъ природными, такъ и пріобрѣтенными отъ внушеній воспитателя его, знаменитаго мужа, графа Тессина. Жаль только, что Швеція, будучи прежде столь сильною державою, такъ ослабила себя внутренними партіями; надобно впрочемъ надѣяться, что король успѣетъ возстановить единодушіе и открыть партіямъ глаза относительно опасности, какою угрожаетъ имъ русская сила; надобно надѣяться, что Швеція станетъ думать о томъ, какъ бы воспользоваться стѣсненными обстоятельствами Россіи по причинѣ настоящей разорительной ея войны съ Турціею. Обративъ вниманіе на то что дѣлаютъ русскіе въ Польшѣ, какъ угнетаютъ ее подъ предлогомъ успокоенія, Швеція увидитъ, что и ей предстоитъ одинакая судьба, если заблаговременно не предотвратитъ опасности. Уже не говорю объ извѣстныхъ замыслахъ Россіи возвеличить себя надъ всѣми своими сосѣдями, которые должны противиться осуществленію ея намѣреній. Потому жалко видѣть ослѣпленіе Даніи относительно русскихъ ласкательствъ и обѣщаній въ голштинскомъ дѣлѣ. Данія имѣетъ больше побужденій соединиться со Швеціей для униженія Россіи, нежели полагаться на пустыя ласкательства послѣдней и забавляться безпрестанными перемѣнами въ министерствѣ». Марія Терезія, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, вторила сыну и такъ громко, что Боркъ боялся, чтобъ не услыхалъ голландскій министръ, находившійся не подалеку; а голландскій министръ непремѣнно передалъ бы слова императрицы русскому министру кн. Голицыну, находясь съ нимъ въ тѣсномъ согласіи.

Сильнымъ средствомъ противъ этихъ внушеній послужило извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ рѣшено этимъ же лѣтомъ отправить въ Швецію хлѣба на 50,000 рублей. Русская партія

поднялась, противники ея должны были замолкнуть, и бургомистръ Сорбонъ подалъ въ секретный комитетъ меморіалъ съ требованіемъ, чтобъ немедленно возобновленъ былъ союзный договоръ съ Россіею, ибо послѣ, когда заключенъ будетъ миръ между нею и Турціею, уже нельзя будетъ Швеціи надѣяться получить отъ нея такихъ выгодныхъ условій. Екатерина написала по этому случаю: «Я думаю, что обновленіе трактата служило бы много показать свѣту, что суперники наши не столь сильны, какъ объ нихъ думаютъ, и турки наипаче увидятъ, коль мало они надѣяться могутъ на басни ненавистниковъ нашихъ, англичанамъ же и датчанамъ примѣтно будетъ, что и безъ ихъ содѣйствованій дѣла текутъ».

Въ сентябрѣ русская партія получила перевѣсъ въ крестьянскомъ чину; но эта побѣда стоила Остерману 62,000 талеровъ, которые онъ занялъ. Въ Стокгольмъ отправлено было еще 100,000 рублей. Но въ половинѣ октября Остерманъ писалъ, что этихъ денегъ недостаточно, и Екатерина отправила Панину записку: «Если послѣднія переведенныя графу Остерману деньги недостаточны, и вы думаете, что его снова снабдить нужно, то перешлите къ нему столько, чтобъ его труды понынѣ употребленные не остались бы втунѣ». Эти посылки денегъ въ Стокгольмъ тѣмъ болѣе считались нужными, что главы французской партіи ободряли своихъ, представляя совершенное истощеніе средствъ Россіи. Для доказательства они имѣли въ рукахъ письма шведскихъ министровъ: изъ Данцига и Гамбурга писали объ умножающейся съ часу на часъ силѣ конфедератовъ и о самомъ дурномъ состояніи русской арміи, претерпѣвающей недостатокъ въ провіантѣ, писали, что Россія принуждена оставить польскія дѣла ихъ собственному теченію. Графъ Боркъ изъ Вѣны въ двухъ письмахъ точно также описывалъ печальное состояніе русской арміи и флота, причемъ увѣрялъ, что вѣнскій дворъ, зная такое изнуреніе Россіи, отнюдь не допуститъ, чтобъ всѣ ея требованія были удовлетворены турками; что непремѣнно будущею весною военное пламя разгорится еще съ большею силою и Франція пришлетъ на помощь Австріи и Турціи 24,000 войска: шведскій дворъ, писалъ Боркъ, долженъ воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами для избавленія себя отъ вреднаго вліянія Россіи.

Въ концѣ ноября Остерманъ получилъ еще 100,000 рублей съ увѣщаніемъ отъ Панина содѣйствовать скорѣйшему окончанію сейма. Но скоро послѣ этого французскій посолъ объявилъ вождямъ своей партіи письменно, что, по желанію короля, обязывается не выдавать болѣе денегъ на содержаніе сеймовыхъ депутатовъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Это поставило въ тупикъ Остермана. Самъ французскій посолъ вмѣстѣ съ испанскимъ и саксонскимъ предложили ему сдѣлать то же самое съ своею партіею; но Остерманъ отвѣчалъ, что подождетъ, какъ это рѣшеніе будетъ исполнено на самомъ дѣлѣ, ибо опытъ научилъ его не полагаться на словесныя или письменныя заявленія только [198].

Бѣдная средствами Данія продолжала давать кой-что на шведскія издержки, имѣя тутъ одинакіе интересы съ Россіею. Мы видѣли, какъ въ 1770 году произошелъ въ Копенгагенѣ министерскій переворотъ, удаленіе Бернсторфа. Переворотъ произошелъ вслѣдствіе подчиненія слабого короля вліянію жены, королевы Матильды, которая возвысила фаворита своего, придворнаго медика Струензе до степени первенствующаго министра. Въ стремленіи къ господству Струензе не могъ не столкнуться съ главнымъ авторитетомъ, самымъ виднымъ правительственнымъ лицомъ — Бернсторфомъ. Паденіе послѣдняго, какъ мы видѣли, сильно огорчило и встревожило русскій дворъ; это событіе, дѣйствительно, ослабило непосредственное вліяніе Россіи, ея посланника въ Копенгагенѣ; но не повело къ перемѣнѣ датской политики, ибо интересы Даніи были тѣсно связаны съ русскими по отношенію къ Швеціи; кромѣ того Данія была привязана къ Россіи чрезвычайно выгоднымъ для нея улаженіемъ голштинскаго дѣла; утвержденіе договора относительно Голштиніи, согласно съ приведеннымъ выше мнѣніемъ Панина, должно было послѣдовать при совершеннолѣтіи великаго князя Павла Петровича, и въ ожиданіи этого утвержденія, Даніи нельзя было ссориться съ Россіею. По свидѣтельству иностранныхъ дипломатовъ, королева Матильда питала личную ненависть къ Философову за то, что тотъ какъ-то неумышленно оскорбилъ Струензе; при такихъ личныхъ отношеніяхъ, разумѣется королевѣ и ея любимцу было пріятно слышать возгласы враговъ Бернсторфа, что этотъ ми-

нистръ рабствуетъ предъ Россіею и что, для чести датскаго двора, надобно положить конецъ такимъ отношеніямъ. Преемнику Философова поэтому предстояла задача не давать чувствовать слишкомъ рѣзко вліянія своего двора на отношенія между правительственными лицами, избѣгать личныхъ столкновеній и такимъ образомъ не вредить союзу, крѣпко коренившемуся на единствѣ интересовъ русскихъ и датскихъ. Какое впечатлѣніе въ Петербургѣ произведено было поведеніемъ Местмахера, можно видѣть изъ письма Панина къ нему: «Я отдаю вамъ справедливость, писалъ Панинъ, что вы умѣли въ поведеніи вашемъ найти средину между сохраненіемъ благопристойности и твердымъ настояніемъ о всемъ томъ, что касается нашихъ интересовъ. Всѣ ваши отзывы къ графу Остену такъ благоразумны, что не раздражая ими этого министра, вы держите его въ почтеніи ко двору нашему. Мнѣ остается только сказать вамъ, чтобъ вы при такихъ отзывахъ, наблюдая и впредь такъ разумно найденную вами средину между формальнымъ требованіемъ и снисходительнымъ домогательствомъ, имѣли въ виду то, чтобъ прежній совѣтъ былъ возстановленъ, и чтобъ господинъ Шакъ, какъ намъ доброжелательный и достойный человѣкъ, имѣлъ мѣсто въ совѣтѣ. При этомъ однако самое главное желаніе наше и польза дѣлъ состоятъ въ томъ, чтобъ видѣть опять графа Бернсторфа въ управленіи дѣлами. Но такъ какъ этотъ министръ и очень старъ и очень знаменитъ во всей Европѣ, то простое его возвращеніе къ дѣламъ не можетъ быть ни для кого удовлетворительно и для самыхъ дѣлъ полезно. Поэтому вы должны стараться, чтобъ графъ Бернсторфъ былъ призванъ къ дѣламъ не иначе, какъ съ повышеніемъ въ чинъ великаго канцлера. Если графъ Остенъ тутъ будетъ прямодушенъ и препятствовать не захочетъ, то и онъ можетъ найти въ этомъ свою пользу: департаментъ иностранныхъ дѣлъ можетъ остаться въ его рукахъ съ его присутствіемъ въ совѣтѣ, и конечно, изъ кого бы королевскій совѣтъ составленъ ни былъ, но будучи всегда окруженъ фаворитами, соотвѣтствующими государямъ своимъ нравами, малодушіемъ и своевольствомъ, не получитъ важнаго значенія для сдержки ихъ колобродства безъ графа Бернсторфа».

Местмахеръ доносилъ, что молодой датскій король, проводя

время въ однихъ забавахъ и удовольствіяхъ, передалъ, особенно съ нѣкотораго времени, все правленіе въ руки рекетмейстера Струензе, который, присоединивъ къ себѣ генераловъ графа Ранцау и Гелера, преслѣдуетъ прежнихъ министровъ и семейства ихъ. О своихъ отношеніяхъ къ этимъ любимцамъ Местмахеръ писалъ: «Стараюсь въ своемъ поведеніи наблюдать строжайшую скромность, убѣгая всякого партикулярнаго съ фаворитами обхожденія, при всѣхъ случаяхъ однако оказываю имъ пристойныя учтивости, чтобъ оставить себѣ на будущее время свободу — или ближе къ нимъ подойти, или совсѣмъ отстать». Местмахеръ доносилъ, что не сомнѣвается въ преданности графа Остена Россіи; что же касается его кредита при королѣ, то онъ совершенно зависитъ отъ большей или меньшей къ нему благосклонности рекетмейстера Струензе, съ которымъ онъ предварительно долженъ соглашаться по всѣмъ предлагаемымъ королю дѣламъ. При дворѣ Остенъ играетъ очень незначительную роль, боясь вступать въ интриги между фаворитами, чтобы, какъ самъ говорилъ, не подвергнуться когда-нибудь одинакой съ ними участи.

Местмахеру поручено было объявить Остену, что императрица довольна его назначеніемъ въ министры иностранныхъ дѣлъ. Остенъ отвѣчалъ на это, что никогда не взялъ бы на себя этой должности, еслибъ имѣлъ хотя малѣйшее сомнѣніе на счетъ королевскаго желанія сохранять тѣсный союзъ съ Россіею. Когда Местмахеръ указалъ ему на сильныхъ при дворѣ людей генерала Гелера и графа Ранцау, какъ приверженцевъ Франціи, то Остенъ отвѣчалъ на это: «Вы сами знаете хитрость и трусость перваго и безпутство второго. Они не имѣютъ участія теперь въ политическихъ дѣлахъ, потому что при распоряженіи военными и другими дѣлами находятся въ безпрестанныхъ между собою ссорахъ, занимая Струензе нареканіями другъ на друга, почему онъ и не можетъ обращать большого вниманія на мои дѣла, которыя я свободно исправляю съ нужнымъ ему сообщеніемъ». «Но каковъ самъ Струензе»? спросилъ Местмахеръ: «Я увѣренъ, отвѣчалъ Остенъ, что онъ королю и государству добра желаетъ; но за неимѣніемъ свѣдѣній въ министеріальныхъ дѣлахъ, ни одному двору до сихъ поръ предпочтенія не отдаетъ и сверхъ

того зависитъ отъ королевы, которая конечно не можетъ забыть, что она англійская принцесса».

Но дѣла перемѣнились къ худшему по случаю смерти короля шведскаго: «Эта внезапная кончина, говорилъ Остенъ, переломила у меня и руки и ноги, ибо теперь я принужденъ дѣлать предъ королемъ по шведскимъ дѣламъ частыя и сильныя представленія и этимъ подаю графу Ранцау частые случаи истолковывать ихъ по своему во зло. Искренно желаю, чтобъ императрица о такой нашей смутѣ великодушно жалѣла, ибо справедливый съ ея стороны гнѣвъ или уничтоженіе голштинскаго дѣла служили бы только въ пользу негодяя Ранцау, который, кромѣ того, что французская креатура, имѣетъ земли въ Голштиніи и лучше хочетъ находиться подъ общею, чѣмъ единственною властію королевско-датскаго дома». Въ мартѣ Местмахеръ писалъ Панину: «Продолжая со всевозможною осторожностію тайное сношеніе то съ тѣмъ, то съ другимъ фаворитомъ, стараюсь внушать, какія бѣдствія проистекутъ для Даніи, если графъ Ранцау долго будетъ дѣлать что хочетъ». 12 апрѣля Остену удалось настоять на рѣшеніи короля, что въ виду страшнаго разстройства датскихъ финансовъ надобно удовольствоваться переводомъ въ Швецію задержанныхъ за прошлый годъ 10,000 талеровъ, которые и вручить въ Стокгольмѣ русскому посланнику графу Остерману. Сумма была ничтожная; но Остенъ радовался тому, что Ранцау не успѣлъ помѣшать королевскому рѣшенію. Радость впрочемъ была непродолжительна: къ инструкціи отправлявшемуся въ Стокгольмъ министромъ Гильденкрону король собственноручно приписалъ продиктованную Струензе замѣтку, что хотя сохраненіе шведской вольности будетъ всегда существеннымъ датскимъ интересомъ, однако его величество считаетъ для себя неприличнымъ вмѣшиваться въ распри и интриги между тамошними партіями, почему и повелѣваетъ Гильденкрону наблюдать совершенное бездѣйствіе (инактивитетъ). Остенъ увидалъ здѣсь сильно дѣйствующія французскія пружины. Местмахеръ увидалъ гораздо сильнѣйшее дѣйствіе этихъ причинъ въ слѣдующемъ: датскій посланникъ въ Парижѣ Блюмъ доносилъ о полученіи графомъ С. Жермэномъ собственноручнаго письма отъ датскаго короля съ приглашеніемъ возвратиться въ Данію. Местмахеръ, сильно встревоженный этимъ извѣстіемъ, замѣтилъ Остену, что

возвращеніе С. Жермэна равно прямому объявленію, что въ Даніи положено настоящую политическую систему перемѣнить и опять слѣпо отдаться во французскія руки. Остенъ отвѣчалъ, что и онъ сильно встревоженъ, но думаетъ, что фавориты сильно ошибутся, если надѣются чрезъ С. Жермэна утвердить свою власть: С. Жермэнъ не станетъ повиноваться Струензе, но будетъ стараться его низвергнуть. На это Местмахеръ замѣтилъ, что не стоитъ для низверженія Струензе, въ политическихъ началахъ еще неутвердившагося, жертвовать всею сѣверною системою, разрушить которую С. Жермэнъ поставитъ для себя первымъ своимъ долгомъ. Графъ Остенъ сказалъ на это, что С. Жермэнъ не противникъ русской системы, ибо еще во время своего выѣзда изъ Даніи онъ писалъ ему, что изгнанъ не за то, что будто противился русскому союзу, но за то, что совѣтовалъ королю не повиноваться повелѣніямъ русскихъ посланниковъ: притомъ изъ письма Блюма видно, что во Франціи не очень довольны возвращеніемъ С. Жермэна въ Данію, изъ чего можно заключить о неочень большой его преданности Франціи. Такое объясненіе графа Остена показалось Местмахеру очень странно. Замѣтивъ это, Остенъ потомъ старался успокоить Местмахера, что Струензе объясняетъ дѣло иначе: король дѣйствительно писалъ С. Жермэну письмо, гдѣ высказывалъ желаніе свое видѣть его въ Даніи, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ опять вступилъ въ службу; приглашеніе сдѣлано только для того, чтобъ С. Жермэнъ проживалъ свой пансіонъ (14,000 рейхсталеровъ) внутри, а не внѣ государства. Но Местмахеръ остался при своемъ подозрѣніи, что это интриги Остена, который, тяготясь вліяніемъ Струензе на иностранныя дѣла и явнымъ нерасположеніемъ къ себѣ королевы, хлопочетъ о вызовѣ С. Жермэна, чтобъ посредствомъ него свергнуть Струензе; а потомъ самого С. Жермэна свергнуть будетъ уже легко, какъ ненавидимаго всѣмъ народомъ иностранца. Впрочемъ С. Жермэнъ просилъ позволенія отсрочить свой пріѣздъ.

Между тѣмъ народное неудовольствіе на королеву и ея любимца день ото дня усиливалось и выражалось въ печатныхъ сочиненіяхъ и рукописныхъ пасквиляхъ. Сначала правительство смотрѣло на это равнодушно; но когда 12 сентября на большой площади въ полдень выставленъ былъ листъ, въ которомъ горо-

жане и матросы призывались къ спасенію отечества отъ тиранства королевы и ея фаворита, то королева и фаворитъ приняли мѣры: для матросовъ за городомъ была устроена пирушка; кромѣ жаренаго быка каждому матросу было роздано по полубутылкѣ рому, да по двѣ бутылки пива. На пирушкѣ обѣщали быть и король съ королевою, но не пріѣхали, почему и пронесся слухъ, что побоялись пріѣхать будто потому, что наканунѣ народъ уговорился по уничтоженіи быка просить короля выдать и фаворита. 19 сентября Остенъ началъ говорить Местмахеру на конференціи: «По своей довѣренности къ вамъ не скрою, что я сдѣлалъ смѣлый поступокъ, потребовавъ отъ короля возстановленія совѣта; настоящее здѣшнее положеніе не можетъ болѣе продолжаться, и потому я, для спасенія своего государя и отечества, сдѣлалъ начало». «Какой же вы получили отвѣтъ»? спросилъ Местмахеръ.—«Никакого, отвѣчалъ Остенъ, и потому завтра намѣренъ прямо отписать Струензе, чтобъ онъ, для успокоенія народнаго негодованія, потребовалъ увольненія отъ дѣлъ, и чтобъ подать ему примѣръ, самъ требую отставки». Местмахеръ хотя и догадывался, что этотъ поступокъ Остена сдѣланъ по какому-нибудь предварительному соглашенію, однако, чтобъ дать Остену побольше высказаться, выразилъ безпокойство, что онъ можетъ получить отставку и такимъ образомъ сдѣлается напрасною жертвою. Остенъ отвѣчалъ: «Я на все готовъ, однако не думаю, что получу отставку, ибо въ прошлое воскресенье ночью я имѣлъ тайное свиданіе съ графомъ Брантомъ и обо всемъ условился». «Кого же вы назначаете въ совѣтъ?» спросилъ Местмахеръ: «Графа Тота и Шака», отвѣчалъ Остенъ. — «Но безъ сомнѣнія будетъ третій»? спросилъ опять Местмахеръ.—«Нѣтъ, не будетъ, отвѣчалъ Остенъ: я самъ намѣренъ остаться при своемъ настоящемъ департаментѣ». Тутъ Местмахеръ назвалъ графа Бернсторфа. Остенъ отвѣчалъ увѣреніями, что всячески старается о его назначеніи членомъ совѣта; но Местмахеръ писалъ Панину, что Остенъ неохотно увидѣлъ бы возвращеніе Бернсторфа.

Но дѣло приближалось къ другой развязкѣ. Струензе совершенно растерялся. Чѣмъ несноснѣе прежде была его гордость, тѣмъ презрѣннѣе становилось теперь его малодушіе. На послѣднемъ собраніи при дворѣ всѣ съ изумленіемъ увидѣли при всѣхъ входахъ разставленныхъ часовыхъ, по два человѣка драгунъ. Во

время оперы Струензе сидѣлъ съ убитымъ и задумчивымъ видомъ; обращался съ разговоромъ къ иностраннымъ министрамъ, къ простымъ гражданамъ и, въ первый разъ, заговорилъ съ Местмахеромъ и заговорилъ съ величайшею учтивостію. Такое поведеніе Струензе ободряло противъ него самыхъ боязливыхъ придворныхъ, а въ народѣ усиливало выходки противъ него и пасквили: въ одномъ изъ этихъ пасквилей обѣщали 5000 талеровъ тому, кто рѣшится убить фаворита. Королева съ фаворитомъ собиралась бѣжать въ Норвегію, куда хотѣли увлечь и мужа.

Отъ 29 ноября Местмахеръ увѣдомилъ Панина, что обыкновенная датскаго двора во всемъ безмѣрность вдругъ теперь оказывается въ горячемъ желаніи подласкаться къ русскому двору. Графъ Струензе уступилъ Остену всю власть по иностраннымъ дѣламъ и сильно сталъ отличать Местмахера, которому Остенъ объявилъ съ улыбкою, что теперь въ Копенгагенѣ всѣ думаютъ порусски, и еслибы петербургскій кабинетъ заблагоразсудилъ оказать Струензе малѣйшее вниманіе, то могъ бы имѣть его совершенно въ своихъ рукахъ [199].

Данія, несмотря на всѣ свои внутреннія смуты, не отставала отъ союза и платила деньги на шведскія издержки; но Англія, хлопоча о союзѣ, отказалась участвовать въ шведскихъ издержкахъ. Это сильно раздражило императрицу; она велѣла Панину сказать Каткарту, что намѣреніе англійскаго короля ограничить свои издержки въ Стокгольмѣ принуждаетъ ее ограничить и свои издержки, слѣдовательно и операціонный планъ тамъ. Еслибы оба двора дѣйствовали согласно, съ одинаковыми усиліями, то цѣль была бы достигнута, Швеція была бы на нашей сторонѣ и средство обезпечить это положеніе дѣлъ составило бы основаніе союзнаго договора между Россіею и Англіею; а теперь ни къ чему приступить нельзя, надобно дожидаться окончанія шведскаго сейма. Со стороны Англіи былъ представленъ новый проектъ союза, гдѣ лондонскій кабинетъ выговаривалъ себѣ русскую помощь въ Америкѣ и отказывался помогать Россіи противъ Турціи, ограничивая свою помощь только европейскими морями. Екатерина написала на этотъ проектъ слѣдующія замѣчанія: «Что они разумѣютъ подъ европейскимъ моремъ? Они не хотятъ давать помощи противъ турокъ и татаръ, хотя гарантируютъ миръ, который мы заключимъ. Это противорѣчіе. Они хо-

тятъ, чтобъ мы посылали свои войска и корабли въ Америку, хотя прямо и не обозначаютъ (quoiquils ne l'articule pas); но они освобождаютъ насъ отъ Португаліи и Испаніи. Средиземное море европейское или нѣтъ? Также Архипелагъ? Первое находится между Африкою и Европою, другое между Азіею и Европою. Они оставляютъ Испанію и Португалію для себя; это удобно и близко; но заставляютъ насъ защищать англійскія колоніи. Кромѣ того, съ кѣмъ бы они ни вели войну, требуютъ отъ насъ полмилліона; но когда мы будемъ въ войнѣ съ единственнымъ государствомъ, могущимъ быть для насъ страшнымъ,—съ турками, они намъ не дадутъ ничего. Потомъ, я должна давать 14 кораблей, а они будутъ давать только 12. Думаю, что мы должны избѣгать случая быть вовлеченными въ какія бы то ни было войны, которыя насъ не касаются, ибо непріятно тащиться хвостомъ за кѣмъ бы то ни было, какъ мы уже имѣли печальный опытъ относительно вѣнскаго двора».

И лордъ Каткартъ, не успѣвшій заключить союзнаго договора, былъ отозванъ, тѣмъ болѣе, что графъ Иванъ Чернышевъ, отозванный гораздо прежде, былъ замѣненъ Мусинымъ-Пушкинымъ, далеко не соотвѣтствующимъ Каткарту по своему положенію.

Если Англія ни подъ какимъ видомъ не соглашалась включить въ союзномъ договорѣ Турцію въ случай союза, то легко понять, что она должна была отказаться отъ предложенія, сдѣланнаго графомъ Алексѣемъ Орловымъ англійскому консулу въ Ливорнѣ Дику; предложеніе состояло въ томъ, что императрица согласна уступить Англіи какой угодно островъ въ Архипелагѣ[200].

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

(1772 годъ).

Тревога по поводу неблагопріятныхъ извѣстій изъ Вѣны.—Мѣры на случай новой войны.—Борьба мнѣній въ Вѣнѣ относительно пріобрѣтеній.—Австрія рѣшается содѣйствовать начатію мирныхъ переговоровъ между Россіею и Турціею.—Назначеніе русскихъ уполномоченныхъ на фокшанскій конгрессъ.—Гр. Григорій Орловъ и Обрѣзковъ.—Инструкція имъ.—Отзывъ Екатерины объ Орловѣ.—Донесеніе Обрѣзкова о ходѣ конгресса.—Разрывъ фокшанскаго конгресса.—Новый конгрессъ въ Бухарештѣ.—Несправедливыя обвиненія Орлову.—Состояніе первой арміи.—Затрудненія въ Крыму.—Отъѣздъ Шагинъ-Гирея изъ Петербурга.—Мнѣніе Фридриха II о крымскихъ отношеніяхъ.—Австрія изъявляетъ желаніе пріобрѣсти турецкія области.—Россія соглашается на это. Австрія перемѣняетъ намѣреніе, желая пріобрѣсть и польскія и турецкія земли.—Кауницъ отвергаетъ тройной союзъ между Россіею, Австріею и Пруссіею.—Австрія требуетъ себѣ слишкомъ большой доли изъ польскихъ владѣній.—Движеніе Фридриха II-го по этому поводу.—Улаженіе дѣла на счетъ австрійской доли.—Положеніе дѣлъ въ Польшѣ.—Послѣднее объясненіе Сальдерна съ польскими вельможами.—Отзывы Сальдерна о Бибиковѣ.—Перемѣна въ отношеніяхъ между Сальдерномъ и Панинымъ.—Преемникъ Сальдерна въ Варшавѣ баронъ Штакельбергъ.—Инструкція ему.—Объявленіе о раздѣлѣ.—Объясненія Штакельберга съ королемъ.—Отношенія Россіи къ Франціи.—Шуазёль и Эгильонъ.—Объясненія русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Хотинскаго съ послѣднимъ.—Шведскій переворотъ.—Мѣры Россіи по этому поводу.—Отношенія прусскаго короля къ шведской революціи.—Объясненіе Панина съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Дюраномъ.—Датская революція и отношенія къ ней русскаго двора.—Сношенія съ Англіею.—Общій взглядъ на событія описаннаго года.

Надежды на миръ, съ какими встрѣчали 1772 годъ, казалось, должны были исчезнуть въ самомъ началѣ года. 21 января гр. Панинъ сообщилъ Совѣту извѣстія изъ Берлина, что Кауницъ

выражаетъ сомнѣнія на счетъ принятія Портою послѣднихъ русскихъ условій; Фридрихъ II-й давалъ знать также, что въ подлинности извѣстнаго союзнаго договора между Австріею и Турціею не можетъ быть никакого сомнѣнія. Совѣтъ постановилъ до окончательнаго уясненія этого дѣла скрывать о томъ, что договоръ извѣстенъ въ Россіи. Черезъ день, 23 числа, гр. Орловъ объявилъ совѣту желаніе императрицы, чтобъ окончательно было рѣшено, полезна ли будетъ для достиженія мира экспедиція на Константинополь въ этомъ году, удобоисполнима ли эта экспедиція и кому надобно поручить распоряженіе ею, графу ли Румянцеву или кому-нибудь изъ находящихся въ Петербургѣ лицъ. (Члены совѣта должны были догадаться, что это назначеніе желалъ получить самъ Орловъ). Екатерина требовала, чтобъ совѣтъ назначилъ для разсужденія объ этомъ особый день въ ея присутствіи. Медлить не захотѣли и назначили собраться на завтра 24 января. Тутъ гр. Захаръ Чернышевъ прочелъ свое мнѣніе, что предпринять посылку войска къ Константинополю нельзя раньше іюня мѣсяца; хотя отъ Дуная до Константинополя только 350 верстъ, однако походъ не кончится раньше трехъ мѣсяцевъ, потому что надобно будетъ везти съ собою пропитаніе и все нужное; переправа черезъ Балканы, по мнѣнію Чернышева, не представляла непреодолимой трудности и по неустройству турецкаго войска можно было надѣяться, что при каждой встрѣчѣ оно будетъ терпѣть пораженіе. По выслушаніи этого мнѣнія, императрица поставила предъ Совѣтомъ прежніе два вопроса: посылка войска къ Константинополю можетъ ли содѣйствовать заключенію мира и удобоисполнимо ли это предпріятіе? Члены совѣта отвѣчали утвердительно, прибавивъ однако, что успѣхъ будетъ зависѣть и отъ обстоятельствъ, которыхъ заранѣе предвидѣть нельзя. Гр. Орловъ высказалъ мнѣніе, что для большей безопасности и облегченія назначаемаго въ Константинопольскій походъ войска лучше отправить его на Варну и часть полковъ посадить на суда на Дунаѣ; для этого къ находящимся тамъ транспортнымъ судамъ надобно построить еще какъ можно больше и употребить часть азовской флотиліи; что приготовляющіеся на Дону два фрегата могутъ служить для прикрытія транспорта и для очищенія Чернаго моря отъ непріятельскихъ судовъ и кромѣ того надобно сдѣлать на показъ силь-

ныя морскія вооруженія. Совѣтъ рѣшилъ и третій вопросъ о распоряженіи экспедиціею такимъ образомъ, что императрица можетъ назначить для нея командира, но главное распоряженіе должно быть поручено генералъ-фельдмаршалу. Послѣ рѣшенія этихъ вопросовъ, Екатерина высказала желаніе, чтобъ австрійцы скорѣе открыли свои планы, соотвѣтственно которымъ можно было бы принять свои мѣры. На это гр. Панинъ объявилъ, что, въ случаѣ вступленія австрійцевъ въ Валахію, надобно поскорѣе разорить эту страну и тѣмъ пресѣчь движеніе австрійскаго войска; такъ какъ съ турками твердого мира никогда имѣть нельзя, то въ случаѣ вступленія австрійцевъ въ Польшу, можно самимъ устроить этотъ миръ, разоривъ Молдавію и Валахію и забравши всѣхъ ихъ жителей; этимъ средствомъ Россія можетъ остаться спокойною отъ турокъ столько же времени, сколько и самый миръ съ ними можетъ продлиться. Крымская область можетъ быть обезпечена отъ нихъ одною азовскою флотиліею; такимъ образомъ безопасная отъ турокъ Россія можетъ употребить все войско для вытѣсненія австрійцевъ изъ Польши и возстановленія тамъ тишины; но все это должно сдѣлать въ крайности, если Порта не согласится выслать уполномоченныхъ для заключенія мира [201].

Эта тревога стихла вслѣдствіе благопріятныхъ извѣстій изъ Вѣны, когда и тамъ стихла тревога, возбужденная разногласіемъ между императоромъ Іосифомъ и Кауницемъ.

Канцлеръ поставилъ вопросъ: взять свою долю отъ одной Турціи, или отъ одной Польши или отъ обѣихъ вмѣстѣ? Кауницъ смотритъ на карту и опять приходитъ къ мысли, что пріобрѣтеніе польскихъ областей, какъ бы ни были онѣ обширны, невыгодно, ибо эти области не будутъ въ естественной связи съ остальными частями монархіи, будутъ отдѣлены отъ нихъ Карпатами, доли Пруссіи и Россіи будутъ въ этомъ самомъ важномъ отношеніи гораздо выгоднѣе. Кауницъ возвращается къ своей любимой мысли: пусть прусскій король возьметъ что хочетъ у Польши, только долженъ возвратить Австріи Силезію. Но если Фридрихъ II не отдастъ Силезію, то не выгоднѣе ли потребовать отъ него нѣмецкихъ земель, маркграфствъ Аншпаха и Байрейта? Наконецъ, если Пруссія и на это не согласится, то естественнѣе, выгоднѣе для Австріи искать распространенія

своихъ владѣній внизъ по главной рѣкѣ имперіи, по Дунаю къ Черному морю, взять Валахію и приморскую часть Бессарабіи, остальную же часть послѣдней и Молдавію отдать Польшѣ въ вознагражденіе за тѣ земли, которыя она уступитъ Россіи и Пруссіи. Такое распоряженіе казалось Кауницу особенно желательнымъ, потому что Турція могла на него согласиться и безъ войны; можно было войти въ виды Россіи и захватить гораздо больше турецкихъ земель: но въ такомъ случаѣ надобно было вмѣстѣ съ Россіею вступить въ войну съ Турціею, чего никакъ не хотѣли въ Вѣнѣ; кромѣ того надобно было дѣлиться съ Россіею, усиливать могущество послѣдней.

Императоръ Іосифъ, читая мнѣніе Кауница, былъ пораженъ мыслію, что Австрія должна получить земли здѣсь или тамъ только для поддержанія равновѣсія, собственно же не пріобрѣтетъ ничего, а еще рискуетъ пріобрѣсти гораздо менѣе Россіи и Пруссіи если не по количеству пріобрѣтенной земли, то по значенію ея въ общемъ составѣ имперіи. Іосифъ объявилъ себя противъ канцлерскихъ предложеній, объявилъ себя противъ дѣлежа, а за чистое пріобрѣтеніе, которое можетъ сдѣлать одна Австрія. Для этого, по мнѣнію Іосифа, надобно было стараться о продолженіи войны между Россіею и Турціею: съ одной стороны было невѣроятно, чтобы военное счастіе обратилось на сторону турокъ, чтобъ имъ удалось вытѣснить русское войско изъ завоеванныхъ имъ областей; съ другой стороны нельзя опасаться, чтобъ Россія въ слѣдующую кампанію нанесла Турціи еще болѣе чувствительный вредъ, могла потрясти ее въ основахъ. Австрія ничего не теряетъ отъ продолженія войны, напротивъ, много выигрываетъ: не только можно извлекать пользу изъ всѣхъ случайностей войны, но одновременное ослабленіе обѣихъ воюющихъ сторонъ дастъ Австріи возможность требовать большія выгоды, чѣмъ какія она могла требовать до сихъ поръ. Наконецъ король прусскій будетъ продолжать тратить свои деньги на субсидіи своей союзницѣ; быть можетъ онъ разсорится съ Россіею, которая будетъ обманута въ ожиданіи отъ него большей помощи, и эта ссора заставитъ его броситься въ объятія Австріи, чтобъ съ ея помощію легче осуществить свои намѣренія. Теперь Австрія не можетъ принять участія въ войнѣ; но въ 1773 году будетъ въ состояніи оказать давленіе на сла-

бѣйшее и болѣе нуждающееся въ мирѣ государство. Порта или вѣрно соблюдетъ свою конвенцію съ Австріею, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ Австрія будетъ богато вознаграждена за военныя издержки; во второмъ будетъ имѣть свободныя руки дѣйствовать противъ нея и взять у нея такія земли, какія всего больше желаетъ. Поэтому надобно всѣми силами стараться, чтобъ Порта отвергла русскія предложенія и перемиріе. Королю прусскому надобно объявить, что Австрія твердо рѣшилась дѣйствовать въ Польшѣ точно также какъ и онъ. Надобно теперь же занять Краковъ, Сендомиръ и Лембергъ, съ другой стороны Ченстохово; въ то же время объявить, что намѣрены польскаго короля удержать на тронѣ и покинуть всѣ польскія области, занятыя австрійскими войсками, если Россія и Пруссія сдѣлаютъ то же самое. Такимъ образомъ, если даже нельзя будетъ побудить Турцію къ продолженію войны, то въ рукахъ Австріи будетъ хорошій залогъ относительно пріобрѣтеній въ Польшѣ.

Старый канцлеръ побѣдоносно опровергъ мнѣніе императора: странно было бы ожидать, что Россія при дальнѣйшей войнѣ не получитъ никакихъ значительныхъ выгодъ и что Австрія отъ этого не потерпитъ большихъ потерь. Россія, Пруссія и Порта сильно желаютъ мира; упорство послѣдней основывалось исключительно на надеждѣ, что вмѣшательство Австріи доставитъ ей выгодныя условія. Если теперь вѣнскій дворъ станетъ противодѣйствовать миру, то послѣдній будетъ заключенъ съ полнымъ исключеніемъ Австріи. Австрія своими военными демонстраціями и рѣшительнымъ тономъ достигла того, что Россія и Пруссія принуждены считаться съ нею и пригласить къ участію въ пріобрѣтаемыхъ ими выгодахъ. Но теперь этими демонстраціями нельзя уже болѣе ничего достигнуть, когда Порта еще болѣе стѣснена, а Россія и Пруссія во всемъ согласны. Военныя приготовленія, кромѣ безполезной траты большихъ денегъ, поведутъ только къ тому, что Турція и Пруссія выиграютъ на счетъ Австріи: туркамъ Россія предложитъ выгоднѣйшія условія, лишь бы воспрепятствовать австрійскимъ намѣреніямъ, и въ то же время она будетъ принуждена еще болѣе сблизиться съ прусскимъ королемъ и уступить ему также выгоднѣйшія условія. Къ этому клонится все отлично обдуманное поведеніе Фридриха II-го, и Австрія привела бы его въ восторгъ, еслибъ безъ соглашенія

съ тою или другою стороною стала продолжать демонстраціи вовсе уже не своевременныя. Препятствуя заключенію мира, Австрія навлечетъ на себя ненависть остальныхъ державъ и будетъ простою зрительницею въ то время какъ Россія и Пруссія извлекутъ изъ своего соглашенія всевозможныя выгоды; содѣйствуя же заключенію перемирія, можно надѣяться на участіе въ конгрессѣ и дать мирнымъ переговорамъ благопріятный для Австріи оборотъ [202].

Іосифъ призналъ себя побѣжденнымъ *математическими* доказательствами канцлера: «Остается вопросъ, писалъ онъ матери, какое изъ многихъ предложеній кн. Кауница надобно выбрать. Въ военномъ, политическомъ и камеральномъ отношеніяхъ выгоднѣе всего для насъ силезскія земли, а Байрейтъ и Аншпахъ вовсе невыгодны. Но если возвращеніе силезскихъ областей невозможно, въ чемъ я къ несчастію не сомнѣваюсь, то самымъ выгоднымъ пріобрѣтеніемъ былъ бы Бѣлградъ съ частію Босніи до Дринскаго залива: удаленная отъ непріятеля, эта область прикрывала бы карлстадтскую и внутреннія австрійскія области отъ всевозможныхъ турецкихъ нападеній» [203].

Марія Терезія была рада, что Іосифъ и Кауницъ сошлись на мысли о необходимости содѣйствовать начатію мирныхъ переговоровъ между Россіею и Турціею; но императрица-королева видѣла что дѣло этимъ однимъ не кончится, и потому не отказала себѣ въ удовольствіи отвести душу сильнымъ протестомъ противъ всего того, что было сдѣлано вопреки ея желанію: «Теперь уже нельзя, писала она сыну, возвратиться назадъ послѣ ложныхъ шаговъ, сдѣланныхъ съ ноября 1770 года, когда было рѣшено движеніе войскъ изъ Италіи и Нидерландовъ и послѣ несчастной конвенціи съ турками. Слишкомъ грозный тонъ съ Россіею, наше таинственное поведеніе съ союзниками и противниками, все это произошло отъ того, что поставили правиломъ воспользоваться войною между Россіею и Портою для распространенія нашихъ границъ, для пріобрѣтенія выгодъ, о которыхъ мы не думали передъ войною. Хотѣли дѣйствовать попрусски и въ тоже время удерживать видъ честности. Можетъ быть я обманываюсь, и эти событія болѣе благопріятны, чѣмъ я думаю; но хотя бы они намъ доставили Валахію и самый Бѣлградъ, по моему всѣ эти пріобрѣтенія будутъ дорого куплены

на счетъ чести, славы монархіи, доброй вѣры и религіи нашей. Съ начала нашего несчастнаго царствованія мы старались, по крайней мѣрѣ, держаться во всемъ справедливости, соблюдать въ своихъ обязательствахъ умѣренность и вѣрность. Это доставило намъ довѣріе, смѣю сказать, удивленіе Европы, уваженіе враговъ; но въ одинъ годъ все это потеряно. Ни о чемъ на свѣтѣ я такъ не жалѣю, какъ о потерѣ нашей репутаціи. Мы это заслужили, и я желаю, чтобъ дѣло было поправлено покинутіемъ принципа пользоваться этими смутами; надобно думать, какъ бы выйти поскорѣй изъ этого несчастнаго положенія, не думая о пріобрѣтеніяхъ, но о возстановленіи нашего кредита и доброй вѣры и, по возможности, о сохраненіи политическаго равновѣсія»[204].

Тугуту отправлено было въ Константинополь приказаніе содѣйствовать начатію мирныхъ переговоровъ. Онъ долженъ былъ прямо объявить турецкому министерству, что дурное веденіе войны турками есть главная причина тому, почему Австрія требуетъ теперь открытія мирныхъ переговоровъ. Кромѣ того теперь стало извѣстно, что король прусскій обязался въ Петербургѣ напасть на Австрію, если она поднимется противъ Россіи. Правда, Австрія заключила съ Портою конвенцію; но она обязалась только или путемъ мирныхъ переговоровъ или силою оружія доставить султану приличный миръ, и старалась вѣрно исполнить это обязательство: съ большими издержками войска были двинуты изъ Италіи и Нидерландовъ, полки поставлены на военную ногу; съ Пруссіею и Россіею говорили грознымъ языкомъ и достигли того, что Россія отказалась отъ дунайскихъ княжествъ. Невозможно было вести дѣло далѣе, не подвергая австрійскій домъ величайшей опасности. Всѣ средства были употреблены для убѣжденія прусскаго короля, что чрезмѣрное усиленіе Россіи опасно также и для него. Еслибъ было можно уговорить его оставаться спокойнымъ зрителемъ, то Австрія не усумнилась бы поднять оружіе противъ Россіи для доставленія Портѣ честнаго мира; но никогда въ Вѣнѣ и не помышляли о томъ, чтобъ изъ-за Турціи ринуться въ войну не только съ Россіею, но и съ Пруссіею. Еслибы при настоящихъ обстоятельствахъ Австрія объявила войну Россіи, то это не послужило бы къ выгодѣ и облегченію Порты.—Только въ концѣ мая

Порта дала Тугуту отвѣтъ на эти сообщенія: султанъ услыхалъ объ нихъ съ тяжкою грустію, ибо до сихъ поръ помощь Австріи была основаніемъ всѣхъ его надеждъ. Но онъ не желаетъ требовать невозможнаго отъ вѣнскаго двора, и потому добровольно отказывается отъ всѣхъ выгодъ, обѣщанныхъ ему конвенціею. Если, благодаря содѣйствію Австріи на конгрессѣ, получится миръ, по которому Дунайскія княжества и татары возвратятся подъ власть султана и Порта получитъ выговоренное пятою статьею тайной конвенціи, то султанъ будетъ считать себя обязаннымъ выполнить всѣ условія конвенціи; если же Россія не склонится къ такому миру, то конвенція рушится сама собою, только султанъ не будетъ требовать назадъ заплаченныхъ уже Австріи трехъ милліоновъ піастровъ.

1 Февраля гр. Панинъ сообщилъ Совѣту пріятныя новости изъ Вѣны: австрійскій дворъ съ удовольствіемъ узналъ о согласіи русской императрицы на возвращеніе Портѣ Молдавіи и Валахіи, и велѣлъ своему министру въ Константинополѣ, сообща съ прусскимъ министромъ, склонять Порту къ скорѣйшему отправленію уполномоченныхъ на конгрессъ и заключенію перемирія. Гр. Орловъ замѣтилъ, что при такой перемѣнѣ въ Вѣнѣ можно было бы настоять на независимости Молдавіи и Валахіи. Панинъ возразилъ, что согласившись на отдачу этихъ княжествъ, неприлично уже возобновлять прежнее требованіе ихъ независимости; но подъ гарантіею вѣнскаго и берлинскаго дворовъ можно возстановить ихъ права, нарушенныя турками. Только 12 марта гр. Панинъ могъ сообщить Совѣту полученныя изъ Вѣны извѣстія, что Порта согласна на заключеніе перемирія и высылку уполномоченныхъ на конгрессъ, который долженъ быть въ Бухарестѣ. Тутъ императрица прочла слѣдующее свое «соизволеніе»: «Я желаю, чтобъ дѣйствія будущей кампаніи были взяты въ уваженіе, ибо хотя теперь надежда къ миру болѣе прежняго есть, но послѣднія цареградскія извѣстія гласятъ, что турки сильно къ четвертой кампаніи готовятся [205], что и весьма вѣроятно есть, и для того надлежитъ и намъ, не пропуская уже болѣе время, теперь тѣмъ наипаче въ зрѣлое уваженіе брать, что̀ надлежитъ дѣлать, и что мы три кампаніи дѣлали и войну вели съ немалымъ успѣхомъ, слѣдовательно же сутенировать и въ сей, чаятельно послѣдней, имя россійскаго оружія, и для того прошу,

чтобъ кампанія сія соображаема была съ пользою и славою имперіи; весна же близко, а во многихъ мѣстахъ уже началась». Гр. Панинъ замѣтилъ, что надобно подождать отвѣтовъ изъ Вѣны и Константинополя, чтобъ можно было принять полезнѣйшее рѣшеніе, узнавъ прямыя намѣренія вѣнскаго двора. Императрица отвѣчала, что еслибъ у австрійцевъ произошелъ разрывъ съ турками, то она не желаетъ, чтобъ австрійцы дѣйствовали вмѣстѣ съ нами, пусть каждый ведетъ войну особливо. Чернышевъ замѣтилъ, что армія къ будущей кампаніи будетъ снабжена всѣмъ нужнымъ и теперь расположена такимъ образомъ, что можетъ исполнить все, что̀ бы ей ни предписали. Но императрица спросила: «Почитаетъ ли совѣтъ полезнымъ построеніе нынѣ судовъ на Дунаѣ и посылку за ту рѣку корпуса, если миръ скоро заключенъ не будетъ?» Совѣтъ призналъ это весьма нужнымъ, а гр. Орловъ прибавилъ, что эту посылку корпуса считаетъ единымъ и послѣднимъ средствомъ къ полученію скораго и прочнаго мира.

А между тѣмъ Румянцевъ писалъ Панину (22 марта): «В. с—ство знаете, сколь великое число требуется рекрутъ, ибо нѣкоторые полки должно снабдить по тысячѣ оными, а въ половину того почти всякій полкъ требуетъ. Но сіи люди, коими пополнить должно знатную въ войскѣ убыль, еще далеко и по сію пору отъ своихъ мѣстъ: представьте, когда же есть время дѣлать ихъ солдатами? Частицы нѣкоторыя рекрутъ, въ дальніе полки назначенныя, до здѣшняго мѣста дошедши, уже видятся въ крайнѣйшемъ истощеніи своихъ силъ. Не инако и отъ прошедшаго набора осталось таковыхъ, что окрѣпчали къ службѣ. Кавалерія при всемъ рачительномъ отъ своихъ полковниковъ стараніи и способахъ, пользующихъ внутреннюю экономію, не можетъ наградить посюдова закупками въ ближайшихъ и дальнихъ мѣстахъ лошадей великаго недостатка въ оныхъ. Я, вмѣсто усиливанія своей части прибавочными войсками, какъ нынѣшній годъ учинить обѣщано, вижу, напротивъ того, что оная прямыми силами не сравнится и противъ прошлогодняго».

Въ концѣ марта получено было извѣстіе, что Порта уже назначила уполномоченныхъ на конгрессъ. Съ русской стороны не хотѣли, чтобъ конгрессъ собрался въ Бухарестѣ, ибо здѣсь, какъ въ главномъ городѣ Валахіи, было бы много интригъ, и

указывали на Измаилъ; но турки не согласились на Измаилъ, выставляя сырость тамошняго воздуха и множество комаровъ, въ самомъ же дѣлѣ потому, что тамошнія мечети заняты были подъ русскія церкви и магазины. Наконецъ согласились собраться въ Фокшанахъ и начать засѣданія въ іюнѣ мѣсяцѣ. Уполномоченными на конгрессъ съ русской стороны были назначены—графъ Григ. Григор. Орловъ и освобожденный изъ турецкаго заточенія бывшій посланникъ въ Константинополѣ Обрѣзковъ [206].

Въ данной имъ инструкціи говорилось: «Объявленіе наше, что мы оставляемъ всякія требованія относительно княжествъ молдавскаго и валашскаго, уничтожа сомнѣнія и колебанія вѣнскаго двора, доставило намъ полное его согласіе на положенныя нами основанія мирныхъ переговоровъ и на всѣ другія наши требованія, доставило намъ въ то же время и добрыя услуги Австріи при Портѣ къ склоненію ея на конгрессъ; это будетъ намъ полезно и въ будущихъ переговорахъ, ибо турки испугаются, увидя, что австрійцы, въ разсужденіи Польши и раздѣла нѣкоторыхъ ея провинцій, составили общее дѣло съ нами и союзникомъ нашимъ королемъ прусскимъ. Основанія переговоровъ состоятъ въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ: 1) въ уменьшеніи способности для Порты нападать впередъ на Россію; 2) въ доставленіи себѣ справедливаго удовлетворенія за убытки, понесенные въ войнѣ, объявленной со стороны Турціи безъ всякой законной причины; 3) въ освобожденіи торговли и мореплаванія. По первой статьѣ наши требованія состоятъ въ томъ, чтобъ 1) были уступлены намъ обѣ Кабарды, Большая и Малая; во 2) оставлена была граница отъ Кабарды чрезъ кубанскія степи до Азовскаго уѣзда на прежнемъ основаніи; 3) уступленъ былъ намъ городъ Азовъ съ уѣздомъ; 4) чтобъ всѣ татарскія орды, обитающія на крымскомъ полуостровѣ и внѣ его, признаны были вольными и независимыми; 5) чтобъ уступлены были грузинскимъ владѣльцамъ всѣ мѣста, взятыя русскимъ оружіемъ; чтобъ какъ грузинцамъ, такъ и всѣмъ другимъ христіанскимъ народамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ, была дана полная амнистія и впредь оказывалось бо́льшее покровительство христіанскимъ церквамъ въ областяхъ Порты. «Самое большое затрудненіе со стороны турокъ должно быть встрѣчено относительно четвертаго требованія, и потому, для склоненія ихъ къ

уступкѣ, кромѣ отказа отъ Молдавіи и Валахіи, вы можете еще уступить статью, касающуюся грузинскихъ владѣльцевъ, согласиться на возстановленіе съ ними границъ, какъ онѣ до войны были, только бы избавлены онѣ были навсегда отъ безчеловѣчной подати христіанскими дѣвицами, взимаемой съ нихъ турецкими пашами; потомъ еще вы можете согласиться на оставленіе Большой и Малой Кабарды въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ должны были находиться по договору 1739 года, выговоривъ только для Россіи свободу строить и заводить въ сосѣдствѣ ихъ всякіе города и селенія на собственныхъ нашихъ земляхъ.

«Подъ второю статьею разумѣли мы требованія денежнаго вознагражденія за военные убытки: но и это требованіе вы можете оставить, вполнѣ или отчасти, для полученія свободы татарамъ. Третьею статьею мы требуемъ свободной торговли и плаванія по Черному морю, и отъ этого требованія мы отступить не можемъ». Инструкція была подписана 21 апрѣля, и 25 Орловъ выѣхалъ изъ Царскаго Села. Въ письмѣ Екатерины къ Бельке отъ 25 іюня находимъ о немъ слѣдующее любопытное мѣсто: «Мои ангелы мира, думаю, находятся теперь лицомъ къ лицу съ этими дрянными турецкими бородачами. Гр. Орловъ, который, безъ преувеличенія, самый красивый человѣкъ своего времени, долженъ казаться дѣйствительно ангеломъ передъ этимъ мужичьемъ; у него свита блестящая и отборная, и мой посолъ не презираетъ великолѣпія и блеска. Я готова однако биться объ закладъ, что онъ наружностью своею уничтожаетъ всѣхъ окружающихъ. Это удивительный человѣкъ: природа была къ нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души. Во всемъ этомъ у него нѣтъ ничего пріобрѣтеннаго, все природное, и, что очень важно, все хорошо; но госпожа натура также его и избаловала, потому что прилежно чѣмъ-нибудь заняться для него труднѣе всего, и до тридцати лѣтъ ничто не могло его къ этому принудить. А между тѣмъ удивительно, сколько онъ знаетъ, и его природная острота простирается такъ далеко, что слыша о какомъ-нибудь предметѣ въ первый разъ, онъ въ минуту подмѣчаетъ сильную и слабую его сторону, и далеко оставляетъ за собою того, кто сообщилъ ему объ этомъ предметѣ».

Конгрессъ въ Фокшанахъ начался не ранѣе конца іюля, по

причинѣ медленности турецкихъ уполномоченныхъ, Османа-эфенди и Яссина-заде-эфенди, съ которыми пріѣхали изъ Константинополя и министры австрійскій и прусскій. О поведеніи этихъ министровъ Обрѣзковъ писалъ Панину отъ 6-го августа: «Берлинскій поступаетъ во всемъ, какъ кажется, чистосердечно и поддерживаетъ наши настоянія относительно начальнаго пункта, т.-е. независимости татарской; вѣнскій же напротивъ оказывается въ этомъ пунктѣ не только холоденъ, но едва ли до сихъ поръ и не поощряетъ турокъ въ неподатливости. Можетъ быть онъ дѣлаетъ это въ ожиданіи разрѣшенія польскихъ дѣлъ. Но какъ бы то ни было, переводчикъ его ежедневно, а иногда и самъ онъ бываетъ у турецкихъ министровъ и долго у нихъ сидитъ; намъ ничего не сообщаетъ, а если что и говоритъ, то больше въ подкрѣпленіе турецкаго упрямства въ татарскомъ дѣлѣ. Дѣло это до сихъ поръ нисколько не подвигается впередъ: мы не можемъ его отмѣнить, и даже смягчить; а турки, по обыкновенію, связываютъ его съ магометанскимъ закономъ, утверждая, что одинъ султанъ не можетъ его рѣшать. Нѣтъ той тонкости по ихъ мнѣнію, а по нашему подлости и гнусности, которую бы они ни употребили въ дѣйствіе; но мы на все это смотримъ съ презрѣніемъ и держимся намъ предписаннаго». 19 августа Обрѣзковъ писалъ, что дѣло о татарской независимости встрѣчаетъ непреоборимыя затрудненія, и что турецкіе уполномоченные готовятся къ отъѣзду; они соглашались, чтобъ крымскіе ханы избирались своимъ народомъ, но требовали, чтобъ новоизбранный ханъ получалъ утвержденіе отъ султана. Такъ какъ русскіе уполномоченные на это не согласились, то конгрессъ рушился 28 августа. Но 7-го сентября Румянцевъ получилъ отъ великаго визиря письмо, въ которомъ тотъ предлагалъ возобновить конгрессъ въ Бухарестѣ и продолжить перемиріе на шесть мѣсяцевъ, выставляя причиною разрыва Фокшанскаго конгресса отъѣздъ графа Орлова. Румянцевъ, принимая въ соображеніе настоящія обстоятельства, и особенно переворотъ въ Швеціи, призналъ согласнымъ съ русскими интересами не выпускать изъ рукъ этого случая для возобновленія переговоровъ, только вмѣсто шести мѣсяцевъ изъявилъ готовность продлить перемиріе до 20 октября, чтобъ въ это время успѣть снестись съ Петербургомъ.

Въ Петербургѣ были сильно встревожены разрывомъ Фокшанскаго конгресса: къ сильному желанію мира вообще теперь присоединялись еще опасенія шведской войны вслѣдствіе правительственной перемѣны, произведенной королемъ Густавомъ III. Въ засѣданіи совѣта 27 августа Панинъ читалъ письмо свое къ Орлову и Обрѣзкову, гдѣ совѣтовалъ имъ не останавливаться долго на одномъ пунктѣ о татарахъ и приступить къ другимъ. Въ засѣданіи 1-го сентября, когда прочтено было донесеніе Орлова и Обрѣзкова отъ 18 августа, что турецкіе уполномоченные приняли намѣреніе уѣхать изъ Фокшанъ, Панинъ предложилъ отправить приказаніе Румянцеву, чтобъ тотъ написалъ великому визирю, изъявилъ сожалѣніе о разрывѣ турецкими уполномоченными конгресса и предложилъ возобновленіе переговоровъ, но чтобы въ то же время постарался нанести непріятелю новый ударъ утвержденіемъ хотя небольшаго корпуса войскъ на правомъ берегу Дуная.—«Если бы, предлагалъ Панинъ, все это не повело къ миру, а началась еще шведская война, то надобно прибѣгнуть къ прежде предложенной мною крайней мѣрѣ, то есть опустошивъ Молдавію и Валахію, забрать оттуда всѣхъ жителей въ русскія границы». Совѣтъ согласился.

Гр. Орлову былъ отправленъ рескриптъ, въ которомъ оставлялось ему на волю, если онъ находится еще въ Яссахъ при фельдмаршалѣ, продолжать порученные ему переговоры по ихъ возобновленіи, а между тѣмъ употребить себя въ арміи подъ предводительствомъ Румянцева. Здѣсь конечно разумѣлся «новый ударъ» туркамъ переходомъ черезъ Дунай. Но Орловъ уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ императрица писала, что неуспѣхъ конгресса *отнюдь* не приписываетъ гр. Орлову; но Панину было пріятно повторять турецкое обвиненіе. Такъ онъ писалъ Обрѣзкову 4-го сентября: «Сердечно сожалѣю, мой любезный другъ, о настоящемъ вашемъ положеніи, видя изъ послѣднихъ депешей вашихъ, что новозародившееся бѣшенство и колобродство перваго товарища вашего испортили все дѣло. Въ сихъ прискорбныхъ и досадныхъ обстоятельствахъ могу я вамъ по крайней мѣрѣ принести утѣшеніе, побожась вамъ честію моею и увѣря васъ, какъ истиннаго друга, что ни малѣйшимъ образомъ и ничто въ семъ несчастномъ происшествіи на счетъ вашей особы отнюдь не упало, а напротивъ того ея импер. в—ство внутренне

удостовѣрена, что вамъ невозможно было ничего иного сдѣлать въ положеніи вашемъ, какъ то что̀ вы сдѣлали. Повѣрьте, мой другъ, что вамъ вся справедливость отдается и ваши прежнія заслуги не помрачаются конечно отъ необузданности товарища вашего. И въ самомъ дѣлѣ, всякому постороннему человѣку нельзя тому не удивиться, какъ первые люди въ обоихъ государствахъ, посланные для толь великаго дѣла, съѣхались за однимъ будто словомъ и, сказавъ его другъ другу, разъѣхались ни съ чѣмъ. Но меня сіе ни мало не удивляетъ, зная совершенно тѣ обстоятельства, которыя вамъ извѣстны, и тѣ, которыя вамъ еще неизвѣстны. Сколько же сей разрывъ конгресса, слѣдственно и уничтоженіе надежды общей достигнуть мира терзаетъ сердце мое и оскорбляетъ меня какъ министра и какъ человѣка, любящаго всею душою свое отечество, то вы сами легко себѣ представить можете и по тому уже одному, когда вообразите себѣ, что мы поставлены теперь въ наикритическое положеніе чрезъ сей разрывъ, возобновляющій войну старую и ускоряющій новую, которая намъ угрожать стала. Вамъ препоручается извлечь отечество изъ такого жестокаго кризиса. Хотя по рескрипту къ вамъ вы можете счесть, что прежній вашъ товарищъ и теперь съ вами дѣйствительно будетъ, однакоже я уповаю, что вы одни останетесь въ дѣлѣ, а онъ сюда прискачетъ. Да пускай бы противъ моего чаянія онъ еще тамъ остался, то̀ и въ такомъ случаѣ конечно вамъ не будетъ больше нужды его мечтательныя мысли столько уважать, какъ прежде, ибо его прежній случай совсѣмъ миновался; а поэтому и вы нужды болѣе имѣть не будете сокращаться вашимъ въ дѣлахъ просвѣщеніемъ и искусствомъ въ единыхъ соображеніяхъ и расположеніяхъ его необузданныхъ мнѣній и разсужденій, а можете надежно съ большею твердостію держаться вашихъ собственныхъ и его къ онымъ обращать. Въ противныхъ же случаяхъ и когда, гдѣ въ чемъ его не согласите, извольте откровенно ко мнѣ писать».

Обрѣзкову предписано было не начинать, какъ въ Фокшанахъ, съ самаго труднаго пункта о татарской независимости, но пройти порознь, одно по другомъ, всѣ частныя требованія Россіи, дабы уступкою въ одномъ облегчить одержаніе другого! Предписывалось, въ случаѣ нужды, согласиться на султанскую инвеституру новоизбираемому хану, но за то потребовать уступки

Керчи и Еникале. Разумѣется, только страшная вражда къ Орлову заставила Панина обвинять послѣдняго въ разрывѣ фокшанскаго конгресса, и было слишкомъ наивно думать, что, переставивши порядокъ статей, можно было достигнуть успѣха въ переговорахъ, когда Порта, поддерживаемая Австріею, рѣшилась ни за что не соглашаться на свободу татаръ. Лучшимъ оправданіемъ Орлову служилъ неуспѣхъ и бухарестскаго конгресса, гдѣ велъ переговоры одинъ Обрѣзковъ, и непрочность кучукъ-кайнарджійскаго мира—все благодаря статьѣ о независимости татаръ, которую въ Константинополѣ никакъ не могли переварить.

Не смотря на то, что дѣло Обрѣзкова было облегчено согласіемъ на инвеституру, онъ, уѣзжая въ Бухарестъ, писалъ Панину: «Беру смѣлость донести, что по скудоумному моему мнѣнію и извѣстному турецкому неограниченному отвращенію видѣть какія-нибудь крѣпости, на Черномъ морѣ лежащія, въ рукахъ нашего двора, удержаніе Яникеля и Керчи кажется встрѣтитъ непреодолимое затрудненіе, тѣмъ болѣе, ежели Портѣ не дозволится держать свои гарнизоны въ прочихъ крѣпостяхъ, въ Крыму лежащихъ; да и кораблеплаваніе на Черномъ морѣ по тому же турецкому предубѣжденію къ желаемому концу привести не такъ-то легко какъ иногда заочно полагается; я сіе различными опытами знаю, да и многіе, коли только не всѣ, интересованы сему препятствовать». По этому случаю Екатерина написала: «Если при мирномъ договорѣ не будетъ одержано—независимость татаръ, не кораблеплаваніе на Черномъ морѣ, не крѣпости въ заливѣ изъ Азовскаго въ Черное море, то за вѣрно сказать можно, что со всѣми побѣдами мы надъ турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что таковой миръ будетъ столь же стыдной, какъ прутской и бѣлградской въ разсужденіи обстоятельства.» Записка была прочтена въ Совѣтѣ 25 октября.

29 октября начался конгрессъ въ Бухарестѣ, при чемъ перемиріе было продолжено до 9-го марта будущаго года. Въ концѣ года дѣло остановилось на условіи о крымскихъ городахъ, которыхъ Россія требовала для себя [207]. Въ Петербургѣ боялись постыднаго мира въ родѣ прутскаго и бѣлградскаго; боялись и продолженія войны, желали имѣть свободныя руки на югѣ, будучи встревожены шведскими событіями, грозившими сѣверною войною; а Румянцевъ пѣлъ старую пѣсню о печальномъ состо-

янiи первой армiи, и слѣдовательно о необходимости покончить войну, «которая не страшна и не тягостна подлинно по свойствамъ и силѣ непрiятеля, но по неразрывно съ оною совокупленнымъ болѣзнямъ прямо пагубна. Неложность сего заключенiя, продолжалъ фельдмаршалъ, испытали мы, когда моровая язва достигла въ самое сердце отчизны нашей. Она въ лежащихъ позади польскихъ мѣстахъ ядъ свой отрыгать и паки начала. Бывшая въ Фокшанахъ команда, заразившись оною, и понынѣ ее претерпѣваетъ, а сiе наибольшее мнѣ смущенiе наноситъ. Другiя прилипчивыя болѣзни, и особливо странныхъ родовъ лихорадки, сдѣлались, при истощенiи нашихъ силъ, яко слѣдствiя неминуемыя долговременнаго здѣсь пребыванiя, такъ общими и всемѣстными, что рѣдко кто изъ генераловъ и полковниковъ не приведенъ въ сущее и крайнѣйшее изнеможенiе, страдая долговременно самыми мучительными припадками. Изъ сего можете судить о числѣ больныхъ офицеровъ и рядовыхъ и что всѣ предпринимаемые къ выгодѣ и лѣченiю способы безсильны отвратить, чтобъ мы не теряли великаго количества людей умирающими. Въ самыхъ врачахъ мы терпимъ толикiй недостатокъ, что къ осмотрѣнiю и пользованiю болящихъ не достаетъ почти силъ ихъ, поелику бо́льшая часть ихъ тѣмъ же самымъ немощамъ жизнiю своею пожертвовали».

Но въ то самое время какъ Румянцевъ жаловался на недостатокъ людей въ первой армiи, вдругъ онъ получаетъ изъ Петербурга приказанiе отправить восемь пѣхотныхъ полковъ ко Пскову на случай войны со Швецiею. Это предписанiе было тѣмъ оскорбительнѣе для фельдмаршала, что онъ получилъ его не въ высочайшемъ рескриптѣ, какъ обыкновенно прежде бывало. Румянцевъ выразилъ Панину свое удивленiе, что въ то самое время когда дѣла на бухарестскомъ конгрессѣ начали приближаться къ нѣкоторому соглашенiю, предпринято уменьшить дѣйствующую армiю, что̀ должно повести не только къ упорству со стороны турокъ, но и побудить ихъ разорвать конгрессъ. Румянцевъ высказывалъ Панину свое прискорбiе и смущенiе, что въ случаѣ крайности въ Петербургѣ рѣшено подорвать крѣпости и очистить Молдавiю и Валахiю; фельдмаршалъ жаловался на это рѣшенiе, не зная, что оно состоялось по представленiю Панина, и приписывая его гр. Орлову [208].

Опредѣленіе крымскихъ отношеній встрѣчало сильныя затрудненія на конгрессѣ; такія же затрудненія оно встрѣчало и въ самомъ Крыму. Окончательное улаженіе дѣлъ съ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ поручено было генералу Щербинину, который для этого долженъ былъ ѣхать въ Бакчисарай. Но передъ выѣздомъ попались ему въ руки копіи съ писемъ крымцевъ къ Портѣ и къ очаковскому пашѣ. Изъ этихъ писемъ онъ увидалъ, какъ татары невѣрны Россіи, какъ нельзя ни въ чемъ полагаться на ихъ обѣщанія, какъ они дѣлаютъ все коварно для одного только вида и обмана. Получивъ еще новыя извѣстія о злыхъ умыслахъ татаръ, Щербининъ счелъ необходимымъ отправиться въ Крымъ не иначе, какъ въ сопровожденіи 1500 человѣкъ. Когда онъ расположился лагеремъ подъ Бакчисараемъ, то пріѣхали къ нему ханскіе чиновники, которымъ онъ сталъ объяснять намѣренія императрицы относительно утвержденія на вѣкъ ихъ вольности и благоденствія подъ покровительствомъ ея в—ства. Крымцы спросили: «Когда заключено съ турками перемиріе и мы стали уже вашими союзниками, то для чего вступилъ въ Крымъ съ войскомъ генералъ-майоръ кн. Прозоровскій?» — «Вступилъ онъ до перемирія, отвѣчалъ Щербининъ; нужно было умножить русское войско для вашей собственной безопасности, да и для того: мнѣ извѣстно, что отъ вашего правительства писано ко всѣмъ здѣшнимъ мурзамъ о сборѣ войска и расположеніи его въ тайныхъ мѣстахъ съ дурнымъ умысломъ». Крымцы просили указать имъ тѣхъ татаръ, которые это ему насказали; Щербининъ, не желая имъ этого объявлять, отвѣчалъ, что копіи писемъ получены прямо изъ Константинополя. Потомъ татары спрашивали, зачѣмъ кн. Прозоровскій придвигается все ближе къ Бакчисараю и просили остановить его; Щербининъ отвѣчалъ, что это дѣлается вслѣдствіе оскудѣнія провіанта и подножнаго корма; но что онъ, Щербининъ далъ знать Прозоровскому, чтобъ остановился и не притѣснялъ жителей. Спросили, зачѣмъ при самомъ Щербининѣ такая большая свита.—Для достоинства торжественнаго посольства — былъ отвѣтъ. Новый вопросъ: выведены ли будутъ изъ Крыма русскія войска? Отвѣтъ: объяснится послѣ.

Когда дѣло дошло до церемоній аудіенціи у хана, то одинъ изъ чиновниковъ предложилъ Щербинину, чтобъ ханъ не принималъ явно подарковъ императрицы и не стоялъ во время под-

несенія высочайшей грамоты; Щербининъ отвѣчалъ, что это несходно будетъ съ тою благодарностію, какою они обязаны своей великой благодѣтельницѣ, и этимъ требованіемъ наводятъ на себя только сомнѣніе. «Видно по всему, писалъ Щербининъ, что отнюдь не хотятъ имѣть въ Крыму русскихъ гарнизоновъ и не желаютъ быть подъ покровительствомъ ея в—ства; ибо когда я между разговорами внушалъ имъ объ опасностяхъ для нихъ съ турецкой стороны и по заключеніи мира, то они отвѣчали, что ничего отъ турокъ не опасаются, почему и кажется, что когда заключенъ будетъ миръ и русское войско отъ нихъ уйдетъ, то опять впустятъ въ Крымъ турокъ, къ которымъ по закону, нравамъ и обычаямъ имѣютъ полную привязанность и преданность, въ чемъ не только здѣшніе всѣ стоятъ упорно, но и бывшіе въ Петербургѣ посланцы, пріемомъ, содержаніемъ и награжденіемъ такъ щедро облагодѣтельствованные, теперь обратились къ противной сторонѣ. Ханъ человѣкъ молодой, робкій, весь въ рукахъ правителей стариковъ, которые во всемъ указываютъ на свой законъ». Наступало 28 іюня, день восшествія на престолъ императрицы; въ отрядѣ у Щербинина должна была происходить пальба, и генералъ послалъ предувѣдомить объ этомъ крымское правительство, чтобъ оно объявило всѣмъ жителямъ для ихъ успокоенія. Объявленіе было сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ: «У невѣрныхъ завтра будетъ скверный праздникъ съ пальбою, о чемъ всѣмъ жителямъ объявляется.»

Генералъ кн. Щербатовъ еще отъ 12 мая доносилъ, что повсюду татары тайкомъ вооружаются, и изъ побережныхъ мѣстъ выходятъ со всѣмъ имѣніемъ въ горы, ни за какую цѣну русскимъ лошадей не продаютъ. Въ перехваченныхъ письмахъ татары просили, чтобъ къ нимъ на помощь пришелъ турецкій флотъ, писали: «Мы денно и нощно проливаемъ слезы, ожидая того вожделѣннаго времени, когда придетъ помощь. Хотя простой нашъ народъ собранъ и вооруженъ, но онъ ни къ чему не способенъ; простой народъ, еслибъ не боялся насъ, то уже принялъ бы подданство». Русскому повѣренному въ дѣлахъ Веселицкому одинъ пріятель говорилъ: «Здѣсь всѣ разсуждаютъ, что какъ скоро генералъ Щербининъ пріѣдетъ и его домогательствамъ воспротивимся, то вдругъ нашей страны разорить онъ не можетъ, потому что мало войска имѣетъ, а пока большое войско всту-

питъ, пройдетъ не мало времени и между тѣмъ съ Портою заключенъ будетъ миръ; раскаиваются и въ прежнемъ, что не вступя въ сраженіе дошли до такого состоянія.»

Въ спорѣ о церемоніалѣ аудіенціи Щербининъ долженъ былъ уступить, согласился, чтобъ ханъ не принималъ тутъ подарковъ—пера и сабли, въ чемъ Сагибъ-Гирей видѣлъ знаки подчиненности и повиновенія, которыми онъ обязывался императрицѣ; ханъ не согласился и цѣловать высочайшей грамоты. Аудіенція происходила 4 іюля, послѣ чего Щербининъ имѣлъ съ ханомъ разговоръ и когда коснулся пункта охраненія Россіею татарской вольности, то Сагибъ-Гирей сказалъ: «На что вольнаго человѣка охранять?» — «Вольность безъ охраненія не есть вольность, потому что она всегда подвержена похищенію,» возразилъ Щербининъ. Когда рѣчь зашла объ оставленіи русскихъ гарнизоновъ и флота въ нѣкоторыхъ крымскихъ городахъ, то Щербининъ внушилъ хану, что если турки поведутъ интригу для его сверженія, то онъ найдетъ убѣжище въ этихъ городахъ; стращалъ, что ханъ безъ русскаго покровительства и трехъ дней не пробудетъ на престолѣ. Но Сагибъ-Гирей не трогался и говорилъ: «Когда въ городахъ будутъ стоять гарнизоны, и произойдетъ между гарнизонами и крымскимъ народомъ несогласіе и ссора, то хотя бы и гарнизонное войско было причиною этой ссоры, а виноватъ все же будетъ оставаться крымскій народъ, и въ этой ссорѣ кто будетъ посредникомъ, кто разберетъ, отъ русскаго ли гарнизона произошла обида или отъ крымскаго народа? Когда между нами не будетъ посредника, то разореніе наше также явно, какъ что есть день и ночь.» — При переговорахъ о союзномъ трактатѣ между Россіею и Крымомъ татарскіе уполномоченные оказывали во всемъ упорство, говоря: «вѣдь мы вольные, слѣд. можемъ соглашаться и не соглашаться.» Для продленія времени уполномоченные говорили, что требуемыя Россіею крѣпости состоятъ подъ властію хана, и потому они договариваться о нихъ не могутъ, это дѣло ханское, а ханъ говорилъ, что безъ стариковъ самъ собою ничего сдѣлать не можетъ. Но ханъ съ этими упрямыми стариками былъ въ меньшинствѣ. Кромѣ того, что и между самою крымскою знатью была русская партія, депутаты отъ ногаевъ согласились на всѣ русскія требованія, согласились подать императрицѣ прошеніе, чтобъ Россія взяла крѣпости Керчь

и Еникале для охраненія татарской вольности. Сагибъ-Гирей подписалъ актъ, въ которомъ клялся, что со всѣмъ крымскимъ народомъ отторгается на вѣчныя времена отъ Порты Оттоманской и будетъ состоять подъ покровительствомъ всепресвѣтлѣйшей государыни великой Екатерины и ея наслѣдниковъ.

Въ продолженіе всѣхъ этихъ переговоровъ братъ ханскій калга Шагинъ-Гирей жилъ въ Петербургѣ и умѣлъ пріобрѣсти расположеніе императрицы, какъ видно изъ ея писемъ къ Бельке и Вольтеру: «У насъ теперь здѣсь калга-султанъ, братъ независимаго крымскаго хана; это молодой человѣкъ 25 лѣтъ, чрезвычайно умный и желающій образовать себя.—Этотъ крымскій дофэнъ самый любезный татаринъ: онъ хорошъ собою, уменъ, образованъ не по-татарски; пишетъ стихи; хочетъ все видѣть и все знать; всѣ полюбили его.—Онъ не пропускаетъ ни одного спектакля; по воскресеньямъ послѣ обѣда бываетъ въ (Смольномъ) монастырѣ и смотритъ какъ танцуютъ воспитанницы. Вы скажете, что это пускать волка въ овчарню; не пугайтесь, дѣло дѣлается вотъ какъ: въ большой залѣ находится двойная балюстрада; дѣти танцуютъ внутри, а зрители помѣщаются около балюстрадъ; это единственный случай, когда родные могутъ видѣть нашихъ барышенъ, которыхъ не пускаютъ изъ монастыря». Въ ноябрѣ Шагинъ-Гирей былъ отпущенъ въ Крымъ, куда долженъ былъ ѣхать черезъ Москву. По этому случаю гр. Панинъ писалъ туда къ главнокомандующему кн. Волконскому, получившему это мѣсто по возвращеніи изъ Варшавы: «Что касается до персональнаго в. с—ства съ симъ знатнымъ татариномъ свиданія, онъ сколько одаренъ природною остротою и разсудкомъ, только гордъ, надмененъ и высокомѣренъ во внутренности, блазнясь древностію своего рода, отъ Чингисъ-хана происходящаго; онъ не хотѣлъ здѣсь никому первый визитъ сдѣлать, надобно было съ нимъ формальное изъясненіе, чтобъ онъ былъ и у меня. Я все сіе изъясняю в. с—ству для того, что коль свойственно и прилично со стороны вашей оказать къ нему уваженіе обсылкою и привѣтствіемъ, толь желательно и нужно, соображаясь опять съ ихъ же татарскимъ невѣжествомъ и грубостію и основываясь на ихъ къ туркамъ раболѣпствѣ и трусости, чтобъ онъ сдѣлалъ первую в. с—ству визиту, по важности вашего поста, чина и достоинства, а затѣмъ еслибъ вы ему воздали, но меньше одна-

кожъ вслѣдствіе обязанности и взаимства, а больше по вашей персональной вѣжливости и привычкѣ къ обхожденію безъ всякихъ обрядовъ». Но когда сопровождавшій Шагинъ-Гирея князь Путятинъ сталъ говорить калгѣ, чтобъ сдѣлалъ первый визитъ въ Москвѣ кн. Волконскому, то Шагинъ никакъ не согласился, и когда Путятинъ настаивалъ, калга началъ просить, чтобъ его въ Москву не завозили, а провезли по той же дорогѣ, по какой онъ въ Петербургъ пріѣхалъ, ибо слабость его здоровья едва дозволитъ ему и сидя въ каретѣ обозрѣть такой обширный городъ какъ Москва. «Я, говорилъ калга, человѣкъ степной, воспитанный въ горахъ между скотами, невѣдущій человѣческаго обхожденія, я не въ состояніи буду обходиться съ такими знатными особами». Но его требованіе не заѣзжать въ Москву не было исполнено. Когда Путятинъ, по пріѣздѣ въ этотъ городъ, поѣхалъ къ Волконскому и объявилъ ему, что Шагинъ-Гирей не хочетъ сдѣлать ему перваго визита, то Волконскій рѣшилъ послать къ калгѣ своего адъютанта, который долженъ былъ показать ему все любопытное въ городѣ, начиная съ Оружейной палаты. Пребываніе Шагинъ-Гирея въ Россіи обошлось не дешево императорской казнѣ. Не считая содержанія на каждый день по 100 руб., получилъ онъ тотчасъ послѣ пріѣзда, сверхъ богатой шубы и прочаго платья и шапки, 5000 рублей и столовый серебряный сервизъ; потомъ вскорѣ еще 10,000 рублей, а при отпускѣ 20,000 съ саблею, оправленною золотомъ и дорогими каменьями; для свиты своей получилъ 10,000; по случаю бытности его въ Царскомъ селѣ пожалованъ ему перстень и табакерка не малой цѣны, и наконецъ, когда онъ сталъ говорить, что надѣлалъ долговъ, которыхъ не въ состояніи заплатить, то ему выдали еще 12,000 рублей. Гр. Панинъ, жалуясь кн. Долгорукову, что Шагинъ-Гирей жилъ въ Петербургѣ самымъ расточительнымъ образомъ, не соблюдая никакого порядка въ хозяйствѣ, писалъ: «Хотя онъ здѣсь предъявлялъ всѣ знаки глубочайшей благодарности, но неизлишно однако будетъ, когда в. с—ство при приличномъ случаѣ искуснымъ образомъ изволите дать ему выразумѣть, что онъ по персональному уваженію больше награжденъ, нежели крымцы со всѣмъ своимъ начальствомъ заслуживали, по бывшимъ предъ симъ происшествіямъ. Желательно, чтобъ онъ, по пріѣздѣ своемъ въ ваше мѣсто (въ Полтаву), учинилъ вамъ

первую визиту». Шагинъ-Гирей сдѣлалъ эту учтивость въ отношеніи къ покорителю Крыма: татаринъ понималъ важность значенія главнокомандующаго второю арміею для будущности Крыма [209].

Итакъ въ Петербургѣ не были довольны «бывшими предъ симъ происшествіями» въ Крыму. Мы видѣли, что Фридрихъ II-й давно уже предсказывалъ эти происшествія; въ началѣ 1772 года онъ повторилъ свои предсказанія, убѣждая фанъ-Свитена не безпокоиться условіемъ о независимости татарской. «Въ этомъ условіи вся трудность, говорилъ Фридрихъ: ибо съ нимъ русская императрица соединяетъ идею славы, отъ которой чрезвычайно трудно будетъ заставить ее отказаться. Торжествуя повсюду, она требуетъ отъ униженнаго непріятеля освобожденія рабствовавшаго ему народа, и, видя въ этомъ только благо человѣчества, она не понимаетъ, чтобъ можно было препятствовать исполненію такого великодушнаго намѣренія. Такъ заставляетъ ее смотрѣть на дѣло ея воспламененное воображеніе. Но станемъ разсуждать хладнокровно, и найдемъ, что эта мнимая независимость есть химера, пустое слово. Предположимъ, что татары будутъ объявлены независимыми: можетъ ли Россія надѣяться привязать ихъ къ себѣ? нельзя предположить, чтобъ этотъ народъ чувствовалъ какую-нибудь благодарность къ Россіи за освобожденіе отъ турецкаго ига, потому что ига не существуетъ. Порта возводитъ и низвергаетъ хановъ; но ханъ не имѣетъ другой власти, кромѣ предводительства на войнѣ; доходы его состоятъ въ сотнѣ или въ 150 тысячахъ червонныхъ, которые онъ получаетъ изъ Константинополя. Каждая орда представляетъ отдѣльную маленькую республику, которой мало нужды, кто имъ назначаетъ начальника для войны и кто его содержитъ; я вамъ могу говорить такъ навѣрное по точнымъ и подробнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ моими емиссарами, которыхъ я тамъ держалъ въ послѣднюю войну: неужели вы дѣйствительно думаете, что эта татарская независимость такъ опасна?».

— «Эти соображенія, отвѣчалъ фанъ-Свитенъ, такъ очевидны, что не могутъ укрыться ни отъ кого, кто внимательно отнесется къ дѣлу, слѣдов. не могли они укрыться отъ вниманія и русскаго двора; и такъ какъ въ Петербургѣ настаиваютъ на это условіе, то я принужденъ заключить, что тамъ оно вовсе не хи-

мера, что тамъ имѣются виды очень опасные, что независимость есть только слово, прикрывающее планъ дѣйствительнаго владычества».—«Но, возразилъ король, въ случаѣ если Россія захочетъ потомъ подчинить себѣ татаръ, Порта будетъ всегда имѣть время этому воспротивиться».—«Будетъ поздно, государь, отвѣчалъ фанъ-Свитенъ. Порта долго не будетъ въ состояніи сопротивляться, и потому необходимо заключить такой миръ, чтобъ равновѣсіе на Востокѣ было возстановлено и поддержано и чтобъ Оттоманской имперіи не было оставлено невѣрное существованіе». Фридрихъ повторялъ, что необходимо воспользоваться настоящею минутою для начатія мирныхъ переговоровъ, ибо отъ продолженія войны нельзя ожидать ничего хорошаго [210].

Переговоры съ Турціею были начаты и не кончились въ 1772 году; но кончились переговоры о раздѣлѣ Польши. 1 февраля, увѣдомляя совѣтъ о согласіи вѣнскаго двора содѣйствовать начатію мирныхъ переговоровъ между Россіею и Турціею, гр. Панинъ сообщилъ также донесеніе кн. Голицына, что хотя вѣнскій дворъ, по словамъ Кауница, и не желалъ бы раздѣла Польши, но такъ какъ уже сдѣлано объ этомъ соглашеніе между Россіею и Пруссіею, то и онъ присоединяется къ нимъ, но предпочелъ бы получить свою долю лучше изъ турецкихъ, чѣмъ изъ польскихъ земель; вѣнскій дворъ хочетъ окончить это дѣло какъ можно скорѣе и утвердить его установленіемъ союза съ Россіею и Пруссіею. По донесенію Голицына Кауницъ говорилъ ему: «Я думаю отъ проницательности гр. Панина не ускользнуло то обстоятельство, что, принимая систему раздѣла съ цѣлію сохранить равновѣсіе государствъ, можетъ быть не предстоитъ необходимости брать доли отъ одной Польши; что въ случаѣ, если Польша не сможетъ доставить достаточно матеріала для ровнаго раздѣла между тремя государствами, найдется средство отобрать еще нѣсколько земли у другого государства, которое должно согласиться на это по неволѣ въ виду соглашенія между тремя дворами. Впрочемъ я предоставляю русскому двору поразмыслить еще объ этомъ средствѣ».—«Тутъ можно разумѣть одну только Турцію, замѣтилъ Голицынъ».—«Конечно!» отвѣчалъ Кауницъ. Потомъ австрійскій канцлеръ сталъ внушать, что въ новомъ дѣлѣ надобно поступать съ полною искренностію и сохранять величайшій секретъ на счетъ раздѣла Польши; особенно, чтобъ не узнали

объ этомъ Францiя и Англiя, которыя могутъ взглянуть на раздѣлъ какъ на дѣло противное ихъ интетересамъ и воспрепятствовать ему всѣми средствами [211].

Въ то же время Кауницъ написалъ Фанъ-Свитену въ Берлинъ, чтобъ предложилъ Фридриху II-му прежде всего взять себѣ австрiйскую долю въ Польшѣ въ обмѣнъ на Силезiю; если король на это не согласится, требовать для Австрiи, по желанiю императора Iосифа, Бѣлграда съ частiю Сербiи и Боснiи; если и на это не согласится, то требовать Аншпаха и Байрейта; наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ согласиться и на соотвѣтственную долю въ Польшѣ. Первое предложенiе, какъ слѣдовало ожидать, было отвергнуто Фридрихомъ: «Нѣтъ, сказалъ онъ Фанъ-Свитену, это невозможно; я требую только польской Пруссiи, берите свои доли, гдѣ найдете для себя лучше, но чтобъ это не было на мой счетъ; императоръ самъ мнѣ обѣщалъ никогда не думать о возвращенiи Силезiи и кн. Кауницъ формально и торжественно повторилъ то же самое; не могу и не хочу согласиться ни на какой раздѣлъ того, чѣмъ владѣю теперь». Тогда Фанъ-Свитенъ началъ говорить о вознагражденiи на счетъ Турцiи, и король немедленно согласился. Такъ описываетъ разговоръ Фанъ-Свитенъ въ донесенiи своему двору [212]. Но самъ Фридрихъ въ депешѣ Сольмсу писалъ, что онъ на первое предложенiе отвѣчалъ Фанъ-Свитену: «У меня подагра только въ ногахъ; а такiя предложенiя можно было бы мнѣ дѣлать, еслибъ подагра была у меня въ головѣ; дѣло идетъ о Польшѣ, а не о моихъ владѣнiяхъ». Фанъ-Свитенъ говорилъ: «Карпатскiя горы отдѣляютъ Венгрiю отъ Польши, и всѣ прiобрѣтенiя, какiя мы можемъ сдѣлать за горами, намъ не выгодны». На это король отвѣчалъ: «Альпы отдѣляютъ васъ отъ Италiи, однако вы вовсе не равнодушны къ обладанiю Миланомъ и Мантуею». Фанъ-Свитенъ продолжалъ: «Намъ было бы гораздо выгоднѣе прiобрѣсти отъ турокъ Бѣлградъ и Сербiю». На это Фридрихъ сказалъ: «Мнѣ очень прiятно слышать, что Австрiйцы не подверглись еще обряду обрѣзанiя, въ чемъ ихъ обвиняютъ; мнѣ прiятно слышать, что они хотятъ получить свою долю отъ своихъ прiятелей турокъ» [213].

Панинъ 9 февраля читалъ въ Совѣтѣ письмо свое къ кн. Голицыну, гдѣ послѣднему предписывалось засвидѣтельствовать вѣнскому двору удовольствiе императрицы по поводу его по-

слѣдняго объявленія, сообщить ему планъ соглашенія петербургскаго двора съ берлинскимъ о Польшѣ, и вывѣдать, что именно вѣнскій дворъ желаетъ получить, увѣряя напередъ, что на пріобрѣтенія его отъ Турціи Россія также будетъ согласна, какъ и на пріобрѣтенія отъ Польши. Дѣйствительно въ Петербургѣ были чрезвычайно довольны послѣдними извѣстіями изъ Вѣны; дѣло казалось рѣшеннымъ, думали, что Австрія, вступая въ соглашеніе съ Россіею и Пруссіею, въ союзъ съ ними, будетъ содѣйствовать заключенію выгоднаго мира съ Турціею, тѣмъ болѣе, что сама заявляетъ теперь желаніе получить добычу изъ областей Порты, а это давно уже предлагалось ей Россіею и было отвергнуто. Воображенію Екатерины уже представлялось скорое и блистательное окончаніе польско-турецкой войны, заключеніе тройного союза между Россіею, Австріею и Пруссіею, который обезпечитъ миръ и дастъ возможность поправить финансы и провести важныя внутреннія преобразованія. Конвенція съ Пруссіею о Польшѣ была подписана (6 февраля)[214], и Екатерина благодарила Фридриха, приписывая ему перемѣну въ политикѣ вѣнскаго двора[215]. Принцъ Генрихъ поздравлялъ брата съ успѣхомъ, поставляя на видъ, что въ случаѣ продолжительности союза между тремя государствами они будутъ предписывать законы Европѣ. Но Фридрихъ былъ проницательнѣе брата: онъ указывалъ на необходимость борьбы между Австріею и Пруссіею за вліяніе въ Петербургѣ[216].

Но Австрія еще разъ перемѣнила свой планъ. Совѣсть начала мучить Марію Терезію, которая объявила: «Мы въ союзѣ съ Портою, мы взяли у нея деньги; никогда я не рѣшусь ее обобрать, и потому не можетъ быть рѣчи о Сербіи и Босніи, единственныхъ областяхъ намъ годныхъ. Остаются Молдавія и Валахія, страны нездоровыя, опустошенныя, открытыя нападеніямъ турокъ, татаръ, русскихъ, безъ крѣпостей; чтобъ удержаться въ нихъ надобно потратить много милліоновъ и народу». Молдавія и Валахія не годятся для Австріи—такъ отдать ихъ Польшѣ въ вознагражденіе за богатыя области, которыя у нея возьмутся; этого совѣсть не запрещала Маріи Терезіи, которая никакъ не соглашалась на раздѣлъ Польши безъ вознагражденія послѣдней!—Но жестокій Кауницъ напалъ на совѣсть Маріи Терезіи съ другой стороны: «Развѣ позволительно императрицѣ подвер-

гать милліоны собственныхъ подданныхъ всѣмъ ужасамъ войны, которые будутъ слѣдствіемъ нарушеннаго равновѣсія между государствами?» спрашивалъ канцлеръ. Для успокоенія императрицы онъ отказывался отъ Босніи и Сербіи: дѣйствительно взять эти области не хорошо, обидно для турокъ; онъ, Кауницъ, никогда этого не совѣтовалъ, на это настаивалъ императоръ Іосифъ; онъ, Кауницъ, совѣтовалъ и теперь совѣтуетъ взять земли по нижнему Дунаю вплоть до устья, а Молдавію и остальную Бессарабію отдать Польшѣ; несправедливости тутъ нѣтъ никакой, потому что Турція уже потеряла эти земли. Марія Терезія соглашалась, но объявила, что не намѣрена брать что-нибудь у Польши. Тутъ вооружился противъ канцлерова плана императоръ Іосифъ и представилъ свой новый планъ: «Какимъ образомъ, спрашивалъ Іосифъ, можно будетъ защищать границы, которыя растянутся отъ Адріатическаго моря до Чернаго? По какому праву Польша будетъ чего-нибудь требовать отъ Австріи когда та ничего у нея не возьметъ? неужели Австрія обязана вознаграждать Польшу за несправедливости Россіи и Пруссіи въ отношеніи къ ней? Намъ надобно всю Молдавію и Валахію, а Бессарабію кому угодно, лишь бы не русскимъ. Нашею границею долженъ быть Прутъ до Дуная, и, отдавая Бессарабію и остальную Молдавію и Валахію туркамъ, надобно получить отъ нихъ за это Оршову и Бѣлградъ. Надобно, чтобъ Россія сдѣлала видъ, что хочетъ все удержать за собою, и уступила намъ Молдавію и Валахію, а за Бессарабію турки отдадутъ намъ означенные два города». Марія Терезія была въ отчаяніи и объявила, что надобно прекратить такое ужасное положеніе, что она не хочетъ ничего брать ни у поляковъ, ни у турокъ. Кауницъ возражалъ, что между Россіею и Пруссіею уже состоялось соглашеніе на счетъ раздѣла Польши, и потому Австріи надобно сдѣлать одно изъ двухъ: или вооруженною рукою воспротивиться раздѣлу, или спокойно смотрѣть, какъ вслѣдствіе усиленія Пруссіи и Россіи австрійскій домъ подвергнется страшной опасности; такъ какъ нельзя совѣтовать выбрать ни то, ни другое, то остается заявить собственныя требованія. Марія Терезія согласилась наконецъ, что остается одно это средство. Но любопытно то, что послѣ этого согласія Фанъ-Свитену была отправлена депеша, гдѣ австрійскій дворъ отвергалъ сдѣланное имъ посломъ

предложеніе получить вознагражденіе на счетъ Турціи, такъ какъ предложеніе это Фанъ-Свитенъ сдѣлалъ отъ себя лично, а не по инструкціямъ правительства; что же касается до пріобрѣтеній въ Польшѣ, то вѣнскій дворъ не можетъ опредѣлить своей доли прежде чѣмъ Россія объявитъ, что она хочетъ взять себѣ. У австрійскихъ историковъ мы не найдемъ объясненія этой перемѣны[217]; но объясненія есть. По донесенію кн. Голицына, 10 февраля (с. с.), онъ былъ приглашенъ къ Кауницу, который встрѣтилъ его съ бумагою въ рукахъ: то была депеша Фанъ-Свитена изъ Берлина (отъ 5 февраля н. с.). Кауницъ прочиталъ ее Голицыну и прибавилъ, что уже отправленъ въ Берлинъ курьеръ съ отвѣтомъ, гдѣ выражено Фанъ-Свитену неодобреніе за то, что онъ предложилъ вознаградить Австрію на счетъ Турціи. Голицынъ удивился такому противорѣчію, ибо не задолго передъ этимъ ему самому сдѣлано было подобное же предложеніе; онъ попросилъ объясненія у Кауница. «Здѣсь противорѣчіе только видимое, отвѣчалъ тотъ: нашъ дворъ серіозно расположенъ сдѣлать нѣкоторыя пріобрѣтенія на счетъ Порты, не оскорбляя ее однако открыто; отъ Россіи, которая по праву завоеванія уже владѣетъ обширными турецкими областями, отъ Россіи зависитъ удержать часть этихъ земель и промѣнять другую, уступивши ее потомъ кому-нибудь третьему»[218].

Оказывается, что молодой императоръ съ старымъ канцлеромъ рѣшили взять свои доли и отъ Польши, и отъ Турціи; съ Пруссіею вести дѣло объ одной Польшѣ, гдѣ доля Австріи должна быть равна долямъ Россіи и Пруссіи, а съ Россіею вести дѣло еще о пріобрѣтеніяхъ отъ Турціи; Россія, нуждаясь въ мирѣ съ Турціею, согласится на все, лишь бы получить выгодный миръ, лишь бы Австрія ему не препятствовала, а содѣйствовала; наконецъ этою сдѣлкою можно будетъ отвлечь Россію отъ Пруссіи и привязать къ себѣ: дружественный тонъ, въ какомъ говорили въ Петербургѣ съ Лобковичемъ, намеки на возстановленіе прежняго союза и довѣрія утверждали эти надежды. Императоръ Іосифъ писалъ брату Леопольду: «Прусскій король очень ревниво смотритъ на наши непосредственныя связи съ Россіею, и кто знаетъ, Порта своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ не дастъ ли намъ законной причины вмѣшаться въ ея дѣла, и бу-

дущимъ годомъ не положимъ ли мы въ карманъ Бѣлградъ и часть Босніи, какъ этимъ годомъ польскія воеводства» [219].

Но прусскій король былъ тутъ съ своимъ ревнивымъ и внимательнымъ взглядомъ. Приказывая Сольмсу сообщить русскому двору о своемъ разговорѣ съ фанъ-Свитеномъ на счетъ Силезіи и потомъ турецкихъ областей, Фридрихъ писалъ: «Нерасположеніе вѣнскаго двора дѣлить съ нами Польшу происходитъ отъ желанія пріобрѣсть любовь поляковъ, которые всю свою ненависть должны обратить на русскихъ и на насъ. Что касается пріобрѣтенія Бѣлграда и Сербіи, я сказалъ фанъ-Свитену, что два года тому назадъ русскіе предлагали имъ всевозможныя выгоды на счетъ турокъ, но они отвергли эти предложенія.—Признаюсь, что послѣ такого поведенія вѣнскаго двора, онъ не очень заслуживаетъ, чтобъ хлопотали въ его пользу, и, по моему, надобно ограничить ихъ кускомъ Польши, чтобъ наказать ихъ за ихъ прошлое поведеніе». Внушеніе подѣйствовало: по выслушаніи этой депеши прусскаго короля, Совѣтъ, въ засѣданіи 11 февраля рѣшилъ, что «такъ какъ Австрія, избѣгая получить равную часть въ Польшѣ, хочетъ обратить все негодованіе за раздѣлъ послѣдней на Россію и короля прусскаго, то нужно стараться привести вѣнскій дворъ къ полученію равной части въ Польшѣ». Такимъ образомъ вызовъ Кауница Голицыну остался безъ отвѣта, что условило извѣстное поведеніе Австріи во время фокшанскаго и бухарестскаго конгрессовъ.

Для Австріи было важно сближеніе съ Россіею, еслибъ послѣдняя для этого отказалась отъ союза съ Пруссіею, возстановила бы прежнія отношенія, бывшія до 1762 года; но обстоятельства были еще не такія, чтобъ могли побудить Россію къ этому. Прежнія елисаветинскія отношенія были возможны и необходимы, когда со стороны Пруссіи обнаруживались безпокойныя, завоевательныя, опасныя для всѣхъ сосѣдей стремленія, когда Австрію, доведенную до крайности, нужно было поддержать для противовѣса Пруссіи, когда даже Франція для этой цѣли измѣнила свою вѣковую политику. Но теперь интересы Россіи и Австріи соприкасались въ турецкомъ вопросѣ; Австрія могла бы привлечь Россію на свою сторону еслибъ рѣшилась дѣйствовать прямо, объясниться откровенно; но она не хотѣла этого сдѣлать, прежде всего изъ опасенія Пруссіи, ея вліянія

на Россію, объяснялась или рѣзко, враждебно, или загадочно. Такимъ образомъ теперь, не столько по искусству прусскаго короля сколько по винѣ Австріи, перемѣна русской политики, замѣна прусскаго союза австрійскимъ, были невозможны, а польское дѣло могло только возбудить мысль о тройномъ союзѣ между Россіею, Пруссіею и Австріею, связанныхъ единствомъ интересовъ по отношенію къ Польшѣ. Въ Петербургѣ должна была очень нравиться мысль объ этомъ тройномъ союзѣ, въ которомъ Россія при извѣстномъ соперничествѣ между Австріею и Пруссіею, естественно должна была получить высшее, примиряющее значеніе. Но планъ тройного союза оказывался такимъ же неудобоисполнимымъ, какъ и прежній планъ сѣвернаго союза: соперничество между Австріею и Пруссіею, совершенная разрозненность ихъ интересовъ не могли допустить союза между ними. Это рѣзко обнаружилось при первой попыткѣ.

6 іюня Панинъ написалъ Голицыну въ Вѣну: «Я съ удовольствіемъ примѣчаю, что вѣнскій и берлинскій дворы начинаютъ разумѣть другъ друга гораздо съ меньшею претительностію, нежели до сего было, и вижу изъ всего этого, въ чемъ они предо мною открываются, что сами они не признаютъ уже невозможнымъ тѣснѣйшее соединеніе и тройной союзъ нашъ относительно до сохраненія и утвержденія общія тишины и покоя въ Европѣ. За какое же себѣ благодѣяніе почтетъ Европа, а особливо Германія, сію нашу систему? и можно ль предполагать разсудительно, чтобъ какая-нибудь держава захотѣла возстать и воспротивиться оной? Да и не каждое ли замѣшательство между посторонними державами зависѣть будетъ отъ большаго или меньшаго наклоненія нашей системы въ ту или другую сторону, такъ что по справедливости миръ и тишина всей Европы въ нашихъ рукахъ будетъ. По откровенному вашему обращенію съ кн. Кауницомъ, изволите представить ему безъ формалитета и аффектаціи, все оное въ истинномъ разумѣ, такъ какъ и въ самомъ существѣ есть оно собственнымъ моимъ размышленіемъ. Правда, мнѣ представляются тутъ объекты, требующіе великаго уваженія и встрѣчающіе сильныя затрудненія: но я признаюсь и въ томъ, что не нахожу совсѣмъ неудобовозможнымъ приведеніе оныхъ въ общую связь согласія. Между прочими германскими интересами особливо разумѣю я предстоящую большую въ оныхъ

революцію по разрѣшенію наслѣдства курфиршествъ пфальцкаго и баварскаго. Но неужели то, что въ намѣреніи, простирающемся до цѣли или конца какого-либо новаго устройства, предпріемлется дѣйствіемъ оружія, не можетъ никогда средствомъ негоціаціи до того же приводимо быть? а ежели и не всегда такая невозможность настоитъ, то и въ томъ предметѣ не можетъ ли примирено быть противоборствованіе интересовъ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ. Но когда еще съ обѣихъ сторонъ взаимное истинное желаніе и добрая вѣра въ томъ дѣйствовать будутъ, то и не представятся ли выгоднѣйшія для австрійскаго дома средства къ распоряженію себя съ берлинскимъ дворомъ, нежели съ версальскимъ, ибо не возможно кажется, чтобъ не согласуясь ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, отваживаться противъ зависти и помѣшательствъ отъ обоихъ. Я, будучи увѣренъ о благородномъ образѣ мыслей и честности сердца кн. Кауница, ни мало не сумнѣваюсь, что онъ почтетъ самъ за верхъ удовольствія и славы своей такое зданіе, въ которомъ я по склонности моей и по великодушнымъ сентиментамъ нашей государыни, почелъ бы за особливое счастіе быть соучастникомъ, и если кн. Кауницъ заблагоразсудитъ сдѣлать мнѣ объономъ отзывъ для открытія мною къ тому перваго пути, то покорно прошу увѣрить его, что я мнѣніе и предложеніе его о томъ пріиму съ истиннымъ удовольствіемъ и поступлю такъ, что конечно кн. Кауницъ не будетъ сожалѣть объ учиненной мнѣ въ томъ довѣренности». Кауницъ отвѣчалъ Голицыну съ полною откровенностію: «По моему мнѣнію, сказалъ онъ, всѣ договоры о союзѣ и тѣснѣйшей дружбѣ тогда только бываютъ дѣйствительны и полезны, когда договаривающіяся державы совершенно увѣрены взаимно въ добрыхъ и искреннихъ намѣреніяхъ другъ друга. Слѣдуя этому началу, я, съ своей стороны, не желаю никогда удаляться отъ союза съ Россійскимъ дворомъ, ибо увѣренъ не только въ великой пользѣ отъ этого союза для обоихъ дворовъ, но и въ праводушіи Россійскаго двора, на который не отрекусь полагаться во всѣхъ случаяхъ. Но иначе разсуждаю я о берлинскомъ дворѣ, котораго скрытная и корыстолюбивая политика мнѣ уже довольно извѣстна, и думаю безошибочно, что этотъ дворъ по нынѣшнимъ тѣснымъ связямъ своимъ съ Россійскимъ, всегда будетъ стараться не допускать обоихъ императорскихъ

дворовъ къ ближайшему соединенію. Впрочемъ мнѣ кажется, что безполезно начинать вдругъ разныя дѣла и что по окончаніи нынѣшняго польскаго дѣла будетъ больше удобства рѣшить и другія».

Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ Голицынъ получилъ извѣстіе о разговорѣ императора Іосифа съ однимъ довѣреннымъ лицемъ: «Чѣмъ болѣе я думаю о польскомъ дѣлѣ, тѣмъ менѣе могу утаить отъ себя, что два императорскіе двора не обратили должнаго вниманія на свои истинные политическіе интересы, когда рѣшились на раздѣлъ Польши. Самую большую выгоду получитъ отъ этого очевидно король прусскій: соединеніе двухъ главныхъ частей прусскаго государства, большія средства распространить торговлю, качество областей, достающихся ему на долю—все это дастъ ему перевѣсъ. По этому я думаю, что оба двора лучше бы сдѣлали, еслибъ никогда не дотрогивались до Польши, но согласили бы свои взаимные интересы пріобрѣтеніями отъ Турціи». Пересылая это извѣстіе, Голицынъ писалъ: «Императрица-королева оказываетъ рѣшительное отвращеніе отъ польскаго дѣла и не принимаетъ въ немъ никакого участія». Послѣднее извѣстіе мы имѣемъ право принять какъ вполнѣ справедливое; что же касается до перваго, то очевидно, что оно было внушено Голицыну нарочно, чтобъ поддерживать у русскаго двора память о возможности и необходимости новыхъ соглашеній и новыхъ связей по турецкимъ дѣламъ. Что взглядъ Іосифа не расходился со взглядомъ Кауница, что оба сначала хотѣли сдѣлать хорошія пріобрѣтенія на счетъ Польши, а потомъ обратиться къ Турціи, ясно видно изъ вышеприведеннаго письма Іосифа къ Леопольду: въ 1772 году взять польскія воеводства, а въ слѣдующемъ Бѣлградъ и Боснію. Для послѣдняго нужно было продлить войну Россіи съ Турціею, истомить обѣ державы, заставить Россію обратиться къ Австріи. Когда Голицынъ объявилъ Кауницу о разрывѣ Фокшанскаго конгресса, то не примѣтилъ «въ духѣ его надлежащей чувствительности, а только просто отозвался, что удивляется, какъ русскіе уполномоченные начали переговоры такимъ предложеніемъ, какимъ слѣдовало кончить» [220]. Кауницъ долженъ былъ такъ говорить, чтобъ показать несостоятельность русскихъ людей, чтобъ показать, какую ошибку сдѣлалъ русскій дворъ, не принявъ помощи, посредничества Австріи, поручивъ

веденіе дѣла неопытному Орлову, а не искуснѣйшему дипломату—Тугуту.

Фокшанскій конгрессъ рушился, начался бухарестскій, Россія испугалась шведской революціи, уступаетъ туркамъ — все это очень выгодно для Австріи, все это усиливаетъ надежду, что второе дѣло неуйдетъ, а между тѣмъ надобно покончить какъ можно выгоднѣе первое—польское.

Послѣ того, какъ Австрія объявила о своемъ желаніи участвовать въ раздѣлѣ Польши и Россія подписала свою конвенцію съ Пруссіею объ этомъ раздѣлѣ, Фридрихъ II-й былъ очень доволенъ, былъ доволенъ Россіею, даже былъ доволенъ Австріею. «Подписаніе нашего соглашенія (писалъ онъ Сольмсу 1 марта н. с.) доставило мнѣ безконечное удовольствіе. Я всегда смотрѣлъ на это соглашеніе какъ на новую связь, которая должна сдѣлать неразрывною дружбу между двумя дворами, и мнѣ трудно было бы выразить вамъ, какъ я доволенъ завершеніемъ дѣла, столь благодѣтельнаго для обоихъ дворовъ. Рискъ, которому подвергается австрійскій дворъ если обманетъ насъ, утверждаетъ меня во мнѣніи, что теперь онъ дѣйствуетъ добросовѣстно. Другое дѣло съ Франціею. Въ положеніи, въ какомъ находится это государство въ настоящую минуту, вѣнскій дворъ можетъ обманывать его безнаказанно. На что можно положиться — это взаимная гарантія нашихъ пріобрѣтеній въ Польшѣ, торжественно обѣщанная вѣнскимъ дворомъ, и дѣло возможное, что со временемъ изъ этого произойдетъ союзъ между тремя дворами, противъ котораго я конечно не скажу ни слова; напротивъ, я буду этому очень радъ, ибо ничто не въ состояніи такъ утвердить навсегда спокойствіе Европы. Въ самомъ дѣлѣ пока столь могущественные три двора, какъ наши, будутъ въ дружбѣ и союзѣ, никакой другой дворъ не посмѣетъ ничего предпринять для его нарушенія. Такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ я не могу достаточно выразить вамъ свою радость, что дѣла приняли самый выгодный и благопріятный оборотъ».

Отъ 6-го марта онъ писалъ: «Съ удовольствіемъ увидалъ я дружественный тонъ, съ какимъ графъ Панинъ началъ переговоры съ Австріею. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соглашеніе послѣдуетъ скоро. Князь Кауницъ боится, чтобъ французы или англичане не помѣшали этому дѣлу и потому онъ поспѣшитъ кон-

чить его какъ можно скорѣе. Вы меня спрашиваете, какъ изложить наши права на Польшу. Думаю, что краткій и простой манифестъ будетъ самый приличный. Я посылаю вамъ проектъ, который можете показать графу Панину и онъ можетъ сдѣлать поправки, какъ ему заблагоразсудится. Думаю, что передавши его полякамъ, неприлично было бы превратить дѣло въ адвокатскую рѣчь: три двора должны объявить сообща, что они сами удовлетворили своимъ требованіямъ, чего никогда не сдѣлала бы Польша, въ которой нѣтъ никакого правосудія. Теперь ничто не заставляетъ спѣшить взятіемъ во владѣніе польскихъ областей, и графъ Панинъ не долженъ бояться, что мое нетерпѣніе повредитъ дѣлу. Впрочемъ я того мнѣнія, что надобно кончить польскія дѣла прежде открытія конгресса въ Турціи. Что касается турокъ, то ихъ легко заставить переварить раздѣлъ Польши, внушая, что благодаря ему русскіе возвращаютъ имъ Валахію и Молдавію» [221].

Но Фридрихъ не долго находился въ такомъ пріятномъ расположеніи духа. 21 апрѣля н. с. фанъ Свитенъ объявилъ ему долю, которую назначилъ себѣ вѣнскій дворъ изъ польскихъ владѣній: то была вся Галиція, вся Червонная Русь, по которой польскіе короли величали себя русскими государями. — «Чортъ возьми, господа, у васъ я вижу отличный аппетитъ, сказалъ Фридрихъ, взглянувши на карту: ваша доля также велика, какъ моя и русская вмѣстѣ: поистинѣ у васъ отличный аппетитъ!» Фанъ-Свитенъ началъ подробно объяснять, что равенство долей не состоитъ въ величинѣ ихъ по ландкартѣ, но преимущественно въ политическомъ значеніи, а въ этомъ отношеніи прусская и русская доли гораздо важнѣе австрійской; положеніе польской Пруссіи несравненно по удобству округленія и свободныхъ сообщеній, которыя она дастъ прусскому государству; Австрія пріобрѣтаетъ только земли, а Пруссія цѣлое королевство. — «Правда, сказалъ король, пріобрѣтеніе польской Пруссіи мнѣ выгодно; но съ другой стороны вѣдь это песокъ; мнѣ кажется, надобно обращать вниманіе на плодородіе страны и количество народонаселенія. Ну, вы опредѣлили свою долю немного больше, немного меньше — я не стану придираться; но позвольте вамъ сказать, что у васъ отличный аппетитъ» [222]. Но Фридрихъ еще прежде зналъ объ австрійской долѣ и 18 апрѣля писалъ Сольм-

су: «Доля изъ раздѣла, которую австрійцы предоставляютъ себѣ, вовсе не меньше польской Пруссіи вмѣстѣ съ остальными пріобрѣтеніями русскими и прусскими, кромѣ того она заключаетъ въ себѣ соляныя копи польскаго короля, которыя однѣ приносятъ дохода милліонъ талеровъ. Такъ особенно постарайтесь обратить вниманіе графа Панина на алчность, обнаруживаемую въ этихъ претензіяхъ, чтобъ онъ не сдѣлался игрушкою ловкости князя Кауница. Я вамъ объяснилъ вредъ, который послѣдуетъ для моихъ собственныхъ соляныхъ промысловъ, если австрійскій дворъ получитъ польскіе промыслы. Изъ послѣдняго письма русской императрицы я вижу, что спѣшатъ окончаніемъ дѣла съ вѣнскимъ дворомъ; я вовсе не намѣренъ этому препятствовать; я хотѣлъ бы только уговорить русскій дворъ, чтобъ онъ убавилъ что-нибудь изъ австрійскихъ требованій, по крайней мѣрѣ урѣзалъ бы тѣ дистрикты, обладаніе которыми можетъ мнѣ вредить». 22 апрѣля новая депеша: «Всего важнѣе теперь опредѣленіе доли вѣнскаго двора въ раздѣлѣ Польши. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій, какъ австрійскія требованія приняты въ Россіи. Если вѣнскій дворъ получитъ все, то не будетъ никакого равновѣсія между нашими пріобрѣтеніями, и вѣсы покачнутся на его сторону тѣмъ болѣе, что онъ уже и теперь сильнѣе меня. Чтобъ возстановить равновѣсіе, надобно и наши доли сдѣлать значительнѣе. Но, если Россія не слишкомъ поторопится во всемъ этомъ, то я надѣюсь, что еще все можетъ уладиться дружелюбно въ Петербургѣ». Въ Берлинѣ впрочемъ скоро успокоились, нашедши средство примирить австрійскія требованія съ прусскими выгодами. Англійскій посланникъ въ Берлинѣ далъ знать своему двору о письмѣ принца Генриха одному довѣренному лицу; въ этомъ письмѣ говорилось: «Требованія Австріи чрезмѣрны; мы должны торговаться съ вѣнскимъ дворомъ какъ съ купцомъ, и покончить торгъ какъ только можно. Если онъ не спуститъ свои требованія, то мы поднимемъ свои. Боятся разрыва, но этого никогда не будетъ. Участники могутъ найти выгоду только въ соглашеніи».

Въ Петербургѣ 13 апрѣля въ присутствіи императрицы, въ Совѣтѣ читалось объявленіе вѣнскаго двора о польскихъ земляхъ, которыя онъ опредѣлилъ себѣ. Совѣтъ рѣшилъ, что надобно стараться исключить изъ австрійской доли соляныя копи

и городъ Львовъ: первыя въ уваженіе причинъ, представленныхъ королемъ прусскимъ, и также, чтобъ не лишить польскаго короля главнаго дохода, который идетъ съ этихъ копей; а Львовъ нельзя отнять у Польши потому, что тамъ составляются и хранятся всѣ акты польскаго шляхетства. — На основаніи этого рѣшенія было сдѣлано вѣнскому двору представленіе о необходимости ограничить его долю. Въ этомъ представленіи было вычислено, что Россія получаетъ 550,600 душъ народонаселенія, Австрія 816,800, а Пруссія 378,750.

Сольмсъ увѣдомилъ короля, что Панинъ уже говорилъ съ кн. Лобковичемъ о невозможности согласиться на австрійскія требованія. Фридрихъ выражая надежду, что внушенія Панина произведутъ надлежащее дѣйствіе, писалъ Сольмсу (17 мая), что надобно желать скораго окончанія дѣла тѣмъ болѣе, что Франція не пренебрегаетъ ничѣмъ, чтобъ поссорить Австрію съ Пруссіею. По извѣстіямъ, полученнымъ въ Берлинѣ, Франція надѣется успѣть въ своемъ намѣреніи, возбуждая Порту къ продолженію войны, и вполнѣ убѣждена, что ея внушенія и убѣжденія получили полное торжество въ Константинополѣ. Французское министерство воображаетъ также подѣйствовать на императора внушеніями, что ему выгоднѣе дѣйствовать слабо въ примиреніи Россіи съ Портою, выгоднѣе для него, чтобъ эти государства взаимно истощали другъ друга, причемъ Австрія будетъ продолжать получать турецкія субсидіи. По мнѣнію французскихъ министровъ, военнаго и морского, Франція должна предложить Портѣ выгнать русскій флотъ изъ Средиземнаго моря: тогда Порта, ободренная этою диверсіею, будетъ продолжать войну и вознаградитъ свои потери, а вѣнскій дворъ, возбужденный такимъ отважнымъ дѣйствіемъ со стороны Франціи, возвратится къ союзу съ нею, чтобъ освободиться отъ соглашенія съ Россіею и Пруссіею, къ которому приступилъ по неволѣ. «Планы эти дѣйствительно были предложены, писалъ король, но такъ какъ у Франціи совершенно недостаетъ главныхъ средствъ— системы, твердости и денегъ, то навѣрное отъ нихъ откажутся. Графъ Вельгурскій (польскій уполномоченный во Франціи), получивши извѣстіе о вступленіи австрійскихъ и новыхъ русскихъ войскъ въ Польшу, тотчасъ поѣхалъ въ Версаль для сообщенія этихъ извѣстій герцогу Эгильону. Послѣдній выслушалъ его съ

неудовольствіемъ и нетерпѣніемъ, какъ человѣкъ, знающій гораздо болѣе. Когда Вельгурскій спросилъ — что же Франція, неужели покинетъ Польшу въ бѣдѣ и дастъ ее въ раздѣлъ сосѣдямъ, то герцогъ отвѣчалъ ему: «Какъ пособить дѣлу? ваша слабость чрезвычайная и наши усилія будутъ безполезны. Это событіе есть слѣдствіе вашего разъединенія и гадкихъ интригъ моего предшественника.» Фридрихъ писалъ далѣе: «Гнѣвъ польскаго короля и его фамиліи преимущественно направленъ противъ меня; они бы желали, чтобъ Россія и Австрія взяли втрое больше, чѣмъ я. Они надѣются, что Порта не помирится, узнавши о проектѣ раздѣла Польши; надѣются также поднять раздоръ между нами; надѣются наконецъ, что отдаленныя державы поднимутся противъ нашихъ пріобрѣтеній» [223].

Дѣло затянулось, что сильно раздражало Фридриха: «Посылаю къ тебѣ письмо русской императрицы, писалъ онъ брату Генриху: изъ него я вижу, что она уже не такъ довольна австрійцами какъ прежде; кн. Кауницъ влагаетъ въ эти переговоры весь духъ шиканства, какой только они допускаютъ. Это меня бѣситъ, ибо замедляетъ вступленіе въ обладаніе нашею долею и причиняетъ всякого рода непріятности, какъ относительно поляковъ, такъ и другихъ иностранныхъ державъ, которымъ, при такомъ нерѣшительномъ положеніи, не знаешь что отвѣчать. Я видѣлъ большую часть куска, который выпадаетъ на нашу долю; мы всего больше выигрываемъ относительно торговли; мы становимся хозяевами всѣхъ произведеній и всего ввоза Польши; а самая главная наша выгода состоитъ въ томъ, что становясь господами хлѣбной торговли, мы не будемъ никогда терпѣть голода» [224].

Молодой подражатель старого Фридриха императоръ Іосифъ также сгаралъ нетерпѣніемъ и сильно жаловался брату Леопольду на медленность, съ какою велось дѣло въ Вѣнѣ. Онъ писалъ, что никакъ нельзя уступать требованіямъ Россіи, что Австріи необходимо имѣть часть Краковскаго воеводства для сообщенія съ Силезіею и Моравіею; необходимо имѣть соляныя копи, ибо это почти единственная доходная статья во всей Галиціи; необходимо имѣть Львовъ, ибо это единственное мѣсто, способное быть правительственнымъ центромъ. Отъ 17 іюня Іосифъ увѣдомлялъ брата, что генералъ Дальтонъ уже занялъ

соляныя копи и привелъ къ присягѣ чиновниковъ. 9-го іюля Іосифъ писалъ брату, что дѣла въ Польшѣ идутъ порядочно, австрійскія войска выхватили изъ-подъ носа (soufflé) у русскихъ Тынецъ [225]. Крѣпкій монастырь Тынецъ, въ которомъ засѣли конфедераты, былъ обложенъ Суворовымъ, когда къ нему приблизились австрійцы подъ начальствомъ генерала Дальтона. Послѣдній началъ безпрестанно присылать къ Суворову съ предложеніями передать Тынецъ австрійцамъ, которымъ конфедераты охотно отдаются, и напрасно употреблять тутъ силу и губить людей, гдѣ безъ того обойтись можно. Суворовъ постоянно отвѣчалъ, что конфедераты должны положиться на милость императрицы и сдаться, что онъ никакихъ условій съ ними постановлять не будетъ, и сверхъ того не можетъ оставить осады Тынца безъ приказанія главнаго начальника Бибикова. Тогда Дальтонъ еще ближе придвинулъ свой лагерь къ войскамъ Суворова, и многіе австрійскіе офицеры безъ спросу начали перебѣгать въ Тынецъ къ осажденнымъ. Суворовъ послалъ сказать Дальтону, что если кто изъ австрійцевъ осмѣлится пробираться въ Тынецъ, то съ нимъ будетъ поступлено какъ съ непріятелемъ. Дальтонъ послѣ этого отодвинулся отъ монастыря и далъ Суворову обѣщаніе никого болѣе изъ своихъ не пускать въ Тынецъ. Но 23 іюня ночью, по его приказанію, 20 человѣкъ пѣхоты и 10 пѣшихъ гусаръ поодиночкѣ пробрались сквозь русскіе посты въ Тынецъ; но другая команда была окликнута русскими часовыми, спряталась въ рожь и взята русскимъ пикетомъ. На другой же день Дальтонъ прислалъ объявить Суворову, что въ Тынцѣ уже болѣе не конфедераты, но австрійское войско, и потому онъ, Суворовъ, не долженъ не только стрѣлять въ монастырь, но обязанъ снять осаду. Суворовъ отвѣчалъ, что онъ этому вѣрить не можетъ, ибо никакой отрядъ австрійцевъ въ монастырь не проходилъ, и самъ Дальтонъ обѣщалъ никого не пропускать, и дѣйствительно прошлую ночь пробѣжало въ Тынецъ нѣсколько дезертёровъ; онъ, Суворовъ, увѣряетъ ген. Дальтона, что эти дезертёры, по взятіи Тынца, возвращены будутъ въ австрійское войско, осада же монастыря и стрѣльба будутъ продолжаться по прежнему. Но Дальтонъ прислалъ съ требованіемъ, чтобъ позволено было провозить въ Тынецъ съѣстные припасы для пропитанія его людей, въ про-

тивномъ же случаѣ онъ окружитъ величковскій замокъ, гдѣ находился русскій отрядъ, и запретитъ пропускать туда съѣстные припасы. Суворовъ опять отвѣчалъ, что такъ какъ въ Тынцѣ одни возмутители, австрійскихъ войскъ тамъ быть не можетъ, то и онъ не можетъ позволить провоза туда съѣстныхъ припасовъ. Бибиковъ, получа эти донесенія отъ Суворова, испугался, чтобъ дѣло не дошло до вооруженнаго столкновенія, вовсе не желательнаго при тогдашнихъ отношеніяхъ, и послалъ приказаніе въ Люблинъ къ ген.-поручику Романіусу ѣхать подъ Тынецъ и постараться прекратить вражду между Суворовымъ и Дальтономъ, а если послѣдній будетъ продолжать враждебное поведеніе, то дать знать объ этомъ Бибикову, котораго находившійся въ Варшавѣ австрійскій генералъ графъ Ришкуръ увѣрилъ, что Дальтонъ будетъ смѣненъ за свои поступки; въ то же время Суворову было послано приказаніе уклоняться отъ крайностей. Какъ видно, тотъ же Ришкуръ далъ знать Дальтону, что можетъ дѣйствовать безопасно, ибо у Суворова руки связаны приказаніемъ Бибикова, и Дальтонъ, еще до пріѣзда Романіуса, прорвался чрезъ русскій кордонъ и занялъ Тынецъ, а потомъ, когда пріѣхалъ Романіусъ, началъ оказывать ему всевозможныя учтивости [226].

Между тѣмъ Фридрихъ II обратился въ Петербургъ съ совѣтомъ согласиться на австрійскія требованія съ тѣмъ, чтобъ и прусская доля была увеличена городами — Данцигомъ и Торномъ. 10 іюня Сольмсъ прислалъ Панину письмо: «Изъ затрудненій, противопоставляемыхъ Австріею для успѣшнаго окончанія дѣла, два выхода: первый состоитъ въ томъ, чтобъ открыто воспротивиться намѣреніямъ вѣнскаго двора. Но это поведетъ далеко, удалитъ умиротвореніе Польши, усилитъ смуту; Россія и Пруссія не смогутъ привлечь поляковъ на свою сторону противъ Австріи, которая обратится къ своимъ старымъ связямъ; въ Европѣ возгорится общая война, за что?—въ этомъ не легко будетъ признаться, и еслибы даже война кончилась въ нашу пользу, она броситъ сѣмена другой войны вслѣдствіе вражды, которая возникнетъ между различными дворами, которые примутъ въ ней участіе. Другой выходъ состоитъ въ примѣненіи къ обстоятельствамъ, въ удовлетвореніи австрійскимъ требованіямъ. Но въ такомъ случаѣ будетъ несправедливо, чтобъ

прусскій король, который не переставалъ давать существенныя доказательства своей дружбы къ Россіи, и который, внявъ дружественнымъ представленіямъ императрицы, отказался отъ пріобрѣтенія такихъ частей Польши, которыя гораздо важнѣе для Пруссіи, чѣмъ краковскіе соляные промыслы и Львовъ для Австріи. Если русскій дворъ, чтобъ не погрузить Европу въ новую войну, предпочитаетъ уступить требованіямъ Австріи, то смѣю ласкать себя надеждою, что онъ не будетъ въ этомъ случаѣ противорѣчить и тому, чтобъ прусскій король прибавилъ еще къ своей долѣ города Данцигъ и Торнъ, которые и безъ того уже окружены его новыми владѣніями, и безъ которыхъ главная выгода пріобрѣтенія отъ Польши, состоящая въ округленіи прусскихъ владѣній, не будетъ никогда полною. Въ этомъ будетъ состоять единственная возможность для Пруссіи согласиться безъ труда и отвращенія на то, чтобъ могущественный и опасный сосѣдъ захватилъ себѣ такія обширныя и важныя земли. Въ этомъ же заключается единственное средство покончить дѣло скоро и спокойно. Опасаюсь и того, что если продлятся споры о равенствѣ долей, то между дворами вѣнскимъ и берлинскимъ произойдетъ гибельное столкновеніе». Сольмсъ обратился и къ кн. Лобковичу съ внушеніемъ, чтобъ Австрія не препятствовала присоединенію Данцига и Торна къ Пруссіи; Лобковичъ далъ знать объ этомъ Панину и получилъ отъ него успокоительный отвѣтъ, что Россія никогда не согласится на уступку Пруссіи упомянутыхъ городовъ [227]. Но для этого и Австрія должна была уступить.

12 іюля Фридрихъ писалъ Сольмсу, что Австрія отказывается отъ воеводствъ Люблинскаго и Хельмскаго, но никакъ не хочетъ отказаться отъ соляныхъ копей и города Львова, и что это послѣднее слово вѣнскаго двора. «Зрѣло размысливъ, писалъ король, я вамъ признаюсь, что по моему, если хотятъ кончить это дѣло добромъ, надобно принять австрійскія условія. Впрочемъ я не предписываю Россіи, какъ она должна поступить въ этомъ случаѣ, я просто объявляю вамъ мое мнѣніе.» Въ другой депешѣ (отъ 5-го августа) король изложилъ причины, заставлявшія его уступить Австріи: «Переговоры съ Портою не привели еще ни къ чему; Франція и Англія дурно смотрятъ на раздѣлъ Польши. Быть можетъ оба эти двора употребляютъ всѣ

усилія, чтобъ оттянуть вѣнскій дворъ отъ русско-прусской системы и заставить его скорѣе войти въ соглашенія съ Турціею. Если эта интрига имъ удастся, то мирный конгрессъ рушится, дѣла запутаются снова гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде и для распутанія ихъ встрѣтятся непреодолимыя трудности.» Депеша Фридриха отъ 12 іюля (н. с.) была прочтена Совѣту 16 іюля (с. с.) вмѣстѣ съ отвѣтомъ вѣнскаго двора на русскія возраженія относительно соляныхъ копей и Львова. Кауницъ писалъ, что его дворъ соглашается исключить изъ своихъ требованій воеводства Люблинское и Хельмское, но не можетъ уступить соляныхъ копей и Львова; вмѣсто соляныхъ копей можно отдать польскому королю означенныя воеводства, согласиться съ польскою республикою о цѣнѣ соли при постановленіи договора и перевезть шляхетскіе акты изъ Львова въ Люблинъ. Рѣшено было согласиться на это и заключить и съ вѣнскимъ дворомъ конвенцію о раздѣлѣ [228].

31 іюля Фридрихъ писалъ Сольмсу: «Баронъ фанъ-Свитенъ только что вышелъ отъ меня. Онъ мнѣ сообщилъ новый проектъ манифеста о занятіи польскихъ областей, который кн. Кауницъ самъ написалъ, и который, въ сущности, не отличается отъ манифеста графа Панина. Австрійскій министръ того мнѣнія, что такъ какъ есть разница въ положеніи его двора и русскаго, то должна быть разница и въ манифестѣ. Я прочелъ проектъ внимательно и не нашелъ ничего сказать противъ. Въ политикѣ общее правило: если неопровержимыхъ доказательствъ нѣтъ, то лучше выражаться лаконически и не очень вдаваться въ подробности. Я знаю хорошо, что у Россіи много правъ поступить такъ съ Польшею, но нельзя того же сказать объ насъ съ Австріею; такъ что по моему мнѣнію лучше сообразоваться съ идеями князя Кауница».

Когда все было кончено относительно Польши, то въ Вѣнѣ рѣшили дать знать и Фридриху о своихъ видахъ на Турцію. 30 августа Фридрихъ писалъ Сольмсу: «Нѣсколько дней тому назадъ я видѣлся въ Нейссе съ графомъ Дидрихштейномъ, который, какъ я думаю, былъ туда отправленъ, чтобъ попытать меня. Изъ его разговоровъ я вижу ясно, что императоръ и Ласси не довольны пріобрѣтеніями отъ Польши. Имъ бы хотѣлось выгнать турокъ изъ Европы и овладѣть всею венгерскою землею,

находящеюся на лѣвомъ берегу Дуная. Они были бы довольны, еслибъ Фокшанскія конференціи прекратились, чтобъ помочь русскимъ выгнать турокъ изъ Европы и въ такомъ случаѣ они пожалуй согласятся, чтобъ Россія взяла себѣ Молдавію и Валахію. Я думаю, что имъ очень хочется заключить для этого союзъ съ Россіею, но они боятся, чтобъ французы и испанцы не сдѣлали имъ диверсіи въ Италіи и Фландріи, и потому обращаются ко мнѣ. Для привлеченія меня на свою сторону они откажутся отъ всѣхъ пріобрѣтеній въ Польшѣ съ тѣмъ, чтобъ я могъ получить для себя теченіе Варты и все, что пожелаю въ сосѣдствѣ Силезіи. Я хотѣлъ узнать, что они намѣрены сдѣлать съ Греціею, но они объ этомъ еще не думали. Я желаю, чтобъ графъ Орловъ заключилъ миръ съ турками; но если этого не случится, то мы увидимъ новую сцену, дѣло пойдетъ о союзномъ договорѣ, которымъ вѣнскій дворъ вѣроятно предполагаетъ все опредѣлить съ своими новыми союзниками. Я отвѣчалъ спокойно, что все это дѣло возможное, успѣть въ немъ не трудно, если согласиться и дѣйствовать искренно, но что должно сначала посовѣтоваться обо всемъ съ русскою императрицею. Что меня больше всего порадовало въ этихъ откровеніяхъ, такъ это то, что графъ Дитрихштейнъ вовсе не скрывалъ дурныхъ отношеній, господствующихъ теперь между его дворомъ и версальскимъ». Сольмсъ долженъ былъ сообщить объ этомъ Панину in extenso.

Прусскій посланникъ въ Вѣнѣ Эдельгеймъ увѣдомилъ своего государя, что Марія Терезія въ большой нерѣшительности относительно польскихъ дѣлъ. Она выставляетъ угрызеніе совѣсти, которое причиняетъ ей соглашеніе о раздѣлѣ Польши, и въ минуты дурного расположенія духа сильно упрекаетъ императора своего сына за то, что его свиданія съ королемъ прусскимъ послужили первымъ источникомъ затрудненій, въ какихъ она теперь находится. Императоръ очень на это досадуетъ, и утверждаютъ, что ежедневныя ссоры между матерью и сыномъ стали теперь чаще и сильнѣе. Кн. Кауницъ, имѣя большое участіе въ томъ, что произвело эти сцены, становится на сторону императора.—Сообщая эти извѣстія Сольмсу, Фридрихъ писалъ ему (15 ноября): «Гр. Панину нечего этого бояться. Надобно дать свободу дѣйствовать кн. Кауницу, который, какъ ловкій министръ, знающій рас-

положеніе духа и характеръ своей государыни, найдетъ средство успокоить ея боязливую совѣсть.» Въ другой депешѣ (21 ноября) Фридрихъ увѣдомлялъ Сольмса, что Марія Терезія продолжаетъ терзаться угрызеніями совѣсти, и прибѣгла къ казуистамъ. Духовникъ отвѣчалъ, что не зная законныхъ правъ ея на взятыя польскія области, онъ не можетъ смотрѣть на ея предпріятіе какъ на большой грѣхъ. Другія духовныя лица отвѣчали, что законы, которыми руководятся государства и государи, отличны отъ законовъ, которыми руководятся частныя лица, и что есть случаи, гдѣ императрица можетъ руководствоваться только политическимъ интересомъ. Послѣднее рѣшеніе приписываютъ іезуитамъ [229].

13 августа, въ Совѣтѣ, Екатерина подписала рескриптъ графу Захару Чернышеву о вступленіи между 1 и 7 числами будущаго сентября во владѣніе присоединяемыхъ отъ Польши земель. Чернышевъ, который первый высказался въ пользу этого присоединенія, назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Бѣлоруссіи. Прусскій король 27 сентября (н. с.) принялъ присягу отъ жителей польской Пруссіи, и въ тотъ же день написалъ Сольмсу: «Вы скажете гр. Панину, что онъ можетъ увѣрить императрицу моимъ именемъ, что нынче въ день присяги отъ Пруссіи, я ея увѣряю, что она обязала не неблагодарнаго человѣка; я не упущу ни одного случая засвидѣтельствовать ей и Россіи мою признательность не на словахъ, а на дѣлѣ.» [230].

Что же дѣлалось въ Польшѣ въ 1772 году, когда судьба ея окончательно рѣшалась между тремя сосѣдними дворами?

Въ началѣ года главнымъ предметомъ разговоровъ, главнымъ интересомъ были по прежнему притѣсненія отъ прусскихъ войскъ. Французскій агентъ доносилъ своему двору: «Въ то время какъ прусскій король становится все болѣе и болѣе ненавистенъ, кажется Россія хочетъ смягчить прежнее обращеніе съ поляками, чему служитъ доказательствомъ приказъ Бибикова, требующій отъ войска строгой дисциплины. Только и разговоровъ, что о прусскихъ притѣсненіяхъ, которымъ особенно подвергается духовенство, и Бенуа объясняетъ дѣло тѣмъ, что духовенство главнымъ образомъ виновато въ смутѣ, и, стѣсняя духовенство, король вмѣстѣ съ Россіею содѣйствуетъ умиротворенію Польши.» Только отъ 29 февраля (н. с.) агентъ пишетъ: «Въ поступкахъ прусскаго короля обнаруживаются стремленія пріобрѣсть выгоды

постоянныя: онъ хочетъ овладѣть вармійскою провинціею, потому что его генералы вытребовали у епископа архивъ.» Жераръ въ Данцигѣ зналъ дѣло лучше, и 5 марта увѣдомилъ свой дворъ о заключеніи договора относительно раздѣла Польши, тогда какъ товарищъ его въ Варшавѣ только 25 марта писалъ: Сальдернъ говоритъ, что дѣло кончится плохо для Польши, прусскій король непремѣнно получитъ польскую Пруссію. Съ другой стороны видно, что дворы русскій и австрійскій сближаются; быть можетъ вѣнскій дворъ согласится на усиленіе Пруссіи, если ему возвратятъ Силезію или оставятъ въ его власти польскія области, которыми онъ овладѣлъ; Россія также будетъ стараться вознаградить себя на счетъ Польши. И такъ повидимому Польша наканунѣ того дня, въ который станетъ добычею своихъ сосѣдей. 16 мая агентъ изъ Варшавы доносилъ: «Хотя общее мнѣніе считаетъ раздѣлъ Польши дѣломъ рѣшеннымъ, но Чарторыйскіе утверждаютъ, что это вздоръ.»

Въ самомъ началѣ года коронный канцлеръ Млодзѣевскій пріѣхалъ къ Сальдерну съ жалобами на прусскія притѣсненія: «Не считаете ли вы приличнымъ, говорилъ онъ, чтобы король обратился къ ея и. в—ству, отправилъ къ ней министра для увѣдомленія о поступкахъ и притѣсненіяхъ прусскаго короля?» Сальдернъ воспользовался случаемъ, чтобъ высказаться: «Я думаю, отвѣчалъ онъ, что императрица не приметъ никакого посла отъ Польши пока смута продолжается. Ея и. в—ство очень хорошо помнитъ все происшедшее здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ; она замѣчаетъ не только равнодушіе польскаго двора относительно ея, но и явное сопротивленіе всѣмъ ея добрымъ намѣреніямъ. Какъ вы хотите, чтобъ императрица заступилась за Польшу передъ прусскимъ королемъ, когда это единственный государь, который дѣйствуетъ единодушно съ нею въ настоящихъ дѣлахъ, и какъ вы можете думать, чтобъ моя государыня захотѣла сдѣлать непріятность другу, заступаясь за поляковъ, которые ни теплы, ни холодны и на которыхъ можно смотрѣть какъ на враговъ Россіи? Я говорю не объ однихъ конфедератахъ, но обо всѣхъ тѣхъ, которые хотя не замѣшаны открыто въ настоящія смуты, но дѣйствуютъ подъ рукою и наполняютъ Варшаву, я не исключаю даже и двора. Ея и. в—ство не забудетъ холодности, невниманія, непослѣдовательности и неправильности въ поступ-

кахъ, какіе король и его фамилія позволили себѣ, покровительствуя части народа, возмутившейся противъ своего короля, поддерживаемаго моей государыней. Послѣ моей деклараціи я нѣсколько разъ имѣлъ разговоры съ дядьми короля и вице-канцлерами и объявилъ имъ о намѣреніяхъ ея и. в—ства успокоить Польшу, излагая имъ, что императрица согласна на измѣненія въ самыхъ существенныхъ пунктахъ послѣдняго договора, именно, дастъ объясненія относительно гарантіи и не откажется ограничить права диссидентовъ въ томъ случаѣ, если они согласятся сами пожертвовать частью своихъ правъ для отнятія предлога у злонамѣренныхъ людей продолжать разбойничества подъ религіознымъ знаменемъ. Что же касается внутреннихъ дѣлъ, то императрица требовала только сохраненія liberum veto для всей шляхты. Они были очень довольны; но захотѣли ли воспользоваться добрыми намѣреніями ея и. в—ства, приступили ли къ дѣлу? Князь воевода русскій сказалъ, что у насъ мало войска въ Польшѣ для поддержанія этого дѣла, что республика находится въ кризисѣ и положеніе ея таково, что не можетъ ухудшиться. Я очень хорошо понимаю смыслъ этихъ словъ: воевода хотѣлъ сказать, что у насъ на плечахъ война, которая можетъ пойти для насъ не удачно, ибо онъ не могъ не знать, что у насъ въ Польшѣ 12,000 войска, число очень достаточное для ихъ поддержанія, еслибъ они захотѣли серіозно воспользоваться нашимъ добрымъ расположеніемъ, вмѣсто того чтобъ увеличивать смуту своимъ бездѣйствіемъ. Короля и республику никто не поддерживаетъ кромѣ императрицы: но оказывается ли къ ней довѣріе? Король обращается въ другую сторону, обольщаясь надеждою, что можетъ найти подпору въ сосѣдѣ, который до сихъ поръ не оказалъ ему ни малѣйшихъ знаковъ дружбы и пользы, наоборотъ, покровительствуетъ людямъ, посягающимъ на власть и жизнь короля. Вѣнскій дворъ знаетъ и видитъ все, что король прусскій дѣлаетъ въ Польшѣ. Въ другое время онъ не смотрѣлъ бы на это равнодушно. Теперь Австрія не только овладѣла польскими землями, но, быть можетъ, имѣетъ еще какіе-нибудь скрытые виды. Императрица требуетъ у короля и республики благоразумной дружбы, основанной на поддержаніи естественной польской конституціи. Если король и его друзья предпочитаютъ оставаться въ бездѣйствіи и упорствовать въ своемъ равнодушіи, то не ея

вина, если она приметъ мѣры, соотвѣтствующія ея достоинству и интересамъ ея имперіи. Я предсказываю, что Польша должна ждать крайней смуты. Не разъ я давалъ вамъ чувствовать, что прошлое лѣто вы упустили самую благопріятную минуту успокоить Польшу вашими собственными силами при поддержкѣ Россіи; я давалъ вамъ чувствовать, что по упущеніи этой благопріятной минуты успокоеніе Польши уже не будетъ болѣе зависѣть отъ свободной націи, но что вы получите законы и миръ изъ рукъ вашихъ сосѣдей. Когда начались жалобы на поведеніе короля прусскаго, то никогда не скрывалъ я ни отъ короля, ни отъ васъ, что прусскій король будетъ для васъ еще тягостнѣе и что онъ болѣе всѣхъ пользуется смутою польскою.»

Обвинительная рѣчь и приговоръ по ней были произнесены. Это было послѣднее объясненіе Сальдерна, послѣ чего посолъ еще настойчивѣе сталъ просить объ увольненіи. Въ письмѣ отъ 24 января онъ умолялъ императрицу отозвать его изъ Варшавы или, по крайней мѣрѣ, не оставлять его тамъ долѣе сентября, представляя совершенное разстройство здоровья. Панину Сальдернъ писалъ: «Я не сплю больше, желудокъ у меня уже больше не варитъ». Но его оставили до сентября, и поведеніе его опредѣлялось въ письмѣ Панина отъ 28 февраля: «Настоящее положеніе нашихъ дѣлъ съ вѣнскимъ дворомъ измѣняетъ совершенно сущность комбинацій, движеній и интригъ во всемъ касающемся вашего поста. Вдругъ теряетъ значеніе множество дѣлъ, которыя иначе заслуживали бы нѣкотораго вниманія съ нашей стороны, какъ напримѣръ: 1) тонкая штука Чарторыйскихъ выслужиться своимъ посредничествомъ при сближеніи двухъ дворовъ. Это сближеніе уже произошло, и мы можемъ поблагодарить Чарторыйскихъ за ихъ услугу только доставленіемъ имъ удовольствія нечаянности, представляя имъ узнать объ этомъ соглашеніи изъ его послѣдствій. Въ ожиданіи развязки они могутъ вести свою секретную переписку, которой придаютъ такую важность. 2) Равнымъ образомъ мы должны отвѣчать молчаніемъ на жалобы поляковъ противъ Пруссіи. Наше соглашеніе съ прусскимъ королемъ подписано, послѣ чего было бы противорѣчіемъ съ нашей стороны обращать вниманіе на жалобы противъ войскъ этого государя; нашъ интересъ требуетъ, чтобъ онъ тѣснилъ

все сильнѣе и сильнѣе поляковъ и былъ бы въ состояніи помочь намъ при окончательныхъ объясненіяхъ съ Польшею».

Въ концѣ мая въ Маріенбургѣ прусскій офицеръ объявилъ польскому чиновнику, что присоединеніе польской Пруссіи не есть секретъ, что это послѣдуетъ по договору съ Австріею и Россіею. Польское министерство тотчасъ же дало знать объ этомъ иностраннымъ министрамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Несчастная Польша, опустошаемая 5 лѣтъ собственными жителями и сосѣдями, будетъ лишена лучшихъ провинцій державами, съ которыми у нея не было никакого столкновенія, которымъ она не подала никакого законнаго предлога къ жалобѣ, а на одну изъ нихъ имѣла право возлагать надежду и довѣріе. Какъ бы жестоко и насильственно ни было поведеніе Россіи относительно Польши, какъ бы ни было несправедливо предпріятіе прусскаго короля, поступокъ вѣнскаго двора, нося тотъ же характеръ насилія и несправедливости, является еще болѣе ненавистнымъ, ибо соединенъ съ хитростію и двоедушіемъ».

Сальдернъ въ глубокомъ оффиціальномъ молчаніи доживалъ послѣдніе дни въ Варшавѣ. Поляки видѣли въ немъ падшее величіе и потому обратили все свое вниманіе на Бибикова. Сальдернъ не утерпѣлъ и послалъ къ Панину доносъ на главнаго военнаго начальника: «Поведеніе Бибикова, писалъ онъ, вовсе не соотвѣтствуетъ русской системѣ. Король, его братья и дядья поймали его за слабую сторону: имъ управляютъ женщины, жена маршала Любомирскаго, гетмана Огинскаго и другія, подставленныя королемъ, чтобъ не дать ему придти въ себя. Чарторыйскій канцлеръ, эта старая лисица, вызвалъ съ тою же цѣлію изъ Литвы дочь Пршездецкаго. Бибиковъ дѣлаетъ все, что эти люди внушаютъ ему посредствомъ женщинъ; ему не даютъ ни одного дня отдыха, чтобъ онъ могъ опомниться: то охота, то загородная прогулка, то балъ, развлеченія всякаго рода, сопровождаемыя самою низкою лестью и угодничествомъ со стороны поляковъ, держатъ его въ цѣпяхъ. Онъ не пропускаетъ ни одного вечера у госпожи Огинской, бывать у которой генералъ Веймарнъ запретилъ русскимъ офицерамъ по причинѣ поведенія мужа и фамиліи и по причинѣ азартной игры. Но теперь все позволено. Бибиковъ забывается до такой степени, что преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ ненавидятъ Чарторыйскіе и братъ короля. Су-

дите, сколько случаевъ имѣетъ войсковой начальникъ притѣснять кого захочетъ. Я употреблялъ всѣ средства для удержанія его отъ этого, и иногда успѣвалъ, особенно когда обращался къ нему письменно: онъ боялся, что отошлю копіи ко двору. У него нѣтъ секрета, какъ скоро найдено средство возбудить его тщеславіе. Лѣнь, которая беретъ начало въ образѣ его жизни, останавливаетъ движеніе дѣлъ; часто случается, что болѣе 60 приказовъ по осьми дней лежатъ безъ подписи» [231].

Но подобныя донесенія теперь вредили только самому Сальдерну. Онъ отправился въ Польшу, по крайней мѣрѣ по общему мнѣнію, какъ другъ, какъ самый близкій человѣкъ къ первенствующему министру графу Панину, а возвращался въ Петербургъ далеко не съ такимъ значеніемъ. Не даромъ ему не хотѣлось ѣхать въ Варшаву. Онъ имѣлъ славу искуснѣйшаго дѣльца, и чѣмъ сильнѣе были возбуждены надежды отправленіемъ его въ Польшу, надежды, что онъ успѣетъ уладить тамошнія дѣла, тѣмъ опаснѣе было потерять прежнюю репутацію неуспѣхомъ дѣйствій; а неуспѣхъ долженъ былъ казаться Сальдерну очень и очень возможнымъ, особенно когда дѣло уже дѣлалось съ другого конца, и дѣлалъ его король прусскій. Мы видѣли столкновеніе Фридриха II-го съ Сальдерномъ по поводу сѣверной системы, послѣ чего прусскій король почтилъ русско-голштинскаго министра своею ненавистію, которая не могла уменьшиться отъ борьбы Сальдерна въ Копенгагенѣ противъ прусскаго вліянія. Сальдернъ, разумѣется, платилъ Фридриху тѣмъ же чувствомъ. Когда онъ былъ назначенъ въ Варшаву, то прусскій король выразился о немъ такъ въ разговорѣ съ фанъ-Свитеномъ: «Это человѣкъ заносчивый, упрямый, самолюбивый, думающій о себѣ Богъ знаетъ что» [232]. Но если Фридриху могло не нравиться присутствіе Сальдерна въ Варшавѣ, то еще болѣе не должно было ему нравиться присутствіе его въ Петербургѣ въ самое важное время, когда рѣшался польскій вопросъ; понятно, какъ выгодно было для прусскаго короля, чтобъ въ это время при первенствующемъ русскомъ министрѣ не было человѣка враждебнаго Пруссіи, твердившаго, что въ виду сдержанія послѣдней необходимо сближеніе съ Австріею. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что съ отъѣздомъ Сальдерна Панинъ все болѣе и болѣе уступаетъ прусскому вліянію, и есть извѣстія,

что отсутствіемъ Сальдерна искусно воспользовались въ Берлинѣ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, Гуннингъ доносилъ своему двору, что прусскій король, давно замѣтивъ въ графѣ Панинѣ сильнѣйшее тщеславіе, постарался питать эту страсть такъ искусно, что сдѣлалъ первенствующаго министра полнымъ своимъ приверженцемъ. Подарки, хотя и незначительной цѣнности, но частые и всегда сопровождаемые собственноручными письмами, наполненными самыми лестными выраженіями, достигли цѣли, заставили Панина смотрѣть на каждое дѣло согласно съ видами его прусскаго величества; Панинъ чуть не обожаетъ Фридриха II-го [233]. Но если такъ, то легко понять, какъ Панинъ долженъ былъ смотрѣть на своего стараго друга Сальдерна, который остался при прежнихъ своихъ чувствахъ къ прусскому королю и не упускалъ случая высказывать эти чувства, что было хорошо извѣстно Панину явными и тайными путями. Мы видѣли, что Сальдернъ самъ передалъ Панину разговоръ свой съ Млодзѣевскимъ, гдѣ выставилъ Фридриха II-го какъ государя болѣе всѣхъ пользующагося польскою смутою. Но въ другихъ случаяхъ онъ выражался еще яснѣе и сильнѣе. Жераръ доносилъ изъ Данцига отъ 6 мая: «Царица чувствуетъ неловкость своего положенія и желаетъ, чтобъ другія государства восполнили ея безсиліе, разрушивши проекты прусскаго короля. Этотъ образъ мыслей Екатерины II-й подтверждается словами Сальдерна, которыя онъ съ нѣкотораго времени повторяетъ, именно, что король прусскій обманулъ его государыню». Сальдернъ позволилъ себѣ сказать городовому секретарю Данцига: «Императрица вовсе не одобряетъ видовъ короля прусскаго; но великая нужда въ мирѣ заставляетъ ее закрыть глаза и согласиться на исполненіе плана этого государя». Мало того: Сальдернъ поручилъ секретарю предложить магистрату присоединиться къ городамъ Торну и Эльбингу и просить или совершенной независимости или возможности оставаться подъ покровительствомъ польскаго короля. Австрійскій уполномоченный въ Варшавѣ, баронъ Ревицкій доносилъ своему двору, что Сальдернъ рѣшительно порицаетъ дѣйствія первенствующаго русскаго министра. «Безъ самаго тѣснаго союза между Россіею и Австріею, говорилъ Сальдернъ Ревицкому, прусскій король удалитъ оба императорскіе двора на задній планъ и самъ полу-

читъ важнѣйшія выгоды». По свидѣтельству того же Ревицкаго, Сальдернъ хотѣлъ сломить значеніе магнатовъ въ Польшѣ и нѣкоторымъ образомъ уравнять имущественныя отношенія между частными лицами; онъ думалъ помирить народное большинство съ раздѣломъ Польши надеждою освобожденія отъ притѣсненій, какія оно терпѣло отъ своихъ соотечественниковъ. Но Панинъ не согласился на это.

Преемникомъ Сальдерна въ Варшаву назначенъ былъ дѣйствительный камергеръ баронъ Штакельбергъ. По поводу этого назначенія англійскій посланникъ писалъ своему министерству: «Такъ какъ здѣсь ничего не дѣлается безъ совѣта короля прусскаго, то лицо, назначенное на мѣсто г. Сальдерна, было избрано согласно съ его мнѣніемъ, ибо его гибкій и примѣняющійся къ обстоятельствамъ характеръ, по словамъ его прусскаго величества, идетъ къ этому посту болѣе, чѣмъ характеръ его предшественниковъ»[234]. Мы знаемъ одно, что Штакельбергъ поѣхалъ съ сильными предубѣжденіями противъ своего непосредственнаго предшественника.

Въ инструкціи Штакельбергу, подписанной 11 августа, такъ объяснялись побужденія, заставившія Россію приступить къ раздѣлу польскихъ владѣній: «Не безъизвѣстно вамъ, что на польскія дѣла и вслѣдствіе ихъ происшедшую войну между Россіею и Турціею, совершенно разно смотрѣли два двора—вѣнскій и берлинскій. Первый находился въ тѣсномъ союзѣ съ Франціею, которой политика, всегда противоборствующая политикѣ русской при всѣхъ дворахъ, усиливала и подкрѣпляла польскіе мятежи людьми и деньгами, и воплями своими и интригами, при помощи большихъ денегъ, заставила Порту объявить Россіи войну. Подчиняясь вліянію такого союзника, вѣнскій дворъ и самъ благопріятствовалъ конфедератамъ, давая имъ убѣжище въ своихъ земляхъ; не меньше доброжелательства оказывалъ онъ Портѣ. Прусскій король, напротивъ, вѣрно исполнялъ обязательства союзныхъ договоровъ, платилъ субсидіи, удерживалъ на границахъ шайки конфедератовъ, внимательно наблюдалъ за поступками австрійскаго дома, показывая всегда готовность увѣдомлять о нихъ своего союзника. Среди двойныхъ заботъ Россіи въ войнѣ съ Портою и польскими мятежниками, вѣнскій дворъ призналъ, что нашелъ удобный случай заплатить себѣ

собственными руками за доброжелательство, оказанное имъ какъ Портѣ, такъ и конфедератамъ, и, не прикрывая своихъ поступковъ никакимъ правомъ или предлогомъ (?), овладѣлъ землями Ципса. Чѣмъ меньше русскій и берлинскій дворы оказали явнаго вниманія къ этому движенію, тѣмъ болѣе подвергли они его обсужденію во внутренности кабинета, совѣщаясь другъ съ другомъ, какъ приспособить къ этому явленію собственныя мѣры. Надобно было признать одну изъ мѣръ: или явно протестовать противъ поступка Австріи, завести переговоры, чтобъ принудить вѣнскій дворъ отступиться отъ захваченной имъ земли, въ случаѣ неуспѣха переговоровъ воспротивиться вооруженною рукою, вступить въ войну съ Австріею; или поступить одинаково съ вѣнскимъ дворомъ, предъявить и съ своей стороны претензіи на извѣстныя польскія земли. Такъ какъ для равновѣсія, наблюдаемаго между тремя дворами, требовалось, чтобъ они или ничего не пріобрѣтали отъ Польши, или чтобъ каждый получилъ одинаковое приращеніе, то здравая политика предоставляла на выборъ одну изъ двухъ мѣръ, и ея в—ству осталось принять въ уваженіе, которая изъ нихъ болѣе можетъ подать способовъ къ скорѣйшему успокоенію Польши и сходнѣе съ правосудіемъ. Императрица не должна была долго колебаться въ своемъ рѣшеніи. Новая война съ державою, граничащею съ Польшею на такомъ большомъ протяженіи земли, служила новою пищею для польскихъ возмущеній, и такимъ образомъ успокоеніе Польши отдалялось на все время этой новой войны. Императрица подвергала государство свое убыткамъ и опасности, и за кого? За націю, для которой она въ продолженіе столькихъ лѣтъ понапрасну жертвовала величайшимъ числомъ людей и денегъ! за націю, которая за услуги, благодѣянія и безкорыстіе платитъ самою явною неблагодарностію, которая не только вела противъ нея открытую войну, но еще возбудила противъ нея непріятеля опаснѣйшаго для ея государства! Другая сторона дѣла наоборотъ, представляла дружественное содѣйствіе трехъ державъ для умиротворенія Польши, для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые рано или поздно могли возжечь войну между тою или другою изъ нихъ и республикою; для сокращенія границъ послѣдней, чтобъ дать ей положеніе болѣе сообразное съ ея конституціею и съ интересами ея сосѣдей,

наконецъ для самаго главнаго, для сохраненія мира въ этой части Европы. Взвѣсивши всѣ эти соображенія и принявши рѣшеніе, императрица занялась средствами для приведенія его въ исполненіе.

7 сентября, вмѣстѣ съ прусскимъ министромъ Бенуа (австрійскій, баронъ Ревицкій еще не пріѣзжалъ), Штакельбергъ передалъ министерству польской республики объявленіе о раздѣлѣ. Начались частыя совѣщанія между королемъ и его приближенными; слѣдствіемъ было рѣшеніе сносить все терпѣливо, ничего не уступать добровольно, пусть берутъ все силою, и требовать помощи у дворовъ европейскихъ, при этомъ проволакивать время, противопоставляя требованіямъ трехъ державъ цѣлый лабиринтъ привязокъ и формальностей. Король передъ одними гремѣлъ противъ Россіи; другимъ внушалъ, что русская императрица согласна вмѣстѣ съ нимъ на образованіе конфедераціи противъ раздѣла; онъ даже далъ знать объ этомъ австрійскому послу, чтобъ поссорить три державы. Штакельбергъ вслѣдствіе этого старался внушить полякамъ, что Россія не покровительствуетъ королю, и такъ какъ Чарторыйскіе болѣе не монополисты русскихъ сношеній съ Польшею, то нація не подвергается опасности быть обманутою. Въ концѣ октября Штакельбергъ имѣлъ объясненіе съ королемъ. Станиславъ Августъ приготовился и далъ полную свободу своему краснорѣчію: «Претерпѣвъ столько страданій за отечество, запечатлѣвъ своею кровью дружбу и приверженность къ императрицѣ, и видя, что государство мое обираютъ самымъ несправедливымъ образомъ, а меня самого доводятъ до нищеты, я понимаю, что меня могутъ постигнуть еще бóльшія бѣдствія, но я ихъ уже не боюсь. Убитый, умирающій почти съ голоду, я научился—погибнуть». Штакельбергъ отвѣчалъ спокойно: «Краснорѣчіе в. в—ства и сила вашего воображенія перенесла васъ къ лучшимъ страницамъ Плутарха и древней исторіи; но все это не можетъ служить предметомъ нашего разговора; удостойте снизойти къ исторіи Польши и къ исторіи графа Понятовскаго». За этимъ посолъ изложилъ ходъ событій, поведшихъ къ несчастію, которое оплакивалъ король, отъ прошедшаго Штакельбергъ перешелъ къ настоящему и предложилъ вопросъ: Что станется съ нимъ, королемъ, если 100,000 войска наводнятъ Польшу, возьмутъ контрибуцію, заставятъ

сеймъ подписать все, что угодно сосѣднимъ державамъ, уйдутъ, оставя его въ жертву злобы враговъ его? Король поблѣднѣлъ. Штакельбергъ воспользовался этимъ и началъ доказывать ему, что его существованіе зависитъ отъ двухъ условій: отъ немедленнаго созванія сейма и отреченія отъ всякой интриги, которая имѣла бы цѣлію ожесточать поляковъ и вводить ихъ въ заблужденіе. Король обѣщалъ дѣлать все по желанію посла.

Штакельбергъ еще не прывыкъ къ варшавскимъ нечаянностямъ, и потому не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда черезъ два дня послѣ приведеннаго разговора король призвалъ его опять къ себѣ и объявилъ, что считаетъ своею обязанностію отправить Браницкаго въ Парижъ съ протестомъ противъ раздѣла. «Мнѣ ничего больше не остается, отвѣчалъ Штакельбергъ, какъ жалѣть о вашемъ величествѣ и увѣдомить свой дворъ о вашемъ поступкѣ. Чего вы ожидаете отъ Франціи противъ трехъ державъ, способныхъ сокрушить всю Европу?»—«Ничего, отвѣчалъ король: но я исполнилъ свою обязанность». 23 ноября Штакельбергъ подалъ декларацію: «Есть предѣлъ умѣренности, который предписываютъ правосудіе и достоинство дворовъ. Ея величество императрица надѣется, что король не захочетъ подвергать Польшу бѣдствіямъ, необходимому результату медленности, съ какою его в—ство приступаетъ къ созванію сейма и переговорамъ, которые одни могутъ спасти его отечество». Но въ то время, какъ Штакельбергъ принималъ мѣры, чтобъ заставить короля перемѣнить свое несчастное поведеніе, Бенуа твердилъ ему: «оставьте его, тѣмъ лучше для насъ: мы больше возьмемъ [235].

Станиславъ Августъ счелъ своею обязанностію отправить во Францію протестъ противъ раздѣла, объявивши Штакельбергу, что не ждетъ отъ этого никакихъ благопріятныхъ для Польши послѣдствій. Слова его заключали въ себѣ полную правду, хотя вѣроятно короля не оставляла еще надежда, что Западная Европа не останется равнодушною къ смѣлому дѣлу Восточной. Печальное царствованіе Людовика XV-го спѣшило къ концу своему истратить всѣ еще оставшіяся матеріальныя и нравственныя средства французскаго правительства. Это правительство объявило, что новая война изъ-за кого и изъ-за чего бы то ни было, невозможна для него; у Франціи оставалось одно средство заявлять свое значеніе, свою силу—искусная дипломатическая

интрига, и дѣйствительно Франція славилась своею школою дипломатовъ, бороться съ которыми было очень трудно дипломатамъ другихъ странъ; знаменитая школа вела свое происхожденіе отъ временъ кардинала Ришелье. Но этому сильному, блестящему войску, какое представлялъ корпусъ французскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ, нуженъ былъ искусный полководецъ, который бы изъ Версаля направлялъ его движенія къ общей цѣли по одной системѣ. Такимъ искуснымъ полководцемъ былъ завѣдывавшій иностранными дѣлами Франціи герцогъ Шуазёль. Какъ только Россія появилась на сценѣ общеевропейскаго дѣйствія при Петрѣ Великомъ, французскіе государственные люди поняли ея значеніе, и когда имъ не удалось втянуть это новое могущество въ свои виды, когда Россія, по единству тогдашнихъ интересовъ, вступила въ союзъ съ враждебною имъ Австріею, стали вести противъ Россіи ожесточенную дипломатическую борьбу въ Турціи, Швеціи и Польшѣ. Мастерская перемѣна политическаго фронта, союзъ съ Австріею вслѣдствіе сознанія, что Пруссія Фридриха II гораздо опаснѣе для Франціи, чѣмъ монархія Габсбурговъ, сблизила Францію съ Россіею въ общемъ дѣйствіи, въ Семилѣтней войнѣ. Но перемѣна русской политики по смерти Елисаветы возобновила прежнія непріязненныя отношенія между Франціею и Россіею, и герцогъ Шуазёль, какъ истый старый французъ, съ знаменитымъ французскимъ увлеченіемъ (furia francese) повелъ дипломатическую борьбу противъ петербургскаго кабинета, ибо видѣлъ ясно, что послѣ Семилѣтней войны Россія сильнѣе всѣхъ государствъ въ Европѣ, и, главное, видѣлъ, что русская государыня хочетъ и можетъ пользоваться этою силою для утвержденія своего вліянія въ Европѣ. Этого не могъ сносить Шуазёль, хотѣвшій чтобъ при немъ Франція, какъ прежде имѣла господствующее вліяніе на европейскія дѣла; онъ оскорблялся величіемъ Россіи, какъ представитель древней, но разстроенный въ своихъ дѣлахъ фамиліи, оскорбляется успѣхами молодого, способного и богатаго новичка. Для противодѣйствія Россіи онъ хотѣлъ затянуть еще сильнѣе узелъ дружбы съ Австріею, устроилъ союзъ фамильный посредствомъ брака наслѣдника французскаго престола съ эрцгерцогинею Маріею Антуанетою. Въ Россіи, слѣдя за движеніями противника, хотѣли идти одинакимъ съ нимъ ходомъ. Какъ

Шуазёль устроилъ южный католическій союзъ изъ Франціи, Испаніи и Австріи, такъ и въ Россіи придумали Сѣверный союзъ. Этотъ Сѣверный концертъ не удался по несходству интересовъ трехъ державъ, имѣвшихъ быть главными его членами, Россіи, Пруссіи и Англіи; но самое принятіе вызова, вступленіе въ открытую дипломатическую борьбу въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, подражаніе ходу противника, веденіе контръ-минъ раздражало Шуазёля. Попытка отвлечь Пруссію отъ Россіи оказалась напрасною; въ Польшѣ нельзя было воспрепятствовать Россіи возвести на престолъ Понятовскаго и проводить извѣстныя требованія; но Шуазёль дождался взрыва неудовольствія, дождался барской конфедераціи, и началъ помогать конфедератамъ людьми и деньгами, причемъ главною цѣлію Шуазёля было продленіе борьбы, истомленіе Россіи; цѣль эта достигалась какъ нельзя лучше поднятіемъ Турціи, и Шуазёль успѣлъ поднять ее, а между тѣмъ неутомимо работалъ въ Швеціи въ пользу усиленія королевской власти. Однимъ словомъ во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ Россія встрѣчала главнымъ врагомъ своимъ—Шуазёля; Екатерина имѣла полное право ненавидѣть этого «кучера Европы», какъ она называла Шуазёля.

Но Фридрихъ II давно уже началъ утѣшать свою союзницу на счетъ «кучера Европы». Прусскій король зналъ, что Людовикъ XV женщинѣ, не скажу любимой (это было бы слишкомъ чисто), женщинѣ, умѣвшей угодить ему, готовъ пожертвовать министромъ, какъ бы тотъ ни былъ полезенъ для Франціи,—прусскій король, зная это, считалъ паденіе Шуазёля очень возможнымъ и въ началѣ 1769 года писалъ Екатеринѣ, что въ Версалѣ идетъ сильное движеніе противъ Шуазёля, стараются его свергнуть посредствомъ графини Дюбарри, ставшей королевскою любовницею; съ Шуазёлемъ, писалъ Фридрихъ, падутъ всѣ его проекты, потому что новые министры обыкновенно ведутъ дѣла наоборотъ, чѣмъ какъ они шли при ихъ предшественникахъ [236]. Черезъ два года предсказаніе оправдалось. Въ концѣ 1770 года, Шаузёль, не могшій унизиться до раболѣпства предъ Дюбарри, былъ низверженъ и сосланъ; его мѣсто занялъ герцогъ Эгильонъ изъ партіи Дюбарри. Удаленіемъ Шуазёля значенію Франціи въ дѣлахъ Европы нанесенъ былъ рѣшительный ударъ. Эгильона нельзя было назвать человѣкомъ неспособнымъ, непонимавшимъ интере-

совъ Франціи; но прежде всего это былъ человѣкъ партій, и главное вниманіе его было обращено не на внѣшнія дѣла, а на придворныя интриги, на борьбу партій, отъ исхода которой зависѣла его судьба; съ другой стороны ему было очень пріятно, когда дѣла Шуазёля раздѣлывались, когда можно было упрекнуть ненавистнаго предшественника въ ошибочности его замысла или распоряженій. Но Эгильонъ ограничивался упреками на словахъ; онъ былъ радъ, когда предпріятія Шуазёля не удавались; но самому раздѣлать дѣла предшественника, вдругъ перемѣнить старую систему и создать новую, для этого у него не доставало ни времени, ни энергіи, ни способностей. Какое изъ Шуазёлевыхъ дѣлъ шло успѣшно, тому Эгильонъ не мѣшалъ додѣлываться, напримѣръ шведскому дѣлу; начать же что-нибудь новое было для него тяжело: такъ ему хотѣлось сближенія съ Россіею, онъ былъ бы радъ дѣйствовать тутъ совершенно вопреки поведенію Шуазёля; но онъ началъ поздно и велъ дѣло чрезвычайно медленно. Не было общаго плана дѣйствія, не было ничего выясненнаго.

Въ началѣ 1772 года русскій повѣренный въ дѣлахъ Хотинскій имѣлъ разговоръ съ герцогомъ Эгильономъ по поводу мирныхъ условій предложенныхъ Россіею Турціи. Когда Хотинскій замѣтилъ, что пожертвованіе Молдавіею и Валахіею съ русской стороны должно повести къ миру, то Эгильонъ выразилъ сомнѣніе во всей своей наружности и вскрикнулъ: «А Крымъ къ чему?» Потомъ, немного помолчавъ, прибавилъ: «Вы знаете, что турки не хотятъ ничего уступить». Хотинскій замѣтилъ: «Какое же будетъ вознагражденіе за полученные нашимъ оружіемъ успѣхи и понесенные убытки?» Герцогъ отвѣчалъ съ холоднымъ видомъ и вполголоса: «Думаю, что вознагражденіе это будетъ состоять въ деньгахъ. По турецкимъ приготовленіямъ видно, что Порта вовсе не отказывается отъ четвертой кампаніи. Турки знаютъ, что ваши эскадры не въ состояніи больше держаться въ морѣ, чему и дивиться нечего, когда принуждены десять мѣсяцевъ въ году отправлять службу; отъ этого корабли испортились и люди гибнутъ. Турки знаютъ, что пополненіе арміи рекрутами становится вамъ трудно по причинѣ мора; остававшіеся въ государствѣ полки истощены; въ деньгахъ также большой недостатокъ, такъ что самимъ министрамъ вашимъ платится жалованье

бумагою».—«Уже съ самаго начала войны, сказалъ Хотинскій, слыхалъ я такія разсужденія; давно ждутъ, что мы истощимся. Правда, война намъ тяжела; но такъ какъ у насъ нѣтъ государственнаго долга и содержаніе войска стóитъ дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ, то и можемъ мы вынести военныя издержки долѣе другихъ государствъ, которыя и побогаче насъ. Что касается флота, то возвращавшіеся съ него чрезъ Францію переводчикъ Лизакевичъ и поручикъ Прощинъ сказывали мнѣ, что на эскадрахъ все благополучно».—«Наборъ страшно тягостенъ для дворянства, возразилъ Эгильонъ: теперь принуждены давать осьмого человѣка».—«Вамъ сообщено ложное извѣстіе, сказалъ Хотинскій: набираютъ 80,000 человѣкъ, слѣд. жребій падаетъ слишкомъ на сотого человѣка, ибо въ подушномъ окладѣ записано болѣе 9 милліóновъ душъ».—«У насъ есть обстоятельныя извѣстія, продолжалъ герцогъ: вычтя дѣтей, стариковъ и вольныхъ людей, не много останется годныхъ въ службу. Планъ вашей государыни содержать армію въ Крыму, другую на Дунаѣ и флотъ въ Архипелагѣ безспорно хорошъ, славенъ и великъ; но такіе планы должны быть маскированы; иначе, въ случаѣ продолжительности войны, не имѣютъ ожидаемаго успѣха; примѣромъ служитъ нашъ походъ въ Баварію: первая кампанія была блестяща, а послѣ армія исчезла отъ болѣзней и недостатка въ рекрутахъ». Когда Хотинскій распространился о пользѣ бумажныхъ денегъ, то Эгильонъ отвѣчалъ: «Вообще этотъ легкій способъ пріобрѣтать деньги вреденъ, потому что обыкновенно ведетъ къ злоупотребленіямъ. Мнѣ нечего вамъ говорить, какія отъ того у насъ родились бѣды, вы сами ихъ видите».

Въ мартѣ былъ другой любопытный разговоръ. «*Эгильонъ:* Равновѣсіе въ Европѣ нарушится, если вы успѣете предписать туркамъ миръ на трехъ условіяхъ: свободное мореплаваніе по Черному морю, гавань на немъ и независимость татаръ. Съ такими выгодами вы скоро будете и въ Константинополѣ, и тогда кто васъ оттуда выживетъ? *Хотинскій*: Кто захочетъ. *Эгильонъ*: Кто же это? *Хотинскій* съ улыбкою: Вы первые, потомъ австрійцы и англичане. *Эгильонъ*: Тогда уже будетъ поздно. *Хотинскій*: Неужели вы серіозно такъ думаете? *Эгильонъ*: Совершенно серіозно. *Хотинскій*: Въ такомъ случаѣ и я вамъ признаюсь, что выгоды, которыя мы себѣ выговариваемъ, болѣе славны для

насъ, чѣмъ полезны, ибо что касается мореплаванія, то представляю вамъ въ примѣръ, какой успѣхъ имѣемъ мы на Балтійскомъ морѣ, которое намъ открыто. Вы знаете, что нашу торговлю производятъ чужіе народы, и несмотря на всѣ старанія поощрять нашъ народъ къ морской торговлѣ, онъ на это не поддается, изъ чего ясно видно, что нѣтъ въ немъ къ этому промыслу склонности. Крымскіе татары останутся независимыми. *Эгильонъ*: Какая можетъ быть ихъ независимость? Вы уже выбрали имъ и хана, который будетъ вамъ преданъ. Когда вамъ понадобится, нашлете вы ихъ на Венгрію и другія австрійскія земли, которыя они разорятъ прежде, чѣмъ вѣнскій дворъ успѣетъ оглянуться и собрать разсѣянныя по Италіи и Фландріи свои войска. Можно ли вамъ предписать, чтобъ вы имѣли на Черномъ морѣ только десять, двадцать или тридцать кораблей и о сколькихъ пушкахъ? Вы и такъ уже сильны съ королемъ прусскимъ; вы теперь дружны съ нимъ и онъ все вамъ позволяетъ; но со временемъ и съ нимъ вы справитесь. Вы безопасны по своему положенію: кто пойдетъ нападать на васъ въ такую даль? Впрочемъ вы дѣлаете хорошо, настаивая на полученіи этихъ выгодъ. Я бы тоже на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ; но сомнѣваюсь, чтобъ турки вамъ уступили».

11 марта Хотинскій въ первый разъ сообщилъ своему двору о парижскихъ слухахъ, что Россія, Пруссія и Австрія сговариваются на счетъ раздѣла Польши. 27 марта Хотинскій былъ у Эгильона, который повторилъ ему прежнее: «Если турки отступятся отъ Крыма, то чрезъ два года онъ будетъ въ вашихъ рукахъ, а Константинополь чрезъ четыре». Но многозначительнѣе было восклицаніе герцога въ концѣ разговора: «Вѣнскій дворъ сдѣлалъ великую ошибку!» Въ разговорѣ, происходившемъ въ апрѣлѣ, Хотинскій между прочимъ сказалъ Эгильону: «Право, герцогъ, надобно бы вамъ оказать услугу и туркамъ, и намъ, и всему человѣчеству, уговоривъ Порту быть посговорчивѣе».— «Какъ вы хотите, отвѣчалъ Эгильонъ, чтобъ мы подали такой совѣтъ, когда мы же и побудили турокъ къ войнѣ? Сверхъ того нашъ кредитъ не очень великъ. Сдѣлали глупость, что позволили пройти вашему флоту». Отъ 26 апрѣля Хотинскій писалъ Панину: «Здѣсь совершенно увѣрены, что долженъ послѣдовать раздѣлъ нѣкоторой части Польши между Россіею, Австріею и Прус-

сіею. Какъ на насъ сердятся и попрекаютъ намъ по этому дѣлу, можете себѣ вообразить. Не думали здѣсь, чтобъ когда-либо вѣнскій дворъ согласился на раздробленіе Польши, способствующее усиленію нашему, а больше всего короля прусскаго, государя предпріимчиваго и безъ того уже опаснаго австрійскому дому»[237].

«Что скажетъ Франція, что скажетъ Испанія, Англія, когда мы теперь вдругъ такъ тѣсно соединимся съ тѣми, которыхъ мы такъ сильно желали сдерживать и которыхъ поведеніе объявляли несправедливымъ?»—писала Марія Терезія, противясь приступленію Австріи къ раздѣлу Польши [238]. Кауницу, разумѣется, не было дѣла до того, что скажутъ Испанія и Англія; но онъ долго бы думалъ о томъ, что скажетъ Франція, еслибъ ея внѣшними сношеніями управлялъ Шуазёль. Но съ Эгильономъ онъ не считалъ нужнымъ церемониться. Знаменитый южный союзъ Австро-Франко-Испанскій, созданный Шуазёлемъ, который одинъ могъ его поддерживать, безъ Шуазёля ослабѣлъ, оставался недѣятельнымъ; Австрія перестала надѣяться на помощь Франціи, на ея вліяніе, и потому перестала и бояться ея, Іосифъ и Кауницъ не заботились болѣе о томъ, что скажетъ Эгильонъ или Людовикъ XV. Еще въ іюнѣ 1771 года графъ Брольи писалъ королю по поводу неудачь Дюмурье: «Найти средство противъ всего этого не было бы очень трудно, еслибъ вѣнскій дворъ желалъ добра этой несчастной націи, но я подозрѣваю, что онъ не желаетъ видѣть ее побѣдоносною; пораженная она скорѣе подчинится законамъ, которые хотятъ ей предписать, и честолюбивые сосѣди именно желаютъ видѣть ее въ этомъ положеніи. Только в. в—ство можетъ ей помочь. Новое министерство (Эгильона) не сумѣетъ еще понять, какъ судьба этой республики политически должна интересовать Францію; новый посолъ, котораго назначаютъ въ Вѣну (принцъ Роганъ) пойметъ это еще менѣе. Такимъ образомъ Провидѣніе соединяетъ всѣ обстоятельства для разрушенія нашихъ интересовъ и нашей системы въ этой части Европы». Но эти внушенія не производили никакого дѣйствія. Людовикъ XV раньше и опредѣленнѣе зналъ о планѣ раздѣла Польши. Французскій посланникъ въ Берлинѣ доносилъ еще въ мартѣ 1771 года о словахъ, сказанныхъ ему шведскимъ министромъ при прусскомъ дворѣ: «Все кончено; прусскій король все

обдѣлалъ и миръ (Россіи съ Турціею) будетъ подписанъ до истеченія четырехъ мѣсяцевъ. Польша заплатитъ за все». Въ самомъ началѣ 1772 года Людовикъ XV писалъ графу Брольи, что герцогъ Эгильонъ обратился къ австрійскому послу, графу Мерси д'Аржанто, чтобъ вывѣдать отъ него, не желаетъ ли Австрія «получить свою долю въ польскомъ пирогѣ, какъ все заставляетъ думать». Мерси наконецъ объяснился съ Эгильономъ о раздѣлѣ Польши: онъ представилъ, что опасность, какою грозили Австріи соединенныя силы Россіи и Пруссіи, заставила императора и императрицу принять участіе въ раздѣлѣ, которому они не могли помѣшать. Вѣнскій дворъ сознаетъ несправедливость дѣла; но именно для уменьшенія несправедливости онъ счелъ своею обязанностію принять въ ней участіе, думая что это было единственнымъ средствомъ положить ей границы; при этомъ доля, достающаяся его государямъ, такъ мала въ сравненіи съ пріобрѣтеніями другихъ державъ, что вѣнскій дворъ только съ прискорбіемъ можетъ смотрѣть на событіе, наклоняющее вѣсы далеко не въ его пользу. Что касается молчанія, которое соблюдалъ вѣнскій дворъ о своихъ сношеніяхъ по этому предмету съ Россіею и Пруссіею, то такое же молчаніе наблюдало и правительство французское: вѣнскому двору извѣстно, что герцогъ Эгильонъ сносился съ прусскими эмиссарами и объявилъ одному изъ нихъ, что Франція будетъ смотрѣть равнодушно на то, что станутъ дѣлать съ Польшею. Прусскій король далъ знать въ Вѣну о желаніи Франціи сблизиться съ нимъ. Такимъ образомъ вѣнскій дворъ, видя, что не можетъ полагаться вполнѣ на Францію, долженъ былъ принять предосторожности противъ бури, которой одинъ онъ не могъ противиться.

Это объясненіе сильно разсердило Эгильона. Онъ отвѣчалъ, что недостатокъ довѣрія, обнаруженый вѣнскимъ дворомъ, можетъ произвести охлажденіе между нимъ и Франціею, которое, постоянно усиливаясь, можетъ повести къ полному разрыву союза [239]. Но эти угрозы не могли испугать вѣнскій дворъ. Мерси доносилъ: «Такъ какъ интриги поглощаютъ здѣсь вниманіе всѣхъ и отвлекаютъ отъ внѣшнихъ дѣлъ, то нечего много бояться. Что герцогъ Эгильонъ говорилъ мнѣ до сихъ поръ по поводу Польши очень мало меня затрудняетъ. Этотъ министръ ведетъ дѣло безъ энергіи, безъ системы; характеръ его требуетъ употребле-

нія мелкихъ средствъ лживости; но эта метода никогда не можетъ быть очень страшна и побуждаетъ только къ небольшой бдительности и наблюдательности. Я вижу ясно, что распоряженія относительно Польши лично не затронули короля». Несмотря на то, Марія Терезія писала Мерси: «Какъ бы я ни была увѣрена въ чувствахъ короля, я не рѣшусь сама писать ему объ этомъ предметѣ; говорите, что хотите ему отъ меня». Людовикъ XV, въ разговорѣ съ Мерси, отзывался съ глубокимъ уваженіемъ о Маріи Терезіи, а объ Іосифѣ спросилъ со смѣхомъ, какъ онъ поживаетъ съ своимъ другомъ, королемъ прусскимъ. Тутъ фаворитка, замѣтивъ, что веселость короля грозитъ перейти извѣстныя границы, начала говорить: «Я увѣрена, что императоръ вполнѣ знаетъ короля прусскаго, и потому легко судить о характерѣ дружбы его къ человѣку, привыкшему обманывать весь свѣтъ и на слово котораго никогда нельзя положиться». Мерси говорилъ въ томъ же духѣ, и король сказалъ: «Надѣюсь, что всѣ эти затрудненія кончатся по возможности съ наименьшимъ вредомъ» [240].

Людовикъ XV успокоился на этой надеждѣ, и герцогу Эгильону осталось говорить проповѣди въ родѣ той, какую онъ сказалъ Хотинскому по поводу раздѣла Польши: «А королю прусскому достанется лучшая часть. Мы не досадуемъ, что онъ усиливается, но вы будете о томъ когда-нибудь жалѣть. Вотъ до чего довели поступки герцога Шуазёля, тогда какъ по положенію обоихъ нашихъ государствъ должны были бы мы жить въ дружбѣ со взаимною выгодою».

Лѣтомъ отозванъ былъ изъ Петербурга французскій повѣренный въ дѣлахъ Сабатье, и замѣненъ Дюраномъ, переведеннымъ изъ Вѣны. Это назначеніе встревожило вѣнскій и особенно берлинскій дворъ по дознанной ловкости Дюрана, дипломата старой школы. По поводу его Эгильонъ сказалъ Хотинскому: «Я открою вамъ однимъ, что попытаюсь сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ вашимъ дворомъ; но если онъ не будетъ отвѣчать тѣмъ же, то я отступлю. Вамъ довольно извѣстенъ образъ моихъ мыслей, и мнѣ кажется, что злоба и происки одного частнаго человѣка (Шуазёля) должны быть презираемы великими государствами». Въ сентябрѣ, по поводу извѣстія о разрывѣ Фокшанскаго конгресса, Эгильонъ сказалъ Хотинскому: «Удивляюсь,

какъ ваши союзники, и особенно король прусскій, не склонили или не принудили турокъ къ миру; но я думаю, вашъ дворъ не такъ добръ, чтобъ повѣрилъ, что они дѣйствительно хлопотали о примиреніи. Признаюсь, что и я на ихъ мѣстѣ не желалъ бы ничего болѣе, какъ чтобъ моимъ сосѣдямъ выѣли бѣлки изъ глазъ. Быть можетъ мы могли бы вамъ больше ихъ услужить, но вы насъ въ сторону отложили». Хотинскій замѣтилъ на это, что Россія обязана Франціи турецкою войною.—«Но вы знаете, сказалъ герцогъ, что мы ищемъ только одного: жить съ вами въ дружбѣ».—«Вы должны прибавить, замѣтилъ Хотинскій, что такое исканіе началось развѣ съ тѣхъ поръ, какъ вы на мѣстѣ герцога Шуазёля». На это Эгильонъ отвѣчалъ: «Тому уже около двухъ лѣтъ, какъ предмѣстникъ мой удаленъ».—«А все-таки, замѣтилъ Хотинскій, намъ не почему было догадаться, что съ Шуазёлемъ перемѣнились и мысли здѣшняго двора».—«Увидимъ, что Дюранъ сдѣлаетъ», сказалъ Эгильонъ и кончилъ этимъ разговоръ.

Хотинскій получилъ отъ своего двора приказаніе писать, какъ относится французская публика къ раздѣлу Польши. Хотинскій писалъ, что по мнѣнію французскихъ политиковъ раздѣлъ послѣдовалъ подавнему желанію прусскаго короля пріобрѣсть польскую Пруссію; удивляются одному, какъ вѣнскій дворъ до этого допустилъ; что же касается Россіи, то говорятъ, что она, не имѣя нужды въ пріобрѣтеніи новыхъ земель, никакъ не желала раздѣла Польши, но, будучи занята войною, не могла одна воспротивиться желанію короля прусскаго.

8 ноября Хотинскій описывалъ разговоръ свой съ Эгильономъ по поводу извѣстій о ласковомъ пріемѣ Дюрана въ Петербургѣ. *Хотинскій*: Теперь уже около года, какъ дѣла могли бы быть въ настоящемъ положеніи, еслибы, по тогдашнимъ моимъ внушеніямъ, вы послали въ Россію отъ себя человѣка. *Эгильонъ*: Вы знаете, что я дѣлалъ то, что мнѣ было возможно. Мы сдѣлали первый шагъ, но я этого не стыжусь; я сообщилъ объ этомъ нашимъ друзьямъ и Испаніи, которая согласна съ нами; благоразумнѣйшіе должны первые уступить. *Хотинскій*: По совѣсти не могли мы первые уступить; но такъ какъ дѣла дошли уже до желаннаго конца, то для чего людямъ, враждебнымъ возстановленію согласія между Россіею и Франціею, даны способы къ отдаленію такого доброго дѣла противорѣчіями съ здѣшней сто-

роны между словами и дѣлами. *Эгильонъ*: Въ чемъ состоитъ это противорѣчіе? *Хотинскій*: Перемиріе продолжено и конгрессъ будетъ возстановленъ вслѣдствіе повторительныхъ прошеній турокъ; а въ парижской газетѣ напечатано, что турки по нашему прошенію на это согласились; изъ такихъ заявленій повидимому можно заключить, что вы продолжаете намъ недоброхотствовать. *Эгильонъ*: Я этого не замѣтилъ въ газетѣ, но помню, что такое извѣстіе прислано было изъ Вѣны, и вѣрно съ прочими извѣстіями не нарочно напечатано; а для доказательства, что это дѣлается безъ всякаго намѣренія, хотите я велю вамъ присылать корректуры газетъ, и вы можете вычеркивать изъ нихъ все что вамъ не понравится. *Хотинскій*: Очень благодаренъ, я этого не желаю: прошу объ одномъ—приказать чтобъ впередъ или умалчивали, или поскромнѣе упоминали о вещахъ, къ которымъ дворъ мой не можетъ быть равнодушенъ. *Эгильонъ*: Обѣщаю.— На другой день опять разговоръ. *Эгильонъ*: Дюранъ былъ милостиво принятъ императрицею и всѣ придворные обошлись съ нимъ очень учтиво; онъ особенно хвалился ласковостію графа Панина, который сказалъ ему: «Вы можете донести своему двору, что мы не имѣемъ обязательствъ, которыя запрещали бы намъ быть въ союзѣ съ Франціею». Увидимъ, что будетъ дальше. *Хотинскій*: Надобно теперь ожидать, что нежелающіе возстановленія между обоими дворами дружбы станутъ всѣми средствами этому препятствовать и стараться продлить бывшее недовѣріе, и потому было бы лучше на первый разъ усиливать дружбу, не показывая этого явно. *Эгильонъ*: Больше не отъ кого ждать этихъ раздоровъ, какъ отъ пруссаковъ. *Хотинскій*: И отъ англичанъ надобно также остерегаться, ибо хотя Франція теперь съ ними и въ дружбѣ, не надобно однако забывать, что они естественные ея непріятели. *Эгильонъ*: Прусскій министръ конечно на васъ нападетъ, чтобъ что-нибудь узнать; но я надѣюсь, что вы ему не перескажете нашего разговора. Вѣнскій и сардинскій послы мнѣ жаловались, что онъ не даетъ имъ покоя своими разспросами о новостяхъ.—Екатерина написала на этомъ письмѣ Хотинскаго: «Эта депеша показываетъ ясно въ господинѣ Эгильонѣ интригантскій духъ и желаніе замутить» [241].

Эта замѣтка была слѣдствіемъ новаго сильного раздраженія противъ Франціи, которое было произведено шведскою революціею.

23 марта Остерманъ увѣдомилъ Панина, что пріѣзжалъ къ нему прусскій посланникъ графъ Денгофъ съ просьбою, чтобъ русскій посланникъ употребилъ свое вліяніе между государственными чинами и уговорилъ ихъ дать позволеніе Густаву III-му во время его финляндской поѣздки посѣтить Петербургъ. Екатерина написала Панину по этому случаю: «Въ отвѣтъ графу Остерману о пріѣздѣ сюда короля шведскаго дайте ему знать, что пріѣздъ его величества, если на то его рѣшительное желаніе есть, мнѣ не противенъ будетъ; но что въ нынѣшнемъ году я сумнѣваюсь, чтобъ оный мѣсто имѣлъ, если мнѣ сравнять сей поступокъ со взятыми мѣрами генерала Эреншверта и его кордонъ, ибо его величество имѣетъ опасаться, что сей генералъ, знавъ столь утвердительно, что у насъ язва, изъ усердія сего государя къ намъ не пропуститъ. И для того предпишите графу Остерману, чтобъ онъ сюда прислалъ, и то какъ можно скорѣе, точное увѣдомленіе, въ какомъ году и въ какомъ мѣсяцѣ точно король быть думаетъ, дабы по крайней мѣрѣ не двойныя были намъ издержки, ибо лѣтнія приготовленія къ тому пріѣзду весьма разнствуютъ отъ зимнихъ. Въ самомъ дѣлѣ и самъ король шведскій еще не показывалъ графу Остерману свое къ сему посѣщенію желанье, но только прусскій посланникъ отзывался именемъ своего короля: и такъ прикажите намъ прислать что ни на есть точнѣе, не придавая и не отнимая у моего братца охоты ѣхать или дома остаться. Мнѣ кажется однако весьма вѣтрено, имѣвъ дома хлопоты и голодъ, государю рыскать по чужимъ краямъ». Это намѣреніе посѣтить Екатерину было придумано, какъ видно, для того только, чтобъ ослабить вниманіе русскаго двора къ замышляемому измѣненію конституціи.

Мы видимъ, что главнымъ стараніемъ Остермана и русской партіи было уравненіе этой партіи въ сенатѣ, для чего нѣкоторые изъ противной партіи должны были выйти изъ сената, на что и послѣдовало соглашеніе между обѣими сторонами. Но когда дошла очередь до сенатора графа Шефера, очень дорогого для французской партіи, то, по выраженію Остермана, «всѣ пружины къ спасенію его поднялись», и фельдмаршалъ графъ Ферзенъ обратился къ одному изъ вождей русской партіи съ предложеніемъ, чтобъ его партія удовольствовалась выходомъ только двоихъ сенаторовъ. Остерманъ предложилъ сдѣлку: чтобъ два

сенатора уже подали просьбу объ увольненіи; чтобъ Шеферъ отказался отъ вице-президентскаго мѣста въ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ; чтобъ сенаторъ баронъ Дюбенъ былъ выбранъ единогласно президентомъ канцеляріи съ согласія короля; чтобъ мѣсто вице-президента отдано было члену русской партіи барону Риддерстолпе; чтобъ всѣ вожди французской партіи обязались честнымъ словомъ впредь никогда не думать о низверженіи сената и чтобъ король далъ также свое обнадеживаніе; чтобъ вице-адмирала Фалькенгрена ввести въ сенатъ сверхъ комплекта, и чтобъ французская партія въ теченіе сейма не причиняла никакого помѣшательства и затрудненія. Ферзенъ не противорѣчилъ этимъ требованіямъ; но когда дѣло дошло до исполненія, то Остерманъ долженъ былъ уступить, и радъ былъ, что вице-президентское мѣсто было занято хотя членомъ французской партіи, но не такъ опаснымъ. Сеймъ тянулся, тянулись по этому и русскія деньги изъ Петербурга, хотя оттуда и повторяли Остерману, чтобъ онъ старался объ окончаніи сейма, что посылать по 50,000 рублей въ Стокгольмъ тяжело для Россіи при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Но Остерманъ сталъ увѣдомлять не о сеймовыхъ затрудненіяхъ, причиняемыхъ противною партіею, сталъ увѣдомлять о замыслахъ болѣе важныхъ. Къ депешѣ отъ 11 іюля онъ приложилъ документъ, сообщенный ему въ величайшемъ секретѣ англійскимъ посланникомъ и полученнымъ послѣднимъ съ нарочнымъ курьеромъ. Въ документѣ говорилось, что по самымъ вѣрнымъ извѣстіямъ, 20 мая было тайное свиданіе у короля съ французскимъ посланникомъ Верженомъ, причемъ король объявилъ, что не можетъ болѣе переносить безчисленныхъ оскорбленій, которыя наносятъ ему постоянно государственные чины, что истощенное терпѣніе не позволяетъ ему болѣе выбора средствъ для спасенія независимости своей короны, что его непремѣнно хотятъ подвести подъ русское иго, но что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ подвергнется такому безчестію. Послѣ этого вступленія король открылъ посланнику планъ своего освобожденія. Въ Финляндской крѣпости Свеаборгѣ, лежащей среди моря, находится складъ оружія назначеннаго для предпріятія; гарнизонъ крѣпости состоитъ изъ иностранцевъ, боящихся, что скупость государственныхъ чиновъ убавитъ ихъ содержаніе, и потому недовольныхъ и готовыхъ на

все. Они-то должны внезапно явиться предъ Стокгольмомъ. Пользуясь переполохомъ, который произведетъ ихъ появленіе, король соберетъ четыре чина и предложитъ имъ конституцію справедливую и умѣренную: предоставляя имъ гражданскую свободу и всѣ ихъ права, она отниметъ у нихъ только свободу дѣлать зло и измѣнять интересамъ отечества. Надобно ожидать, что страхъ заставитъ ихъ на все согласиться. Если же свеаборцы будутъ задержаны въ шкерахъ морскими препятствіями или пригнаны вѣтромъ къ сторонѣ Норкёпинга, то король пойдетъ противъ нихъ въ челѣ своей гвардіи, будто съ цѣлію воспрепятствовать ихъ высадкѣ, а между тѣмъ постарается соединить оба войска и возвратиться въ столицу для нанесенія послѣдняго удара. На замѣчаніе посланника, что въ этомъ предпріятіи ставится на карту все съ небольшою вѣроятностію успѣха, король отвѣчалъ, что онъ все предусмотрѣлъ, что онъ не скрываетъ отъ себя опасности предпріятія, но, каковъ бы ни былъ исходъ послѣдняго, онъ менѣе боится безуспѣшности дѣла и крайностей еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ позора, которымъ покрывается его царствованіе; что кротость, какою онъ до сихъ поръ руководствовался въ своемъ поведеніи, сочтена была за слабость, русская партія пользуется ею съ величайшею наглостію; время ему оправдаться въ глазахъ Европы и, будь что ни будетъ, онъ рѣшился попытать счастія. Верженъ уступилъ и согласился дать королю денегъ на предпріятіе. — Это извѣстіе вполнѣ подтверждается донесеніемъ Верженя своему двору: такъ умѣли англичане доставать вѣрныя свѣдѣнія! «Вамъ, писалъ Остерманъ Панину, извѣстно все мое постоянное бодрствованіе при всѣхъ бывшихъ покушеніяхъ; но противъ такой внезапности силы мои недостаточны; я могу употреблять только поощреніе къ предосторожности, что конечно мною упущено не будетъ.» Противъ подозрительности Остермана и его поощреній къ предосторожностямъ король выдвинулъ опять намѣреніе посѣтить Россію. Онъ далъ знать Остерману, что 22 іюля желаетъ имѣть съ нимъ свиданіе въ такъ называемомъ Хмѣльномъ саду, и дѣйствительно пріѣхалъ туда въ 9 часу вечера, когда почти всѣ гуляющіе уже оставили садъ. Густавъ III, послѣ обычныхъ извиненій, что заставилъ посла ждать, началъ раговоръ тѣмъ, что завтра объявитъ сенату о своемъ намѣреніи воспользоваться

своею финляндскою поѣздкою и посѣтить русскую императрицу, чего давно жаждетъ по родству и уваженію къ ея блистательнымъ качествамъ. Остерманъ отвѣчалъ увѣреніями, что государынѣ его чрезвычайно будетъ пріятно видѣть у себя такого дорогого гостя, любезнаго сосѣда и близкаго родственника, прибавивъ, что такія увѣренія онъ дѣлаетъ по приказанію ея величества, которой извѣстно уже намѣреніе королевское. Остерманъ выразилъ и собственную радость, что король получитъ самый удобный случай удостовѣриться въ правдѣ его обнадеживаній относительно доброжелательства императрицы къ Швеціи и если это доброжелательство не высказалось во всей силѣ, то не отъ нея это зависѣло. На это король сказалъ: «Не сомнѣваюсь, что многимъ шляпамъ и колпакамъ наше свиданіе съ императрицею будетъ очень непріятно; по своей алчности къ господству они не желаютъ личныхъ свиданій между государями.» Остерманъ спросилъ: когда королю будетъ угодно предпринять путешествіе, въ настоящемъ, или будущемъ году.—«Это будетъ отъ васъ зависѣть, отвѣчалъ Густавъ III-й, когда вы сеймъ окончите.»—«Еслибъ это отъ меня зависѣло, сказалъ Остерманъ, то я бы нынче же прекратилъ сеймъ; но вашему величеству лучше меня извѣстны обстоятельства, препятствующія его окончанію.»—«Я знаю здѣшній фанатизмъ, сказалъ король; но думая, что вы окончите сеймъ, когда объ этомъ всего меньше будутъ думать; я рѣшился заранѣе исходатайствовать у государственныхъ чиновъ позволеніе путешествовать, и когда получу позволеніе, отпишу самъ къ ея императ. величеству.» Этимъ разговоръ и кончился; а на другой день король дѣйствительно объявилъ сенату о своей поѣздкѣ, прибавивъ, что такъ какъ нельзя предвидѣть окончанія сейма, то поѣздка не можетъ состояться ранѣе мая мѣсяца будущаго года. Остерманъ не былъ обманутъ и писалъ Панину, что все это выдумано нарочно для отвращенія вниманія отъ предпринятыхъ королемъ намѣреній.

Намѣренія были приведены въ исполненіе. Извѣстія о соглашеніи между Россіею, Пруссіею и Австріею на счетъ раздѣла Польши заставляли Густава спѣшить дѣломъ, какъ изъ страха, чтобъ того же не случилось съ Швеціею при ея сеймовыхъ неурядицахъ, такъ и изъ страха, что Россія, развязавши себѣ руки относительно Польши и, по всѣмъ вѣроятностямъ, относи-

тельно Турціи, обратитъ всѣ усилія къ упроченію своего вліянія въ Швеціи. Еще въ 1768 году молодой Густавъ записалъ въ своемъ журналѣ: «Въ Варшавѣ держали два совѣта и, результатомъ совѣщаній было то, что король и сенатъ обратятся за покровительствомъ къ русской императрицѣ. Это позоръ!.. Ахъ, Станиславъ Августъ! ты не король и даже не гражданинъ! Умри для спасенія независимости отечества, а не принимай недостойнаго ига въ пустой надеждѣ сохранить тѣнь могущества, которую указъ изъ Москвы заставитъ исчезнуть!» Потомъ записано: «Польскія извѣстія все тѣ же: анархія и подкупъ! Тоже будетъ и съ нами, если не поможемъ себѣ сильными мѣрами.» Этотъ взглядъ былъ заявленъ и въ публикѣ. Въ началѣ 1772 года читали въ одномъ очень распространенномъ стокгольмскомъ журналѣ: «Время обратить вниманіе на наше *завтра*. Намъ угрожаетъ та же участь, что и полякамъ, но мы еще можемъ найти Густава Адольфа. Отъ чего происходитъ несчастіе Польши? Отъ нетвердости законовъ, отъ постояннаго униженія королевской власти, и отсюда неизбѣжное вмѣшательство сосѣднихъ державъ во внутреннія дѣла.»

Вмѣстѣ съ возстаніемъ въ Свеаборгѣ должно было вспыхнуть возстаніе на югозападѣ королевства, въ Христіанштадтѣ, и оно-то началось первое; оба брата королевскіе должны были его поддерживать. Чины, собранные въ Стокгольмѣ, встревожились, зная цѣль движенія и участіе въ немъ короля. Противъ войска чины могли защищаться только войскомъ же, преданнымъ конституціи, и съ нетерпѣніемъ ждали прибытія въ Стокгольмъ упландскаго полка; но Густавъ III предупредилъ. 19 августа (н. с.) онъ обратился съ горячею рѣчью къ офицерамъ и солдатамъ, и тѣ, за немногими исключеніями, приняли его сторону; стража была приставлена къ дверямъ сената, самые опасные, самые видные члены противной партіи были схвачены; члены секретнаго комитета разбѣжались; въ нѣсколько часовъ весь Стокгольмъ находился во власти короля. На третій день Густавъ прочелъ сейму новую конституцію, которая была принята среди рукоплесканій.

10 августа (с. с.) Остерманъ донесъ, что не только гвардія, артиллерія, мѣщанство, всѣ коллежскіе департаменты, но и собраніе государственныхъ чиновъ, принужденныя силою, обяза-

лись присягою повиноваться всѣмъ повелѣніямъ короля и признать ту форму правленія, которую онъ имъ представитъ. «Вотъ все, что я могъ узнать, писалъ Остерманъ, потому что я лишился всѣхъ своихъ друзей, которые такъ оробѣли, что ни одинъ не смѣетъ ко мнѣ придти. Сенатъ и вожди благонамѣренныхъ, не хотѣвшіе присягать, арестованы, равно какъ ораторъ мѣщанскаго чина, секретарь поселянскаго и нотаріусы.» Вслѣдъ за тѣмъ Остерманъ описывалъ свой разговоръ съ главнымъ зачинщикомъ переворота, графомъ Карломъ Шеферомъ. Въ собраніи при дворѣ Шеферъ подошелъ къ нему съ комплиментомъ его поведенію во время переворота: «Король, говорилъ Шеферъ, очень доволенъ вашимъ поведеніемъ и приказалъ васъ увѣрить, что пріобрѣтенная имъ теперь власть вмѣсто умаленія согласія между Россіею и Швеціею, будетъ служить къ его утвержденію. Хотя бы его государство стало еще сильнѣе, чѣмъ теперь, отнюдь не намѣренъ онъ прямо или косвенно препятствовать предпріятіямъ и завоеваніямъ императрицы.» Остерманъ отвѣчалъ, что не преминетъ передать своему двору эти увѣренія; но при этомъ нашелъ нужнымъ замѣтить, что вѣроятно есть державы, которыя не будутъ равнодушно смотрѣть на тѣсную связь между Россіею и Швеціею; что же касается завоеваній, то извѣстна обширность Россіи, не требующая дальнѣйшаго распространенія. Шеферъ, понявши, что Остерманъ намекаетъ на Францію, отвѣчалъ: «Правда, что нашъ король находится въ тѣснѣйшей дружбѣ съ французскимъ дворомъ: однако въ угодность ему не предприметъ никогда ничего противнаго русскому двору. Да не скрою отъ васъ, что и самъ французскій дворъ при нынѣшнемъ министрѣ герцогѣ Эгильонѣ перемѣнилъ прежнюю широкую политику герцога Шуазёля, принялъ тѣ же миролюбивыя правила, какія и нашъ король соблюдать намѣренъ.» Остерманъ, разсмѣявшись отвѣчалъ: «Если это правда, то жаль, что Эгильонъ не вступилъ ранѣе въ министерство: тогда не было бы и войны у насъ съ турками.» Шеферъ согласился съ посломъ. Сообщая этотъ разговоръ, Остерманъ писалъ, что участники въ переворотѣ твердятъ о согласіи прусскаго короля на ихъ дѣло; самъ Густавъ III-й увѣрялъ каждаго, что ни прусскій король, ни русская императрица не будутъ спорить противъ установленной формы правленія. Радость сестры Фридриха II-го, вдовствующей коро-

левы шведской, была неописанно велика, по выраженію Остермана; она приписывала себѣ начало событій, и узнавъ о его совершеніи, сказала: «Теперь узнаю въ Густавѣ свою кровь» [242].

Можно утвердительно сказать, что извѣстіе о шведскихъ событіяхъ было самое непріятное по внѣшнимъ дѣламъ, какое до сихъ поръ получала Екатерина. Она видѣла въ переворотѣ побѣду Франціи, которая воспользуется ею, чтобъ возбудить войну между Швеціею и Россіею, войну опасную по близкому сосѣдству съ Петербургомъ и открытости границъ; кромѣ того эта война поддержитъ войну турецкую, можетъ поддержать и поляковъ въ ихъ сопротивленіи раздѣлу. Въ апрѣлѣ 1771 года Екатерина писала Румянцеву: «Король шведскій получилъ въ Парижѣ извѣстіе о кончинѣ его родителя, чѣмъ наши искони ненавистники французы и воспользовались дачею нѣкоторой недоимочной субсидіи; но въ Швеціи, кажется, шапки имѣютъ также нѣкоторыя поверхности; и такъ, въ надеждѣ на милости Всевышняго, будемъ спокойно зрѣть на сеймическое окончаніе; еслибъ же дерзнули (шведы) на злое предпріятіе, то я персонально готова оборонять и умереть на оборонѣ той части границы нашей, честь коей никому уже уступлю, но полагаю, кажется, безошибочно, что въ томъ нужды не будетъ» [243]. Но теперь, чего больше всего опасались, то случилось. Еще прежде полученія депеши отъ Остермана, 16 августа, въ присутствіи императрицы, Чернышевъ читалъ въ Совѣтѣ рапорты выборгскаго оберъ-коменданта, гдѣ заключались показанія выѣхавшаго изъ Швеціи офицера, что у нихъ города принуждаются къ присягѣ одному королю, съ исключеніемъ государственныхъ чиновъ. Панинъ сообщилъ, что полученные имъ рапорты отъ выборгскаго губернатора содержатъ тѣже извѣстія и что по приказанію императрицы уже послано къ губернатору письмо, чтобъ безпрепятственно принималъ выѣзжихъ шведовъ противниковъ этой перемѣны. Въ Совѣтѣ разсуждали, что нельзя еще полагать, чтобъ предпріятіе удалось шведскому королю; что удача и неудача одинаково могутъ произвести много смуты въ Швеціи; что въ первомъ случаѣ прусскій и датскій дворы обязаны договорами препятствовать тому сообща съ нами; что такъ какъ Россія находится еще въ войнѣ съ турками, то и не можетъ теперь вооружиться противъ Швеціи; въ надеждѣ, что въ

этомъ году опасности отъ шведовъ еще не будетъ, надобно остаться въ оборонительномъ положеніи и, не выдавая никакихъ декларацій противъ шведскихъ событій, сдѣлать, только «оказательство» движеніемъ къ шведской границѣ находящагося въ русской Финляндіи войска и петербургской легкой полевой команды, посылкою знатнаго генерала, также вооруженіемъ нѣсколькихъ кораблей и галеръ; что можно также вызвать нѣсколько полковъ изъ Польши и отправить ихъ въ Финляндію. Императрица одобрила всѣ эти мѣры. Рѣшено было отправить на шведскую границу генералъ-майора графа Апраксина, но и самъ Чернышевъ долженъ былъ отправиться туда для необходимыхъ распоряженій. Когда стали разсуждать о содѣйствіи другихъ державъ, то Екатерина сказала: «Держась всегда правила, что соединенныя силы болѣе вредны, нежели полезны, не должно намъ на другихъ полагаться, а надлежитъ, оставляя ихъ помогать намъ порознь, привесть самимъ себя въ такое состояніе, какъ бы мы одни принуждены были вести войну».

Въ засѣданіи Совѣта 23 августа сообщены были депеши Остермана, послѣ чего Панинъ прочелъ письмо Густава III императрицѣ, привезенное камергеромъ Таубе: король, извѣщая о переворотѣ, увѣрялъ, что онъ послужитъ къ большему утвержденію добраго согласія между Швеціею и Россіею. Чернышевъ, возвратившійся изъ своей поѣздки въ Финляндію, показывалъ новую карту этой страны, причемъ объявилъ, что нашелъ крѣпости Фридрихсгамъ и Вильманстрандъ въ очень дурномъ состояніи, и такъ какъ однѣ эти крѣпости не могутъ удержать шведовъ, то предлагалъ, укрѣпя ихъ, построить между ними еще новую крѣпость. Эти извѣстія побудили Совѣтъ придти къ рѣшенію, что въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда въ Швеціи переворотъ произведенъ окончательно и русскія войска заняты въ отдаленныхъ мѣстахъ, надобно оставаться въ покоѣ и только въ оборонительномъ положеніи. Въ заключеніе гр. Панинъ сообщилъ, что онъ объяснилъ шведскому и прусскому министрамъ необходимость нашихъ приготовленій, потому что переворотъ въ Швеціи произведенъ не однимъ королемъ, но съ помощію иностранной, къ намъ враждебной державы (Франціи); графу Сольмсу поручилъ онъ донести своему государю, чтобъ его величество приказалъ также сдѣлать «оказательства» вооруженіями [244].

Но прусскій король не хотѣлъ дѣлать «оказательствъ» противъ племянника. Онъ вовсе не былъ противъ переворота въ Швеціи, ибо не считалъ для себя выгоднымъ утвержденіе здѣсь русскаго вліянія; но онъ больше всего боялся войны, которую, по обязательствамъ съ Россіею, долженъ былъ начать. Поэтому онъ началъ искать способа, какъ бы уладить дѣло безъ войны. Онъ писалъ Густаву III-му (6-го сентября): «По письму в. в—ства я вижу успѣхъ полученный вами въ перемѣнѣ формы шведскаго правленія. Не думаете ли вы, что это событіе ограничивается успѣхомъ революціи внутри вашего королевства? Не приходитъ ли вамъ на память, что Россія, Данія и я самъ, мы всѣ гарантировали прежнюю форму правленія? Вспомните, что я говорилъ вамъ въ Берлинѣ во время вашего пребыванія тамъ. Боюсь, чтобъ послѣдствія этого дѣла не привели в. в—ство въ положеніе худшее, чѣмъ то, изъ котораго вы вышли, и чтобъ съ этой революціи не началась эпоха величайшихъ бѣдствій для Швеціи. Вы знаете, что у меня обязательства съ Россіею. Я ихъ заключилъ гораздо прежде предпріятія, приведеннаго вами въ исполненіе. Честь и добросовѣстность одинаково препятствуютъ мнѣ ихъ нарушить, и, признаюсь, я въ отчаяніи, что вы сами заставляете меня дѣйствовать противъ васъ, меня, который васъ любитъ и желаетъ вамъ всѣхъ выгодъ, совмѣстимыхъ съ моими обязательствами. Вы мнѣ вонзаете кинжалъ въ сердце, повергая меня въ жестокое затрудненіе, изъ котораго я не вижу выхода. Я то же самое написалъ королевѣ вашей матери, изложилъ ей дѣло по сущей правдѣ. Но дѣло сдѣлано, и затрудненіе состоитъ въ отысканіи лѣкарства. Я буду считать лучшимъ днемъ моей жизни тотъ, въ который я буду имѣть возможность поправить случившееся». Густавъ отвѣчалъ дядѣ (22 сентября), что онъ полагаетъ надежду на правоту своего дѣла, на любовь къ себѣ народа и хочетъ слѣдовать примѣру своего любезнаго дяди, какъ тотъ велъ себя, когда вся Европа поклялась погубить его: «Надѣюсь, писалъ Густавъ, что вы признаете во мнѣ свою кровь.» На это Фридрихъ писалъ ему (5-го октября), что не желаетъ видѣть его въ томъ положеніи, въ какомъ онъ самъ находился въ Семилѣтнюю войну: «Въ Швеціи, писалъ Фридрихъ, двѣ партіи, враждебныя другъ другу; король долженъ начать съ ихъ примиренія и этимъ утвердить свой престолъ; но такое пред-

пріятіе требуетъ спокойствія, и потому я увѣренъ, что ваше в—ство не будете слушать злыхъ внушеній, которыя вамъ будутъ дѣлаться съ цѣлію поссорить васъ съ сосѣдями».

Фридрихъ былъ дѣйствительно въ большомъ затрудненіи: что̀ если Россія потребуетъ отъ него исполненія обязательствъ? Онъ составилъ планъ по крайней мѣрѣ протянуть время посредствомъ переговоровъ и добиться какой-нибудь сдѣлки, уступки со стороны Густава III, которому русскій, прусскій и датскій министры должны были представить, что ихъ государи гарантировали шведскую конституцію 1720 года, такъ чтобъ онъ не ставилъ ихъ въ необходимость исполнить свои обязательства. Предложеніе этой мѣры было отправлено русскому двору въ депешѣ гр. Сольмсу 4-го сентября [245]. Увѣдомляя объ этомъ принца Генриха, король писалъ ему: «Шведская королева увѣдомляетъ меня объ успѣхѣ революціи; я ее поздравилъ съ однимъ, что сынъ ея избѣгъ большой опасности и описалъ всѣ предвидимыя мною несчастія, если король не ограничитъ свою власть. Я не вижу другого средства спасти Швецію, какъ завести переговоры и чтобъ король, уступая съ своей стороны, согласился принять проектъ графа Горна. Я написалъ въ этомъ смыслѣ въ Россію; но если это не удастся, то мы будемъ вовлечены въ войну противъ родного племянника; одна мысль объ этой войнѣ, признаюсь, мнѣ противна.» Генрихъ, который гораздо откровеннѣе высказывалъ свое сочувствіе племяннику, просилъ брата убѣдить русскую императрицу не очень волноваться шведскими событіями, убѣдить что главное вниманіе ея должно быть обращено на турецкую войну. Если она для шведской войны поспѣшитъ заключеніемъ мира съ Портою, то потеряетъ существенныя выгоды и подвергнется большимъ затрудненіямъ: вѣнскій дворъ можетъ снова броситься на сторону Франціи, которая обязана поддержать Швецію. «Я согласенъ, писалъ Генрихъ, что трудно найти середину между интересами императрицы и шведскаго короля; но лишь бы протянуть время, можно всего надѣяться» [246].

Принцъ Генрихъ переслалъ Екатеринѣ письмо шведскаго короля, въ которомъ тотъ, оправдывая свой поступокъ, писалъ, что еслибъ онъ не предупредилъ, то самъ немедленно былъ бы заключенъ или убитъ. Екатерина отвѣчала Генриху: «Все это было бы для насъ фамильнымъ дѣломъ, мы погоревали бы, по-

безпокоились. Но къ несчастію шведская революція имѣла другія причины. Ваше королевское высочество хорошо это знаете. Переворотъ произведенъ интригою и деньгами Франціи, а не опасностію, которой подвергался король, ни желаніемъ возвратить свободу націи. Будучи увѣрена, что переворотъ произведенъ державою, самою враждебною моимъ дѣламъ, и что государь, связанный со мною самыми близкими кровными узами, обманутъ ею, будучи проникнута горестію какъ родственница, что я должна чувствовать какъ русская императрица, обязанная заботиться о безопасности своего народа»[247]? Раздраженіе Екатерины усиливалось извѣстіями, что въ Швеціи правительство разсѣваетъ въ народѣ слухи о враждебныхъ намѣреніяхъ Россіи. По этому поводу она написала замѣтку для Остермана: «Я думаю, что вы у мѣста и кстати не упустите сдѣлать употребленіе изъ того, что нынѣ въ Швеціи нигдѣ не оставляется жало противу сосѣдей въ націи поощрять. Надобно, чтобъ и они знали, что сосѣди на это рефлекцію дѣлаютъ и что они пустымъ комплиментомъ вѣроломнаго короля не обмануты. Знатно для отвращенья націи отъ собственнаго состоянья ей даютъ другой объектъ»[248].

Въ своемъ безпокойствѣ на счетъ безпокойства русской императрицы прусскій король и его братъ были утѣшены извѣстіемъ о разрывѣ Фокшанскаго конгресса, что должно было отвлечь вниманіе Россіи отъ Швеціи. 20 сентября Фридрихъ писалъ Сольмсу: «Узнавши о прекращеніи Фокшанскаго конгресса, я не могу дать Россіи лучшаго совѣта, какъ скрыть свой гнѣвъ относительно шведской революціи; это не трудно, ибо Швеція не въ состояніи на первый годъ предпринять что-либо враждебное противъ нея.» Получивши извѣстіе о рѣшеніи Совѣта 23 августа оставаться относительно Швеціи только въ оборонительномъ положеніи, Фридрихъ былъ въ восторгѣ[249].

Вслѣдствіе этого рѣшенія Совѣта, Панинъ писалъ Остерману: «Разныя части политическихъ нашихъ дѣлъ и расположеній не достигли еще той зрѣлости, чтобъ отнынѣ уже можно было опредѣлить и умѣрить тѣ точные поступки, каковыми для славы ея импер. в—ства и для существительной государственной пользы удобнѣе, выгоднѣе и приличнѣе намъ будетъ ополчиться и дѣйствовать противу захваченнаго королемъ шведскимъ самовластія:

по столько однакожь могу я съ подлинностію сказать, что мѣры наши будутъ напередъ соглашаемы съ союзными и дружественными дворами, и что когда время раскроетъ завѣсу для явныхъ дѣяній, мы на театрѣ не одни явимся, а всемѣрно съ добрыми и надежными помощниками. До тѣхъ поръ требуетъ отъ насъ благоразуміе оставаться въ пассивномъ примѣчаніи и бдѣніемъ за всѣми намѣреніями и шагами короля шведскаго, довольствуясь между тѣмъ мало-по-малу и подъ рукою заготовлять собственную свою оборону и ополченіе. Правда, разрушеніе шведской формы правленія составляетъ для насъ случай самой величайшей важности, и особливо въ слѣдствіяхъ своихъ для переду опаснымъ быть могущій: но и то опять истинно, что легче и способнѣе есть стрещи, блюсти и охранять нѣчто закономъ, присягою, временемъ и привычкою сооруженное, и національнымъ благомъ освященное, нежели послѣ, когда всѣ сіи коренныя основанія въ конецъ уже опровержены, возстановлять опроверженное и дѣло совсѣмъ сдѣланное возвращать въ небытіе. Въ настоящемъ случаѣ надобно будетъ намъ не о томъ помышлять и цѣлью себѣ ставить, чтобъ прежнюю форму правленія во всемъ ея пространствѣ и во всѣхъ частяхъ нераздробительно возстановить; но чтобъ, по крайней мѣрѣ, заимствуя изъ оной коренныя основанія какъ существительной вольности для націи шведской, такъ и прочной впредь безопасности для окрестныхъ державъ, нынѣшнюю новую такимъ образомъ распорядить и учредить, дабы и тотъ и другой пунктъ изъ старой признаны и утверждены были фундаментальными законами безъ всякаго тутъ подчиненія произволу и своенравію королей. По всей вѣроятности судить можно, что сія посредственная дорога встрѣтитъ въ свое время меньше затрудненія и препонъ, ибо въ ней и король, и нація нѣчто для себя выиграннаго находить будутъ, первый, сохраняя по меньшей мѣрѣ нѣкоторую часть похищенія своего, а послѣдняя возвращая себѣ то, что для истиннаго ея блага и безопасности государственной всего драгоцѣннѣе было въ прежней формѣ правленія. Между тѣмъ, дабы къ будущему нашему тѣмъ или другимъ образомъ дѣйствованію въ пользу шведской національной вольности имѣть намъ въ самой Швеціи нѣкоторое способствованіе, нужно весьма, чтобъ вы безъ поданія и малѣйшаго на себя вида къ сумнѣнію или же и

дѣйствительному подозрѣнію, а паче безъ всякой огласки и афектаціи, старались по крайней возможности, не только сохранять, но и умножить еще дружбу и довѣренность къ себѣ нѣкоторыхъ изъ надежнѣйшихъ и въ твердости испытанныхъ шефовъ прежней благонамѣренной партіи, ободряя ихъ несомнѣнною надеждою скорой и дѣйствительной перемѣны въ настоящемъ порабощеніи отечества ихъ, а потому и обязывая ихъ самихъ заготовлять мало-по-малу искуснымъ образомъ и безъ компрометированія себя безъ нужды, духъ друзей своихъ къ надлежащему впредь за общее благо поборствованію. Зная состояніе нравовъ шведскихъ, сужу я согласно съ учиненнымъ уже отъ васъ примѣчаніемъ, что есть теперь конечно и между шляпами много такихъ, кои опроверженіе прежней формы правленія чистосердечно оплакиваютъ и рады будутъ содѣйствовать всѣми своими силами возстановленію ея. Пожалуйста не оставьте обращать бдительное око и на сихъ послѣднихъ, приласкивая къ себѣ довѣренность ихъ и взаимно опять имъ открываясь по мѣрѣ усматриваемаго въ нихъ жара и соединенной съ онымъ надежности. Между именитѣйшими шляпами не могу я вообразить себѣ, чтобъ нынѣшній сенаторъ графъ Ферзенъ внутри сердца своего могъ быть равнодушенъ въ разсужденіи похищеннаго королемъ безпредѣльнаго самовластія. Онъ умѣетъ и обыкъ уже править духомъ знатной части согражданъ своихъ, почему непритворное его къ нашей сторонѣ пріобрѣтеніе и могло бы въ свое время не малую принести пользу. Приготовленіе людей въ актеры для шонской провинціи свойственнѣе датскому двору нежели намъ, почему оное и можно предоставить собственному его попеченію; но тѣмъ не меньше не оставляйте имѣть въ виду и тамошній край, ибо совокупное и одновременное дѣйствованіе въ обѣихъ сторонахъ, т.-е. въ Шоніи и Финляндіи будетъ гораздо сильнѣе и прочнѣе, служа одно другому опорою. Ежели по сему и для шонской провинціи вамъ актеры надежные и полезные попадаться будутъ, не упускайте и тѣхъ изъ рукъ, но паче старайтесь пріобрѣтать ихъ безпосредственно себѣ для сохраненія до пункта рѣшенія всего нужнаго секрета, ибо послѣ ничто уже не помѣшаетъ уступить ихъ Даніи и употребить подъ ея дирекцію тамъ, гдѣ для нея одной вся способность. Что до Помераніи касается, въ разсужденіи ея обстоятельства совсѣмъ

другія, ибо тамъ все дѣло зависѣть будетъ отъ скорости въ военныхъ движеніяхъ союзника нашего короля прусскаго, на которую конечно съ полною надеждою положиться можно, и отъ той импрессіи, съ каковою вся германская имперія на оныя взирать можетъ и будетъ по времени и по политическимъ расположеніямъ главныхъ ея членовъ, а особливо австрійскаго дома. Все сіе соображая къ тому пункту, когда собственныя наши государственныя расположенія зрѣлости своей достигнутъ, а особливо миръ съ Портою дѣйствительно заключенъ, слѣдовательно же и главныя наши военныя силы и ресурсы отъ тамошней заботы совершенно освобождены будутъ, прошу я васъ сообщить мнѣ предварительно, для донесенія ея импер. в—ству, въ полномъ пространствѣ и со всѣми напередъ удобь опредѣляемыми подробностями ближайшія ваши мысли объ образѣ дѣйствительнаго открытія внутреннихъ операцій въ Финляндіи и Шонской провинціи, дабы симъ способомъ и здѣшнія и датскія мѣры и содѣйствованія на одинаковыхъ правилахъ основать, обращая всѣ части огромнаго плана къ одной цѣли, т.-е. къ лучшему и сильнѣйшему подкрѣпленію взаимно одной другою. Для сего же самаго нужно весьма заранѣе и съ достовѣрностію знать точное расположеніе духовъ шведской націи въ разныхъ ея состояніяхъ, а особливо въ арміи и во всѣхъ военныхъ людяхъ. Неоспоримо то, что король умѣлъ пріобрѣсть себѣ для произведенія революціи большую часть войска; кажется, что оное и теперь еще на его сторонѣ; вопрошается только—духъ энтузіазма, которымъ армія и войско наполнены, какого прямо свойства, истиннаго ли военнаго и стремящагося къ возобновленію прежней славы шведскаго имени, слѣдовательно же сумнительнаго и опаснаго для сосѣдей, или же напротивъ только честолюбиваго, льстящагося скорѣйшимъ полученіемъ чиновъ и другихъ отличностей при молодомъ и самовластномъ государѣ»[250].

Въ Петербургѣ опасались нападенія шведскаго короля, заявившаго свою отвагу въ переворотѣ, опасались, что Франція побудитъ Густава III къ войнѣ съ Россіею, чтобъ помѣшать послѣдней въ Польшѣ и Турціи; а во Франціи довольные успѣхомъ переворота, хотѣли спокойнаго утвержденія въ Швеціи новаго порядка и опасались, что Россія своимъ нападеніемъ помѣшаетъ этому утвержденію, Швеція не въ состояніи еще будетъ отра-

зить ударъ и Франція для ея поддержки вовлечена будетъ въ войну, а войны въ Версали боялись больше всего. Затруднительно было положеніе новаго французскаго министра въ Петербургѣ Дюрана притомъ сильномъ раздраженіи, какое господствовало теперь здѣсь противъ Франціи, на которую смотрѣли какъ на виновницу *несчастной* шведской революціи по выраженію Панина. Дюранъ обратился къ первенствующему министру съ увѣреніями, что дворъ его всегда желалъ и желаетъ быть въ добромъ согласіи и дружбѣ съ ея и. в—ствомъ; перемѣну въ Швеціи произвелъ онъ вовсе не въ намѣреніи нанести этимъ вредъ Россіи; что Франція еще прежде совѣтовала шведскому двору возобновить союзъ съ Россіею, да и послѣ внушала то же самое; англійскій дворъ, на вопросъ французскаго, призналъ шведскую перемѣну домашнимъ распоряженіемъ и не находитъ нужды вмѣшиваться въ это дѣло; король, государь его весьма сожалѣлъ бы, еслибъ въ Россіи думали, что онъ старается причинять ей новыя заботы или распространить военное пламя въ Европѣ. Панинъ отвѣчалъ, что ея и. в—ство совершенно увѣрена въ личной склонности Людовика XV къ сохраненію доброго съ нею согласія; но политика французскаго двора, съ самаго вступленія ея в—ства на престолъ, препятствовала этому. Цѣлыя десять лѣтъ французскій дворъ не переставалъ дѣйствовать противъ Россіи въ Польшѣ, Швеціи, Турціи и ввелъ ее въ настоящую войну съ послѣднею, какъ это все ему Дюрану самому извѣстно вслѣдствіе постояннаго его обращенія въ дѣлахъ; тогда какъ Россія вовсе не подражала такому поведенію Франціи, не имѣла противъ нея ни съ кѣмъ договоровъ и соглашеній. Самый внезапный пріѣздъ его, Дюрана, въ Россію подалъ причину думать, что онъ посланъ помѣшать или уничтожить соглашенное между тремя дворами раздробленіе Польши возбужденіемъ между ними зависти и недовѣрія или же и заведеніемъ въ Россіи какой-нибудь смуты. Если эта догадка имѣетъ нѣкоторое основаніе, то онъ можетъ быть напередъ увѣренъ въ неуспѣхѣ того и другого намѣренія. Россія не можетъ быть покойна со стороны Швеціи, не можетъ полагаться на ея союзъ, какъ зависящій теперь не отъ государственныхъ чиновъ, а единственно отъ молодого, предпріимчиваго и нарушившаго свою присягу государя, и потому Россія пред-

принимаетъ все возможное для своего обезпеченія. Панинъ въ заключеніе позолотилъ пилюлю, распространившись о своемъ уваженіи лично къ Дюрану, какъ человѣку, состарившемуся въ дѣлахъ и пріобрѣтшему славу своимъ искусствомъ въ ихъ веденіи; заявилъ надежду, что французскій министръ будетъ вести дѣло съ чистосердечіемъ и доставлять своему двору вѣрныя донесенія, не подражая своимъ предшественникамъ, которые, побуждаемые злобою, наполняли свои донесенія одною ложью; Дюранъ былъ смущенъ такимъ неожиданнымъ объясненіемъ и проговорилъ въ отвѣтъ, что онъ отправленъ въ Россію вовсе не по поводу Польши: дворъ его считаетъ дѣло о раздѣлѣ конченнымъ и не намѣренъ вмѣшиваться въ то, что сдѣлано тремя великими державами [251]. Панинъ имѣлъ и личныя побужденія быть чистосердечнымъ съ Дюраномъ: прусскій король писалъ гр. Сольмсу: «Я буду все-таки повторять гр. Панину, чтобъ былъ остороженъ съ Дюраномъ. По всѣмъ извѣстіямъ, мною полученнымъ, цѣль его посольства—перемѣшать карты и низвергнуть гр. Панина; для этой цѣли избранъ министръ-мастеръ въ интригахъ» [252].

Въ Даніи произошла также революція особого рода. Первое письмо, полученное Панинымъ въ этомъ году отъ Местмахера, заключало въ себѣ слѣдующее извѣстіе: 5 января (с. с.) король и королева были вмѣстѣ на придворномъ маскарадѣ; король оставилъ маскарадъ около полуночи, королева съ своимъ наперсникомъ Струензе въ третьемъ часу, а въ пятомъ часу король былъ разбуженъ неожиданнымъ посѣщеніемъ: въ его спальню вошла вдовствующая королева Юліана Марія втроемъ съ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ и графомъ Ранцау. Юліана стала говорить о бѣдственномъ положеніи государя и государства вслѣдствіе постыдной слабости королевы и непростительныхъ насилій графа Струензе и успѣла убѣдить короля въ необходимости арестовать королеву, фаворита ея и всѣхъ сообщниковъ; написаны были объ этомъ указы и подписаны королемъ. Графъ Ранцау пошелъ арестовывать королеву, которую нашелъ въ постели; послѣ нѣкотораго сопротивленія и требованій свиданія съ королемъ, королева Матильда сдалась. Струензе и сообщники его были также арестованы безпрепятственно и отправлены въ крѣпость. Народъ, узнавши о событіи, собрался

на площади передъ дворцомъ въ безчисленномъ множествѣ и не было конца его радостнымъ крикамъ; съ тѣми же криками толпа провожала короля, когда онъ вмѣстѣ съ принцемъ Фридрихомъ разъѣзжалъ по улицамъ въ парадной каретѣ; женщины изъ оконъ домовъ махали бѣлыми платками, вечеромъ всѣ дома были иллюминованы. Какъ скоро Местмахеръ провѣдалъ о событіи, то первою его мыслію было воспользоваться имъ для возвращенія къ дѣламъ Бернсторфа. Онъ сговорился съ англійскимъ посланникомъ Кейтомъ и отправились къ графу Остену, который принялъ ихъ по одиночкѣ, сперва Кейта. Когда послѣдній выразилъ желаніе своего двора видѣть по прежнему у дѣлъ графа Бернсторфа, и надежду, что Остенъ будетъ этому содѣйствовать, тѣмъ болѣе, что и русскій дворъ желаетъ того же, то Остенъ разгорячился и отвѣчалъ: «Я не думаю, чтобъ иностранныя державы хотѣли королю предписать, кого онъ долженъ брать въ министры». За Кейтомъ вошелъ Местмахеръ, поздравилъ Остена съ радостнымъ событіемъ и прибавилъ, что для полной радости не достаетъ одного: зачѣмъ онъ, Остенъ уступилъ Ранцау всю честь такого важнаго предпріятія? Остенъ отвѣчалъ, что не можетъ долго говорить съ Местмахеромъ, торопится ѣхать во дворецъ, и что онъ самъ узналъ о событіи только въ 8 часовъ утра, когда его позвали къ королю, впрочемъ онъ уже успѣлъ представить его величеству, что изъ уваженія къ русской императрицѣ не слѣдуетъ употреблять къ дѣламъ графа Ранцау, а наградя, надобно отправить его въ Голштинію, на что король и согласился. Послѣ этого и Местмахеръ далъ Остену «восчувствовать», какой ему предстоитъ теперь благопріятный случай подать самый сильный опытъ своей благонамѣренности возвращеніемъ графа Бернсторфа, чѣмъ вмѣстѣ и докажетъ свою преданность ея импер. величеству, а за это безъ воздаянія не останется; онъ Остенъ будетъ завѣдывать департаментомъ иностранныхъ дѣлъ и засѣдать въ королевскомъ совѣтѣ, а Бернсторфъ получитъ званіе великаго канцлера. «Великаго канцлера давно уже у насъ не бывало, и теперь не о томъ надобно думать», отвѣчалъ Остенъ, и, приближась къ дверямъ кабинета, сказалъ: «Здѣсь иностранцевъ не любятъ». Местмахеръ далъ ему «восчувствовать», что великія заслуги, оказанныя Даніи графомъ Бернсторфомъ, извѣстны всей Европѣ и не

позволяютъ смотрѣть на него какъ на иностранца, а еще болѣе теперь, когда арестъ его гонителей вполнѣ оправдываетъ его поведеніе. Появленіе третьяго лица прервало разговоръ.

«Мы имѣемъ причину думать, писалъ Панинъ Местмахеру, что произведенная въ Копенгагенѣ революція весьма нужна была для блага и спасенія Даніи отъ совершеннаго развращенія, и впредь полезна будетъ возвращеніемъ всѣхъ дѣлъ въ естественный ихъ порядокъ и теченіе. Не меньше ласкаю себя надеждою, что сей переломъ способенъ и къ утвержденію взаимныхъ интересовъ Россіи и Даніи, если только въ правленіи послѣдней истребится вся прежняя необузданная вѣтренность». Панинъ, выражая мнѣніе, что Остенъ вовсе не расположенъ въ пользу графа Бернсторфа, предписывалъ Местмахеру, мимо его и тайно отъ него, обратиться къ вдовствующей королевѣ, которая теперь, какъ главная виновница переворота, должна быть въ большой силѣ, и не можетъ сама по себѣ не доброхотствовать старику Бернсторфу, оказавшему ей прежде большія услуги. Что касалось участи арестованныхъ, то Панинъ писалъ, что нѣтъ нужды и пристойности поступать съ виноватыми очень строго, особливо осуждать ихъ на смертную казнь, и что милосердіемъ своимъ въ этомъ случаѣ король приблизится къ образу мыслей и великодушныхъ дѣйствій императрицы, своей натуральнѣйшей союзницы и друга.

Остенъ объявилъ Местмахеру, что король единственно изъ уваженія къ императрицѣ не далъ мѣста въ совѣтѣ графу Ранцау и отправляетъ его въ Голштинію для начальства надъ войскомъ; также въ угоду императрицѣ и графъ С. Жермэнъ будетъ удаленъ отъ всѣхъ дѣлъ и отправленъ въ Голштинію для проживанія тамъ своей пенсіи. Такъ какъ Остенъ не промолвилъ ни слова о Бернсторфѣ, то Местмахеръ почелъ неприличнымъ начинать о немъ разговоръ и обратилъ все свое стараніе къ тому, чтобъ чрезъ нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ дѣйствовать на вдовствующую королеву. Одинъ изъ такихъ благонамѣренныхъ, графъ Гакстгаузенъ представилъ королевѣ, что безъ возвращенія графа Бернсторфа столь полезное для Даніи дѣло, какъ голштинское, никогда не будетъ приведено къ окончанію и такимъ образомъ Данія лишится и такихъ знатныхъ пріобрѣтеній и такого заслуженного мужа какъ графъ Бернсторфъ. Королева

увѣряла, что возвращеніе Бернсторфа было ея всегдашнимъ желаніемъ, но опасается она, возможно ли это, или, по крайней мѣрѣ не сопряжено ли съ большими трудностями, и пріятно ли будетъ для народа, потому что у Бернсторфа множество враговъ. Местмахеръ приписалъ такой отвѣтъ королевы внушеніямъ Остена, который и англійскому посланнику толковалъ, что въ Даніи не любятъ Бернсторфа, приписывая ему обремененіе государства долгами.

Смерть Бернсторфа прекратила всѣ эти движенія и за и противъ него. Какое значеніе придавали Бернсторфу въ Россіи, видно изъ письма Екатерины къ госпожѣ Бельке: «Я почувствовала безконечную скорбь отъ смерти Бернсторфа. Думаю, что съ нимъ надолго погребены порядокъ и благоденствіе Даніи, ибо, что бы ни говорили, я внутренно убѣждена, что во всемъ сдѣланномъ нѣтъ никакой прочности. Я не буду удивлена, если королева Матильда опять не появится на сценѣ. Признаюсь, что я съ трудомъ вѣрю всему, что разсказываютъ о проектахъ этой королевы и ея г. Пилюля (Струензе, бывшій медикъ)». Собственныя воспоминанія и ребяческій характеръ датскаго короля были причиною такого взгляда Екатерины на датскія событія. Между тѣмъ работала слѣдственная коммиссія надъ Струензе съ товарищами и Местмахеръ писалъ своему двору, что врядъ ли Струензе избѣжитъ смертной казни: говорятъ, что если оставить его только въ заточеніи, то королева, освободившись вслѣдствіе слабости королевской, освободитъ и своего любимца, къ которому питаетъ еще страсть, и тогда надобно будетъ ожидать съ ихъ стороны кроваваго мщенія, а со стороны народа, ненавидящаго Струензе, возмущенія. Екатерина, по прочтеніи письма Местмахера, написала Панину: «Если опасаются королевина мщенія, то болѣе еще оного опасаться имѣютъ, если она найдетъ своихъ фаворитовъ умерщвленными, нежели ихъ въ живыхъ увидитъ, но не въ семъ дѣло состоитъ. Мое мнѣніе есть, что если датчане дозволятъ своему слабому государю разговѣться и кровь проливать единожды, то онъ имъ всѣмъ, а по крайней мѣрѣ многимъ, головы пересѣчетъ. Напишите сіе съ первой почтой Местмахеру». Но всѣ представленія Местмахера не повели ни къ чему: Струензе и графъ Брантъ были казнены. «Датскія дѣла внушаютъ ужасъ, писала Екатерина Бельке: какъ можно было отрубить

головы этимъ несчастнымъ? ихъ казнили за то, что ихъ государь не умѣетъ быть государемъ. Еслибъ онъ былъ другимъ человѣкомъ, то какъ бы все это могло случиться? стороны являются судьями; отъ этого волосы становятся дыбомъ, тутъ нѣтъ здраваго смысла, какъ нѣтъ его ни въ одномъ изъ виновныхъ. Страшно имѣть дѣло съ тронутыми мозгами; я знаю, чѣмъ за это можно заплатить, я сама была въ такомъ же положеніи. Если датчане дали себѣ слово развивать естественное расположеніе своего молодого короля къ жестокости, то поступили какъ нельзя лучше. Я питаю отвращеніе къ юридическимъ убійствамъ, сопровождаемымъ самыми безчеловѣчными подробностями, какъ это тамъ дѣлалось. Только самая ужасная мстительность могла вести дѣло такъ далеко. Теперь датчане должны беречь свои головы; или я очень ошибаюсь, или подо всѣмъ этимъ кроется замыселъ лишить короля свободы. У него отняли жену противъ его воли, и Богъ знаетъ, что еще сдѣлаютъ и что заставятъ его сдѣлать. Мое сердце вооружено противъ безчеловѣчій и людей безчеловѣчныхъ. Знаю, они говорятъ въ свое оправданіе, что боялись народного возмущенія, еслибъ поступили милостиво, но это дурное оправданіе: у нихъ было бы много дѣла, еслибъ они захотѣли всегда сообразоваться съ чувствами и вкусами толпы; это самая несчастная и самая презрѣнная изъ ролей, какую только можно выбрать».

Оказано было и другое невниманіе къ Россіи: несмотря на обѣщаніе удалить Ранцау въ Голштинію, этотъ извѣстный приверженецъ Франціи получилъ мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ. Впрочемъ онъ держался здѣсь не долго: ему дано было знать, что государственное благо и обязательства Даніи съ Россіею требуютъ удаленія его отъ всѣхъ дѣлъ; Ранцау подалъ въ отставку и уволенъ съ большою пенсіею.

Осенью дѣло дошло и до Остена, къ которому однако русскій дворъ отнесся совершенно иначе, чѣмъ къ Ранцау. Остенъ самъ, подъ условіемъ величайшаго секрета, открылъ Местмахеру, какъ онъ съ самаго начала пріѣзда въ Копенгагенъ принца Карла Гессенскаго, примѣтилъ сильную съ себѣ холодность при дворѣ; онъ надѣялся современемъ преодолѣть это нерасположеніе, но недавно онъ не былъ впущенъ къ принцу Фридриху, у котораго былъ собранъ военный совѣтъ; Остенъ заявилъ свое

неудовольствіе и былъ успокоенъ; но созванъ былъ въ другой разъ военный совѣтъ и его опять не пригласили, хотя другіе сановники, не имѣвшіе больше его понятія въ военныхъ дѣлахъ, были приглашены. Тогда онъ послалъ къ королю прошеніе объ отставкѣ, но еще не получилъ отвѣта. Местмахеръ сильно встревожился этимъ извѣстіемъ и началъ хлопотать, какъ бы отсрочить отставку Остена и въ это время переписаться съ своимъ дворомъ. Въ совѣтѣ королевскомъ былъ приверженный къ русскому союзу членъ Шакъ; Местмахеръ сталъ ему внушать свое крайнее удивленіе на счетъ такого внезапного поступка съ министромъ иностранныхъ дѣлъ; извѣстны слѣдствія подобныхъ важныхъ перемѣнъ, особенно при нынѣшнихъ критическихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ по отношенію къ Швеціи. Какъ посмотрятъ на это другіе дворы, особенно русскій? Можетъ ли императрица и вся Европа, зная слабое здоровье короля и малое участіе его въ дѣлахъ, полагать надежду на твердость здѣшняго правленія, когда безъ всякой или, по крайней мѣрѣ, по неизвѣстной ея величеству причинѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ вдругъ лишится своего мѣста?—Внушеніе подѣйствовало, принцъ Фридрихъ согласился на возвращеніе Остену его просьбы объ отставкѣ, причемъ однако Шакъ увѣдомилъ Местмахера, что отставка Остена только отсрочена; не можетъ онъ считаться полезнымъ министромъ, ибо, съ одной стороны, безпрестанныя его интриги послужили только къ тому, что лишили его кредита у двора и у публики, а съ другой—трусость его даетъ надъ нимъ вліяніе французскому и испанскому посланникамъ: такъ и теперь, по ихъ внушеніямъ, онъ противился въ совѣтѣ вооруженіямъ, предпринимаемымъ въ виду шведскихъ событій. Местмахеръ спросилъ: Кого же думаютъ опредѣлить на мѣсто Остена? Шакъ назвалъ двоихъ: конференціи совѣтника Шумахера и бывшаго въ Швеціи посланникомъ барона Юля.

Въ Петербургѣ были очень довольны поступкомъ Местмахера, Панинъ писалъ ему: «Ни что не можетъ быть благоразумнѣе вашего поведенія въ дѣлѣ графа Остена. Правда, характеръ этого министра имѣетъ важные недостатки; но съ другой стороны привязанность его къ нашей системѣ несомнѣнна, а потому отрѣшеніе его отъ должности нельзя почитать полезнымъ, развѣ бы преемникъ его былъ большихъ достоинствъ и болѣе твердъ въ

пользу нашу, какимъ я изъ всѣхъ датчанъ теперь почитаю одного Шака, и потому поручаю вамъ изъясниться съ этимъ достойнымъ министромъ, что если онъ самъ согласится заступить мѣсто графа Остена, то я объ удаленіи послѣдняго отнюдь сожалѣть не буду, въ противномъ случаѣ желалъ бы я, чтобъ Остенъ продолжалъ оставаться въ своей должности, особливо при настоящихъ критическихъ для Даніи обстоятельствахъ. Отрѣшеніе министра иностранныхъ дѣлъ безъ всякой видимой, извѣстной его вины, по крайней мѣрѣ безъ всякого приготовленія публики, не можетъ быть почтено ею и всѣми иностранными дворами иначе, какъ слѣдствіемъ какой-либо мрачной интриги къ еще большему поврежденію значенія и кредита датскаго двора, которыя и безъ того уже въ крайнемъ упадкѣ и для возстановленія своего требуютъ весьма умѣреннаго и осторожнаго впредь поведенія» [253].

Обвиненіе королевы Матильды въ связи съ Струензе, расторженіе ея брака, удаленіе изъ Даніи должно было сильно огорчить брата ея, англійскаго короля Георга III-го; но это фамильное дѣло не могло повести къ столкновенію между Англіею и Даніею; протеста Англіи, болѣе или менѣе сильного, можно было ожидать противъ раздѣла Польши и шведскаго переворота. Мы видѣли, что англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ лордъ Каткартъ былъ отозванъ вслѣдствіе неудачи переговоровъ его о союзѣ и вслѣдствіе несоотвѣтственной замѣны съ русской стороны графа Ив. Чернышева Мусинымъ-Пушкинымъ. Англійское министерство имѣло право подозрѣвать Каткарта въ неискусномъ веденіи дѣла потому, что этотъ посланникъ въ другомъ случаѣ обнаружилъ недостатокъ проницательности или неумѣнье добывать нужныя свѣдѣнія: уже въ апрѣлѣ 1772 года онъ все еще писалъ своему двору, что не можетъ вѣрить раздѣлу Польши: «Насколько мнѣ извѣстно, доносилъ Каткартъ, прусскій король не сообщалъ объ этомъ ничего достовѣрнаго ни русскому, ни вѣнскому двору и не получалъ отъ нихъ никакого вопроса по поводу настоящихъ обстоятельствъ; оба эти двора не измѣняютъ своего языка. Я давно убѣжденъ и давно предупреждалъ русское министерство относительно того, что прусскій король имѣетъ въ виду собственные интересы и навѣрное употребитъ всѣ средства пріобрѣсти польскую Пруссію при окончаніи войны».

Преемнику Каткарта, Роберту Гуннингу подписана была королемъ инструкція въ маѣ 1772 года. Въ ней говорилось, что онъ долженъ узнать обстоятельно мысли императрицы и ея министровъ о союзѣ Россіи съ Англіею, которая готова къ составленію обширнаго сѣвернаго союза, готова вступить въ переговоры о трактатѣ съ Швеціею. Если съ русской стороны будетъ потребована субсидія, Гуннингъ долженъ былъ писать объ этомъ въ Англію, не подавая русскому министерству надежды на ея согласіе; если въ проектѣ союзнаго договора турецкая война будетъ поставлена въ видѣ casus foederis, то онъ не долженъ былъ принимать этой статьи. Если въ Россіи пожелаютъ посредничества Англіи для окончанія турецкой войны, то согласиться съ условіемъ, чтобъ Англія явилась главной стороной въ посредничествѣ. Гуннингъ долженъ былъ уничтожать въ умѣ императрицы и ея министровъ подозрѣніе, что Англія смотритъ неблагопріятно на сухопутныя или морскія пріобрѣтенія, какія Россія можетъ сдѣлать на Черномъ морѣ, кромѣ прохода русскихъ кораблей изъ этого моря въ Средиземное.

6-го іюля Гуннингъ сдѣлалъ Панину рѣшительный вопросъ: какая будетъ участь Польши? Помолчавъ довольно долго, Панинъ отвѣчалъ, что окончательно ничего еще не опредѣлено относительно этой страны, но онъ можетъ его увѣрить, что нѣтъ никакой опасности, чтобъ общественное спокойствіе было тамъ нарушено. На вопросъ: какихъ пожертвованій требуютъ отъ Польши сосѣди, и правда ли, что вѣнскій и берлинскій дворы согласились относительно ихъ? Панинъ отвѣчалъ, что нѣтъ, сколько онъ знаетъ, и съ видимымъ желаніемъ покончить разговоръ, сказалъ: нѣтъ ни малѣйшей опасности, что возгорится новая война. Отъ 10 іюля Гуннингъ доносилъ, что русскій дворъ намѣренъ получить себѣ долю при раздѣлѣ Польши.

Протеста со стороны Англіи противъ раздѣла Польши не было, несмотря на попытки Франціи сдѣлать этотъ протестъ сообща съ нею. Тогда посланники трехъ дворовъ подали англійскому министру иностранныхъ дѣлъ декларации своихъ государей относительно раздѣла Польши; тотъ отвѣчалъ: «Король желаетъ предположить, что три двора убѣждены въ справедливости своихъ претензій, хотя его величеству неизвѣстны побужденія, заставившія ихъ дѣйствовать такимъ образомъ». Этимъ от-

вѣтомъ все и кончилось. Что касается шведскаго переворота, то сначала англійское министерство дало знать Гуннингу, что его британское величество чувствуетъ себя заинтересованнымъ въ этомъ событіи и будетъ готовъ дѣйствовать вмѣстѣ съ русскою императрицею для сохраненія шведской конституціи, даже готовъ дать для этого деньги, если только уже не поздно; но Гуннингъ никакъ не долженъ былъ соглашаться на какую-нибудь опредѣленную денежную сумму, и вообще ни на какія опредѣленныя мѣры и не обѣщать ничего, кромѣ пламеннаго желанія своего короля сохранить шведскую конституцію и готовности на такія дѣйствія, которыя окажутся удобными для достиженія этой цѣли. Вслѣдъ за этимъ Гуннингъ получилъ другое болѣе откровенное внушеніе, что король интересовался шведскими дѣлами только имѣя въ виду заключеніе союза съ Россіею и не двинется ни на шагъ пока вопросъ о союзѣ не будетъ рѣшенъ. Но Гуннингъ увидалъ, что этого рѣшенія ждать долго. На его рѣчи о добрыхъ отношеніяхъ Англіи къ Россіи Панинъ отвѣчалъ большою въ глазахъ англійскаго дипломата неучтивостію; первенствующій министръ сказалъ ему, что будетъ готовъ заключить съ Англіею тѣснѣйшій союзъ, какъ скоро убѣдится въ прочности настоящаго британскаго министерства и въ довѣріи къ нему короля. Гуннингъ сказалъ на это, что ему очень прискорбно видѣть, какъ легко Панинъ, при всей своей проницательности и чистотѣ, отнесся къ корыстнымъ и лживымъ сообщеніямъ. Гуннингъ долженъ былъ донести своему министерству, что его слова не произвели на Панина сильнаго впечатлѣнія: такъ успѣлъ прусскій король отравить его взгляды на этотъ предметъ.

Несмотря однако на приведенный отвѣтъ Панина, Гуннингъ писалъ своему министерству, что будетъ усердно стараться чтобъ какъ-нибудь не оттолкнуть отъ себя Панина, потому что характеръ послѣдняго, несмотря на всѣ его недостатки, безконечно предпочтительнѣе характера Чернышевыхъ, хотя по дѣятельности и быстротѣ графа Захара, съ нимъ въ одинъ часъ можно сдѣлать больше, чѣмъ съ Панинымъ въ годъ. Менѣе, чѣмъ чрезъ полтора мѣсяца послѣ приведеннаго отзыва объ англійскомъ министерствѣ, 14 сентября Панинъ, въ доказательство полнаго довѣрія къ англійскому двору и Гуннингу открылъ послѣднему, подъ

условіемъ величайшей тайны, намѣреніе русскаго двора относительно Швеціи: зимою Россія будетъ относиться равнодушно къ перевороту; но къ началу весны въ Финляндіи будетъ такая армія, которая придастъ вѣсъ рѣчамъ Россіи, въ какомъ бы смыслѣ она ни заговорила. Къ тому же времени будутъ вооружены 20 военныхъ кораблей; Данія двинетъ къ шведской границѣ пятнадцатитысячный корпусъ, у нея будетъ также флотъ изъ 12 кораблей. Король прусскій овладѣетъ шведской Помераніей. Еслибы король англійскій поддержалъ Данію деньгами или выставилъ флотъ, который бы далъ ей безопасность, то это было бы очень пріятно императрицѣ. Когда все будетъ такимъ образомъ приготовлено, онъ, Панинъ предложитъ четыремъ дворамъ сдѣлать шведскому королю соединенную декларацію, выражающую желаніе ихъ видѣть возстановленіе конституціи 1720 года; по его мнѣнію такой соединенной деклараціи было бы достаточно для достиженія цѣли, въ противномъ случаѣ легко будетъ вынудить согласіе. Послѣ этого Панинъ показалъ Гуннингу извѣстную намъ переписку шведскаго короля съ дядею его, королемъ прусскимъ. Письмо послѣдняго, по замѣчанію Гуннинга, не допускало въ Панинѣ никакого сомнѣнія на счетъ искренности его прусскаго величества.

Откровенность Панина произвела въ Англіи вовсе не то впечатлѣніе, какого онъ надѣялся. Убѣжденное въ томъ, что руской дворъ руководится внушеніями прусскаго короля, англійское министерство въ планѣ Панина увидало прусскій планъ и, при извѣстныхъ отношеніяхъ Пруссіи къ Англіи, разумѣется было далеко отъ мысли хотя сколько-нибудь содѣйствовать выполненію этого плана. Благодаря прусскому королю, только что раздѣлили Польшу: теперь Фридрихъ II хочетъ получить шведскую Померанію. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ Гуннингу, что Панину слѣдовало бы дважды подумать и и очень серіозно взвѣсить всѣ послѣдствія составленнаго имъ плана прежде чѣмъ приступить къ его выполненію: послѣдствіями могутъ быть—возвращеніе Австріи снова къ тѣсному союзу съ Франціею; послѣдняя, вмѣстѣ съ Испаніею, должна заступиться за Швецію и послѣдуетъ общеевропейская война въ то время когда Россія истощена не оконченной еще войною съ Турціею. Планъ Панина похожъ на прусскій планъ и шведская По-

меранія очевидно составляетъ награду за помощь его прусскаго величества. По моднымъ теперь идеямъ раздробленія странъ это представляется бездѣлицей. Но англійскій король смотритъ на это иначе, и при всемъ желаніи сохранить свободную конституцію Швеціи, нисколько не желаетъ уменьшенія ея владѣній. Послѣ невниманія, оказаннаго русскимъ дворомъ Англіи, послѣдняя не желаетъ быть вовлеченною въ войну, отъ которой она можетъ много потерять и ничего не выиграть, и потому Гуннингъ долженъ, по возможности, отвлекать Панина отъ этихъ вопросовъ [254].

1772-й годъ не оправдалъ всѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались въ Россіи. Польское дѣло можно было считать оконченнымъ по соглашенію между тремя дворами; но чего особенно желали, миръ съ Турціею, не состоялся; наконецъ шведскій переворотъ могъ повести къ войнѣ болѣе опасной и тяжелой, чѣмъ была война съ польскими конфедератами.

Польскія событія и тѣсно связанная съ ними турецкая война привели къ послѣдствіямъ неожиданнымъ—присоединенію Бѣлоруссіи къ Великой и Малой Россіи. Нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобъ кто-нибудь изъ русскихъ современниковъ смотрѣлъ неблагопріятно на это дѣло съ политической или нравственной точки зрѣнія; если между современниками Екатерины II-й мы и встрѣтимъ осужденія этому событію, то они появилось позднѣе, вслѣдствіе систематической враждебности къ екатерининской политикѣ вообще, къ дѣятельности Панина въ особенности, враждебности къ прусскому союзу и его слѣдствіямъ; потомъ эти осужденія появились подъ вліяніемъ мнѣній, высказывавшихся на крайнемъ западѣ, вліяніемъ, которому съ такимъ трудомъ противится русскій человѣкъ. Русскіе, современники присоединенія Бѣлоруссіи, были очень близки къ историческому ходу событій, необходимо ведшихъ къ этому присоединенію, обхвачены были духомъ этихъ событій, жили свѣжими преданіями о началѣ дѣла, и потому должны были ему вполнѣ сочувствовать; они были дѣйствователями, а не праздными судьями. Только вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ какъ Малороссія, отторгнувшаяся отъ Польши и готовая скорѣе поддаться султану, чѣмъ панамъ и ксендзамъ польскимъ, обратилась къ царю Великой Россіи съ

просьбою принять ее во имя единовѣрія. Просьба была исполнена, началась борьба, готовая повидимому скоро окончиться разложеніемъ Польши и полнымъ собраніемъ русской земли; царь Алексѣй уже принялъ титулъ: «всея Великія и Малыя и *Бѣлыя* Россіи.» Но великія дѣла совершаются въ исторіи медленно, какъ въ природѣ медленно развивается, растетъ все великое, и только слабое поднимается быстро, чтобъ также быстро и разрушиться. Одна Малороссія, да и то не вся, была присоединена при царѣ Алексѣѣ послѣ долгой и тяжкой борьбы. Но дѣло только началось, и великій вопросъ, несмотря на всѣ препятствія и отсрочки, стоялъ, дожидаясь очереди и постоянно напоминая о себѣ; полякъ-католикъ не могъ ужиться вмѣстѣ съ русскимъ-православнымъ и тѣснилъ его сколько было возможности, а возможность была большая. Понятно, съ какимъ сочувствіемъ русскіе люди должны были встрѣтить явленія, показывавшія, что очередь для рѣшенія русскаго вопроса въ Польшѣ наступила; сочувственно должны были встрѣтить это явленіе даже и тѣ, которые заразились равнодушіемъ къ вѣрѣ отцовской, вѣрѣ русской: они желали успѣха русскому дѣлу, желая торжества вѣротерпимости надъ фанатизмомъ. Сочувствуя поднятію и твердому веденію вѣроисповѣднаго или диссидентскаго вопроса, не могли не сочувствовать его послѣдствію, присоединенію Бѣлоруссіи; никто не могъ считать этого присоединенія несправедливымъ. Поляки вооруженною рукою воспротивились рѣшенію вѣроисповѣднаго дѣла, добытому Россіею, которая по этому должна была вступить съ ними въ войну, вызвавшую другую войну болѣе опасную и тяжелую; польское правительство, не смѣя враждовать явно, враждовало тайно, оскорбляло своимъ поведеніемъ Россію больше, чѣмъ конфедераты, прямо дравшіеся съ русскимъ войскомъ; никакія соглашенія, никакое улаженіе дѣлъ не могло состояться, несмотря на уступки, которыя ошибочно позволила себѣ Россія; дѣло предано было рѣшенію оружія; русскіе были побѣдителями и въ Польшѣ и въ Турціи, что имѣло тѣсную связь, а извѣстно, какъ война оканчивается для побѣдителя и побѣжденныхъ; Бѣлоруссія была пріобрѣтена по праву войны, по праву побѣды. Вопроса о справедливости или несправедливости съ русской стороны и быть не могло.

Екатерина не могла не радоваться пріобрѣтенію Бѣлоруссіи;

она не могла не понимать, что здѣсь сдѣлалось русское дѣло; что здѣсь была заслуга ея для Россіи, заслуга, которая вводила ее въ русскую исторію, въ самую суть этой исторіи, давала ей мѣсто въ знаменитомъ ряду собирателей русской земли; и нельзя не прибавить, что для нея это было очень важно къ сроку совершеннолѣтія ея сына. Но радость не могла быть полною; дѣло отзывалось горечью; здѣсь было блестящее завоеваніе, собираніе русской земли—съ одной стороны, а съ другой — раздѣлъ!

Нельзя было не чувствовать горечи при мысли, что двѣ сосѣднія державы, не участвовавшія нисколько въ борьбѣ, не потерявшія ни одного изъ своихъ подданныхъ ни на Вислѣ, ни на Днѣстрѣ или Дунаѣ, даромъ взяли изъ Польши равныя съ Россіею доли, и при этомъ доля короля прусскаго была гораздо важнѣе по выгодѣ положенія, по видамъ округленія, о которомъ такъ хлопотали всѣ государи и вполнѣ основательно; Пруссія безспорно не расширялась только, а усиливалась, пріобрѣтала еще большее значеніе; французскій министръ съ насмѣшкою указывалъ на это Россіи, и насмѣшку эту надобно было стерпѣть безотвѣтно. Но кромѣ невыгоды политической, кромѣ неравенства долей, кромѣ усиленія Пруссіи, изъ-за котораго Россія не имѣла побужденій хлопотать, кромѣ того, что нарушалось равновѣсіе, во имя котораго произведенъ былъ раздѣлъ, была невыгода другого рода. Противъ присоединенія Бѣлоруссіи по праву войны не могло быть никакого нравственнаго возраженія; но вмѣсто этого явился раздѣлъ: Пруссія и Австрія захватили владѣнія Польши безо всякого права, т.-е. по праву сильнаго, и Россія вошедши съ ними въ договоры по этому предмету, тѣмъ самымъ являлась какъ будто равною въ немъ участницею и принимала отвѣтственность за него; ея безспорное право было затемнено ихъ безправіемъ, сглаживалось, исчезало въ немъ. Фридрихъ проговорился о правѣ Россіи и о своемъ и австрійскомъ безправіи; но эта проговорка надолго погреблась въ архивахъ, а между тѣмъ люди, чувствовавшіе слабое мѣсто, всѣми неправдами старались, да и теперь еще стараются укрѣпить его, выгородить Фридриха и приписать починъ дѣла Екатеринѣ. Русская императрица хорошо знала, что прусскаго короля надобно вознаградить за союзъ, за субсидіи, за содѣйствіе заключенію выгоднаго мира съ Турціею; и такъ какъ его

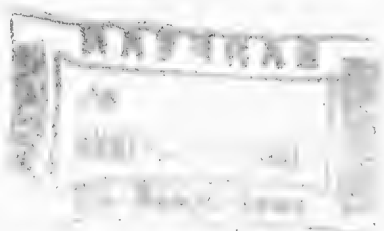
нельзя было вознаградить иначе какъ изъ польскихъ владѣній, то она имѣла для этого въ виду епископство вармійское, за которое Польша могла получить изъ завоеванныхъ у Турціи областей. Но Фридрихъ объявилъ, что изъ-за Варміи не стоитъ хлопотать, и потребовалъ польской Пруссіи, втягивая въ участницы раздѣла Россію и Австрію. Для Екатерины на первомъ планѣ было скорѣйшее заключеніе мира съ Турціею на постановленныхъ ею условіяхъ. Союзникъ, прусскій король долженъ былъ этому содѣйствовать за извѣстное вознагражденіе. Но Фридрихъ вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать видамъ Екатерины, поставилъ на первый планъ свой интересъ и заставилъ Россію служить своимъ цѣлямъ. Онъ долженъ былъ сдерживать Австрію, которая не могла двинуться безъ него и особенно противъ него, это очень хорошо знали въ Петербургѣ: но вмѣсто того, онъ только стращалъ Россію Австріею, повторяя, какъ трудно, невозможно будетъ ему помогать Россіи въ войнѣ; вытребовалъ этимъ средствомъ не только для себя такую важную долю изъ польскихъ областей, но и прямо настоялъ, чтобъ Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи, возвратила ихъ туркамъ, не сдержавъ обѣщанія, даннаго ихъ народонаселенію. Оскорбительно было для самолюбія Екатерины видѣть себя орудіемъ для достиженія чужихъ цѣлей, цѣлей государя, котораго считала своимъ вѣрнымъ союзникомъ; видѣть, какъ этотъ вѣрный союзникъ не только заставилъ ее служить своимъ интересамъ, но и прямо шелъ противъ ея интересовъ въ вопросѣ о Молдавіи и Валахіи; она не могла забыть, какъ онъ отнесся къ ея условіямъ мира, смягчился только когда стали соглашаться, чтобъ онъ взялъ то, что хотѣлъ, но и тутъ постарался вычеркнуть одно изъ самыхъ существенныхъ мирныхъ условій, условіе о дунайскихъ княжествахъ; Екатерина не могла забыть, какъ невнимательно отнесся онъ къ переговорамъ съ Портою, какъ совѣтовалъ равнодушіе къ шведскому перевороту. Оскорбительно было для Екатерины видѣть, какъ результаты тяжкой войны, результаты Ларги, Кагула, Чесмы, завоеванія Крыма, побѣдъ Суворова въ Польшѣ ослаблены равнодушіемъ и даже явнымъ противодѣйствіемъ союзника, который заботился только о собственныхъ интересахъ, воспользовался русскими побѣдами, русскою кровью, для выгоднаго округленія своего государства. Французскій повѣренный въ

дѣлахъ Дюранъ доносилъ своему двору, что русскіе люди особенно упрекаютъ гр. Панина за усиленіе Пруссіи; Григорій Орловъ говорилъ публично, что люди, составлявшіе раздѣльный договоръ, заслуживаютъ смертную казнь; Панинъ самъ признавался, что обстоятельства завели его далеко, противъ желанія [255].

Такимъ образомъ въ то время, когда союзъ между Россіею и Пруссіею, повидимому, скрѣплялся окончательно польскими отношеніями, въ сущности онъ былъ подорванъ, и прежде всего онъ былъ подорванъ во взглядѣ Екатерины на прусскія отношенія. Увѣренія Фридриха въ своей благодарности, въ готовности отслужить Россіи за содѣйствіе въ пріобрѣтеніи такой выгодной доли при раздѣлѣ Польши, теперь должны были казаться насмѣшкою. Екатерина молчала и долго еще должна была молчать; долго обстоятельства, политическія *конъюнктуры* будутъ заставлять ее продолжать старую систему, не позволятъ выразить своихъ настоящихъ чувствъ къ прусскому королю; но эта необходимость долго скрывать свои настоящія чувства не могла ослабить ихъ, особенно когда въ послѣдствіи присоединились сюда и другія еще побужденія. Намъ, удаленнымъ отъ событій на цѣлое столѣтіе, могущимъ слѣдовательно смотрѣть на нихъ совершенно спокойно, представляется естественный вопросъ: за что же было сердиться на государя, который предпочиталъ свои интересы чужимъ, который не хотѣлъ усиливать сосѣдей, и безъ того уже по его мнѣнію сильныхъ и опасныхъ? Надобно было заранѣе предположить такое поведеніе, какъ необходимое и поступать съ величайшею осторожностію, особенно имѣя дѣло съ Фридрихомъ II. Но легко такъ разсуждать намъ, по прошествіи вѣка; очень трудно достигнуть такого спокойнаго взгляда дѣятелямъ въ пылу ихъ дѣятельности, въ пылу страстей, возбужденныхъ этою дѣятельностію. Измѣнена была старая система: союзъ съ Австріею и Франціею былъ нарушенъ въ пользу Пруссіи. Перемѣну системы старались оправдать тѣмъ, будто бы при старой системѣ были прикованы къ Австріи, служили ея интересамъ. Теперь чувствовалась возможность взгляда, что при новой системѣ эта зависимость отъ чужихъ интересовъ гораздо явственнѣе. Человѣкъ обыкновенно сердится на другихъ, когда долженъ сердиться на самого себя.

Фридрихъ II-й, повидимому, укрѣпилъ себя въ Петербургѣ хоро-

шо: въ Чернышевѣ не замѣчалось колебаній относительно прусскаго союза, колебанія могли произойти развѣ по отношеніямъ къ Панину; послѣдній, никѣмъ не сдерживаемый въ родѣ Сальдерна, окончательно поддался прусскому вліянію; Григ. Орловъ потерялъ фаворъ: «Вотъ графъ Орловъ въ формальной немилости, писалъ принцъ Генрихъ брату: этотъ человѣкъ только мутилъ дѣлами, и я въ восторгѣ отъ его удаленія по интересу, какой принимаю въ союзѣ между вами и Россіею»[256]. Фридрихъ однако не успокоивался: онъ боялся интригъ Франціи, боялся сближенія Австріи съ Россіею, и велъ въ Петербургѣ борьбу противъ этихъ опасностей. Но, несмотря на всю свою проницательность, онъ не обратилъ должного вниманія на пунктъ соединенія русскихъ интересовъ съ австрійскими, на основаніи котораго рано или поздно долженъ былъ произойти союзъ между Россіею и Австріею. Мы видѣли, какъ Фридрихъ спокойно смотрѣлъ на условіе о независимости Крыма и старался на его счетъ успокоить Австрію. Онъ предвидѣлъ и, съ одной стороны нисколько не ошибался, что татарская независимость вовлечетъ Россію въ большія хлопоты; но Фридрихъ не вывелъ заключенія, что эти хлопоты отвлекутъ вниманіе русскаго правительства отъ сѣвера и сѣверозапада на югъ и югозападъ, а это естественно уже ослабитъ значеніе прусскаго союза; польскія отношенія удалятся на задній планъ, и на первый выступятъ турецкія; для избавленія себя отъ хлопотъ, вызванныхъ крымскою независимостію, для окончательнаго рѣшенія вопроса въ свою пользу присоединеніемъ Крыма Россія должна была обратить все свое вниманіе на Австрію, обезпечить себя отъ ея противодѣйствія, заручиться ея помощію, и для этого вступить съ нею въ союзъ, войти въ ея интересы, причемъ прусскій союзъ былъ уже невозможенъ. Такимъ образомъ то изъ екатерининскихъ условій турецкаго мира, которое нисколько не безпокоило Фридриха, ибо онъ видѣлъ въ немъ только источникъ затрудненій для Россіи, и, наоборотъ, чрезвычайно безпокоило вѣнскій кабинетъ своими результатами, это условіе повело Россію къ разрыву прусскаго и заключенію австрійскаго союза; личныя отношенія Екатерины могли только этому способствовать, ибо для нея прусскій союзъ рушился въ 1772 году.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Сборн. Русск. Истор. Общ. II, 295, X, 302, 307; XX, 246.

2. Прибавленіе къ № 1 Москов. Вѣдомостей 1769 года.

3. Петербургскія Вѣдомости № 3, 1769 года. — Объ Осиненномъ Екатерина писала Ив. Григ. Чернышеву: „Моя же нынѣ есть забава тотъ самый мальчикъ, отъ котораго ко мнѣ привита оспа; всѣ признаютъ, что отъ роду не видывали повѣсы, подобной Александръ Данилова сына Осипина: рѣзовъ до бѣшенства, уменъ и хитеръ не по лѣтамъ, смѣлъ до неслыханной дерзости; никогда не коротокъ, ни въ отвѣтахъ, ни въ выдумкахъ, ему же шестой годъ и мальчикъ клопъ. Братъ вашъ, гр. Зах. Григор., гр. Гр. Григорьевичъ (Орловъ) и самый Кирилла Григорьевичъ (Разумовскій) часа по три такъ какъ и мы всѣ, по земли съ нимъ катаемся и смѣемся до устали. Если вы хотите знать, кому онъ принадлежитъ, то братъ вашъ говоритъ, что со временемъ онъ займетъ мѣсто Бецкаго, и не спрашивайте меня больше“. Русск. Архивъ, 1871 года, № 9.

4. Знаменитаго фельдмаршала князя Михайла Михайловича.

5. Письма къ Солтыкову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; къ Чернышеву Русск. Арх. 1871 г. № 9.

6. Сборникъ Русск. Истор. Общ. X. 302.

7. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

8. Архивъ Госуд. Совѣта, I, годъ 1768. — Русск. Архивъ 1871, № 9. Сборн. Русск. Истор. Общ. II, 284; XII, 461. — Дѣло о Саро въ Госуд. Архивѣ.

9. Письмо въ Госуд. Архивѣ.

10. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 323.

11. Пол. Собр. Зак. № 13195.

12. Журналы Сената, 9-го декабря 1768.

13. Пол. Собр. Зак. № 13219.

14. Тамъ же № 13222, 13223.

15. Журналы Сената, 19 ноября 1768.

16. Донесеніе кн. Вяземскаго о расходахъ на первую турецкую войну въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

17. Относительно подробностей военныхъ дѣйствій во все продолженіе войны см. Geschichte des gegenwertigen Krieges zwischen Russland, Polen und ottomanischen Pforte 1771—1774.—Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie, 1773.—Петрова—Война Россіи съ Турціей и польск. конфедератами.

18. Сборн. Рус. Истор. Общ. X, 335.

19. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

20. Тамъ же, рескриптъ отъ 26 мая.

21. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 350.

22. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Письмо изъ лагеря близь Буга, 11 іюля.

23. Архивъ Госуд. Сов. I, 31.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 416.

24. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 354.—Неудовольствіе на неудачу Голицына высказалось въ политической сатирѣ, которая ходила въ обществѣ. „По отступленіи отъ Хотина Голицынъ былъ такъ встревоженъ, что не могъ спать по ночамъ. Въ одну изъ такихъ безсонныхъ ночей онъ услыхалъ при дверяхъ своей палатки слѣдующій разговоръ. Старый солдатъ разсказывалъ караульному свой сонъ. Мнѣ снилось, говорилъ онъ, что я убитъ въ сраженіи и явился у небесныхъ вратъ. Апостолъ Петръ пришелъ съ ключами, разбудилъ Господа Бога и объявилъ Ему, что на землѣ идетъ большая война между русскими и турками.— А кто начальствуетъ русскими? спросилъ Богъ. Графъ Минихъ, отвѣчалъ св. Петръ. Въ такомъ случаѣ, сказалъ Господь, я могу идти спать.— Я проснулся продолжалъ солдатъ, но заснулъ снова и вижу другой сонъ, снова будто я убитъ, и стою при вратахъ небесныхъ, но война не старая Миниxова, а настоящая. Опять Господь спрашиваетъ апостола Петра, кто начальствуетъ русскими, и когда тотъ отвѣчалъ, что кн. Голицынъ, то Господь сказалъ: „Дайте мнѣ сапоги, потому что теперь безъ меня дѣло не обойдется.“ И скоро послѣ того турецкій мостъ на Днѣстрѣ былъ снесенъ рѣкою. Anecdotes of the russian empire 110.

25. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, стр. 389.

26. Тамъ же, стр. 360.

27. См. письма, напечат. въ собраніи сочин. Екатерины II, изд. Смирдина, III, стр. 200 и слѣд.

28. Тамъ же.

29. Грузинскія дѣла въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. 1768 и 1769 годовъ.—Буткова—Матеріалы для новой исторіи Кавказа, I, 275 и слѣд.

30. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

31. Донесеніе въ Государ. Архивѣ.

32. См. объ этомъ въ Истор. Россіи XXVII, 160.
33. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 356.
34. Архивъ Госуд. Совѣта, I, 7.
35. Письмо отъ 3 декабря 1768 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
36. Тамъ же.
37. Исторія Россіи XXVI, 127.
38. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.—Русск. Арх. 1871 годъ, № 9.
39. Москов. Архивъ Мин. И. Д.
40. Тамъ же. Дѣла датскія и англійскія 1769 года.
41. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 390.
42. Исторія Россіи, XXVII, 278.
43. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.—Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 2 и слѣд.—Памятники новой русск. истор. I, 142.
44. Разсказъ архимандрита Аввакума въ Вѣнѣ кн. Дмитр. Мих. Голицыну; разсказъ Софронія; извѣстіе графа Cattaneo изъ Венеціи; реляція Антонія Ренье, генеральнаго провизора Далмаціи—въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.—Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 16.
45. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.—Сборн. Рус. Истор. Общ. I, 15.
46. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.
47. Дѣла венеціанскія 1769 года.
48. Рукопись И. Публич. Библіот. № 40, Q, IV. — Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ.
49. Дѣла венеціанскія 1769 года.—Между бумагами Екатерины находится собственноручное французское письмо ея адресованное: „Храбрымъ корсиканцамъ, защитникамъ отечества и свободы, и особенно генералу Паскалю Паоли“. Письмо подписано: „Ваши искренніе друзья, жители Сѣвернаго Полюса“. Какъ видно при письмѣ посылались деньги. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 342.
50. Письмо отъ 4 апрѣля. См. дѣла венеціанскія 1769 года.
51. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 1769 годъ. Газеты выводили иногда Екатерину совершенно изъ терпѣнія; доказательствомъ служитъ слѣдующая записка ея Панину: „Vous ferez fort bien d'Ordonner ou à Gross ou à Simolin de faire promettre au gazettier de Cologne, cent coup de baton s'il continuera à écrire sur le ton qu'il a pris, car il se pique de ne dire que des impertinences sur notre compte et cela va toujours en augmentant.“
52. Извѣстіе отъ 21 іюня въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.—Договоръ конфедератовъ съ Портою былъ пересланъ во Францію Жерaромъ изъ Данцига.
53. Beer—Die erste theilung Polens, I, 238, 239.
54. Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 411, 412.
55. Архивъ Госуд. Совѣта, I, 11.

56. Исторія Россіи XXVII, 298.

57. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

58. Дѣла польскія конца 1768 и начала 1769 года.—Бумаги Огинскаго въ Госуд. Архивѣ.

59. Beer, I, 243.

60. Намекъ на примаса.

61. Дѣла польскія 1769 года.

62. Письмо Фридриха къ брату, принцу Генриху. Oeuvres, XXVI, 312.

63. Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 253.

64. Beer, I, 269.

65. Дѣла прусскія 1769.

66. Max Duncker—Aus der Zeit Friedrich's des Grossen 167, 168.

67. Raumer-Beiträge, IV, 230.

68. Beer Documenta, № I.

69. Mémoires de Frédéric II, II, 314.

70. Beer—I, 293.

71. Arneth—Maria Theresie und Joseph II, I, 300.

72. Дѣла прусскія 1769 года.—Когда турки бѣжали отъ Хотина, и русскіе заняли Дунайскія княжества, Фридрихъ помѣстилъ въ своихъ запискахъ такой отзывъ о кампаніи: „Генералы Екатерины не имѣли никакого понятія о кастрометріи и тактикѣ, генералы султана имѣли еще меньше познаній; чтобъ получить правильное понятіе объ этой войнѣ, надобно представить себѣ кривыхъ, которые поколотивши слѣпыхъ, берутъ надъ ними рѣшительный верхъ".

73. Дѣла французскія 1769 года. — Бумаги, доставл. Тургеневымъ въ Госуд. Арх.

74. Beer—Documenta, № II, III.

75. Дѣла французскія 1769 года.

76. Дѣла датскія 1769 года.

77. Дѣла шведскія того же года.

78. Дѣла англійскія того же года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 460.—Русск. Архивъ 1871 годъ, № 9.

79. Собственноручная замѣтка императрицы въ Госуд. Архивѣ.

80. Сборн. Рус. Истор. Общ. X, 401.

81. Сочиненія Екатер. II-й, т. III, стр. 207.

82. Тамъ же, стр. 206.

83. Архивъ Государ. Совѣта, I, 39.—Сборн. Рус. Истор. Общ. X, 407.

84. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.—Чтенія въ Москов. Истор. Общ. годъ 1865, кн. II.

85. Сочиненія Екатерины II-й, т. III, стр. 215.

86. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 425.

87. Тамъ же, стр. 427.

88. Архивъ Государ. Сов. I, 43.
89. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.
90. Исторія Россіи VI, стр. 105 и слѣд.
91. Крымскія дѣла въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
92. Записки Гидрографическаго Департамента, VII, 248.
93. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 413.
94. Тамъ же, I, 29 и слѣд.
95. Записки Гидрограф. Департ. VII, 249—254.
96. Тамъ же, стр. 255.
97. Тамъ же, стр. 281.
98. Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 50.
99. Тамъ же, стр. 54 и слѣд.; Сочиненія и. Екатерины II, т. III, стр. 220.
100. Государ. Архивъ.
101. Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 61.
102. Тамъ же. Письмо помѣщено не на мѣстѣ. Выраженіе „*паки* сожженъ показываетъ, что письмо написано послѣ извѣстія о чесменскомъ происшествіи, а упоминовеніе въ концѣ о московскихъ событіяхъ заставлаетъ относить письмо еще ко болѣе позднему времени.
103. Государ. Архивъ. — Въ протоколахъ Совѣта за 1773 годъ, 28 февраля читаемъ: Читано: изъ Лондона о требованіяхъ бывшаго въ здѣшней службѣ контръ-адмирала Ельфинстона и о его угрозахъ открыть въ свое оправданіе всѣ даванныя ему наставленія. Совѣтъ признавалъ за нужно, чтобъ сей безпокойный человѣкъ скорѣе удовольствованъ былъ.
104. Москов. Архивъ Мин. Иностр. Д.
105. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 441.
106. Архивъ Государ. Сов. I, 52 и слѣд.
107. Mémoires de Fredéric, II, 335.—Max Duncker, 176.
108. Исторія Россіи XVII, 378; XVIII, 109. — Droysen-Friedrich I, 287—350.
109. Исторія Россіи XX, 32.
110. Тамъ же, XXV, 334.
111. Тамъ же, стр. 314.
112. Arneth—Maria Theresia's letzte Regierungszeit II, 33.
113. Тамъ же, стр. 37.
114. Duncker—Aus der Zeit Friedr. des Gross. 188. Oeuvres, XXVI, 313.
115. Arneth, 570.
116. Beer—die erste Theilung Polens, I, 311.
117. Beer—die Zusammenkünfte Josefs II, und Friedrichs II, 115.
118. Тамъ же.

119. Beer—die erste Theilung, II, 49.
120. Arneth—Maria Theresia und Joseph II, I, 316.
121. Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 274.
122. Архивъ Госуд. Сов. I, 59.
123. Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 277.
124. Тамъ же, 271.
125. Anecdotes of the russian empire, 326.
126. Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 62.
127. Anecdotes of the russian empire, 327.
128. Oeuvres de Frédéric le Grand, XXVI, 320, 326, 330.
129. Эта переписка принца Генриха приведена у Дункера 211, 212.
130. Тамъ же, 213, 214.
131. Oeuvres, XXVI, 337.
132. Duncker, 218.
133. Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 284.—Относительно послѣднихъ словъ Екатерины, указывающихъ на Силезію, любопытно слѣдующее извѣстіе. Еще весною 1768 года, когда пошли слухи о возможности разрыва между Россіею и Портою, саксонскій министръ при петербургскомъ дворѣ Сакенъ доносилъ своему правительству, будто гр. Чернышевъ внушаетъ кн. Лобковичу, какъ пріобрѣтеніе Бѣлграда съ округомъ выгоднѣе для Австріи, чѣмъ пріобрѣтеніе Силезіи, отошедшей къ Пруссіи. Изъ отвѣтовъ Лобковича можно было догадываться, что его дворъ почти одинаковаго мнѣнія. Депеша Сакена у Германа Gesch. des russ. Staats V, 694.
134. Oeuvres XXVI, 344.
135. Тамъ же, 326, 327, 335.—Beer—Friedrich II und van Swieten 1—9.
136. Duncker, 220, 228.
137. Тургеневскія выписки въ Госуд. Архивѣ.
138. Oeuvres, XXVI, 345, 346.
139. Русск. Архивъ, 1867 года, № 4.
140. Correspondance secrète de Louis XV, I, 154.
141. Кн. I, гл. VII и VIII.
142. Дѣла польскія 1770 года.—Duncker, 226.—Французскій агентъ въ Варшавѣ писалъ Шуазёлю, что Волконскій лично сердитъ на Чарторыйскихъ, ибо ему передали, что канцлеръ Литовскій назвалъ его ограниченнымъ человѣкомъ. Волконскій не скрывалъ желанія покинуть Польшу. Панинъ противъ воли отозвалъ Репнина, своего племянника и, принужденный замѣнить его Волконскимъ другомъ Орлова, давалъ новому послу указы неопредѣленные, на основаніи которыхъ нельзя было ничего сдѣлать, чтобъ безполезностію его посольства доказать превосходство Репнина, котораго Панинъ опять хотѣлъ послать въ

Польшу. — Въ этомъ извѣстіи нельзя отрицать извѣстной доли правды, извѣстнаго освѣщенія петербургскихъ отношеній.

143. Oeuvres XXVI, 315, 323.

144. Дѣла шведскія 1770 года.

145. Дѣла датскія 1770 года.

146. Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, 43, 44, 56.

147. Тамъ же, XIX, 20—167.

148. Тамъ же, XIII, годъ 1770.

149. Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Записка 7 іюня 1770 года.

150. Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 288.

151. Госуд. Архивъ.

152. Архивъ Государ. Совѣта, I, конецъ 1770 года.

153. Сочиненія Екатерины II, томъ III, стр. 224 и слѣд.

154. Архивъ Государ. Сов. I, 68; Соч. Екат. II-й, III, 226.

155. Петрова—Война Россіи съ Турціей, III, гл. 3, 4.

156. Сочин. Екатер. III, 228.

157. Чтенія Москов. Общ. Исторіи 1865 года, кн. II.

158. Сборн. Рус. Истор. Общ. XIII, 116.

159. Сочин. Екатер. II-й, т. III, стр. 231.

160. Сборн. Русск. Истор. Общ. V, 145; XIII, 159.

161. Въ другомъ донесеніи Каткартъ выражается еще рѣзче: The command of the second army given to pr. Dolgoroucky, a man called a beast by all parties. Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 160.

162. Архивъ Госуд. Совѣта, годъ 1771.

163. Дѣла крымскія 1771 года.

164. Тамъ же.

165. Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, 128.

166. Дѣла крымскія 1771 года.—Архивъ Государ. Сов. того же года.

167. Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ.

168. Архивъ Госуд. Совѣта, II, стр. 773 и слѣд.

169. Тамъ же, I, стр. 368 и слѣд.—Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 65.

170. Записки Гидрограф. Департамента, VII, 228—346.

171. Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 297.

172. Oeuvres XXVI, 349.

173. Москов. Арх. Мин. Ин. Д. — Ср. мою „Исторію паденія Польши", стр. 148.

174. Oeuvres, XXVI, 349.

175. Friedrich II und van Swieten, 21.

176. Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 307.

177. Oeuvres XXVI, 350.—Beer—die erste Theilung, II, 58—62.

178. Москов. Арх. Мин. Ин. Д.—Ср. Исторію паденія Польши, стр.

132 и слѣд.—Также: Smitt—Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne II, 12 et squi. — Oeuvres XXVI, 351. — Friedrich II und van Swieten 9—25.

179. Дѣла польскія 1771 года: письмо Панина къ Сальдерну отъ 11 іюня.—Архивъ Госуд. Сов. подъ означенными числами.

180. Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

181. Arneth—Maria Theresia's letzte Regierungszeit, II, 307. — Maria Theresia und Joseph II; I, годъ 1771.

182. Arneth—Maria Theresia's letzte Regierungszeit, II, Capit. X.

183. Депеша Сольмса 19—31 іюля (Beer-die erste Theilung Pol. II, 85).

184. Friedrich II und van Swieten, 25—28.—Maria Ther. letzt. Regierungszeit, II, 314.

185. Архивъ Госуд. Совѣта.

186. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.—Архивъ Госуд. Совѣта, I, 112.

187. Friedrich II und van Swieten 30—42.

188. Oeuvres, XXVI, 354.

189. Maria Theresia und Joseph II; I, 314—316. — Arneth. Mar. Ther. letzt. Regier. II, 319, 328.

190. Письмо Голицына къ Панину 14—25 октября въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

191. Архивъ Госуд. Сов. I, 115.

192. Friedrich II und van Swieten 43—52.

193. Архивъ Госуд. Совѣта I, 120, 126.

194. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Письмо отъ 5 декабря.

195. Friedrich II und van Swieten, 52.

196. Smitt. Frédéric. II etc. 80, 85.

197. Дѣла польскія 1771 года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 176.

198. Дѣла шведскія того же года.

199. Дѣла датскія того же года.—Raumer—Beiträge, III, 157.

200. Дѣла англійскія того же года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, годъ 1771.

201. Архивъ Госуд. Совѣта подъ означ. числами.

202. Arneth—Mar. Ther. letzte Regierungszeit, II, 338—350.

203. Maria Ther. und. Ioseph II; I, 361.

204. Тамъ же, 362.

205. Эти приготовленія дѣлались по совѣту Кауница. Mar. Ther. letzte Regierungszeit, II, 439, 442, 444—455.

206. Архивъ Госуд. Совѣта.

207. Дѣла турецкія 1772 года.—Сбор. Русск. Истор. Общ. XIII, 258, 271. Гр. Дмитріевъ-Мамоновъ въ замѣчаніяхъ своихъ на книгу Кастéра (Русск. Арх. 1877, № 12) разсказываетъ, будто Румянцевъ сказалъ Орлову, что почитаетъ себя въ правѣ продолжать переговоры и запре-

щаетъ ему воздвигать препятствія, несогласныя съ выгодами и достоинствомъ имперіи. Въ отвѣтъ на это Орловъ будто грозилъ Румянцеву, что онъ велитъ его повѣсить и хотѣлъ отнять у Румянцева команду, а тотъ объявлялъ, что вышлетъ его изъ Фокшанъ и изъ арміи. Стóило будто необыкновенныхъ усилій, чтобъ дѣло не дошло до крайности, и случай вышелъ неслыханный: Османъ-эфенди, непріятельскій уполномоченный употребилъ свое посредничество, чтобъ возстановить согласіе между Румянцевымъ и Орловымъ.—Но прежде всего замѣтимъ, что Румянцева въ Фокшанахъ во время переговоровъ не было, и потому Османа-эфенди съ его посредничествомъ надобно оставить совершенно въ покоѣ. Мы не отвергли бы извѣстія о столкновеніи Орлова съ Румянцевымъ, еслибы оно было показано въ Яссахъ, куда Орловъ уѣхалъ изъ Фокшанъ и гдѣ былъ Румянцевъ. Дѣйствительно послѣдній желалъ мира и былъ противъ „новаго удара“, т.-е. перехода черезъ Дунай; тогда какъ Орловъ былъ постоянно за „ударъ“, который могъ бы повести къ заключенію мира на всей волѣ Россіи.

208. Чтенія Москов. Истор. Общ. годъ 1865, кн. II.

209. Дѣла крымскія 1772 года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, 190, 201, 227.

210. Friedr. II und v. Swieten, 55.

211. Дѣла австрійскія 1772 года.

212. Friedr. II und v. Swieten, 66.

213. Дѣла прусскія 1772 года.

214. Bibliothèque des archives diplomatiques. Pologne, 97.

215. Сборн. Рус. Истор. Общ. XX, 315 и слѣд.

216. Duncker—Aus der Zeit Friedr. des Gross. 255.

217. Beer—die erste Theilung polens, II, 164; Arneth—Mar. Ther. letzte Regierungszeit II, 369.

218. Дѣла австрійскія 1772 года.

219. Maria Theresia und Ioseph II, I, 367.

220. Дѣла австрійскія 1772 года.

221. Дѣла прусскія 1772 года.

222. Friedr. II und van Swiet. 71.

223. Дѣла прусскія 1772 года.—Baumer—Beiträge, IV, 493.

224. Oeuvres XXVI. 359.

225. Maria Theres. und Ioseph II, I, 369—373.

226. Донесеніе Бибикова и. Екатеринѣ въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

227. Дѣла прусскія 1772 года.—Beer—die erste Theil II, 182.

228. Мартенсъ—Собраніе трактатовъ и конвенцій, II. 24.

229. Дѣла прусскія 1772 года.

230. Тамъ же.

231. Дѣла польскія 1772 года.

232. Friedr. II und v. Swiet. 21.
233. Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 326.
234. Тамъ же, 292.
235. Дѣла польскія 1772 года.—Beer—die erste Theil. II, 202.
236. Сборн. Русск. Истор. Общ. XX, 256.
237. Дѣла французскія 1772 года.
238. Arneth—Mar. Theres. letzte Regierungszeit, II, 360.
239. Correspond. secrète de Louis XV, I, 160, 425, 430, 436.
240. Arneth et Geffroy—Marie Antoinette. Correspond. secrète et. c. I, 298, 305, 307, 352.
241. Дѣла французскія 1772 года.
242. Дѣла шведскія 1772 года.—Geffroy—Gustave III et la cour de France, I, 154 et squ.
243. Сочиненія Екат. II-й, III, 229.
244. Архивъ Госуд. Сов. подъ означенными числами.
245. Дѣла прусскія 1772 года.
246. Oeuvres XXVI, 359, 360.
247. Письмо въ Государ. Архивѣ.
248. Москов. Арх. Мин. Ин. Д.
249. Дѣла прусскія 1772 года.
250. Дѣла шведскія 1772 года.
251. Архивъ Госуд. Сов. I, 209.
252. Дѣла прусскія 1772 года
253. Дѣла датскія 1772 года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. XIII, 220 237, 239.
254. Сборн. Русск. Истор. Общ. XIX, 264—334.
255. Baumer—Beiträge, IV, 515.
256. Oeuvres XXVI, 361.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Г. САМАРЫ

ИСПРАВЛЕНІЯ.

Стран.	*строка.*	*Напечатано*	*Должно читать:*
19	3	за военные подвиги.	за военные подвиги (26 ноября 1769 года).
37	22	утвердить	утвердитъ
46	14	прогнавшаго	прогнавшій
47	10	объявивъ	объявилъ
53	9	по всей	на всей
66	28	правды	правдѣ
89	31	внушило	внушила
90	33	нуждалась	нуждались
106	5	предупредѣлили	предупредили
121	1	Слово	Слова
127	32	Майнотовъ и	Майнотовъ,
132	10	и Долгорукій	Долгорукій
164	16	вліянія	вліянія ея
179	38	мужчины	мужчинъ
199	20	соблюдаются	соблюдается
201	4	въ числѣ	въ челѣ
208	3	недовольныхъ,	недовольныхъ
—	—	такими	такими,
210	14	первого и самого	перваго и самаго
220	33	въ какомъ	въ какой
232	35	когда уже	куда уже
235	30	генералъ	генерала
253	27	идущемъ	идущимъ
288	17	Борохъ	Борхъ
315	22	прусскаго	польскаго
316	27	они	она
366	12	Бибикову	ему, Бибикову
367	6	для Австріи	для Австріи, остался безъ вознагражденія.
381	19	сблизила	сблизилъ
—	32	разстроенный	разстроенной
391	29	Мы видимъ	Мы видѣли
409	16	не появится	появится
413	33	Тогда	Когда

